

Министерство образования и науки Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ГОД РОДНЫХ ЯЗЫКОВ
И НАРОДНОГО ЕДИНСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

2021

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА
ТУГАН ТЕЛЛӘР ҺӘМ
ХАЛЫКЛАР БЕРДӘМЛЕГЕ ЕЛЫ

**СИСТЕМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛГО-УРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
XVI–XIX вв.**

ВЫПУСК 1

Казань – 2021

Татарстан Республикасы Мәгариф һәм фән министрлыгы
Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең
Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты

ГОД РОДНЫХ ЯЗЫКОВ
И НАРОДНОГО ЕДИНСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

2021

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА
ТУГАН ТЕЛЛӘР ҺӘМ
ХАЛЫКЛАР БЕРДӘМЛЕГЕ ЕЛЫ

**XVI–XIX ГАСЫРЛАРДА
ИДЕЛ–УРАЛ ҺӘМ КӨНБАТЫШ СЕБЕРДӘ
ЖИРБИЛӘУ СИСТЕМАСЫ
ҺӘМ СОЦИАЛЬ КАТЕГОРИЯЛӘР**

1 ЧЫГАРЫЛЫШ

Казан – 2021

Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan
Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

ГОД РОДНЫХ ЯЗЫКОВ
И НАРОДНОГО ЕДИНСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

2021

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА
ТУГАН ТЕЛЛӘР ҺӘМ
ХАЛЫКЛАР БЕРДӘМЛЕГЕ ЕЛЫ

**LAND TENURE SYSTEM AND SOCIAL CATEGORIES
AMONG THE POPULATION OF THE VOLGA-URAL
REGION AND WESTERN SIBERIA FROM
THE SIXTEENTH TO THE NINETEENTH CENTURY**

ISSUE 1

Kazan – 2021

УДК 94(47+57).04/08
ББК 63.3(2)43-04
С 40

*Издание осуществлено в рамках
Республиканского плана основных мероприятий
по проведению в 2021 году в Республике Татарстан
Года родных языков и народного единства*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Шеф-редактор издания

Р.Р. Салихов

Редакционная коллегия:

Р.Р. Салихов, И.М. Миргалеев, Р.Р. Исхаков, Г.Х. Самигулов,
А.Ю. Конев, А.В. Аксанов, Л.Ф. Байбулатова, Т.Р. Галимов

Рецензенты:

Б.И. Измайлов, Д.Н. Маслюженко

**С 40 Система землевладения и социальные категории населения
Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Вып. 1. –**
Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. – 448 с.

ISBN 978-5-94981-359-1

В данном научном сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.», прошедшей в Казани 16 марта 2021 года. Книга посвящена изучению системы землевладения народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. в контексте социальных и этнических трансформаций, происходивших на протяжении этого времени.

ISBN 978-5-94981-359-1

УДК 94(47+57).04/08
ББК 63.3(2)43-04

© Авторы, 2021
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Салихов Р.Р. Предисловие	7
Почекаев Р.Ю. Гарантии владельческих прав в ярлыках ханов тюрко-татарских государств	9
Миргалеев И.М. К вопросу о термине <i>асаба</i>	26
Сайфетдинова Э.Г. Форма доходов с землевладения (икта) в армии мамлюкского Египта	35
Галимов Т.Р. К вопросу об истоках и развитии вотчины: «отчина» по древнерусским источникам	41
Беляков А.В. Вотчины в Среднем Поволжье XV–XVII вв. (на примере Мещеры)	60
Исхаков Р.Р. К вопросу о периодизации формирования института вотчинного землевладения в Западном Приуралье	75
Аксанов А.В. Башкиры в XV–XVII вв.: этническая миграция и этносоциальная трансформация	84
Масагутов Р.Ф. Развитие поместной системы землевладения служилых татар Ногайской дороги Казанского уезда в XVI–XVII вв.	101
Акчурин М.М. «Тюменский мед» в государстве Казанском как пережиток административной системы ханской эпохи	111
Самигулов Г.Х. Ясак, оброк, вотчина – ясачное население Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XVIII вв.	118
Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. Особенности колонизации Среднего Поволжья в конце XVI – первой половине XVII века: на примере Князь-Аклычевой сотни Свияжского уезда	130
Ногманов А.И. Российское законодательство XVII в. о землевладении татарского населения Среднего Поволжья	148
Барахович П.Н. Из истории владения угодьями ясачными людьми Енисейского и Красноярского уездов в XVII–XVIII вв.	161
Конев А.Ю. Между этничностью и сословностью: ясачное население Западной Сибири в XVII–XIX вв.	180
Напольникова П.К. Вотчины цнинской мордвы	194
Акчурин М.М., Парадеев Е.И. «Сайдак против Пуда»: вотчины как старинная форма оклада служилых татар Мещеры	201
Биккинин И.Д. Родословные служилых татар и мурз в исследовании истории «Алты авыл»	219

Корчагин П.А. Пропавшие грамоты или вотчинное землевладение в Верхнем Прикамье XV–XVII вв.	232
Пузырев И.Д. К вопросу о землевладении сибирских бухарцев	248
Асочакова В.Н. Землевладение и землепользование ясачного населения в Хакаско-Минусинском крае (XVIII–XIX вв.): некоторые аспекты	271
Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии в контексте аграрной политики государства в XIX – начале XX в.	283
Гиниятов И.Г. К вопросу башкирского вотчинного землевладения	309
Шакиров Р.К., Акчурин М.М. Переселение каринских татар в Восточное Предкамье: трансформация социального статуса	330
Ахунов М.Г. Касимовские татары в Приуралье	343
Каримов Т.Т. К вопросу о вотчинниках и поселениях Юрминской поземельной волости	358
Гиниятов И.Г. К специфике земельных отношений в уездах «исторического Башкортостана»	376
Аминов Р.Р. Демографическое развитие и сословная структура д. Стерлибашево в конце XVIII – первой половине XIX вв.	398
Самрина Е.В. К вопросу о сословии «инородцев» в социальной структуре Российской империи	412
Байбулатова Л.Ф. К проблеме земельной собственности Ризаэтдина Фахретдинова	422
Загидуллин И.К. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. и вопросы мобилизации мусульманского сообщества Волго-Уральского региона	428
Решение круглого стола Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»	445
The Decision of the Round Table held within the framework of the All-Russian Research Conference “Formation and Development of Ethno-social Groups among the Peoples of the Volga-Ural Region and Western Siberia from the seventeenth to the nineteenth century”	446

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение этнической и социальной истории России в последние десятилетия актуализировалось в связи с методологическим поворотом, открытием новых источников и ростом интереса к этим отраслям науки. Несмотря на то, что корпорация отечественных историков уже много лет находится в свободном методологическом плавании, принципиального пересмотра формационного взгляда на проблему не произошло. В то же время дискуссия, начавшаяся на страницах журнала «Золотоордынское обозрение» вокруг вопроса о «ясачных людях», «вотчинном праве» и «иноземцах», показывает, что накопилось множество новых сведений, не согласующихся со сложившимися концептами. Данные источников указывают на то, что Московское государство, присоединяя постордынские ханства, долгое время существенно не меняло административно-хозяйственные и социальные механизмы на местах. Поэтому возникла необходимость более детального рассмотрения проблемы преемственности в системе иммунитетных и земельных жалований в тюрко-татарских государствах и России. Исходя из этого, очевидно и то, что этнические и социальные институты народов Поволжья и Приуралья XVII–XIX вв. необходимо изучать, учитывая опыт социально-политической истории Улуса Джучи. При этом особое внимание обращено на социальные трансформации, происходившие на протяжении этого времени. Особый интерес представляет процесс разложения сословной системы и формирования на ее основе новых этно-национальных образований, начавшийся в пореформенный период. Непонимание этих особенностей исторического развития приводит к прямому сопоставлению современных народов с одноименными социальными единицами Российской империи, что вызывает серьезный общественно-политический резонанс.

Эти и некоторые другие проблемы были рассмотрены объединёнными усилиями ведущих специалистов данной отрасли знаний 16 марта 2021 г. на прошедшей в Казани научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.». В данном научном сборнике представлены материалы этой конференции, а также статьи, предоставленные в рамках проекта по написанию новой коллективной монографии, посвященной анализу социальных категорий в Российской империи¹.

Весьма симптоматично, что сразу несколько исследователей (Р.Р. Исхаков, Г.Х. Самигулов, И.Г. Гиниятов) независимо друг от друга пришли к выводу об ошибочности тезиса о существовании башкирской коллективной собственности на землю, утвердившегося в работах Р.Г. Кузеева, А.Н. Усманова, А.И. Акманова, Б.А. Азнабаева и других уфимских историков. Все сохранившиеся жалованные грамоты на землю были адресованы конкретным лицам, а не определенному роду или племени. Другое важное заключение, которое синхронно сделали авто-

¹ Более подробная информация об этом проекте содержится в разделе «Решение круглого стола Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»» (С. 445).

ры сборника – башкирское вотчинное землевладение не являлось безусловным пожалованием, а было зависимо от государственной монопольной собственности, и не являлось исключительной прерогативой этнических башкир, а носило сословный характер, и было доступно для представителей других этнических групп региона. Причем этнические башкиры, как и другие народы, переселившиеся в Западное Приуралье во второй половине XVI–XVIII в., не являлись исконными владельцами этих земель, а получали неосвоенные или опустевшие участки, за которые обременялись военной службой или выплатой ясака.

Обращение к средневековому периоду истории региона с привлечением широкого диапазона источников (начиная от синхронных летописей и актового материала, заканчивая данными эпиграфики и лингвистики) позволило серьезно скорректировать научные представления об исторической географии и этногенезе народов Приуралья. Результаты исследований синхронных источников вместе с данными более поздних родословных показали важную роль миграционных процессов. К примеру, в период Казанского ханства зона обитания этнических башкир располагалась в районе Пермского Предуралья. После завоевания Казанского ханства начинается миграция башкир и иштяков (остяков/истяков) в южном направлении. Вместе с тем, в период присоединения Приуралья к России в этот регион прибыло значительное число служилых татар Касимовского ханства, которые стали основателями Енейской, Уранской, Ельдякской и других волостей Приуралья.

В ряде статей сделаны важные заключения относительно этнических и социальных трансформаций, происходивших с народами Волго-Уралья и Сибири в XVII–XIX вв. Особенно показательна судьба башкирской общности. Вялотекущий процесс перехода в башкирское сословие приуральских групп резко катализировался в XVIII в., когда государство учредило иррегулярное Башкиро-мещерякское войско. В этот период представители других этносоциальных общностей массово устремились в башкирское сословие, так как государство сулило «башкирцам» значительные земельные пожалования и налоговые льготы.

К определенным достоинствам данного сборника относится и то, что помимо концептуальных обобщений в сборнике немало статей, которые посвящены конкретным документам, подробному анализу частных случаев из истории народов Волго-Уралья и Сибири. Это делает наглядными и хорошо обоснованными обобщения, озвученные выше.

Р.Р. Салихов,

доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ

ГАРАНТИИ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ПРАВ В ЯРЛЫКАХ ХАНОВ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Целью исследования является анализ положений тарханских и суюргальных ярлыков правителей тюрко-татарских государств, связанных с обеспечением возможностей их обладателей по реализации предоставленных им прав и привилегий, которые автор классифицирует как правовые гарантии. Источниковую базу составляют ярлыки ханов Золотой Орды и ее преемников (в частности, Казанского и Крымского ханств), а также, в необходимых случаях, другие исторические памятники – международные договоры, тюрко-татарские исторические сочинения. В ходе исследования достигнуты следующие результаты: дано обоснование рассмотрения соответствующих положений ханских ярлыков именно как правовых гарантий их обладателей; определен круг объектов владельческих прав, на которые распространялись гарантии; выделены основные группы гарантий, связанные как с недопущением нарушения предоставляемых прав и привилегий, так и с защитой в случае их нарушения; прослежена эволюция содержания правовых гарантий в ханских ярлыках от Золотой Орды XIII–XIV вв. до Крымского ханства XVII–XVIII в.; выявлена специфика природы и содержания этих гарантий в сравнении с аналогичным институтом в современном праве. Автор приходит к выводу, что предоставление ханами лицам и иным субъектам, которым они жаловали права и привилегии, гарантий их реализации осуществлялось не только с целью защиты прав и интересов самих обладателей ярлыков, но и в интересах самих правителей. Данное исследование является первым опытом изучения подобного правового института и, соответственно, демонстрирует новые возможности и подходы в изучении ярлыков ханов тюрко-татарских государств, несмотря на сравнительно давнюю историю их изучения.

Ключевые слова: ханские ярлыки, тюрко-татарские государства, Золотая Орда (Улус Джучи), Казанское ханство, Крымское ханство, тархан, суюргал, правовые гарантии, защита прав

Изучение ярлыков ханов Золотой Орды и ее политических наследников – тюрко-татарских ханств имеет долгую историю. За это время они становились объектом исследования специалистов по политической и социально-экономической истории, источниковедению, дипломатике, даже филологии. Наименьшее внимание им уделено, как ни странно, специалистами по исто-

рии государства и права, хотя ярлыки, в первую очередь, являются именно правовыми актами. Соответственно, их историко-правовой анализ имеет весьма значительные перспективы, особенно, если не ограничиваться их общей характеристикой с точки зрения истории права, а сосредоточиться на конкретных юридических аспектах. В рамках настоящего исследования в качестве такого аспекта выбраны положения ярлыков, касающиеся возможностей их обладателей защитить права и привилегии, пожалованные им ханами.

В современной правовой науке такие возможности определяются как правовые гарантии. Традиционно они связываются чаще всего с конституционно-правовой сферой, а отсчет их ведут либо от английской Великой хартии вольностей 1215 г., либо даже от западноевропейских конституционных актов конца XVII–XVIII вв. Однако правоведы вполне обоснованно отмечают, что подобные гарантии распространялись (и распространяются) не только на политическую, но и на социально-экономическую сферу, к каковой, собственно и относятся обозначенные в названии нашего исследования «владельческие права». Гарантии защиты предоставляемых прав традиционно включают в себя два основных блока – запрет нарушения прав и законных интересов обладателей имущества со стороны других лиц (включая представителей государства) и законные способы защиты прав в случае, если они все же были нарушены¹. В первом случае государство как само ограничивает свой «суверенитет» в отношении конкретных лиц и их имущества, во втором оно помогает пострадавшим владельцам защитить и восстановить свои права.

Поскольку из сохранившихся до нашего времени ярлыков Золотой Орды, Казанского и Крымского ханств значительную (если не преобладающую) часть составляют жалованные акты, предоставляющие конкретным субъектам (отдельным лицам или семьям, населенным лицам, профессиональным или религиозным корпорациям) льготы и привилегии в имущественной сфере, нас заинтересовал вопрос о том, каким образом правители тюрко-татарских государств обеспечивали возможности по реализации и защите их прав. Именно это натолкнуло нас на мысль об анализе соответствующих положений ханских ярлыков именно как гарантий прав их обладателей.

Источниковую базу нашего исследования составил довольно значительный круг документов: в процессе анализа мы рассмотрели 11 ярлыков ханов Золотой Орды XIII–XV вв., 2 ярлыка казанских ханов XV–XVI вв., более 30 ярлыков крымских ханов XV–XVIII вв. Кроме того, в соответствии с целями и задачами исследования мы также привлекали подзаконные акты Золотой Орды (грамоты ханши Тайдулы и ханских наместников в отдельных регионах), юридические и неюридические источники Крымского ханства (кадиаскерские тетради и исторические хроники).

¹ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 382.

Хотя непосредственно вопросами правовых гарантий в ханских ярлыках исследователи до сих пор предметно не занимались, определенные изыскания по смежной тематике имели место, в связи с чем мы опирались на труды исследователей, обращавшихся к вопросам имущественных прав (и в особенности землевладения) в Золотой Орде и ее наследниках. К числу наиболее значительных работ по данной тематике относятся, в частности, труды Ф.Ф. Лашкова, Ш.Ф. Мухамедьярова, Г.А. Федорова-Давыдова.

Владельческие права, гарантии которых мы намерены исследовать ниже, устанавливались или подтверждались отдельными категориями ханских ярлыков, а именно – тарханскими и суюргальными, причем некоторые из них являлись правоустанавливающими (тарханство или суюргал жаловались впервые), другие – подтверждающими (новый хан подтверждал ярлык предшественника или же выдавал подтверждение правопреемнику прежнего владельца). Поскольку указанные документы являлись актами высшей юридической силы в соответствующем ханстве, выдававшие их монархи, безусловно, были заинтересованы в том, чтобы их воля исполнялась всеми подданными. Именно это и обусловило необходимость уточнения мер по защите пожалованных прав и привилегий.

В соответствии с вышеприведенной классификацией правовых гарантий можно выделить две основные группы таких мер.

Первая группа предписывает посторонним лицам воздерживаться от посягательств на владение, защищенное ханским пожалованием. И круг лиц, и само содержание такого запрета, а главное – круг объектов владельческих прав, на которые он распространялся, представлено в разных ярлыках в разном виде. Круг чиновников, фигурирующих в ярлыках, уже неоднократно становился предметом исследования специалистов, поэтому ограничимся лишь указаниями на некоторые особенности, проявлявшиеся в актах правителей разных государств.

Так, в ярлыках ханов централизованной Золотой Орды и сравнительно небольшого Казанского ханства адресатами выступали преимущественно чиновники – представители ханской администрации разного уровня – не считая, впрочем, термина «все», которым традиционно завершался адресат подобных актов. Обратившись же к ярлыкам Крымского ханства, представлявшего собой, по сути, «федеративное государство», в котором и султаны из рода Гиреев, и родоплеменные вожди обладали широкой «автономией», мы видим, что предписания о недопущении нарушения прав обладателей ярлыков распространяются не только на ханских чиновников, но и на «старших и младших султанов, огланов, беев, аг, мурз», а также их чиновников и прочих лиц. Таким образом, ханы дополнительно подчеркивали, что и в упомянутых «автономных» владениях их предписания обладают высшей юридической силой и обязательны даже для «вассалов их вассалов».

Напрямую со статусом тех лиц, на которых распространялись гарантии-запреты, было связано и их содержание. Так, для чиновников и других представителей государственной власти основным требованием было недопущение облагать тарханное или суюргальное имущество налогами и сборами, которые взимались ими с остального населения, а также требовать от них исполнения повинностей². В данном случае мы имеем в виду не сборы и пошлины, которые взимались при совершении торговых операций и перемещениях с торговыми целями по стране (хотя большая часть привилегий тарханов была связана как раз с этой сферой), а именно те, которые непосредственно касались имущества. К таким налогам мы относим, в частности, сборы с объектов недвижимости, скота, урожая, дары и подношения представителям власти, проезжающим через соответствующий населенный пункт. Соответственно, повинностями, которыми чиновникам не полагалось облагать обладателей тарханских или суюргальных ярлыков, относится предоставление подвод, корма для проезжающих чиновников и фуража для их лошадей, предоставление лошадей, постой в их домах тех же чиновников или солдат³. Отметим, что этот круг запретов ханы не считали исчерпывающим, поэтому еще с самых ранних документов такого рода (начиная с ярлыка Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 г.) в текст ярлыков включаются и более абстрактные категории, предписывающие не творить «насилие», не чинить «вторжения и учинительства», «притеснительства», «обиду и угнетение» и пр.

В ярлыках Казанского и Крымского ханств наряду с запретом к чиновникам злоупотреблять своими властными полномочиями предписываются ограничения и в отношении других лиц, которые, собственно, и входили в категории «все» или «никто не...». Соответственно, именно на них распространялись запреты не проникать во владения обладателей ярлыков, не причинять им ущерба и, тем более, не захватывать их. Подобные случаи игнорирования ханской воли были характерны в периоды кризиса власти, когда ханы слишком уж часто сменяли друг друга, и правонарушители, осмеливавшиеся посягнуть на тарханное или суюргальное владение, по-видимому, имели основания полагать, что новый хан может не подтвердить пожалование своего предшественника (которого зачастую свергал).

² До сих пор эти положения традиционно рассматривались как источник по истории налогообложения Золотой Орды, см., напр.: Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. С. 131–133.

³ Позволим себе не вполне согласиться с определением М.А. Усмановым этих «оборотов-запретов» как санкций, см.: Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. С. 247. Возможно, с точки зрения дипломатики они и являлись таковыми, однако в формально-юридическом отношении это были именно гарантии прав владельцев, тогда как собственно санкции (ответственно за нарушение предписаний ярлыков) указывались отдельно.

Наибольший интерес вызывает круг объектов владельческих прав, в отношении которых устанавливались подобного рода ограничения для посторонних лиц. Он зависел от того, кому именно жаловался ярлык. Если речь шла об отдельном лице, то таким объектом мог выступать, например, пресноводный колодец или другой отдельный объект недвижимости – дом, поле и пр.⁴ В актах крымского наместника Рамадана (1356 г.) венецианцам, подготовленных во исполнение ханской воли, от дополнительных налогов в Провато предполагалось освобождать трактиры (таверны)⁵. Согласно наблюдениям В.Е. Сыроечковского, в число защищаемых ярлыками объектов в раннем Крымском ханстве (эпоха Менгли-Гирея I и Мухаммад-Гирея I) также могли входить места добычи соли⁶. Специфическим объектом, права на которые гарантировались ярлыками, являлись товары с корабля, потерпевшего кораблекрушение: в случае, если они были спасены посторонними лицами, их следовало вернуть владельцам.

Если речь шла о владетельном аристократическом семействе или общине, круг объектов существенно расширялся. В него могли входить (и, соответственно, быть запрещены для свободного доступа посторонних лиц) леса, пастбища и места кочевания, водоемы (включая особые места для рыбной ловли)⁷. В некоторых случаях запрет проникновения как для чиновников, так и для других лиц мог распространяться на целые селения – как, например, в ярлыке Токтамышша Бек-Хаджи 1381 г. (объектом гарантий) выступает улус Суткуль⁸, ярлыке Менгли-Гирея I Махмудеку 1468 г. (пожалование ряда се-

⁴ См., напр.: Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России (80 г. – 1800 г.). Т. III 1740 г. 1799 г.). СПб.: Типография А. Розена, 1913. С. 20; Ярцов Я.О. Ярлыки крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. II. 1848. С. 675, 677.

⁵ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 171, 181.

⁶ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. LXI. 1940. С. 10. Ср.: Зайцев И.В. Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. С. 217.

⁷ См., напр.: Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 122; История татар с древнейших времен. В 7 т.: Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. / Науч. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2014. С. 918, 919; [Лашков Ф.Ф.] Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 23. 1895. С. 126; Смирнов В.Д. Крымско-ханские грамоты // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 50. 1913. С. 168–178.

⁸ Григорьев В.В., Ярцов Я.О. Ярлыки Тохтамышша и Сеадет-Гирея. Одесса: Городская типография, 1844. С. 3.

лений с прилегающими землями)⁹ или в ярлыке Мухаммад-Гирея II Шейх-Абдарразаку 1579 г., гарантии в котором распространяются на подвластные ему 32 аула¹⁰.

Самые же обширные владения находились в распоряжении конфессиональных объединений – примером тому служат хорошо известные ярлыки золотоордынских ханов русской православной церкви XIII–XIV вв., а также один из позднейших крымских актов – ярлык хана Сахиб-Гирея II 1772 г. крымским христианам. В них под защитой ханского указа находятся огороды и виноградники, церкви, иные здания, принадлежащие духовенству, мельницы, водоемы и пр.¹¹.

В ханских ярлыках практически ничего не говорится о еще одной весьма распространенной во всех тюрко-татарских государствах категории имущества – рабах. Нам только в одном документе – ярлыке крымского хана Менгли-Гирея I Ходжа-беку 1468 г. – удалось обнаружить запрет чиновникам требовать от обладателя ярлыка рабов для производства публичных работ¹². Более подробные сведения относительно гарантии прав рабовладельцев содержатся в подзаконных актах. Так, например, в послании крымского даруги Рамадана венецианским торговцам 1356 г. упоминается, что перед отплытием корабля его должны проверить ханские чиновники – нет ли на них беглых рабов¹³. В соглашениях между властями геноуэской Кафы и золотоордынскими наместниками Солхата (Крыма) 1380 и 1381 гг. также содержится

⁹ Березин И.Н. Тарханные ярлыки крымских ханов. (Ярлык Менгли-Гирея Ходжа-бию) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. Одесса, 1872. Прибавление. С. 13.

¹⁰ Ярцов Я.О. Ярлыки крымских ханов. С. 679.

¹¹ Памятники русского права / Под ред. Л.В. Черепнина. Вып. третий: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. М.: Госюрлитиздат, 1955. С. 465–469; Зайцев И.В. О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории. М.: Индрик, 2016. С. 72. Ср.: Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 261. Близкий по содержанию перечень объектов владельческих прав, впрочем, представлен и в суюргальном ярлыке Тимур-Кутлуга Мухаммаду 1398 г., см.: Радлов В. Ярлыки Тохтамышы и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. 1889. С. 21. По всей видимости, речь идет о представителе крупной золотоордынской знати, обладавшем значительными владениями.

¹² Березин И.Н. Тарханные ярлыки крымских ханов. С. 4.

¹³ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 182.

пункт о взаимном возврате беглых работ с выплатой поймавшим им вознаграждения – но не более 35 аспров¹⁴.

Еще один весьма специфический вид имущества, характерный для тюрко-татарских ханств, одним из направлений деятельности которых были регулярные набеги на соседние государства, являлась военная добыча. О ней тоже не говорится в известных нам ярлыках¹⁵, однако отношение к ней как к собственности захвативших ее имеются в дополнительных источниках. Например, в жизнеописании крымского хана Сахиб-Гирея I, составленном Реммаль-ходжой, описывается случай, как воины хана принесли ему обязательную долю добычи, а он отказался, оставив ее им полностью¹⁶. А в другом случае этот же хан наказал нукера собственного сына и потенциального наследника султана Эмин-Гирея, который посмел отнять пленника у простолюдина¹⁷.

Как отмечают исследователи традиционной государственности, традиция иммунитетов в значительной степени на Востоке в разные эпохи была связана с тем, что центральные власти не всегда имели возможность обеспечить централизованный сбор налогов и пр.¹⁸ Думается, что аналогичным образом правители крупных государств – таких, как Золотая Орда или Крымское ханство – не могли гарантировать и неуклонное соблюдение своих ярлыков, которыми они, собственно и закрепляли такие иммунитеты. Поэтому наряду с прямыми предписаниями чиновникам и прочим лицам воздержаться от посягательств на тарханное или суюргальное владения ханы в ряде случаев гарантировали обладателям ярлыков возможность на самозащиту своих законных прав и интересов.

Например, в ярлыках русской православной церкви ханы от Менгу-Тимура (1267 г.) до Мухаммада-Булака (1379 г.) предписывали, что взятое следует вернуть («А кто что будеть взял или что вземлеть, и он отдасть назад») ¹⁹ – можно предположить, что сами обладатели ярлыков имели возможность, предъявив соответствующий документ, истребовать свое имущество из

¹⁴ Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов // Золотоордынское обозрение. Т. 8. 2020. № 4. С. 703, 708.

¹⁵ Правда, со времен Чингиз-хана тарханы имели право не отдавать хану полагающуюся ему долю добычи, что было обязательно для других участников военных действий, см., напр.: Шапшал С.М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию: Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 310.

¹⁶ Абдужемилев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 206.

¹⁷ Абдужемилев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 164–165.

¹⁸ Разуваев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2008. с. 234.

¹⁹ Памятники русского права. С. 466, 469.

незаконного владения. Еще более явно принципы самозащиты своих прав прописаны в ярлыках ханов Золотой Орды венецианским купцам Азова: и Джанибек (1342, 1347 гг.), и Бердибек (1358 г.) позволяют венецианцам самостоятельно охранять пожалованный им во владение участок от посягательств своих главных конкурентов – генуэзцев²⁰. Им же разрешается самим истребовать свои товары, которые были выброшены на берег в результате кораблекрушения и подобраны владельцами прибрежных территорий²¹. В ярлыках крымских ханов караимской общине Кырк-Ера (Чуфут-Кале) владельцам пастбищ дается право самостоятельно, без дополнительных судебных санкций, снести ограждения, незаконно возведенные в их владениях жителями соседних (христианских!) селений.

К числу правовых гарантий наряду с вышеперечисленными одной из важнейших относится защита своих нарушенных прав и законных интересов в суде. Такое право также было у обладателей ханских ярлыков, что, впрочем, подтверждается не столько в интересующих нас положениях ярлыков (гарантиях владельческих прав), сколько в других положениях – об обстоятельствах выдачи соответствующего документа, – а также в дополнительных исторических источниках.

Прежде всего, само получение или подтверждение права на тарханство или суюргал реализовывалось в результате обращения подданного к хану. И, в зависимости от ситуации, тюрко-татарские монархи принимали решение либо учредить новую привилегию (если обращение происходило впервые), либо же подтвердить ранее учрежденную²². В самих ярлыках это решение отражалось в преамбуле, в которой, собственно, и излагались причины выдачи соответствующего ярлыка. Указывая, что обладатель привилегии (первичный или правопреемник прежнего) обратился к ханскому суду и получил по-

²⁰ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 74, 119, 166.

²¹ Там же. С. 119, 166.

²² В связи с этим уместно вспомнить проблему, связанную с длительностью действия правовых норм. Согласно Г. Харту, подтверждение установленного правила каждым новым правителем представляет собой «простейший случай», см.: Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер.с англ. под ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. С. 68–69, 73. Тем не менее, именно практика подтверждения каждым новым монархом ярлыков своих предшественников была в течение веков распространена в тюрко-татарских государствах (равно как и в других государствах – преемниках Монгольской империи и ее улусов). Попытки распространить норму, установленную конкретным ханом, и на последующие периоды предпринимались гораздо позже – например, именно так Сахиб-Гирей II в своем ярлыке крымским христианам предписывает, что исполнять содержащиеся в нем предписания должны «равно и преемники наследственного моего престола», см.: Зайцев И.В. О правах христиан в Крымском ханстве. С. 73.

ложительное решение, ханы тем самым создавали и прецедент, на основе которого обладатели владельческих прав и в других случаях могли обращаться к суду монарха²³.

Некоторые ярлыки прямо являются судебными решениями по искам правообладателей о нарушении их прав. Хань, внимательно ознакомившись с представленными им ярлыками, принимали на основе их решения в пользу правообладателей. Весьма любопытное решение было принято ханом Девлет-Гиреем I, который в 1569 г. в ответ на обращение к нему Тайган Ахмет-бея, имевшего земельный спор со своим соперником, не только подтвердил его права и привилегии, но и запретил... «заводить споры», т.е. ввел запрет на подачу претендентами на его имущество исков в суд²⁴!

Ярким примером является целая серия ханских ярлыков крымским караимам, которые в течение 1610–1699 гг. неоднократно обращались к крымским ханам с жалобами на своих соседей, которые захватывали их пастбища и даже возводили на них собственные ограды. В результате было выписано не менее пяти ярлыков ханов Джанибек-Гирея (1610 г.), Инайет-Гирея (1635 г.), Мухаммад-Гирея IV (1642 г.), Мурад-Гирея (1679 г.) и Девлет-Гирея II (1699 г.), которыми нарушителям предписывалось освободить захваченные пастбища и снести уже возведенные на них ограждения, а в дальнейшем караимам предписывалось обращаться в суд кади-аскера и местных судей-кадиев²⁵.

Последнее обстоятельство отражает дуализм права в Крымском ханстве, в рамках которого в этом государстве сочетались нормы имперского («чингизидского») и мусульманского права. Это отчетливо проявлялось как раз в вопросе судебной защиты прав обладателей ярлыков, которые нередко обращались не только в ханский, но и в шариатский суд. В сохранившихся до нашего времени судебных реестрах кади-аскеров (книгах или «сакках») присутствует некоторое количество судебных решений, где в качестве доказательства

²³ Эта практика стала настолько привычной, что обладатели ярлыков и их потомки обращались на их основании в суд даже после того, как сами ханства были упразднены и присоединены к Московскому царству (Казань) и Российской империи (Крым). Наиболее яркий пример см.: Muhamedyarov Sh., Vásáry I., *Two Kazan Tatar edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's yarliks) // Between the Danube and Caucasus: A collection of papers concerning oriental sources on the history of the peoples of Central and South Eastern Europe / Ed. G. Kara. Budapest: Akademeai Kiado, 1987. P. 189–190, 199–206.*

²⁴ Валиханов Ч.Ч. [Заметки при чтении книги] проф. И.Н. Березина «Ханские ярлыки» // Валиханов Ч. Ч. *Собрание сочинений в 5 тт. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 114.*

²⁵ Фиркович З.А. *Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. С. 63–102.*

своей правоты истцы предъявляли ханские ярлыки²⁶. Более того, в некоторых случаях и сами ханы, приняв решение по обращению обладателя ярлыка, для обеспечения большей его юридической силы направляли соответствующее распоряжение в казийский суд, чтобы тот зафиксировал его в своем реестре («сиджиле») и, вероятно, проконтролировал исполнение²⁷.

Примечательно, что свои судебные решения крымские ханы были готовы защищать даже перед лицом вышестоящих правителей – османских султанов, являвшихся их сюзеренами. Примеры таких случаев мы, конечно же, тоже не найдем в ханских ярлыках, но можем извлечь из дополнительных источников. Так, когда к хану Девлет-Гирею I в 1553 г. обратились жители одной из областей с жалобой, что с них, якобы, по воле османского султана собирают подать с дыма (т.е., по сути, налог на жилье), хан не колебался обратиться к султану Сулейману I Великолепному с заявлением, что такой налог в Крымском ханстве никогда не взимался²⁸, и добился от султана распоряжения османским чиновникам отменить его²⁹. Еще один пример связан с вышеупомянутым видом имущества – военной добычей: к хану Ислам-Гирею III, вернувшегося из победоносного набега на Польшу, обратился представитель османского султана, потребовав передать ему всех пленных польских аристократов («гяурских беев»), на что хан также осмелился возразить, заявив, что это – по закону добыча его собственных беков, и они одни имеют право на получение выкупа за пленников³⁰.

Завершая разговор о судебной защите владельческих прав как гарантии их реализации, нельзя не сказать о последствиях для нарушителей предписаний ханских ярлыков в отношении законных правообладателей – т.е. о санкциях. Как ни удивительно, в большинстве ярлыков они прописаны очень неопределенно и обтекаемо: нарушителям следует «убояться», «бечься и беречься», порой в документе присутствует угроза, что преступник

²⁶ Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 10. 1890. С. 74–75; [Лашков Ф.Ф.] Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. С. 121–128.

²⁷ Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: Медиациентр им. И. Гаспринского, 2017. С. 119–120.

²⁸ См., напр.: Березин И.Н. Тарханские ярлыки крымских ханов. С. 4.

²⁹ Мустакимов И.А. Документы о разграничении податных территорий и податного населения между Высокой Портой и Крымским ханством в середине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 11. 2019. С. 90.

³⁰ Мехмед Сенаи. Тарих-и Ислам Гирей хан / Пер. К.А. Усеинова // Абдужемилев Р.Р. Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2016. С. 340–341.

«будет уstraшен», ему «не будет добра», «не хорошо будет», ему «разве будет добро?» и т.п.³¹

Лишь в немногочисленных документах присутствует более-менее определенное наказание за нарушение ханской воли. Так, в ярлыке Менгу-Тимура русской церкви 1267 г. говорится, что посягнувшие на церковное имущество «по велицей язе ивиняться и умрут», т.е. будут преданы казни на основе установлений (Великой Ясы) Чингиз-хана. В ярлыках Бердибека 1357 г. и Мухаммада-Булака 1379 г. уже без ссылок на Ясу просто отмечается, что такие преступники «во гресех будут да умрут смертию». М.А. Усманов высказал предположение, что упоминание смертной казни являлось «архаичной клаузулой», поскольку в мусульманский период подобные правонарушения предусматривали уже иные формы наказаний³². Его мнение подтверждается многочисленными ярлыками крымских ханов, в которых нарушителям владельческих прав угрожают «задерживая приводить окованными к моей двери счастья» или даже лишить «моего высочайшего удовольствия»!³³

Думается, что эта неопределенность, характерная для анализируемых нами ярлыков не только тюрко-татарских государств, но и других наследников Монгольской империи, объясняется тем, что вид и тяжесть наказания за посягательства на владельческие права зависели от того, какое именно нарушение было допущено: являлось ли оно незаконным налогом или сбором, присвоением защищенного владения, незаконным вторжением в него и т.д. Именно поэтому, предусматривая ответственность за нарушение ханской воли, монархи не вдавались в подробности относительно самих наказаний, предусмотренных другими источниками права.

Более того, в некоторых ярлыках даже такие неопределенные санкции просто-напросто отсутствуют!³⁴ Рискнем сделать предположение, что это может объясняться тем, что ханы, выдавшие такие документы, ко времени их издания чувствовали себя не слишком прочно на троне и не могли быть уверены, что санкции в случае необходимости могли бы быть исполнены.

В заключение вернемся к вопросу: насколько мы можем анализируемые положения считать правовыми гарантиями владельческих прав с точки зрения современной юридической науки? Обычно гарантии прав отдельных лиц теории права связывают с определенными ограничениями власти самого

³¹ См., напр.: Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 120, 166; Курат А.Н. Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Пер. с тур. Р.Р. Галеева; отв. ред. Л.И. Шахин, И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 117.

³² Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. С. 249.

³³ Смирнов В.Д. Крымско-ханские грамоты. С. 170, 172, 175.

³⁴ См., напр.: Радлов В. Ярлыки Тохтамыш и Темир-Кутлука. С. 21; Смирнов В.Д. Крымско-ханские грамоты. С. 170, 173, 178.

государства, т.е. его суверенитета³⁵. Правда при этом обращают, что данное ограничение все же распространяется не на государство как на суверена, а лишь на его отдельных представителей, в которых оно персонифицируется³⁶.

Если мы обратимся к анализируемым положениям ханских ярлыков, то убедимся, что предписаниями, которые мы характеризуем как гарантии владельческих права, в самом деле, вводятся запреты на определенные действия лишь ханских подданных – ханских чиновников, султанов, беев, мурз, их подчиненных и пр. Власть самого хана в ярлыке никоим образом не ограничивается предписаниями изданного им указа. Равным образом нет в ярлыке никакого указания на неприкосновенность частной собственности в принципе (что характерно для правовых гарантий Европы в эпоху Нового времени). Более того, в вышеупомянутом ярлыке Девлет-Гирея I 1569 г. прямо указывается, что права владельца ярлыка защищаются ханской властью, «когда он будет владельцем пожалованных земель»³⁷. Из этой многозначительной оговорки можно вполне определенно увидеть, что по воле хана он может и перестать быть владельцем этих земель – и в таком случае всего его права и привилегии будут немедленно отменены. Это в полной мере сочетается с восточной правовой традицией, согласно которой все земли и вся недвижимость в государстве считалась собственностью либо самого монарха, либо правящего рода³⁸, а их непосредственные обладатели, по сути, были лишь владельцами и пользователями³⁹. Таким образом, запреты в отношении действий чиновников и других лиц и, как следствие из них, возможность пострадавших пожаловаться на них самому монарху, являлись не столько защитой интересов владельцев ярлыков, сколько инструментом сдерживания чиновничьего произвола, возможностью привлекать нерадивых служащих к ответственности⁴⁰.

³⁵ Правда, чаще о таком ограничении говорят преимущественно в отношении признания определенным государством норм международного права высшими по отношению к собственному, национальному праву, см.: Харт Г.Л.А. Понятие права. С. 223.

³⁶ Кельзен Г. Чистое учение о праве / Пер. М.В. Антонова, С.В. Лёзова; 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 380.

³⁷ Валиханов Ч.Ч. [Заметки при чтении книги] проф. И.Н. Березина «Ханские ярлыки». С. 114.

³⁸ Разуваев Н.В. Традиционное государство. С. 147–148. Ср.: Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Сост. Р.Г. Галлям. Казань: Ихлас, 2012. С. 127.

³⁹ Именно поэтому в заглавии фигурируют «владельческие права», а не «право собственности».

⁴⁰ Подобная практика имела место и в других государствах тюркского мира. Например, в Бухарском эмирате XIX в. даже простые жители самых дальних провинций имели возможность пожаловаться самому эмиру на региональных чиновников, включая даже беков – наместников областей, см., напр.: Мейендорф Е.К. Путеше-

Обратим внимание, что никаких обязательств по обеспечению гарантий владельческих прав ханы на себя не принимают: ни в одном ярлыке они не упоминают, что несут ответственность за соблюдение этих прав. Эта обязанность также ложилась на региональных чиновников. Так, в послании крымского наместника Кутлуг-Тимура венецианцам 1358 г. прямо говорится: «Кто бы то ни был не должен несправедливо наносить им ущерб и притеснение; и если кто-либо захочет их нанести, мы не допустим. Мы должны охранять и защищать иностранцев, чтобы они могли чувствовать себя спокойно и производить свою торговлю»⁴¹. Таким образом, свою роль в обеспечении гарантий имущественных прав держатели ярлыков видели только в предоставлении им права обращения в ханский суд – но такое право, как известно, было у всех подданных монархов тюрко-татарских государств, равно как и у иностранцев, пребывавших в их владениях⁴².

Также любопытно отметить, что во многих ярлыках и Золотой Орды, и Крымского ханства присутствуют запреты и ограничения для самих владельцев: им предписывается не злоупотреблять своими правами, не пытаться, прикрываясь ярлыком, захватывать имущество или владения своих соседей, облагать дополнительными налогами и сборами собственных подвластных лиц⁴³. Как представляется, эти предписания тоже служили в пользу упорядочения отношений между ханскими подданными, по сути обеспечивая сохранение правопорядка: под угрозой лишения привилегий обладатели ярлыков должны были вести себя законопослушно, к чему, собственно, и стремились правители тюрко-татарских ханств в своей внутренней политике.

Таким образом, можно сделать вывод, что гарантии владельческих прав в ханских ярлыках присутствовали и даже, более того, эффективно реализовывались на практике. Однако, прописывая их в своих актах, ханы руководствовались не столько соображениями о защите прав и интересов своих подданных, сколько собственными государственными интересами – в первую очередь, обеспечением законности и правопорядка, правомерного поведения своих подданных, включая и представителей владельческой знати, и чиновников, и остальных категорий населения.

ствие из Оренбурга в Бухару / Пер. с фр. Е.К. Бергера; ред. и вступ. ст. Н.А. Халфина. М.: Наука, 1975. С. 132.

⁴¹ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 193. См. также: Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. С. 250.

⁴² См., напр.: Krolikowska-Jedlinska N. Foreigners in front of the Crimean khan's courts in the seventeenth and eighteenth centuries // *International Crimes and History*. 2015. No. 16. P. 139–154.

⁴³ См., напр.: Памятники русского права. С. 466, 470; Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки из собрания Таврической учёной архивной комиссии // *Известия Таврической учёной архивной комиссии*. № 54. 1917. С. 14.

Думается, именно это обстоятельство позволяет говорить о специфике гарантий владельческих прав в Золотой Орде, Казанском и Крымском ханствах, которые, таким образом, вряд ли могут быть признаваемы таковыми с точки зрения европоцентристской правовой теории. Однако в рамках концепции правового плюрализма, как представляется, мы можем их характеризовать как проявление активности ханской политики, в т.ч. и в сфере частно-правовых отношений.

В заключение отметим, что данное исследование еще раз демонстрирует ценность ханских ярлыков как исторических памятников, которые до сих пор еще не в полной мере изучены и могут представлять весьма ценный материал для анализа с точки зрения не только исторической, но и смежных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 193–233.
2. Абдужемилев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 147–174.
3. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
4. Березин И.Н. Тарханные ярлыки крымских ханов. (Ярлык Менгли-Гирея Ходжа-бия) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. Одесса, 1872. Прибавление. С. 1–23.
5. Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 10. 1890. С. 74–78.
6. Валиханов Ч.Ч. [Заметки при чтении книги] проф. И.Н. Березина «Ханские ярлыки» // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 104–114.
7. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 74–142.
8. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 276 с.
9. Григорьев В.В., Ярцов Я.О. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея. Одесса: Городская типография, 1844. 10 с.
10. Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов // Золотоордынское обозрение. Т. 8. 2020. № 4. С. 675–713.
11. Зайцев И.В. Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.

12. Зайцев И.В. О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории. М.: Индрик, 2016. С. 63–82.

13. История татар с древнейших времен. В 7 т.: Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. / Науч. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2014.

14. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Пер. М.В. Антонова, С.В. Лёзова; 2-е изд. СПб.: Алет-Пресс, 2015. 542 с.

15. Курат А.Н. Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Пер. с тур. Р.Р. Галеева; отв. ред. Л.И. Шахин, И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.

16. [Лашков Ф.Ф.] Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 23. 1895. С. 118–129.

17. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Пер. с фр. Е.К. Бергера; ред. и вступ. ст. Н.А. Халфина. М.: Наука, 1975.

18. Мустакимов И.А. Документы о разграничении податных территорий и податного населения между Высокой Портой и Крымским ханством в середине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 11. 2019. С. 88–92.

19. Мехмед Сенаи. Тарих-и Ислам Гирей хан / Пер. К.А. Усеинова // Абдужемилев Р.Р. Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2016. С. 317–366.

20. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Сост. Р.Г. Галлям. Казань: ИХ-Лас, 2012. 276 с.

21. Памятники русского права / Под ред. Л.В. Черепнина. Вып. третий: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. М.: Госюрлитиздат, 1955. 528 с.

22. Радлов В. Ярлыки Тохтамыш и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. 1889. С. 1–40.

23. Разуваев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2008. 312 с.

24. Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России (80 г. – 1800 г.). Т. III (1740 г. – 1799 г.). СПб.: Типография А. Розена, 1913. 367 с.

25. Рустемов О. Кадискерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 200 с.

26. Смирнов В.Д. Крымско-ханские грамоты // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 50. 1913. С. 140–178.

27. Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки из собрания Таврической учёной архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии. № 54. 1917. С. 1–19.

28. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. LXI. 1940. С. 3–71.

29. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 320 с.

30. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 180 с.

31. Фиркович З.А. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. XXXVI+223 с.

32. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер.с англ. под ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 302 с.

33. Шашал С.М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию: Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.

34. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

35. Ярцов Я.О. Ярлыки крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. II. 1848. С. 675–679.

36. Krolikowska-Jedlinska N. Foreigners in front of the Crimean khan's courts in the seventeenth and eighteenth centuries // International Crimes and History. 2015. No. 16. P. 139–154.

37. Muhamedyarov Sh., Vásáry I., Two Kazan Tatar edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's yarliks) // Between the Danube and Caucasus: A collection of papers concerning oriental sources on the history of the peoples of Central and South Eastern Europe / Ed. G. Kara. Budapest: Akademeai Kiado, 1987. P. 181–216.

Сведения об авторе: Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: rpochekaev@hse.ru

LEGAL SAFEGUARD FOR THE RIGHTS OF PROPERTY IN THE YARLIKS OF KHANS OF TURKIC-TATAR STATES

Roman Yu. Pochekaev

*National Research University “Higher School of Economics”
St. Petersburg, Russian Federation*

The goal of the research is an analysis of clauses in the yarliks of rulers of Turkic-Tatar states connected with the provision of their possibility to realize and defend their rights and privileges. The author classifies such clauses as legal safeguard. The sources for the analysis are tarqan and suyurghal yarliks of khans of the Golden Horde, Kazan and Crimean Khanates as well as another historical monuments in necessary cases. The results of the research are: bases for considering such yarliks' clauses as legal safeguard; the range

of the objects of property rights under legal safeguard is clarified; basic kinds of legal safeguard are marked including orders for banning of outrage and potentialities for defense of infringed rights; the evolution of legal safeguard content since the Golden Horde of 13th–14th cc. to the Crimean Khanate of 17th–18th cc. is traced; the specific features of legal safeguard in the khans' yarliks are compared with the similar institutions in the modern law. Author finds that khans gave legal safeguard to individuals and other subjects of law not only to protect their rights and interests, but also to provide their own interest. This research is the first analysis of such legal institution in the Turkic-Tatar states. It demonstrates new opportunities and new approaches to the study of khans' yarliks despite the long-term tradition of that.

Keywords: khans' yarliks, Turkic-Tatar states, Golden Horde (Jochi Ulus), Kazan Khanate, Crimean Khanate, tarqan, suyurghal, legal safeguard, legal defense

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: rpochekaev@hse.ru

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ АСАБА

И.М. Миргалеев

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

Целью исследования является анализ термина *асаба*, который обозначает статус группы людей, связанных родственными узами, получивших землю за службу государству. Со временем термин *асаба* трансформировался в понятие «коренной житель». Источниковую базу составляют мусульманское право и труды Ибн Халдуна, грамота о наделении землей южноуральских родов, поступивших на русскую службу, ярлыки ханов Казанского ханства, тюрко-татарские исторические сочинения. В ходе исследования достигнуты следующие результаты: шариатский термин асабийя наложился на обычное право позднесолотоордынских татар, и в условиях мусульманского права вообрал в себя понятие укоренения, обретения статуса, общинного землеуладения для крупных кланов.

Ключевые слова: асаба, асабийя, ханские ярлыки, тархан, суюргал, укоренение, тюрко-татарские ханства, Золотая Орда, Казанское ханство, татары

Термин *асаба* в татарском языке означает «коренной народ», соответствующий английскому термину *indigenous peoples*. Термин используется в специальной литературе для обозначения группы людей, получивших за службу родовые земли. Именно в таком ключе он зафиксирован в грамоте о наделении землей некоторых родов, поступивших на русскую службу с определением им родовых земель ранней русской властью в Казани¹.

Группы населения, связанные родственными узами, рода, поступая на службу государству, получали за это землю на весь род и тем самым укоренялись, обретали статус и «отчизну». Со временем это трансформировалось в устойчивое понятие как коренной житель.

Безусловно, это явление связано, прежде всего, с периодом татарских ханств, Казанского и возможно Сибирского ханства. Поступление на службу батыров, т.е. профессиональных воинов со своей свитой, родом и получение за это землю вполне очевидно. Такое явление, как поступление на службу батыров из Крымского ханства в Казанское или Астраханское, что мы видим

¹ Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских беев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 206–212.

на примере дастана «Чура-батыр»², показывает, что даже статусные группы, чингизиды, беки переходили свободно из одного постордынского государства в другое и при этом получали в других юртах земли.

Так откуда же возник этот термин? Как он трансформировался и вошел в татарский язык?

Термин имеет отношение к исламскому праву и имеет ряд значений.

Шариатское *асабе* от арабского *ашебе*, применяется для обозначения родственников со стороны отца и дальних родственников, которые не имеют право на наследование. Именно в таком ключе этот термин использован в труде Сейид-Мухаммеда Риза «Семь планет в известиях о царях татарских»³.

Понятием *асабиййах* определяли также крайний национализм. В хадисах Пророка Мухаммада (ﷺ) сказано следующее: «Не является одним из нас (из нашей мусульманской Уммы) тот, кто призывает к асабии, или тот, кто сражается за асабию, или тот, кто умирает за асабию» (передано Сунаном Абу Даудом). Пророка Мухаммада (ﷺ) спросили: «О Посланник Аллаха! Что такое асабия?» и он ответил: «Это когда вы поддерживаете свою нацию (или племя) в притеснении других» (Сунан Абу Дауд). Пророк Мухаммад (ﷺ), обращаясь к своим последователям, сказал: «Оставьте это. Это мерзко и отвратительно»⁴.

Также термин *асабийя* имеет значение племя (трайбализм). На русский язык переводиться как «спаянность»⁵ или «солидарность»⁶.

Как понятие, «асабийя» вводится в оборот известным арабским средневековым ученым Ибн Халдуном (1332–1406 гг.). Всесторонне этот термин Ибн Халдун раскрывает в своем фундаментальном труде «Мукаддима» («Введение»)⁷. Данный термин он использует для объяснения динамики социально-политических отношений и пытается разрешить проблему соотно-

² Урманчеев Ф. И. Чура батыр // Мирас. № 7–8. С. 17–27.

³ Сейид-Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: Транслитерация / авт. предисл., транслитерация, подготовка к изданию Р.Р. Абдужемилева; под общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. Л. 214.

⁴ Автор выражает благодарность за предоставление данных хадисов преподавателю КФУ Е.Н. Хамидову.

⁵ Смирнов А.Б. Ибн Халдун и его новая наука (включая приложение) // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука, 2008. С. 187–217.

⁶ Алексеев И.Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение» № 1 (3) 2016. С. 96.

⁷ Полное название книги Ибн Халдуна: «Пролегомены к книге поучительных примеров и дивану сообщений о днях арабов, персов и берберов и их современников, обладавших властью великих размеров».

шения исламского социально-политического идеала и династического автократизма⁸. Согласно Ибн Халдуну, «нравы людей таковы, что «меж ними царит несправедливость и вражда»⁹ и от этой несправедливости людей защищают авторитеты: правители или племенные шейхи (только если последние сами не выступают источником несправедливости). Что же касается внешних врагов, то здесь защитниками выступают войны и юноши, но «только если представляют собой спаянность (асабийу) и единую линию родства (насаб), – ведь в таком случае их могущество возрастет и их будут страшиться»¹⁰.

Асабийу Ибн Халдун воспринимает как «естественную склонность», которая основывается на кровно-родственных связях и является органичным продолжением или частью таких благодетелей как «храбрость», «свободолюбие», «неподвластность»¹¹. И в основе этого находится большая близость кочевников к добру как таковому, по сравнению с оседлыми жителями, так как кочевой образ жизни относится к концепции изначальной чистоты духовной природы человека и является основой более поздних социально-политических конструкций¹².

Причину смены одной асабии другой Ибн Халдун объясняет как постоянно возобновляемый поиск авторитета, который в отсутствие пророка (во время которого сложилась своеобразная «синкретическая асабия», состоящая из «врожденной» кровнородственной асабии и религиозной «исламской асабии») замещается харизматическим лидером, выдвигаемым из асабийной группы «превращающимся в наследственного автократичного правителя и исчерпывающего асабийу своей группы, что приводит к завершению цикла и создает условия для захвата власти новой асабией»¹³.

Как известно, Ибн Халдун служил мамлюкам в Египте и как сторонник теории цикличности истории раскрыл функционирование государства и экономики. Именно стройная военная система мамлюков, их сплоченность и стала примером для Ибн Халдуна. Как известно, мамлюков с татарами Золотой Орды связывал не только военный союз, единство религии, но и происхождение, так как основная часть мамлюков происходила из Золотой Орды.

Асаба безусловно наложила на обычное права тюрок, прежде всего золотоордынских татар и в условиях мусульманского права вобрала в себя

⁸ Алексеев И.Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна. С. 93.

⁹ Смирнов А.Б. Ибн Халдун и его новая наука (включая приложение). С. 201.

¹⁰ Смирнов А.Б. Ибн Халдун и его новая наука (включая приложение). С. 202.

¹¹ Алексеев И.Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна. С. 96.

¹² Смирнов А.Б. Ибн Халдун и его новая наука (включая приложение). С. 201.

¹³ Алексеев И.Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна. С. 97.

понятие укоренения, обретения статуса, общинного землевладения для крупных кланов¹⁴.

Золотая Орда являлась монархией, власть в которой принадлежала ханскому роду. У правящей династии было монопольное право на все земли государства и они могли жаловать земельные владения бекам, мурзам, служителям культа, отдельным родам. Аристократия же имела право на свои земли как на родовые владения. Безусловно, земельные пожалования производились с целью формирования верной категории аристократии власти сюзерена, а также военно-административных подразделений.

Учитывая, что после прекращения политической смуты в Золотой Орде и прихода к власти хана Токтамыша, происходили масштабные события, затронувшие устои государства, когда происходила смена правящих кланов. В условиях борьбы за власть сразу нескольких политических группировок, взаимоотношения претендентов на власть и действующих ханов с теми, кто им служил, также происходили серьезные изменения. Властям было важно укреплять свою опору, а борющимся претендентам идти на уступки поддержавших их кланов. Перед правящей элитой встал вопрос именно о единстве, о чем писал Ибн Халдун. Также и права сюзеренов и тех, кто им был опорой, безусловно, формировали другие формы взаимоотношения. Прежде всего, это касалось прав на землю, получение должностей для клана, иммунитетных прав, освобождение от несения повинностей и т.п.¹⁵ Как известно, пожалование земельными владениями представителей родовых групп преследовало одну конкретную цель – поддержку центральной власти родовой аристократией на местах.

В труде Утемиша-хаджи как раз приведены такие интересные диалоги между претендентами и представителями элит. Нашедший раненого Токтамыша Урек Тимур говорит: «Я желаю помочь раненому оглану. Голову, имущество положу за тебя. Если когда-нибудь Господь Всевышний даст тебе богатство (дәүләт), не забудь меня».

(Токтамыш) хан сказал: «Когда-нибудь, если Господь Всевышний даст мне богатство, разделю его с тобой и (никогда) не поступлю наперекор словам твоим и просьбе!»¹⁶.

Также перед поднятием на трон военачальникам Хайдару и Тегене Улуг Мухаммад говорит «У вас ко мне не было уважения. Если сейчас я стану ха-

¹⁴ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Древнетюркские правовые традиции и мусульманское право в Чингизидских государствах: конфликт и компромисс // Алтаистика и тюркология. 2012. №1 (5). С. 175–176.

¹⁵ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 123–124.

¹⁶ Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 54.

ном, а вы – нукерами, разве будете вы считаться с моими решениями и ярлыками? Не говорите так, а то опозорите меня перед народом». Хайдар и Тегене сняли ножны меча и сказали: «Если Всевышний окажет нам такую милость, и ты станешь ханом, а мы не будем ценить тебя, как прежние ханы и не будем подчиняться твоим приказам, – пусть Всевышний возьмет наши души»¹⁷.

Здесь видим, в каких не простых условиях к власти приходили ханы, и как важна была позиция эмиров.

После распада Золотой Орды, группы населения, чаще отдельные рода, при переходе в одно из постордынских политий на условиях службы и выплаты ясака получали землю. Земля становилась их вотчиной, а они – ясачными или служилыми. Уплата ясака и служба гарантировали сохранение прав на землю. Ясак представлял собой правовой институт, отражающий права и обязанности всех слоев населения государства. В отношении рядовых граждан, подчинение центральной власти означало уплату налогов и выполнение различных повинностей. Элита и отдельные рода могли быть освобождены от повинностей. Это регулировалось тарханскими грамотами. В этом же ключе дополнением шёл «суюргал» – владение и особое пожалование правителем принадлежащей государству территории и доходов с неё с правом наследования.

Если раньше родоплеменное земельное жалование было основой улусной системы управления, и улусы представляли собой объединение родов и племен, подчиненное верховному правителю, то в дальнейшем первоначальное значение слова улус-«народ» трансформировалось в область как синоним вилайет или же вообще обозначало государство.

Со временем все эти земельные отношения развивались, хотя проследить их развитие в динамике очень сложно. При этом в татарских ханствах, судя по скудным источникам, они также развивались уже по отдельности и характерным для своего региона возможностям. Здесь мы имеем ввиду такие типы земельного владения как «бейское землевладение» – «бейлик», «даруга» – «округа», «улус» как вотчина бека, мурзы. Традиционные объединения различных групп населения – «иль» в Казанском ханстве¹⁸.

¹⁷ Утемиш-хаджи. Кара таварих. С. 71.

¹⁸ Блюменфельд Г.Ф. Крымско-татарское землевладение. Одесса: Типография Одес. вестн., 1888. 116 с.; Галлям Р.Г. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство актуальные проблемы исследования. Казань: Изд-во «Фэн», 2002. С. 280–316; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление казанским краем). Казань: Изд-во КГУ, 1982. 223 с.; Зайцев И.В. Княжеские «юрты» Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С. 188–206; Исаков Д.М. Введение в историю Казанского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. 116 с.; Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. Одесса, 1904. 15 с.; Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казан-

После завоевания татарских ханств Московским государством, ясак, как форма обложения местного населения, был сохранен русскими властями еще на долгое время. В Казанском ханстве «ясак» также являлся собирательным названием налоговых сборов, размеры которых регистрировались в ясачных книгах. В писцовых книгах содержится информация о том, что население бывшего Казанского ханства платило «ясаки по прежним ясачным книгам»¹⁹.

Русский царь уже в статусе царя казанского жаловал или подтверждал пожалование земли за службу, тем самым закрепив юридический статус новых подданных и законность их прав. Анализируя ту самую грамоту мы видим, что поступившие на русскую службу рода получили «Асабуи йир»²⁰ – и пожалованная земля была межевана по географическим ориентирам. За это пожалование они должны были платить «лисий ясак». А некоторые, надо полагать беки, получили статус тархана²¹.

Русские власти бывшего ханского юрта, когда еще продолжают существовать татарские административные отношения, в юридическом документе использовали привычные термины для коренного народа. В условиях средневековья термин «коренной» имел другое значение и был связан со службой и землей. Учитывая, что землей владело государство, и оно за службу пожаловало «землю» и те группы, которые получили землю и поступали на службу, как раз и становились асаба, т.е. коренными. По-другому – укоренялись, в современном значении – становились гражданами. За полученный статус асаба представители элиты должны были служить, а простые платить ясак. Те, кого освобождали от несения повинностей, становились тарханами.

Можно ли употребить термин асаба для обозначения вотчинников? Очевидно да, ведь это общее право ясачного и служилого населения Волго-

ского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с.

¹⁹ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина (1556–1567) / Издание церковного историко-археологического общества Казанской епархии. Казань: Типография Императорского университета, 1909. С. 65.

²⁰ Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских беев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян. С. 208–209.

²¹ О тарханских ярлыках Казанского ханства см.: Вахидов С.Г. Ярлык Сахиб-Гирей хана // Вестник научного общества татароведения. 1925. № 1–2. С. 29–37; Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирей // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Казань, 2013. Вып. 5. С. 31–47; Мустакимов И.А. Некоторые замечания к чтению и интерпретации ярлыка хана Ибрагима // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2010. С. 155–180; Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса. Казань: Изд-во КГУ, 1979. С. 34–38, 68–70; Усманов М.А. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 128–133.

Уралья и Сибири в системе социальных отношений Московского государства и предшествующего периода.

Асаба и вотчинное право, имеющие глубокие корни и уходящие в период татарских ханств, достаточно долгое время продолжали существовать на территории бывших Казанского и Сибирского ханств и в Мещере.

В дальнейшем, термин асаба уходит на второстепенный план и в условиях Нового времени, когда идет уже формирование нации в современном понимании, начинает означать народ, который живет в этих землях издревле, по-другому – автохтонный и уже без привязки к службе за землю.

В условиях новых геополитических изменений, реформ, интеграции в общее российское правовое поле термин уже остался больше в памяти людей и приобрел современное определение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев И.Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение» № 1 (3) 2016. С. 91–101.
2. Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских беев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 206–212.
3. Блюменфельд Г.Ф. Крымско-татарское землевладение. Одесса: Типография Одес. вестн., 1888. 116 с.
4. Вахидов С.Г. Ярлык Сахиб-Гирей хана // Вестник научного общества татароведения. 1925. № 1–2. С. 29–37.
5. Галлям Р.Г. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство актуальные проблемы исследования. Казань: Изд-во «Фэн», 2002. С. 280–316.
6. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление казанским краем). Казань: Изд-во КГУ, 1982. 223 с.
7. Зайцев И.В. Княжеские «юрты» Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С. 188–206.
8. Исаков Д.М. Введение в историю Казанского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. 116 с.
9. Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. Одесса, 1904. 15 с.
10. Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Казань, 2013. Вып. 5. С. 31–47.
11. Мустакимов И.А. Некоторые замечания к чтению и интерпретации ярлыка хана Ибрагима // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2010. С. 155–180.

12. Мухамедьяров Ш.Ф. К вопросу о системе земледелия в Среднем Поволжье накануне присоединения к России // Ученые записки Казанского Ордена трудового красного знамени Государственного университета. 1957. Т. 117. Кн. 9. Вып. 1. С. 43–46.

13. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с.

14. Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханный ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея 1523 // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 104–109.

15. Нефедов С.А. К вопросу о цивилизационном влиянии Золотой Орды и Османской империи на русские княжества // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 753–770.

16. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 гг. / изд. подг. Д.А. Мустафиной. Казань: Изд-во «Фен» Академии наук РТ, 2006. 660 с.

17. Почекаев Р.Ю. Древнетюркские правовые традиции и мусульманское право в Чингизидских государствах: конфликт и компромисс // Алтаистика и тюркология. 2012. №1(5). С. 172–181.

18. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.

19. Сейид-Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: Транслитерация / авт. Предисл., транслитерация, подготовка к изданию Р.Р. Абдужемилева; под общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 364 с.

20. Смирнов А.Б. Ибн Халдун и его новая наука (включая приложение) // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука, 2008. С. 187–217.

21. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1556–1567) / Издание церковного историко-археологического общества Казанской епархии. Казань: Типография Императорского университета, 1909. 143 с.

22. Урманчиев Ф. И. Чура батыр // Мирас. № 7–8. С. 17–27.

23. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса. Казань: Изд-во КГУ, 1979. 319с.

24. Усманов М.А. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 117–135.

25. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

Сведения об авторе: Миргалеев Ильнур Мидхатович – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: dilnur1976@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE TERM *ASABA*

Il'nur M. Mirgaleev

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The aim of the study is to analyze the term *asaba*, which denotes the status of a group of people related by kinship who received land for the service of the state. Over time, the term *asaba* was transformed into the concept of “indigenous person”. The source base are: the charter on the allotment of land to the South Ural clans who entered the Russian service, yarliks of the Kazan khans, Turkic-Tatar historical writings, Muslim law, and the works of Ibn Khaldun. In the course of the study, the following results were achieved: the Sharia term *asabiya* was superimposed on the customary law of the late Golden Horde Tatars, and under the influence of Muslim law, it incorporated the concept of rooting, acquiring status, communal land tenure for large clans.

Keywords: *asaba*, *asabiya*, khan’s yarliks, tarqan, suyurghal, rooting, Turkic-Tatar states, Golden Horde, Kazan Khanate, Tatars

About the author: Il’nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: dilnur1976@mail.ru

ФОРМА ДОХОДОВ С ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ (ИКТА) В АРМИИ МАМЛЮКСКОГО ЕГИПТА

Э.Г. Сайфетдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

В статье рассматривается форма доходов с землевладения армии мамлюков – икта. Сведения арабских источников показывают, что войско султана состояло из двух частей: войска мамлюков и войска халка (свободных людей). Наряду с различными вознаграждениями за хорошую службу даровалась икта, которая представляла собой вид откупа в виде военно-ленных пожалований и была введена при правлении Салах ад-Дина (1174–1193). В дальнейшем эта система была сохранена и реформирована в соответствии с военными потребностями мамлюков. Земли, облагаемые хараджем, (исключение составляли вакуфные земли) делились на 24 части, называемые киратами.

Ключевые слова: история, мамлюки, Египет, икта, доходы, землевладения

Мамлюки представляли военное сословие в средневековом Египте, основная часть которых состояла из представителей тюркских народов. Большинство из них в Египет попадало в возрасте 10 лет. Впоследствии они воспитывались в закрытых лагерях-интернатах, где проходили обучение военному делу. Благодаря военным успехам они могли подняться по карьерной лестнице и получить звание эмира. В 1250 году мамлюкам удалось захватить власть в Египте, которая продолжилась на протяжении многих столетий. Сплоченность мамлюкской общины, возможно, вдохновила мусульманского философа, историка и мыслителя Ибн Хальдуна (1332–1406) на создание теории племенной солидарности, распространенной под термином «асабия», которая провозглашалась как основная движущая сила истории.

Формирование армии мамлюков происходило согласно определенной иерархии, очень напоминающей структуру монгольских и впоследствии ордынских войск: деление на тысячи, сотни, десятки. Войско мамлюков (Макризи называет его как тюркское войско) делилось на две части. Первая часть находилась на службе султана, другая часть «в областях и городах страны, включая жителей пустыни – бедуинов и туркмен; и войско их смешанное – из тюрков, черкесов, румийцев, курдов и туркмен»¹. Во главе войска стояли

¹ Ал-Макризи. Книга поучений и назидания [содержащихся] в описании кварталов и памятников [Каира]. https://drevlit.ru/texts/m/makrizi_1966.php

эмиры, которые могли обладать сотней всадников и командовали тысячей, далее эмиры сотни, обладающие не менее сорока всадниками, и командовали сотней и эмиры десяти, которые командовали десятью всадниками и т.д.

Отдельную часть мамлюкского войска составляло войско халка, т.е. свободных людей. Наряду с арабскими, курдскими и туркменскими племенами в эту группу также входили выходцы из Золотой Орды. Часть из них под названием «вафадиин», прибывшая в Египет еще во времена правления султана Бейбарса в количестве 200 всадников². По сообщению Рукн ад-Дина Бейбарса «старшины татар были назначены эмирами, им были назначены **наделы** и хоры музыкантские, розданы деньги, одежды и подарки и выделены места в ал-Лук»³. Со временем золотоордынских татар стало пребывать гораздо больше и в Каире образовался отдельный квартал под названием «Орду», а также к именам некоторых знатных прибывших людей стали прибавлять прилагательное «ал-вафиди» (прибывающий)⁴.

Наряду с различными вознаграждениями за хорошую службу даровалась икта⁵. Икта как вид военно-ленных пожалований была введена при правлении Салах ад-Дина (1174–1193). Над иктой сохранялся контроль государства, но собственник земель не платил государству. В дальнейшем эта система была сохранена и реформирована в соответствии с военными потребностями мамлюков. Земли, облагаемые хараджем (исключение составляли вакуфные земли), делились на 24 части, называемые киратами. По 10 киратов получали эмиры мамлюков и войско халка, а оставшиеся 4 принадлежали султану. Из 10 киратов на содержание эмира отводилось 1/3 дохода с этого выделенного ему за службу икта, а его воинам-мамлюкам 2/3 части от дохода. Доход с 4 султанских икт покрывал и содержание личной гвардии султана.

Во времена эпохи мамлюков была распространена так называемая «военная» икта. Большая часть икта была сосредоточена в руках «людей меча», первым из которых был султан и его земли (икта) назывались и королевской

² См.: Абу Шама Шихаб ад-Дин ал-Макдиси. Китаб ар-Раудатайн фи ахбар ад-даулатайн ан-нурийа ва-с-салахийа. Т. 1. Ч. 1–2. Каир, 1956; Мохи ад-дин Абдуллах бин Абд аз-захир бин Нишван ал-Хазами ал-Масри. Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир. Ар-Рияд, 1976, Из сочинения Эльмуфаддала // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. С. 187.

³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с. С. 100.

⁴ См. Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. С. 22.

⁵ Икта́ (араб. إقطاع – надел) – передача государством (правителем) принадлежащей государству территории и доходов (харадж) с неё какому-то конкретному лицу с правом наследования. При этом возможна передача территории под полный контроль какого-то лица (мульк), либо же только получение доходов (ушр или харадж) с них.

собственностью. Султан обычно довольствовался плодородными землями, расположенными поблизости, прибыльными сборами и обильными потоками доходов от них. Его вотчина оценивается в одну шестую площади земли, на которой он управлял и собирал урожай. Сыновья султанов считаются «людьми меча», и доля каждого из них приходится на сотню эмиров. За сыновьями султанов по очереди следуют военные эмиры, и среди них есть эмир тысячи и эмир сотни, затем эмир таблаханы и эмир десяти до эмира трех. В войске, составленного из мамлюков, грамоты на получение икта выдавались эмирами, где было указано, что эмиру принадлежит треть икта, а его воинам полагалось две трети. В войске халка икта выдавалась согласно грамоте султана (маншур). Икта являлась правом на получение дохода с определенной территории, которая была предоставлена эмиру и с тем, чтобы с этих доходов он мог обеспечивать своих воинов. Эмир получал феодальное владение от султана после принесения присяги на верность, которая предусматривает в случае военных действий или угрозы безопасности страны предоставление эмиром своих воинов со снаряжением на службу султану. Потом эмир или его представитель передавал землю крестьянам, разделенную или арендованную. Семена выдавались из запасов султана и распределялись пропорционально тому, что было записано с земли для возделывания. Урожай делился по типу земли и типу орошения. Крестьяне обязаны были обрабатывать землю в соответствии с ее типом, видом урожая, который она дает, и в соответствии с типом орошения, и они также обязаны платить десятину.

По сведениям ал-Макризи доход с икта эмиров, назначенных султаном на руководящие военные посты, достигала 200 000 динаров, а у остальных от 7000 до 80 000 динаров. А в войске халка эта сумма составляла от 1500 динаров⁶.

С одной стороны доходы с икта были стабильными для воинов, с другой стороны данная система позволяла государству контролировать доступ к ресурсам страны. Однако в результате развитие системы икта привело к высокому налогообложению местных крестьян, поскольку налогообложение стало суммой долга перед государством. Со временем проблемы возникли и с распределением части икта среди войска халка, которая стала сосредотачиваться в руках мамлюкских эмиров. Это привело к конфликту между эмирами и представителями войска халка, в результате которого в 1298 г. была осуществлена кадастровая оценка государственных земель Египта, с целью вернуть недобросовестно захваченные эмирами земли и уменьшить размер икта с 20 до 11 киратов. Однако реформа султана Мансура Ладжина не удалась, и он был убит эмирами в результате разгоревшегося заговора.

⁶ Ал-Макризи. Книга поучений и назидания [содержащихся] в описании кварталов и памятников [Каира]. https://drevlit.ru/texts/m/makrizi_1966.php

Но проблема с разделением икта среди воинов не исчезла и следующий передел состоялся в 1315 г. во времена правления султана ан-Насира Мухаммада Калавуна (1310–1341). Согласно выявленным в ходе проверки сведениям, самые плодородные и выгодные земли находились в руках мамлюкской элиты – эмиров, налоговые поступления в султанскую казну с доходов султанских икт была не достаточной. По приказу султана султанская икта была увеличена с 4 до 10 киратов, а эмиры и халка получали 14 киратов.

Последствия передела были необходимы как для ослабления влияния эмиров мамлюков на султана, так и в переориентации хозяйства на систему, которая была бы управляема под контролем государства. Система сбора налогов, ранее зависящая от владельцев икта, была сформирована в регулируемую государственную систему, которая контролировалась провинциальными губернаторами. Период после этих налоговых реформ был временем экономического роста, который фактически увеличил налоговые поступления для султана.

Реформа землепользования, проведенная ан-Насиром Калавуном, позволила обеспечить стабильное экономическое развитие страны. Сельское хозяйство находилось в приоритете, и государство активно спонсировало развитие аграрного сектора. Благодаря увеличению казны было осуществлено масштабное строительство. Времена правления ан-Насира в Египте, как и времена власти Узбек-хана в Золотой Орде, считаются самыми благополучными периодами в развитии государства. Согласно арабским летописям, Узбек хан приказал читать молитву на имя мамлюкского султана ан-Насира⁷.

При ан-Насире мамлюкам часто даровались поместья в качестве подарка за верную службу. Мамлюкский летописец ал-Макризи сообщает о том, что «В 1326 г. ан-Насир приказал увеличить долю икта для эмира Каусана»⁸. Каусан прибыл из Золотой Орды в 1320 г. в составе свадебной процессии невесты султана Тулбии. Султан стал к нему благоволить и возвысил его до звания эмира.

Однако дарованные поместья не передавались по наследству. Также по наследству не передавались и звания, чтобы наследники не пользовались привилегиями своих отцов. Со времен мамлюкской эпохи сохранилось большое количество медресе и духовных обителей с именами эмиров. Эмиры вкладывали все свои средства в благотворительность, строили мечети, медресе и устраивали в них своих детей и родственников и тем самым обеспечивали им благополучную жизнь.

Система икта в Египте и Сирии была уникальна тем, что она не была наследственной и икта одного султана при смене власти передавалась новому правителю, также икта одного эмира переходила во владение другого. Икта

⁷ Из сочинения Эльмуфаддала // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. С. 187.

⁸ ал-Макризи. Китаб ас-сулук ли магрифат дувал ал-мамлюк. Каир, 1936. Т. 3. С. 88.

могла быть уменьшена в наказание или увеличена как вознаграждение, а его недостаток мог сопровождаться изгнанием, тюремным заключением или конфискацией. В случае лишения прав на икта или смерти его собственника, освободившиеся икта контролировались государственным органом «Диван ал-муртаджат». Этот диван был упразднен во время правления в мамлюкском Египте черкесских султанов. Что касается возвращения изъятой икта его владельцу, одному из его наследников или другим лицам, то это находилось в юрисдикции султана. Наместники провинций, находящихся за пределами Египта, за исключением наместников Дамаска и Хамы, не имели полномочий использовать одного эмира вместо другого, отдавать приказ новому эмиру, осуществлять какие-либо операции в отношении передачи икта, за исключением войска халка.

Такая система икта в мамлюкском государстве сохранилась вплоть до османских завоеваний, что позволило не только контролировать систему землепользования, но и укрепить социально-экономическое развитие мамлюкского Египта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Шама Шихаб ад-Дин ал-Макдиси. Китаб ар-Раудатайн фи ахбар ад-даулатайн ан-нурийа ва-с-салахийа. Т. 1. Ч. 1–2. Каир, 1956;
2. Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. С. 22.
3. Из сочинения Эльмуфаддаля // *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. С. 187.
4. ал-Макризи. Книга поучений и назидания [содержащихся] в описании кварталов и памятников [Каира] https://drevlit.ru/texts/m/makrizi_1966.php
5. ал-Макризи. Китаб ас-сулук ли магрифат дувал ал-мамлюк. Каир, 1936. Т. 3. 566 с.
6. Мохи ад-дин Абдуллах бин Абд аз-захир бин Нишван ал-Хазами ал-Масри. Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир. Ар-Рияд, 1976.
7. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с. С. 100.

Сведения об авторе: Сайфетдинова Эльмира Гадельзяновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

**FORM OF INCOME FROM LAND TENURE (IQTA)
IN THE ARMY OF MAMLUK EGYPT**

Elmira G. Sayfetdinova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The purpose of this article is to consider *iqta*, that is, the form of income from land tenure in the Mamluk army. The information of Arabic sources show that the army of Sultan consisted of two parts: Mamluk and *halqa* (free people) troops. Along with various awards, *iqta* was bestowed for good service and represented a form of military-fief award. Salah ad-Din (1174–1193) was the first to grant *iqta*. Later this system was preserved and reformed in accordance with Mamluks' military needs. The lands taxed by the *kharaj* (with the exception of the *waqf* lands) were divided into 24 parts, called *kirats*.

Keywords: history, Mamluks, Egypt, *iqta*, income, land tenure

About the author: Elmira G. Sayfetdinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: adulya2@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ И РАЗВИТИИ ВОТЧИНЫ: «ОТЧИНА» ПО ДРЕВНЕРУССКИМ ИСТОЧНИКАМ

Т.Р. Галимов

*Болгарская исламская академия
Болгар, Татарстан, Российская Федерация*

В статье на основе древнерусских источников рассматриваются вопросы трансформации упоминаний «отчина» как в аспекте землевладельческих прав, так и в становлении термина «вотчина», «вотчинник». Исходя из полученных данных, подвергнутых неглубокому анализу, учитывая наработанный комплекс историографии по затрагиваемым вопросам, автор приходит к следующим предварительным выводам. Отчина проходит несколько этапов трансформации от непосредственного именованья земли, принадлежащего главе княжеского рода, земельного права князей, до безусловного единоличного владения правителя. В ходе исследования также возникло интересное замечание о попутном синонимичном звучании, а также восприятию, отчины в качестве отечества. Последней формой трансформации стала вотчина – земельные права представителей служилого сословия. После петровских преобразований XVIII в. осталась лишь в качестве обоснования прав на землю, или даже лишь налоговых привилегий проживающих на определённой территории имеющих особые грамоты, сформированных государственной машиной представителей этносословной общности – «вотчинников».

Ключевые слова: древнерусские летописи, древнерусские нарративные источники, духовные и договорные грамоты, отчина, Древняя Русь, вотчина, Иван Грозный, землевладение, вотчинник

Вотчинное землевладение на Руси представляет собой весьма интересную тему для исследования. В отличие от Европы, имевшей аллоды – земли, не имевшие ограничений в области права распоряжения¹, земельные права на

¹ Шеметова Н.Ю. Европейское законодательство (Средневековье, XVII век – начало XX века) об особенностях оборота недвижимого имущества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2(40). С. 88–90. Проблемы формирования земельной собственности на Руси, см.: Шеметова Н. Ю. Развитие института недвижимости в историческом аспекте // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2014. № 4. С. 208–233; Мининкова Л.В. Непростая судьба научной идеи: теория вотчинного государства в России в лабиринтах исторической мысли нового и новейшего времени // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы ... Новочеркасск, 2019. С. 3–9; Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в отечественной до-

Руси и собственность в целом развивалась в несколько ином направлении. О становлении вотчины как процессе формирования земельной собственности на Руси написано достаточно много специальных работ². Историография по изучению истоков вотчины, её центральной основополагающей исторической единицы – отчины, также довольно обширна³. Однако прямого специального труда по изучению упоминаний данного термина в древнерусских источниках в ключе данного исследования, а именно понимании трансформации из «отчины» в «вотчину», не обнаружено.

Древнерусские источники по основному своему назначению и центральным сюжетам ориентированы на отражение жизни княжеского рода и описанию ключевых событий происходивших с его представителями. Это и не удивительно, так как основное летописание было сосредоточено в руках княжеского рода. Боярские и купеческие рода, по всей видимости, не ставили перед собой подобных задач по составлению, либо по прошествии времени попросту не сохранили собственного письменного наследия. Аргументом за вероятность скорее утраты, чем их принципиального отсутствия, могут служить дошедшие до нас редкие тексты памятников русской литературы, составленные представителями высшей церковной, либо монастырской иерар-

революционной марксистской исторической мысли // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 3(169). С. 63–67; Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства и особенности российской истории // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 104–119; Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в советской и современной отечественной историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 4(188). С. 70–77; Мининкова Л.В. В.О. Ключевский о Земском соборе 1613 г. в свете теории вотчинного государства // Клио. 2013. № 12(84). С. 147–150.

² Хотелось бы выделить наиболее обоснованные и неангажированные: Чиркин В.А. Генезис древнерусской государственности и процесс становления института собственности в средневековой Руси X–XIV веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 6. С. 894–907; Сигалов К.Е. Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России // Общество и право. 2014. № 1(47). С. 27–31. Об экономической неэффективности и несостоятельности вотчин как аграрных единиц: Ефременко А.В. Крупное землевладение в России: исторический аспект // Вестник АПК Верхневолжья. 2008. № 2(2). С. 97–101.

³ Наиболее значимые специальные работы: Назаренко А.В. Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. М., 2008. С. 132–179; Котляр, Н. Ф. К вопросу о причинах удельной раздробленности на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1(43). С. 5–17; Веденеева Н.Е. Политическая обстановка на Руси в последней четверти XIV века // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 5(34). С. 45–55.

хии (слова, наставления, поучения, широкая житийная традиция), а также купечества. Ярким примером последнего может служить текст, составленный во второй половине XV в. купцом Афанасием Никитиным – «Хождение за три моря».

По составу древнерусские источники делятся на три основных типа: летописные тексты; письменные памятники житийного комплекса, либо посвященные отдельным сюжетам; актовый материал (духовные и договорные грамоты). Учитывая краткость проводимого исследования, не претендующего на монографическую полноценную разработку, в данной статье мы рассмотрим специфику упоминания «**втчны**» исключительно по основным летописям, актовому материалу (духовных и договорных грамот) и ряду памятников древнерусской литературы. Верхние хронологические рамки исследования будут очерчены концом XV в.

Среди летописного материала для нашего исследования выбраны, цитируемые по полному собранию русских летописей, Лаврентьевский (с частью Суздальского летописания) и Ипатьевский (с Галицко-волынкой частью) списки, как наиболее часто используемые и близкие по времени написания к событиям, наиболее исследованные и масштабные по отражению событий по территориальному признаку, чем летописи местного значения, либо более поздние.

Если говорить о летописной традиции, то конечно, форма отражения и оценочные суждения самого летописца, с одной стороны усугубляют реконструкцию исторической действительности, а с другой помогают лучше понять средневековое восприятие произошедшего. Однако записи, содержащие правовые нормы и коллизии, возникавшие в правоприменительной практике относительно владения и землепользования, летописцами и авторами текстов почти не подвергались искажениям и передавались очень четко, создавая картину распределения земельного фонда. Хотя стоит отметить, что количество таких записей не много и невозможно точно установить территориальные владения каждого упоминаемого в летописях князя. В тоже время основной целью составления летописей и текстов передача важной правовой информации не являлось, а скорее состояло в рассказе о княжеской доблести и жизни. Есть мнение, что по своему самому главному предназначению, княжеский хронограф должен был служить в качестве своеобразного отчета перед Богом. В большинстве случаев отчина в летописях имеет два схожих определения – земля главы рода, передаваемая по праву старейшинства, а также город самого князя, с обязательным упоминанием имени города.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях существует несколько интересных сюжетов связанных с использованием слова **вчина** / **вчина** (Лаврентьевский список); **втчны** / **вччны** (Ипатьевский список). Первое упоминание – это запись увещевания киевлян своему князю Святославу в 968 г.: «послаша Киѧне къ Стѡславу глѣце . ты княже чюжеѧ земли ищещи и блюдеши а своеѧ са вхабивъ . малы бо насъ не вѣзша Печенѣзи . [и] А мѣръ твою

и дѣти твои. аще не поидеши ни вбраниши насъ . да паки ны возмуть . аще ти не жаль **вчинны** своѣѧ . ни мѣре стары суща и дѣтии своих...»⁴. Увещевание прошло удачно и князь «вборзе» поспешил на помощь сродничам и спас их от печенегов. Отчина в этом отрывке передается не только как территория землевладения, но и как образ отца в нехитром перечислении «Аще тебе не жаль ни отчины, ни матери, ни детей?». Формула «не губи вчинны своѣѧ» вновь повторена, значительно позже в речи князя Андрея Боголюбского в случае примирения князей в 1149 г.⁵

Изменение слова и написание в виде «воочина» можно увидеть в описании событий 1206 г., когда: «Слышав же Галичане . с Романовичема . аже идеть рать на на силна вѣсуду . и оубоѡшасѧ зѣло . и послашасѧ к королеви . помочи просѧ оу него . Слышав же король вже идуѣ князи вси Русстиѣ на Галичь . а вѣселѣ идуѣ Лѧхове . совокупасѧ весь . поиде с ними чересъ горы . Романовича же видѣвша матежъ в земли великъ . и оубоѡстасѧ . и недождавже корола бѣжаста из Галича в Володѣмеръ [Волынский, прим. Т.Р.] в **воочину** свою»⁶. Но единственное найденное серьезное искажение связано вероятно исключительно с проблемами начертания слов переписчиком, и только в лаврентьевской летописи. В Ипатьевской же летописи находим непосредственное имя «антихриста» вторгшегося на территорию Галича по наущению князя Андрея – венгерский палатин Бенедикт⁷.

В этом же сюжете, примечательном не только в качестве появления подробностей, встречаем слово «вчѣство», которое применяется в отношении «премудрого книжника» Тимофея⁸, нарекателя Бенедикта антихристом: «бѣ бо Тимофѣи в Галичѣ преоудръ книжникъ . вчѣство имѣѧ во градѣ Кѣевѣ. притчтею речъ слово . в семь томители. Бѣнедиктѣ. ꙗко в послѣднѡѧ времена тремъ имени и наречетсѧ антихрстъ»⁹. В данном случае «отчество» применяется в качестве понятия «родина». Интересно и более раннее использование летописцем слова «Сѡць Бѣ Сѡць прѣно сыи . пребывасть **во вчѣствѣ** . нерожень безначалень»¹⁰ в передаваемой молитве киевского князя Владимира I Святославича Святого при описании событий крещения Руси в 988 г., что говорит о долговременном существовании понятия отчество. Интересным является примененное самим монахом Лаврентием слова «**вчѣство**» сходно с

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб.67; ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись Л. 26 об.

⁵ ПСРЛ. Т. 1 Стб. 326.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб.427.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Л. 246 об.

⁸ Более подробно о Тимофее: Черепнин Л.В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. Т. 12. С. 228–253; Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 6, 33–34, 37–38, 68, 73, 146, 196.

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Л. 246 об.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 112.

очиной, до конца может восприниматься именно как отечество, родина, родная земля: «Радуетса купецъ прикупъ створивъ . и кормъчии въ втишье приставъ и странникъ въ вчѣство свое пришедъ . такожъ радуетса и книжнъи списатель . дошедъ конца книгамъ . такожъ и азъ худъи недостоинъи и многогрѣшнъи . рабъ Бжии Лаврентеи мнихъ». Для летописца переписчика 70-х гг. XIV в. вероятно эти понятия были синонимичными. В Ипатьевской летописи также находим сходные формулы: «æзь не хочю блоудити в чюже землѣ . но хочю головуу свою положити . во втчинѣ своеи»¹¹. Однокоренные слова отчина и отечество от «отче», имеют право на дальнейшее изучение и сравнительный анализ восприятия вотчин как земель данных по отечеству, родных земель.

В отношении самого термина «отчина», как землевладения, самым часто упоминаемым в исторической литературе является событие 1097 г., когда на княжеском съезде в Любече было принято весьма значимое решение «каждому держать отчину свою», которое в последующем стало принципиальным при разборе споров и земельных притязаний множества княжеских отроков: «Придоша Стѣполкъ . [и] Володимеръ . [и] Дѣдъ Игоревичъ . и Василко Ростиславичъ . и Давѣдъ Стѣславичъ . и брагъ яго СѸлегъ . и снашася . Любачи на оустроеные мира . и глѣша к собѣ рекуще почто губимъ Русьскую землю . сами на са котору дѣюще . а Половци землю нашу несутъ розно . и ради суть вже межю нами рати . Да нонѣ ѿселѣ имемса въ едино срѣце . и блюдемъ Рускыѣ земли . Каждо да держитъ **втчину** свою . Стѣполкъ Кыевъ . Изаславль Володимеръ Всеволожь . Дѣдъ и СѸлегъ . и Ярославъ . и Стѣславъ . а имже роздаеѣтъ Всеволодъ городы . Дѣду Володимеръ . Ростиславичема Перемышьль . Володареви Теревовль Василкови . и на томъ цѣловаша крѣъ . да аще кто ѿселѣ на кого будетъ . то на того будемъ вси . и крѣъ чѣтнъи рекоша вси да будетъ нашъ . [хрестъ чѣтнъи] и вса земля Русьскаа . и цѣловавшеса поидоша в своа си»¹².

В 1139 году право отчины стало центральным доводом в действиях Андрея князя Переяславского не переходить в Курскую землю и воспротивиться требованию Всеволода Ольговича князя Киевского, который замышлял перераспределение земельного фонда: «Сѣде СѸлговичъ в Кыевъ . и нача замышлати на Володимеричѣ . и на Мстиславичѣ . надѣася силѣ своеси . и хотѣ самъ всю землю держати . с своєю братією . искаше подъ Ростиславомъ Смолинъска . и подъ Изаславомъ Володимера . и посла воѣ на Изаслава река иди из Володимера . и дошедше Горины пополошившеса бѣжаша впаць . и тогда Всеволодъ приведе брата . ис Курьска Стѣслава . и иде с нимъ

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Л. 230 об.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257; ПСРЛ. Т. 2. Л. 88. Вилкул Т.Л. Известие «Повести временных лет» о Любечском съезде 1097 года; интерпретации и ошибочные чтения // Славяноведение. 2009. № 2. С. 16–24.

Переяславлю . на Андрѣа . и хоташе выгнати Андрѣа . а брата своего посадити . а Андрѣеви реч иди Курску . и Андрѣи тако реч . сдумавъ с дружиною своею . лѣплѣѣ ми того смръть а совоею дружиною . на своеси **вовчинѣ** . и на дѣднѣ . нежели Курское княженье . вѣць мои Курскѣ не сѣдѣль . но в Переяславли . и хочю на своеси **вчинѣ** смръть прияти . вже ти брате не досѣти всю землю Русскую держаще . а хочеш и сеи волости . а оубивъ мене тобѣ то волость . а живѣ не иду из своѣѣ волости . вбаче не дивно нашему роду . тако и преже было же»¹³ .

Зимой 1141 года в связи со смертью городецкого князя Всеволода Давыдовича снова произошло распределение земель: «Тою же зимы престависа Всеволодько . Городецкый князь . тогда же посла Всеволодь ис Кыѣва . на Вячеслава . река сѣдиши в Кыѣвской волости [а] мнѣ достоить . а ты иди Переяславлю . въ **вчину** свою . в то же время пойма города . Гюргевы Сѣлговичъ . и конѣ . и скоты . и вѣць . и товаръ . кдѣ что чюае .»¹⁴ И снова мы видим указание на возвращение в отчину, т.е. в землю, ранее распределенную в качестве родовой. В этом отношении очень интересно использование отчины в формуле восприятия родовой судьбы «Изаславу же молващю мнѣ вчины нѣту в Вугрѣхъ . ни в Ласѣхъ . токмо в Русстѣи земли»¹⁵ .

Земельные перипетии росли вместе с аппетитами княжеских родов, непомерно увеличивающихся из поколения в поколение. В 1207 г. коалиция русских князей направилась к Киеву, где сидел князь «Рюрик же то слышавъ вже идеть на нь рать бесчисленааѣ вѣсуюду . и не бысѣ юму ни вѣ кого же помочи . вн же въ Вручии бѣжа ис Кыѣва . вни же придоша к Кыѣву и бысѣ юму вѣсть вже Рюрикъ шель въ Вручии . а Бѣлѣгородѣ затвориса Мстиславъ Романовичъ . вни же устремишася на Бѣлѣгородъ . и пришедше вступиша и . и бысѣ брань люта . и люди же изнемагахуса в градѣ . видѣвъ же Мстиславъ вои множество вколо города . и не бысѣ юму помочи ни вѣкуду же . и нача просити пути оу него . и Всеволодь цѣлова к нему крѣтъ и да юму путь . вн же иде Смолинську в свою **вчину** . си же придоша к Торѣцкому . Мстислав же Мстиславичъ . затвориса в немъ . и вни вступиша и . и поганьяѣ распустиша воевать . вни же много зла створиша по земли плѣнующе . сѣкуще и села жгуще . Мстислав же не мога терпѣти в градѣ цѣлова к нему крѣтъ на него воли . Всеволод же Чермный пришедѣ сѣде в Кыѣвѣ . много зла створивъ землѣ Рустѣи Тогожѣ лѣтѣ . слышавъ великый князъ Всеволодь Гюргевичъ . внукъ Володимеръ Мономаха . вже Сѣлговичи воюютъ с пога[нны]ми . землю Рускую . и сжалиси в томъ . и реч то ци тѣмъ **вчина** вднѣм Рускааѣ земля . а

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 307.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 309.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 329.

нам не **вчїна** ли . и реч како ма с ними Бѣ оуправить . хочю поити к Чернигову . и посла Новгороду по снѣ своего Константина.»¹⁶

Следующий сюжет восстановления земельных прав Юрия Всеволодовича и оттеснение своего младшего брата Владимира Всеволодовича из Москвы на Переяславль Южный относится к 1213 г.: «приходи Юрги съ Ярославом к Ростову . и створша порадъ с Константином . и идоста ѿ Ростова к Москвѣ . Гюрги съ Ярославом . и изведь Гюрги из Москвы Володимера . и посла и в Рускыи Переяславль на столъ на **вчїну** свою.»¹⁷

Конец земельным терзаниям и междоусобице приходит вместе с нашествием татар 1237–1241 гг. Военное столкновение привело к уничтожению большей части глав княжеских родов. Произошло силовое насаждение, а в некоторых случаях и добровольное принятие, главенства на Руси «кановичей» и «царей ордынских», ставших, по сути, владельцами всех русских земель. Кроме того возникает новая политическая система на Руси. Постоянное соблюдение правила получения ярлыков на княжение и подтверждение своих имущественных прав в Орде, ставке хана, привело к упорядочиванию системы наследования земель. Происходит прерывание следованию лестничной системе и появление в духовных грамотах (завещаниях) прямого наследования от отца к сыну¹⁸.

В 1243 г. казалось бы главным распределителем земель и «лендлордом» на Руси назначается Ярослав Всеволодович «Великыи князъ Ярославъ . поѣха в Татары к Батыѣви . а снѣ своего Константина посла къ Канови . Батыи же почти Ярослава великого чѣстью и мужи него . и ѿпусти и реч ему . Ярославе буди ты старѣи всѣм княземъ . в Русскомъ азыщѣ . Ярослав же възвратиса в свою землю с великою чѣстью»¹⁹. Однако старшинство исходя из сообщения, и по всей видимости из текста полученного ярлыка, вероятно не давало прямого утверждения за Ярославом прав единственного и непререкаемого владельца всей русской земли, и поэтому в 1244 г. последовали в Орду уже местные князья в поисках правды и подтверждения своих земельных прав: «Князъ Володимеръ . Константиновичъ . Борисъ Василковичъ . Василии Всеволодичъ . и с своими мужи . поѣхаша в Тата[ры] к Батыѣви про свою **вчїну** . Батыи же почтивъ æ . чѣстью достоиную . и ѿнустивъ æ . расудивъ имъ когождо в свою **вчїну** . и приѣхаша с чѣстью на свою землю»²⁰. Также и Галицкий князь Да-

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 430.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 437–438; ПСРЛ. Т. 2. Л. 249 об.

¹⁸ Мельников С. А. Влияние ордынского ига на престолонаследие // Юридический мир. 2010. № 4. С. 47–51.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

ниил Романович получил аудиенцию у Батые и «злую честь» служить Орде на собственной земле²¹.

Но даже и в случае утверждения в Орде отчин и подтверждения особых прав, не редкими случались злоупотребления отдельных князей по отношению к своим менее ретивым братьям, хоть и собиравшимся в коалиции, но все же менее наделенных военными силами. Михаил, тверской князь, удостоился «блости **вчїны**»²² переяславского князя Иоана Дмитриевича в связи с его путешествием за правдой в Орду.

Непростая ситуация с княжеским землевладением складывалась на северо-западе, в пределах влияния Новгорода²³. Дело в том, что ни один князь не владел и не мог владеть Новгородской землей, даже по праву приглашения. Также и в период ордынского владычества на Руси. Данное обстоятельство особого землевладения требует дополнительного расширенного исследования на основе анализа новгородского летописания и соответствующего актового материала.

Относительно термина «отчина» в былинной древнерусской традиции стоит отметить труд Татьяны Владимировны Топоровой²⁴. Исследование доктора филологических наук громкое по названию, по сути, предметно изучает лишь онежские былины, не захватывая иные как по хронологии, так и по территориальному признаку, и представляет собой лишь попытку подтверждения возможности использования ранее выдвинутой исследователем описательной методики. Но даже исходя из результатов данного исследования отчина предстает перед нами в качестве не только передаваемого по наследству права на пользование и владение землѣй, но и как совокупный образ собранных на ней людей, имущества и др. Отчина в былинах по своему исполь-

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Л. 271 об. Селезнев Ю.В. Понятия «честь» и «жалование» в русской письменной традиции как отражение характера взаимоотношений Руси и Орды в XIII и XIV вв. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2006. № 2. С. 195–198.

²² Полная картина разыгравшейся трагедии «Приде Андрѣи кнѣзь ис Тотарь . и совокупи вои . и хотѣ ити на Переаєславль ратью . да ѿ Переаєславла к Москвѣ . и ко Тфѣри . слышав же князъ Михаило Тфѣрьский . и Данило Московьский кнѣзь . и совокупивъ вои . и пришедше и стага близъ Юрьева на полчиши . Андрѣи в Володимери . и тако не даста поити Андрѣю на Переаєславль . башеть Іванъ князъ снѣ Дмитриевъ ида в Ворду приказаль Михаилу кнѣзю . блости вчїны своеє и Переаєславла . и замало бою не быс промежи ими . и вѣша миръ и поидоша в своає си» (ПСРЛ Т. 1. Стб. 484).

²³ Валеров В.А. Новгородская нефеодалная вотчина (к вопросу о характере отношений собственности на землю в северо-западной деревне в XIII–XV вв.) // Клио. 2016. № 11(119). С. 105–115; Городилин С.В. «Твоя отчина мужи псковичи люди добровольные»: к вопросу о происхождении и политико-правовом контексте летописной формулы // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 86–91.

²⁴ Топорова Т.В. Эпическое слово: отчина в русских былинах // Филология и культура. 2012. № 2(28). С. 125–128.

зованию близка к понятию отчина, но в весьма искаженном её варианте, почти персонифицированном.

Отчина также упоминается в древнерусских памятниках литературы: повесть о разорении Рязани Батыем²⁵; Задонщина²⁶; Сказание о Мамаевом побоище; Послание митрополита Киприана игуменам Сергиею Феодору²⁷; Послание Кирилла чудотворца к князю Андрею Дмитриевичу²⁸; Сказание о князьях владимирских²⁹; История о Великом князе Московском (сост. Князь Андрей Михайлович Курбский)³⁰; Переписка Ивана Грозного с А. М. Курбским³¹; Смирненного инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче³²; Послание на Угру Вассиана Рыло³³; Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу³⁴. Как можно заметить, активность упоминания прямо пропорциональна правоприминительной практике и росту правового самосознания, безусловным инициатором которого стало ордынское владычество, с последующим укреплением верховенства прав отчины.

Относительно упоминаний в древнерусских актовых материалах, а именно правоприминительной практики в духовных и договорных грамотах, то можно видеть, как отчина принимает трансформации, от удела до признака великокняжеской территории управления и единственно возможной формы земельного владения, закреплённой за государем, передаваемая уже от отца к сыну, но не по старшинству братьев³⁵. Иван III, судя по духовной грамоте

²⁵ Памятники общественной мысли Древней Руси (далее – ПОМДР). Т.2. С. 60.

²⁶ ПОМДР. Т. 2. С. 82.

²⁷ ПОМДР. Т. 2. С. 321, 325.

²⁸ ПОМДР. Т. 2. С. 322–323, 334.

²⁹ ПОМДР. Т. 3. С. 24.

³⁰ ПОМДР. Т. 3. С. 98, 108, 122, 124, 127, 129, 133, 142.

³¹ ПОМДР. Т. 3. С. 208, 213, 222, 227, 232, 242, 245.

³² ПОМДР. Т. 3. С. 340, 343, 346–348.

³³ ПОМДР. Т. 3. С. 359.

³⁴ ПОМДР. Т. 3. С. 413.

³⁵ Веденева Н.Е. К вопросу о проблеме наследования великокняжеского престола в духовном завещании Дмитрия Донского // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2004. № 3(22). С. 235–240; Зимин А.А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. М., 1947. Кн. 27. С. 273–290. Пресняков А.Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71–80; Шапошник В.В. К вопросу о завещании Василия III // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2009. Вып. 2. С. 21–28. Значимые духовные грамоты: [Около 1339 г.] Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М.; Л., 1950. С. 7–9; [353 г., марта 18 – апреля 26]. Духовная грамота великого князя Семена Ивановича // ДДГ. С. 13–15; [1389 г., апреля 13 – мая 16]. Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича // ДДГ. С. 33–37; [1406 г. сентября 16 –

1477 г., предстает как главный вотчинник (без равных себе) – единственный владелец земли, имеющий на неё право верховной собственности³⁶. Что характерно, это обстоятельство возникает еще в период существования даннической зависимости Москвы от Большой Орды хана Ахмата.

Именно в этот период появляется окончательное закрепление понятия вотчина – земли вручаемые государем за службу в право пользования и владения, но не распоряжения, передаваемые исключительно по праву наследования, вместе с преемственностью службы.

Если говорить о последующем развитии термина вотчина, то уже в более позднее время терминология документов вотчинного землевладения и прав, учитывая растущее количество правладельцев из числа служилых князей и людей, усиливалась множественными словотворческими изысками, которые появляются в связи с ростом хитросплетений правоприменения. Одними из небезынтереснейших документов этого ряда являются «грамоты ослобожонные»³⁷. В XVII веке понятие вотчины имеет разные трактовки. К примеру, появлялись вотчины «по отечеству» и «по прибору», первое выдавалось по происхождению, второе – по дополнительному государственному набору³⁸. Управление вотчинами и само их существование продолжалось и в XVIII в.³⁹ Однако в этот период вотчины уже не являлись основой земельной системы пожалований и в основном ассоциировались с поместьями.

Вотчина как система земельных пожалований из единого фонда великокняжеского землевладения начинает терять своё значение в период Ивана Грозного⁴⁰. Основой царской власти на этом витке развития вотчины стано-

1407 г. июня 7] Духовная грамота (первая) великого князя Василия Дмитриевича // ДДГ. С. 56; [504 г. ранее июня 16]. Духовная грамота великого князя Ивана Васильевича // ДДГ. С. 353–364.

³⁶ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 317. Кром М.М. Идея суверенитета в политическом дискурсе Московской Руси XV века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. № 1(53). С. 23–36.

³⁷ Назаров В.Д. Из истории вотчины Северо-Восточной Руси в XV в.: «Грамоты ослобожонные» // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 50–58.

³⁸ Кадрова Т.Н. Служилое землевладение в Мордовском крае в XVII в // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–2(42). С. 75–77.

³⁹ Горелов В.Н. С разрешения Его Сиятельства Графа назначены семь человек на отдачу в рекруты... // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2020. № 10. С. 76–93.

⁴⁰ Относительно пожалований, оснований возникших проблем с вотчинами и причинами их отъема: Шитова Е.А. Классификация оснований возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве (историография вопроса) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3–2(15). С. 166–178; Шитова Е.А. Основания прекращения вещных прав на

вится двор и кормление⁴¹. Вывод можно сделать по завещанию московского царя 1572 г.⁴², которое всё же не является фальсификатом⁴³. Борьба служилого и вотчинного принципа формирования знати в Московском государстве окончилась победой служилого принципа в формировании государства Иваном Грозным⁴⁴. В этот же период ранее полученные служилыми татарами вотчинные права давались и отнимались исходя из их религиозных убеждений. В некоторых случаях для сохранения собственных прав от иноверцев требовали пройти процедуру крещения⁴⁵. Однако этот принцип не был повсеместным.

В XVII в. главной целью в формировании царской централи власти и государства становилось укрепление и создание верного военного сословия⁴⁶. Однако чуть позже в целях получения дополнительных доходов стали сокращать уже вотчины и данного служилого сословия⁴⁷. В Петровское же время понятия вотчинник и помещик постепенно становятся синонимичными за счет уравнивания их земельных прав⁴⁸.

вотчины и поместья в Московском царстве. Конец XV–XVII века // Закон и право. 2014. № 12. С. 52–54.

⁴¹ Староверова Е.В. «Кормля» (владение «до живота») как вещное право в Северо-Восточной и Московской Руси XIV – начала XVIII вв. // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 2. С. 31–55.

⁴² Скрынников Р.Г. Духовное завещание царя Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л., 1965. Т. 21. С. 309–310.

⁴³ Филюшкин А.И. Фальсификация XIX века или поиск образа Российского царства XVI века? По поводу новой книги Корнелии Зольдат // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 1(17). С. 192–207.

⁴⁴ Ткачук В.А. О соотношении служилого и вотчинного принципов в Московском государстве // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–1(56). С. 113–116.

⁴⁵ Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 62–93; Смирнов А.С. Землевладение и хозяйство иногородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3–1. С. 186–193.

⁴⁶ Смирнов А.С. Законодательное регулирование института землевладения в России во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2016. № 14. С. 48–55.

⁴⁷ К примеру на юге: Ляпин Д.А. Частные владения крупных вотчинников в городах Юга России в середине XVII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 4. С. 5–7.

⁴⁸ Наиболее просто сравнение этих двух терминов приведено в работе: Галеев Т.И., Мифтахова А.Н. Нетитульные сословные наименования в русском языке // Филология и культура. 2018. № 1(51). С. 35–41.

Что же касается монастырских вотчин, церковного землевладения, то процесс формирования земельного фонда был весьма разнообразен по формам и волнообразен по своей хронологии. Основным потоком земельных приобретений для монастырей были дарения на помин души, в определенные периоды времени даже большие чем ктиторские пожалования основателей. Древнерусские источники изобилуют упоминаниями о передаче земель монастырям. Однако самыми яркими вспышками активного формирования и собирания земель монастырями и церковью в целом складывались в период обострения необходимости срочного освоения/присоединения территорий, причем не обязательно пустующих и находящихся без владельца. В период ордынского владычества над Русью церковь в целом имела ряд привелегий, которые вполне применялись как в качестве мягкой силы при отъеме земель, так и в качестве совместного с землевладельцами строительства своеобразных средневековых «офшор». Упор на отъем вотчинных земель у монастырей начинается также в период правления Ивана Грозного, обретая поддержку даже в церковной среде⁴⁹. Однако существенные споры Иосифлян и нестяжателей, некоторый экономический упадок монастырей в XVI в., не всегда окончательно прерывал существующие практики. К примеру, в XVII веке в особенности, монастыри использовались как опора для колонизации Сибири (и «пустых» земель в центральной России и на юге в том числе). При этом опять монастыри оказывались в гуще обороны от местного населения, являясь, по сути, оплотом «колонизаторов»⁵⁰. Неудивительно, что со временем

⁴⁹ Король А.Л. Проблема монастырского землевладения XV–XVI вв // Богословско-исторический сборник. 2014. № 1(6). С. 59–76; Папков А.И. Отношение российского государства к церковному землевладению во второй половине XVI – начале XVII вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 4. № 8. С. 39–43; Щукин А.Ю. К вопросу о споре иосифлян и нестяжателей: опыт исследования историографии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2014. № 2(2). С. 140–149.

⁵⁰ Подробнее о монастырской внутренней «колонизации» см.: Дмитриева З.В. Государственная и вотчинная политика в аграрном и демографическом развитии крупной монастырской вотчины (XVI–XVII вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 43–56; Соколова Н.В. О роли общины в системе налогово-повинностных практик в монастырских вотчинах Центральной России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 65–76; Смирнов А.С. Из истории изучения монастырского землевладения Казанского уезда второй половины XVI – начала XVII века / А. С. Смирнов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2017. № 3. С. 28–34; Папков А.И. Освоение российским государством своих южных окраин и основание монастырей в конце XVI – начале XVII веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7(102). С. 110–115; Папков А.И. Церковное землевладение на южной ок-

они обрастали в том числе и вотчинами, которые активно выбивали у государей и воевод для своего «скромного» существования⁵¹. Об особом статусе данных образований говорят никем не преследуемые случаи миграции крестьян монастырских вотчин⁵². В этом отношении также примечательна идеологема «христианского освобождения» сибирских земель, которая давала основания считать все земли легитимно присоединенными⁵³. Однако подобный «ренесанс» после беспокойных времён Ивана Грозного длился не долго. Самый жестокий удар по вотчинному праву монастырей пришелся в петровское время. Спор Иосифлян и нестяжателей, острые и в некоторых случаях невменяемые позиции которые занимал Иван Грозный относительно монастырского и церковного служения, оказались детским лепетом по сравнению с реальной секуляризацией XVIII в.⁵⁴

Таким образом, отчина, как система наследования земельных прав исключительно единоличными хозяевами русской земли – князьями, по праву принадлежности к Рюрикову роду, с течением времени, и исходя из политической ситуации, диктующей существенных трансформации и упорядочивания земельного фонда, начинает приобретать новое значение. Одним из существенных факторов, повлекших серьезные изменения прежних устоев, можно, безусловно, считать татарское нашествие на Русь, и закрепление ор-

раине России в первой четверти XVII в // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 61–67.

Об истоках внутренней монастырской «колонизации» и схожести с рейдерством, см.: Галимов Т.Р. Сближение Русской Церкви и Орды: последствия, внутренняя и внешняя реакция // Церковь. Богословие. История... Ельцина. Екатеринбург, 2014. С. 54–59.

⁵¹ Манькова И.Л. Роль монастырей в духовной жизни населения Урала и Сибири в XVII веке // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4(24). С. 160–178.

⁵² Дмитриева З.В. О миграции населения монастырских вотчин в XVII в // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 113–123.

⁵³ Чернышов С.А. «искони вечная вотчина государей наших»: легитимизация присоединения Западной Сибири к русскому государству во внутренних и внешних коммуникациях московских царей // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири... Курган, 2020. С. 93–98.

⁵⁴ К примеру, доходы, получаемые от вотчинных земель по реформе Елизаветы Петровны шли на прямую благотворительность в обход монастырей (Нечаева М.Ю. К исправлению чина монашеского: замыслы и результаты реформы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 92. С. 39–60). Более подробно о секуляризации: Полянцев А.В. Секуляризация церковных вотчин в условиях развивающегося абсолютизма. Манифест 1764 года // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 60. С. 39–48.

дынского владычества. С 1240-х гг. распределение прав отчины перешло в руки ханов Монгольской империи, а немного позднее (1250-е) к ханам Золотой Орды. Произшедшие перемены предопределили выход к главенству новых княжеских семей, прерывание старейшинства древних родов в угоду потомков Ярославичей на северо-востоке и Романовичей на юге. Изменение прав наследования «отчины» с лестничного на прямое от отца к сыну, также происходит в период ордынского владычества на Руси. По мере ослабления власти ордынских ханов на Руси, в духовных грамотах (завещаниях) великих князей стали появляться прямые указания на главного наследника, избираемого наследователем из числа собственных сыновей. Важным является и рост активного употребления в древнерусских памятниках литературы синонимичного звучания «отчины» и «отечества», которое приобретает особый смысл ко времени создания Московского государства. Параллельно с этим, рост нужды в свободной земле, которая могла бы быть выдана за военную и иную службу, понимание о необходимости концентрации всей власти в руках единого правителя, падении существенной части ордынского владычества, в XVI в. происходит переоформление земельного фонда. Главным владельцем земли объявляется царь, по аналогии с ордынским временем, а князья из правообладателей по праву родства, переходят в качество служилого сословия, наделенного землей. Понятие вотчина закрепляется вплоть до XVIII в., когда в большинстве случаев утрачивает свою силу по отношению к княжеским родам русского происхождения, и остается служить в качестве основания объекта правоотношений для представителей субъектов земельного права – вотчинников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [1389 г., апреля 13 – мая 16]. Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича // ДДГ. С. 33–37.
2. [1406 г. сентября 16 – 1407 г. июня 7] Духовная грамота (первая) великого князя Василия Дмитриевича // ДДГ. С. 56.
3. [353 г., марта 18 – апреля 26]. Духовная грамота великого князя Семена Ивановича // ДДГ. С. 13–15.
4. [504 г. ранее июня 16]. Духовная грамота великого князя Ивана Васильевича // ДДГ. С. 353–364.
5. [Около 1339 г.] Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М.; Л., 1950. С. 7–9.
6. Валеров В.А. Новгородская нефеодалная вотчина (к вопросу о характере отношений собственности на землю в северо-западной деревне в XIII–XV вв.) // Клио. 2016. № 11(119). С. 105–115.

7. Веденева Н.Е. К вопросу о проблеме наследования великокняжеского престола в духовном завещании Дмитрия Донского // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2004. № 3(22). С. 235–240.

8. Веденева Н. Е. Политическая обстановка на Руси в последней четверти XIV века // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 5(34). С. 45–55.

9. Вилкул Т.Л. Известие «Повести временных лет» о Любечском снеме 1097 года; интерпретации и ошибочные чтения // Славяноведение. 2009. № 2. С. 16–24.

10. Галеев Т.И., Мифтахова А.Н. Нетитульные сословные наименования в русском языке // Филология и культура. 2018. № 1(51). С. 35–41.

11. Галимов Т. Р. Сближение Русской Церкви и Орды: последствия, внутренняя и внешняя реакция // Церковь. Богословие. История : материалы II Всероссийской научно-богословской конференции, Екатеринбург, 12 февраля 2014 года / Екатеринбургская духовная семинария Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2014. С. 54–59.

12. Горелов В.Н. С разрешения Его Сиятельства Графа назначены семь человек на отдачу в рекруты... // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 10. С. 76–93. DOI 10.28995/2686-7249-2020-10-76-93.

13. Городилин С.В. «Твоя отчина мужи псковичи люди добровольные»: к вопросу о происхождении и политико-правовом контексте летописной формулы // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 86–91.

14. Грязнов А. Л. Происхождение вотчин служилых князей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3(53). С. 42–44.

15. Дмитриева З.В. Государственная и вотчинная политика в аграрном и демографическом развитии крупной монастырской вотчины (XVI–XVII вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 43–56.

16. Дмитриева З.В. О миграции населения монастырских вотчин в XVII в // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 113–123.

17. Ефременко А.В. Крупное землевладение в России: исторический аспект // Вестник АПК Верхневолжья. 2008. № 2(2). С. 97–101.

18. Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру представляются» от 16 мая 1681 года // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 62–93.

19. Зимин А.А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. М., 1947. Кн. 27. С. 273–290.

20. Кадерова Т.Н. Служилое землевладение в Мордовском крае в XVII в // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–2(42). С. 75–77.

21. Король А.Л. Проблема монастырского землевладения XV–XVI вв // Богословско-исторический сборник. 2014. № 1(6). С. 59–76.

22. Котляр, Н. Ф. К вопросу о причинах удельной раздробленности на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1(43). С. 5–17.

23. Кром М.М. Идея суверенитета в политическом дискурсе Московской Руси XV века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. № 1(53). С. 23–36.

24. Ляпин Д.А. Частные владения крупных вотчинников в городах Юга России в середине XVII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 4. С. 5–7.

25. Манькова И.Л. Роль монастырей в духовной жизни населения Урала и Сибири в XVII веке // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4(24). С. 160–178. DOI 10.24411/2224-5391-2018-10405

26. Мельников С.А. Влияние ордынского ига на престолонаследие // Юридический мир. 2010. № 4. С. 47–51.

27. Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в советской и современной отечественной историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 4(188). С. 70–77.

28. Мининкова Л.В. В.О. Ключевский о Земском соборе 1613 г. в свете теории вотчинного государства // Клио. 2013. № 12(84). С. 147–150.

29. Мининкова Л.В. Непростая судьба научной идеи: теория вотчинного государства в России в лабиринтах исторической мысли нового и новейшего времени // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы : Сборник научных статей / Под редакцией А.Н. Грищенко. Новочеркасск: ООО «Лик», 2019. С. 3–9.

30. Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в отечественной дореволюционной марксистской исторической мысли // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2012. – № 3(169). – С. 63–67.

31. Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства и особенности российской истории // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 104–119. DOI 10.23683/2500-3224-2018-3-104-119.

32. Назаренко А.В. Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. М., 2008. С. 132–179.

33. Назаров В.Д. Из истории вотчины Северо-Восточной Руси в XV в.: «Грамоты ослобожонные» // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 50–58

34. Нечаева М.Ю. К исправлению чина монашеского: замыслы и результаты реформы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 92. С. 39–60. DOI 10.15382/sturII202092.39-60.

35. Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 2: Период ордынского владычества / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. 720 с.

36. Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 3: Московская Русь / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. 720 с.

37. Папков А.И. Освоение российским государством своих южных окраин и основание монастырей в конце XVI – начале XVII веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7(102). С. 110–115.

38. Папков А.И. Отношение российского государства к церковному землевладению во второй половине XVI – начале XVII вв // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 4. № 8. С. 39–43.

39. Папков А.И. Церковное землевладение на южной окраине России в первой четверти XVII в // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 61–67.

40. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

41. Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1926–1928. 379 с.

42. Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А.Александрова, 1908. 638 с.

43. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский великокняжеский свод конца XV века. М.; Л., 1949.

44. Полянцева А.В. Секуляризация церковных вотчин в условиях развивающегося абсолютизма. Манифест 1764 года // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 60. С. 39–48.

45. Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71–80.

46. Селезнев Ю.В. Понятия «честь» и «жалование» в русской письменной традиции как отражение характера взаимоотношений Руси и Орды в XIII и XIV вв. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2006. № 2. С. 195–198.

47. Сигалов К.Е. Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России // Общество и право. 2014. № 1(47). С. 27–31.

48. Скрынников Р. Г. Духовное завещание царя Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л., 1965. Т. 21. С. 309–310.

49. Смирнов А.С. Законодательное регулирование института землевладения в России во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2016. № 14. С. 48–55.

50. Смирнов А.С. Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3–1. С. 186–193.

51. Смирнов А.С. Из истории изучения монастырского землевладения Казанского уезда второй половины XVI – начала XVII века / А. С. Смирнов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2017. № 3. С. 28–34. DOI 10.15593/perm.kipf/2017.3.04.

52. Соколова Н.В. О роли общины в системе налогово-повинностных практик в монастырских вотчинах Центральной России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 65–76.

53. Староверова Е.В. «Кормля» (владение «до живота») как вещное право в Северо-Восточной и Московской Руси XIV – начала XVIII вв // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 2. С. 31–55. DOI 10.35427/2073-4522-2020-15-2-staroverova

54. Ткачук В.А. О соотношении служилого и вотчинного принципов в Московском государстве // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–1(56). С. 113–116.

55. Топорова Т.В. Эпическое слово: отчина в русских былинах // Филология и культура. 2012. № 2(28). С. 125–128.

56. Филюшкин А.И. Фальсификация XIX века или поиск образа Российского царства XVI века? По поводу новой книги Корнелии Зольдат // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 1(17). С. 192–207

57. Черепнин Л.В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. Т. 12. С. 228–253.

58. Чернышов С.А. «искони вечная вотчина государей наших»: легитимизация присоединения Западной Сибири к русскому государству во внутренних и внешних коммуникациях московских царей // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции, Курган, 30–31 октября 2020 года / Отв. редакторы Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Курганский государственный университет, 2020. С. 93–98.

59. Чиркин В.А. Генезис древнерусской государственности и процесс становления института собственности в средневековой Руси X–XIV веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 6. С. 894–907. DOI 10.35634/2412-9593-2020-30-6-894-907

60. Шапошник В.В. К вопросу о завещании Василия III // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2009. Вып. 2. С. 21–28.

61. Шеметова Н.Ю. Развитие института недвижимости в историческом аспекте // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2014. № 4. С. 208–233.

62. Шеметова Н.Ю. Европейское законодательство (Средневековье, XVII век – начало XX века) об особенностях оборота недвижимого имущества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2(40). С. 88–90.

63. Шитова Е.А. Классификация оснований возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве (историография вопроса) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3–2(15). С. 166–178.

64. Шитова Е.А. Основания прекращения вещных прав на вотчины и поместья в Московском царстве. Конец XV – XVII века // Закон и право. 2014. № 12. С. 52–54.

65. Щукин А.Ю. К вопросу о споре иосифлян и нестяжателей: опыт исследования историографии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2014. № 2(2). С. 140–149.

Сведения об авторе: Галимов Тэймур Рустэмович – кандидат исторических наук, заместитель начальника Центра межрелигиозного диалога Болгарской исламской академии (Болгар, Российская Федерация). E-mail: galimov_t_r@mail.ru

**ON THE QUESTION OF THE ORIGINS AND DEVELOPMENT
OF THE VOTCHINA: THE OTCHINA IN THE OLD RUSSIAN SOURCES**

Teymur R. Galimov

*Bolgar Islamic Academy
Bolgar, Russian Federation*

Based on old Russian sources, the article examines the transformation of references to the *otchina* both in the aspect of landownership rights and in the formation of the terms *votchina* and *votchinnik*. The author comes to the following preliminary conclusions based on the obtained data subjected to shallow analysis and taking into account the developed complex of historiography on the raised issues. The *otchina* goes through several stages of transformation from the direct naming of the land belonging to the head of the princely family, the land rights of princes, to the unconditional sole ownership of the ruler. An interesting remark about the accompanying synonymous sound and perception of the *otchina* as a fatherland arose during the study as well. The *votchina*, that is, the land rights of representatives of the service class, became the last form of transformation. After the reforms of Peter the Great in the eighteenth century, the *votchina* became the justification for the rights to land or only tax privileges for residents of a certain territory who had special charters. These *votchinniki* were representatives of an ethno-class community formed by the state machine.

Keywords: old Russian chronicles, old Russian narrative sources, spiritual and contractual charters of Russian prince, *otchina*, medieval Rus', Ivan IV the Terrible, land tenure, *votchinnik*

About the author: Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Deputy Head of the Center for Interconfessional Dialogue of the Bolgar Islamic Academy (Bolgar, Russian Federation). E-mail: galimov_t_r@mail.ru

**ВОТЧИНЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ XV–XVII ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ МЕЩЕРЫ)**

А.В. Беляков

*Институт российской истории
Российской академии наук
Москва, Российская Федерация*

На материале Восточной Мещеры анализируется природа вотчины. В частности, рассматривается такая их разновидность как вотчины бортные ухожеи. Делается вывод о том, что это одна из древних форм собственности на землю, существовавшая еще в дозолотоордынский период. Первоначально все лесные угодья были поделены между мордовскими родами. Постепенно наряду с родовой здесь начинает возникать и частная собственность. Отдельные обширные лесные массивы, по-видимому, принадлежали мордовским князьям. С включением Мещеры в состав Золотой Орды эти угодья, возможно, вошли в ханский домен. Остальные земли оставались в пользовании у мордвы, хотя их верховным собственником являлся хан. С присоединением региона к Русскому государству как верховный собственник всех угодий стал рассматриваться великий князь (царь). Проникновение в край русских (православных) собственников лесных угодий происходило путем покупки вотчин у прежних владельцев, а также приобретения у государства прав на выморочные владения. Подобная форма собственности просуществовала до начала XVIII в. и исчезла благодаря указам Петра I по охране леса для нужд флота.

Ключевые слова: Московское государство XV–XVII в., Мещера, вотчина, вотчина бортное ухожее, служилые татары, мордва

Продвижение Московского княжества в регион Среднего Поволжья было сопряжено с постоянным соприкосновением с уже сложившимися к этому времени формами землевладения на вновь присоединенных территориях. Проживавшие здесь татары, мордва, чуваш и иные народы долгое время существовали в правовом поле Золотой Орды. Гибкая и взвешенная политика Москвы по отношению к своим новым подданным, включавшая, в том числе, сохранение на первых порах привычных для них форм хозяйствования и управления, приводила к тому, что изменения общего уклада жизни в этих регионах проходило медленно. На первых порах, возможно, почти незаметно. Это относилось и к вопросам землевладения. В результате такого подхода здесь со временем сложилась особая система владения землей, в тонкостях которой мы до настоящего времени разбираемся с большим трудом. В представленной работе предпринята попытка обобщить накопленный к настоящему времени опыт и наметить наи-

более важные и перспективные направления дальнейшего изучения этой важной проблемы. Сразу оговоримся, что степень «особости» сложившейся картины не следует преувеличивать. В каждом регионе имелись свои нюансы в вопросах землевладения и землепользования. Однако они, по-видимому, являлись только местными проявлениями более общих правил, в целом единых для значительных территорий северной части Евразии.

Наиболее длительная история взаимодействия с Москвой имела у Мещеры. Данные земли стали постепенно входить в состав Московского княжества с первой половины XIV в.¹ Наилучшая сохранность документов за рассматриваемый период фиксируется по региону Восточной Мещеры (Темниковский и Кадомский уезды). Именно они и берутся за основу в нашем исследовании. Однако в ряде случаев они будут дополняться источниками по соседним регионам, в том числе по Алатырскому и Арзамаскому уездам.

В XVI–XVII в. понятие вотчина было хорошо известно в Мещере. Здесь фиксируются вотчины русских служилых людей и татар, мордвы, монастырей, бортников. При этом перечисленные типы вотчин не были тождественны. Поэтому их следует охарактеризовать по отдельности.

Нам неизвестно точно, когда в регионе появились вотчины в классическом «русском» понимании этого термина. Наиболее раннее известие относится к декабрю 1612 г. Из отписки приказчиков Красной Слободы нам становится известно, что «по совету всей земли» данный населенный пункт был пожалован в вотчину кн. Д.Т. Трубецкому. До него он принадлежал в XVI в. Михаилу Нагому, а после Борису Годунову. Однако ни статус поселения (село, слобода, крепость?), ни форма земельной собственности в тот период, нам точно неизвестна². Несколько позднее за осадное московское сидение прихода королевича Владислава 1618 г. 1/5 поместий ряда темниковских татар были переведены в вотчину³. Также относительно крупные русские вотчины фиксируются в селе Девичьи Рукава⁴. Как мы видим, эта форма землевладе-

¹ Акчурин М.М. Административно-территориальное устройство Мещеры в XV – начала XVII веков (этнополитические аспекты: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019; Беляков А.В. Историческая география Мещеры XIV–XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85; Беляков А.В. Князя Еникеевы и г. Темников в XV–XVII в. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII веке. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2020. С. 737–758.

² Беляков А.В. Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Н. Новгород: Изд-во «Кварц», 2012. С. 233–242.

³ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава: Древлехранилище, 2009. С. 85.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 281. № 14515.

ния была относительно новой в регионе. По-видимому, с какого-то времени Красная Слобода и Девичий Рукав представляли собой наиболее крупные анклавные с русским по преимуществу населением на территории Темниковского уезда. Уже в XVII в. к ним присоединилось и с. Пурдышки (Пурдышевская слобода), принадлежавшее одноименному монастырю⁵.

Первый монастырь в Темниковском уезде (Пурдышевский Рождества Пречистые Богородицы) возник между 1586 и 1591 гг. Вскоре начинает формироваться и его землевладение. При этом вотчины обители состояли из относительно небольшой по размерам пашни и протянувшихся на десятки километров лесных угодий (вотчины бортные ужожи)⁶. В 1617 г. в Пурдышевской слободе числилось 57 крестьянских, 55 бобыльских и 2 пустых двора, 25 четвертей пашни и 485 четвертей с третником перелога в одном поле. Большое количество бобыльских дворов, по-видимому, объясняется торговым характером слободы: многие из них, скорее всего, занимались торговлей и перевозкой товаров⁷. Этим коротким списком примеры «правильных» вотчин заканчиваются.

Наиболее массовыми в регионе были так называемые вотчины бортные ужожи. В настоящее время они фиксируются у мордвы, служилых татар, русских бортников и, возможно, у русских крестьян. Именно последние

⁵ Хитров Д.А. К вопросу о границах Шацкого уезда в XVII–XVIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1. С. 130–132; Беляков А.В. Формирование границ в Мещере (история одной ошибки) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 289–294.

⁶ Вотчины бортные ужожи монастырь получал в виде вкладов, а также покупал сам. Подавляющая часть лесных массивов досталась обители от самого знатного вкладчика и, по-видимому, в дальнейшем постриженника кн. Федора (Сатый?) Кулунчакова сына Акчурина (Беляков А.В. Архив Рождества Пречистые Богородицы Пурдышевского монастыря конца XVI – начала XVIII в. // Вестник церковной истории. 2020. № 1-2. С. 233, 260–261).

⁷ Беляков А.В. Архив Рождества Пречистые Богородицы Пурдышевского монастыря конца XVI – начала XVIII в. // Вестник церковной истории. 2020. № 1-2. С. 227–291; Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. Ульяновск: УлГУ, 2014. С. 318. Обратим внимание на тот факт, что монастырю принадлежала и мордовская деревня Тотушево (Малые Пурдышки). Однако взаимоотношения мордвы и крестьян отличались. Мордва оставалась лично свободной, монастырю же полагались посопной хлеб, медвяной оброк и деньги «за куницу», которые ранее полагалось отдавать в пользу государства. Это было распространенное явление. Похоже, по такому же принципу строились взаимоотношения между великой старицей Марфой Ивановной (мать царя Михаила Федоровича) и «пожалованной» ей верхнецинцинской мордвой. Жаловались (точнее передавались) на самом деле только мордовские подати (посопной хлеб, медвяной оброк и др.), ранее собиравшиеся в пользу государства.

представляли наиболее массовый и, по-видимому, древний вид землевладения в крае. Однако о том, что на самом деле представляли собой подобные вотчины, как и кем осуществлялись права землепользования в них, как государство собирало налоги за право обладания ими, на эти и другие вопросы мы по-прежнему не знаем точных ответов.

По-видимому, это одна из древнейших форм собственности, существовавшая не только в рассматриваемом регионе, но и на значительной части северной части Евразии⁸. При этом правила пользования ими и налогообложения были приблизительно одинаковы как в России, так и государственных образованиях, еще не вошедших в ее состав. Это значительно облегчало интеграцию новых присоединенных (завоеванных) территорий на востоке. В настоящее время под этим термином понимается обширный участок леса, которым владел на вотчинном праве тот или иной человек или же группа лиц. Главным источником дохода служил собранный мед диких пчел. Помимо этого здесь можно было охотиться, ловить рыбу, косить сено, распахивать пашню, драть лыко, «порошевать» (охотится по пороше, первому снегу) и заниматься иными видами хозяйственной деятельности⁹. При этом мед не всегда являлся главным источником дохода. В Сибири, к примеру, его заменяли меха. Знаками владельческих прав являлись бортные знамена, помещавшиеся на деревьях пригодных для бортничества. Продать бортное знамя означало продать ухожей. Такую вотчину можно было завещать, продать, заложить, обменять, дать в приданное. Владельцами вотчин бортных ухожей могли быть русские и татарские помещики, монастыри, крестьяне, мордва, посадские люди. К моменту присоединения Восточной Мещеры к Москве, похоже, все лесные массивы уже давно были поделены между проживавшими здесь мордвою и служилыми татарами. При этом начало данного процесса следует искать еще в домонгольские времена.

⁸ Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере мещерских уездов) // Золотоордынское наследие. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 56–68.

⁹ «...бортной ухожей стоячим деревом и с лежачею колодою, деланное дерево и не деланое, с пчелами и без пчел, со всяким звериным с лесовым, и с медведем, и с волком, и с лисицею, и с куницею, и з белкою, и рыбную ловлею, и з бобровою, и польскою похотою, и с покосы, и с перевеси, со всякою птицею и с сычиком, и з савой, и со всякими угоды» (РГАДА. Ф. 281. № Оп. 20. Д. 14468/1. Л. 152 об. – 154 об.). Особенно следует остановиться на «польской пахоте». Дело в том, что это указание на более древнюю практику, когда владелец бортного ухожея мог просто распахивать в нем участок и не сообщать об этом властям. Однако уже на рубеже XVI–XVII в. о подобных пашнях требовалось докладывать. У служилых татар она зачислялась в поместный оклад и переводилась в поместье, у мордвы облагалась посопным хлебом.

Что касается бортных знамен, то это еще одна практически неисследованная тема. Речь идет об особых знаках собственности, помещавшихся на деревьях. В свое время Г.Н. Анпилов обобщил накопленный на тот момент материал¹⁰. Других значительных исследований по этой тематике больше не было. Следует отметить тот факт, что исследователь не до конца разобрался с правовым статусом бортных ухажеев (деревьев) да и самих бортников. В настоящее время мы располагаем изображениями мещерских бортных знамен, принадлежавших мордве, служилым татарам и русским бортникам¹¹. В соседних регионах мордовские знамена имеют схожие принципы образования¹². Известные нам знамена состоят из набора нескольких повторяющихся в разном сочетании элементов. По степени частоты встречаемости они располагаются в таком порядке: рубеж (глаз, глазок), пояс, орлов хвост, вилы, дуга, курья лапа. При этом элемент «рубеж», представляющий собой круглый «глазок» самый популярный. Он встречается как в виде различных комбинаций расположения двух и более «рубежей» («два рубежа», «три рубежа», «семь рубежей» и др.), так и как почти обязательный элемент составных бортных знамен («орлов хвост да пять рубежей», «пояс да два рубежа» и др.). Татарские и мордовские бортные знамена конструктивно и стилистически близки. А вот знамена бортников явно выпадает из этого ряда. Возможно, это было сделано осознанно. В таком случае логично предположить, что встречающиеся единичные мордовские знаки собственности, включающие в себя элементы, присущие для знамен бортников, были куплены у последних.

Сделанные наблюдения позволяют предположить, что изначально все лесные массивы принадлежали мордве. Она же первой стала метить деревья «рубежами». Отметим, что медные мордовские женские (?) перстни с изображением одного или нескольких «рубежей»¹³ – «глазков» (на щитке их встречается от одного до двух десятков, при этом «глазки» стремились изобразить в круговой композиции, что практически не встречается на бортных

¹⁰ Анпилов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник (По Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI в и 20-х годов XVII в. // Советская археология. 1964. № 4. С. 151–169.

¹¹ Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210; Акчурин М.М., Абдурахманов Т.А. Челобитная вдовы мурзы Тляша Кутыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань: Издательство «Яз», 2011. Вып. II. С. 176–195; Напольникова П.К. «Знамена» цнинской мордвы // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 2. С. 39–49.

¹² Лузгин А.С., Деникаева Е.А. К вопросу бытования мордовских «знамен» в средневековье // Регионология. 2013. № 1. С. 133–139.

¹³ По-видимому, изначально это был соляренный знак.

знаменах¹⁴) являются одной из наиболее частых находок в рассматриваемом регионе. На начальном этапе, по-видимому, число и расположение «рубелей» указывало на определенные родоплеменные группы мордвы¹⁵. При дальнейшем дроблении этих групп возникла потребность в усложнении этих знаков путем введения новых элементов. В данном случае использование «рубелей» напоминает «отпятнание» у крестьян Архангельской губернии конца XIX в., когда при отделении от отцовской семьи сыновья, получившие часть семейных лесных охотничьих угодий, сохраняя клеймо отца, добавляли к нему свои «отпятки» – небольшие знаки-черточки¹⁶. Отметим, что, несмотря на «перемешивание» бортных знамен в результате постоянных сделок по купле-продаже бортных ухажеев между представителями различных мордовских беляков, даже в начале XVII в. у представителей одного беляка фиксируется преобладание схожих по элементам владельческих знаков¹⁷. Подобные наблюдения, но на примере одного села или же волости, делались в литературе и ранее¹⁸.

¹⁴ Встречаются перстни, где «глазки» помещены рядами, разделенными одной или двумя прямыми линиями на ряды. Подобные бортные знамена обнаружить не удалось (Каталог старинных перстней [Электронный ресурс] режим доступа: <https://rings.guru/catalog/pozdnee-srednevekovye/solyarnyie-znaki-raznyix-tipov> (дата последнего обращения: 28.12.2020)).

¹⁵ Обратим внимание на то, что в соседних регионах изображения на щитках перстней отличаются. При этом они также строятся по определенным принципам усложнения первоначально более простого рисунка. Автору не удалось найти исследований на данную тему. Отметим, что анализ регионов распространения тех или иных типичных изображений на щитках перстней и соотнесение их с зафиксированными там же бортными знаменами могут дать интересный результат (Каталог старинных перстней [Электронный ресурс] режим доступа: <https://rings.guru/catalog/pozdnee-srednevekovye/morda/> (дата последнего обращения: 28.12.2020)). Нельзя не сказать, что перстни с «глазками» на самом деле имеют значительно более широкую географию распространения. К тому же в отличие от иных «мордовских» перстней они изготавливаются исключительно из медных сплавов и никогда из серебра.

¹⁶ Напольникова П.К. «Знамена» цнинской мордвы // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2016. № 2. С. 39–49; Ефименко П.С. Юридические знаки (Опыт исследования по сравнительному обычному праву) // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1874. Т. CLXXV. С. 69.

¹⁷ Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210.

¹⁸ Харузин Н.Н. «Знамена» мордвы в XVI–XVII вв. // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера. М.: Типо-литография А.В. Васильева, 1900. С. 62–73. Исследователь анализировал в основном арзамасский материал. Отметим, что в зафиксированных знаменах композиции, состоящие из рубелей, в явном меньшинстве. Здесь преобладают знаки, из «поясов» и «дуг».

Исследователи провели интересную параллель между мордовскими бортными ухажеями XVI–XVII вв. и обычаями крестьян Пинежского уезда Архангельской губернии конца XIX в.: «В тех местах, где крестьяне постоянно занимаются охотой за лесной дичью, ... почти каждый поселянин имеет для этого свое угодье или путик, который или переходит из рода в род, по наследству, или приобретается покупкой, или прокладывается самим хозяином. Вот как прокладываются эти путики или тропы. Крестьянин пробирается через нетронутые леса на протяжении нескольких десятков верст, срубает ветви с одной стороны дерев, делает на известном расстоянии тес или затес, то есть, стесывает на стволе небольшую полосу, и через несколько затесей вырубает на дереве своё клеймо. ... В последнем случае клеймо служит не только знаком собственности, но и указателем границы или межи»¹⁹. Похоже в Мещере рассматриваемого нами периода работали те же самые законы.

Эксплуатация лесных ресурсов долгое время оставалось основным видом хозяйственной деятельности в регионе. Пашенное земледелие носило вспомогательный характер²⁰. С приходом в Мещеру значительного по численности тюркского населения привычные формы хозяйствования не претерпели существенных изменений. Хотя скотоводство, по-видимому, стало играть более заметную роль. Часть лесных массивов, и при этом значительная, оказались в руках пришлого населения. Механизм перераспределения земель в настоящее время непонятен. Была ли это добровольная передача или же разовая конфискация. Если конфискация, то, по какому принципу отбирались участки леса, изъятые из оборота у мордвы. Обратим внимание на то, что мордва и татары, судя по сохранившимся свидетельствам, мирно сосуществовали в рассматриваемом крае. По численности эти две группы были соизмеримы. Татары в своем большинстве являлись профессиональными воинами. Но и мордва умела обращаться с оружием и на протяжении XVI–XVII вв. выставляла значительное число даточных людей в русскую армию²¹. Если бы изъятие части лесных массивов было насильственным, то данные действия должны были привести к длительным напряженным отношениям, следы которых сохранялись длительное время. Этого мы не фиксируем. Говорить об изначальной покупке этих угодий не приходится. Поэтому логично предположить, что татары завладели неким «свободным» земельным фондом. До

¹⁹ Напольникова П.К. «Знамена» цнинской мордвы // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2016. № 2. С. 39–49; Ефименко П.С. Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1874. Т. CLXXV. С. 61.

²⁰ Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII – XVIII веков. Н. Новгород: НОЛС, 2013. С. 41.

²¹ Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб.: РНБ, 2004. С. 41, 43. С трех дворов ставился конный воин (Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1855. Т. II. Стб. 189, 194, 199, 200 и др.).

этого он, предположительно, мог принадлежать ордынским ханам. А за пользование этими землями нужно было выплачивать налоги. В условиях постепенно разрушающегося ордынского единства ханы далеко не всегда могли эффективно контролировать все источники своих доходов, в особенности на окраинах государства.

Проникновение Москвы в регион было постепенным процессом. Начавшаяся на рубеже XIV–XV вв., оно завершилось только в 1480-х гг. При этом, по-видимому, некоторое время Восточная Мещера находилась в двойном подчинении, одновременно от ордынских и русских властей. Безболезненному включению данных территорий в состав Русского государства способствовал тот факт, что в Москве и Орде были схожие модели собственности. И там и там верховное право на землю принадлежало главе государства. Поэтому значительных изменений в праве собственности не произошло. Поменялся (окончательно установился) только получатель ясака / военной службы.

О татарских вотчинах бортных ухажеев нам известно несоизмеримо меньше. Причина этого, по-видимому, заключается в том, что служилые татары были освобождены от уплаты ясака, верхового меда и куничных денег со своих лесных владений. Логично предположить, что подобные вотчины каким-то образом учитывались государством при наделении служилых татар поместной землей. Однако как работал этот механизм на настоящее время непонятно. Похоже, действовал заявительный принцип. При этом он применялся ко всем группам подобных вотчинников²². Конечно же, можно было утаить часть бортных ухажеев. Но в таком случае их владелец становился юридически беззащитным при предъявлении претензий на его ужожеи со стороны третьих лиц.

Не позднее первой трети XVI в. в крае появляется значительное количество русского населения. Оно по большей части делилось на крестьян и бортников. Крестьянская миграция послужила резкому возрастанию значения пашенного хозяйства в регионе. Именно тогда у служилых татар начинает фиксироваться бурное развитие пашенного земледелия. Однако как основной источник пожалования за службу пашня, по косвенным данным, стала рассматриваться не ранее 1570-х – 1580-х гг. При этом распахивались земли двух типов: 1) отдельные участки на территории вотчин бортных ухажеев; 2) пожалованные государем земли из дикого поля. На последнем термине следует остановиться несколько подробнее. Понятно, что под пашней на диком поле подразумеваются никогда не распахиваемые ранее земельные участки. Но здесь возникает вопрос: когда подобное дикое поле переставало быть диким? В источниках оно могло сохранять подобное именование десятилетия-

²² Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. С. 111–112.

ми. Отметим, что даже в начале XVII в. в Восточной Мещере фиксируются служилые татары, которые на протяжении нескольких поколений не владели пашнею²³. По-видимому, бортные ужожи продолжали быть главным источником доходов. Обратим внимание на один интересный факт, все бортные ужожи делились на две большие категории: 1) ясачные (принадлежавшие мордве и бортникам); 2) обеленные (находящиеся в собственности у служилых татар и церкви).

Напомним, что в крае имелось несколько компактных территорий, населенных по преимуществу крестьянами, принадлежавшими русским помещикам или же государству. Обстоятельства их возникновения остаются невыясненными. Ведь для появления данных поселений эту землю следовало у кого-то изъять. Хотя, как и с татарскими бортными ужожами, возможно, ранее это были ханские владения. Пока это только предположение. Для того чтобы окончательно ответить на этот вопрос требуются дополнительные источники. Обратим внимание на тот факт, что при описании мордовских вотчин в Кадомском уезде в 1614 г. фиксируется значительное количество выморочных бортных знамен²⁴. В случае смерти прежних владельцев, не оставивших наследников, все права на такие вотчины переходили государству. Понятно, что они должны были передаваться другим лицам. Но как это работало на практике неизвестно. Пример с покупкой в 1643/44 г. в соседнем Арзамасском уезде таких бесхозных земель боярином Я.К. Черкасским все же относится к более позднему периоду²⁵.

С бортниками ситуация была несколько иной. Их проникновение в регион, похоже, происходило путем покупки бортных ужожей как у мордвы, так и у татар. По своему положению бортники были близки ясачной мордве и русским черносошным крестьянам. Однако сходство не было абсолютным. Отличие от мордвы лучше всего прослеживается при сравнении экономических обязательств первых и вторых по отношению к государству. Мордва выплачивала посопной хлеб, куничные деньги и медвяной (верховой) оброк, а также пошлины с них. Бортники не занимались землепашеством. Поэтому посопной хлеб с них не собирался. Однако норма пошлин за медвяной оброк была несколько повышена (с пуда 6 1/2 денги против 5 у мордвы)²⁶. Как и

²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №1084. Столбец 1. Л. 24.

²⁴ Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210.

²⁵ Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII – XVIII веков. Н. Новгород, 2013. С. 47.

²⁶ Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 159, 171.

мордва бортники могли привлекаться для несения полковой службы. В Книге полоцкого похода 1563 г. в составе русской армии отдельно отмечены 178 мещерских бортников²⁷. Как «военнообязанные» эта категория населения встречается и в XVII в.²⁸ Это первое их документальное упоминание. Известны они в составе полков и позднее²⁹. Несение воинской службы было для них не ежегодным, но обязательным в случае повышенной мобилизации воинских ресурсов государства. В 1614 г. в Кадомском уезде отмечены 42 бортника, при этом 35 из них значились как живущие за русскими и татарскими помещиками, а также за русскими крестьянами³⁰. Что обозначало «живут за»: окупное холопство или же только проживание в их дворах? Как живущие своими дворами отмечены только семь человек. Данный факт, однако, не мешал бортникам приобретать новые вотчины. Возможно, это следует рассматривать, как попытку избежать несения полковой службы в условиях продолжавшейся Смуты. Нельзя не отметить, что кроме бортников владевших собственными вотчинами бортными ухажеями здесь также фиксируются наемные (зависимые?) лица с таким же обозначением, занимающиеся сбором меда диких пчел в монастырских и частновладельческих ухажеях.

Следует указать и на тот факт, что на территории Восточной Мещеры и прилегающих территорий длительное время фиксируется региональная терминологическая особенность, позволявшая в древности допускать нарушение государственного земельного законодательства, а ныне вводящая исследователей в заблуждение. В ряде случаев поместья называются вотчинами. При этом подобная терминология применялась по отношению землевладения новокрещеных из татар и мордвы, а также казаков³¹. Благодаря этой «ошибке» XVI в., в XVII в. данные земли начинают восприниматься со стороны государства, как полноценные вотчины³². Это же могло приводить в XVII в. к длительным судебным разбирательствам³³. Причина подобной путаницы зак-

²⁷ Книга полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004. С. 43.

²⁸ Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1855. Т. II. Стб. 266.

²⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. М., 1982. С. 464.

³⁰ Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210.

³¹ Кочетков В.Д., Чибис А.А. Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь в XVI–XVII веках. Чебоксары, 2013. № 41, 49, 62, 66, 69, 74, 78, 80.

³² Беляков А.В., Акчурин М.М. Князя Шейсуповы (Шайсуповы): модель интеграции в русскую правящую элиту // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. № 12. С. 12–26.

³³ В 1630 г. (в этом году вклад был юридически оформлен, а сделан он был еще в 1605/06 г.) новокрещенный мордвин Семен Кирдянов отдал в Пурдышевский мо-

лючалась, в том числе, в последствиях московского пожара 1626 г., когда сгорела значительная часть архива Поместного приказа.

Следует обратить внимание еще на один момент – смена статуса вотчины при смене собственника. В случае пожалования ясачной вотчины в монастырь, ее следовало специально обелять. В противном случае монастырь должен был продолжать выплачивать в казну верховой оброк. По-видимому, то же самое требовалось предпринять при покупке бортного ухोजея служилым татаринном у мордвы. Когда мордва версталась в постоянную государеву военную службу и переводилась в категорию тарханов, то причитающая ей часть пашни и лесных угодий изымались из общинного пользования. Пашня зачислялась в поместье, а вотчина обелялась. Когда право владения лесом напротив переходило от служилого человека к податному, судя по всему, предусматривался обратный процесс.

Неразрешенным остается вопрос о размерах прав владельцев лесных вотчин. В многочисленных купчих и судебных разбирательствах казалось бы фиксируются все возможные формы хозяйствования в границах собственного бортного ухोजея³⁴. При этом за право охоты и рыбной ловли с ясачного населения предусматривались дополнительные выплаты в пользу государства³⁵. Однако если обратиться к судебным делам, то все становится не так однозначно. Оказывается, что сторонние люди также имели права на некоторые виды деятельности в чужих вотчинах. В первую очередь это относилось к возможности распашки леса. В таком случае действовало неременное правило: не трогать бортные деревья³⁶. А.А. Гераклитов на примере Арзамасского уезда второй половины XVII в. отмечает факты прямого насилия со стороны «сильных

настырь свою вотчину, пожалованную ему за принятие православия при Федоре Ивановиче (РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 12058). По-видимому, на самом деле речь шла о ситуации, при которой мордвин одновременно с крещением перешел в категорию служилых людей «по прибору». В таком случае его жеребей пашни исключался из общинного землевладения и «обелялся», освобождался от налогов за военную службу. Подобный вклад был явным нарушением имеющегося законодательства. Закладывать поместную землю было нельзя. Воспользовавшись этим, потомки вкладчика во второй половине XVII в., неудачно попытались вернуть себе пашню и бортные ухोजеи (РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. 14529 Л. 1–25.).

³⁴ РГАДА. Ф. 281. № Оп. 20. Д. 14468/1. Л. 152 об. – 154 об; Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1443.

³⁵ Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210.

³⁶ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1443.

людей». Оно выражалось в массовой распашке лесов и активном ведении по-ташного производства на территории мордовских лесных угодий³⁷.

Долгое время было непонятно, куда на рубеже XVII–XVIII в. исчезли вотчины бортные ужожи. По-видимому, разгадка этого лежит в лесоохранном законодательстве Петра I. 19 ноября 1703 г. вышел указ «Об описи лесов во всех городах и уездах, от больших рек в сторону по 50, а от малых по 20 верст». В соответствии с ним на этих территориях запрещалась рубка деревьев таких пород как дуб, клен, ильм (вяз), каргач (вяз), лиственница, сосна, составлявшие в обрубке (место, где обрублено, отсечено) 12 и более вершков (53, 34 см). Для своих нужд разрешалось рубить липу, ольху, березу, ясень, осину, ель, ивняк, осокорь (тополь черный), сосну, орешник которые в отрубке менее 12 вершков³⁸. Это был только первый законодательный акт. За ним последовали и другие. Все они были направлены на изъятие, независимо от принадлежности, из свободного обращения лесов пригодных для кораблестроения, регламентацию их эксплуатации и охраны. Последний пункт возлагался непосредственно на лесохозяев. Но это только законодательство о лесе. Как на практике происходило отписание лесных массивов у ясачного населения неизвестно. Помещики сохраняли свою собственность, но не безусловно³⁹.

На настоящий момент это все наши знания по проблеме вотчин в регионе Восточной Мещеры. Следует признать, что они более чем скудны. При этом появление новых источников, которые смогут кардинально изменить созданную нами картину ждать не приходится. Можно надеяться только на корректировку и детализацию отдельных элементов описанного явления. Но это не значит, что институт вотчины в регионах европейской России с преобладанием неправославного населения не следует изучать. Прорывов в исследованиях земельной собственности нужно ожидать в работах, построенных на сравнительном анализе этого явления в широких географических и хронологических рамках.

³⁷ Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII – XVIII веков. Н. Новгород: НОЛС, 2013. С. 42–52.

³⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. IV. № 1950.

³⁹ Истомина Э.Г. Леса России: экологическая и социальноэкономическая история (XVIII – начала XX в.). М.: Квадрига, 2019. С. 45–58.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М.М. Административно-территориальное устройство Мещеры в XV – начала XVII веков (этнополитические аспекты): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 257 с.
2. Акчурин М.М., Абдурахманов Т.А. Челобитная вдовы мурзы Тляша Кутыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань: Издательство «Яз», 2011. Вып. II. С. 176–195.
3. Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере мещерских уездов) // Золотоордынское наследие. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 56–68.
4. Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник (По Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI в и 20-х годов XVII в. // Советская археология. 1964. № 4. С. 151–169.
5. Беляков А.В., Акчурин М.М. Князя Шейсуповы (Шайсуповы): модель интеграции в русскую правящую элиту // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. № 12. С. 12–26.
6. Беляков А.В. Архив Рождества Пречистые Богородицы Пурдышевского монастыря конца XVI – начала XVIII в. // Вестник церковной истории. 2020. № 1-2 (57-58). С. 227–291.
7. Беляков А.В. Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Н. Новгород: Изд-во «Кварц», 2012. С. 233–242.
8. Беляков А.В. Историческая география Мещеры XIV – XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85.
9. Беляков А.В. Князя Еникеевы и г. Темников в XV – XVII в. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII веке. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2020. С. 737–758.
10. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210.
11. Беляков А.В. Формирование границ в Мещере (история одной ошибки) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 289–294.
12. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII – XVIII веков. Н. Новгород: НОЛС, 2013. 152 с.
13. Ефименко П.С. Юридические знаки (Опыт исследования по сравнительному обычному праву) // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1874. Т. CLXXV. С. 53–83.

14. Истомина Э.Г. Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII – начала XX в.). М.: Квадрига, 2019. 358 с.
15. Каталог старинных перстней [Электронный ресурс] режим доступа: <https://rings.guru/catalog/pozdnee-srednevekovye/solyarnye-znaki-raznyix-tipov> (дата последнего обращения: 28.12.2020).
16. Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб.: РНБ, 2004. 107 с.
17. Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1855. Т. II. 1398 Стб.
18. Кочетков В.Д., Чибис А.А. Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь в XVI–XVII веках. Чебоксары, 2013. 506 с.
19. Лузгин А.С., Деникаева Е.А. К вопросу бытования мордовских «знамен» в средневековье // Регионоведение. 2013. № 1. С. 133–139.
20. Напольникова П.К. «Знамена» цнинской мордвы // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 2. С. 39–49.
21. Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. 206 с.
22. Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава: Древлехранилище, 2009. 683 с.
23. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. IV. 890 с.
24. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. М., 1982. С. 441–665.
25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1167.
26. РГАДА. Ф. 281.
27. РГАДА. Ф. 210.
28. Формирование границ в Мещере (история одной ошибки) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. Москва: Издательство Московского университета, 2019. С. 289–294.
29. Харузин Н.Н. «Знамена» мордвы в XVI–XVII вв. // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера. М.: Типо-литография А.В. Васильева, 1900. С. 62–73.
30. Хитров Д.А. К вопросу о границах Шацкого уезда в XVII–XVIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1. С. 130–132.
31. Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. Ульяновск: УлГУ, 2014. 472 с.

Сведения об авторе: Беляков Андрей Васильевич – доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@gmail.com

VOTCHINAS IN THE MIDDLE VOLGA REGION
OF THE 15TH – 17TH CENTURIES
ON THE EXAMPLE OF MESHCHERA

Andrey V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

The nature of the *votchina* is analyzed on the basis of the material of the Eastern Meshchera. In particular, the author considers such a variety of them as *votchiny bortnye ukhozhei* and concludes that this was one of the ancient forms of land ownership that existed in the pre-Golden Horde period. Initially, all forest lands were divided between the Mordovian clans, but private property, along with clan property, gradually began to arise here. Separate vast forests, apparently, belonged to the Mordovian princes. With the inclusion of Meshchera in the Golden Horde, these lands seem to have entered the khan's domain. The rest of the land remained in use by the Mordovians, although the khan was the supreme owner. With the accession of the region under consideration to the Russian state, the Grand Duke (Tsar) was considered as the supreme owner of all land. The penetration of Russian (Orthodox) owners of forest lands into the region took place through the purchase of estates from the previous owners, as well as the acquisition of rights to escheat lands from the state. This form of ownership existed until the beginning of eighteenth century and disappeared thanks to the decrees of Peter I on the protection of forests for the needs of the fleet.

Keywords: Muscovy of the 15th–17th centuries, Meshchera, votchina, votchina bortnoe ukhozhee, serving Tatars, Mordovians

About the author: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: belafeb@gmail.com

**К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В ЗАПАДНОМ ПРИУРАЛЬЕ**

Р.Р. Исхаков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

Цель: рассмотреть основные этапы формирования института вотчинного землевладения в Западном Приуралье (вторая половина XVI – начало XX в.).

Материалы исследования: основным источниками для изучения формирования системы землевладения в Приуралье являются законодательные и актовые материалы (жалованные и иные грамоты), делопроизводственные, а также судебные дела. Значительный комплекс архивных материалов по этой теме содержится в региональных и центральных архивохранилищах России. Комплексный анализ источниковой базы позволяет поколебать некоторые выводы о специфике вотчинного землевладения в этом регионе, представленные в работах современных исследователей.

Результаты и научная новизна: в ходе исследования предложена периодизация складывания института вотчинного землевладения в Западном Приуралье, показана роль государственных институтов в конструировании социальной (сословной) группы вотчинников-асаба (башкирцев), трансформации их прав на земельные владения. Научная новизна заключается в авторской интерпретации одной из наиболее слабо разработанных и дискуссионных тем в современной историографии народов Приуралья средневековья и нового времени – вопроса становления и развития института вотчинного землевладения. Несмотря на внушительное количество работ, в которых затрагивается эта проблематика, по настоящему комплексных исследований по этой теме на сегодняшний день нет. Имеются существенные историографические и методологические лакуны, во многих исследованиях присутствует принцип локального территориального измерения института вотчинного землевладения, транслируются тезисы об «уникальном» характере башкирского вотчинного права в Московском и Российском государствах и проч. Одним из следствий слабой методологической и источниковедческой разработки этой проблемы является появление и тиражирование исторических мифов, а также крайне спорных документально не верифицируемых выводов. На наш взгляд лишь при комплексном подходе и рассмотрении вотчинных отношений в широком географическом и хронологическом разрезе, с привлечением материалов предшествующего периода, в том числе института вотчин в средневековых русских государствах, Золотой Орде и тюрко-татарских государствах, можно прийти к осмыслению этой весьма сложной темы.

Ключевые слова: землевладение, вотчинники-асаба, башкирцы, Приуралье, жалованные грамоты, Уфимский уезд, Оренбургская губерния

В соответствии со сложившейся в советское время традицией современные башкирские исследователи продолжают придерживаться взгляда, что институт вотчин у предков башкир сложился в период Золотой Орды и был подтвержден Иваном IV после присоединения территории Приуралья к Московскому государству в 1554–1557 гг. Переговоры об особых правах башкирцев с царским наместником в Казани боярином А.Б. Горбатым-Шуйским сначала вели представители северо-западных племен, затем юго-восточные и восточные племена башкир. В 1557 году состоялось посольство в Москву, где завершились переговоры с русскими властями, и башкиры получили жалованные грамоты от царя Ивана IV¹. Так, практически одновременно, по мнению уфимских исследователей, предки башкир стали вотчинниками огромных земельных наделов.

На чем основываются эти тезисы? На сегодняшний день не выявлено ни жалованных или иных грамот, а также документальных свидетельств периода правления Ивана IV, подтверждающих предоставление населению будущего Уфимского уезда вотчинных прав, как впрочем, и фактов заключения иных договоров между башкирцами и русской администрацией, осуществление описания и межевания земель и других мероприятий, необходимых для фиксации прав на земельные наделы. Единственным косвенным свидетельством, подтверждающим правовые отношения между московской администрацией и башкирцами в сфере землепользования в период правления Ивана IV являются башкирские шежере. В них, в частности, отмечается, что царем Иваном IV в «башкирские жилища» были посланы «переписчики» для установления норм ясачной повинности и описания земли². Исходя из этой информации уфимскими исследователями был сделан вывод, что уже в это время были сформированы башкирские поземельные волости на основе родоплеменной структуры, а также составлены ясачные книги, в которые были внесены земельные владения и ясак башкирцев. На наш взгляд данные выводы строятся на весьма слабой доказательной базе. Необходимо учитывать, что шежере – специфический источник, составленный на основе народных преданий и фольклора. Как и в других источниках, сконструированных на основе народной исторической памяти, в шежере фиксируются «хронологические наложения» событий разных эпох. В связи с этим при анализе содержащейся в них информации требуется критический подход. Сложно допустить, что еще до строительства Уфимской крепости и появления в крае царской администрации было возможно проведение такой сложной операции как описание земель на огромной территории Приуралья. В данном случае, факты, приводимые в шежере, могут относиться к более позднему времени и связаны с дея-

¹ История башкирского народа: в 7 томах / председатель редколлегии Рахматуллина З.Я., гл. ред. Кульшарипов М.М. Уфа: Гилем, 2011. Т. 3. С. 44–58.

² Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1988. С. 29.

тельностью казанского дворянина С. Аристова и подьячего Б. Юрьева, описавших в 1634–1635 гг. 2217 дворов башкирцев, а также представителей других этнословных групп (ясачных людей) Уфимского уезда³.

Исходя из имеющейся на сегодняшний день документальной базы можно утверждать, что лишь в первой половине XVII в. началась законодательная регламентация земельных отношений в Уфимском уезде – к этому времени относятся и первые сохранившиеся акты (жалованные, подтвердительные и ввозные грамоты), регулировавшие земельные права вотчинников. Это было связано с целым рядом факторов, главным из которых стало укрепление позиций Московского государства в Приуралье, связанного со строительством городов-крепостей (Уфа, Оса), разгром калмыков и вытеснением Кучумовичей. Укрепившись на новой территории, царская администрация приступает к планомерному фискальному учету местного населения и распределению земельного фонда региона. В ходе этой работы сохранялась определенная преемственность с прежними правовыми традициями в сфере земельных отношений, сложившимися в Золотой Орде и Казанском ханстве.

Анализ сохранившихся грамот XVII в., выданных представителям местного населения, получившие вследствие этого особые вотчинные права на земли и ставшие впоследствии представителями сословия башкирцев-асаба, позволяет определить на основе каких правовых норм складывались взаимоотношения между государством и ее подданными:

1. В актовых материалах довольно четко прописывается, что жалованная земля является государевой и предоставляется просителям в «особое» распоряжение за плату ясака. В данном случае земля принадлежала самодержцу как правопреемнику татарских ханов – царю Казанскому и Сибирскому. Таким образом, предоставлявшиеся вотчинные права имели ограниченный характер – вотчинники не могли продавать землю, она могла быть отчуждена государством и проч. Башкирцы во всех возникавших спорных случаях были вынуждены обращаться к царской власти, добываясь от нее особых владенных грамот или памятей. Без наличия их они оказывались беззащитными перед лицом всевозможных захватов их земель.

2. В сохранившихся грамотах нет прямых упоминаний, что до предоставления земель в вотчину они принадлежали просителям. Напротив, в некоторых источниках отмечается обратное. Так, в извлечении из грамоты, выданной представителям родов усерген, кыпчак, бурджан и тамьян на владения землями по р. Яик и Сакмаре, указывалось, что эти «земли, леса, воды» были «пустынными», они были «дарованы» великим царем⁴. В грамоте 1659 г.

³ Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 232.

⁴ Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских биев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 209.

представители родов юрматы и мин «пришедши себя объявили рабством своим и приклонились что нас триста домов и просили оставшиеся от перешедших нагаевских башкирцов земли по обе стороны Белой реки верхней урочищ от устья Нугуш реки а нижней урочищ Кугашева гора и Белой реки мысом Кургунском кишу по обе стороны Белой реки текущими мелкими речками и вращками и степями и лесными угодьями и горами за который платить им в казну сто куниц предоставить им земли по берегам р. Белой»⁵.

3. Не было единого центра, откуда выдавались правоуставливающие документы на вотчинные наделы – есть упоминания, что наряду с Казанью и Уфой грамоты получали в Чардыне. Сам этот процесс имел длительный характер.

4. Жалованные грамоты предоставлялись не только башкирцам, но и представителям других этносоциальных групп местного населения. Так 11 апреля 1597 (7105) г. «по государеву цареву и великого князя Феодора Ивановича вс[ea] Руси указу воевода князь Иван Михайлович Воротынской с товарищи дали служилому новокрещену князь Якову князь Васильеву сыну Асанова вотчину: бортной ужожи и бобровые гоны и рыбные ловли за Камою рекою»⁶. Кроме того в ряде случаев представители родов, ставших впоследствии башкирскими, в документах таковыми не фиксируются.

5. В актовых документах не упоминается о коллективном (общественном) праве на вотчинную собственность. Ни о каком предоставлении вотчинных прав всем башкирцам без исключения речи не шло.

XVII в. условно можно считать «переходным», когда еще не сложились четкие нормы, на основе которых земли становились вотчинной собственностью, не было и четкого размежевания границ между собственниками, а также не был определен круг лиц, которые имели право на получение вотчинных земель. В условиях наличия огромного земельного фонда и относительной малочисленности местного населения для уфимской администрации было важно расширить базу лиц плативших ясак, в том числе путем предоставления вотчинных прав переселенцам из Закамья, плативших оброк в Казань. Изучив источники XVII столетия, башкирский исследователь У. Рахматуллин пришел к выводу, что Байларская, Бюлярская и Енейская поземельные волости Казанской дороги Уфимского уезда (то есть волости вотчинников-башкирцев) сформировалась на основе общин владельцев оброчных угодий – ясачных татар, марийцев, чувашей и удмуртов⁷. Имеющаяся на сегодняшний день эмпирическая база позволяет расширить список таких волостей Казанской, а также будущей Новомосковской дороги (возникла в начале XVIII в.). Это наблюдение важно не только для осмысления трансформации форм землевладения в При-

⁵ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 2817. Л. 41 об.

⁶ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки КФУ. Д. 1303/8. Л. 775.

⁷ Рахматуллин У.Х. Крестьянское заселение Башкирии в XVII–XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. Уфа, 1981. С. 7.

уралье, но и природы «башкирских» поземельных волостей. Факты говорят, что в ряде случаев они возникали в результате деятельности государственных структур и не были напрямую связаны с родоплеменными объединениями башкирцев. Напротив, в дальнейшем принадлежность к общине сформировало локальную родовую идентичность местных жителей. В этом отношении Западное Приуралье не было уникальным примером. Схожие процессы отмечались в Южном Приуралье (Челябинский уезд), где в результате получения вотчинных прав «аюкинскими калмыками», численность которых доходила до 40 тыс. чел., образовалась Калмыцкая волость. Впоследствии их потомки стали представителями одного из башкирских родов (калмак)⁸.

Переход «оброчников» в «вотчинники» происходил путем наложения на них дополнительного ясака, выплачивавшегося в Уфу, за что им предоставлялись особые права на землю. Они вносились в ясачные книги и таким образом превращались в вотчинников-башкирцев. С этим на наш взгляд связана определенная путаница в делопроизводственных и судебных документах этой эпохи, где одно и то же лицо могло обозначаться и ясачным чувашем/черемисом и башкирцем. Одним из объективных показателей этого процесса может считаться аномально быстрый рост башкирского населения региона. Казанский губернатор А.П. Вольтер в «Записке о положении башкирского вопроса...» в 1730 г. отмечал, что число башкир «время от времени непрестанно умножается и растет так, что чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцев больше 35000 или по крайней мере 40000, а ныне з беглецами стало больше 100000, а имянно: казанские, сибирские, темниковские и прочие тамошних уездов ясашные татары, большая половина в башкиры перешли, к тому ж и прочие иноверцы, мордва, чувашы, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда же перешли»⁹. Эти выводы подтверждаются и данными современных демографов¹⁰. Единственным объяснением этого явления может считаться массовое предоставление оброчному населению вотчинных прав и запись их башкирцами. Весьма информативным источником, показывающим данную социальную трансформацию является «спорные дела», в которых фиксируется «добашкирский» сословный статус лиц и их предков.

Необходимо отметить, что в законодательстве этого времени также не было норм, которые ограничивали бы получения вотчинных прав, за исключением механизма их закрепления путем покупки вотчинных земель. То есть вотчинниками могли стать не только башкирцы. Так в Соборном уложении 1649 г.

⁸ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. 2-е изд., доп. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. С. 233–234.

⁹ История Татарии в документах и материалах. М: Соцэкгиз, 1937. С. 399.

¹⁰ Исхаков Д.М. Методологические и источниковедческие аспекты проблемы сословных башкир (XVI–XIX вв.) // Большая ложь историков Башкортостана (К вопросу о формировании сословия «башкир-вотчинников» в северо-западном Приуралье). Казань: Изд-во «ЯЗ», 2010. С. 8.

в качестве субъектов, на которые распространялся запрет на продажу вотчинных и поместных земель, наряду с башкирцами названы: князья и мурзы, татары, мордва, чувашаи, черемисы, вотяки, русские помещики и дворяне и др.¹¹

XVIII в. стал новым этапом в развитии вотчинного землевладения в Приуралье. В результате массовой вольной и государственной колонизации в данном регионе произошел стремительный рост населения, что способствовало быстрому сокращению фонда неосвоенных государственных земель и развитию института припуска, в связи с разрешением долгосрочной аренды вотчинных земель. В результате включения башкирцев в состав Оренбургского иррегулярного войска с 1740-х гг. представители данной социальной страты местного населения приобретают статус военно-служилого сословия. Все это объективно способствовало институционализации вотчинного землевладения и сокращению возможности для получения вотчинных прав для небашкирского населения. Для этого было необходимо войти в состав башкирского сословия. В тоже время количество вотчинных земель неуклонно сокращается, в связи с отчуждением государством части территории под строительство крепостей, засечных черт и заводов, а также ликвидации вотчинных прав «воровских башкирцев», то есть участников антиправительственных выступлений. Важное значение в этом процессе сыграл указ от 1736 г., разрешивший продажу и закрепление в собственность вотчинных земель. В результате существенная их часть в Западном и Южном Приуралье стала собственностью помещиков¹². Этой возможностью пользовались и представители других сословных групп региона. Так, в 1751 г. торговыми татарами Сеитова Посада у башкирцев были куплены земли, на которых были основаны дер. Стерлибашево, Айдарали, Ибраево, Яшерганово, Тятер-Арсланово, Бакиево. Новым собственникам удалось сохранить вотчинный статус этих земель, войдя в состав сословия башкирцев.

В XVIII в. поземельные общины окончательно стали основной формой социальной организации башкирцев-асаба, в которых были сосредоточены практически все их вотчинные земли. Происходит формирование их четких границ. Ключевую роль в этом сыграло проведение Генерального межевания. В связи с большой территорией и сложным характером землевладения Генеральное межевание в Оренбургской губернии растянулось на несколько десятилетий – начавшись в конце XVIII в. закончилось только в 1840 г. В результате было проведено размежевание вотчинных земель, установлены границы владений, окончательно узаконены перераспределение земельных наделов, произошедшее в предшествующий период.

Завершающим этапом в процессе формирования вотчинного землевладения стала эпоха Великих реформ. 14 мая 1863 года было принято «Положение

¹¹ ПСЗ. Т. 1. №1. С. 80–81.

¹² Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1988. С. 65–66.

о башкирах», которое уравнило башкир с другими сельскими жителями. Став сельскими обывателями представители бывшего башкирского сословия в то же время сохранили свои вотчинные права. «В прежнее время пожалованные башкирам или иначе им доставшиеся, обмежеванные за башкирскими обществами при генеральном межевании и состоящие в бесспорном их владении... принадлежат сим обществам на праве собственности» отмечалось в Положении¹³. Каждый вотчинник наделялся 40 дес. земли (в конце XIX в. наделы были сокращены до 15 дес.). Все остальные земли могли быть проданы, что особо регламентировалось указом от 10 февраля 1869 г.¹⁴ Согласно закону, земли башкир могли оставаться в нераздельном владении всего общества, либо по усмотрению всего общества могли быть разделены между их владельцами. Таким образом, произошло окончательное законодательное закрепление особых земельных прав башкир. При этом прописывалась привязка этих прав и социального статуса лица и его предков – они должны были состоять в башкирском сословии. Несмотря на дальнейшее сокращение фонда башкирских вотчинных земель, эта форма землевладения просуществовала в Приуралье вплоть до 27 октября 1917 г. когда Советской властью был принят Декрет о земле.

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Юридическое оформление вотчинных прав на землю в Приуралье происходит в XVII в. В этот период в состав вотчинников входят различные этнические и социальные группы.
2. В XVIII – первой половине XIX в. происходит формирование сословия башкирцев-асаба, оформляются границы поземельных волостей.
3. Во второй половине XIX в. происходит законодательное закрепление и регламентация вотчинных прав, определяется количество душевых наделов, происходит жесткая привязка прав на вотчинные земли и «башкирского» статуса сельских жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
2. Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских биев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 206–212. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.206-212
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1240. Оп. 1. Д. 494.
4. История башкирского народа: в 7 томах / председатель редколлегии Рахматуллина З.Я., гл. ред. Кульшарипов М.М. Уфа: Гилем, 2011. Т. 3. 476 с.

¹³ ПСЗ-2. Т. 38. №39622. С. 443.

¹⁴ ПСЗ-2. Т. 44. №46750.

5. История Татарии в документах и материалах. М: Соцэкгиз, 1937. 503 с.
6. Исхаков Д.М. Методологические и источниковедческие аспекты проблемы сословных башкир (XVI–XIX вв.) // Большая ложь историков Башкортостана (К вопросу о формировании сословия «башкир-вотчинников» в северо-западном Приуралье). Казань: Изд-во «ЯЗ», 2010. С. 4–10.
7. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. 2-е изд., доп. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. 560 с.
8. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки КФУ. Д. 1303/8.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 1. №1.
10. ПСЗ-2. Т. 38. №39622.
11. ПСЗ-2. Т. 44. №46750.
12. Рахматуллин У.Х. Крестьянское заселение Башкирии в XVII–XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. Уфа, 1981. С. 6–12.
13. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1988. 188 с.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1324. Оп. 1. Д. 2817.

Сведения об авторе: Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: ishakovist@gmail.com

PERIODIZATION OF VOTCHINA LAND TENURE FORMATION IN THE WESTERN CIS-URAL REGION

Radik R. Iskhakov

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

Objective: The formation of *votchina* land tenure in the Western Cis-Ural region at the main stages from the second half of the sixteenth to the beginning of the twentieth century.

Materials of research: The main sources for studying the formation of the land tenure system in the Cis-Ural region are legislative and act materials (granted and other charters), clerical documents, as well as court cases. A significant complex of archival materials on this topic is contained in the regional and central archives of Russia. A comprehensive analysis of the source base makes it possible to question some of the conclusions of modern researchers regarding the specifics of *votchina* land tenure in this region.

Results and novelty of research: In the course of the study, the author proposes his periodization of the formation of *votchina* land tenure in the Western Cis-Ural region and shows the role of state institutions in the construction of the social (estate) group of

votchinniki-asaba (bashkirtsy) and the transformation of their rights to land tenure. Scholarly novelty lies in the author's interpretation of the issue of the formation and development of *votchina* land tenure, that is, one of the most poorly developed and controversial topics in the modern historiography of the medieval Cis-Ural region. Despite the impressive amount of work on this issue, there are currently no truly comprehensive studies on this topic. There are significant historiographic and methodological gaps. Many studies adhere to the principle of the local territorial dimension of *votchina* land tenure and broadcast theses about the "unique" nature of the Bashkir *votchina* law in the Muscovite and Russian states. The emergence and replication of historical myths and extremely controversial, documentary unverifiable, conclusions is one of the consequences of the weak methodological and source study of this problem. In our opinion, the comprehension of this very complex topic can become possible thanks to an integrated approach and consideration of *votchina* relations in a wide geographical and chronological context, using materials from the previous period regarding the *votchina* in medieval Russian states, the Golden Horde, and the Turkic-Tatar states.

Keywords: land tenure, *votchinniki-asaba*, bashkirtsy, Cis-Ural region, granted charters, Ufa district, Orenburg province

About the author: Radik R. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Head of the Center for the Study of History and Culture of the Tatars-Kryashens and Nagaybaks, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: ishakovist@gmail.com

БАШКИРЫ В XV–XVII ВВ.: ЭТНИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

В статье анализируются данные источников преимущественно XV–XVII вв. о башкирцах/баскирдах/башкирах (вместе с другими вариантами прочтения). Исследование проведено на основе широкого круга источников, начиная от синхронных аутентичных письменных источников (летописи, актовый материал, писцовые книги, записки современников и т.д.) и заканчивая данными археологии, эпиграфики, лингвистики, топонимики, этнографии и палеоклиматологии. В результате исследования установлено, что сложившееся историографическое представление о том, что в эпоху Казанского ханства башкирцы проживали на территории современного Башкортостана не соответствует данным синхронных аутентичных источников, которые фиксируют башкирцев в Пермском Прикамье. Во второй половине XVI–XVII в. в результате миграции и включения в башкирскую этносоциальную общность других групп населения их численность увеличилась и ареалом проживания стали более южные и обширные территории.

Ключевые слова: башкирцы, Пермское Прикамье, Казанское ханство, Ногайская Орда, миграция

При локализации «Башкирской земли» Казанского ханства, мы сталкиваемся с серьезной проблемой: с одной стороны, источники XV–XVII веков говорят о проживании башкир в Среднем Прикамье (Пермском Предуралье) и в Сибири, а с другой стороны, в историографии утвердилось мнение о расположении Башкирского улуса на юго-востоке Казанского ханства. Причем многие исследователи исходили из того, что в состав Казанского ханства входила западная и северо-западная часть современного Башкортостана, тогда как северо-восточные и южно-уральские башкиры находились в подчинении сибирских ханов и ногайцев. Зачастую, доказывая это, историки прибегали к весьма своеобразной интерпретации источников.

К примеру, уфимский историк А.Н. Усманов сначала привел сообщение казанского летописца о владениях булгар до реки Белой и до Ногайской Орды, где нет ни слова о башкирах, а потом объяснил, что и в составе башкир есть племена «название которых восходят к булгарскому этническому миру» и «вплоть до середины XIX в. некоторые западные башкиры именовали себя булгарами». Другой его аргумент – сообщения А.М. Курбского о проживании

башкир в верховьях Камы, из которого историк странным образом выводит, что основным районом расселения башкир было «устье и нижнее течение реки Белой, с ее притоками...»¹. Как показано ниже, А.М. Курбский не упоминает ни р. Белую, ни ее притоков²!

Судя по всему, такой подход разделял и редактор монографии А.Н. Усманова Р.Г. Кузеев, на работы которого до сих пор опираются многие исследователи при изучении Южного Приуралья и сопредельных регионов. Он обратил внимание на то, что «сфера и характер политического влияния Казанского и Сибирского ханств в Башкирии остаются не вполне ясными». По его словам, «распространенные представления о том, что западная и северо-западная области Башкирии были подвластны Казанскому ханству, северо-восточная – Сибирскому, а южная и центральная – Ногайской Орде, схематичны и нуждаются в уточнении». При этом Р.Г. Кузеев пытался уточнить историю отношений Казанского ханства с башкирами в основном за счет так называемых башкирских шеджере, показывающих, что «башкирская территория, которая находилась под постоянным или длительным протекторатом казанских ханов, была, однако, невелика». По заключению историка, «она ограничивалась средним и нижним течением Ика, долиной Мензели, низовьями р. Белой и прилегающими районами левобережья Камы»³.

Однако данные шеджере о миграции «башкирских» племен к юго-западным районам Казанского ханства и рассказы о заключении договоренностей отдельных предводителей этих племен с казанскими ханами зачастую уникальны и не находят подтверждения в независимых источниках. К примеру, Р.Г. Кузеев, ссылаясь на шеджере, пишет, что башкирский Кара-Табын-бий «переселился в долину р. Чулман, где стал служить казанскому хану Чуртмаку»⁴. При этом по источникам XV–XVI вв. ничего не известно о правлении казанского хана «Чуртмака» и ханском жаловании «Кара-Табын-бия».

Но основная проблема не только и даже не столько в достоверности «башкирских» шеджере, а в том, что эти родословные были записаны преимущественно в XIX–XX вв., когда за племенами усерган, бурджан, тамьян, табын и другими этническими группами Башкирии уже закрепилась башкирская идентификация. При этом исследователи не учитывали, что события, описанные в шеджере, восходят к временам, когда процесс формирования

¹ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С. 50–51.

² Симптоматично, что автор крупнейшего монографического исследования по истории Казанского ханства А.Г. Бахтин, описывая башкир в составе Казанского ханства, опирался на работы А.Н. Усманова (См.: Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 72, 84).

³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 482.

⁴ Там же. С. 281.

башкирской общности был еще далек от завершения и многие из этих племен еще не вошли в нее. Источники, относящиеся к эпохе Казанского ханства, указывают на то, что племена юго-восточных тюркоязычных кочевников еще не назывались башкирами, башкирцами или башкортами.

Для наглядности приведем еще один пример из работы Р.Г. Кузеева. Согласно ему, данные шеджере о переселении племени ирэкте в конце XV – начале XVI в. «с долины р. Миасс на берега Камы (*Чулман*) или Ика» подтверждаются грамотой Сахиб-Гирея от 1523 г., так как в ней, как и в шеджере, фигурирует некий Шейх-Ахмед (по шеджере Ахмат-Шайех-бий)⁵. Однако при внимательном изучении этих источников сразу же обнаруживаются контраргументы. Во-первых, кроме этого имени и единственного топонима – притока Камы, реки Ик, – рассказ шеджере с ярлыком Сахиб-Гирея ничего не связывает. К тому же имена, указанные в источниках, не тождественны, а слово «Ик», по замечанию В.В. Трепавлова, «вписано» в документ «другими чернилами и другой рукой»⁶. Во-вторых, ни в этой грамоте, ни в копии грамоты хана Ибрагима, сохранившейся в составе документов последней четверти XVII века, мы не находим наименований башкорт, башкирец или башкир. Следовательно, сведения башкирских шеджере, при условии их верификации источниками XV–XVI веков, можно использовать в исторических реконструкциях, только с учетом того, что относительно изучаемого периода эти родословные в основном повествуют о золотоордынских тюрко-татарских племенах, еще не вошедших в башкирскую общность, но уже занимавших часть территории современной Башкирии и сопредельных регионов и таким образом влившихся в состав таких позднеджучидские государств, как Казанское ханство, Ногайская Орда и Тюменское ханство (государство сибирских Шибанидов).

Впрочем, главная историографическая проблема даже не в том, что у закрепившегося представления о юго-восточном положении Башкирского улуса зыбкая доказательная база, а в том, что сохранились многочисленные аутентичные сведения, опровергающие это. Причем, В.В. Трепавлов уже давно обратил внимание на известие Ногайских книг от 1578 г. о «башкирдах» и «остяках» на р. Каме и выдвинул гипотезу о существовании западной или северо-западной группы башкир, называемой иштяками⁷. Д.М. Исаков обосновал, что «иштяки» и «башкиры» входили в состав Казанского ханства и в то же время выплачивали часть ясака в Ногайскую Орду. При этом он учел данные Ногайских книг и сведения А. Курбского о локализации этих групп и

⁵ Там же. С. 319–320.

⁶ Тарханный подтверждающий ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1) // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 919–920.

⁷ Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 11.

пришел к выводу, что «речь, скорее всего, идет именно о населении северо-западного Приуралья»⁸, но не развил этот тезис и не уточнил местоположение Башкирского улуса Казанского ханства. И.В. Антонов, изучив сведения о средневековых башкирах, обратил внимание на то, что в работах Идриси (1154 г.), братьев Пицигано (1367 г.), на Каталонской карте мира (1375–1377 гг.) и в сочинении А.М. Курбского (1573 г.) башкиры обозначены по р. Каме, но посчитал эти известия ошибочными⁹. Однако, если сообщения источников X–XIII вв. о «баскардах» еще как-то можно связать с территорией современной Башкирии, то сведения, относящиеся к эпохе Казанского ханства, вполне определенно указывают на другой географический ареал.

Во-первых, необходимо рассмотреть сообщения, описывающие территорию современной Башкирии в XV–XVI веках. Императорский посол С. Герберштейн, дважды побывавший в Московском государстве (1517, 1526 гг.) и, по различным документам и сведениям очевидцев, изучивший Московию и остальную часть бывшего Улуса Джучи, писал, что Казанское ханство «с востока и юга» «ограничено пустынными степями», «за казанскими татарами, прежде всего, встречаем татар (но не башкир – А.А.), зовущихся ногаями», которые «живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающему из области Сибирской»¹⁰.

Автор «Казанской истории» так обозначил юго-восточные земли Казанского ханства, унаследованные им от «малых болгар»: «за Камою, промеж великия реки Волги и Белыя реки Воложки до великия Орды Нагайския». При этом в заключительной части «Истории» находим упоминание о «башкирских улусах», которые находились «за 700 верст за Казань»¹¹, причем под «за Казаньем» понимались земли, находившиеся к северо-востоку от Казани, тогда как территория нынешней Башкирии располагалась в другой стороне. Следовательно, описания юго-восточных окраин Казанского ханства не содержат упоминаний о башкирах, а известие о «башкирских улусах» локализует их у северо-восточных границ ханства, что никак не увязывается с территорией современной Башкирии.

Московский летописный свод конца XV в., описывая военный поход к р. Белой в 1468 г., не говорит о столкновении с башкирами, а упоминает лишь об «избиении» здесь черемис и татар. Предводителем татарского отряда был княжеский сын «Тарханов» по имени «Тулазий»¹². Исходя из этого сообщения, некоторые исследователи делают вывод, что Тулазей был тарханом, а тархана-

⁸ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 150.

⁹ Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. Уфа, 2012. С. 79.

¹⁰ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. С. 180.

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве. М., 2000. Стб. 186.

¹² ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 280.

ми якобы были только башкиры. Хотя здесь совершенно четко обозначается, что Тулазий был воеводой татар. А тарханы – это привилегированная категория населения, освобожденная от уплаты податей, в эту социальную категорию могли включаться представители совершенно разных этнических общностей. О том, что между тарханами и башкирами нельзя ставить знак равенства говорит Духовная грамота Ивана IV от 1572 г. и ряд других документов, где тарханы упоминаются наряду с «башкирдами» как отдельная категория населения¹³.

Таким образом, современники событий, описывая юго-восточные пределы Казанского ханства, не упомянули ни Башкирского улуса, ни башкир.

В летописной статье о сборе войск хана Ибрагима «Башкирская земля» упоминается последней, что уже косвенно указывает на ее отдаленность и приграничное расположение. После завоевания Казанского ханства долгое время русские власти не приносили существенных изменений в административно-территориальную систему улусов¹⁴. Поэтому для того, чтобы более точно обозначить территорию этого улуса в эпоху Казанского ханства, требуется рассмотреть как известия этого периода, так и более поздние сообщения.

Согласно М. Меховскому (1517 г.), «за Московией **на северо-востоке** (выделено нами – А.А.), на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся народы и области, подчиненные государю Московии, впервые покоренные князем Московским Иваном, а именно Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корела»¹⁵. Подобное сообщение находим у Альберта Кампензе (1523/1524 г.): «**К северо-востоку от Московии** (выделено нами – А.А.), за Вяткою и Устюгом, в расстоянии пяти сот Немецких миль, живут Печоране и Вогуличи», за ними «живут другие Скифские племена, как то: Югры, Карелы, Башкиры (Baschirdi) и Черемисы»¹⁶.

Европейские известия о соседстве башкир с Пермью, Югрой, вогулами и черемисами согласуются с данными «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.), Катиба Челеби (XVII в.) и Абдулгаффара Кырыми (XVIII в.), указывающими на близость «чимги башгырт»/«башкирских татар»/«башкурт» к вилайету Чимги-Тура, или Тюменскому ханству¹⁷.

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовка к печати Л.В.Черепнина. М.; Л., 1950. С. 439.

¹⁴ Русское слово «волость» происходит от татарского слова «улус», первый звук которого обозначался арабской буквой «э», обычно заменяемой в русских переводных документах буквой «в».

¹⁵ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 117.

¹⁶ Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 16, 27.

¹⁷ Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 233, 237, 244; Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-Ахбар // Золотоордынское обозрение. 2015. №. 4. С. 212.

А.М. Курбский, лично участвовавший в походе на Казань в 1552 г. и в военных экспедициях по покорению народов Казанского ханства, оставил более подробное описание башкир. В первом случае, характеризуя народонаселение ханства, он указал на то, что «башкирыцы» «живут в лесах в **верховьях большой реки Камы** (выделено нами – А.А.)». Далее в рассказе о походе 1554 г. А.М. Курбский сообщил, что передние полки, преследуя казанцев, «гоняху за ними аже за Уржумь и Меть-реку, за лесы великие, и оттуду аже до башкирска языка, яже **по Каме-реке вверх ко Сибири протяжается** (выделено нами – А.А.)»¹⁸.

«Башкирцы» упоминаются и в связи с нападением на пермских купцов в верховьях Камы, что зафиксировано в Указной грамоте Ивана IV Строгановым от 1572 г. и летописной статье под 1572 г.¹⁹ О проживании «башкирцев» в верховьях Камы свидетельствуют и Ногайские дела, согласно которым в 1578 г. «приходили (ногайские татары – А.А.)... в Казанский уезд в остяки **на верх Камы воевать... по реке по Каме** (выделено нами – А.А.) на башкирцы и на остяки Казанского уезда и людей убивать почали и грабить и башкирцы и остяки собрався иных побили, а трех-четырёх живых взяли»²⁰. А в статье Строгановской летописи под 1581 г. дана более конкретная локализация «башкирцов»: «он же злый (пелымский князь – А.А.) по неволи взя с собою **Сылвянских, и Косвинских, и Иренских, и Ивинских и Обвинских** (выделено нами – А.А.) Татар, и Остяков, и Вогуличь, и Вотяков и Башкирцов множество»²¹. То есть, как и в предыдущих источниках, речь идет о притоках Камы, располагавшихся к югу от Великой Перми.

В документах XVII вв. на авансцену выходят уфимские «башкирцы», но необходимо обратить внимание на то, что даже некоторые источники XVII–XVIII вв., повествуя о положении дел в более раннее время, связывают «башкирцев» с Пермским Предуральем. Так, в грамоте царя Михаила Федоровича от 1632 г. говорится о «старинных» владениях «башкирцев» на р. Каме: «Вотчины за нами за башкирцы **старинные** (выделено нами – А.А.) в Уфимском уезде речка Мулин, да речка Юг, да речка Нытва, да речка Отчера со всеми угоды»²². Аналогичная грамота была составлена и в канцелярии Петра I в 1701 году²³.

¹⁸ Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. Эл. ресурс, режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9862>.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 5; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 5.

²⁰ РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Кн. 8. Л. 275, 285 об., 391.

²¹ Сибирские летописи. С. 11–12.

²² К истории Башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь: Типо-литография Губернского Правления, 1897. С. 81–82.

²³ Там же. С. 82–83.

Дополнительные географические ориентиры приводятся в исследовании голландского политика и ученого Н. Витсена, неоднократно посетившего Россию (впервые в 1664–1665 гг.). Согласно ему, «в прошлом столетии (то есть в XVI в. – А.А.)» «в области Перми башкиры и черемисы поклонялись идолам», при этом в другом разделе своей книги он уточняет, что «земли Перми, иначе называемые Пермь Великая, имеет соседями с юга башкир». Подробно описывая путь из Сибири, Н. Витсен обозначил еще один район, некогда занимаемый башкирами: «От этого озера (оз. Исеть – А.А.) до того места, где начинается река Чусовая, по каменным горам 6 миль пути... Эти земли раньше были заселены башкирскими племенами»²⁴.

Таким образом, согласно аутентичным и в основном независимым друг от друга сведениям, Башкирский улус Казанского ханства располагался на северо-восточных и восточных окраинах: в Пермском Прикамье до истоков Чусовой, Исети, Туры и других сопредельных рек. Эта обширная территория на северо-востоке и востоке ханства, судя по всему, была малозаселенной, но играла стратегически важную роль, так как через нее проходили основные пути в Великую Пермь и Сибирь²⁵. То есть, с одной стороны, Башкирский улус выступал своеобразной буферной зоной на путях нередких набегов русских и угорских ушкуйников, а с другой – обеспечивал безопасность торговли с важнейшими районами пушного промысла.

Что касается этносоциального состава, то, как и в других улусах, он был неоднородным. В источниках мы встречаем разную идентификацию жителей этих земель: «башкирцы»/«башкурт»/«башгирд»/«чимги башгырт», «иштяк»/«остяки», «башкирские татары» и «татары». Этот улус, судя по всему, был назван по доминирующей в политическом плане этносоциальной общности. Учитывая стратегически важное положение улуса, можно допустить, что башкиры имели высокую боеспособность, позволявшую им защищать северо-восточные пределы ханства от внезапных вторжений и обеспечивать безопасность на торговых путях, ведущих в крупнейшие районы пушного промысла.

По археологическим данным, начиная с раннего средневековья, в верховьях Камы проживали общности с ярко выраженным культом воина-всад-

²⁴ Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии» (1692 г.). Эл. ресурс, режим доступа: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya?start=31>.

²⁵ «Истоки левобережных притоков Тобола – Исети, Пышмы очень близко подходят к истокам Чусовой и Сылвы, которые пересекают Уральские горы в широтном направлении. Они всегда являлись наиболее легким путем из Сибири в Приуралье» (См.: История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань, 2016. С. 63).

ника²⁶. Со времен включения этого региона в сферу экономического влияния Волжской Булгарии важную роль в хозяйстве местного населения начинает играть пушной промысел. Приуральские угры, во многом тюркизовавшиеся в болгарский и золотоордынский периоды, имели хорошо укрепленные городища, окруженные селищами. Памятники одной из наиболее известных археологических культур (ломоватовской) располагались территориальными «гнездами», «состоящими, как правило, из 1–2 городищ, 2–4 селищ, 1–3 могильников». Причем на территории между «гнездами» памятники данного типа отсутствуют, что «позволяет видеть в этих «гнездах» территории отдельных родов с прилегающими к ним охотничьими угодьями»²⁷. Вместе с тем география данных археологических памятников во многом совпадает с обозначенной нами территорией Башкирского улуса²⁸, то есть эти военизированные общности занимали стратегически важные для торговли и пушного промысла участки. Нельзя упустить и тот факт, что по писцовым книгам И. Яхонтова и М. Кайсарова, в XVI–XVII вв. здесь фиксируются населенные пункты, название которых происходит от слова «гайна»²⁹, что на угорских

²⁶ «Многочисленные предметы вооружения в могилах, включая сабли и предметы конского снаряжения, «комплекс коня» и подвески-всадники, указывают на существенную роль воинов и культ всадника в ломоватовско-поломском обществе» (См.: История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. С. 59).

²⁷ История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. С. 58.

²⁸ «Ломоватовская культура (известно более 400 памятников этой культуры VI–XI вв.) занимает правобережье и левобережье среднего и верхнего течения Камы от реки Чусовой и почти до верховий, ее памятники расположены на таких крупных притоках Камы, как Обва, Инва, Яйва, Вишера, Коса, как в зоне смешанных южно-таежных лесов с небольшими участками реликтовых степей (южные группы памятников), так и в таежной темнохвойной зоне с большим количеством болот разного типа (северные группы памятников)» (См.: История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. С. 57).

²⁹ «Погост Гайна на реке на Колве» (См.: Книги письма и меры И. Яхонтова. 1579 г. Эл. ресурс, режим доступа: <http://zz-project.ru/1579-g-perepisi-solikamska-i-cherdyni/329-cherdynskogo-zhe-uezdu-pogosty-i-derevni-i-pochinki-otozh-ee-v-kose>); «Погост Гайна на реке на Каме, а на погосте крестьянских дворов» (См.: Список с переписных книг городов Соликамска и Чердыни с уездами, учиненных писцами Иваном Яхонтовым 7087 (1579) и Михайлом Кайсаровым с товарищи 7131 и 7132-го (1623 и 1624) годов). Эл. ресурс, режим доступа: <http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/120-spisok-s-perepisnykh-knig-gorodov-solikamska-i-cherdyni>; «Деревня Гайва на усть речки Гайвы на реке на Каме» – в черте современной Перми (См.: 1623–1624 гг., Пермь, перепись Кайсарова. Эл. ресурс, режим доступа: <http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/345-chusovskoj-verkhnij-gorodok>); со-

языках означало гнездо. Эта этимология коррелируется с данными археологии о средневековых обитателях Пермского Предуралья. В то же время, согласно официальным документам, «башкирцы» Гайнинской волости вытеснялись Строгановыми из Прикамья³⁰, а предания гайнинцев гласят, что они были первыми башкирами и переселились на юг с верховьев Камы³¹.

В официальных русских документах и летописях башкиры именовались термином «башкирцы», который, очевидно, соответствовал более поздним понятиям «башкир-вотчинников», или «асаба башкорт», указывающим на особый статус этих групп. В одном из поздних списков жалованной грамоты Ивана IV племенам усерген, кыпчак, бурджан и тамьян еще не употреблялось слово «башкирец»/«башкорт», но уже использовался термин «асаба» в словосочетании «Бөржанның асабуй йиридүр», что означало «особая земля Бурджан» и отражало процесс формирования «асаба-башкорт» – «башкир-вотчинников»³². По сохранившимся документам довольно сложно уточнить этническую принадлежность тех или иных групп населения. К примеру, в грамоте Ивана IV Строгановым от 1572 г. одна и та же группа сначала называется «башкирцами», а потом «ногаями»³³. А в грамоте тюменскому воеводе от 1596 г. приводятся слова некоего Елтура, которого одновременно идентифицируют как «башкирца» и «татарина»: «Да башкирец же да татарин Елтура говорил...»³⁴. В государственных документах XVII в. значительная часть приуральских «остяков» начинает обозначаться как «башкирцы» и «ясачные татары»³⁵.

временное Гайнцево – деревня в Кочевском районе Пермского края на берегу реки Лемья приток реки Коса (северо-запад Пермского края).

³⁰ К истории Башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 81–83.

³¹ Шежере Хубихужи Тюмисева (шежере гайнинцев); Гайнинцы (народное предание) (См.: История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. С. 453–454).

³² Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских биев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 206–212. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.206-212

³³ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 5; Это отражено и в исторических преданиях башкир, согласно которым, до русского владычества «нагаи и башкиры составляли как бы один народ, управляли же нагайские ханы, признававшие над собою власть царства Казанского» (См.: Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). С. 150).

³⁴ РИБ. Т. II. СПб., 1875. Стб. 51–56.

³⁵ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). С. 132, 164, 248; О сложно-составном этническом происхождении башкирской общности свидетельствуют и названия родовых подразделений башкирских племен, к примеру, у гайнинцев, как и у

Но сами «башкирцы» при внутренних и межэтнических контактах еще долгое время продолжали именовать себя понятиями, более близкими к этно-родовой идентификации. Так, автор «Таварих-и Болгар» (1805 г.) Таджеддин Ялчыгул в своей книге дважды называл себя «иштяком», несколько раз подчеркнул, что он из рода айле, но ни разу не использовал для самоидентификации термины «башкир», «башкорт» или «башкирец»³⁶. Показательно и то, что в XVI–XVIII вв. ногайцы и казахи называли «башкирцев» иштяками³⁷, а тюменские и тобольские татары, по наблюдениям Г.Ф. Миллера, употребляли по отношению к «башкирцам» наименование «турали»³⁸.

Вероятнее всего, башкирская общность Казанского ханства («башкирцы» / «башкирд» / «чимги башгырт») была связана с исторической «Великой Венгрией», известной по источникам XIII–XIV как страна «баскарт», «паскати-р», или «башгарт». Данные археологии³⁹ и лингвистики⁴⁰ указывают на то, что среднеуральские башкиры эпохи Золотой Орды и Казанского ханства имеют определенную культурно-историческую связь с великовенгерской общностью⁴¹. Как уже говорилось, Идриси связывал «басджирт» как с верх-

других племен, можно выделить родовые подразделения угорского происхождения (ар, истяк, максэй, мурашей, нукшы, сирмеш) и тюрко-татарские (казанбай, мышар, бай, ишбулат, кускар, кыпсак, карий, мамэт, сабир, сакай, сараш-баш, шабай, айзуак, сыбар и др.). Причем видно, что некоторые названия родовых подразделений почти полностью соответствуют определенным этническим группам Приуралья.

³⁶ См.: Тажеддин Ялчыгул. Таварихы Болгария. Казан, 2014.

³⁷ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). С. 161–162.

³⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937. С. 194, 262.

³⁹ Ученые говорят о близости археологических культур Пермского Приуралья (до конца XVI в.) и чияликской археологической культуры XI–XIV вв. низовьев рек Белой и Ика (См. напр.: Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978. С. 97–98); Согласно В.А. Оборину, «остяков, живших в XVI–XVII вв. в Кунгурском районе, вряд ли можно связывать с современными хантами... Остяки жили в районах, ранее занятых племенами сылвенской культуры и какой-то близкой к ней культуры в Среднем Прикамье. Происхождение этих культур связано с прониканием угорских (протомадьярских) племен с территории Башкирии» (См.: Оборин В.А. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 28–38; Оборин В.А. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // Археология и этнология Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964. С. 130–135).

⁴⁰ По данным лингвистики, этнонимы «бачгырт», «башкурт», «баскарт», «паскати-р» и т.п. связаны с древним наименованием угров, эти термины имеют общее, тюркоязычное происхождение с этнонимом мадьяры (венгры) (См.: Баскаков Н.А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М., 1984).

⁴¹ Об этом же свидетельствуют сообщения Юлиана, Гильом де Рубрука и других авторов XIII в., указывающих на языковое родство «баскарт» и венгров (См.: История

некамской зоной, так и с более южными территориями близкими к р. «Исил». В то же время и другие авторы X–XIII вв. свидетельствовали о том, что средневековые башкиры с запада граничили с Булгаром. Но источники XIV в. увязывают территорию «Баскардии» с более отдаленными районами, расположенными на северо-востоке от Булгарского улуса и граничащими с Великой Пермью и Сибирью⁴². Все это объясняется тем, что в результате Западного похода под предводительством Батые население южной Великой Венгрии частично бежало на запад, частично подверглось насильственному переселению в различные районы Монгольской империи⁴³. В то же время по письменным, эпиграфическим и археологическим данным фиксируется приток в этот район тюркоязычного мусульманского населения из Булгара и Средней Азии, образовавшего Акидель улус и иштыяско-татарские улусы верхнекамского бассейна («Костяцкая земля» и «Сылвенская земля»). А северные «баскарды», по-видимому, сформировали отдельный улус, известный по источникам XV в. как «Башкирская земля», находившийся в XIV веке в подчинении Булгара, а позже – Казанского ханства.

Завоевание Казанского ханства и остальных татарских государств Московским царством привело к масштабным изменениям на этнополитической карте Волго-Уральского региона. Самые ранние известия о начале переселения башкир сохранились в сочинении А.М. Курбского, который сообщает, что зимой 1554 г. русские полки дошли до Башкирского улуса в верховьях Камы и те из башкир, «что остались, покорились нам»⁴⁴. То есть он указывает на то, что лишь часть башкир осталась в улусе и покорилась, очевидно, что другая часть башкир, спасаясь от русского завоевания, переселилась. Прямое указание на переселение башкир сохранилось в сочинении Н. Вицены, который, описывая Пермское Прикамье и Средний Урал, подчеркивает, что именно «в прошлом столетии», то есть «раньше» «эти земли... были заселены башкирскими племенами»⁴⁵.

татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. С. 330–341).

⁴² Иоганка венгр, Пицигано, Каталонская карта мира (См.: Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. С. 79).

⁴³ История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. С. 171.

⁴⁴ Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. Эл. ресурс, режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9862>

⁴⁵ Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии» (1692 г.). Эл. ресурс, режим доступа: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya?start=31>

О северном происхождении части современных башкирских племен говорят и различные этнографические и лингвистические данные. В каратабынском шеджере башкир племени Ирэкте указан более точный маршрут переселения: из долины реки Миасс в долину реки Чулман (бассейн Камы выше устья Белой, верховья Камы), а потом на юг, в долину р. Ик⁴⁶.

Миграция населения с севера на юг Приуралья была вызвана и тем, что после многолетней междоусобицы, голода и мора 1550-х гг. множество ногайцев Южного Приуралья покинуло эти земли. Пользуясь ослаблением власти Ногайской Орды в регионе и жалуя изрядно опустевшими землями переселенцев башкир и иштяков, а также уставших от смут ногайцев, правительство пополняло ряды «башкирцев-вотчинников» и усиливало свое влияние в Южном Приуралье.

Этот процесс отражен в грамоте, выданной предводителям ногайских племен усерген, кыпчак, бурджан и тамян, которые, согласно этому документу, еще не назывались «башкирцами», но получили тарханские права и земельные наделы⁴⁷. Как известно, впоследствии эти роды были включены в сословную группу башкир-вотчинников («асаба башкорт») и сыграли важную роль в этногенезе современных башкир. Очередная волна ногайских и сибирских татар пополнила число «уфимских башкирцев» в XVII в., что уместно связать с калмыкским нашествием. Скрупулезный анализ исторического материала позволил Д.М. Исхакову заключить, «что многие из племен, расселившиеся в XVII–XVIII вв. на северо-западе Приуралья, были ранее в этническом плане структурными частями Ногайской Орды»⁴⁸.

В то же время «башкирцы» продолжали пополняться и за счет приуральских иштяков, родство с которыми прослеживается у современных башкирских племен эйле, юрматы и тангаур. В этой связи нельзя упустить вопрос о роли гайнинцев, которые фиксируются в официальных документах XVII в. в составе Гайнинской волости Осинской дороги Уфимского уезда. Грамота Михаила Федоровича от 1632 г. свидетельствует о том, что эти «башкирцы» Гайнинской волости владели и более северными верхнекамскими вотчинами на реках Мулянка, Юг и Нытва. При этом данный документ, как и грамота Петра Алексеевича от 1701 г., был призван защитить «башкирцев» от притес-

⁴⁶ Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 165.

⁴⁷ См. грамоту: Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских биев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 206–212.

⁴⁸ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). С. 154.

нений чинимых Строгановыми, которые на протяжении веков вытесняли «башкирцев» с верховьев Камы на юг⁴⁹.

Об этом же свидетельствуют и вышерассмотренные данные топонимики. В книге И. Яхонтова от 1579 г. указаны несколько населенных пунктов, название которых происходит от корня «гайна», причем все эти поселения фиксируются намного севернее Осинской дороги, в верхнем бассейне р. Кама, у южных и юго-западных границ Великой Перми. Это обстоятельство не только служит дополнительным аргументом в пользу северо-восточной локализации Башкирского улуса Казанского ханства, но и отражает дальнейшую судьбу башкирской общности. Возможно, в конце XVI – XVII вв. гайнинцы, входившие в состав башкир Казанского ханства и находившиеся в приграничных с Великой Пермью землях, постепенно переселились в район, расположенный ниже по Каме, к югу от устья р. Тулвы. Причем переселение гайнинцев в южном и юго-западном направлении, к бассейну р. Ик, продолжилось и в XVIII в.⁵⁰

Наряду с политическими изменениями, важным фактором массовой миграции населения в северной Евразии является начало «Малого ледникового периода», один из климатических минимумов которого приходится на середину XVI века⁵¹. Синхронная этническая миграция в южном направлении произошла и в Зауралье⁵². Переселение с верховьев Камы на юг помимо официальных документов отразилось и в исторической памяти гайнинцев, каратабынцев и юрматинцев⁵³. Причем общим местом в гайнинских эпосах является то, что легендарный батыр Гайна пришел на юг верхом на олене из-за сильного холода, вызванного исчезновением солнца⁵⁴.

Симптоматично, что в этом же эпосе в заключении сказано: «Гайнинцы – самые первые башкиры». То есть здесь подразумевается, что гайнинцы стали

⁴⁹ К истории Башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. С. 77–88.

⁵⁰ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). С. 152–153.

⁵¹ Жилина Т.Н. Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2010. №340. С. 206–210.

⁵² Маслоуженко Д.Н. Тюменское и Сибирское ханства // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 177–195.

⁵³ См.: Шежере племени Юрматы; Кара-Табынское шежере племени Ирэкте; Шежере Хубихужи Тюмисева (шежере гайнинцев) // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. С. 449–454.

⁵⁴ Башкирское народное творчество. Т. II. Предания и легенды / Перевод с башкирского. Уфа, 1987. С. 117.

первыми башкирами. Подобный контекст обретения имени «башкир», «башкир-вотчинников» сохранился и в шежере племени юрматы: сначала для самоидентификации этой общности используется слово «ногай», затем, после ухода основной части ногайцев на юг, оставшееся население именуется иштяками, и только после перехода предков юрматинцев на русскую службу они нарекаются многоземельными башкирами-вотчинниками⁵⁵. Вероятнее всего, в основе этих преданий лежат события, произошедшие после падения Казани и ногайских усобиц 1550-х гг., а также процессы, связанные со смещением башкирских владений и вливанием в эту общность новых групп из Зауралья и Южного Урала.

Как видно из источников, первоначально, во второй половине XVI в. основной вектор миграции башкир из Пермского Прикамья был направлен в Среднее и Южное Зауралье. В XVII в. новым фактором переселения становятся калмыкские и казахские вторжения, которые вытесняли башкир в южное Приуралье. С этого времени русские власти начали жаловать башкир землями и отдавать их под протекцию уфимских воевод. Позже в уфимский уезд начали переселяться и ногайские татары, которые получали статус «башкирцев». Так, постепенно, в XVII–XVIII вв. в состав «башкирцев» вошли племена, связанные с ногаями (кыпчак, усерган, бурзян и тамьян) и сибирскими татарами (табын, салйот, катый).

Таким образом, все синхронные аутентичные источники указывают на то, что Башкирская земля Казанского ханства располагалась в Пермском Прикамье. В то же время очевидно, что к XVII веку земли «башкирцев» оказались значительно южнее. Объяснить феномен этого перемещения можно факторами природно-климатического и социально-политического порядка. Следовательно, сложившееся историографическое представление о том, что в эпоху Казанского ханства башкирцы проживали на территории современного Башкортостана, не верифицируется. Башкиры начинают фиксироваться на этой территории только в XVII в., когда в результате миграции и включения в башкирскую этносоциальную общность других групп населения их численность увеличилась и ареалом проживания стали более южные территории.

⁵⁵ Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 31–35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-Ахбар // Золотоордынское обозрение. 2015. №. 4. С. 207–213.
2. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. Уфа, 2012.
3. Баскаков Н.А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М., 1984.
4. Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 567 с.
5. Башкирское народное творчество. Т. II. Предания и легенды / Перевод с башкирского. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987.
6. Башкирские шежере / Сост., перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960.
7. Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовка к печати Л.В.Черепнина. М.; Л., 1950.
9. Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым об освобождении на 20 лет от разных податей и повинностей их земель и людей на Тахчях и на Тоболе от 30 мая 1574 года // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937. С. 340.
10. Жилина Т.Н. Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2010. №340. С. 206–211.
11. История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 460 с. + 4 с. цв. вкл.
12. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
13. К истории Башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь: Типо-литография Губернского Правления, 1897. С. 77–88.
14. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978.
15. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
16. Книги письма и меры И. Яхонтова. 1579 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://zz-project.ru/1579-g-perepisi-solikamska-i-cherdyni/329-cherdynskogo-zhe-uezdu-pogosty-i-derevni-i-pochinki-otozh-ee-v-kose> (дата обращения: 16.04.2021).
17. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
18. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9862> (дата обращения: 15.04.2021).

19. Масложенко Д.Н. Тюменское и Сибирское ханства // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 177–195.
20. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.
21. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937.
22. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 228–248.
23. Оборин В.А. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С.28–38.
24. Оборин В.А. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа// Археология и этнология Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964. С.130–135.
25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Ногайские дела. Кн. 8.
26. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 5.
27. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. II. Издательство: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. 656 стб.
28. Перепись Кайсарова. Пермь, 1623–1624 гг. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/345-chusovskoj-verkhnij-gorodok> (дата обращения: 16.04.2021).
29. Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 стб.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
31. Список с переписных книг городов Соликамска и Чердыни с уездами, учиненных писцами Иваном Яхонтовым 7087 (1579) и Михайлом Кайсаровым с товарищи 7131 и 7132-го (1623 и 1624) годов. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/120-spisok-s-perepisnykh-knig-gorodov-solikamska-i-cherdyni> (дата обращения: 15.04.2021).
32. Сибирская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907.
33. Тажетдин Ялчыгол. Таварихы Болгария. Казан: Хузур-Спокойствие, 2014. 154 б.
34. Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа: Академия наук РБ, 1997. 72 с.
35. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.

Сведения об авторе: Аксанов Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: aksanov571@gmail.com

**THE BASHKIRY IN THE 15TH–17TH CENTURIES:
ETHNIC MIGRATION AND ETHNIC SOCIAL TRANSFORMATION**

Anvar V. Aksanov

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article analyzes data from sources, mainly of the 15th–17th centuries, about the Bashkirtsy/Baskirds/Bashkirs (together with other reading options). The research is based on a wide range of sources, ranging from synchronous authentic written sources (chronicles, act materials, scribal books, notes of contemporaries, etc.) to data of archaeology, epigraphy, linguistics, toponymy, ethnography, and paleoclimatology. The study showed the inconsistency of the historiographic idea that during the period of the Kazan Khanate, the Bashkirtsy lived in the territory of modern Bashkortostan. This view does not correspond to the data of synchronous authentic sources that record the Bashkirtsy in the Perm Cis-Kama region. Their number increased and more southern and vast territories became their habitat as a result of migration and the inclusion of other population groups in the Bashkir ethnosocial community in the second half of the sixteenth and seventeenth centuries.

Keywords: Bashkirtsy, Perm Cis-Kama region, Kazan Khanate, Nogai Horde, migration

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

**РАЗВИТИЕ ПОМЕСТНОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
СЛУЖИЛЫХ ТАТАР НОГАЙСКОЙ ДОРОГИ
КАЗАНСКОГО УЕЗДА В XVI–XVII ВВ.**

Р.Ф. Масагутов

*Всетатарское общество краеведов
при Всемирном конгрессе татар
Уфа, Башкортостан, Российская Федерация*

Статья раскрывает особенности развития поместного землевладения служилых татар Ногайской дороги Казанского уезда. Благодаря сохранившимся документам XVII в. автором установлено, что для служилого татарского землевладения Казанского края характерны: низкий уровень обеспеченности поместными окладами, превалирование смешанного типа земельной собственности. Показана двойственная политика царского правительства в отношении татарских феодалов, направленная на поддержание высокой степени дифференциации внутри этнословной группы. Особое внимание уделено трансформации представителей элиты бывшего ханства в рядовое служилое сословие. Для сравнения в статье приведены селения служилых татар Ногайской дороги на основе писцовых описаний XVII в.

Ключевые слова: поместное землевладение, вотчина, писцовая книга, служилые татары, служилые новокрещены, Ногайская дорога, Казанский уезд

После завоевания Казанского ханства Московское правительство столкнулось с необходимостью выработки системы взаимоотношений с местным населением. Опорой центральной власти в крае становится сформировавшийся класс служилых татар, состоящий из феодалов бывшего ханства и тяглого населения, получившего свои жеребья в поместья. В отношении местной элиты проводилась двойственная политика. С одной стороны, представители татарской аристократии, перешедшие на русскую службу, получили жалованные грамоты и большие привилегии. Зачастую они сохраняли прежние владения¹. Этим феодалам было оставлено право владеть поместьями «без грамот и выписей с казанских дач по старине», то есть на вотчинных правах, как в прежние времена². С другой стороны, землевладения прежней элиты пере-

¹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Издательство Казанского университета, 1982. С. 63.

² Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. [Текст]: публ. текста / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина; сост. Р.Н. Степанов, статьи Ермолаева И.П., Степанова Р.Н. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 39.

тасовывались. У них отбирались земли и взамен давались другие, что «преследовало цель вырвать корни родовитых фамилий»³. Испытывая недоверие к феодалам бывшего ханства, царское правительство начинает набирать в служилые люди представителей средних слоев коренного населения. Материалы писцовых описаний Казанского уезда наглядно демонстрируют переход людей из ясачного сословия в служилое с отмежеванием ясачных наделов и пожалования в качестве поместий. Эта группа получила название «служилых татар по прибору». И.П. Ермолаев считает, что основную массу служилых татар составляли как раз таки выходцы из ясачного населения, не являясь потомками старой знати⁴.

Особенности развития поместного землевладения служилых татар Казанского уезда удастся выявить благодаря сохранившимся архивным материалам описания земель Ногайской дороги. В качестве анализируемых документов были использованы Писцовая книга Казанского уезда И. Болтина 1602–1603 гг.⁵ (опубликована), Писцовая книга С. Вольнского 1647–1656 гг. (опубликована)⁶, Писцовая книга земель Ногайской дороги Казанского уезда Вольнского 1678 г. (опубликована фрагментарно)⁷.

К началу XVII в. поместная земельная собственность становится преобладающей формой землевладения в Казанском крае. Исследователь экономики феодализма в России П.А. Хромов сообщает, что в Казанском уезде к концу XVI в. служилое сословие сосредотачивало в своих руках 65,7 % всех земель⁸. Первым сохранившимся источником, позволяющим исследовать характер поместного землевладения служилых татар, является писцовая книга Казанского уезда Ивана Болтина 1602–1603 гг. Анализ писцовой книги позволяет выделить два типа поместий: к первому относятся поместья в селениях, принадлежащих одному или нескольким феодалам, ко второму – поместья, находящиеся частью во владении служилых татар и другой части, закрепленной за ясачным тяглым населением. В Казанском крае превалировал

³ Кадыров Р.В. Формирование социально-правового статуса служилых татар в Русском государстве (XVI – середина XVII в.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. С. 113.

⁴ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Издательство Казанского университета, 1982. С. 68.

⁵ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. [Текст]: публ. текста / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина; сост. Р.Н. Степанов, статьи Ермолаева И.П., Степанова Р.Н. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.

⁶ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов: Публикация текста. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 541 с.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6448; Кадыров Р.В. Формирование социально-правового статуса служилых татар в Русском государстве (XVI – середина XVII в.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. С. 242–247.

⁸ Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. М., Госполитиздат, 1957. С. 34.

второй тип поместий, что было особенностью по сравнению с землевладениями в центральных областях России. Наличие смешанной собственности объяснялось наследием земельных отношений времен Казанского ханства. С другой стороны, царское правительство с целью колонизации края умышленно расширяло землевладение служилых татар, сохраняя фонд земель ясачного населения в неприкосновенности. В свою очередь такая политика обостряла социальные отношения между служилым и ясачным населением и приводила к земельным спорам. Еще одной важной особенностью был низкий уровень обеспеченности поместными окладами служилых татар Казанского уезда. Так, по писцовой книге 1602–1603 гг. лишь у восьми татарских феодалов имелось пашенной земли свыше 200 четвертей⁹. Основная масса служилых татар обладала поместными окладами менее 25 четвертей. В более выгодном отношении находились служилые татары Мещерского края. Например, по сведениям разборной десятины 1623 года, в Касимовском уезде 28 старослужилых мурз и татар владело поместными окладами от 100 до 170 четвертей пашенной земли¹⁰.

Писцовая книга 1602–1603 гг. на Ногайской дороге фиксирует 18 деревень с поместьями служилых татар. Одним из крупных землевладельцев являлся князь Багиш Яушев. Он владел поместьем Тамгачи «всего – пашни и перелогу и лесом поросло 72 четв. в поле, сена – меж поль и по заполью и на реке на Волге, против князя Ишеева перевозу, – 500 копен; лесу дубровы пашенные – 30 дес.¹¹». Одновременно Яушев с его племянником Иваном Кадышевым владел вотчинной деревней Шигай: «пашни паханые – 20 четв. в поле; сена – по реке по Каме, от Ошняка на речке и до Киндерли озера, и по речке по Ошняке по Шиган враг по обе стороны – 1300 копен»¹². Помимо этого в собственности Багиша Яушева волость Терси, вотчинная деревня Кошарь и половина пустоши Старые Менгеры по Алацкой дороге. Особенностью вотчинного владения является то, что более никто в Казанском уезде не имел столько сопутствующих угодий: «мельница колесная» (у остальных помещиков уезда были меленки-мутовки, и то не у всех, не в каждой деревне, и часто владели «вопче»), «одни бобровые гоны («пусты, но всё же ранее при-

⁹ Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. М., Госполитиздат, 1957. С. 14.

¹⁰ Кадыров Р.В., Галлям Р.Г. Землевладение казанских и мещерских служилых татар в XVI–XVII вв.: сравнительно-сопоставительная характеристика // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. Казань: Казанский государственный институт культуры, 2012, № 1. С. 120.

¹¹ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. [Текст]: публ. текста / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина; сост. Р.Н. Степанов, статьи Ермолаева И.П., Степанова Р.Н. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978, С. 40.

¹² Там же. С. 40.

носили доход»), два бортных ухоя, одни рыбные ловли и кабак»¹³. Другим вотчинником на Ногайской дороге был служилый татарин Сабакай Еникеев, владевший поместным жеребьем в деревне Большие Елги размером в 10 четвертей с новоросчитью, лугами в 200 копен сена. За ним и его братом Чювашаем была записана отцовская вотчина: «два бортных ухоев по государевой грамоте 108-го году – один на реке на Юре, а другой Елги деревне на речке на Шурене да два озера ж Аманкае»¹⁴. В небольшое число служилых людей с крупным поместным окладом (выше 100 четв. земли) входил князь Тятигеч Муралеев (167 четв. пашенной земли, 1500 копен сена, 370 десятин леса, денежный оклад – 15 руб.)¹⁵.

Таким образом, среди феодалов высшего разряда вотчинников было весьма незначительное количество. Вместе с тем происходит социальная трансформация татарской знати. Представители аристократических фамилий утрачивали свои княжеские и мурзинские титулы, превращаясь в служилых татар с небольшими окладами. После смерти князя Бибика «бортный ухоей и бобровые гоны вниз по реке по Волге на Черемшанском устье были отданы на оброк полоненику Косте»¹⁶, а затем вернулись к брату Бибика Янбахте Ясадыреву, который в документе зафиксирован простым служилым татаринном.

Имело место и сокращение пашенных владений служилых инородцев, за счет которых происходило оформление и расширение государевой дворцовой собственности. Так, по акту 1603 года у служилых татар Яна Янубекова, Янбахты Исендербишева «с братьею пяти человек» были изъяты пашенные земли и сенные покосы к дворцовому селу Рождественскому без компенсации¹⁷. Поместные землевладения отдавались и «на ясак». Служилый татарин Янсара Тохтаров бил челом государю Борису Федоровичу о том, что в деревне Кульчук за его отцом было 3 жеребья, а после смерти отца из-за его малолетства жеребья отца были отданы на ясак ясачным людям, а за «ним в той деревни земли мало»¹⁸. Дозор Ивана Болтина выявил, что жеребий Янсара Тохтарова составлял всего 7 четвертей пашни. В деревне Ташкирмень ясачные чуваша завладели пашнями в землях, «что были за князем Кадышем Яушевым» – 40 четвертей в поле¹⁹.

¹³ Смирнов А.С. Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014, № 3 (1). С. 187.

¹⁴ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. [Текст]: публ. текста / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина; сост. Р.Н. Степанов, статьи Ермолаева И.П., Степанова Р.Н. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 62.

¹⁷ Там же. С. 54, 57–58.

¹⁸ Там же. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 42.

Исходя из данных писцовой книги Болтина, большинство феодалов Ногайской дороги владели пашенной землей от 6 до 15 четвертей с низким денежным окладом от 4 до 6 рублей. Вследствие отсутствия необходимого количества земельного оклада некоторые служилые татары «пахали пашню» у крупных феодалов. Крестьянские дворы за этой группой не зафиксированы. Поэтому уместно говорить о том, что экономическое положение мелких феодалов мало чем отличалось от тяглого населения. Зафиксированы случаи перехода из служилого сословия в ясачное. Двадцатилетний сын служилого татарина деревни Чочюрчи Токкози Заккозеева «в окладном списке не написан. А били государю на ясак»²⁰. Иногда «обнищавшие» служилые люди вынуждены были передавать свою землю ясачным.

Дальнейшее развитие служилого поместного землевладения удастся проследить благодаря писцовому описанию Казанского уезда Семеном Волынским в 1647–1656 гг. Число селений служилых татар по сравнению с количеством населенных пунктов, описанных Болтиным, выросло. Причем увеличение и укрупнение населенных пунктов шло особенно интенсивно по Ногайской дороге. Так, из 207 поселений, в той или иной мере подвергшихся этому процессу, 36,2 % располагалось именно по Ногайской, 23,1 % – по Зюрейской, 21,4 % – по Алатской, 13,3 % – по Арской и лишь 2,4 % – по Галицкой. Причинами этого, вероятно, следует считать, во-первых, то, что наиболее богатые (по качеству) и вместе с тем, наименее освоенные земли находились как раз в пределах Ногайской дороги, во-вторых, окраинное положение этой дороги делало ее в более раннее время наиболее уязвимой от набегов кочевников²¹. Также Ногайская дорога лидировала по числу частновладельческих земель – 36,3 %, тогда как 34,6 % были сконцентрированы в Зюрейской дороге, 14,5 % – по Алатской, 12,9 % – по Арской, 2,2 % – по Галицкой²². Писцовая книга 1647–1656 гг. в отличие от книги Болтина не фиксирует наличие вотчин у служилых татар Ногайской дороги. Это позволяет говорить о сворачивании родового вотчинного землевладения.

Несмотря на то, что большинство поместий принадлежало служилым татарам (56 %), растет и укрепляет свои ряды другая сословная группа – служилые новокрещены. Если в начале XVII в. по Ногайской дороге числилось всего два поместья служилых новокрещен, то к середине XVII в. их насчитывалось уже 18. Указ от 12 января 1641 г. «О верстании новиков детей боярских, новокрещенных татар» обязывал новокрещен принимать на службу и

²⁰ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. [Текст]: публ. текста / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина; сост. Р.Н. Степанов, статьи Ермолаева И.П., Степанова Р.Н. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 53.

²¹ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов: Публикация текста. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. С. 10.

²² Там же. С. 13.

верстать их поместными и денежными окладами»²³. В материальном плане они были обеспечены лучше, их поместный оклад колебался от 15 до 197 десятин земли, тогда как служилые татары владели от 10 до 150 десятинами. Статья 44 «Соборного уложения 1649 г.» запрещала отнимать поместные земли у новокрещен и передавать их некрещеным татарам²⁴. Обращает на себя внимание также факт, что основная часть служилых новокрещен располагалась в деревнях с однородным социальным составом населения: 72,5 % служилых новокрещен жили в селениях, где были испомещены одни лишь служилые новокрещены. Владения мурз отличались большой рассредоточенностью между различными селениями и имели ярко выраженную тенденцию к сокращению²⁵.

Отличительной особенностью поместного землевладения служилых татар середины XVII в. является увеличение числа поместий с несколькими жеребьями. По сведениям описания Семена Волынского в деревне Большой Куюк фиксируется 7 татарских помещиков, владеющих землей «с ясачной човашей вопче»²⁶. Для сравнения, в писцовой книге И. Болтина здесь испомещалось всего 3 феодала. Целью дробления поместий было недопущение царским правительством экономического усиления служилых инородцев. Права служилых татар по распоряжению владениями также ограничивались. Указ от 8 мая 1630 г запрещал им не только продавать или сдавать в аренду, но, в отличие от русских феодалов, даже обменивать свои поместья и вотчины²⁷.

Продолжается расширение дворцового землевладения за счет отвода земель у татарских феодалов. «И тое поместные деревни Укречь Култука, Чапкуновы то ж, у служилых у Иштерек мурзы Яушева с товарищи спорные земли отведено к государеву дворцовому селу Рожественному, по челобитью того ж села. И по отводу с образом в яровом поле пашни три длинника, два поперечника с четью, итого семь десятин без чети... И всего к селу отведено с образом пашни четырнатцать десятин в три поля»²⁸. После отвода 1602 года у служилых татар деревни Налгози, Янбахтина тож, «у Кадыша Яушева к государеву селу Рожественскому спорные земли отмерено пашни паханые двенатцать длинников, девятнатцать поперечников с четью, в другом конце одиннатцать поперечников без чети, а вровно иметца пятнатцать поперечни-

²³ Кадыров Р.В. Формирование социально-правового статуса служилых татар в Русском государстве (XVI – середина XVII в.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. С. 127.

²⁴ ПСЗ. Т.1. С. 81; «Соборное уложение 1649 г.».

²⁵ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов: Публикация текста. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. С. 24.

²⁶ Там же. С. 125.

²⁷ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. М.: «Наука», 1986. С. 156.

²⁸ Там же. С. 49.

ков, // (л.99 об.) итого сто восемьдесят десятин; да дубровы пашенные полтретья длинника, пятнатцать поперечников, итого тритцать семь десятин с полдесятиною»²⁹. Стоит отметить, что фонд казенных угодий по Ногайской дороге составлял 30, 1 %. от общих землевладений.

Ценные сведения об обеспеченности поместьями служилых татар Среднего Поволжья содержатся в «Писцовой книге деревень и земель служилых татар Ногайской дороги Казанского уезда, составленной Семеном Волинским». Книга хранится в РГАДА среди архивных документов поместного фонда³⁰. В названии дела присутствует год составления документа – 1678. Однако, анализ каллиграфии и содержания текста позволяет утверждать, что документ написан не позднее середины XVII в. Подобного мнения придерживается исследователь Рамиль Васильевич Кадыров³¹. В книге перечислены помещичьи дворы, указаны размеры жеребьев. Кроме того, приведены данные с письма и дозора Ивана Болтина 1602–1603 гг., которые позволяют проследить переход поместий и изменение размеров землевладений. В описании земель Волинского по Ногайской дороге часто встречаются пустоши, о чем свидетельствуют названия селений – «деревня, что была пустошь Чандырево», «деревня, что была пустошь Култук-Укреч» и т.д. По мнению Перетятковича появление пустошей было следствием дробления жеребьев и раскинутости их в разных местах. В случае незначительного количества пахоты и сенокоса, помещик мог быть не заинтересован в ведении здесь хозяйства, если в других местах были более значительные и выгодные жеребья³². Освободившиеся земли могли быть переданы в жеребей новому помещику. Например, «в деревне Кульчук в порозжих землях жеребей, что был за служилым за Енибеком Кутлусыбаевым. И Енибек вышел по Арской дороге в ясачную деревню в Темерши. И о том жеребью бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси служилый татарин Янсара Тохтаров. И по ево, Янсарину челобитию и по памяти дьяка Петра Минулина велено того жеребья дозреть и измерить»³³.

Другим распространенным явлением было наличие беспоместных служилых татар. «В деревне Куюк неверстанные Тямейко да Байка да Утейко десять лет да Мамедешко семи лет да Маметкулко четырех лет Ишкеевы дети а пашню пашут и сено косят из найму а в сказках написано что живут они на дворе у дяди своего у ясачного чювашенина у Кулманайки Досаева и поместья за ними нет. В той же деревне служилый татарин Шигайко Янбулатов.

²⁹ Там же. С. 52.

³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6448.

³¹ Кадыров Р.В. Формирование социально-правового статуса служилых татар в Русском государстве (XVI – середина XVII в.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. С. 25.

³² Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса.: Тип. П.А. Зеленого, 1882. С. 68.

³³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6448. Л. 3об.

Живет у брата своего у чювашенина у Акаметка Янбулатова на дворе в своей избе. А поместий за ними нет»³⁴.

Таким образом, на основе писцовых описаний Ногайской дороги, Казанской дороги прослеживается высокая степень дифференциации служилых татар. Для укрепления власти и недопущения экономического роста феодалов русское правительство намерено сохраняло низкие поместные оклады (менее 25 четв. пахотной земли), которыми владело большинство служилых татар. С этой же целью формировалось и поддерживалось сословие служилых новокрещен. Представители бывшей элиты, составляя небольшую часть этнословной группы, со временем лишались своего привилегированного положения и растворялись среди рядовых служилых людей с небольшим поместным окладом. Вотчинное землевладение было полностью заменено поместным. Более того, царская администрация дробила жеребья в одном селении, смешивала землевладения служилого и ясачного населения, а также практиковала раздачу поместий феодалу в разных местах. Такая политика не могла не привести к ухудшению социально-экономического положения служилых татар, которое фактически ничем не отличалось от уровня жизни тяглого населения.

Таблица 1

Селения служилых татар Ногайской дороги Казанского уезда по сведениям писцовых книг XVII в.

Писцовая книга Казанского уезда Ивана Болтина 1602–1603 гг. ³⁵	Писцовая книга Казанского уезда Семена Волынского 1647–1656 гг. ³⁶	Писцовая книга земель Ногайской дороги Семена Волынского 1678 г. ³⁷
1. Тамгачи 2. Большая Елги 3. Мекеевская 4. пустошь Агачбашь на реке Меше 5. Метески 6. Кульчук 7. Куюк Малая 8. Шетнева 9. Мальй Салтан 10. Чочюрча	1. Кульчук 2. Каирби 3. Тетеево 4. Алгазы 5. селище, что была пустошь Чандырево 6. Тамгачи 7. Исенилги 8. Укречь Култук, Чапкуново тож 9. Налгазы, Янбахтина тож	1. Кульчук 2. Каирби 3. деревня, что была пустошь Чандырево 4. сельцо, что была деревня Сенгили 5. Тетеева на озере Кулчуковском 6. деревня, что была пустошь Култук-Укречь

³⁴ Там же. Л. 21, 21об.

³⁵ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. [Текст]: публ. текста / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина; сост. Р.Н. Степанов, статьи Ермолаева И.П., Степанова Р.Н. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.

³⁶ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов: Публикация текста. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 541 с.

³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6448.

11. Укреч Култук	10. Агачбаш	7. Тамгачи на колодезе
12. Байчюга	11. Евлушеик, Курманак тож	деревня, что была пустошь
13. Налгози	12. селище, что была деревня	8. Агачбаш Килдешево тож
14. Куюк Большой	Чандырево	9. Старые Налгози на коло-
15. Исенилги	13. Еша, Табаево тож	дезе
16. Чойдырево	14. Куюки Большие	10. Новые Налгози, Янбах-
17. Каирби	15. Пустошь Куюки, что бы-	тино тож
	ла деревня Куюки Малые	11. Евлушеик, Окурманово
	16. Тегенеч	тож
	17. Селенгуш Малый	12. Ташкирмен на реке на
	18. Атар	Меше
	19. Малый Салтан	13. Байчуга на реке на Меше
	20. Азмерь	14. д. Баева на реке на Юше
	21. Енасалы	15. Куюк Большой на озере
	22. сельцо, что была дерев-	16. пустошь, что была дере-
	ня Бимерь Товалева	вня Малые Куюки
	23. сельцо Шармаши	17. деревня, что была пус-
	24. Алан, Балыклы тож	тошь Тегенеч на другой
	25. Кокчи	стороне речки Бутырки
	26. Зюреи Терези тож	18. пустошь Абаны
	27. Трюк Тямти	19. Читы на речке на Читы
	28. деревня, что была почи-	20. Шетнева, а Черемская
	нок Тямти	тож
		21. починок Берсут, что
		была пустошь Берсут, Ма-
		лый Ошняк тож

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Издательство Казанского университета, 1982. 223 с.
2. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. М.: «Наука», 1986. 260 с.
3. Кадыров Р.В., Галлям Р.Г. Землевладение казанских и мещерских служилых татар в XVI–XVII вв.: сравнительно-сопоставительная характеристика // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. Казань: Казанский государственный институт культуры, 2012. № 1. С. 120–123.
4. Кадыров Р.В. Формирование социально-правового статуса служилых татар в Русском государстве (XVI – середина XVII в.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. 286 с.
5. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса.: Тип. П.А. Зеленого, 1882. 400 с.
6. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. [Текст]: публ. текста / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина; сост. Р.Н. Степанов, статьи Ермолаева И.П., Степанова Р.Н. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.

7. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов: Публикация текста. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 541 с.

8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. 1649–1825. Т. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1072 с.

9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6448.

10. Смирнов А.С. Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014, № 3 (1). С. 186–193.

Сведения об авторе: Масагутов Руслан Фанисович – исследователь-краевед, Всетатарское общество краеведов при Всемирном конгрессе татар (Уфа, Российская Федерация). E-mail: medgarant-ooo@yandex.ru

**DEVELOPMENT OF A LOCAL SYSTEM OF LAND TENURE
AMONG THE SERVICE TATARS OF THE NOGAI DOROGA
OF THE KAZAN COUNTY IN THE 16TH–17TH CENTURIES**

Ruslan F. Masagutov

*All-Tatar Society of local history at the World Congress of Tatars
Ufa, Russian Federation*

The article reveals the features of the development of the local land tenure among the service Tatars of the Nogai *doroga* of the Kazan County. Thanks to the surviving documents of the seventeenth century, the author established the following characteristic features of the Tatar service land tenure in the Kazan territory: a low level of security of local salary, prevalence of a mixed land property type. The dual policy of the royal government in relation to Tatar feudalists was aimed at maintaining a high degree of differentiation within an ethnic group. The author paid special attention to how the representatives of the former khanate's elite were transformed into an ordinary service class. Based on the scribal descriptions of the seventeenth century, the author gives a comparative example of how the villages of the service Tatars were arranged in the Nogai *doroga*.

Keywords: local land tenure, votchina, scribal book, service Tatars, service Novokreshcheny, Nogai doroga, Kazan County

About the author: Ruslan F. Masagutov – Researcher of local history, All-Tatar Society of local history at the World Congress of Tatars (Ufa, Russian Federation). E-mail: medgarant-ooo@yandex.ru

«ТЮМЕНСКИЙ МЕД» В ГОСУДАРСТВЕ КАЗАНСКОМ КАК ПЕРЕЖИТОК АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ХАНСКОЙ ЭПОХИ

М.М. Акчури

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

В статье рассмотрено такое явление как сбор с жителей бывшего Казанского ханства отдельного платежа за пользование промысловых вотчин со странным на первый взгляд названием «тюменский мед». Выполнен анализ редких сообщений о данном платеже, и приведено предположительное объяснение такого названия. Согласно высказанному предположению, в выражении «тюменский мед» нашли отражение следы административного устройства Казанского ханства.

Ключевые слова: Казанское ханство, вотчина, оброк, пошлина, тюменский мед

В данной статье пойдет речь о необычном по звучанию виде налога, который источниками фиксируется пока только в областях бывшего Казанского ханства. В документах XVII века сохранилось несколько сообщений, где в наименовании платежей содержится слово «тюменский».

«Тюменский» платеж взимался за владение вотчинами. В Поволжье вотчинами называли не земельные, а лесные и лесостепные промысловые угодья, в первую очередь, бортные ужожи. Это обстоятельство было отмечено еще В.Д. Дмитриевым, приведшим в пример сообщение из писцовых книг 1678 г. по волости Пинжан-Кукмор Галицкой дороги Казанского уезда, где указывалось, что черемисы с вотчин с бортных ужожей платят денежный «тюменский» оброк и пошлины с него¹.

Достаточно часто «тюменский» платеж встречается в писцовых книгах стольника Матвея Семеновича Супонева 1678 г. по Арской дороге Казанского уезда. Так, он указан для татар и черемис следующих деревень: «Починок по Тойме речке», Большие и Малые Метески, Иябаш, «починок на вершине

¹ Дмитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевкокшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 года // Марийский археографический вестник. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1992. С. 62–71.

реки Пшалыма», «починок на березнике на Нурминском устье», Кня, Байланлар, Малый Шинар, Наласа².

Из этих книг видно, что многие жители обладали вотчинами, и за вотчины с них собиралось два вида оброка и пошлин. Первый вид – это оброк без каких-либо дополнительных наименований, причем где-то платился в денежном виде, а где-то в натуральном, иногда сразу и в денежном и в натуральном. Второй вид – это «тюменский мед» и также денежные пошлины с него. Платеж за «тюменский мед» также мог быть денежным или натуральным. Т.е. наряду с общегосударственными вотчинными оброками и пошлинами существовала еще одна вотчинная налоговая статья, которая в XVII в. шла также в государственную казну, но изначально могла иметь свое специфическое предназначение. Приведем несколько примеров с перечислением платёжных статей:

– д. Наласа, 1678 г.: «Во дворе Кармышка Ямбулатов, сказался Яматаков, у него дети Утяганко, Кадыгурко, платит полясака. Да с **вотчины** за батман меду **оброку** дватцать шесть алтын полторы денги, **пошлин** восемь денег сей ж деревни татар Маметка да Девлетбахтки Чериных, а Маметко и Девлетбахтка умерли. Да он же Кармышко платит с вотчины ж за **тюменской мед** за полбатмана меду **оброку** тринатцать алтын с денгою, **пошлин** четыре денги...

Всего в деревне Наласе тритцать восемь дворов. Людей в них пятьдесят два человека, недорослей тритцать семь человек. Платят дватцать ясаков с четвертью, денег одиннатцать рублей дватцать четыре алтына пять денег, да хлеба дватцать четвертей с полуосминою ржи и овса тож, пять четвертей с полчетверником ячмени. Да с **вотчин** рубль тритцать три алтына с деньгою, да два батмана меду, **пошлин** четыре алтына, за **тюменской мед** два рубли тритцать три алтына с полуденгою, с мельницы семь алтын...»³.

– д. Мамеш Илга, 1678 г.: «Итого два двора, людей в них три человека, недорослей три ж человека. Платят полтора ясака, денег дватцать девять алтын, хлеба четверть с осминою ржи и овса тож, полосмина без четверика ячменя. Да с **вотчины** пятнатцать алтын полпяты денги, да **тюменско** за батман меду дватцать семь алтын полчетверты денги...»⁴.

– Деревня на Нурминском устье, 1678 г.: «Всего в деревне Нурминском устье десять дворов, людей в них двенатцать человек, недорослей шесть человек, платят пять ясаков денег, два рубли, тритцеть алтын, хлеба пять четвертей, ржи, овса тож, четверть с полуосминою ячмени. Да с вотчины трит-

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6453. Л. 476–482, 720 об.–722, 778–799, 831. Автор выражает искреннюю благодарность Руслану Камилевичу Шакирову (Казань) и Салавату Анваровичу Хусаинову (Наб. Челны) за предоставленные материалы.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6453. Л. 479 об.–482.

⁴ Там же. Л. 482–482 об.

цеть один алтын три деньги, с меленок, семнатцеть алтын полчетверти деньги, за **тюменской** мед дватцать три алтына, **медвяного оброку** сорок гривенок меду, **пошлин** восемь денег...»⁵.

Примечательно, что «тюменский мед» обнаруживается и в другой части бывшего Казанского ханства, а именно для бортных ухोजеях Западного Закамья по реке Черемшан. Так, в Приходо-расходных книгах г. Симбирска и уезда 1665–67 гг. есть такие указания:

«...з бортных ухотьев (ухожьев. – Прим. авт.) у Ерыклинских конных казаков у Мишки Филатьева... да подали они в Синбирской в Приказной Избе на те и на иные бортные ухожья Казанскую даную грамоту, за государевою печатью государства Казанскаго... з боротных ухожьев за **Тюменской мед**, что за Камою рекою... и по речке Черемшане, да по Сиурскому... а рыбу и в подстенной черной воде с хмелевым угодем, и с мелкою рыбною ловлею, и со всяким текучим зверемь, опричь бобровых гонов у Ерыклинскаго пушкаря у Мартынка Григорьева – **оброку** на 172, да на 173 и на 174 годы, по 8 рубли, да **пошлин** по 5 алтын на год...»⁶.

«...з бортных ухожьев за **Тюменской мед**, что за Камою рекою... и по речкам Черемшане да по Усарской... с мелкою рыбною ловлею и со всяким текучим зверем, опричь бобровых гонов, у Ерыклинского пушкаря у Мартынка Григорьева **оброку и пошлин** 3 рубли б алтын...»⁷.

Здесь, несмотря на то что Ерыклинский острог стал вестись по г. Симбирску, свои бортные ухोजеи казаки получили еще в Казани по грамоте за печатью «государства Казанского». Возможно, к середине XVII века вотчины уже были запустевшими, поэтому с постройкой Ерыклинского острога их пожаловали помещенным русским служилым людям. Получив вотчины, новые владельцы продолжали с них выплачивать старые оброки и пошлины.

Можно заметить из приведенных сообщений, что базой для расчета размера пошлинных выплат являлся оброк. Собственно, и для других территорий Московского государства разделение налоговых статей на оброки и пошлины было характерным явлением. По выражению С.Б. Веселовского вторая статья налогов состояла из «целевых налогов и повинностей, вытекавших из потребности покрывать по раскладке различные государственные и местные нужды»⁸. Отметим, что многие исследователи по отношению к другому региону, Мещере, считают, что именно пошлинной изначально являлся ясак. Ясак там выплачивался на содержание администра-

⁵ Там же. Л. 611–612.

⁶ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда (Приходно-расходная книга Синбирской приказной избы). 1665–1667 гг. Симбирск, 1896. С. 12.

⁷ Там же. С. 146.

⁸ Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 2. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. С. 534.

тивно-судебного аппарата, в частности, татарским бекам за выполнение ими функций местного управления⁹.

Взимание с вотчин обеих статей, оброков и ясака, в качестве основных налогов происходило и в Казанском ханстве¹⁰ – например, в тарханном ярлыке 1523 г. хана Сахиб-Гирея указано: «*ясака и калана* и подушного налога пусть не накладывают»¹¹, где «калан» – это обозначение натурального оброка¹².

Мы имеем право допустить, что платеж с «тюменского меда» собирался еще в ханское время и продолжал собираться с установлением московской власти – ведь о преемственности платежей «при прежних царях» отмечено в Духовном завещании Иван IV¹³. А значит мы можем предположить, что данная пошлина ранее так же шла на содержание неких татарских наместников. Нашу версию дополняет еще одно примечательное упоминание «тюменского» платежа. В царском наказе 1628 г. царевokokшайскому воеводе Василию Яковлевичу Воронову в разделе о судебных пошлинах говорится, что воеводе за суд над черемисами с них должна взиматься «тюменская» пошлина «против прежнего государева указа, как с них имано наперед сего»¹⁴. Как видим, в наказе прямым текстом указано, что пошлина выплачивалась местным населением воеводе за исполнение судебных функций, причем, как и прежде.

⁹ Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. С. 140–143. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/na-rassmotrenii/napolnikova-dissertacia.pdf> (дата обращения: 01.02.2021); Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов мещерских уездов XVI–XVII вв.) // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума, Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань, 2019. С. 56–68.

¹⁰ Дмитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. № 12. 1956. С. 107–115.

¹¹ Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 31–47; Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханый ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 104–109.

¹² Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб.: Типография АН, 1850. С. 17; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. С. 96.

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подготовка к печати Л.В. Черепнина. М.-Л., 1950. С. 439.

¹⁴ Дмитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевokokшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 года // Марийский археографический вестник. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1992. С. 62–71.

Природа появления этой вотчинной пошлины достоверно неизвестна. И на первый взгляд напрашивается связь с сибирским городом Тюменью, но нам представляется это менее вероятным. Продолжая свои рассуждения, мы предлагаем сделать заключение, что «тюменский» платеж отражает в себе название старинной татарской должности темника (начальника «тумена» – административного округа в Золотой Орде), которое по-татарски так и звучит – «тюмен». Возможно, в домосковское время одна часть налогового платежа шла хану, а другая **выплачивалась для содержания татарских беков, занимавших крупную должность темников (наместников) в Казанском ханстве**, а затем русским воеводам, так же исполнявших наместнические функции. Отметим широкую географию распространения наименования «тюменский»: Луговая сторона (Царевококшайский уезд), Арская дорога, вотчины в Западном Закамье. При этом остается только догадываться, либо в каждой административной области Казанского ханства располагался свой темник и ему шел платеж только со своего подведомственного округа, либо во всем ханстве был один темник и ему шел отдельный платеж сразу со всего ханства. Для сравнения, в Крымском ханстве должность темника («тюмен бей») занимали могущественные беки из рода Ширин¹⁵.

Сделанные выше выводы подводят нас к еще одному предположению. Возможно, во времена существования Казанского ханства промысловые вотчины для хозяйствования местных народов (в наших примерах это татары и марийцы) имели большее значение по сравнению с XVII веком, поскольку начисление одной из основных налоговых статей шло с «меда», т.е. с борных ухожеев. Напомним, что о важности доходов с вотчин свидетельствует Духовное завещание Ивана IV: «А что естми, с божиею волею, взял царство Казанское, и аз царством Казанским благословляю сына же своего Ивана, даю ему город Казань с Арскою стороною, и с Побережною стороною, и с Луговою стороною, и со всеми волостями, и с селы, и с чювашею, и с черемисою, и с тарханы, и с башкирдою, и с вотяки, и со всеми их **бортными землями с Волскими и с Казанскими, и с рыбными ловлями, и со всеми угоды, и со всеми пошлинами**, а как ми бог [дал] Казанскую землю, что было изстари к Казанской земле потягло, **при прежних царех**. А что естми, с божиею помощью, поставил город на Свиязе, на Нагорной же поставил есьми на Чебоксаре город, и яз городом Свиянским и городом Чебоксарским благословляю сына жь своего Ивана, и даю ему город Свияжской, город Чебоксарской, со всею Горною стороною, и со всею чувашею, и черемисою, и с мордвами, и **с их вотчинами**,

¹⁵ Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырмы // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 35–60.

и с рыбными ловлями, и со всеми пошлинами, как ми бог дал Горную сторону к Свияжскому и к Чебоксарскому городу»¹⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов мещерских уездов XVI–XVII вв.) // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума, Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань, 2019. С. 56–68.
2. Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб.: Типография АН, 1850.
3. Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства. Т. 2. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. с. 726.
4. Дмитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевококшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 года // Марийский археографический вестник. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1992. С. 62–71.
5. Дмитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. № 12. 1956. С. 107–115.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей в XIV–XVI вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М., Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
7. Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда (Приходно-расходная книга Синбирской приказной избы). 1665–1667 гг. Симбирск, 1896. 285 с.
8. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырьми // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 35–60.
9. Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 31–47.
10. Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханый ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967. С. 104–109.
11. Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. С. 140–143. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/na-rassmotrenii/napolnikova-dissertacia.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209.
13. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подготовка к печати Л.В. Черепнина. М.-Л., 1950. С. 439.

Сведения об авторе: Акчурин Максум Маратович – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: bigeevo@yandex.ru

**THE “TYUMEN HONEY” IN THE KAZAN STATE AS A SURVIVAL
OF THE ADMINISTRATIVE SYSTEM OF THE KHANATE’S PERIOD**

Maksum M. Akchurin

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article considers such a phenomenon as the collection of a separate payment from the residents of the former Kazan Khanate for the use of industry patrimoniales with a strange name “Tyumen honey”. The analysis of rare mentions of this payment is carried out, and the explanation of this name is given. According to the assumption, the expression “Tyumen honey” reflects traces of the administrative structure of the Kazan Khanate.

Keywords: Kazan Khanate, votchina, obrok, poshlina, Tyumen honey

About the author: Maksum M. Akchurin – Cand. Sci. (History), Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: bigeevo@yandex.ru

ЯСАК, ОБРОК, ВОТЧИНА – ЯСАЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОЛГО-УРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII–XVIII ВВ.

Г.Х. Самигулов

*Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Российская Федерация*

В статье рассматривается, преимущественно, ясачное население. При всех различиях в типах хозяйства различных групп ясачного населения рассматриваемой территории, есть то, что их объединяет. Это наличие вотчинного права на землю. У скотоводческого (преимущественно, тюркского) населения Урала и Зауралья вотчину составляла вся территория хозяйствования рода/родоплеменной группы. У охотников и рыболовов Урала и Западной Сибири вотчиной чаще владела отдельная семья, при этом вотчинные угодья включали в себя так же всю территорию хозяйствования. В случае с Поволжьем иная ситуация – вотчину там составляли угодья, с которых уплачивался натуральный оброк: бобровые гоны и медовые ухожеи. В этом случае четко видна замена понятия «ясак» понятием «оброк» (ясак для этих групп населения сохранялся, но был незначителен и выплачивался чаще деньгами).

При этом возникали новые сообщества (волости), члены которых также становились обладателями вотчинных прав на отведенные им земли.

По мере укрепления позиций государства, роста потребностей в пахотных землях переселенцев из центральных областей России и снижения значения ясака/оброка происходило ограничение вотчинного права для тех или иных групп населения. Но исследований по вотчинному праву ясачного населения практически нет, исключение составляют лишь башкиры. По факту вотчины сохранялись у значительной части местного населения и после отмены ясака, где явочным порядком, где подтвержденные законодательно (башкиры). Но история вотчинного землевладения разных сообществ должна рассматриваться отдельно, поскольку нередко происходило изменение статуса групп, смена сословной принадлежности и т.д.

Ключевые слова: ясак, оброк, вотчина, волость, служба

История изучения истории Поволжья, Урала и Сибири насчитывает уже более двух веков, но до сих пор хватает тем, которые являются если не абсолютно неисследованными, то, по крайней мере, изученными очень слабо. Практически не изучен феномен вотчинного землевладения ясачного и служилого населения от Поволжья до Сибири. На сегодняшний день само упоминание вотчинных угодий ясачного населения Поволжья и Сибири в XVII в. зачастую вызывает искреннее недоумение и неприятие у многих коллег. При том, что количество документов, в которых констатируется наличие вотчин-

ных земель у ясачного населения Поволжья, Урала и Западно-Сибирских уездов достаточно велико и многие из этих документов давно опубликованы.

Наличие вотчинных прав у самых разных групп ясачного (и служилого) населения Волго-Уралья и Западной Сибири было показано в одной из предыдущих статей¹, поэтому здесь ограничимся приведением нескольких цитат, которые подтверждают этот факт. Перетяткович отмечал, что «Туземцам в Казанской области правительство предоставило исключительное владение бортными ухозяями в лесах и бобровыми гонами в реках... Промышленные люди обложены были ясаками, которые они давали по 'старым книгам в государеву казну'...»². В переписных книгах Соли Камской Михайлы Кайсарова: «А межа той Федоровой купленной земли сылвенского ясачного татарина Турсунбайка Терегулова, чем деды и отцы и он, Турсунбайко, владел на Сылве реке: девая сторона вверх по Сылве реке от частых островом по врагу вверх же, в дуброву, в межах с нижнюю сторону с юрминскими (кармалскими) татары: с Чюрашком, да с Корабайком, да с Тапанком, да с Черепанком с товарищи; да вверх по Сылве реке по врагу и от частых островов до речки Малые Пожни Тазу и от речки Тазу и по речке Малой вверх по Сылве реке до сухово ручью тех же кармальских татар вотчина... Да по той же купчей Федору с братьею на другой стороне Сылвы реки, на ево ж Турсунбайкове вотчине, чем он, Турсунбайко, владел...»³ 4 июля 1620 г., царская грамота в Туринск воеводе Данилу Милославскому: «Писал еси к нам и прислал Туринского острогу ясачных татар... и ты б про то сыскал туточными ясачными людьми старожильцы: их ли ясачная вотчина, и почему владеет Ортюшка Бабинов; да будет та земля их старинная ясачная, а тот Ортюшка с товарищи будет деревню поставил насильством без вашего указа, и ты б ту землю отдал Туринского острогу ясачным татарам, а Ортюшке б еси отказал и вперед ему тою их землею владеть не велел»⁴. В.И. Иванова опубликовала тексты закладных кабал, на земли, составленные преимущественно ясачными людьми Верхотурского и Туринского уездов XVII в.⁵ Для примера приведу несколько фрагментов. «Се аз Инебат Миньяров сын, Туринского острогу ясачной татарин заложил еси своей вотчины Про...левскую курью по Нице против Тимофеевы заимки ему Тимофею Ондрееву сыну Удимцову и с островом»⁶. В

¹ Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018 (6). Т. 6, № 2. С. 342–369.

² Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 255–256.

³ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 473. Л. 28–28 об.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 296.

⁵ Иванова В.И. Западно-Сибирские поземельные частные акты XVII в. в архиве ЛОИИ СССР АН СССР (закладные кабалы) // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Издательство «Наука», 1986. С. 5–43.

⁶ Там же. С. 7.

Верхотурском уезде: «Се аз низтагильский ясачный вогулятин Токус Нелуков с сыном своим Тухманбатом ... заложили иподписали вотчину свою вниз по Тагилу реке – юрты свои и пашенные земли, и сенные покосья»⁷.

Достаточно странно, что при обилии источников, в том числе опубликованных, в которых четко артикулируется наличие вотчинных угодий у ясачных и служилых людей разных уездов, выражения «вотчина», «вотчинные земли» практически не используются применительно к их землевладениям для конца XVI – XVII вв. в работах исследователей. Исключение представляют работы, посвященные истории населения Уфимского уезда и это ещё более странно – в случае с одной группой ясачного населения понятие «вотчина», использовавшееся в документах, транслируется в исследовательских работах, а в случаях с другими группами такого же ясачного населения, использования этого понятия в работах избегают, несмотря на его наличие в источниках.

Это привело к тому, что: 1. На нынешний день практически не изучен феномен вотчинного землевладения ясачного населения Российского государства и его специфика в сравнении с традиционным русским вотчинным землевладением. 2. Сформировалась искажённая картина трактовки башкирского вотчинного землевладения, как уникального явления в истории России. При этом социальное (этносословное) содержание понятия «башкиры» подменяется этническим. Хотя в действительности основное содержание слова «башкиры» в документах конца XVI – начала XX вв. именно социальное. В XVII–XIX вв. ясачное населения разных уездов обозначалось с помощью терминов, которые мы сегодня воспринимаем как этнонимы. Ясачных людей Верхотурского уезда обозначали как «вогулов», вне зависимости от их этнической принадлежности; в Тюменском и Туринском уезде ясачных людей называли «татарами», а в Уфимском – «башкирами»⁸.

Проиллюстрировать трактовку сословных групп как этнических можно цитатой из работы по истории башкирского народа: «Главной особенностью социально-экономического положения дореволюционных башкир было то, что они с середины XVI до начала XX в. являлись народом-вотчинником. Каждый свободный башкир-общинник имел вотчинное право на землю. Ни один из народов Российского государства не имел таких прав»⁹. Этот тезис поддерживает и М.И. Роднов «Башкиры были единственным, уникальным в этом смысле народом, у которого сословие (вотчинник) и этничность практи-

⁷ Иванова В.И. Западно-Сибирские... С. 10.

⁸ Самигулов Г.Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 138–142.

⁹ История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. III. М.: Наука, 2011. С. 61.

чески совпадали (иные сословные группы были незначительны)»¹⁰. Ошибок здесь три: 1. Башкиры в этом отношении не были уникальны – вотчинниками являлись представители довольно большого количества социальных групп и в частности, таких же ясачных, как башкиры. 2. Башкиры владели вотчинной землей не как народ, а как сословная группа – ясачные люди, затем служилые, впоследствии свободные земледельцы, с оговоренным правом на вотчинные земли. 3. Границы сословные и этнические у башкир практически никогда не совпадали, поскольку в состав башкир, как сословной группы всегда входили различные группы, которые вне сословных рамок себя башкирами не называли. При этом часть тех, кто считал себя башкирами, вполне могла входить (и входила) в состав других сословий и сословных групп, как-то тептяри, оренбургские казаки.

Ещё одной мифологизированной составляющей вопроса о башкирских вотчинах является утверждение о том, что вотчинниками могли быть только те группы, которые имели жалованные грамоты на землю. Отсюда заявления типа «...племена Айле, Кувакан, Катай, Сызгы, не владевшие жалованными грамотами на заселяемые ими земли, следовательно, завоеванные русскими военными командами» и «Известно, что башкиры, добровольно принявшие русское подданство, сохранили свои земли на условиях вотчинного права»¹¹. На самом деле, никаких жалованных грамот для признания вотчинных прав на землю не требовалось. В царском указе 1694 г. уфимскому воеводе Д.Н. Головину, присланном в ответ на челобитную башкир всех четырех дорог, очень четко сказано: «наше де великих государей жалованья вотчины за ними в Уфимском уезде – леса, рыбные ловли, бобровые гоны и звериные ловли и всякие угодыя, и тем нашим великих государей жалованьем вотчинами пращуры и прадеды, и деды, и отцы их владели по своим урочищам и тамгам, и они також владеют по родству по прежним тамгам и урочищам, и на те их старинные вотчины у прадедов и у дедов и у отцов их письменных крепостей нет, кроме ясашной книги, по чему платят в нашу, великих государей, казну куничной и лисий ясак и медвяной оброк... И как к тебе ся наша, великих государей, грамота придет, и ты б их угодий и земель русским пришлым людям в оброк, и в тягло, и в службу отдавать не велел»¹².

Попытка объяснить наличие вотчинных прав жалованными грамотами вполне понятна – она укладывается в русло представлений о вотчинах русского служилого сословия. И коллеги пытались применить ту же логику при объяснении наличия вотчинных угодий у ясачных башкир (и тарханов). Но,

¹⁰ Роднов М.И. В поисках татарской истории // Река времени. 2013: Уникальные свидетельства прошлого. Уфа: УНЦ РАН, 2013. С. 161.

¹¹ История башкирского народа. Т. III. С. 55, 57.

¹² Материалы по истории Башкирской АССР. Часть I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 82–83.

как видим, здесь эта логика не срабатывает, источником вотчинных прав на землю являлась именно уплата ясака.

В связи с этим встает вопрос – были ли некие законодательные акты, утверждавшие вотчинное право за ясачным населением вообще, или ясачными людьми одного какого-либо уезда? Часто упоминаемая статья 43 главы XVI Соборного уложения таковой не является – там обозначается наказание за попытку отчуждения вотчин нерусского населения, но ничего не говорится, на основании чего эти вотчины утверждаются¹³. Представляется, что ответ достаточно прост и тривиален – вотчинное право ясачных людей определялось традицией, а не законодательными актами. В этой связи имеет смысл кратко изложить историю одного разбирательства конца XVII в.

В 1789 г. Правительствующий сенат оказался в непростой ситуации – рассматривался вопрос о заводах Походяшина, земли к одному из которых были им куплены у вогул Верхотурского уезда. Причем сделка была заверена в Верхотурском комиссарстве и с разрешения Ясашной комиссии, работавшей одно время в Сибири, т.е. продажа была вполне официальной. Но со стороны верхотурского купца Ентальцева поступило заявление, что эти земли были казенными и вогулы не имели права их продавать. Сенат решил выяснить «имеет ли вагульской народ право отдавать в оброк или продавать свои земли и по какому закону», для чего обратился в Государственный Санкт-Петербургский архив старых дел. Но в архиве, просмотрев дела Берг-Коллегии, именные указы и т.д. за 1715 – 1780 гг. не смогли найти закона «об отдаче вагульским народом в оброк и о продаже ими их земель». Тогда Сенат в 1791 г. обратился с вопросом «относительно земель вогульского народа и на права их узаконений» к наместнику Пермскому и Тобольскому А.А. Волкову, полагая, что если в Санкт-Петербурге таковых документов нет, то должны сохраниться на местах. Кроме поиска «узаконений», было предписано «и от самого того вагульского народа потребовать крепостей на их земли или жалованных грамот»¹⁴. Алексей Андреевич переадресовал вопрос в Тобольск, в наместническое правление. Но в Тобольске архив был практически полностью уничтожен пожаром 1788 г. и запрос переадресовали в г. Туринск, тамошнему городничему. Городничий ответил, что кроме указа по вопросу о ясачных землях от Сибирской губернской канцелярии от 1764 г. и ответного рапорта на этот указ ничего не отыскал. И направил тот самый рапорт, в котором в частности, говорилось: «ясачные крещенные татара во владении своем имеют пашенные земли и сенные покосы и протчия угодыя по старинному их на тех землях заселению, как они еще до взятъя Сибири и их к Российскому подданству, и до заведения города Туринска население русских жителействовали и те(ми) землями и сенными покосами и протчими угодыями владели

¹³ ПСЗ. Т. I. С. 80–81.

¹⁴ ГАТ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 154. Л. 2–3.

без всяких им дач, но почитая те земли и сенные покосы и пртчия угодыя единственно все своими природными, как то доньне они имеют, с которых они платят в казну только один положенный на них ясак»¹⁵.

Дворянский заседатель Тобольского нижнего земского суда Серебrenиков доложил о результатах опроса вогул: «вагульских волостей татара объявили, что они на состоящие в их владении никаких крепостей и жалованных грамот не имеют, а жительствоуют по прежнему заселению их претков, и пашенными землями, санными покосами, рыбными и звериными промыслами довольствуютца по тем самым урочищам, где прадеды и отцы владели»¹⁶.

Таким образом, самые разные материалы свидетельствуют о том, что в течение довольно долгого времени после вхождения территорий Урала и Западной Сибири в состав Российского государства вотчинные права на землю ясачного населения утверждались просто по давности владения и не требовали документального заверения. Это не означает, что жалованных грамот не было вообще, но их отсутствие не являлось основанием для отрицания вотчинных прав на землю. Несомненно, были группы ясачного населения, имевшие документы, закреплявшие их права на земли. Но обычно эти документы составлялись явочным порядком на уже использовавшиеся угодыя и просто подтверждали существовавшую ситуацию. Как уже указывалось в цитированном выше указе 1694 г., владели землями по ясашным книгам, в случае с прикамскими и сибирскими уездами – по переписным книгам. Хотя, к сожалению, пока что удалось найти лишь выписки из переписных книг Льва Поскочина по татарским землям Тобольского уезда, касающиеся владений Кульмаметевых и Сейдяшевых¹⁷. Если бы были найдены полные тексты переписных книг, касающихся вотчинных владений ясачного и служилого населения сибирских уездов, это существенно дополнило имеющиеся у нас сведения.

Хотелось бы отметить ещё один достаточно интересный момент. В Поволжье XVII в. в качестве вотчин выступали угодыя, с которых выплачивался оброк – медовые ужожи или бобровые гоны. Собственно ясак взимался в денежной форме. Но сам статус ясачного, вкуне с уплатой оброка, обеспечивал владение вотчинными угодыями. Если мы посмотрим документы по Уфимскому уезду начала XVII в., то везде встретим указание на уплату ясака – слово оброк там практически не встречается (если встречается, то в связи с уплатой оброка в Казань). Но в уже цитированном указе 1694 г.: «платят в нашу, великих государей, казну куничной и лисий ясак и медвяной оброк»¹⁸. И вот здесь можно вновь вернуться к закладным кабалам, опубликованным В.И. Ивановой.

¹⁵ ГАТ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 154. Л. 12 об.

¹⁶ ГАТ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 154. Л. 18.

¹⁷ ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030. Л. 5 об.; ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 66 об.–71.

¹⁸ МИБ, ч. I. С. 83.

В.И. Иванова опубликовала тексты закладных кабал, на земли, составленные преимущественно ясачными людьми Верхотурского уезда XVII в. В этих документах прописан характер угодий, выступавших в качестве обеспечения долга. Для нас представляет интерес, в каких случаях и какие угодья обозначались как «вотчины». Когда речь идет о закладе покосов или пашен, то практически никогда не используется общее определение «вотчина», говорится просто о покосах и/или пашнях. Если же закладываемый участок включает в себя жилую территорию (юрты), рыбные ловли, хмелевые щипанья, земли, не обозначенные, как покосы и пашни, то практически всегда этот заклад обозначался словом «вотчина». Для примера приведу несколько фрагментов. Сенные покосы ясачных вогул отдавались в заклад просто как сенные покосы¹⁹. В случае, если к сенным покосам и/или пашне добавлялись другие угодья, в тексте документа иногда фигурировало понятие «вотчина»: «Се аз низтагильский ясачный вогулятин Токус Нелуков с сыном своим Тухманбатом ... заложили и подписали вотчину свою вниз по Тагилу реке – юрты свои и пашенные земли, и сенные покосы»²⁰. Но в другом случае при аналогичном составе заклада о вотчине не говорится: «...заложил ему Микитке свое пахотное место на Ляле реке и юртовное место...; да поскотинное место по обе стороны речки»²¹. «А в тех есми денгах подписали мы займщики ему другую половину вотчины своей на Ляле от Чорбунсковы вотчины вниз до Кропивной речки в пашенных землях и сенных покосах, и в рыбных ловлях, и в озерах, и в истоках»²². Есть пример, когда заложены были обширные земли с рыбными ловлями и охотничьими угодьями («з путишными местами»), но вотчиной это названо не было: «...по обе стороны Ляли реки под пашню и под сенные покосы дубровные места и луги с причистьми вниз до тово ж Соколя камня, и с озерками и з двумя речками, и з путишными местами, и по речкам вверх дубровные места, а с правую сторону Ляли до болшей зимней русской дороги»²³, но это, скорее исключение. В большинстве случаев аналогичного или примерно схожего заклада так или иначе упоминалась вотчина²⁴. Есть очень интересный документ, зафиксировавший отдачу в заклад своей вотчины оброчным крестьянином, новокрещеном Василием Козминым: «заложил я займщик ему Петру в тех денгах и подписал половины своей вотчины – пашенных земель и сенных покосов, и рыбных ловель, и звериные луки в Верхотурском же уезде на Лобве реке»²⁵. Этот документ датирован 1689 г.

¹⁹ Иванова В.И. Западно-Сибирские... С. 8–9, 11, 12, 14–16, 19–20, 21, 32.

²⁰ Там же. С. 10.

²¹ Там же. С. 27.

²² Там же. С. 17.

²³ Там же. С. 19.

²⁴ Там же. С. 20–21, 25, 27, 29, 35, 36–37.

²⁵ Там же. С. 42.

Можно предположить, что покосы и пашня в принципе были частью вотчинных земель, но сами по себе воспринимались не совсем как вотчина, поскольку ясак уплачивался с охотничьих угодий. Особенно примечательно, что к концу XVII в. вотчина (пусть даже чисто номинально) сохранялась за человеком, если он перешел на оброк и стал крестьянином. Это перекликается, пусть и весьма условно, с ситуацией в Поволжье. А в целом подтверждает, что мы очень мало знаем о вотчинах ясачного/оброчного населения. Вопрос взаимозаменяемости понятий ясак и оброк – один из достаточно интересных и, возможно, ключевых для дальнейшего изучения вотчинного землевладения ясачных людей.

Констатируя нашу крайне слабую осведомленность в вопросе вотчинных владений ясачного населения Поволжья, Прикамья и Западной Сибири хотелось бы обратиться к ситуации с башкирскими вотчинами. Казалось бы, она должна быть относительно хорошо исследована, поскольку это на сегодняшний день единственная группа, вотчинное землевладение которой не подвергалось сомнению. Более того, вотчинный характер землевладения башкир прописан практически во всех работах по истории Башкортостана последних 30–40 лет. Но в действительности мы обнаружим, что работ, посвященных этому вопросу тоже нет. В трудах А.И. Акманова, посвященных земельным отношениям и башкирскому землевладению, довольно бегло описывается вотчинное землевладение башкир без конкретики²⁶. Он отметил, что равенство во владении землей было формальным, а в реальности ей распоряжались бии и волостные старшины, а башкиры были ограничены в праве распоряжения землей и не могли ее продать, либо сдать в долговременную аренду. Причем он подчеркивает именно общинный характер распоряжения землей²⁷. При этом даже опубликованные документы показывают распоряжение землей (вплоть до продажи) отдельными членами общины. Более того, зачастую в качестве владельцев вотчинных угодий выступала не волость/община, а отдельные башкиры. И владенные документы иногда выдавались на конкретного человека или семью, а не на всю волость²⁸. Это заставляет задуматься о том, что ситуация была более разнообразна и требует детального изучения. Так, в Зауралье старшина Мякотинской волости Янгильда Супхангулов Бигишев объяснял в 1734 г.: «В Уфинском де уезде в башкирской степи имеет он у себя деда и отца своего Бигишева старинную вотчину в Мякотинской волости, в деревне Редяшевой. А в той де ево вотчине имеетца владений ево

²⁶ Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии. Уфа: Китап, 2000; Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа: Китап, 2007.

²⁷ Акманов А.И. Земельные отношения... С. 80–83.

²⁸ МИБ, ч. I. С. 76–77, 100–102, 106–107, 134–135.

озера: Илтяш, Кызылташ, Сунгуль и другие озера»²⁹. «1734-м году ноября 20-го дня из ымеющейся по наследству и по природе прадедов дедов и отца ево Янгильдина башкирца Сапхангула Бигишева по Сибирской дороге по сю сторону камня Урала из вотчины своей Мякотинской волости уступил он Янгильда к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА казенным Екатеринбургским заводам землю и с лесами в длину дватцать, в ширину под Уралом пятнатцать с приезде сдешней стороны десять верст»³⁰. Более чем значительная территория, которую он выделил из своей личной вотчины. Как бы то ни было, есть довольно серьезные причины для того, чтобы постараться понять характер вотчинного землевладения именно на «микроуровне» и затем уже делать обобщения. Пока у нас скорее обратная ситуация.

Вотчинные права для большинства групп ясачного населения на разных территориях постепенно либо аннулировались, либо терминологически переводились в разряд «дач», «наделов» и т.д. Во втором случае зачастую практически не менялся реальный характер владения землёй, как это можно видеть на примере тех же вогулов и остяков (рис. 1)³¹. Но причины и процесс изменения ситуации требуют отдельного изучения в каждом случае. На примере приведенных выше документов о разбирательстве с правами на землю вогулов, мы видим, что уже в середине XVIII в. меняется подход к ситуации с вотчинным землевладением в Сибирской губернии – если раньше столичные власти воспринимали вотчинные права ясачного населения как нечто само собой разумеющееся, то теперь они требовали предъявить документы, обосновывающие эти самые права на владение. Вот здесь, для ситуации второй половины XVIII – начала XX в. мы видим действительно своеобразное положение башкир – они сохраняют обозначение своих владений, как вотчин. Объяснение причин этого – тоже дело будущих исследований.

Завершая, хотелось бы отметить, что старая тема вотчинного землевладения с появлением новых вводных требует еще более внимательного отношения к источникам. И ещё предстоит очень сложная задача – отказаться от стереотипов, сложившихся в этой области исторической науки. Работа предстоит долгая, но интересная.

²⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 11 об.

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 16 об.

³¹ ГАСО. Ф. 59. Оп. 17. Д. 9.

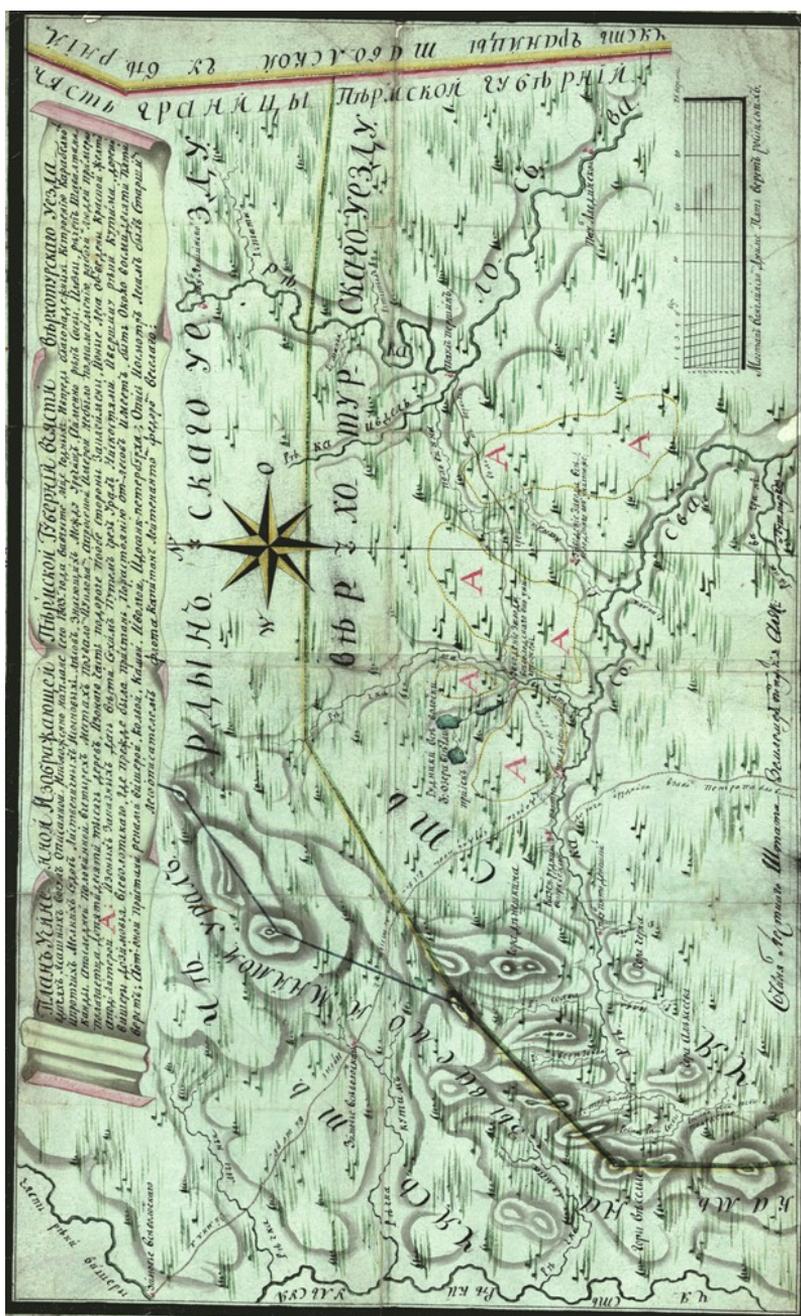

Рис. 1. «План учиненной изображающей Пермской губернии в части Верхотурскаго уезда в дачахъ ясашныхъ вогулъ...», 1803 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030. Л. 5 об.
2. ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 66 об.–71.
3. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 473.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а.
5. ГАСО. Ф. 59. Оп. 17. Д. 9.
6. ГАТ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 154.
7. Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии. Уфа: Китап, 2000. 208 с.
8. Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа: Китап, 2007. 360 с.
9. Иванова В.И. Западно-Сибирские поземельные частные акты XVII в. в архиве ЛОИИ СССР АН СССР (закладные кабалы) // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Издательство «Наука», 1986. С. 5–43.
10. История башкирского народа : в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов ; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. III. М.: Наука, 2011. 476 с.
11. Материалы по истории Башкирской АССР. Часть I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 631 с., карты.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.
13. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. 331 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. I. С 1649 по 1675. СПб, 1830. 1075 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. III. 1689–1699. СПб, 1830. 692 с.
16. Роднов М.И. В поисках татарской истории // Река времени. 2013: Уникальные свидетельства прошлого. Уфа: УНЦ РАН, 2013. С. 154–162.
17. Самигулов Г.Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 138–142.
18. Самигулов Г. Х. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII века // Научный диалог. 2017. № 1. С. 183–203.
19. Самигулов Г.Х. Формирование тюркской группы калмак и Сарт-Калмакской волости в Южном Зауралье XVIII века // Научный диалог. 2018. № 9. С. 275–294. DOI 10.24224/2227-1295-2018-9-275-294
20. Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369

Сведения об авторе: Самигулов Гаяз Хамитович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: gayas_@mail.ru

YASAK, OBROK, VOTCHINA: THE YASAK POPULATION OF THE URAL-VOLGA REGION AND WESTERN SIBERIA IN THE 17TH–18TH CENTURIES

Gayaz Kh. Samigulov

*South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation*

The article concerns mainly with the yasak population. Despite of the difference in the economies of various groups of the yasak population in the territory under consideration, there is something that unites them. This is the *votchina* right to land. In the case of the livestock-breeding (mainly Turkic) population of the Urals, the *votchina* was the entire territory of the clan / tribal group. Among hunters and fishermen of the Urals and Western Siberia, the *votchina* was owned by a separate family more often, and the *votchina* lands also included the entire economic territory. The situation in the Volga region was different: the *votchinas* there were lands with the obligation to pay natural rent, that is, *bobrovye gony* and *medovye ukhozhei*. In this case, the replacement of the concept of *yasak* by the concept of *obrok* is clearly visible (yasak was preserved for these groups of the population, but it was insignificant and was paid more often in money).

At the same time, new communities (volosts) arose, and their members also became owners of *votchina* rights to the lands assigned to them.

As the position of the state strengthened, the need for arable land for immigrants from the central regions of Russia increased and the value of yasak / obrok decreased. Then, there was a restriction of *votchina* rights for certain groups of the population. Nevertheless, there is only a few researches on the *votchina* law of the yasak population, the only exceptions are the Bashkirs.

In fact, a significant part of the local population kept the *votchina* after the abolition of yasak, both explicitly and legally confirmed (Bashkirs).

But the history of *votchina* land should be considered separately for different communities, since there was often a change in the status of groups, a change in class affiliation, etc.

Keywords: yasak, obrok, votchina, volost, duty

About the author: Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Scientific-Educational Centre of Eurasian Studies, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: gayas_@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИЗАЦИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА:
НА ПРИМЕРЕ КНЯЗЬ-АКЛЫЧЕВОЙ СОТНИ СВЯЖСКОГО УЕЗДА**

Д.В. Басманцев

*Чуваши́йский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Чувашия, Российская Федерация*

В.Д. Кочетков

*Независимый исследователь
Чебоксары, Чувашия, Российская Федерация*

В Свяжском уезде наравне с другими административно-территориальными единицами существовало сотенное управление во главе с князем. Князя Тугуш Девлет Бахтыев и его сын Аклыч Тугушев за верную службу были пожалованы поместьями и правом управлять сотней, что сыграло важную роль в колониационной политике Русского государства в уезде. В Приложении по заявленной теме публикуются документы 1601–1638 гг.

Ключевые слова: князь Тугуш Девлет Бахтыев, князь Аклыч Тугушев, Князь-Аклычева сотня, Свяжский уезд, колониальная политика, Русское государство

Проблема колонизации Среднего Поволжья является одной из сложных тем в отечественной историографии. В течение нескольких столетий исследователи изучают процессы освоения обширного Волго-Уральского региона, начиная со времени падения Казанского ханства и включения его в состав Московии. Степень же изученности отдельных сторон этого процесса зависит от наличия и сохранности источников по истории Казанского края. В этой связи введение в научный оборот малоизвестных документальных материалов призвано расширить источниковую базу и помочь в решении узловых вопросов заявленной темы.

Территория бывшего Казанского ханства на протяжении второй половины XVI – XVII в. по мере роста числа городов-крепостей, строительства засечных черт и притока населения была постепенно интегрирована в состав Русского государства¹. Этому способствовала прагматичная колониальная

¹ См.: Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань: В университетской типографии, 1866. С. 60–128, 155–190; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Ка-

политика правительства, в осуществлении которой не последнюю роль сыграли представители служилого дворянства из нерусского населения.

Исключительный интерес для нас представляет род князя Тугуша Девлет Бахтыева, входивший в служилую корпорацию Московии второй половины XVI – начала XVII в. В 1570-е – 1580-е гг. за преданную службу свияжскому князю Тугушу были пожалованы вотчинные и поместные земли, из которых в составе Свияжского уезда была образована Князь-Тугушева сотня².

Сотенная система в административно-территориальном устройстве Русского государства функционировала наравне с уездами, дорогами, станами, волостями. При этом ее сохранение было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, на первых порах правительство старалось опереться на существовавшую в Казанском ханстве практику управления. Во-вторых, перед московской администрацией остро стоял вопрос экономического освоения региона, особенно территорий приграничного «дикого поля». Так, основная часть пожалованных князю Тугушу земель находилась «от Свияжского шездесят верст на диком поле». В писцовых книгах А. Болтина 1587/88 г. они также числились «на диком поле за засеками починок Тояба да починок Ерыклеи», то есть «на речке Тоубе на крымском на диком поле за засекою»³. В ранних же писцовых и межевых книгах Н.В. Борисова и Д.А. Кикина 1565–1567 гг. эти территории еще не значатся⁴.

В 1597 г. по жалованной грамоте принадлежавшие свияжскому князю Тугушу вотчинные и поместные земли с кабаками были закреплены за его сыновьями Аклычем (1587–1637) и Кармышем, а также супругой с дочерью. К этому времени в Тугушевой сотне располагалось, вероятно, всего несколь-

занским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 38–76; Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 48–64; Его же. Национально-колониальная политика Московского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Чувашского университета. 1995. № 2. С. 4–13; Басманцев Д.В. Политика российского правительства в отношении народов Поволжья и Приуралья во второй половине XVI–XVIII веке: некоторые особенности // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 99–112.

² Акчурин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 57–60.

³ Акчурин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. С. 60.

⁴ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.) Казань, 1909. (URL: <http://www.archo73.ru/Russian/16vek/sviyagsk/sviyagsk.htm>).

ко селений: починки Хмяжев (Хмяшев), Белоусов, Бикряшев, Усутов, Тояба, Ерыклей, Курелей с д. Макулово⁵.

С изменением геополитической обстановки население активнее осваивало просторы Свияжского уезда. Своеобразным катализатором в колониальной политике правительства в многонациональном регионе также сыграла сотенная система. Князь, управляя населением сотни, собирал налоги, вершил суд. Так, в жалованной грамоте, составленной не раньше 1580/81 г., говорится о наделении княжеским титулом мурзу Темея, сына князя Кочака Тюляшева (Тюяшева), выходца из Барышевской волости Свияжского уезда. Оказалось, что князь Кочак Тюляшев (Тюяшев) был убит во время Черемисской войны («отца де его убили наши изменники луговые люди»). В малолетство Темея отцовское «княженье отдано двоюродному его брату» Ишейку Кудайбердееву, хотя оно было «за отцем де княж Кочаком со князем Ишеем с Кудайбердеевым пополам». В конечном итоге, Темею было пожаловано: «княженье быти потому ж, как и отец его в том княженье был со князем Ишеем пополам и в той волости и отца своего княженье в тех людей, которые в оной волости в отца его княженье живут в своей половине, **во всем ему судить и управа меж ими чинить безволокитно на себя с рубля по гривне, а с новоженцов имати ему с человека по кунице и нашу службу людей избирать з земли своей половину и ясак платить по нынешней жалованной по уставной прежней грамоте** (выделено нами. – Авт.)»⁶.

Аклыч, как и Темей, вступил в «княжение» сотней лишь по достижению пятнадцати лет и начала несения государевой службы. Практика суда и сбора ясака, скорее всего, здесь была аналогичной существовавшей в Князь-Темеевой сотне. Косвенное подтверждение сохранилось в материалах следствия над свияжским воеводой Е.Ф. Мышецким. Так, в 1638 г. татары и мордва Князь-Аклычевой сотни во главе сотником А. Ивановым сообщали, что «про государевы грамоты, каковы по челобитью Свияжского уезду татар и чувашаи о свияжских съезжие избы о подьячих в Свияжской присланы, не ведаем, потому что мы в те поры жили за князь Аклычем»⁷. Таким образом, население сотни управлялось обособленно, без прямого вмешательства воеводской власти.

В 1637 г. после кончины князя Аклыча все владения были подвергнуты учету (док. № 2). Согласно воеводскому наказу служилые казанцы О. Зюзин и подьячий П. Одинцов выехали в Свияжский уезд и подготовили перепис-

⁵ Акчурин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. С. 60–61.

⁶ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Фонд В.Д. Димитриева. Отд. I. Ед. хр. 988. Л. 38 об. – 39.

⁷ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 165.

ные книги, указав названия населенных пунктов, размеры пашен и перелогов, сенные угодья вблизи рек и речек, наличие лесного фонда в сотне.

Из писцовых материалов выясняется, что родовым гнездом Аклыча, как и при его отце Тугуше, оставалось с. Макулово. После кончины мужа землями стала распоряжаться супруга княгиня Ишсалтан. Дворовые люди на 22,5 чети в трех полях сеяли рожь, при речках и на полянках заготавливали до 350 копен сена. Дополнительно 10 чети в одном поле имелась «к деревне Тлянчине» переложная земля. На оброчном положении были крестьяне, которые пользовались пашнями и сенокосами, а задворные люди «пашенные земли при князь Аклыче пахали и ныне после ево вспахали на себя», то есть после ухода из жизни князя они самостоятельно стали использовать пашни и сенные угодья. В то же время некоторая часть пашенных земель (5 чети «в поле, а в дву по тому ж») и сенных покосов (100 копен) находилась во владении брата княгини Ишсалтан служилого татарина У. Семенова. Они были оформлены Аклычем на шурина «для свойства». Впоследствии У. Семенов расширил свои владения в с. Макулово. Ко времени писцового описания 1646–1652 г. он владел поместной («дватцать семь чети с полуосьминою и с получетвериком») и примерной («сорок чети бес полуосьмины») землями, равными в трех полях свыше 67 чети, а также сенокосными угодьями на 200 копен⁸. Часть этих владений, скорее всего, перешла У. Семенову от своей родной сестры Ишсалтан.

Публикуемые переписные книги ценны еще тем, что они сопровождают сведениями из писцовых книг 1612/13 г. и позволяют выявить и проследить изменения. К 1612/13 г., помимо выше упомянутых починков Хмяжев (Хмяшев), Белоусов, Бикряшев, Усутов, Тояба, Ерыклей, Курелей, были основаны следующие населенные пункты: починки Пулбараков Алабердино тож, Лиясев, Сутов Маматкозин тож, Русаков, Чула, Климов, Ондрюшин, Глешев, Чюрашев, Тайбичевский. В 1637 г. бывший починок Белоусов указан как с. Янбахтино, а починок Тояба, возможно, являлся деревней Таяба. В 1637 г. крестьяне указанных населенных пунктов обрабатывали в трех полях 813 чети пашни и 223,5 чети переложных земель. В их пользовании находились сенные угодья для заготовки свыше 11 тыс. копен сена. Сверх этого в д. Таяба имелось в трех полях крестьянских земель под пашни («мяжкие земли и дикова поля») 154,5 чети и «перелогу и дикова поля» 52 чети. Бобылями вспахивалось всего в одном поле 12 чети пашни. А в починке Тайбичевском пашен и дикого поля в трех полях составляло 155 чети, к тому же сенокосных лугов было на 1 335 копен.

Из представленных материалов выясняется, что в колонизационном процессе конца XVI – начала XVII вв. участвовали русские, татары, чуваша,

⁸ Перечневая книга Свияжского уезда: по материалам писцового описания 1646–1652 годов / сост. Д.А. Мустафина. Казань, 2004. С. 29.

мордва, иностранные «полоняники». В публикуемом источнике обращает на себя внимание указание на то, что в починках Климов, Ераклей, Ондрушин, Тлешев, Чюрашев, расположенных в бассейне р. Хома, «живут во крестьянах латышские и немецкие дети и чуваша» (док. № 2). Причем «полоняники» проживали в починке Ерыклей (22 двора) с 1580-х гг., до появления здесь чувашского населения⁹. Представители этой социальной категории населения также вносили свою лепту в ведение в сельскохозяйственный оборот земель «дикого поля». Так, в 1601 г. немецкие полоняники О. Дербышев и И. Ходяшев из д. Мамадышево Князь-Тугушевой сотни и А. Янбахтыев из д. Кайбичь добились от властей выделения «из ясаку» земель под пашню «за засекою на диком поле» вблизи р. Була (док. № 1).

Свободные земли вдоль р. Була привлекали и служилых татар, которые, помимо поместных владений, оформляли на себя земли в оброк. Из публикуемого документа № 3 следует, что в 1638 г. служилые татары во главе О. Алтышева обратились в Свяжскую съезжую избу с тем, чтобы им выдали выпись с отдельных книг, удостоверяющую их право владения поместными и иными угодьями. По ясачным книгам оказалось, что «сотня князь Аклыча Тугушева в починке на Буле на Каменном Броду за свияжскими служилыми татарами за Токбулатком Корклячевым да за Обращком Алтышевым, за Енбайком Янибековым с товарищи на оброке в Свяжском уезде за Булинские ворота» имелось 50 чети пашни, сенных покосов на 1 000 копен. В год они должны были собирать оброчных денег в размере 2 руб. с гривною. Что же касается О. Алтышева, то в 1639 г. он со служилым татаринном Н. Трегуловым в счет поместного оклада, составлявшего 170 чети на 1 чел., были пожалованы кабаком и порозжими землями по речке Сунар¹⁰.

Таким образом, публикуемые документальные материалы представляют ценность в изучении отдельных сторон землевладения, социальной стратификации населений, а также особенностей освоения Среднего Поволжья и основных направлений политики Русского государства конца XVI – первой половины XVII столетия.

* * *

Документы подготовлены к изданию в соответствии с общепринятыми требованиями археографии, предъявляемыми к публикации документов XVI–XVIII вв. Тексты передаются с сохранением орфографии оригинала документа, разделением текста на слова, предложения, абзацы, расстановкой знаков пунктуации по современным правилам, и с учетом особенностей стилистики

⁹ Акчурин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. С. 60.

¹⁰ Документы по истории Казанского края (вторая половина XVI – середина XVII в.): сб. документов / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. С. 130–131.

документа. Подлинник публикуемого документа № 1 при снятии копии был, видимо, сильно поврежден, на это указывают пропуски, оставленные в 1796 г. канцелярскими служителями. Документ № 2 также во многих местах был поврежден, в особенности его края. Утраченные и восстановленные по смыслу буквы и слова заключены в квадратные скобки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

1601 г. марта. – Жалованная данная грамота царя и великого князя Бориса Федоровича

(из приказа Казанского дворца) немецким полоняникам Юрге Дербышеву, Тяребердею Ходяшеву и Андрюшке Янбахтыеву на пашни и сенные покосы из ясака

Князь-Тугушевой сотни Свияжского уезда

(Л. 19) По государеву цареву и великаго князя Бориса Федоровича всеа Руссии указу воевода князь Михаило Федорович Гвоздев-Ростовской да Кир Афонасьев дали из ясаку Свияжской Князь-Тугушевой сотни деревни Мамадышевой немецким полонеником Орге¹¹ Дербышеву да Тяребердею Ходяшеву да деревни Каиби...¹² Андрюшке Янбахтыеву пашню и сенные покосы по целому жеребью.

Били они челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руссии, а сказали. – Пашни де за ними нет, прокормитесь им нечем. А есть де за засекою на диком поле пашенная земля по реке по Буле по одной стороне да сенные покосы по обе стороны Булы реки. А ныне¹³ де тое земле пашут и сенные покосы косят наездом околние люди деревни Чешкап Янсарьем да Богданом зовут с товарищи, а ясаку де они с тое земли и сенных покосов в государеву казну не платят ничего, владеют самовольством безясачно. А межа де той пашенной земле с одну сторону Янбахтина межа Мусина сухой враг, а з другую сторону Дербышева межа Красной яр, а с Краснаго яру на одинакой дуб, а с одинакаго дуба на липовой куст, а с куста к лесу на березовой мыс. А сеным покосам межа верхняя по другои стороне Булы реки одинакая сосна, а нижняя межа Кудаигулов брод через Булу реку. И государь бы их пожаловал велел им трем ту пашню и сенные покосы дати из ясаку по целому жеребью человеку и сести б им на новом ясаку на Сосновой речке.

(Л. 19 об.) И буде так, как государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руссии они, Юрга да Тяребердей да Ондрюшка, били челом. А ту будет пашню пашут и сенные покосы косят деревни Чешкап Янсара да Богдан с

¹¹ Так в ркп., далее дважды написано Юрге.

¹² В ркп. утеряно 2–3 буквы. Вероятно, Кайбичь.

¹³ В ркп. слово написано неразборчиво. Прочитано по смыслу.

товарищи и иных деревень татаровя наездом не по государеву указу и не по грамотам, и безоброчно, и безясачно, и Юрге да Тятеребердею¹⁴ да Ондрюшке тою пашнею и санными покосы владети, пашня им пахати, и сено косити, и дворы им на новом усаде на Сосновой речке поставити, а ясаку им [в] государеву казну давати на год з двора по десяти алтын да хлеба по чети ржи, по чети овса с чело века. А впервые¹⁵ им тот ясак в государеву казну дати во сто в первом на десять году на срок на Рождество Христово, да вперед им тот ясак платити по тому же на год ежегодно безпереводно и товарищей к себе от отцов детей, и от брата братьи, у них, да племянников¹⁶ на ту пашню из ясаку называти.

К сей грамоте воевода князь Михало Федорович Гвоздев-Ростовской печать черного воску на бланке свою приложил.

Лета 7109 марта в ...¹⁷ день.

На подлинной грамоте на обороте и внизу приписал: Кир Афонасьев.

РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1567. Л. 19–19 об. Копия 1796 г.

№ 2

1637 г. августа 31. – Переписные книги Осипа Зюзина и подьячего Путилы Одинцова,

по наказу казанских воевод боярина Ивана Васильевича Морозова и князя Никиты Никитича Гагарина, дьяков Никифора Талызина и Леонтья Полукутова,

на поместные и вотчинные земли, санные покосы и другие угодыя князя Аклыча и

крестьян в Князь-Аклычевской сотне Свияжского уезда

(Л. 35)¹⁸ Лета 7145-го а[вгус]та в 31 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказу боярина и воевод Ивана Васильевича Морозова, князя Микиты Микитича Гагарина, дьяков Микифора Талызина, Леонтья Полукутова велено Осипу Зюзину да подьячему Путилу Одинцову ехати в Свияжской город и в Свияжской уезд и переписать в Свияжском уезде в князь Аклычевских поместьях и вотчинах князь Аклычевскую и крестьянскую пашню паханую и перелог и дикие поля и наезжую пашню и санные покосы и всякие угодыя.

¹⁴ В ркп. ошибочно написано Тятеребердею.

¹⁵ В ркп. ошибочно написано впервые.

¹⁶ Так в ркп. Вероятно, должно было быть по смыслу: от дядей племянников.

¹⁷ В ркп. число не указано.

¹⁸ Выше отметка: Список с книг, каковы посланы по государевым, далее утрачено 4–6 букв.

(Л. 35 об.) И по [государ]еву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси[и] [ук]азу и по наказу боярина и воевод Ивана Васильевича Морозова да князя Микиты Микитича Гагарина, да дьяков Микифора Талызина да Леонтья Полуехтова Осип Зюзин да подьячей Путило Одинцов, приехав в Свяжской город, отдав воеводе Фоме Квашнину да дьяку Василью Атарскому отписку, и, взяв у них с писцовых книг приправошную роспись, какову им дали за приписью дьяка Василья Атарского 121-го году, и ездили в Свяжской уезд, и, взяв с собою сторонних людей, в князь Аклычевских вотчинах и поместьях против наказу писали¹⁹ и по их письму тому книги.

(Л. 36) Село Макулово на речке на Сулице, живут во крест[ьянех] русские люди. В свяжской росписи, какова дана за приписью дьяка Василья Атарского с писцовых книг 121-го году, за князь Аклычем в селе Макулове написано вместе шестьдесят пять чети в поле, а в дву по тому ж, сена семьсот шестьдесят копен. А по наказу Осипу Зюзину да подьячему Путилу Одинцову велено князь Аклычевскую и крестьянскую пашню росписать.

И по их письму в селе Макулове пашенные земли князь Аклычевские, что пахал на себя дворо(Л. 36 об.)выми своими людьми дватцет две чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, да перелогу в одном поле к деревне Тлянчине на десет чети, сена по речке Курале да по речке Сулице, да на полянке Алане, что с приезде от Свяжского, подле одно[го] поля триста пятьдесят копен. А ныне на той князь Аклычевской земле хлеб пожала и сено покосила, и озимную рожь посеела князь Аклычевская жена княгиня Ишсалтан на себя дворовыми ж своими людьми.

Да крестьянские пашенные земли дватцет три чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, сена триста шестьдесят копен по тем же речкам. (Л. 37) А пашут и косят крестьяня на себя, а князь Аклычю платили денежной оброк и писан в первых книгах как переписаны дворы и люди.

Да задворные люди князь Аклычевские ж пашенные земли при князь Аклыче пахали и ныне после его вспахали на себя дватцет одну четь в поле, а в дву по тому ж, сена двести дватцет копен по тем же речкам.

Да в том же селе Макулове князь Аклычевской земли пашет шурин его служилой татарин Уразгильдей мурза Семенов пять чети в поле, а в дву по тому ж, да перелогу в дву полях по две чети, да сена по тем же речкам и в одном поле на переложной земле косит сто копен. А сказал Уразгильдей мур(Л. 37 об.)за [да] сторонние люди, что ему ту землю и сенные покосы дал князь Аклыч для свойства.

А те князь Аклычевские земли в одних полях с ыными татары, которые в том селе живут, испомещены и покосы по тем же речкам, вместе да под тем же селом озеро в опчее, словоет Улукул. А лес к селу Макулову большой, з дву сторон: с одну сторону от Волги реки, а з другую сторону от Свяги реки. А ездят сопча в тот лес всякие люди, и Свяжского города, и сел, и деревень монастырских, и детей боярских, и татарских, а граней к селу Макулову нет.

А сторонние люди были деревни Куларовы Ильины крестьяня Ногаева Гришка Михайлов, (Л. 38) [А]фонька Трофимов

¹⁹ В ркп. пасали.

деревни Маматказины чувашенин Баиряшко Девлеев;

да макуловские таторовя Булат Янкшин

Уразла Кульмамметев

Ишей Куреев

Кибек Кушкеев

Бигильда Бурнашев

Янбахтин крестьянин Урекеева

Тохташ Шибулатов

Уразлин крестьянин Кульмамметева Томилко Черной.

Деревня Починок Куралеевской Атлянчино тож на речке на Курале, живут русские люди. В свияжской росписи на (Л. 38 об.) [...] ²⁰ починке на речке на Курале пашенные мяхкие земли тридцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена сто восемьдесят копен. А по нынешнему письму пашенные мяхкие земли тридцать три чети в поле, а в дву по тому ж, сена по речке Курале и около поль двести семьдесят копен. А пашут и косят крестьяня на себя, а лес тот же, которой писан под Макуловым селом, владеют сопча ж.

А сторонние люди были служилого татарина Анбахты Урекеева деревни Тлянчины крестьяня Ивашко Ермолин, Офонка Иванов, Ивашко Фадеев, (Л. 39) Митка Васильев, Миркушко Иванов. А рук де их приложить было некому.

По Улеме реке

Починок Пулбараков Алабердино тож на речке на Корене. В свияжской росписи написано: пашенные земли шестьдесят шесть чети в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов восемьсот пятьдесят копен. А живут чуваша.

А по нынешнему писму князь Аклычевские пашенные мяхкие земли пятнадцать чети, да перелогу пять чети в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по речке Улеме и около поль двести копен. Да крестьянские пашенные мяхкие земли шесть (Л. 39 об.) [десять] две чети, да перелогу дватцать три че[ти] в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по речке ж Улеме по обе стороны, да на поляне Карамалане, что подле одного поля и около поль тысяча триста пятьдесят копен.

²⁰ В ркп. утрачено 5–6 букв.

Лес с одну сторону, которой от Сотрясевы да от Бугаир деревень и от Шекьян речки, а владеют сопча розных деревень с татары служилых и ясашных.

В свияжской росписи написано: по речке Улеме починок Лиясев, починок Белоусов, починок Байряшев, починок Сутов Маматкозин тож, починок Русаков. А к тем починкам написано вместе пашни паханые добрые (Л. 40) [земли...Да того ж починков у татар у Сюнчалейки]²¹ Урусаева да у [Тенкея Байгозина бортной]²² ухожей по речке Юмрале в Щучьих горах, а оброк плятят по полубатмана меду в государеву казну в Свияжском.

В свияжской росписи написан: починок Белоусов стоит на ключе. А по прежнему сыску и по нынешнему письму стало село Янбахтино на том же ключе. А в нем храм – собор архистатига Михаила, живут русские люди. Пашенные крестьянские добрые земли семьдесят чети с осьминою, да перелогу дватцет одна четь в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по Улеме реке по обе стороны и около поль ты(Л. 40 об.)[сеча] [...] ²³ копен. Лес по обе стороны Улемы реки с одну сторону, что от Волги реки, а з другу[ю] за Улемою рекою Турминской лес. А владеют сопча всех князь Аклычевских починков, кои по Улеме реке, и разных деревень служилыми и с ясашною чювашею, да бобыли за речкою за Шенгуюто косят двести дватцет копен.

Починок Лияшев²⁴ на речке на Улеме, живут в нем мордва. Пашенные добрые земли сто чети, да перелогу пятнатцет чети в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по Улеме реке да по Турме речке по обе стороны (Л. 41) и около поль тысеца чет[ыре]ста пятьдесят к[о]пен. Лес тот же вопче, что писан к селу Янбахтину.

Починок Русаков Микифоров тож на ключе по речке Улеме, живут в нем русские люди. Пашенные добрые земли пятьдесят четыре чети, да перелогу дватцет одна четь с осьминою в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по Улеме реке, да по Усутуклю с одну сторону, да на Тюбяк поляне деветьсот тритцет копен. Лес от Шекьян речки да от татарских деревень от Булгаир да от Отрясевы. А владеют сопча розных деревень с татары служилых и ясашных.

(Л. 41 об.) [Почи]нок Байгулов на реке Улеме ж, в нем живут чюваша. Пашенные добрые земли князь Аклычевские четыре чети, да перелогу две чети в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов сто копен. Пахал и ныне пашет задворной его человек на себя, да чювашские пашенные добрые земли дватцет две чети, да перелогу восемь чети в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по тем же урочищам четыреста дватцет копен. А лес к тому починку с одну сторону от Юмрале речки, а владеют сопча розных деревень с татары служилых и ясашных.

²¹ В ркп. утрачено несколько строк, восстановлено по смыслу из содержания документа.

²² В ркп. утрачено несколько строк, восстановлено по смыслу из содержания документа.

²³ В ркп. утрачено несколько слов.

²⁴ Так в ркп. Выше Лиясев.

Да того ж починка у чювашенина у Аксарки Сабургозина бортной ухोजей за Волгою рекою по реке (Л. 42) [...] ²⁵мане, а оброк [платил...] ²⁶по батману меду.

Починок Чюла, живут в нем мордва. Пашенные добрые земли тридцать семь чети с осьминою, да перелогу четырнатцеть чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по речке Чюле по обе стороны, да на полянке Медвежье, что подле одного поля и около поль, деветьсот копен. Лес к тому починку тот же, что от Юмралы речки, а владеют сопча розных деревень с татары служилых и яшашных.

А сторонние люди у тех починков были деревни Старой Юмралей служилой татарин Дербыш (Л. 42 об.)

[...] ²⁷деревни староста Тянкей Байгозин

Λ

Деревни Новой Юмралей староста Темейко Бакшиев

ЛЛ

Ишей Агишев

← 2

Бигильда Янгильдин

LL

Утей Янсарин

Y

Янмурза Карабаев

ll

Деревни Анеут Янибек Азаматов

+

Киксей Помин

pl

Каканей Енеев

Y

Сюнчалейко Урусаев

Y

Сюндюк Какаев

Y

Деревни Турмы староста Бекей Байкеев

Y

²⁵ В ркп. утрачено несколько букв.

²⁶ В ркп. утрачено несколько слов. Слово платил восстановлено по смыслу.

²⁷ В ркп. потеряна строка.

(Л. 43) Евгастей Яу[шев] [...] ²⁸

Ахпулат Уразлин

Девкей Уразбахтин

Нанмаско Казеев

Байбарис Янбарисов

В свияжской росписи написано: починки по речке по Хоме починок Климов, починок Араклей, починок Ондрюшин, починок Тлешев, починок Чюрашев. А к тем починкам по смете мяхкие земли написано ко всем вместе сто семьдесят чети, да перелогу и дикова поля сто дватцет чети в поле, а в дву по тому ж, сена деветьсот копен. А по прежнему сыску и по нынешнему письму Осипа Зюзина да подьячего Путила Одинцова те починки стоят порознь, а в них живут во крестьянах латышские и немецкие дети и чюваша.

(Л. 43 об.) [Починок Климов и/или починок Араклей] ²⁹ по речке Ерыкле пашенные мяхкие крестьянские земли девеносто шесть чети, да перелогу тритцет одна четь с осьминою в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по речке Ерыкле по обе стороны и около поль тысяча триста пятьдесят копен.

Починок Чюрашев, а Гришин тож. Князь Аклычевские пашенные мяхкие земли дватцет чети в поле, а в дву по тому ж, сена триста пятьдесят копен вверх по Сехнер речке по одну сторону. А пашут и косят дворовые люди его. Да чювашские пашенные мяхкие земли в том починке сто сорок деветь чети, да перелогу сорок одна четь в поле, (Л. 44) а в дву по тому ж, [сенных покосов с одну] ³⁰ сторону около поль тысяча пятьсот тритцет копен.

Деревня Починок Ондрюшин Малая тож, что по Хоме речке. Пашенные мяхкие крестьянские земли семьдесят чети с осьминою да перелогу дватцет чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по речке по Хоме по обе стороны, да по речке Бучюрле по одну сторону и около поль тысяча триста пятьдесят копен.

Починок Тлешев. Пашенные мяхкие крестьянские земли семьдесят деветь чети с осьминою да перелогу дватцет одна четь с осьминою в поле, а в дву (Л. 44 об.) [по тому ж, сенных покосов] ³¹ [по Хо]ме речке с одну сторону, да около одного поля и по черному кусту тысяча дватцет копен, а пашут и косят на себя.

²⁸ В ркп. утрачено изображение знамени.

²⁹ В ркп. утеряна часть строки, восстановлено по смыслу из содержания документа.

³⁰ В ркп. утеряна часть строки, восстановлено по смыслу из содержания документа.

³¹ В ркп. утеряна часть строки, восстановлено по смыслу из содержания документа.

А лес к тем починкам черной большой, а владеют сопча розных деревень с татары свияжских, чебоксарских и цывильских деревень, которые подошли, а граней в лесу нет.

А сторонние люди у тех починков были и знамена свои приложили.

Утинские волости староста Бахчюра Андусов

Ильбахта Токаев

Чювай Бахтыгильдеев

Бибеш Яндывишин

(Л. 45) Офонасей Пошеев [...] ³². Семен Мурзаев

Собейской волости Досней Пурачкин

Япатушь Яндувов

Пойка Илюшихин

Темрек Булатов

Цывильского уезду деревни Тончи Адабай Аткенов

Евгай Аслымов

В свияжской росписи написано: в починке Тайбичевском пашни мяхкие земли по смете сто пятьдесят чети да перелогу и дикова поля двести чети в поле, а в дву по тому ж, сена тысеча (Л. 45 об.) двести пятьде[сят коп]ен.

А по прежнему сыску Осипа Зюзина да подьячего Путила Одинцова сыскана деревня Таяба. А починок Тайбичевской стоит себе и по нынешнему письму пашут и косят в одних полях на себя.

В деревне Тайбе пашенные крестьянские мяхкие земли и дикова поля пашут от большой степи сто пятьдесят четыре чети с осьминою да перелогу и дикова

³² В ркп. утрачено изображение знамени.

поля от большой же степи пятьдесят две чети в поле, а в дву по тому ж, да бобыли ныне вспахали впервые четыре чети в поле, а в дву по тому ж. Сенных покосов к деревне Тайбе. (Л. 46) по речке Та[йбе ... ко]³³ пен. А лес с одну ст[оро]ну черной боль[шой], а владею[т] сопча иных деревень с татары, которые к тому лесу подошли, а граней в лесу нет.

А по тому лесу бортной ухжей их деревни чюваши Ишпулатка Анисина, Тотайка Янсубина, Акчюрки Зибанеева, а оброк платят в государеву казну по полубатмана меду в Свяжском.

В починке Тайбичевском, что на речке Тайбе ж, пашенные крестьянские мяхкие земли и дикова поля пашут от большой степи сто пятьдесят пять чети да перелогу и дикова поля от большой же (Л. 46 об.) [степи...]³⁴ бобыли ныне вспахали [...]³⁵ две чети в поле, [а] в дву по тому ж. Сенных покосов к починку Тайбичевскому по речке Тайбе и около поль, и на полянке Мусутюбьяке, что подле одного поля, тысеца триста тритцеть пять копен. А лес с одну сторону черной большой, а владеют сопча иных деревень с татары, которые деревни к тому лесу подошли, а граней в лесу нет.

А по тому лесу бортной ухжей их деревни чюваши Алышка Васильева да Акзигитка Маркова, а оброк платят в государеву казну по полубатмана меду в Свяжском.

(Л. 47) [...]³⁶ А сторонние люди были деревни Тайбы и у починка Тай[бин]ского Свяжского ж уезду

Аринские волости да деревни Белой Волошки Бимурзей Янымов

Бибахта Байсубин

Янбахта Кошкелдин

Юрка Айтуганов

Матюшка Янбулатов

Семейка Бичюрин

А дворы тех князь Аклычевских сел и деревень, и починков, и имяне крестьяном и задворным людем и бобылем писаны в первых книгах, как переписываны села (Л. 47 об.) [...] захребетники [...]³⁷ и вотчинные мельницы, и перевозы, и с крестьян денежной оброк писаны в пружних же книгах.

³³ В ркп. утеряна часть строки, некоторые слова восстановлены по смыслу из содержания документа.

³⁴ В ркп. утеряна строка.

³⁵ В ркп. утрачено несколько слов.

³⁶ В ркп. утеряны две строки.

³⁷ В ркп. утеряна строка и часть следующей.

А те князь Аклычевские села и деревни, и починки помесные ль или вотчинные, того написать не по чему. Сказала князь Аклычевская княгини Ишсалтан, что государевы жалованные грамоты послала бить челом государю к Москве.

Да сверх князь Аклычевских деревень и починков сказали в селе (Л. 48) [...]³⁸

По нижним краям листов подписи: К сем книгам в Осипово место Еким Нармотцкой по ево веленью руку приложил. К сем книгам подьячей Путило Одинцов руку приложил.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Казань. Д. 6489. Л. 35–48. Подлинник.

№ 3

1638 г. не ранее января 9. – Выпись с отдельных книг свияжского воеводы Фомы Ивановича Квашина и дьяка Василия Атарского служилым татарам Обращке Алтышеву с товарищами на поместные и оброчные земли, сенные покосы

(Л. 36) [По государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа России воевода Фома Ивано]вич Квашин да дьяк Василей Атарской дали с отдельных книг выпись служилым татаром Свияжскаго уезда деревни Каменнаго Броду Обращку Алтышеву с товарищи.

Для того в нынешнем в 7146-м году генваря в 9-й день бил челом [государю царю и великому кн]язю Михайлу Федоровичу всеа России, а в Свияжском в съезжей избе подали челобитную они, Обращко Алтышев с товарищи, а в челобитной их написано. – В нынешнем де во 146-м году по государеву де указу отказано де им земли..., а и отказные де книги в Свияжском в съезжею избу поданы, а с тех де отказных книг выписи им не дано. И государю б их пожаловати велеть им с тех с отказных книг дать выпись. И в ясачных книгах нынешняго ... написано: сотня князь Аклыча Тугушева в починке на Буле на Каменном Броду за свияжскими служилыми татары за Токбулатком Корклячевым да за Обращком Алтышевым, за Енбайком Янибековым с товарищи на оброке в Свияжском уезде за Булинскими вороты пашни пятьдесят чети, сенных покосов тысяча копен, оброку и пошлин платить по два рубли з гривною на год.

А в от[каз]ных книгах 146-го году Степана Фирсова написано. – Отгранил он, Степан, оброчную землю на оброк и в службу служилым татаром Токбулатку Корклячеву да Обращку Алтышеву, да Акбаик[а Ямбулатов]³⁹ ...тину⁴⁰, да Уразлейку Акбулатову, да Показку Узюбякову, да Сенки Тлевлееву, да Янчурке Чюкаеву, да Арзамаску Ишееву, да Кулайку Досаеву, да Октеганку Утешеву, да Кор[отай]ку Яковлеву, да Сабайку Москов[ову]. Токбулатку Корклячеву, да Об-

³⁸ В ркп. текст утрачен. Сохранились отдельные части слов: ...жил, руку приложил.

³⁹ Восстановлено по смыслу из содержания документа.

⁴⁰ Возможно, написано ошибочно.

рашку Алтышеву в их оклады во сто семдесят чети человеку, Янбайку⁴¹ Янбахтину во сто чети, Янчюрке [Чюка]еву и Ирземаску⁴² Ишееву в их⁴³ [окла]ды в семдесят чети человеку, Кулайку Досаеву, Актуганку Утяшеву, Коротайку Яковлеву, Собайку Московову в их оклады в тридцать чети всякому человеку⁴⁴. А по смете де ево, Степана, тое земли поместной и оброчной на триста чети в поле, а в дву по тому ж, что владели кокшайская черемиса Меншик да Тишка с товарищи. Да к той же земле санных покосов к граням на Большой Лаше на тысячу копен, а грани той земле учинены от деревни Каменного Броду на низ по Буле реке до сосны да до березы на дубовой столб, на нем грань, а под ним зола. А с столба на столб же, на нем грань, под ним камень. А с тово столба вверх по врашку столб, на нем грани. А с столба к острову на дуб, на нем грань. А з дуба на березы на одной грани, а з березы на дуб, на нем грани. А з дуба на одинакую березу, на ней грань. А з березы на дуб, на ней грани, а з дуба по конец острова через вражек, (Л. 36 об.) на нем грани. А з дуба на столб, на нем грани. А с столба на дуб, на нем грани. А з дуба на горелой дуб, на нем грани. А с погорелова дуба на березу, на ней грани. А з березы на два дуба, на одном грани. А з дуба на одинакую березу, на ней грани. А з березы через ржавец на Сухую Лашу, да по Сухой Лаше вверх к острову Сулукуван, на нем ключ. А по конец острова два дуба, на одном грани. А з дву дубов на одинакой дуб, на нем грани. А з дуба через остров на вражек, а у врашка дуб, на нем грани. А з дуба на виловатовую березу, на березе грань. А з березы на одинакой дуб, на нем грани. А з дуба на столб, на нем грани. А с столба ключ, а по конец ключа береза, на ней грань. А з березы на ключ к Буле реке на Каменной Брод, а с Каменного Броду на низ по Буле реке до сосны, а подле сосны береза, на ней грани. А в тех межах по правую сторону земля тех служилых татар Токбулатка Корклячева с товарищи, а по левую сторону тех меж и урочищ земля ясашнаго чувашенина Замятни Чекчимова.

Да в нынешнем во 146-м году били челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руссии, а воеводе Фоме Ивановичу Квашнину да дьяку Василью Атарскому, служилые татаровя они ж, Токбулатка Корклячев да Обращко Алтышев с товарищи, и подали челобитную, а в челобитной их написано. – Припустили де они служилых татар Одея Байбулатова да Воику Курчаеву в ту свою оброчную землю в службу и в оброк. И по государеву цареву и великаго князю Михайла Федоровича всеа Руссии указу служилым татаром Токбулатку да Обращку Алтышеву, да Акбайку Янбулатову, да Уразлейку Акбулатову, да Показку Зюмепкову⁴⁵, да Сенке Тлевлееву, да Янчурке Чюкаеву, Арзамаску Ишееву, да Кулайку Досаеву, да Актуганку Утешеву, да Коротайку Яковлеву, да Собайку Московову, да Одейку Байбулатову и всякими угоды владеть до тех меж покаместа болшие писцы и мерники измереют и учинят за ними по государеву

⁴¹ Выше и далее написано то Акбайка, то Акбайка.

⁴² Так в ркп., выше Арзамаску.

⁴³ При подготовке копии ошибочно было прочтено ыт.

⁴⁴ Так в ркп.

⁴⁵ Так ркп., выше Узюбяков.

указу. А им с тое земли государева служба служитьи и оброк платить по два рубли з гривною на год по вся годы безпереводно.

К подлинной выписи воевода Фома Иванович Квашнин печать свою приложил. На подлинной выписи по скрепам на обороте тако: диак Василей Атарской, справил подьячей Ефрем Косавин.

А что в сей копии оставлены места, то за ветхостию и за выдранием в подлинной слов вписать не с чего.

РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1567. Л. 36–36 об. Копия 1796 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 57–60.
2. Басманцев Д.В. Политика российского правительства в отношении народов Поволжья и Приуралья во второй половине XVI–XVIII веке: некоторые особенности // Исторический опыт нацистроительства и развития национальной государственности чувашского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 99–112.
3. Дмитриев В.Д. Национально-колониальная политика Московского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Чувашского университета. 1995. № 2. С. 4–13.
4. Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.
5. Документы по истории Казанского края (вторая половина XVI – середина XVII в.): сб. документов / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. С. 130–131.
6. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 206 с.
7. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Фонд В.Д. Дмитриева. Отд. I. Ед. хр. 988. Л. 38 об. – 39.
8. Перечневая книга Свияжского уезда: по материалам писцового описания 1646–1652 годов / сост. Д.А. Мустафина. Казань, 2004. 168 с.
9. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. 268 с.
10. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.) Казань, 1909. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archeo73.ru/Russian/16vek/sviyagsk/sviyagsk.htm> (дата обращения: 01.02.2021).
11. Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань: В университетской типографии, 1866. 268 с.

Сведения об авторах: Басманцев Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация). E-mail: basmantsevd@yandex.ru

Кочетков Валерий Дмитриевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Чебоксары, Российская Федерация). E-mail: enzenz@yandex.ru

**FEATURES OF THE COLONIZATION OF THE MIDDLE VOLGA REGION
AT THE END OF THE 16TH – FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY:
ON THE EXAMPLE OF KNYAZ-AKLYCHEVA SOTNYA
OF SVIYAZHISKY DISTRICT**

Dmitriy V. Basmantsev

*Chuvash State Institute of Humanities
Cheboksary, Russian Federation*

Valeriy D. Kochetkov

*Independent researcher
Cheboksary, Russian Federation*

The centenary administration headed by the prince existed in the Sviyazhsky district on a par with other administrative-territorial units. The princes Tugush Devlet Bakhtyev and his son, Aklych Tugushev, were granted estates and the right to govern a hundred for faithful service. This award played an important role in the colonization policy of the Russian state in the district. The appendix to the article contains relevant documents from 1601–1638.

Keywords: prince Tugush Devlet Bakhtyev, prince Aklych Tugushev, Knyaz-Aklycheva sotnya, Sviyazhsky district, colonial policy, Russian state

About the authors: Dmitriy V. Basmantsev – Cand. Sci. (History), Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: basmantsevd@yandex.ru

Valeriy D. Kochetkov – Cand. Sci. (History), Independent researcher (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: enzenz@yandex.ru

**РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО XVII В.
О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

А.И. Ногманов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

В статье анализируются законодательные акты Российского государства, регулировавшие татарское землевладение в XVII в. Отмечается особое внимание законодателей к служилым мурзам и татарам как составной части российского феодального класса. Автор рассматривает конкретные указы о земле, выясняет причины их появления и последствия для татарского населения. Показывает значимость Соборного уложения 1649 г. для истории земельного законодательства, анализирует нормы кодекса, касающиеся непосредственно татар. Им формулируется вывод о том, что положение татарских служилых людей определялось политической конъюнктурой и во второй половине XVII в. их земельные права последовательно ущемлялись.

Ключевые слова: российское законодательство, XVII в., татары Среднего Поволжья, служилые татары, землевладение, поместья и вотчины, законодательные акты

Одной из важнейших функций государства является право формулировать новые нормы жизни общества, издавать законы. Отечественный опыт решения проблем взаимоотношений с народами, населявшими присоединенные к России территории, оставил большой пласт законодательных актов, свидетельствующих о поисках путей определения их правового статуса в многонациональной империи¹.

Среди объектов правового регулирования особым вниманием царского правительства пользовалась сфера землевладения и землепользования. Что неудивительно, поскольку именно земля была главным материальным активом в доиндустриальном обществе. Применительно к татарскому землевладению особый интерес для рассмотрения представляет законодательство XVII столетия как с точки зрения репрезентативности источников, так и важности процессов, протекавших в указанный период.

¹ Кодан С.В. Российское государство и коренные народы: исторический опыт правового регулирования // Российский юридический журнал. 1993. №2. С. 88.

Подобными документами по второй половине XVI в. историки не располагают. Причина этого видится в том, что после завоевания Казанского ханства царское правительство не стало менять сложившуюся здесь систему землеустройства. Перераспределение земельного фонда коснулось преимущественно владений ханов и их приближенных. Они были изъяты в казну, а частью переданы в собственность православным монастырям и русским служилым людям. Большая же часть пашенных земель и иных угодий осталась за прежними владельцами.

В документах поземельного учета второй половины XVI–XVII вв. встречаются прямые указания на то, что описанный в них порядок землевладения и система ведения хозяйства сложились до взятия Казани Иваном Грозным. Так, в писцовых книгах Казанского уезда 1602–1603 гг. письма и меры Ивана Болтина говорится: «По Ногайской же дороге за служилыми татары в поместьях вопче с ясачною чувашею, а владеют отцовскими жеребьи и дядьев и братья поместными. А государевых грамот и выписи с писцовых книг и казанских дач на те поместные жеребьи не клали, а сказали, что владели теми жеребьи отцы и дядья и братья до Казанского и после Казанского взятъя, а они после их теми помесными жеребьи владеют по старине же без дач»². Такое же указание делают писцы при описании землевладения служилых татар Арской, Галицкой и Алатской дорог³.

Сохранение прежнего порядка землеустройства обуславливалось, прежде всего, соображениями безопасности. Тотальное перераспределение земельного фонда грозило волнениями нерусского населения, предотвращение которых являлось приоритетом политики правительства на завоеванных территориях. Стабильность в сфере землевладения обеспечивала своевременное поступление налогов с ясачных людей и лояльность нерусского служилого класса, жившего на доходы с поместий. Кроме того, в структуре землевладения Московского государства и Казанского ханства было много общего в силу схожих природных условий, систем хозяйствования, уровня развития производительных сил. Наконец, к моменту взятия Казани Иваном IV русское поземельное право находилось в процессе трансформации и не имело смысла переносить не устоявшиеся и не оформленные в писаные законы нормы на только что присоединенные территории.

Такие правовые акты появились после воцарения на российском престоле Михаила Романова. Первым по хронологии в этом ряду стоит указ 1615 г., узаконивший земельные приобретения татарских служилых людей периода

² Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 56.

³ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань, 2012. С. 61.

«смутного времени»⁴. Происходили они как посредством пожалований от официальных властей, так и путем самовольного захвата пустующих земель, принадлежавших ранее русским помещикам. Подобная практика получила столь широкое распространение, что законодатели были вынуждены определиться в данном вопросе, издав соответствующий указ. Одновременно были узаконены земельные приобретения русских помещиков⁵. Легитимация коснулась даже земельных пожалований, произведенных «самозванцами». Делалось это в целях сохранения стабильности российского общества и консолидации господствующего класса.

В указе 1615 г. проявилась отличительная черта законодательства XVII в. о татарах – особое внимание к служилой прослойке – князьям, мурзам и служилым татарам. Им адресована большая часть документов указанного периода, представленных в Полном собрании законов Российской империи и других публикациях законодательных актов. Об ясачных татарах, относившихся к тягловому населению, в законодательстве говорится мало. Эта общая тенденция четко прослеживается в указах о земле. Они содержат лишь отрывочные сведения о землевладении ясачных татар, общины которых имели значительные земельные угодья. Зато служилые татары как владельцы поместий и вотчин оставались в поле зрения законодателей на протяжении всего XVII столетия.

Среди ранних законодательных актов выделяется указ 1635 г.⁶, связанный с событиями русско-польской войны 1632–1634 гг., в которой служилые татары принимали активное участие⁷. Неудачный для России ход военных действий стал причиной массового дезертирства из русской армии, уклонения от службы дворян, детей боярских и других категорий ратных людей, находившихся в резерве. Как писал С.М. Соловьев, они «не желали расстаться с теплым, покойным углом и семейством для дальнего, трудного и опасного похода», поэтому многие из них «объявлялись в нетях» (прятались, скрывались)⁸.

Служилые татары не составляли исключения. Указ 1635 г. был адресован «арзамасским мурзам и татарам», которые «не хотя государевы службы служить, поместья свои и вотчины продали, и заложили, и в наем на многие лета

⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв.: Тексты. Л., 1986. С. 86.

⁵ Законодательные акты Русского государства... С. 85.

⁶ Там же. С. 165–166.

⁷ По данным А.В. Чернова, в войске боярина М.Б. Шеина, в 1632–1633 гг. осаждавшем Смоленск, насчитывалось 1667 татар (Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII веках. М., 1954. С. 169). Кроме того, 2619 татар были приписаны к ополчению Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского, которое собиралось в помощь М.Б. Шеину в 1633 г. (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9. С. 269).

⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9. С. 262.

отдали московским и иных городов дворяном, и детям боярским, и всяких чинов людям»⁹. Нежелание служить во многом обуславливалось мотивами экономического характера. По данным Е.И. Чернышева, к середине XVII в. подавляющее большинство служилых татар не имели крепостных. В 1646 г. в Казанском уезде насчитывалось 619 дворов служилых татар-помещиков. Из них 449 помещиков (72,3%) не имели крестьян и бобылей¹⁰. Да и из оставшихся 170 едва ли можно было насчитать 25 человек с более или менее значительными поместьями. Большинство служилых татар располагало земельными угодьями, однако в их собственности было лишь один-два крестьянских двора или два-три дворовых человека, обслуживавших помещика, но не обрабатывавших землю¹¹. Таким образом, владение землей превращалось в обузу, поскольку не приносило материального дохода, однако было связано с обязательствами государству. В этих условиях понятно желание татар каким-либо образом сбыть эту землю, избавившись от обязанности служить, а нередко – погибать за нее.

Правительство беспокоили указанные факты, поскольку оно было заинтересовано в ратной службе служилых татар и их материальном обеспечении. Чтобы избежать размывания татарского землевладения указ 1635 г. запретил «дворянам и детям боярским покупать, принимать и заклад и нанимать поместные земли татар»¹². С формальной стороны данное решение выглядит как забота государства о татарских служилых людях, однако Н.А. Фирсов усматривал в нем ущемление их владельческих прав. Он сравнивал введенные ограничения с тем, что «если бы было узаконено, что платою получаемую за труд нельзя пользоваться на правах полного ее собственника, нельзя на нее приобрести у одних людей то, что у других можно»¹³. Из-за этого земля в глазах татарских помещиков теряла значительную долю своей ценности.

Указы 1615 и 1635 гг. дают скудное представление о состоянии татарского землевладения в первой половине XVII в. Отчасти дело в специфике законодательства того времени, которое «проявлялось почти исключительно в форме отдельных указов, издаваемых по частным случаям»¹⁴. Реальная жизнь была богаче той информации, которая сохранилась в законодательных актах. Обращение к другим видам источников показывает, что одновременно со стремлением части служилых татар избавиться от поместий, шло пополнение

⁹ Законодательные акты Русского государства... С. 166.

¹⁰ Чернышев Е.И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963. С. 182.

¹¹ Там же.

¹² Законодательные акты Русского государства... С. 166.

¹³ Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. С. 110.

¹⁴ Лозина-Лозинский М.А. Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал министерства юстиции. 1897. № 4. С. 144.

данного сословия за счет инфильтрации в него казаков и ясачных людей, получавших поместные дачи.

Наиболее активно раздача земель шла в районах, граничащих с Диким полем. С.Б.Сенюткин описал как это происходило на территории Алатырского, Арзамасского и Курмышского уездов¹⁵. В начале 1640-х гг. массовое испомещение нерусских людей имело место в южной части Свияжского уезда¹⁶, чуть позже – в районах, прилегавших к Симбирской засечной черте¹⁷. Не исключено, что среди получателей новых поместных дач были арзамасские мурзы и татары, упомянутые в указе 1635 г., а также их близкие родственники.

Приоритеты государства в земельном вопросе наиболее полно отражены в Соборном уложении 1649 г. Татарскому землевладению посвящены статьи 41–45 главы XVI «О поместных землях»¹⁸. В их основе лежат ранее упоминавшиеся правовые акты первой половины XVII века. Например, статья 41¹⁹ является переложением указа 1615 г.²⁰ Она окончательно закрепила за нерусскими служилыми людьми «старинные» русские земли, розданные в период «Смуты». Одновременно указывалось «впредь русских людей поместных земель татарам, а татарских земель русским людям в поместье не давать»²¹. По мнению А.Г.Манькова, подобным образом правительство стремилось сохранить и укрепить среди народностей Поволжья позиции местных феодалов как свою опору²².

В статье 43 был актуализирован запрет «всяких чинов русским людям»²³ отчуждать любыми способами (покупкой, меной, арендой и др.) владения татарских князей и мурз²⁴, введенный указом 1635 г.²⁵ Следует отметить, что создатели Уложения расширили сферу действия данной правовой нормы, распространив ее на ясачные земли чувашей, черемисов, вотяков и башкирцев. Тем самым за территорией обитания ясачных народов был закреплен

¹⁵ Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. Нижний Новгород, 2001. С. 102–172.

¹⁶ История Татари в документах и материалах... М., 1937. С. 172–173.

¹⁷ Книга строельная города Симбирска / Под ред. П.Мартынова. Симбирск, 1897; Мартынов П. Селения Симбирского уезда: материалы для истории симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде. Симбирск, 1903.

¹⁸ ПСЗ-И. Т. 1. № 1. С. 80–81.

¹⁹ Там же. С. 80.

²⁰ Законодательные акты Русского государства... С. 85.

²¹ ПСЗ-И. Т. 1. № 1. С. 80.

²² Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 81.

²³ В статье названы бояре, окольные, думные люди, стольники, стряпчие, дворяне московские, дети боярские (ПСЗ-И. Т. 1. № 1. С. 80).

²⁴ ПСЗ-И. Т. 1. № 1. С. 80.

²⁵ Законодательные акты Русского государства... С. 165–166.

статус собственности царя²⁶. Статья 43 главы XVI – единственное место в кодексе, где упоминаются *баширцы*, причем именно как держатели ясачных земель. Это заставляет задуматься о реальном правовом статусе *баширских вотчинных земель* и самих *башир-вотчинников*.

В Соборном уложении 1649 г. получили правовую оценку и другие явления, известные по более ранним законодательным актам. В статье 45 законодатели вновь обратили внимание на уклонение татарских служилых людей от несения службы. Отдельные помещики сознательно принуждали к бегству крестьян, накладывая на них непомерные налоги, а, порой, прибегая к прямому грабежу и насилию²⁷. Поместья приходили в запустение и татары, сдав их русским людям или просто бросив на произвол судьбы, переселялись в другие места. Подобные факты уже описывались в указе 1635 г. Ко времени подготовки Соборного уложения 1649 г. ситуация лишь усугубилась и требовала законодательного решения. В итоге законодатели определили «чинить наказание, что государь укажет» лицам, уличенным в совершении подобных проступков²⁸. Меры наказания закон не устанавливал, как и кары за укрывательство беглых²⁹.

Статьи 41, 43 и 45 главы XVI окончательно оформили существование особого фонда из земель нерусских феодалов. Они, как и ясачные земли, находились под патронажем верховной власти, не могли отчуждаться русскими помещиками. Исключение из этого правила устанавливала статья 44: «... а которые князи и мурзы, и татаровя, и мордва и чуваша, и черемиса и вотяки крестились в православную христианскую веру: и у тех, у новокрещенов поместных земель не отымать, и татарам не отдавать»³⁰. Тем самым закреплялась особая роль православия при решении земельных вопросов. Крестившийся татарин, чуваш или мордвин сохранял свои земельные угодья и переходил в категорию *новокрещен*, по статусу стоявших ближе к русским. В XVII столетии именно новокрещены чаще всего выступали посредниками в земельных сделках между русскими и татарскими служилыми людьми, размывавших татарское поместное землевладение.

²⁶ Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 61.

²⁷ ПСЗ-И. Т. 1. № 1. С. 81.

²⁸ Там же.

²⁹ «... да и тем, у которых мурзы и татары учнут жить в бегах, потому же чинить жестокое наказание, и приказывать им накрепко, чтобы они впредь у себя беглых мурз и татар не держали ни которыми делы» (ПСЗ-И. Т. 1. № 1. С. 81).

³⁰ ПСЗ-И. Т. 1. № 1. С. 81.

Проявления этноконфессионального неравенства внутри российского служилого класса прослеживается и в статье 42 главы XVI³¹. Она предусматривала изъятие у служилых татар так называемых «оброчных земель», арендуемых у государства на определенных условиях. По мнению А.Г. Манькова, целью конфискаций являлось намерение властей передать эти земли русским дворянам в поместье³². Расширяя таким образом русское поместное землевладение правительство сознательно приносило в жертву фискальные интересы казны, поскольку оброчные земли являлись существенным источником денежных поступлений³³.

Таким образом, действия центральной власти в земельном вопросе носили противоречивый характер. Стремление сохранить и укрепить феодальную верхушку народностей Среднего Поволжья как свою опору в регионе диктовалось тактическими соображениями. В стратегическом же плане нерусское землевладение должно было исчезнуть. Включение в Уложение 1649 г. норм, отдававших предпочтение православным помещикам, делало подобную перспективу вполне реальной

Статьи 41–45 главы XVI «О поместных землях» – наиболее примечательное место в Соборном уложении, где татары обособляются в правовом отношении. В целом составители кодекса придерживались линии на не выделение их материальных прав из общей законодательной практики. В случае со служилыми татарами это проявлялось в таких важных сферах как порядок наследования поместий, возможность творить суд и расправу над зависимыми людьми, собирать с них подати и др.

Во второй половине XVII в. правительство постепенно отходит от этой линии, начав с отмены ограничений на оборот земель нерусских феодалов. В Полном собрании законов нет документов 1650–1660-х гг., отражающих развитие этого процесса у татар. Поэтому о размывании принадлежащего им земельного фонда приходится судить по законодательным актам, адресованным «иноземцам»³⁴, по правовому статусу близких к татарским служилым людям.

По именному указу 1651 г. некрещеным вдовам и девкам «иноземкам» разрешили сдавать прожиточные поместья крестившимся родственникам (сыновьям, братьям, племянникам, зятьям), а также в «русские роды»³⁵. Это нововведение нарушало принципы Уложения 1649 г.³⁶, так как открывало

³¹ ПСЗ-И. Т. 1. № 1. С. 80.

³² Маньков А.Г. Уложение 1649 года... С. 64.

³³ Маньков А.Г. Уложение 1649 года... Изд. 2-е, испр. М., 2003. С. 85.

³⁴ Иноземец – то же, что иностранец, человек с иной земли. В XVI–XVII вв. это понятие применялось преимущественно в отношении выходцев из Европы (немцев, шведов, поляков и др.).

³⁵ ПСЗ-И. Т. 1. № 73.

³⁶ Там же. № 1. С. 76, 80.

русским служилым людям возможность претендовать на земли нерусских феодалов.

В 1653 г. «иноземцам» запретили продавать вотчины некрещеным «иноземцам»³⁷. Покупателями отныне могли выступать лишь «русские подданные христианского закона». Данный указ нанес сильный удар и по татарскому вотчинному землевладению. В случае продажи вотчины попадали в руки русских или новокрещен и в перспективе эта форма землевладения у татар должна была исчезнуть. Таким образом, процесс слияния поместий и вотчин, набравший силу во второй половине XVII в., для нерусской части служилого класса носил форсированный характер.

А. Каппелер считает указы 1651 и 1653 гг. первыми шагами по ограничению землевладения некрещеных инородцев. В начале 1660-х гг. упоминание о татарах исчезает из указов об испомещении служилых людей и верстании «новиков»³⁸. Д.А. Мустафина объясняет это тем, что правительство не желало дальнейшего развития и расширения сословия служилых татар, которым не особенно доверяло³⁹.

Ущемлялись даже права лиц, имевших ратные отличия. 20 марта 1667 г. вышел указ, разрешивший участникам русско-польской войны 1654–1657 гг. перевести из поместий в вотчину по 20 четвертей с каждых 100 четвертей поместного оклада⁴⁰. Среди служилых людей, упомянутых в указе, не оказалось татар. В результате они не могли воспользоваться наградой, на которую имели все права. Это упущение было исправлено лишь через пять лет. Указ от 29 марта 1672 г. разрешил романовским мурзам и татарам перевести часть поместий в вотчину, однако татары других мест в документе не упоминались.

Курс на ущемление землевладельческих прав помещиков-мусульман, наметившийся при царе Алексее Михайловиче (1645–1676), получил продолжение в земельном законодательстве Федора Алексеевича (1676–1682). Его правление стало временем тяжелых испытаний для татар, поскольку политику нового царя отличала нетерпимость к представителям иных вероисповеданий. Наиболее явно она проявилась в сфере землевладения и землепользования, где под прессом государства оказались не только татарские служилые люди, но и другие «иноверцы», входившие в российский феодальный класс.

29 марта 1680 г. были приняты «Статьи о вотчинах», изменившие порядок наследования поместий и вотчин. Соборное уложение 1649 г. закрепило приоритет в этих вопросах за ближайшими родственниками, вне зависимости

³⁷ ПСЗ-И. Т. 1. № 113. С. 308.

³⁸ Там же. № 450. С. 824; № 615. С. 1028–1029.

³⁹ Мустафина Д.А. Феодальное землевладение и социальные категории населения в Казанском уезде во второй половине XVII в. С. 64.

⁴⁰ ПСЗ-И. Т. 1. № 404.

от их вероисповедания. Теперь же крещеные родственники обладали правом первенства перед некрещеными, даже более близкими по степени родства⁴¹.

Мощным ударом по владельческим правам татарского служилого сословия стал именной указ от 16 мая 1681 г.⁴² – наиболее яркий в XVII в. пример антимусульманских настроений в русской правящей элите. Известный миссионер А.Ф. Можаровский рассматривал данный документ как «решительную меру правительства об отобрании раз и навсегда у некрещеных помещиков и вотчинников поместий и вотчин, населенных православными крестьянами»⁴³.

Указ санкционировал изъятие у мурз и татар «низовых городов» поместий и вотчин с православными крестьянами на том основании, что «мурзы и татарове в поместьях своих и в вотчинах крестьянам чинят многие налоги и обиды, и принуждают их к своей бусурманской вере и чинят осквернение»⁴⁴. Конфискованные крестьяне должны были отныне «изделии делать и подати платить на великого государя»⁴⁵. Необходимо отметить, что поводом для конфискаций стали не провинности служилых татар, что воспринималось бы естественным образом и соответствовало законодательной практике того времени, а сугубо религиозные мотивы. Указ от 16 мая 1681 г. давал татарским помещикам возможность сохранить зависимых людей при условии принятия православной веры. Стимулом к этому являлось денежное вознаграждение, выдаваемое крестившимся: татарским мурзам – 10 руб., их женам – 5 руб., детям – 2,5 руб. Вдвое меньшее жалованье ожидало неродовитых служилых татар и их домочадцев⁴⁶.

По указу 24 мая 1681 г. поместья, изъятые у помещиков-мусульман, передавались их крестившимся родственникам и землякам⁴⁷. Под угрозой конфискации земли и высылки в другие регионы многие служилые мурзы и татары приняли христианство. В их числе были представители татарских княжеских родов, проживавших в Темниковском, Кадомском, Шацком и Керенском уездах (Еникеевы, Мамлеевы, Ишеевы, Енгальчевы, Кугушевы, Девлеткильдеевы, Кашаевы и др.). Крестившиеся татарские помещики с разной степенью успеха стремились закрепить за собой родовые поместья, однако многие из них в итоге попали к посторонним людям⁴⁸.

⁴¹ ПСЗ-И. Т. 2. № 814. С. 257–258.

⁴² Там же. № 867. С. 312–313.

⁴³ Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880. С. 34.

⁴⁴ ПСЗ-И. Т. 2. № 867.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. № 870.

⁴⁸ История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С. 176.

Дальнейшее наступление на владельческие права татарских феодалов прервала ранняя смерть Федора Алексеевича⁴⁹. После восшествия на престол Ивана и Петра Алексеевичей, от имени которых правила царевна Софья Алексеевна, состоялся указ от 29 мая 1682 г. о возвращении мурзам и служилым татарам половины конфискованных поместий и вотчин⁵⁰. 13 июля того же года «великие государи» пожаловали татар «другою половиной» имений, за исключением уже розданных новым владельцам⁵¹.

Столь кардинальный поворот в земельной политике объясняется тем, что в 1681 г. в Приуралье вспыхнуло восстание нерусских народов, поводом к которому считается указ 16 мая 1681 г.⁵² Воспоминания о «разбойнике» Степане Разине были еще свежи в российских правящих кругах и дальнейшее давление на мусульман грозило обострением ситуации в местах их проживания.

Тенденция к восстановлению былых правовых традиций проявились в именном указе «О не даче русским помещикам оброчных, ясашных, покидных татарских земель в поместье» от 20 октября 1682 г.⁵³ Указ запрещал помещение русских служилых людей на запустевших землях коренных народов Среднего Поволжья. Оброчные и ясачные земли надлежало передавать «чуваше и мордве, и татаром на оброк», а «поместные покидные земли в поместье мурзам и татаром по Уложению»⁵⁴. Тем самым власть продемонстрировала намерение вернуться к законодательной практике середины XVII в., подтвердив заинтересованность в услугах татарских служилых людей, боеспособность которых определялась их материальным положением⁵⁵.

Важным шагом в данном направлении стал указ от 17 марта 1686 г.⁵⁶ Он установил новый порядок наследования поместий и вотчин, принадлежавших некрещеным мурзам и татарам:

1. После смерти некрещеного татарина в первую очередь ему наследовали некрещеные дети и внуки.

2. После детей и внуков право наследования переходило к другим некрещеным родственникам.

3. После некрещеной родни, если таковой не было, право наследования переходило к крещеным родственникам.

Таким образом, указ от 17 марта 1686 г. признал первенство некрещеных родственников перед крещеными, что соответствовало положениям Соборно-

⁴⁹ 27 апреля 1682 г.

⁵⁰ ПСЗ-I. Т. 2. № 923. С. 403.

⁵¹ Там же. № 944. С. 456.

⁵² Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 151–152.

⁵³ ПСЗ-I. Т. 2. № 959. С. 471–472.

⁵⁴ Там же. № 923. С. 403.

⁵⁵ Служилые мурзы и татары, а также их дворовые люди, снаряжались за свой счет.

⁵⁶ ПСЗ-I. Т. 2. № 1179. С. 759–760.

го уложения 1649 г., однако полного возврата к прежним правовым нормам не произошло. Закон исключал возможность передачи поместий и вотчин в руки помещиков-единоверцев после смерти всех родственников-мусульман, предписав «челобитчикам-чужеродцам, мурзам и татарам некрещеным, таких поместий и вотчин, мимо новокрещенов не отдавать, чтобы такие поместья из роду новокрещенов не вышли»⁵⁷.

Последним из законодательных актов XVII в., регулировавших татарское землевладение, стал указ от 20 марта 1688 г.⁵⁸ Он запретил раздавать в поместья «московского чина людям» татарские земли в «заказных городах», чьи названия не были упомянуты в документе. Возможно, под ними понимались города, в которых испомещались служилые мурзы и татары после падения Казанского ханства (Касимов, Темников, Романов). Исключение было сделано для новокрещен, «которые крестились из мурз тех же городов» и в награду за крещение были записаны «в московском чину». Им разрешалось наследовать поместья родственников, однако запрещалось их продавать, менять или сдавать в аренду кому-либо из русских или новокрещен других городов⁵⁹.

В целом для татарского землевладения XVII столетие отмечено последовательным наступлением государства на права помещиков-мусульман. В 1650-х гг. этот процесс активизировался, достигнув максимума на рубеже 1670–1680-х гг. Принцип неделимости земель нерусского населения Среднего Поволжья, закрепленный в Соборном уложении 1649 г., нарушался последующими указами. Поместья и вотчины служилых мурз и татар свободно переходили в руки русских служилых людей. Несмотря на смягчение земельной политики в правление Софьи Алексеевны, полного возврата к ситуации конца 1640-х гг. не произошло. Были лишь устранены перегибы, имевшие место при царе Федоре Алексеевиче.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.
2. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв.: Тексты. Л., 1986.
3. История Татарии в документах и материалах. М., 1937.
4. Книга строельная города Симбирска / Под ред. П.Маргынова. Симбирск, 1897.

⁵⁷ ПСЗ-И. Т. 2. № 1179. С. 759–760.

⁵⁸ Указ царей Ивана и Петра Алексеевичей с Боярским приговором о «О не справе за русскими людьми поместий и вотчин в заказных городах» (ПСЗ-И. Т.2. № 1287. С. 916–917).

⁵⁹ Там же.

5. Кодан С.В. Российское государство и коренные народы: исторический опыт правового регулирования // Российский юридический журнал. 1993. №2.
6. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань, 2012.
7. Лозина-Лозинский М.А. Кодификация законов по русскому государственно-му праву // Журнал министерства юстиции. 1897. № 4.
8. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980.
9. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Изд. 2-е, испр. М., 2003.
10. Мартынов П. Селения Симбирского уезда: материалы для истории симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде. Симбирск, 1903.
11. Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880.
12. Мустафина Д.А. Феодальное землевладение и социальные категории населения в Казанском уезде во второй половине XVII в.: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1985.
13. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань, 2012.
14. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 1–2.
16. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. Нижний Новгород, 2001.
17. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9.
18. Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.
19. Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII веках. М., 1954.
20. Чернышев Е.И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963.

Сведения об авторе: Ногманов Айдар Ильсурович – кандидат исторических наук, заведующий отделом историко-культурного наследия народов Республики Татарстан, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: nogmanov_a@mail.ru

**RUSSIAN LEGISLATION OF THE 17TH CENTURY
ON LAND TENURE OF THE TATAR POPULATION
IN THE MIDDLE VOLGA REGION**

Aydar I. Nogmanov

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article analyzes the legislative acts of the Russian state that regulated Tatar land ownership in the seventeenth century. The author notes the special attention of the legislators paid to the service Murzas and Tatars as an integral part of the Russian feudal class. He examines specific decrees on land, finds out the reasons for their appearance and the consequences for the Tatar population. The study shows the significance of the Council Code of 1649 for the history of land legislation and analyzes the norms of the code directly related to Tatars. It concludes that both the position of the Tatar service people was determined by the political situation and their land rights were consistently infringed in the second half of seventeenth century.

Keywords: Russian legislation, seventeenth century, Tatars of the Middle Volga region, service Tatars, land ownership, estates and patrimony, legislative acts

About the author: Aydar I. Nogmanov – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Historical and Cultural Heritage of Peoples of the Republic of Tatarstan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: nogmanov_a@mail.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ВЛАДЕНИЯ УГОДЬЯМИ
ЯСАЧНЫМИ ЛЮДЬМИ ЕНИСЕЙСКОГО
И КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДОВ В XVII–XVIII ВВ.**

П.Н. Барахович

*ООО «Научно-производственное объединение
«Археологическое проектирование и изыскания»
Красноярск, Российская Федерация*

Целью работы является изучение правового режима угодий ясачных людей Енисейского и Красноярского уездов, а также правоприменительной практики, касающейся защиты и перехода прав на угодья. Основой источниковой базы статьи послужили документы, выявленные среди столбцов и книг Сибирского приказа (описи 1 и 3 фонда 214 РГАДА), а также грамот Коллегии экономии (фонд 281 РГАДА). Результатом работы стало введение в научный оборот новых данных о статусе угодий (пригодной под пашню земли, «покосов», водных объектов) аринцев, качинцев, весловцев и ангарских тунгусов. В частности, иноземцы имели право защищать свои земли от посягательств, а также отчуждать свои владенья, поступаясь ими в монастырь.

Ключевые слова: Красноярск, Енисейск, аринцы, качинцы, весловцы, тунгусы, угодья, ясак

Распространение русской власти на земли в районе среднего течения Енисея и вдоль его правого притока Ангары (Верхней Тунгуски) произошло в первой трети XVII столетия. Здесь были созданы Енисейский (в 1619 г.) и Красноярский (в 1628 г.) уезды, а коренные жители (енисейские остяки, приангарские тунгусы, буряты и тюркоязычные народности, которых именовали «татарами») становились подданными русского царя и вовлекались в ясачный платеж.

Территории обоих уездов обладали тесными связями административного, экономического и этнополитического характера. В 1629–1677 гг. они входили в состав Томского, в 1678–1708 гг. – Енисейского разряда, более полувека в течение XVIII столетия являлись частями Енисейской провинции Тобольской губернии. Важнейшую роль в экономике уездов играли пушной промысел (осуществлявшийся русскими промышленниками и ясачными людьми), торговля местными и привозными товарами, солеварение и земледелие (В.И. Шунков пришел к выводу, что к концу XVII в. Енисейский земледельческий район, где насчитывалось 2,5 тыс. хозяйств и 7,5 тыс. десятин пахотной земли, был в Сибири вторым по размеру после Тобольско-Верхотур-

ского)¹. В XVIII значение торговли (особенно китайскими товарами) и земледелия существенно возросло, а пушного промысла – снизилось (из-за истощения природных запасов пушнины).

Ряд народностей, ставших енисейскими и красноярскими ясачными людьми, до прихода русских были киштымами киргизов и тубинцев, кочевавших неподалеку от места слияния Белого и Черного Июсов, вдоль рек Абакан, Уйбат, Ерба, а также у устья правого притока Енисея р. Тубы (Упсы). Поэтому на протяжении почти всего XVII столетия Красноярский уезд испытывал сильное военное давление киргизских и тубинских улусов, а также их «владетелей» – монгольских алтын-ханов и джунгарских тайшей. Это обстоятельство крайне отрицательно сказывалось на жизни ясачных людей и препятствовало русскому продвижению на юг региона.

В настоящей работе на основе ряда документальных примеров мы попытаемся, насколько это позволяют источники, рассмотреть правовой режим угодий (земель и водоемов) ясачных людей, а также изучить правоприменительную практику, касающуюся защиты и перехода прав на эти угодья.

Выдающиеся ученые XVIII–XX вв. (например, Г.Ф. Миллер, С.В. Бахрушин, Б.О. Долгих, А.П. Павлов) в своих фундаментальных работах затрагивали политическую, экономическую, социальную историю иноземцев (коренных народов) Приенисейского края². К истории правового режима угодий ясачных людей данной территории они не обращались.

Вопрос о владении угодьями иноземцами Западной Сибири затрагивал П.Н. Бучинский на примере разрешенного в пользу ясачных людей земельного спора с пашенными крестьянами в Туринском уезде (1639, 1640 гг.)³. Еще более яркий случай, касающийся уже Восточной Сибири, описывал В.Н. Шерстобоев. В 1691 г. служилые люди, переселенные на постоянное жительство из Енисейска в Баргузинский острог, были переведены из Забайкалья в

¹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: АН СССР, 1956. С. 251.

² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Восточная литература, 2000. С. 14–75. Миллер Г.Ф. История Сибири Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. С. 39–64. (Также см. соотв. документальные приложения в обоих томах.) Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. Очерки истории Красноярского уезда в XVII в. М.: АН СССР, 1959. С. 28–60. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР, 1960. С. 183–276. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск: Красноярский рабочий, 1972. С. 352–408. В работе П.Н. Павлова следует обратить внимание на обширное приложение, где показана доля ясачной пушнины. Книгу А.П. Окладникова о западных бурят-монголах мы здесь не упоминаем, т.к. наш документальный материал не связан с историей бурят.

³ Бучинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. М.: Вече, 2012. С. 306. Первое издание книги – 1889 г.

Иркутск, поскольку обустройство пашен могло повлечь причинение ущерба лесам, в которых добывалась пушнина⁴.

С 1950-х гг. фрагментарные сведения о правах на угодья иностранцев были осмыслены в рамках небезынтересной концепции «государственного феодализма». В.И. Шунков отмечал, что государство, являясь собственником земли, «требовало за использование этой земли ренты продуктами – пушниной»⁵. П.Н. Павлов развил эту идею, отметив, что «обратной стороной феодальной ренты за пользование землей является обязательное обеспечение ясачных платежей землями, закрепление за ясачными людьми охотничьих угодий»⁶.

Почти все документы, использованные в настоящей работе, были обнаружены нами в столбцах и книгах Сибирского приказа (Оп. 1 и 3 фонда 214 РГАДА) и среди грамот Коллегии экономии (фонд 281 РГАДА). Они касаются угодий красноярских «подгородних татар» (аринцев, весловцев и качинцев), а также ангарских тунгусов.

Среди учтенных в работе источников только два документа были опубликованы. Первый – это грамота 1651 г. из Сибирского приказа енисейскому воеводе о запрещении енисейцам селиться в Красноярском уезде, которая опубликована в качестве приложения ко второму тому «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Второй – это «данная выпись» Красноярской воеводской канцелярии 1756 г. игуменье и крестьянам енисейского Рождественского монастыря на землю и сенные покосы, частично опубликованная А.Н. Абдыкалыковым и В.Я. Бутанаевым (на документ обратил внимание этих исследователей известный красноярский историк проф. Г.Ф. Быконя)⁷.

Документальный материал из Ф. 214 РГАДА выявлен путем сплошного просмотра значительного количества единиц хранения, относящихся к «граммотам воеводского управления» и «челобитным делам» (по терминологии Н.Н. Оглоблина) Енисейского и Красноярского уездов. Заметим, что на настоящий момент сохраняется вероятность обнаружения новых документов по избранной тематике. Кроме этого, к сожалению, из-за ветхости не все материалы Ф. 281 РГАДА доступны для исследователя. Таким образом, источни-

⁴ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. С. 553. Первое издание – 1949 г.

⁵ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия в Сибири. XVII век. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 362.

⁶ Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск: Красноярский рабочий, 1974. С. 9.

⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Восточная литература, 2000. № 473. С. 622, 623. Абдыкалыков А., Бутанаев В.Я. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII века. Абакан: УПП «Хакасия», 1995. С. 222–227. Документ опубликован не полностью, без обозначения по тексту листов подлинника и с ошибками (например, касаясь размера выделенной крестьянам земли), и поэтому мы здесь пользуемся подлинником.

ковая база данной работы носит фрагментарный, иллюстративный характер и поэтому настоящая статья может считаться только небольшим наброском.

Перед тем как перейти к рассмотрению юридической практики, следует коснуться основ государственной политики в отношении ясачных людей, без понимания которых, на наш взгляд, сложно разобраться в статусе угодий, принадлежавших иноземцам. Для этого необходимо обратиться к наказам енисейским и красноярским воеводам XVII столетия, являвшимися основными документами, которыми руководствовались сибирские администраторы. Наказы составлялись в Сибирском приказе (до 1637 г. – в приказе Казанского дворца) для каждого воеводы индивидуально, поскольку регулярно возникала необходимость включения в их тексты законодательных «новелл». К концу века указы были довольно пространными документами. Например, наказ енисейскому воеводе стольнику С.В. Коробьину 1690 г. написан на 86 листах одного столбца.

В наказах воеводам предписывалось «призывать и приводить» в государево подданство «новые земли» и собирать там ясак «ласкою, а не жесточью». Для сбора ясака надо было посылать только тех служилых, «которые были б добры и не воры». Причем, требовалось их тщательно контролировать, привлекая к такому контролю ясачных людей. Например, если иноземцы сами приносили «мягкую рухлядь» в государеву казну, воевода обязан был их расспросить о злоупотреблениях служилых людей в ясачных волостях.

Интересы государевой казны побуждали служилых людей постоянно «приискивать» новых ясачных плательщиков даже в волостях, которые давно находились под «рукой» царя. При этом, существовали возрастные ограничения, согласно которым надлежало в ясак «захребетников писати, которые б были в пятьдесят, и в сорок, и тридцать, и в двадцать, а меньши осьмнатцати лет в ясак не писати».

«Складывать» ясак можно было в исключительных случаях (если ясачный человек был «стар», «мал», «увечен») на основании челобитных ясачных людей и после воеводского досмотра. Подобная процедура действовала и при отсрочке уплаты ясака.

Наказы предписывали воеводам «правежем... ясашные и поминочные мягкие рухляди не править, чтоб тем ясашных людей не оскорбить». На фоне повсеместного применения телесных наказаний к русскому населению за неплату долгов эта норма выглядела привилегией.

В XVII – начале XVIII вв. существовала сложная процедура крещения иноземцев, когда воевода должен был выяснить, «своею волею» ли они хотят принять христианство. Новокрещенов-мужчин полагалось верстать в службу, а «жонок» выдавать замуж за русских. Воеводам, подьячим и служилым людям запрещалось держать на своем дворе новокрещенов в качестве слуг.

Правительство было настолько заинтересовано в получении пушнины, что требовало от воевод не принимать ясак деньгами. Если иноземцы прино-

силы вместо пушнины деньги, то они должны были покупать мягкую рухлядь на гостином дворе и сдавать ее в казну (заметим, что в Енисейском уезде уже в последней трети XVII в. были случаи уплаты ясака деньгами вместо мехов).

Если на ясачных нападали «воинские люди» враждебных народностей, то воевода должен был немедленно посылать служилых людей на выручку⁸.

Ясак обеспечивался выдачей иноземцам «жалованья» (медными котлами, оловянной посудой, одекуем, тканями, государевым «вином» и др.), а также пребыванием у русских аманатов («закладов») из числа «лучших» (наиболее уважаемых, знатных) иноземцев.

Многие нормы наказов XVII в., касающиеся управления ясачными людьми, сохранялись и в следующем столетии вплоть до реформы 1763 – 1769 гг.⁹ В начале XVIII столетия принципиальным новшеством стала политика по массовому крещению иноземцев (начала проводиться с 1707 г.)¹⁰.

С.В. Бахрушиным было убедительно показано, что далеко не всегда нормы наказов, касающиеся ясачных людей, исполнялись как следует¹¹. Однако, линия центральных властей, отразившаяся в наказах, становится понятной, если обратить внимание на долю ясачной пушнины в казенной «мягкой рухляди». Так, по подсчетам П.Н. Павлова, в Енисейском уезде за 1621 – 1690 гг. таможенный «десятинный сбор» дал 169 тыс. соболиных шкурок, а ясачный сбор – 240 тыс. (источниковая база не позволяет измерить общий приход сибирской пушнины в тот период). В 1757 г. по всей Сибири таможенный сбор пушниной составлял в денежном эквиваленте 36488,4 руб., ясачный – 107372,35 руб., в 1760 г. 22030,18 руб. и 73481,57 руб. соответственно¹².

Теперь мы можем перейти к обзору истории угодий «татар» Красноярского уезда.

⁸ Наказы воеводам Енисейска см. Барахович П.Н. Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж.В. Кондыреву 31 января 1631 года. // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2018. Т. 17, № 1: История. С. 91–103. Наказ С.В. Коробьину 1690 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1175. Л. 19–105. Наказ воеводе Красноярского острога Ф.М. Мякинину от 21 января 1635 г. см. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 166. Л. 3–38 (листы идут в обратном порядке).

⁹ Рафиенко Л.С. Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. // Археографический ежегодник за 1973 год. М.: Наука, 1974. С. 63–65. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. С. 288, 289. Реформой отменялась система аманатов в Сибири и официально разрешалась уплата ясака деньгами.

¹⁰ Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. С. 121.

¹¹ См. специальную работу о ясаке в Сибири. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М.: АН СССР, 1955. С. 49–85.

¹² Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск: Красноярский рабочий, 1972. С. 112, 113, 368, 369.

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов наиболее раннее известие о владении угодьями ясачными Красноярского уезда содержится в отписке красноярского воеводы А.А. Бунакова 158 (1649/50) г. (получена в Москве 13 декабря 1650 г.). Воевода писал, что «в прежних... годах, как Красноярский острог стал», ясачные аринские и весловские «татары» «рыбными и бобровыми речки и всякими угодья владели вниз по Енисею реке по нижней конец Сполошного лугу по Укшатке речке по обе стороны Енисея реки» (эта местность около совр. с. Курбатово Казачинского района Красноярского края располагалась вблизи северной границы угодий красноярских «подгородних татар»). На близлежащих землях стали селиться жители соседнего Енисейского уезда, вследствие чего соболиной ясачной казне начал «чинитца недобор». На воеводскую отписку Сибирский приказ отреагировал грамотой енисейскому воеводе с повелением «в Красноярском уезде енисейским всяким людем деревнями строитца не велеть»¹³.

Спустя совсем немного времени, 25 июля 1653 г. ясачные люди подали красноярскому воеводе М.Ф. Скрыбину челобитную с жалобами на действия енисейцев (ее содержание было изложено в воеводской отписке, полученной в Москве 26 ноября того же года). Согласно документу, трое аринцев, Улчик Алдумов, Коянка Тотымов и Федька Кытемышев жаловались на жителей Енисейского уезда (промышленных, гулящих людей, пашенных крестьян, ясачных остяков и тунгусов), что выловили в принадлежавших им речках «без остатку» всех бобров, из-за чего «татары» не могли уплатить ясак. Иноземцы говорили, что владели «изстари на в землях своих в Красноярском уезде бобровыми речками» и каждый из них указал собственные водоемы «по их татарской зови». Улчику принадлежали речка Укшат (находилась ниже порога, именуемого в наше время Казачинским, ее можно отождествить с Укшаткой), Тулкун и Оибиндак. Коянка владел «вершиной» р. Кеть (притока Оби), вместе с впадавшими в нее речками Тастун, Тырбун, Кондат, Юрек и Колтем. (Видимо, в современный период сохранились созвучные названия таких притоков Кети как Тургун и Кельтом.) Федька владел речками Улкунсат, Биркисат, Баспан и Коитан¹⁴.

До подачи челобитной иноземцами красноярские воеводы писали в Енисейск о «татарских обидах», однако, не добились управы. Поэтому в рассматриваемой отписке М.Ф. Скрыбин просил Сибирский приказ разрешить ему «имать» енисейцев на «татарских речках» и приводить для «государевой росправы в Красноярской острог». «Разрешая» просьбу Скрыбина, приказ напра-

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 381. Ч. 2. Л. 506, 507, 506 об. Копия документа см. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Восточная литература, 2000. № 473. С. 622, 623. Копиист, работавший для Г.Ф. Миллера, допустил ошибку, написал «Сполошного лесу» вместо «Сполошного лугу».

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 446. Ч. 2. Л. 416, 417.

вил енисейскому воеводе А.Ф. Пашкову грамоту, которой запретил жителям Енисейского уезда добывать зверя в соседнем уезде, чтобы «государеву ясаку убыли не было»¹⁵.

Из-за роста русского населения Красноярского уезда во второй половине XVII в., обострился вопрос об угодьях ясачных людей. Его разрешением занимались воевода стольник П.С. Мусин-Пушкин и его сын Ф.П. Мусин-Пушкин, руководивший описанием земель уезда на рубеже XVII и XVIII столетий (он же занимал должность второго красноярского воеводы). В дозорной книге, ставшей итоговым документом этой работы, содержится дело об отводе аринцам угодий по р. Бузим и о земельном споре между ними и русскими людьми.

11 декабря 1701 г. группа аринских «татар» во главе с «ясаулом» Абалком Арыпкаевым подали в красноярский приказной избе челобитную, в которой говорилось, что «в прошлых годах» по царскому указу их «дедам и отцам и им для пропитания, и для пашни, и сенных покосов, и рыбных ловель, и всяких угодей» была дана земля, простиравшаяся вдоль русла Енисея от деревни сына боярского «Айкана Иванова»¹⁶ (находилась чуть ниже устья речки Айканки, впадающей с левой стороны в Енисей) до Спасской Надпорожной слободы (ныне – д. Порог Казачинского района Красноярского края) и с востока на запад – от Надпорожной Слободы до верховьев реки Кеть. Это был внушительный кусок Красноярского уезда, протяженностью вдоль берега Енисея порядка 150 км, а от д. Порог до русла Большой Кети около 80 км.

«Татары» говорили, что на их земле «умножилось» русское население, которое не дает им «юртишками стоять и пашни пахать» (аринцы выращивали «курлык», род гречихи). Они просили дать «данную» (правоустанавливающий документ) на два «порозжих» (свободных) участка. Один находился «от усть речки Колы по речке Бузиму вверх по обе стороны до Лиственого броду» (возможно, до устья левого притока Бузима р. Листвянки). Северная граница участка доходила до «аринского нижняго Мымьюля» (возможно, р. Мингуль, притока р. Подъемной). Второй участок простирался вверх по притоку Бузима речке «Мымьюлю» (совр. р. Минжуль)¹⁷.

Воевода принял челобитную и приказал красноярскому сыну боярскому Петру Рачковскому вместе с подьячим «ту землю... описать, по урочищам измерять и розыскать, у ково та земля не в дачах». 11 июля 1702 г. Рачковский отправился на север уезда и после возвращения подал в приказной избе «доезд». Согласно «доезду», земля вдоль Бузима от речки Колы до «Лиственого броду» имела протяженность «верст на пять». На этом основании можно

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 446. Ч. 2. Л. 416 об.

¹⁶ Здесь имеется в виду киргиз по происхождению красноярский сын боярский Иван Архипов Айкан.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1504. Л. 116, 116 об.

предположить, что название «Кола» в те времена могло принадлежать притокам Бузима р. Алырчиковой или р. Матаниной (их устья находятся вблизи друг от друга и на расстоянии 8–9 км от устья Листвянки). Земля «в дачах ни у кого не явилась», однако, служилый человек Левка (Леонтий) Матонин оспорил небольшой участок около устья Колы, протяженностью вдоль одного берега Бузима «в версту» и вдоль противоположного – «с полверсты».

Еще 22 июня 1699 г. Левка и Кузька Матонины во главе группы служилых и посадских людей подали в Красноярске челобитную об отводе земель вдоль правого течения р. Бузима. В приказной избе им была выдана «память вместо данной», согласно которой Ф.П. Мусин-Пушкин должен был досмотреть «новоприисканную» землю и опросить о ней «окольных людей». Если об обследуемой земле не было никакого «челобитья» (спора), она «лежала в пусте» и «никто тою землею по крепостям и без крепостей» не владел, участок не находился «в ясачных соболиных и всяких звериных урочищах», то его следовало отдать Матониным «с товарищи». Таким образом, «крепость» («память») представляла собой «заявление о намерениях» со стороны властей отвести землю челобитчикам при наличии определенных условий¹⁸.

Исполнение воеводского намерения затянулось. Только 21 мая 1701 г. «против вышеписанной... памяти» была опрошена группа пашенных крестьян и служилых людей из деревни Бузимской, которые заявили, что «тою их землею им, Леонтью с товарищи, владеть мочно»¹⁹.

17 июня 1702 г. аринцы подали вторую челобитную, утверждая, что в «розыске служилые люди и пашенные крестьяне сказали неправду, бутто та земля лежит впорозже». Иноземцы, прося разрешить спор, настаивали, что та «земля в их татарской волости исстари, деды и отцы их и они на той земли кочуют и кормятца и всякой зверь промышляют».

После второго челобитья иноземцев воеводы приказали «положить дело на судейской стол». При разрешении спора они руководствовались наказом, полученным в 204 (1695/96) г. и государевыми грамотами, направленными в Красноярск в 170 (1661/62) г. и 182 (1673/74) г. (в дело выписали некоторые нормы из этих документов). Было учтено правило наказа, согласно которому воевода обязывался «чинить во всяких государевых делах со всяким радетьельным страданием и меж всякого чина людьми правду и росправу со всяким радением неоплошно и к иноземцом ласку, чтоб они великому государю были верны и ясак в казну... платили охотно». Грамотой 170 (1661/62) г. предписывалось «ясачных людей оберегать накрепко, чтоб однолично от ясачных зброщиков и от всяких чинов русских людей иноземцам никакова разорения и убивства, и налоги не было, и... ясачному и десятинному и всякому збору недобор и порухи никакой не учинилось». По грамоте 182

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1504. Л. 117–118.

¹⁹ Там же. Л. 118 об.

(1673/74) г. следовало «во всех сибирских низовых городах и острогах строить остроги и слободы и всякие от воинских людей крепости на порозжих местах, где б ясачных людей звериных и всяких промыслов не было и тем их, ясачных людей, теснить и... ясачному десятинному и всякому збору недобор не учинить»²⁰.

19 июня 1702 г. воеводы «приговорили», чтобы аринцам «тою землею пашнею и сенными покосы и всякими угодья владеть и дать им на ту землю со всего дела даную впредь для владенья, а Левке Матонину с товарищи владеть, которая земля пашня и сенные покосы и всякие угодья остались за их, татарскою дачею, потому что той остаточной земли против их окладов будет и сверх их окладов в лишке»²¹. Следовательно, воеводская администрация заняла в споре сторону аринцев несмотря на то, что Левка Матонин «с товарищи» стали претендовать на землю несколько раньше.

Первая половина XVIII в. принесла народностям Красноярского уезда много перемен. В 1703 г. джунгарский хан переселил три киргизских улуса в район своей ставки (урги). В результате русское влияние распространилось на всю Минусинскую котловину и сопредельные ей области. После возведения в 1707 г. Абаканского острога бывшие киргизские киштымы шертовали русским.

На освободившиеся после киргизов земли начали переселяться красноярские «подгородние татары». Этот процесс происходил на фоне роста русского земледельческого населения Енисейского и Красноярского уездов, которое своей хозяйственной деятельностью мешало местным иноземцам вести пушной промысел. В 1730-х гг. аринцы уже не были отдельной народностью, поскольку к тому времени их улусы влились в состав «Качинской землицы» (например, согласно учетным документам, среди качинцев числился улус, называвшийся по имени современника основателей Красноярска аринского князца Татуша Алыбаева)²².

Перемещения иноземцев в Красноярском уезде сказались на судьбе принадлежавших им угодий. Это хорошо видно из дела о наделении монастырских крестьян землей, материалы которого включены в «данную» 1756 г. игуменье енисейского Рождественского монастыря Марфе Черницыной с «сестрами» и монастырским крестьянам Петру Чупрову «с товарищи» (крестьян в этом земельном деле представлял выборный человек Григорий Деминов). (Всего в монастырских владениях на тот момент числилось 280 чел. мужского пола).

Согласно этому документу, еще 29 октября 1741 г. в Енисейской провинциальной канцелярии разбиралось дело по прошению крестьян Рождественского монастыря о даче «в прибавок под пашню и под сенные покосы, и под скотин-

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1504. Л. 119–120 об.

²¹ Там же Л. 121.

²² РГАДА. Ф. 199. Д. (Портфель) 482. Ч. 5. Л. 65–67 об.

ной выпуск порозжей земли», находившейся по рекам Большему, Малому Бузимам и Миндерле (вероятно, Малым Бузимом назван совр. Сухой Бузим).

«Обыск» об этой земле проводил енисейский дворянин Иван Томилов, который в ходе опроса ясачных «татар» Качинской земли ясаула Кинчина Окунева «с товарищи» (часть из которых была новокрещенами) установил, что у них есть на Миндерле «бобровые гнезда», а на Малом Бузуме – «стойбы». Причем, в ходе «обыска» иноземцы не предоставили никаких документов на угодья и «к писменной скаске упрямством своим неведомо для чего... рук не приложили». В то же время, жители Подпороженского присуда, на территории которого располагалась деревня Рождественского монастыря, сотский Михаил Калачев, десятский Василий Тельнов, а также старожилы Иван Чащин и Кондратий Убиенный заверили, что «прежня» земля монастырских крестьян «выпахалась» и к урожаю хлеба «на надежна».

После «обыска» Томилова провинциальная канцелярия указала Красноярской воеводской канцелярии проверить показания Кинчина Окунева и если на Бузумах действительно находились «татарские» стойбища, то крестьянам следовало отказать в их просьбе. Эта задача, возложенная на красноярского казачьего пятидесятника Василия Замятина, не была выполнена (в Красноярскую воеводскую канцелярию так и не поступил его «репорт»). В 1749 г. Замятин умер, а прошение крестьян осталось без рассмотрения²³.

Новое прошение от монастырских крестьян «о прибавочной земле» поступило в Красноярскую воеводскую канцелярию 5 июня 1756 г. На его основании для «свидетельства» земель был послан красноярский сын боярский Алексей Иконников.

Иконниковым были опрошены ясачные качинцы Жолдыш (Волдыш) Узенов, Иван Первухин, Андрей Туигунов и Иван Дамов; разночинцы Миндирлинской деревни Алексей и Тимофей Ошаровы, Иван Рогов, Леонтий Шадрин, Яков Тежелов; жители деревни Ишимцовой Данило Юров, Трофим Лалетин, Степан и Микита Москвитины и Терентий Криволуцкой.

Согласно одной «скаске» Жолдыша Узекова, качинцы «довольствовались» стойбищами и угодьями по рекам Каче, Большому и Малому Ареям, Колату, а также «ниже городу Красноярска вниз Енисея реки в лугу, называемом Кривой Луке». В другой сказке Жолдыш уточнил, что по прошению «татар» воеводская канцелярия определила им владеть землями и угодьями «где стояли деды и отцы их» по «речке Каче пониже Тамасюлю, а от Тамасюлю называемой до Эбаловой речки, а от Эбаловой речки до Малова Кемчюгу и по Колату, и от Малова Арею до маяку на болшой елник, а от болшова елнику до Подъемного камню до Арейской межи, а от Подъемного камню вверх по Минжюлю с логами и с перелогам, которые в Минжюль пали на Лисвянной лог, а от Лисвянного логу вверх по Малому Бузиму на Вострую

²³ РГАДА. Ф. 281. Д. 4609/68. Л. 1–2 об.

сопку, а от Вострой сопки на Лебяжье озеро, а от Лебяжева озера на усть речки Шилы и вверх по Шиле до Малова Кемчюгу».

Почти вся земля по Бузиму из того участка, который просили себе крестьяне, формально еще принадлежала качинцам на основании имевшейся у них «данной» от 28 июня 1745 г. Однако, по свидетельству самих ясачных, к 1756 г. никаких стойбищ и бобровых ловель на Бузуме не было, поскольку примерно за 15 лет до этого проживавшие там их соплеменники откочевали на юг. Слова иноземцев подтверждались сведениями из воеводской канцелярии, которая 16 ноября 1747 г. разрешила группе качинцев «жительство иметь» у Караульного и Абаканского острогов, а также по рекам Белому и Черному Июсам.

Частью земли, на которую претендовали крестьяне, владел священник соборной Преображенской церкви г. Красноярска Яков Многогрешный. На основании определения воеводской канцелярии от 18 июня 1746 г. он пользовался санными покосами по обе стороны Малого Бузима «от миндирлинской дороги... до большого ельника» (с «данной» священника был сделан список).

Иконников рассчитал, что в обследованном районе было «годной земли под пашню на две тысячи десятин и под санные покосы, кроме кочковатых и болотных мест, на десять тысяч копен». Опрошенные им качинцы сообщили, что они от крестьян-просителей «утестненья и обиды не признавают» (т.е. не имеют к ним претензий)²⁴.

Решение по делу принимал красноярский воевода коллежский асессор Алексей Трескин, который, прежде всего, занялся поиском юридических аналогий. Для этого в канцелярии находилось два подходящих документа: соборное уложение 1649 г. и межевая инструкция 1754 г.

В канцелярии были сделаны выписки из статей 12, 13, 14, 41, 42 главы 16 «О поместьях» и из статьи 47 главы 17 «О вотчинах» Уложения, касавшиеся земельного оборота с участием татар и мордвы, а также статуса бесхозной земли. Помимо этого, был принят во внимание четвертый пункт главы 8 инструкции, где прописывались нормы землеотвода податному населению (5 четвертей в одном поле на один двор, если в одном дворе было четыре человека мужского пола)²⁵.

Решением воеводы от 24 июля 1756 г. за крестьянами была закреплена земля, «по речкам Большему и Малому Бузимам на вершины и вниз по речке Малому Бузиму до высокого бору, а с высокого бору на миндирлинскую межою, сверх по Миндирлинской речке до черного лесу до оной речки Болшаго Бузима», за исключением владений Якова Многогрешного²⁶.

²⁴ «Сыск» Иконникова см. Там же. Л. 3–5об., 7 об., 8.

²⁵ Там же. Л. 5 об.–7.

²⁶ Там же. Л. 9 об., 9.

После получения «данной», на реку Бузим переселились монастырские крестьяне и основали там деревню Устюг. В 1761 г., незадолго до секуляризации, там проживало 198 «душ» мужского пола, которые владели 2 тыс. десятин пахотной земли в одном поле (всего – 6 тыс. десятин)²⁷.

Откочевавшие в южном направлении от Красноярска качинцы со второй половины XVIII столетия включаются в процессы этногенеза на территории Минусинской котловины и смежных территорий. Позднее они дадут свое название одной из этнографических групп «минусинских татар» (с 1917 г. – хакасов).

Известия сохранившихся источников о правах на угодья ангарских тунгусов тесно связаны с историей становления Спасского Кашиношиверского монастыря.

О том, что обитель была основана на землях тунгусов впервые сообщил В.И. Семевский в работе «Казенные крестьяне при Екатерине II» (1879 г.). Источником ему послужил наказ в Уложенную комиссию крестьян «Бугучанского станка Енисейского ведомства», где упоминается земельный спор крестьян с монастырем, основатель которого «старец» Иоаким Путилов в 1696 г. сумел оформить документ на землю, которую получил от тунгуса²⁸. Сведения В.И. Семевского повторил А.И. Кытманов в своей компилятивной работе, написанной в конце XIX в.²⁹ Спустя семь десятилетий, советский историк М.Т. Белявский, изучая наказания сибирских крестьян, коротко коснулся спора богучанцев с монахами и датировал «данную» Иоакиму 1704 г.³⁰ Современный исследователь сибирских монастырей И.Г. Федоров, вслед за А.И. Кытмановым, повторил сведения В.И. Семевского³¹.

К нашему счастью, в фондах РГАДА хранится несколько ранних документов, касающихся основания Кашиношиверского монастыря. В их числе пять грамот из Ф. 281 и выявленное нами подлинное дело о разрешении Иоакиму Путилову основать пустынь на Ангаре. Документы позволяют детально исследовать становление монастыря и роль тунгусов в этом процессе.

История «пустыни» начинается в 203 (1694/95) г., когда «старец» енисейского Спасского монастыря Иоаким Путилов вместе со сподвижниками направился вверх по Ангаре, дабы по «обещанию своему» поставить часовню «во имя господа бога нашего Иисуса Христа».

²⁷ РГАДА. Ф. 280. Оп 3. Д. 476. Л. 16, 16 об.

²⁸ Семевский В.С. Казенные крестьяне при Екатерине II // Русская старина. СПб.: Типография В.С. Балашева. 1879. С. 38.

²⁹ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594 – 1893 год. Красноярск: СФУ, 2016. С. 74.

³⁰ Белявский М.Т. Наказы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию. 1767–1768 гг. // Новое о прошлом нашей страны. М.: Наука, 1967. С. 351.

³¹ Федоров И.Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. Красноярск: Поликом, 2017. С. 34–36.

Пару слов следует сказать о личности основателя монастыря. В миру его звали Иван Прокофьев сын Путилов. В 1667 г. он был казачьим десятником в Енисейске. Около 182 (1673/74) г. верстан из казачьих пятидесятников в сотники «в место» умершего в 179 (1670/71) г. сотника Ивана Тархова. Позднее верстан в дети боярские с окладом 8 руб., по 4 четверти ржи и овса, 5 пудов соли. В 202 (1693/94) г. Путилов постригся в монастырь³².

В июне 1696 г. старцы «построили часовню с перерубом семи сажень» на противоположном устью Ковы участке берега Ангары. В том же году они послали в Москву челобитную с просьбой о разрешении основать монастырь и переделать часовню в храм, «прирубив» к ней алтарь «Всемилоственного Спаса и придел святого Алексея человека Божия» (небесного покровителя царевича Алексея Петровича)³³. В ответ из Сибирского приказа послали грамоту с распоряжением «пустыни и церкви строить не велеть»³⁴.

Неудача не остановила старца Иоакима, и он лично повез новое челобитье в Москву, которое подал 24 декабря 1700 г. Иоаким сумел подобрать весомые аргументы и заручиться поддержкой разных людей. Он настаивал, что готов платить в казну «по полтине на год» с каждой семьи монастырских крестьян, вместо подводной повинности обещал помогать людям, плывшим по Ангаре, преодолевать Кашину шиверу (каменистый пережат на реке). Путилов уверял, что на р. Кове есть железная руда и что будет платить с железного промысла «вместо пятого пуда по два рубли на год». Бывшие сослуживцы Путилова сын боярский Федор Клепиков и казак Максим Мясников сказали в приказе, что ясачным людям не будет от старцев «помешки» и, более того, монахи ссужают иноземцев запасами (хлебом), когда те отправляются на свои промыслы. Группа енисейских, иркутских, якутских служилых и сибирских торговых людей в своих челобитных и «скасках» уверяла, что «пустынь» будет для них «угодна», поскольку у монахов можно будет покупать хлеб и получать помощь при преодолении шиверы. Кроме этого, они заверяли, что церковь необходима для «поминовения убиенных хрестьян, которые погребены у Кашины шиверы»³⁵. Действительно, на составленном в 205 (1696/97) г. при воеводе М.И. Римском-Корсакове чертеже Енисейского уезда, копия которого вошла в состав «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова, в районе шиверы есть кладбище³⁶.

Самым важным аргументом Иоакима Путилова стала «поступная» от тунгуса Лакагирского (Лапагирского) рода Мултуги Ломова, «именем рус-

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 618. Л. 18 об. Кн. 612. Л. 10 об., 11. Кн. 1068. Л. 40 об.

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 19 об., 20.

³⁴ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск: Наука, 1965. С. 49.

³⁵ Там же. Л. 20 об.–21 об.

³⁶ Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. СПб.: Типография А.М. Котомина, 1882. Л. 29 об., 30.

ским Ивашка», на участок его «породной» земли. По условиям сделки, изложенным в документе, тунгусы сохраняли право ловить рыбу в Ангаре вдоль отходившего монахам участка, «старцы» обязались ежегодно давать Мултуге 10 пудов ржи пожизненно, а после его смерти «сродичам ево, кому он, Ивашко, прикажет». В приложенном к «поступной» списке «допросных речей» Мултуги подчеркивалось, что на территории, переданной монахам, у иноземцев не было ясачных промыслов³⁷.

24 января 1701 г. в Иоаким Путилов получил в Сибирском приказе решение основать монастырь, которому отводилась территория «от Коды до Ковы реки по обе стороны Тунгуски реки и ниже Кашины шиверы и с островами на тридцать верст».

Монастырь был основан на землях, являвшихся с середины XVII столетия зоной крестьянского освоения. Поэтому, когда Путилов вернулся в Енисейский уезд, он обнаружил на отведенной ему земле пашню и постройки чадобских крестьян Федьки Сыромолотова «с товарищи» и крестьянина Рыбенской деревни Петрушки Проспихи. К февралю 1702 г. монахи добились решения енисейского воеводы стольника Б.Д. Глебова «свесть» с их земли крестьян³⁸. Так начался спор монастыря с ангарскими землепашцами, длившийся до периода секуляризации.

Тунгусы продолжали поступаться угодьями в монастырь и после Мултуги. 1 марта 1714 г. тунгус по имени Добро вместе с родней дал игумену Никифору земли по р. Муре (левый приток Ангары), отметив в «поступной записи», что у него на этих землях «пахоты никогда не бывало», а также выразив желание креститься³⁹.

В заключение стоит сделать некоторые обобщения материала, относящегося к двум уездам.

1. Объектами имущественных прав ясачных людей были земли, пригодные для пахоты и сенокосов, лесные массивы, а также водоемы.

2. Угодья находились у иноземцев в единоличном или коллективном владении, передавались по наследству в соответствии с их обычаями.

3. Основанием для владения чаще всего служил обычай. Наряду с этим, существовала тенденция документального оформления земельных прав, соответствовавшая русской правоприменительной практике.

4. Иноземцы могли защищать свои владения от посягательств, отчуждать владения поступаясь ими в монастырь, имели преимущественные права при оформлении землеотвода на угодья.

³⁷ Там же. Л. 12–13. РГАДА. Ф. 281. Д. 4592/51. Л. 1–5 об.

³⁸ РГАДА. Ф. 281. Д. 4594/53. Л. 1–5 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 281. Д. 4599/58. Л. 1. Описание грамот Коллегии экономии. Подг. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2016. С. 803.

5. В отношении прав на угодья, которыми владели иноземцы, существовал режим благоприятствования со стороны государства, который был обусловлен необходимостью собирать ясак (т.е. напрямую зависел от интересов казны). Впрочем, не были исключены нарушения прав иноземцев со стороны властей. По сведениям В.И. Семевского, незадолго до секуляризации монастырских земель при разрешении очередного спора крестьян с Кашиношиверским монастырем представитель власти «прирезал» монастырю земли иноземцев, вследствие чего они были вынуждены жаловаться⁴⁰.

Если соотнести наши выводы с данными П.Н. Бучинского и В.И. Шерстобоева, то можно предположить, что правовой статус угодий ясачных людей в Приенисейском крае был схож с таковым и в других частях Сибири.

Списки «поступной» Мултуги, его «допросных речей», а также «поступные» Добра и его соплеменников мы публикуем в качестве приложения к настоящей работе.

При подготовке к публикации мы руководствовались «Правилами издания исторических документов СССР» 1990 г. (2-е издание, переработанное и дополненное). Вышедшие из употребления знаки заменены буквами современного алфавита. Выносные буквы помещены в строку, титлы и сокращения раскрываются без специального обозначения и примечаний. В тексте «поступной» тунгуса Добра «восстановленные» буквы взяты в квадратные скобки. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Нумерация листов архивного документа приводится в круглых скобках. В тексте сохранена оригинальная разбивка на абзацы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Не позднее 24 января 1701 г. – Копии поступной на землю тунгуса Мултуги Ломова и списка с его допросных речей из дела о разрешении старцу Иоакиму Путилову основать монастырь у Кашины шиверы на р. Ангаре (Тунгуске)⁴¹.

(Л. 12) И к выписке старец Иоаким Путилов подал на тое вышеписанную землю поступную, а в ней написано.

В 204м году в июне месяце Енисейского уезду на реке Тунгуске Кашиной шиверы житель ясачной тунгус по своей вере породной лутчей человек Мултуго Ломов сын Лакагирского роду, именем руским зовомый Ивашко, у Кашины ж шиверы Всемилоствого Спаса построил часовню и две кельи по обе стороны Тунгуски реки старец Иоаким Путилов з братьею на ево породной земле. Ныне он, Ивашко, Всемилоствому Спасу под пустынное место, строение и под пашню

⁴⁰ Семевский В.С. Казенные крестьяне при Екатерине II. // Русская старина. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1879. С. 39.

⁴¹ Датировка соответствует времени составления копий в Сибирском приказе (не позднее даты принятия решения по челобитной «старца»).

тое своей прародительной земли старцу Иоакиму з братею поступился, вверх идучи до Ковы реки и по Кове по обе стороны луговых (Л. 12 об.) еланных земель, а на низ до реки Коды по обе стороны и по Тунгуске реке, тако ж и с островами ниже и выше Кашины шиверы. А на тех де пашенных землях, на лугах и на еланиях ясачных лесов и угодей не прилегло. А в гору до Мурские вершины, а на Тунгуске реке и по сторонним речкам ему, старцу з братьею, и тунгусам рыба ловить, а друг друга не обидить и не изгнать и никаку обиды не чинить. А взял де он, Ивашко, у него, старца з братьею, лошадь. А как де учнет хлеб родится и ему, старцу, давать ему, Ивашку, на всякой год по 10 пуд ржи до ево смерти, а по ево смерти сродичам ево, кому он, Ивашко, прикажет тако ж давать. В том ему, старцу з братьею, и письмо дал за своим знаменем и за рукою. А тому послух Соли Вычегоцкой житель Ивашко Андреев сын Попов. Письмо писал енисейского казака сын Ивашко⁴².

Он же, старец Иоаким, подал список з допросных речей ясачного тунгуса Ивашка Мултуга, что он сказал енисейскому сыну боярскому Борису Серебренникову, которой посылан из Енисейского для сыску против челобитья Енисейского ж уезду Кежемской да Чадобской деревень крестьян. И в списке написано.

В прошлых годех пустил он, Ивашко, на свою прародительную землю на Тунгуске реке на Кашине шивере старца Иоакима Путилова и велел ему на той земле поселитца и пашню пахать и сено косить во всех местех своего прародительного владения, на земли по обе стороны Тунгуски реки и на островах снизу Чадобца, с усть рек посторонних Коды да Кежмы, а снизу от посторонней же реки Ковы. И дал де ему, старцу Иоакиму, он, Ивашко, для поселения на ту землю за своим знаменем иноземским и за руками русских людей письмо. И он де, старец, на той ево, Ивашкове, прародительной земле у Кашины шиверы поставил часовню и кельи, против той часовни за Тунгускою (Л. 13) рекою скотной двор. Да они ж де Кашины шиверы на Сосновом острове построили скотной же другой двор. И пашню пашет и сено косит. А для того поселения и пашенной земли и сенных покосов от него, старца з братьею, он, Ивашко, кормитца и на ясачной промысел отпускает от себя з готовыми запасы, а запасы емлет у него ж, старца з братьею. А обиды де и разорения и в ясачных промыслах никакой помешки и тесноты к нему, Ивашку, и к иным ясачным иноземцом ни в чем от них, старцов, никогда нет. И близ де тех мест у него, Ивашка, и у иных ясачных иноземцев ясачных промыслов нет. А промышляют де они, ясачные, звери от тех мест по сторонним рекам и урочищам в дальном месте⁴³.

Да в списке ж сказок Ковинской волости ясачных иноземцов написано, что та вышеписанная земля ясачного тунгуса Ивашка Малтуги, а от старцов де, что на Тунгуске реке на Кашине шивере построились, изгони им, иноземцом, никакой нет.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 12–13. Копия.

⁴² Далее приписка: «таковы подлинные поступ[...]».

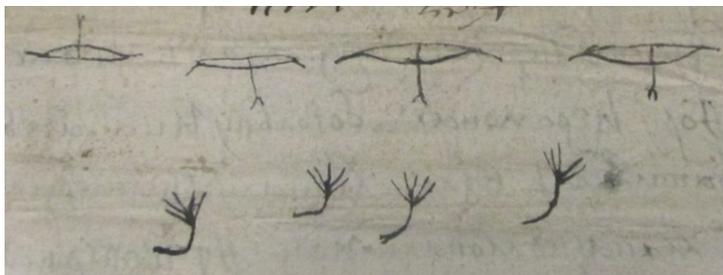
⁴³ Далее приписка: «и список з допросных речей».

1 марта 1714 г. – Поступная запись мурского иноземца Добра с детьми и племянником игумену и «братьям» Спасского Кашиношиверского монастыря на землю.

(Л. 1)⁴⁴ 1714 году марта в 1 день на Муре на реке мурской иноземец Добро з детьми Евляча, Пожее да Щемнуча да племянник Нюгн[в]ня, поступилися мы Сп[а]су Всемил[о]стивому на Кашину шиверу земли на мурских лугах и еланях на своих породных землях игумену Никифору иеромонаху Боголепу и казначею Льву и братьям всем: монаху Питириму, монаху Макарию, монаху Иосифу и впредь будущим властем и братьям, поступилися сенными покосами и пахатными землями, пахать и сена ставить, колко им про обитель по вся годы надобно будет. А нам у них в пахотных землях и в сенных покосах утеснения никакова ныне и впредь не будет потому, что мы скота у себя никогда не бывало и пахаты никогда же не бывало и впредь и ныне св[я]теи братии для Всемилоствиваго Спаса поступилися и Спасу Всемилоствивому или самим велит г[о]с[по]дь во святеи обители быть во св[я]том крещении и желаем [м]ы того жития с[в]я[т]аго. Письмо писал по его, доброву, веленью и з детьми ево и с племянники церковной дьячек Алексей Сердитков. Сие писание дали мы, Добро з детьми и с племянники, для ради утверждения и постоянства.

(Л. 1 об.) И чтобы пред богом без гнева и руки по своей вере приложили правые к сему письму⁴⁵.

РГАДА. Ф. 281. Д. 4599/58. Л. 1, 1 об. Подлинник.

«Знамена» тунгусов Добра и др. РГАДА. Ф. 281. Д. 4599/58. Л. 1 об.

⁴⁴ Перед строкой поставлен номер: «№ 4».

⁴⁵ На обороте скорописью второй половины XVIII в. сделаны пометы: «Енисейск», № 4 (зачеркнуто), № 57, 714. Здесь же – синие оттиски печати МАМЮ (Московский архив Министерства юстиции).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдыкалыков А., Бутанаев В.Я. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII века. Абакан: УПП «Хакасия», 1995. 268 с.
2. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. 223 с.
3. Барахович П.Н. Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж.В. Кондыреву 31 января 1631 года. // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2018. Т. 17, № 1: История. С. 91–103.
4. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М.: АН СССР, 1955. 300 с.
5. Бахрушин С.В. Научные труды. Т.4. М.: АН СССР, 1959. 260 с.
6. Белявский М.Т. Наказы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию. 1767–1768 гг. // Новое о прошлом нашей страны. М.: Наука, 1967. С. 343–363.
7. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. М.: Вече, 2012. 320 с.
8. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1960. 662 с.
9. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 540 с.
10. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск: Наука, 1965. 305 с.
11. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 год. Красноярск: СФУ, 2016. 888 с.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Восточная литература, 2000. 796 с.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. 598 с.
14. Описание грамот Коллегии экономии. Подг. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2016. 1194 с.
15. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск: Красноярский рабочий, 1972. 408 с.
16. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск: Красноярский рабочий, 1974. 240 с.
17. Рафиенко Л.С. Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. // Археографический ежегодник за 1973 год. М.: Наука, 1974. С. 58–67.
18. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. СПб.: Типография А.М. Котомина, 1882. 95 с.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Д. (Портфель) 482. Ч. 5.
20. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1068.
21. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292.
22. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1504.
23. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 612.
24. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 618.
25. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1175.
26. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 166.
27. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 446.
28. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 381.

29. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 476.
30. РГАДА. Ф. 281. Д. 4592/51.
31. РГАДА. Ф. 281. Д. 4594/53.
32. РГАДА. Ф. 281. Д. 4599/58.
33. РГАДА. Ф. 281. Д. 4609/68.
34. Семевский В.С. Казенные крестьяне при Екатерине II // Русская старина. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1879. С. 1–40.
35. Федоров И.Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в до-советский период. Красноярск, 2017. 160 с.
36. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. 595 с.
37. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: АН СССР, 1956. 452 с.

Сведения об авторе: Барахович Павел Николаевич – кандидат исторических наук, ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания» (Красноярск, Российская Федерация). E-mail: spqr509@yandex.ru

**FROM THE HISTORY OF OWNERSHIP OF THE YASAK PEOPLE
IN THE YENISEI AND KRASNOYARSK COUNTIES
IN THE 17TH AND 18TH CENTURIES**

Pavel N. Barakhovich

*LLC “Scientific and Production Association
“Archaeological Design and Survey”
Krasnoyarsk, Russian Federation*

The article examines the legal regimes for the lands of yasak people in the Yenisei and Krasnoyarsk counties and law enforcement practices regarding the protection and transfer of rights to lands. It is based on documents among the columns and books of the Siberian Order (inventory 1 and 3, fund 214, Russian State Archive of Ancient Acts), as well as charters of the Board of Economics (fund 281, Russian State Archive of Ancient Acts). As a result of the research, the author introduces into scholarly circulation new data on the status of lands (arable land, *pokosy*, water bodies) of the Arintsy, Kachintsy, Veslovtsy, and Angarskie Tunguses. In particular, foreigners had the right to defend their lands from encroachments and alienate their possessions by transferring them to monasteries.

Keywords: Krasnoyarsk, Yeniseisk, Arintsy, Kachintsy, Veslovtsy, Tunguses, lands, yasak

About the author: Pavel N. Barakhovich – Cand. Sci. (History), LLC “Scientific and Production Association “Archaeological Design and Survey” (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: spqr509@yandex.ru

**МЕЖДУ ЭТНИЧНОСТЬЮ И СОСЛОВНОСТЬЮ:
ЯСАЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XVII-XIX ВВ.***

А.Ю. Конев

*Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук
Тюмень, Российская Федерация
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация*

В настоящей публикации автор обобщает некоторые результаты своих многолетних исследований, которые были актуализированы в ходе дискуссии, состоявшейся в 2018–2019 гг. на страницах журнала «Золотоордынское обозрение» (см.: Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369; Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 760–783). Основными акцентами исследования определены методологический и понятийно-терминологический. В фокусе внимания наиболее многочисленная группа индигенного сибирского населения – «ясачные люди». Предложена обновленная версия ранее выдвинутой автором периодизации исторической эволюции правового положения народов Северо-Западной Сибири с конца XVI до начала XX вв.

Ключевые слова: сословие, этническая группа, правовое положение, народы Сибири, Российское государство

Сословность

Сложилось два основных подхода в применении категории «сословие» в исторических исследованиях. Авторы монографии «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.» так определили их содержание: в первом под сословием понимается концепт и аналитический инструмент (нормативный, «то, что должно быть»), второй – рассматривает его как объект исследования (позитивный, «то, что было», группы, которые именуются сословием в источниках). И первый, и второй подходы при последовательном применении ставят под сомнение факт существования в России сословной струк-

* Работа выполнена по госзаданию, № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

туры¹. Авторы названного труда, чтобы представить российское общество во всем многообразии социально-правовых категорий и выделить те из них, которые могут быть названы сословиями, предложили пойти путем сочетания позитивного и нормативного подходов. Они пришли к следующим выводам, с которыми в целом могу согласиться: в самом широком смысле понятие «сословие», как социальная группа лиц, находящихся в одинаковом правовом статусе со специфическим набором прав и обязанностей, тождественно в России понятию «состояния» российского законодательства XIX века (любой особый набор прав и обязанностей), применительно к XVII в. оно близко с понятием «люди»²; более узкое содержание термина «сословие» – структурированная группа с определенным набором прав и обязанностей, передаваемых по наследству, еще уже – это самоуправляемая группа, члены которой приобретают и передают свои права по наследству и имеют возможность участия в управлении; узкосословное деление было идеальной моделью, но оказалось практически недостижимым в России. Таким образом, вопрос о сословном характере российского общества остается вопросом научной конвенции³.

Этничность

Отечественные антропологи-конструктивисты – В.А. Тишков и Ю.П. Шабаяев рассматривают «этничность» как «форму организаций культурных различий», а «этнические группы» как «результат исторических, экономических и политических обстоятельств, а также ситуативных воздействий»⁴. А.В. Головневым предложен концепт «дрейфа этничности». Феномен «этничности» рассматривается им как живой механизм, постоянно генерируемое «всеми слоями снизу доверху» явление, «оболочка социальной безопасности и жизненное пространство». При этом он отмечает, что «одна и та же этничность – разная у каждого сословия и касты»⁵. Е.В. Перевалова, исследуя опыт взаимоотношений этнических сообществ и власти в западносибирском регионе, отмечает, что из числа установок примордиализма актуальными представляются акценты на том, что этничность одновременно изначальна и ситуативна, ей свойственна бесконечность трансформации. В этно-историческом контексте этничность, на её взгляд, выступает как «форма группового взаимодействия, имея объектив-

¹ Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / Под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетейя, 2018. С. 660–662.

² В узком смысле в XVII в. де-юре и де-факто близки к сословиям были категории служилых людей, посадских, черносошных крестьян, которые можно охарактеризовать как формирующиеся сословия.

³ Границы и маркеры ... С. 662, 664–665.

⁴ Тишков В.А., Шабаяев Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 52.

⁵ Головнев А.В. Антропология движения. Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. С. 120–121, 155.

ную основу в природе и обществе, она служит средством достижения групповых интересов благодаря формулируемой элитой идеологии и выстраиваемых ею же стратегий адаптации ...»⁶. В этой трактовке актуализируется одна из дискуссионных тем между сторонниками конструктивистского и неопримордиалистского подходов – вопрос о содержании термина «группа», на что еще в 2004 г. обратил внимание Рождерс Брубейкер⁷.

Ю.В. Попков и В.Т. Топорков подчеркивают, что американский социолог предлагает сместить фокус с изучения группы как бытия на свойство быть группой, отличать группу от категорий ее обозначающих, видеть в этничности не субстанцию, а реальность нарративов и систем классификации⁸. По мнению Брубейкера этничность проявляется не столько через группу, сколько через идентификации, язык, институты, связи и действия. Нетрудно заметить, что с его точкой зрения сближается позиция Переваловой относительно того, что этническая группа – это во-многом результат деятельности этнических лидеров. Следует при этом учесть, что конструктивизм Брубейкера признает: «этничность, раса и национальность являются фундаментальными способами восприятия и интерпретации социального мира»⁹. На мой взгляд, это снимает часть противоречий между крайностями примордиализма и конструктивизма в изучении интересующих нас вопросов.

Терминология описания народов Сибири

Если мы работаем с письменными источниками, которые создавались внешними по отношению к автохтонным сообществам агентами, то имеем дело с их восприятием современного им мира, с их языком и категориями, поэтому внимание историков должно быть сосредоточено в первую очередь на изучении и расшифровке содержания этих представлений. Каким же образом русские фиксировали и описывали этнические различия и особенности интересующих нас туземных народов на первых этапах присвоения и освоения зауральских территорий?

Характерными обозначениями того времени, которые можно соотнести с современными понятиями «народ» и «этнос», были термины «племя» и «порода». Так в 1624 г. царской грамотой пелымскому воеводе Ивану Вельяминову указывалось кондинских князей Федора и Василия «с Пелыми в Большую Конду ко *племяни* отпускать не велено». Князь же Василий Кондинский

⁶ Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017. Т. 1. С. 13, 15–16.

⁷ Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004. P. 7–27.

⁸ Попков Ю.В., Топорков В.Т. Этничность реальная или воображаемая: новый конструктивизм // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4, Вып. 2. С. 90.

⁹ Brubaker R. *Ethnicity without groups ...* P. 17.

воеводу «за то, ево, Ивана, что ему в Большую Конду ко *племяни* ездить не велел, пришед в съезую избу и вышед из ызбы на площадь, лаял»¹⁰. Переписные книги по Тобольску и Тобольскому уезду конца XVII – начала XVIII вв. изобилуют упоминаниями о лицах «татарской, мунгальской и остяцкой *породы*». Так в Демьянском яме, во дворе отставного дьячка Василия Третьякова, кроме его родственников значится «остяцкие *породы* девка новокрещена Парасковья Матфеева семнадцати лет»¹¹.

На протяжении XVII столетия правительство и местные власти пытались разобраться в открывшемся им разнообразии местного населения, представить его посредством описаний и зафиксировать в чертежах (картах). Интересным опытом такого рода систематизации следует признать чертеж земель народов Сибири, засвидетельствованный сибирским и тобольским митрополитом Корнилием в июне 1673 г. Он не сохранился в оригинале, но был хорошо известен С.У. Ремезову и использован им при составлении чертежа «сходство и наличие земель всей Сибири ...», помещенному в «Чертежной книге»¹². Ремезов выполнил его в несколько красок, выделив ареалы, занимаемые татарами, вогулами, самоедью («юрацкой», «гиндинской», «немирной»), «Пестрой орды остяками», родами тунгусов и т.д.

Остяцкий князь Тайшин с сыновьями. ТИАМЗ ТМ-15655

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 36об.–37.

¹¹ Там же. Кн. 1613. Л. 142.

¹² Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: в 2 т. Т. 1. Факсимильное издание. М., 2003. Л. 47–48.

В тесной связи с указанным чертежом находится составленное Семеном Ульяновичем в 1696–1698 гг. «Описание о сибирских народах», которое дошло до нас лишь в виде фрагментов в составе Черепановской летописи. В частности, «Описание» сообщает о разделении «Остяцкой земли» на четыре языка: «Первые Обдоринские остяки с самоедами емлются, другие Кодские городки и князь [о]собой, третьи Сургутские или Пестрая орда язык и князь [о]собой, четвертые под Нарымом остяки Малые, таже язык их [и] князи [о]собоя, в жилье и пословицах совсем друг от друга отличны». Далее, после описания обычаев, приводятся сведения о «гранях» остяцкой земли с соседними народами: «Между [должно быть «межа» – А.К.] земли их: от устья Демьянки, вниз по Иртышу реке с Вогулки до Чердынской и с Печерской земли по Камени до Соби с самоедью и вниз по Соби на Полуй реку и вверх по Полуою до вершины озера Пура с Юряжскою самоедью, от озера чрез Тазовскую вершину на Вах реку с тунгусами и с Ваху впрямь на Кеть реку и вниз по Кети с чулымцами, чрез Тогурское устье на Парабель реку с Томскими татарами и с вершины по Барабе с барабинцами по Карталинское болото, из него же течет Демьянка река и вниз по Демьянку до устья с Тобольскими татарами до Вогульския межи ...»¹³.

Очевидно, что картография и этнография Ремезова, прочно увязывает туземные сообщества с территорией их обитания, выбирая важнейшим отличительным маркером язык, а обязательным атрибутом – наличие лидера-князца.

Культурная инаковость и специфика правового положения «ясачных государевых людей» нашли свое отражение в применении к ним вплоть до середины XVIII в. собирательно-обобщающего термина «иноземцы» часто в паре с уточняющими определениями: «ясачные иноземцы», «сибирские иноземцы»¹⁴. Этим подчеркивалась незавершенность процесса их превращения в полноправных подданных. Лишь немногочисленные новокрещенные из числа туземных «иноверцев», принявшие в конце XVI–XVII вв. православие, преодолевали этот «иноземский» статус. В Западной Сибири таковые, как правило, исключались из ясачного обложения и либо верстались в число служилых людей («в стрельцы и казаки», либо находились на положении холопов у русских¹⁵, что открывало путь к быстрой ассимиляции в новой социальной среде. Представители «жалованной» этнической элиты, принимая крещение, оставались во главе своих волостей. Такие волостные «князцы» и

¹³ Этот фрагмент воспроизведен по списку, хранящемуся в рукописном собрании Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. ТИАМЗ. ТМ-12531. С. 102–103.

¹⁴ Для первой половины XVIII в. это подтверждается в том числе текстами делопроизводственных документов: РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 91, 99об.–100, 222об., Оп. 5. Д. 675. Л. 10об.–11; Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 1337, 1349, 1353об., 1393об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 53–54; Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (АИ). Т. 2. СПб., 1841. С. 56.

до крещения не состояли в ясачном окладе, что являлось их особой привилегией. Активное распространение Евангельских истин среди значительной части туземцев в XVIII столетии, создание у них приходских общин и шаги по воцерковлению новокрещеной паствы явились ключевым фактором в процессе «природнения» этих народов, преодоления ими состояния «иноземчества» в том значении, которое сохранялось еще с XVII в. на этот счет¹⁶.

Термин «иноземцы» к середине XVIII в. выглядел явным анахронизмом, постепенно уступая место таким обобщающим категориям как «иноверцы» и «ясачные». Власти империи вырабатывают новую терминологию для описания и классификации своих нерусских подданных. Если говорить о Сибири, этот процесс в наиболее общем виде можно представить триадой *иноземцы-иноверцы-инородцы*. В ней отражается процесс переосмысления и реальной трансформации положения туземного населения в социально-экономической и административно-правовой системе империи, определяются возможности или желательность изменения этого статуса на каждом историческом этапе.

Первый пример такого переосмысления мы обнаруживаем в «Лексиконе» В.Н. Татищева. В нём отмечено, что слово «иноземец» в России «иногда за иноверца, и инородного, и за иноязычника употребляют», тогда как, по мнению В.Н. Татищева, «подлинно иноземец разумеется иностранный, который не есть подданный того государства, где он находится». Далее поясняется, что «инородный, различает род, хотя может быть одного закона и подданства, например крещеной татарин с русским, хотя одноверцы и одноземцы, но по природе весьма разны»¹⁷. Таким образом, предлагалось провести более чёткую смысловую границу между терминами «иноземец» и «инородный», закрепив за первым только обозначение иностранных подданных, а за вторым – представителей разных народов и религий, являющихся подданными Российской империи.

Как удалось выяснить, термин «иноронец» впервые появляется в пятой части Словаря Академии Российской, опубликованной в 1794 г. Здесь за ним закрепляется смысловое значение, связанное с «племенной» (этнической) и страновой принадлежностью: «иноплеменник, чужеземец». Определяя семантику исходного понятия – «инородный», составители словаря апеллируют к Елизаветинской Библии 1751 г.: «и вси мужи дому его, и домочадцы [его] и куплени от инородных языков [...]» (Быт. XVII, 27)¹⁸. Концептуализация нового классифицирующего термина и введение его в политико-правовой дис-

¹⁶ Конев А.Ю., Юзеева О.А. Катехизическая деятельность приходского духовенства среди народов Северо-Западной Сибири (2-я пол. XVIII – нач. XIX в.) // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / под общ. ред. П.В. Белоуса, А.Ю. Конева. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2020. С. 33–52.

¹⁷ Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 3. СПб.: Тип. горн. училища, 1793. С. 90.

¹⁸ Словарь Академии Российской. Ч. V. От Р до Т. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1794. Ст. 37.

курс империи, как известно, осуществилось в процессе подготовки Великой Сибирской реформы применительно к так называемым «ясачным народам».

Особенные поданные

В Екатерининское царствование стали различать «старых», «природных» и «новых» поданных¹⁹. По всей видимости, «природными» считались подданные, связанные с господствующим славянским ядром исконной Руси-России, а к «новым» относились лица и сообщества, вошедшие в российский социум в результате присоединения иных земель. Характерно, что в первоначальном проекте будущего «Устава об управлении инородцев», подготовленном в конце 1820 – начале 1821 г. М.М. Сперанский так определяет соответствующую социальную категорию: «все обитающие в Сибири инородные племена, то есть коренные сей страны жители не российского происхождения, именуемые поныне ясачными»²⁰. Таким образом, особая связь с территорией обитания, как и в XVII в., выступала важным признаком принадлежности к числу «иных», теперь именуемых «инородцами». Несмотря на то, что фраза «коренные сей страны жители не российского происхождения» не вошла в окончательный вариант Устава²¹, утвержденного императором Александром I, очевидно, что специфика новой социально-правовой категории, наряду с принадлежностью к числу ясакоплательщиков, определялась «туземностью» включенного в неё населения. Согласно Уставу инородцы разделялись на три разряда. «Оседлые» сравнивались «с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят», а «кочевые» и «бродячие» рассматривались как «особенное сословие», аналогичное «крестьянскому», но «отличное от онаго в образе управления» и уплатой ясака как основной формы податной обязанности²². В «Законах о состояниях» по различию прав были выделены три группы подданных: природные обыватели (городское и сельское население), инородцы (оседлых и неоседлых) и иностранцы. Первая включала четыре «главные рода людей», именовавшихся так же сословиями: 1. Дворянство, 2. Духовенство 3. Городские обыватели 4. Сельские обыватели²³. Таким образом разделение подданных империи по признаку «природности» было зафиксировано и конкретизировано в результате Сибирской реформы М.М. Сперанского и изданием «Свода Законов».

¹⁹ Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 356–359.

²⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 264. Л. 99.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-1). Т. XXXVIII. № 29126. С. 394.

²² Там же. §§ 13, 24, 61.

²³ Свод Законов Российской империи (СЗРИ). Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1833. Ст. 1–2.

д проломъ до рлв. го. прислана
 к нему Нателы Ншатра мотта (то
 кодн кнн кнзез. кнзезъ Федора. да кнн
 пасия (пелы ми дощуб коду коле
 мяни и пуща не дз лсно потому
 (тоймъ Наруши. прада слана
 пртвд тая дбра. ко де кнзъ палиъ
 кннзъ Федору кодн кнн. по нш муда
 зу. дощуб коду ко племяни Хеди
 не дз ель. кнн а паси ле де ко де кнн
 нштоу казу не полуша, двотуши
 врта Ната д брейб (потулиги
 амь те. рыбу лоци долг ель то.

Фрагмент текста царской грамоты в Тобольск с изложением указа о запрещении отпускать кондинских князей к их племени. РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Кн. 6. Л. 36об.

В процессе реализации положений Устава происходила существенная перестройка, унификация социальных структур индигенного населения. Так, в Западной Сибири в число инородцев были включены представители следующих категорий: все «ясашные», бухарцы, оброчные чувальщики, а с конца 1860-х годов – служилые татары. До реформы 1822 г. они отличались друг от друга формой податного обложения и способом отправления тех или иных повинностей в пользу государства, особенностями административно-территориальной организации, самосознанием и конфессиональной принадлежностью. Основными критериями, в соответствии с которыми отныне становилось возможным причисление к разряду оседлых и далее в иные податные категории (государственных крестьян, мещан, торговых) были «степень гражданского образования» и «образ жизни», конфессиональный фактор формально уже не имел значения²⁴.

Представляется, что инородцев корректнее рассматривать не как сословие, а как особое юридическое состояние, в рамках которого на протяжении XIX в. сложилось несколько сословных и этно-сословных групп. На это обратил внимание ещё известный правовед Н.М. Коркунов, он пишет: «некоторые из инородцев разделяются по сословным группам», а «юридическое положение отдельных разрядов крайне различно». По его мнению, объединяет их то, что «особенности их положения обуславливаются принадлежностью к определенному племени. Поэтому можно только родиться инородцем, но нельзя им сделаться»²⁵.

Этапы эволюции правового положения

С учетом основных выводов монографии М.М. Федорова²⁶ и итогов собственного исследования, выполненного на материале Северо-Западной Сибири²⁷, мною, в качестве предварительной, была предложена периодизация исторической эволюции правового положения народов данного региона с конца XVI до начала XX вв.²⁸ Ее основные тезисы уже получили оценку и призна-

²⁴ Конев А.Ю. «Иногородцы» – сословный проект империи: сибирская версия // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): сб. мат. всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 13–15.

²⁵ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. шестое. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. С. 274, 355.

²⁶ Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. 185 с.

²⁷ Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. 217 с.

²⁸ Конев А.Ю. Предисловие // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало

ние в историографии и были экстраполированы на Сибирь в целом²⁹. С учетом новых фактов и результатов, выявленных и полученных мною в процессе дальнейшего изучения различных аспектов этой темы, представляю данную периодизацию на рассмотрение коллег в следующей, скорректированной и дополненной редакции:

На первом этапе (конец XVI – начало XVIII в.) идет процесс легитимации власти русской власти над присоединёнными территориями и народами края. Посредством присяг-шертей фиксируется подданство сибирских «иноземцев»³⁰, по форме неразрывно увязанное с данью-ясаком и обусловленное ею. Это был период взаимной адаптации государства и традиционных социумов. Активно использовались основанные на обмене дарами реципрокные и иерархические отношения³¹, при этом контроль над ясачными сообществами нередко обеспечивался методами военно-административного принуждения. Русские опирались на исторически сложившиеся этно-социальные и потестарные институты аборигенов. Крупные территориальные образования – «княжества» и т.п., встроенные в волостную систему, сохраняли некоторое время внутреннюю автономию, а население арктического Севера вообще не испытывало значительного организующего влияния со стороны государства. «Ясачные люди» представляли собой достаточно разнородную массу индигенного населения, имевшую региональные и локальные отличия: в под-

XX вв.). Сборник правовых актов и документов / Редактор-составитель А.Ю. Конев. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 14–15.

²⁹ Миненко Н.А. Урал и Западная Сибирь конца XVI – первой половины XIX в. в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1997. С. 30; Slocum J. Who, and when, where the Inorodtsy? The Evolution of the category of “Aliens” in Imperial Russia // The Russian review. Vol. 57. 1998. No. 2. P. 179–181; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2009. С. 658–659, 686, 690; Тишков В.А., Трепавлов В.В. Синтез народов и культур в Российском государстве: восточное направление колонизации в XV–XVIII вв. // 1150 лет российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященном Году российской истории. М.: Наука, 2012. С. 76–77; Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 157.

³⁰ Конев А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских иноземцев конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. 2005. С. 172–177; Слугина В.А. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 1: История. С. 58–65.

³¹ Подробнее об этом: Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 46–49.

контрольности государственным институтам и степени интеграции в российское политическое и экономическое пространство; в нормах и формах ясачного обложения и практике взимания податей; в административно-территориальном устройстве и организации управления; в компетенциях и полномочиях автохтонной элиты, осуществлявшей взаимодействие местных сообществ с русской властью.

Второй этап (20-е гг. XVIII в. – 1821 г.) знаменовался отказом от предшествующей практики публичного подтверждения шерты через наказную формулу «жаловального слова». Постепенно уходит в прошлое взятие аманатов с целью обеспечения сбора ясака. Утверждались новые юридико-правовые формы во взаимоотношениях государства и его верноподданных «ясашных иноверцев». Этот этап характеризовался проведением активной миссионерской политики, направленной на конфессиональную гомогенизацию сибирского населения. Особое значение приобрели вопросы учета и классификации сибирских автохтонов. Первая ясачная реформа 1763–1769 гг. завершила процесс трансформации ясака из дани в налог и открывала возможность для консолидации ясачного населения Сибири в единую сословную группу. В целом, взаимодействие государственных и туземных общественных институтов осуществлялось в рамках правового плюрализма без одностороннего навязывания русских юридических и административных порядков.

На протяжении третьего этапа (1822–1917 гг.) оформляется особое юридическое состояние «инородцев» в Сибири в составе трех разрядов (оседлые, кочевые и бродячие), выделенных по экономико-хозяйственному, податному и административному признакам. Закрепляется и получает свое развитие система самоуправления и судоустройства в форме родовых управлений и инородных управ. Ускоряется процесс трансформации обычаев в обычное право. С середины этапа набирают силу тенденции к унификации и ликвидации особых «прав состояния» народов Сибири. Если иметь в виду действия правительства и местных властей, предпринятые в указанном направлении, как в области законодательства, так и в сфере административной практики, то конец XIX – первые полтора десятилетия XX в. можно рассматривать в качестве особого периода. В то же время необходимо учесть, что эти преобразования, по крайней мере в Западной Сибири, не носили завершенного характера. Поэтому выделять такой период предлагается в рамках третьего этапа.

Мы видим, что на протяжении XVII – первой трети XIX вв. практика сохранения внутренней автономности туземных сообществ постепенно трансформировалась в законодательное оформление их особого правового статуса. Устав 1822 г. рационализирует и бюрократизирует процессы взаимодействия государства и ясачных поданных, юридически оформляет место «инородцев» в сословной и административной системе империи. Учет своеобразия состава населения восточных окраин России в XVII–XIX вв. выражался в формировании и существовании особых социальных категорий, сочетавших в себе

этнический, вероисповедный и сословные элементы. Актуализация каждого из них зависела от задач государства, реализуемых в Сибири на разных этапах этого исторического периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841.
2. Головнев А.В. Антропология движения. Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.
3. Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / Под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетей, 2018. 722 с.
4. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2009. 752 с.
5. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. 217 с.
6. Конев А.Ю. Предисловие // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.). Сборник правовых актов и документов / Редактор-составитель А. Ю. Конев. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 9–42.
7. Конев А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских иноземцев конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. 2005. С. 172–177.
8. Конев А.Ю. «Инородцы» – сословный проект империи: сибирская версия // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): сб. мат. всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 6–19.
9. Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.
10. Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 760–783.
11. Конев А.Ю., Юзеева О.А. Катехизическая деятельность приходского духовенства среди народов Северо-Западной Сибири (2-я пол. XVIII – нач. XIX в.) // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.): коллективная монография / А.С. Андриенко, И.В. Балюнов, П.В. Белоус и др.; под общ. ред. П.В. Белоуса, А.Ю. Конева. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2020. С. 33–52.
12. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. шестое. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. 749 с.
13. Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
14. Миненко Н.А. Урал и Западная Сибирь конца XVI – первой половины XIX в. в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской

России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1997. С. 24–30.

15. Первалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017. Т. 1. 515 с.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. № 29126.

17. Попков Ю.В., Топорков В.Т. Этничность реальная или воображаемая: новый конструктивизм // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 88–92.

18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1, Кн. 6, Кн. 1613, Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942, Оп. 5. Д. 675; Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180.

19. Российский государственный исторический архив. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 264.

20. Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369.

21. Свод Законов Российской империи. Т.IX. Законы о состояниях. СПб., 1833.

22. Словарь Академии Российской. Ч. V. От Р до Т. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1794. 1084 стб.

23. Слугина В.А. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 1: История. С. 58–65.

24. Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 3. СПб.: Тип. горн. училища, 1793. 217 с.

25. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

26. Тишков В.А., Трепавлов В.В. Синтез народов и культур в Российском государстве: восточное направление колонизации в XV–XVIII вв. // 1150 лет российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященном Году российской истории. М.: Наука, 2012. С. 76–95.

27. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2019. 416 с.

28. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. ТИАМЗ. ТМ-12531.

29. Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. 185 с.

30. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семейным Ремезовым в 1701 году: в 2 т. Т. 1. Факсимильное издание. М., 2003.

31. Brubaker R. Ethnicity without groups. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004. 283 p.

32. Slocum J. Who, and when, where the Inorodtsy? The Evolution of the category of “Aliens” in Imperial Russia // The Russian review. Vol. 57. 1998. No. 2. P. 173–190.

Сведения об авторе: Конеv Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Тюмень, Российская Федерация); старший научный сотрудник НОЦ «Наследие» ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: aldimoks@mail.ru

**BETWEEN ETHNICITY AND SOCIALITY: THE YASAK POPULATION
OF WESTERN SIBERIA IN THE 17TH–19TH CENTURIES***

A. Yu. Konev

*Federal Research Center Tyumen Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Tyumen, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

The author summarizes some of the results of his many years of research, which have become more relevant thanks to the discussion on the pages of the *Golden Horde Review* (see: Samigulov G.Kh. *Yasak People, Foreigners, Yasak and Exchange of Gifts – Practical Thinking about a Theory. Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 342–369; Konev A.Yu. The Phenomenon of “Foreigners”, *Yasak and Gift Exchange: Peoples of the Volga Region, the Urals and Siberia in Russia in the late sixteenth and early eighteenth centuries. Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 760–783). Methodological and conceptual-terminological aspects are the main aspects of this study. It pays its main attention to the yasak people, that is, the largest group of the indigenous Siberian population. The author updates his periodization of evolution in the legal status of peoples in North-West Siberia from the end of sixteenth to beginning of twentieth century.

Keywords: class, ethnic group, legal status, peoples of Siberia, Russian state

About the author: Aleksey Yu. Konev – Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Federal Research Center Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Scientific and Educational Center “Legacy”, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aldimoks@mail.ru

* The work was carried out according to the state assignment, No. 121041600045-8, the project “Western Siberia in the Context of Eurasian Relations: Man, Nature, and Society”.

ВОТЧИНЫ ЦНИНСКОЙ МОРДВЫ

П.К. Напольникова

*Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина
Тамбов, Российская Федерация*

Целью исследования является изучение мордовских бортных промысловых участков в Почеень в составе дворцовой вотчины – Верхоценской волости в начале XVII столетия, сравнение их с вотчинами бортными ужожеями мордвы Кадомского и Темниковского уездов, выявление общих черт. Проведение аналогий с вотчинами черносошных крестьян более раннего периода. Материалами исследования послужили опубликованные писцовые книги Кадомского уезда 1629/1630 г., неопубликованные архивные материалы – Шацкие писцовые книги 1622 г. и Книга ясачных сборов Верхоценской волости 1622 г. В результате исследования было установлено, что в рассматриваемый период бортные ужожеи в Почеень, несмотря на то, что являлись вотчиной Московского царского дома, сохраняли еще признаки вотчин цнинской мордвы, хотя и не указывались таковыми в писцовых книгах. Сравнение структуры и размеров выплат с вотчин бортных ужожеев мордвой Кадомского уезда и с бортных ужожеев мордвой Почеень показало почти полную схожесть, несмотря на различия в вотчинном статусе. Делается вывод, что цнинская мордва, перестав быть вотчинниками бортных ужожеев после включения их в состав Верхоценской волости, в первой трети XVII века еще имела прежние права в отношении своих промысловых территорий. При сравнении мордовских вотчин с вотчинами черносошных крестьян, отмечено, что неотъемлемой частью вотчинных прав и у крестьян и у мордвы являлось приложение трудовых усилий к владению. Этот факт не позволяет проводить параллель между вотчинным правом и правом собственности на землю в привычном для нас понимании.

Ключевые слова: мордва, Почеень, вотчина, бортный ужожей, промысел, Верхоценская волость, оброк

В немногочисленных архивных материалах XVI – начала XVII века по истории Мещеры и Почеень упоминаются мордовские и татарские вотчины. Что они из себя представляли, отличались ли от русских вотчин в привычном для нас понимании?

В Писцовой книге мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/1630)г.¹, в документах Темниковской приказной избы конца XVI – на-

¹ Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/1630) г. // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 154–199.

чала XVII века² мордовские и татарские вотчины представлены как бортные ухोजья, то есть как крупные промысловые, преимущественно, лесные участки. И особенности вотчинного владения в этих уездах подробно рассмотрены исследователями М.М. Акчуриным и А.В. Беляковым³.

В Поценье в данный период времени наблюдается схожая ситуация, однако, со своими особенностями. Основными документами по изучению истории региона начала XVII века являются Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Федоровича Стрешнева 1622 года и Копии с шацких писцовых книг Федора Чеботова.

Источники фиксируют на Цне существование в этот период крупной дворцовой вотчины – Верхоценской волости. Так, В Книге ясачных сборов с мордовских деревень, под 1617 годом есть следующая запись: «Худячко Серкин сын Лопырев Шатского уезда Верхоценские волости деревни Мутасевы мордвин продал в Государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всея Руси вотчине ва своем бортнаи ухожью.... А купчею писал Верхоценские волости земской дъечок Гриша Иванов 125 году»⁴. С 1618/1619 года Верхоценская волость переходит во владение матери царя Михаила Федоровича – инокини Марфы Ивановны. Дворцовая волость охватила практически все течение Цны и включала в себя более сорока сел и деревень, населенных, преимущественно, мордвой. Основным занятием населения волости (особенно населенных пунктов, располагавшихся выше по течению, на лесном правом берегу Цны) был бортный промысел.

При описании сел и деревень писцы перечисляли бортные ухोजья, которые находились в пользовании конкретного жителя. Но если в писцовых материалах по Кадомскому и Темниковскому уездах постоянно используется единая формулировка «вотчина бортный ухожей» в отношении конкретного владельца, то здесь мы видим разделение этих понятий в связи с объединением многочисленных мордовских промысловых участков в крупную вотчину царского дома. В шацких писцовых книгах указывается «государева вотчина, свой бортный ухожей». Бортные ухожей записывались в вотчинные книги, где указывались границы промыслового участка, его владелец, количество выплачиваемых налогов и «знамена» – знаки, которыми маркировались бортные деревья в определенном бортном ухожье: «А по скаске исца мордвина Худячка Серкина все те ухожи и знамена Варалыевской и Палмокужской и

² Беляков А.В. Документы XVI – начала XVII века из Темниковской приказной избы // Средневековые тюрко-татарские государства. № 8. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 39–48.

³ Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов Мещерских уездов XVI–XVII веков) // Золотоордынское наследие. Вып. 3. Материалы VI Международного Золотоордынского форума. Казань, 2019. С. 56–68.

⁴ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 16.

Мутасевской и в Орзаове липеге, которые ужожи и знамена у Беляйка в купчей написаны, написат в Государнины вотчинные книги за ним, за Беляйком и за ево детми. А оброку с тех ужожев и знамен, мордвин Беляйко з детми платит по купчей пуд без чети пуда меду, шесть алтын полторы денги, куничных денег пят алтын, пошлин с меду и куницы четыре денги.»⁵

Судя по документам, мордва Верхоценской волости могла свободно распоряжаться своими промысловыми участками – продавать, передавать по наследству. Так, неоднократно упоминания о купчих: «И перед Федором Чоботовым продавцы, Исайко да Сидорка Похомовы, у книг сказали, что они Ромашку Кечатову и брату его, Вотапке, и их детем и племянником, те ужожи и знамена продали, и купчею им на те ужожи дали»⁶. Встречаются описание наследственных споров: «И в прошлом 129 году, бил челом Государыне Великой старице иноке Марфе Ивановне о тех азарапинских бортных ужожев, Азарапин племянник, Исайко Пахомов. ...А Исайко Пахомов перед Федором Чоботовым, у книг сказал, что он с Киченапкою мирен, и дяди своего Азарапы бортные ужожи, Корельской и Вышинской, и Арзасовской, разделили пополам, и записми укрепили»⁷. Кроме того, ввиду активного развития бортного промысла в тот период, в оборот вводились новые промысловые участки, что, вероятно, сопровождалось прибавкой налоговых выплат: «Да в нынешнем во 130 году нижних же деревень бортники и мордва прибавили на свои бортные ужожи медвяного оброку внов пят пуд с третю пуда меду с ясачными и куничными денгами»⁸.

Таким образом, мы видим, что в рассматриваемый период бортные ужожеи в Пощень, несмотря на то, что являлись вотчиной Московского царского дома, сохраняли еще признаки вотчин цнинской мордвы, хотя и не указывались таковыми. То есть, бортные промысловые участки Верхоценской волости использовались жителями для получения прибыли, передавались по наследству членам семьи и могли быть проданы с составлением договора купли-продажи.

Казалось бы, что утрата отдельными бортными ужожеями вотчинного статуса должна была отразиться на системе сборов, выплачиваемых мордвой за пользование лесными участками. В Верхоценской волости мордва платила натуральный оброк медом (который мог заменяться денежными выплатами), ясак, куничные деньги, пошлины с меда и куничные пошлины. Минимальное количество оброка, взимавшегося с одного бортника – четверть пуда меда, то есть всего лишь чуть больше 4 килограммов. Максимальное количество, зафиксированное в документах только один раз, составляло «сем пуд без трети пуда меду»⁹, то есть около 110 килограммов. Основная масса бортников пла-

⁵ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 11об.

⁶ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 22об.–23

⁷ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 30–31об.

⁸ Архив СПбИИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 85.

⁹ Там же. Л.5об.

тили в среднем пол пуда – пуд меда (8–16 килограммов), реже – около двух пудов¹⁰. Ясачные выплаты зависели от оброка. С оброка, не превышающем два пуда меда, сумма ясака с одного пуда меда выплачивалась в размере 8 алтын 2 деньги¹¹. При количестве оброка два пуда и более – ясак с пуда составлял 6 алтын 4 деньги¹², то есть на 10 денег меньше. Куничные деньги рассчитывались исходя из определенных окладных единиц – куниц. С пуда взималось пол куницы, что составляло 6 алтын 4 деньги¹³. Пошлины с меда зависели от количества оброчного меда, и составляли 5 денег с пуда¹⁴, а куничные пошлины определялись «с полкуницы – полденги»¹⁵. Если сравним эту раскладку с налоговыми выплатами кадомской мордвы со своих вотчин бортных ухажьев, то увидим следующее. Так, мордва деревни Мелсетева, с девяти дворов выплачивала оброк четыре пуда меда с четвертью. Ясак с этого количества составлял рубль, то есть с одного пуда уплачивалось примерно около 8 алтын. Куничные деньги составляли двадцать шесть алтын четыре деньги с двух куниц (6 алтын 4 денги с пуда). Пошлины с меда выплачивались по пять денег с пуда, а пошлины с куницы составляли одну денгу с одной куницы¹⁶. Эти данные практически совпадают с вышеприведенными выплатами мордвы Верхоценской волости, мы не наблюдаем отличий ни в структуре выплат, ни в их размере. Таким образом, можно говорить, что цнинская мордва, перестав быть вотчинниками бортных ухажеев после включения их в состав Верхоценской волости, в первой трети XVII века еще сохраняла прежние права в отношении своих промысловых территорий.

Кроме того, употребление слова «свой» в отношении бортных ухажеев, часто встречаемое в писцовых документах, показывает восприятие средневековой мордвой этой территории, как неотъемлемой части своего мира, того, что дает возможность жить.

О том, что до образования Верхоценской волости мордва считалась вотчинниками бортных угодий говорит факт наличия вотчинных записей про-

¹⁰ Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. С. 136–137.

¹¹ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1 Л. 3.

¹² Архив СПБИИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 5об.

¹³ Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. С. 144.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1 Л. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов Мещерских уездов XVI–XVII веков) // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Татагиса: генезис и наследие государственности Золотой Орды», Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. С. 158.

шлых лет: «Деревни Чоркино... Петрушка Поланин с братею да Смирка Неверов...положили вотчинною купчую запись на Ломоиский ухожей, что купили отцы их Поланко с братею у ценских татар у Енговатка да у Кудашка Кудяковых детей 94 году»¹⁷. А первое упоминание о мордовских вотчинах на Цне датируется 1496 годом в докончании великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федром Васильевичем: «А что моя мордва деленая с водчинами во Цне... и мордва деленая со всеми доходы моя и есть, по старине»¹⁸.

Хотя, вероятно, мы можем предполагать возникновение мордовских вотчин в более ранний период.

Как верно отмечала Л.В. Данилова, «появление понятия "вотчина" в смысле имущества, полученного от отца, и соответственно наследственного права на это имущество – результат серьезных сдвигов в общественных отношениях, итог длительного процесса вычленения из недр общины семьи (большой или малой в зависимости от конкретных условий) не только в качестве хозяйственной, но и социальной ячейки»¹⁹. И хотя этот термин изначально возник в славянском языке, перенесен он был в мордовскую среду на схожий институт, на считаемую «своей» территорию, полученную и передаваемую по наследству.

Здесь хотелось бы провести параллели между мордовской вотчиной и вотчинами черносошных крестьян. Как средневековый крестьянин относился к своему земельному владению как к источнику существования, принадлежащему ему по праву рождения, из-за принадлежности к земледельческому сословию и к конкретной социальной общности – волости, деревне, селу, роду, семье²⁰, так же и мордовский бортник воспринимал свои лесные территории. И как наряду с наследственным правом у крестьян действовало трудовое право, требовавшее приложение усилий по обработке наследуемого владения (по формуле «куда топор, куда соха, куда коса ходили»), так и у мордвы право владения бортным ухожеем сохранялось при условии ведения промысловой деятельности в нем. Об этом свидетельствует упоминание в источниках прежних владельцев ухожеев, промысловые участки которых на какой-то период времени оказались заброшены, а после начали восстанавливаться и использоваться уже другими людьми: «...И вес пут (ь), что хаживал Илья да Нушта Ватапины, а Беляйку и ево детем и внучатам туды ж ходит(ь)»²¹, «...Киченапко Миткин, с племянником своим, с Кирдяком Неверовым, ходят

¹⁷ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 148.

¹⁸ Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII веков. Т. 1. Рязань, 2005. С. 254.

¹⁹ Данилова Л.В. Понятие земельной вотчины в средневековой Руси // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-ти летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.: изд-во СПбГУ, 1996. С. 258.

²⁰ Там же. С. 265.

²¹ РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 9.

бортные ужожи Корельской, и Вышенской, и Арзазовской, Азарапинской пут (б)»²². Под «путем» здесь понимается освоенная лесная территория, которая могла быть частью одного бортного ужожея, а могла проходить и связывать несколько бортных участков. Все это позволяет говорить, что вотчиной у мордвы считался не просто участок леса с потенциальными бортными деревьями, а уже освоенная территория, подготовленная для ведения промысла.

В связи с этим ошибочным было бы приравнивать вотчинное право того времени к праву собственности на землю в привычном нам понимании, как включающее правомочия владения, пользования и распоряжения. Вотчинные права мордвы распространялись на территории, включенные в промысловый цикл бортничества. Выпадение лесных участков, по любым причинам, из этого цикла лишало их хозяйственного значения в сознании бортников и выводило из правового поля. По мере притока населения в Поценье в XVII в., развития поташного промысла, эффективность и производительность бортничества снижается. У мордовского населения постепенно меняется структура хозяйствования, в ней начинает преобладать земледелие. И с этим переходом нивелируются права мордвы на лесные участки. Бортные ужожеи передавались во владение служилым людям, дробились и постепенно, как массовое явление, к XVIII веку исчезли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов Мещерских уездов XVI–XVII веков) // Золотоордынское наследие. Вып. 3. Материалы VI Международного Золотоордынского форума. Казань, 2019. С. 56–68.
2. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИРАН). К.115. Оп. 1. Д. 291. Список с писцовых бортных книг Федора Чеботова шацких дворцовых сел 130 году.
3. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/1630) г. // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 154–199.
4. Беляков А.В. Документы XVI – начала XVII века из Темниковской приказной избы // Средневековые тюрко-татарские государства. №8. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 39–48.
5. Данилова Л.В. Понятие земельной вотчины в средневековой Руси.// Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-ти летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.: изд-во СПбГУ, 1996. С. 254–277.
6. Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. 206 с.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр.1. Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости 130 году.

²² РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 30.

8. Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII веков. Т. 1. Рязань, 2005. 667 с.

Сведения об авторе: Напольникова Полина Константиновна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Тамбов, Российская Федерация). E-mail: nappolina78@yandex.ru

VOTCHINAS OF THE TSNA REGION'S MORDOVIANS

Polina K. Napolnikova

*Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russian Federation*

The article examines the Mordovian honey extraction sites in the Tsna region as part of the palace *votchina*, namely, the Upper Tsna volost at the beginning of seventeenth century; compares them with the *votchiny bortnye ukhozhei* among the Mordovians in the Kadomsky and Temnikovskiy districts; and identifies their similarities. The author compares them with *votchinas* of the *chernososhnye* peasants of an earlier period. The study is based on the scribe books of the Kadomsky district of 1629/30, the unpublished Shatsky scribe books of 1622, and the Book of yasak collections of the Upper Tsna volost of 1622. During the period under review, despite the fact that they were the *votchina* of the Moscow Tsar's house, the *bortnye ukhozhei* in the Tsna region retained signs of *votchinas* of the Tsna region's Mordovians, although the scribes did not indicate them as such. Comparison of the structure and size of payments from the *bortnye ukhozhei* by the Mordovians of the Kadoma district and from the *bortnye ukhozhei* by the Mordovians of the Tsna region showed almost complete similarity, despite the differences in the status of *votchinas*. Thus, despite the fact that the Mordovians of the Tsna region were no longer *votchinniki* of the *bortnye ukhozhei* after they became part of the Upper Tsna volost, they still retained their former rights to their territories in the first third of seventeenth century. Comparison of the Mordovian *votchinas* with the *votchinas* of the *chernososhnye* peasants showed that the application of labor efforts to ownership was an integral part of the *votchina* rights of both the peasants and the Mordovians. This fact does not allow us to draw a parallel between *votchina* rights and land ownership in our usual sense.

Keywords: Mordovians, Tsna region, Mordovian *votchina*, *bortnye ukhozhei*, trade, Upper Tsna county, obrok

About the author: Polina K. Napolnikova – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: nappolina78@yandex.ru

«САЙДАК ПРОТИВ ПУДА»: ВОТЧИНЫ КАК СТАРИННАЯ ФОРМА ОКЛАДА СЛУЖИЛЫХ ТАТАР МЕЩЕРЫ

М.М. Акчури

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

Е.И. Парадеев

*Независимый исследователь
Москва, Российская Федерация*

Цель данной статьи: изучить сведения о вотчинных владениях мордвы и татар Мещеры. В основу исследования легла ранее неопубликованная грамота 1644 г. о разверстании вотчины, находящейся в совместном владении у Василия Молчанова и других вотчинников Темниковского уезда. Анализ грамоты позволил выявить не встречаемые ранее в источниках особенности учета вотчинных владений. Примечательным оказалось использование понятия «сайдак» для оценки размеров вотчинных долей служилых мурз и татар. «Сайдак» в расчетах считался эквивалентом оброка для мордовских владельцев. Грамота подтвердила, что вотчины служилых татар Мещеры с одной стороны были освобождены от уплаты оброков, но с другой были отягощены обязанностями, относящимися к военной службе, и имели для татар особые единицы измерения – «сайдаки». Таким образом, в данной статье было сделано заключение, что вотчины являлись еще одной формой оклада за службу, наряду с поместьями, и, видимо, более старой. Кроме этого, представленная грамота является примером, раскрывающим последовательность и механизм раздела вотчинных владений, находящихся в совместном пользовании как служилых мурз и татар, так и мордвы. Для мордвы основным критерием для оценки размера вотчинной доли считалась сумма оброка.

Ключевые слова: Темниковский уезд, Мещера, мордва, служилые татары, мурзы, вотчины, бортный ухोजей, оброк, сайдак

В данной статье будет рассказано о весьма необычной, с нашей точки зрения, по содержанию грамоте, в которой описана процедура ревизии и раздела вотчины между совладельцами. Предоставленная информация дает нам ключ к пониманию важного явления, связанного с вотчинным владением служилых татар. Речь идет о проблематике, озвученной в предыдущей работе «Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов мещерских уездов XVI–XVII вв.)»¹, написанной совместно с д.и.н. Анд-

¹ Акчури М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов мещерских уездов XVI–XVII вв.) // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума, Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань, 2019. С. 56–68.

реем Васильевичем Беляковым. Там было обозначено, что служилые татары обладали двумя формами собственности: поместьями (пашни, сенные покосы, «помещиковы» и крестьянские дворы) и вотчинами (лесные и лесостепные промысловые угодья: бортные ужожи, места звериной ловли и т.д.). Поместья жаловались при «верстании» на службу, в то время их официально нельзя было наследовать, а также продавать или покупать, и для них была характерна оговорка «а с поместий служба служить». В отличие от поместий вотчины наследовались и покупались. И казалось бы, если вотчинные владения являлись более старой формой собственности для служилых татар, то такие оговорки мы должны были встретить и применительно к вотчинам, однако они не попадают. Известные источники, относящиеся к вотчинам, ничего не говорят о необходимости служилых татар-вотчинников платить оброки. С одной стороны, это дает право предполагать наличие тарханного статуса таких владений, но с другой стороны до сих пор **в документах мы не обнаруживаем, чтобы или купленные, или унаследованные вотчины как-то оценивались и засчитывались татарам в оклад за службу или какими-то специальными грамотами освобождались от налоговых платежей.**

При этом остается неясным еще один вопрос. Служилые татары совершали сделки купли-продажи с мордовскими жителями, которые обязаны были платить оброки, а также с мордвой татары могли находиться в совместном владении вотчиной. Но в каждом таком случае требовалось как-то учитывать, что, например, купив вотчину у служилых татар мордовский покупатель вновь должен был начать платить с нее оброки, но как проводилась оценка суммы оброка? Мы надеемся, представленная грамота (см. Приложение) поможет разобраться в этих вопросах.

Итак, жалобу царю подал мордовский вотчинник Василий Молчанов из деревни Тотушево (также – Татушево, второе название – Малые Пурдошки), переданной ранее вместе с жителями в ведение Пурдышевского монастыря и населенной соответственно монастырской мордвой. Он сам и его возможные отец Молчан Вечкинзин и дед Вечкинза (Вечконза) Мелситов неоднократно упоминаются в других вотчинных документах из архива Пурдышевского монастыря². Суть изложенной в грамоте жалобы заключается в том, что в совместном владении вотчины вместе с Василием Молчановым было еще несколько владельцев из числа мордвы и татар – они также «ходят» в эту вотчину. Но, видимо, делают это так усердно, что Василию Молчанову как основному владельцу оказалось не с чего платить положенный оброк, что привело его к разорению. В ответ по указу царя велено было «разверстать» уxo-

² Беляков А.В. Архив Рождества Пречистые Богородицы Пурдышевского монастыря конца XVI – начала XVIII в. // Вестник церковной истории. 2020. № 1-2 (57-58). С. 227–291.

жей (разделить на участки и обозначить границы) пропорционально между мордовскими вотчинниками в зависимости от сумм оброков, назначенных каждому владельцу согласно купчим и записям в писцовых книгах. Таким образом, для оценки размера вотчинной доли использовали сумму оброка. Но **в отношении служилых татар-вотчинников предписано было использовать не «мордовский платеж» (государственный оброк, определяемый весом подлежащего сдаче в казну меда), а его эквивалент, названный как «сайдак».** Причем указано, что «сайдак» соответствовал выплате одного пуда меда мордовского оброка. Это весьма примечательное указание, в других документах оно нам ранее не попадалось. Сайдаком в те времена называли один из самых распространенных видов военного оружия – комплекс, состоящий из лука и принадлежностей. Применение этого понятия для служилых вотчинников потребует дальнейших исследований. К сожалению, нам пока не удалось обнаружить подобные примеры и для других регионов. Тем не менее выскажем свои соображения.

И первое, что напрашивается, возможно, вместо оброков служилые татары за пользование вотчинами должны были передавать в пользу государства боевые луки.

Однако предложим еще одну версию, которую, правда, пока нет возможности подтвердить другими примерами. Нам представляется, что под «сайдаком» подразумевалась боевая единица в виде воина-лучника. Здесь видится аналогия с оценкой поместий из «Уложения о службе» Ивана IV 1556 г., где служилый человек должен был со ста четвертей пашенной земли выставлять и снаряжать воина «на коне и в доспехе полном, а в далной поход о дву конь»³. Для татарских воинов главным видом вооружения были луки – так, для кадомских татар и мурз в начале XVII века при выставлении даточных людей указывались люди «на коне в саадаке»⁴. Таким образом, мы предполагаем, что **со своих промысловых вотчин служилые татары должны были выставлять воинов из расчета один конный лучник с вотчинной доли,**

³ Смирнов Н.В. Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 296–338. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/2013/08/20/smironov_01 (дата обращения: 01.02.2021).

⁴ Беляков А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч.I. С. 134–149. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1 (дата обращения: 01.02.2021).

если бы с этой доли платился оброк равный одному пуду меда. И аналогично как в случаях с поместьями первым «сайдаком» должен был бы стать сам служилый человек, а с вотчин больших размеров следующими «сайдаками», т.е. лучниками – привлеченные со стороны люди.

Более детально проанализируем каким образом было произведено разverstание. Вотчинный бортный ухжей, названный как «Чюрмонтеевский ухжей» (далее – Чюрмонтеевский), он же – «Чюрмонтей» (Чюрмонтей) или «Чермонтей» помра, был разделен на 5 паев (см. Таблица 1). В основе раздела был размер мордовского оброка, а также сайдака, определенный для отдельных вотчинников по подтверждающим документам (выписям из писцовых книг и купчим). Общая оценка их повинности составляла 4 пуда без четверти меда и 1 сайдак, или же в мордовском эквиваленте 5 пудов без четверти меда по соотношению 1 сайдак – 1 пуд. Поскольку пуд меда состоял из 40 гривенок, то четверть (0,25) пуда равнялась 10 гривенкам, иными словами, если бы оброк уплачивали только мордовские владельцы, то с них бы полагалось 4 пуда и 30 гривенок меда. Фактически мордовский оброк с каждого пая составлял 1 пуд⁵ за исключением рассматриваемых вместе паев №4 и №5 (1 и $\frac{3}{4}$ пуда). По-видимому, весь ухжей позволял взимать в казну ровно 5 пудов⁶, поскольку по итогу «бор» остался неразделенным, и всем вотчинникам за него нужно было суммарно платить еще 10 гривенок («оставлен на десять гривенок всем вотчинником, которые выше сего имяны писаны, на те ж на пять поев всем вообще»).

⁵ Необходимо подчеркнуть, что размер оброка в 1 пуд был также весьма типичным с одного бортного знамени, под которым мог бортничать владелец знамени самостоятельно или с родней. Например, в деревне Корино Арзамасского уезда среди знамен, запустевших до работы писцов Т. Измайлова и Н. Чаплина в 1620-х гг., основная их доля связана с величиной оброка в 1 пуд (9 знамен из 18) (см. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 22. Л. 13–13 об.).

⁶ Ухжей был весьма значительным. Для сравнения в Кадомском уезде со всего Еректинского беляка, включавшего 5 деревень и 1 починок, взимался 21 пуд 15 гривенок меда верхового оброка (без учета пуста) (См. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013. С. 161).

Таблица 1

**Описание паев разделенного вотчинного
ухожея «Чурмантей помра»**

Но- мер пая	Владелец	Прошлый владелец	Размер оброка/ сайдака	Подтверждение прав собствен- ности
3-й	Мордвин Василий Молчанов	Бибулат (Байбулат) мурза Би- чурин	1 пуд	Купчая, по которой он приобрел у мур- зы «старой отцов- ской коренной же- ребей против пуда меду»
1-й	Мордвин Тепкай На- литов		0,5 пуда	выпись из книг Степана Хрущева
	Мордвин Василий Молчанов		10 грив., т.е. 0,25 п.	выпись из книг Степана Хрущева
	Мордва Шиндяпа Емяшев «з братьею»		10 грив., т.е. 0,25 п.	выпись из книг Степана Хрущева
2-й	Бибай Актуганов,		1 сайдак	По старине («ста- рый коренной жере- бей»)
	сл. татары Емякей Актуганов, Ногайбек Богданов	Казенбай мурза Ен- булатов продал свой жере- бей		купчая «за рукою Османа мурзы Раз- гилдеева»
4 и 5-й	Мордва Кечат Яку- тин, Бегиш Сатеев «з братьею»		1 батман ⁷ , т.е. 0,25 п.	книги в Темникове
4 и 5-й?	Мордвин Мозерка Велмеев	сл. татарин Сюнчак Коратаев	Жеребей про- тив 1 пуда	Купчая
	сл. татарин Нюняк Сюнчаков	Вероятно, его отец Сюнчак Коратаев		По старине

⁷ В грамоте четверть пуда описывается и как 10 гривенок, и как батман – такое различие в единицах веса связано с тем, что при отделе использовались различные документы (купчие, выписи из писцовых книг), подтверждающие права собственности на доли в вотчине, и чиновники попросту заимствовали сведения из них.

Но- мер пая	Владелец	Прошлый владелец	Размер оброка/ сайдака	Подтверждение прав собствен- ности
4 и 5-й	Мордвин Емонтай Богданов	его отец Богдан Са- таев купил у сл. тага- рина Айбу- лата Кай- булина	1 батман, т.е. 0,25 п.	Купчая
	Мордвин Копас На- литов		10 грив., т.е. 0,25 п.	
		ИТОГО:	4 пуда без четверти и 1 сайдак, эк- вивалентно 5 пудам без четверти. Оставшаяся 1 четверть (10 гривен- нок) приходилась на неразделен- ный бор	

Использование понятия «пай» (доля, часть) в бортном промысле было вполне распространенным явлением в XVII веке. Паи обособлялись, то есть имели определенные границы. Они могли иметь одного владельца или быть в совместном владении, когда в них занимались бортничеством «судерев». Например, пай №3 по итогам раздела полностью принадлежал Василию Молчанову, а №1 распределялся на трех мордвинов. Судеревными же были паи №4 и №5 («досталось з жеребья два пая вместе, вопче»), их особенностью являлось то, что в 1644 г. между ними не стали определять границы («рубези») на местности, ограничившись только внешними рубежами. По паям можно было совершать различные сделки (купчие, меновые, сдаточные и пр.), иногда они могли быть поименованы. Приведем для контекста использования данного понятия примеры из писцовой книги по мордовским и бортничьим деревням Арзамасского уезда В. Киреева и Г. Молчанова 1677–78 гг.:

– «Да за ним же, Косткою, з братом Игошкою бортной ухожей по записи 169-го году, что здали отцу ево, Косткину, Фадейку деревни Кудлей мордва Тешук да Кожайка Кудашовы свой *пай* и брата своего Володки на Муромском лесу на речке на Чермолее...»⁸;

– «Да деревни Кудлей мордвин Якимко Надешин з братом Буянком владеет по купчей 149-го году ... судеревным *паем*»⁹;

– «Да ему ж, Федке, з братом Алешкою ходить в Уском *паю*, от болшой дороги *пай* пропустя, а до стану не ходить, за один *пай* до Поушного *паю*, да

⁸ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 22. Л. 133.

⁹ Там же. Л. 147.

в Пичюжим *паю* становой *пай* по тесам и по граням до бору среди Григорьева паю: от Зобишной речки вверх по речке до тесов и до граней, а с той речки и до другой речки по тесам и по граням...»¹⁰.

Согласно грамоте 1644 г., в конце раздела Чурмантеевского ухोजея были установлены рубежи паев относительно смежных владельцев. Все грани скрепил свои «третьским» знаменем Баиш Томогаев (или Тагамаев¹¹) из деревни Козеевой Нижнеломовского уезда, выступавший третьей независимой стороной (не был связан ни с челобитчиком, ни с иными вотчинниками). Это позволило предотвратить дальнейшие спорные ситуации, на которые обратил внимание в своей челобитной Василий Молчанов.

Наибольший интерес представляют сведения об определении размеров повинностей для разных владельцев. Акт позволяет увидеть следующие особенности. Во-первых, в нем упомянут чисто татарский пай (№2), с которого взыскивается сайдак. Во-вторых, в нем упомянута купчая между татарским мурзой Бибулатом Бичуриным и Василием Молчановым, по которой мордвин приобрел у мурзы «старой отцовской коренной жеребей против пуда меду» (см. пай №3)¹². В этой фразе заключено противопоставление «против пуда», вероятно, подразумевающее более ранний перевод сайдака в мордовский платеж (пуд меда). В-третьих, есть в перечне и смешанное владение паем мордвина Мозерки Велмеева и служилого татарина Нюняка Сюнчакова, для которых жеребей определен опять же «против пуда». В-четвертых, часть паев признана чисто мордовскими, с которых взыскивается медовый оброк без конвертации: «мордведе деревни Урляй Кечату Якутину да Бегишу Сатееву з братьею, надвеной [sic, медвеной] оброк на ботман платя по книгам в Темникове».

Учитывая, что актом установлен перевод сайдака на медовые сборы в эквиваленте 1 сайдак – 1 пуд, а общее количество меда было не кратным пуду, то и суммарное количество «сайдаков» за весь бортный ухोजей в пересчете с

¹⁰ Там же. Л. 204.

¹¹ В грамоте упоминается три раза, и его отчество везде написано различно: Томогаев, Тотомаев, Тагамаев. По наличию в двух вариантах букв «г» и «м» можно с уверенностью отсеять лишь третий вариант – Тотомаев.

¹² Здесь возможно два варианта прочтения сведений из грамоты. Первый вариант: «отделили Василью Молчанову по купчей, что купил у Бибулата мурзы Бичюрина старой отцовской коренной жеребей против пуда меду». Второй: «отделили Василью Молчанову по купчей, что купил у Бибулата мурзы Бичюрина старой отцовской коренной жеребей, против пуда меду». Различие – в наличии второй запятой. В первом варианте подразумевается, что В. Молчанов приобрел жеребей у мурзы Б. Бичюрина, и 1 сайдак был пересчитан в 1 пуд меда. Во втором – что В. Молчанову отделили пай с обязанностью выплаты оброка 1 пуда меда, не учитывая факт ранней конвертации сайдаков в пуды. Авторы склоняются к первому варианту, поскольку сделка произведена между представителями разных этносоциальных категорий, и также должна была потребоваться конвертация пуд-сайдак.

«пудов» получилось нецелым: «и всем разделено... на сайдаки, на пять жеребьев бес чети против пяти пуд бес чети». Мы также можем наблюдать, что в пае со смешанным татарским и мордовским владением повинность в меде была определена в 1 пуд (1 сайдак), то есть на долю служилого татарина Нюняка Сюнчакова опять же приходилось меньше сайдака. Если придерживаться нашей версии о выставлении воинов с вотчин, можно предположить, что, когда для каждого служилого человека персонально суммировались «сайдаки», итоговое число как-то приводилось к целому значению.

В акте 1644 г. при описании рубежей приведены географические ориентиры для Чурмантеевского ухожея: река Большой Нулуй и речка Малая Нулуйка (Нулуевка). Существует правобережный приток Мокши под названием Нулуй, но ухожей находился не на нем, а совершенно в другом месте. Данные вотчинные владения поможет локализовать опубликованная М.С. Полубояровым грамота 1688 г. из Отказных книг Пензенского уезда, в которой приводятся сведения о различных бортных ухожеях монастырской оброчной мордвы Савинского монастыря, заимствованные из писцовых книг Темниковского уезда Степана Хрущева 7131 (1622/23) г. Среди вотчинников указан уже известный нам челобитчик Василий Молчанов из д. Тотушево¹³. Там же значатся в числе владельцев мордовские жители различных деревень, чьи имена и отчества позволяют предположить их родство с некоторыми владельцами Чурмантеевского ухожея из представленной нами грамоты (Налитов, Якутин и др.)¹⁴. Выясняется, что среди вотчин Василия Молчанова с его односельчанами значится «бортной Кунаевской ухожей, что на реке на Суре по обе стороны Куная», а также старинная вотчина – «бортной ухожей, что на речке на Нулуе, по обе стороны Нулуя, против городища»¹⁵. Упоминается и речка «Кальдаис».

Река Колдаис – левый приток Суры, река Канаевка впадает в Суру чуть ниже по течению относительно устья Колдаиса. В этом же районе есть город Городище Пензенской области, расположенный на реке Юлове. Юлова и Большой Нулуй, иначе называемый в документах XVII в. Нулуев, являются одним и тем же географическим объектом. Речка Малая Нулуевка, очевидно, является притоком Большого Нулуя, то есть основного русла Юловы. У этой реки много притоков, но наиболее подходящим для Малой Нулуевки, по мнению авторов, является речка Кечкинейка, которая сливается с Юловой прямо около города Городище, на месте которого находился известный археологический объект Юловское городище.

¹³ Отказные книги Пензенского края: авторский портал Михаила Полубоярова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.suslony.ru/Otkaznye2.htm> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

В выписи из книг С. Хрущева среди вотчин монастырской мордвы назван и «Чермонтеевский липяг» («липяг» – липовая роща) по рубеж с вотчинником Енбарсом мурзой Чермонтеевым из с. Каменный Брод. Согласно писцовым книгам Темниковского уезда И.Усова 1614 г., это был мурза Кадомского уезда, пожалованный поместьями вместе с родственниками в д. Акчеево и в с. Каменный Брод Темниковского уезда¹⁶. В с. Каменном Броде поместьями был пожалован еще его отец. Возможно, отца звали Чермонтей, и он также владел вотчинами, поэтому с именем Чермонтея связаны такие названия как «Чюрмонтеевский ухोजей», «Чермонтей помра», «Чермонтеевский липяг». Учитывая, что «помра» с мордовских языков переводится как «роща», можно предположить, что одноименные ухोजей, помра и липяг фактически являются одним объектом на местности, тем самым, о котором идет речь в акте 1644 г. Правильным написанием его названия можно считать «Чермонтеевский», «Чермонтей». А упоминаемый в грамоте Мустай мурза Чермонтеев, видимо, являлся одним из братьев Енбарса, так как в писцовых книгах Темниковского уезда И. Усова 1614 г. среди помещиков в с. Каменный Брод также указан кадомский Мустофа (Мустай¹⁷) мурза Чермонтеев¹⁸. Кстати, среди кадомских мурз в с. Каменный Брод Темниковского уезда записан и Василий мурза Чермонтеев – известен тем, что был приглашен в Москву в 1613 г. для избрания на царство Михаила Федоровича Романова¹⁹. Потомки кадомских мурз Чермонтеевых во второй половине XVII века иногда указывались с родовым прозвищем «князь Токшеиковы», в том числе и мурзы Сюняк и Муртаза «Мустаевы дети»²⁰, что свидетельствует о существовании в числе их предков некоего князя Токшеика.

Акт 1644 г. позволяет восстановить ранних владельцев Чермонтеевского ухोजея. Оценить их доли возможно через пересчет в мордовских платеж. Получается, что 3-й пай, а также часть 4–5 паев была за служилыми мурзами и татарами – это бывшие владения мурзы Бичурина (1 п.), служилого татарина Айбулата Кайбуллина (0,25 п.), владения служилого татарина Сюнчака Коратаева до продажи их части мордвину Мозерке Велмееву (1 п.). Итого 2,25 п. Если объединить это со 2-м татарским паем на 1 сайдак (1 пуд), получается общая повинность с татарских владений в 3,25 п. (3,25 сайдака), от 5 п.

¹⁶ Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. С. 100.

¹⁷ Мустай мурза Чурмонтеев показан в обыскных речах среди жителей д. Акчеево (см. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1167 Оп. 1. Д. 487. Л. 1–1об.).

¹⁸ Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. С. 105.

¹⁹ Там же. С. 21; Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича на царство. М., 1913. С. 21.

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6457. Л. 198, 203–215.

(5 сайдаков) для всего ухोजея это 65%. Приняв во внимание, что смежные владения принадлежали представителю рода Чермонтеевых, название ухोजея, а также доказанную преобладающую долю ухोजея во владениях служилых мурз и татар, можно сделать вывод, что вотчина изначально является татарской. Вероятно, в более ранний период времени она была большей по размерам и так не дробилась по владельцам. Со временем происходило ее разукрупнение через различные купчие сделки, а также согласно правам наследования. В акте 1644 г. основаниями для владения, например, значатся и купчие, и наследство по старине. Примером разукрупнения являются владения Сюнчака Коратаева, часть которых выкупил мордвин Мозерка Велмеев, а другая часть была передана по наследству его сыну Нюняку.

Мы наблюдаем также очень интересную особенность, что вотчины на реке Юлове принадлежали лицам, проживавшим в округе села Каменный Брод (в радиусе 20–25 км) и происходящим из Темниковского уезда. Деревня Тотушева находилась у современного села Пурдошки, упоминаются мурзы из д. Буртасской (ныне – село Буртасы), а деревню Залесные Мелсяны, вероятно, надо искать около деревни Мелсяны рядом с Каменным бродом. Наконец, в акте 1688 г. рядом на Нулуе упомянут и «нижней рубеж деревни Кангуш»²¹. Вероятно, все это результат многочисленных сделок, которые происходили между жителями соседних поселений, а также компактного расселения татарских родов вокруг села Каменный Брод (если касаться прав наследования).

Список упомянутых в грамоте лиц и места их проживания приведены в таблице (см. Таблица 2).

Таблица 2

Места проживания вотчинников из грамоты 1644 г.

Имя	Социальная или этническая принадлежность	Место проживания
Байбулат мурза Бичурин	мурза	Вероятно, д. Буртаская, Темниковский уезд ²²
Теркул мурза Бичурин	мурза	Вероятно, д. Буртаская, Темниковский уезд (см. Байбулат мурза Бичурин)
Василий Молчанов	мордва	д. Тотушево, Темниковский уезд

²¹ Отказные книги Пензенского края: авторский портал Михаила Полубоярова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.suslony.ru/Otkaznye2.htm> (дата обращения: 01.02.2021).

²² Байбулат мурза Бичурин, согласно писцовой книге И. Усова, имел поместья в д. Буртасское: «В той же деревне, в Буртаской, за Бейбулатом мурзою Бичюриным...» (см. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. С.87).

Имя	Социальная или этническая принадлежность	Место проживания
Тепкай Налитов	мордва	д. Тотушево, Темниковский уезд
Шиндяпа Емяшев	мордва	д. Тотушево, Темниковский уезд
Козенбай мурза Енбулатов	мурза	Вероятно, д. Сюзелятки, Темниковский уезд ²³
Ногайбек Богданов	сл. татарин	Вероятно, д. Агеево («Кярга тож»), Темниковский уезд ²⁴
Емякей Актуганов	сл. татарин	Вероятно, д. Агеево («Кярга тож»), Темниковский уезд ²⁵
Бибай Актуганов	сл. татарин	Вероятно, д. Агеево («Кярга тож»), Темниковский уезд ²⁶
Осман мурза Разгилдеев («князь Муратов» ^{27?})	мурза	Вероятно, д. Айкеево, Темниковский уезд ²⁸

²³ Козенбай Енбулатов показан в обыскных речах среди жителей д. Сюзелятки, правда в документе записан без титула мурза (см. РГАДА. Ф. 1167 Оп. 1. Д. 487. Л. 2.).

²⁴ Ногайбек Богданов – вероятно, сын Богдана Утешева. Ногайбек Богданов сын Утешев указан жителем д. Агеево (см. РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1). В другом документе показано, что д. Агеево имело второе название «Кярга тож» (см. РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 141. Л. 2). Отец, Богдан Утешев, вероятно, также проживал в д. Агеево, в выписи из писцовых книг деревня записана с названием Кярга: «тое ж деревни Кярги с татары с Ывакаем Актугановым з братьею да с Сюлеменем Акбулатовым, да з Богдашком Утешевым...». В той же выписи упоминается Утеш Люляев – дед Ногайбека: «и по выписи Костентина Наумова 116 году тотар Утеша Люляева да Тогая Степанова на том же на диком на Адаевском поле пашни...» (см. Беляков А.В. Документы XVI – начала XVII века из темниковской приказной избы // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 8. Казань, 2016. С. 39–48, № 12).

²⁵ Емякей Актуганов – вероятно, сын Айтугана Агеева, проживавшего в д. Агеево («Кярга тож»): «той же деревни Кярги за служилым тотарином за Айтуганом Агеевым отца ево поместье...» (см. Беляков А.В. Документы XVI – начала XVII века из темниковской приказной избы // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 8. Казань, 2016. С. 39–48. № 12).

²⁶ Бибай Актуганов – вероятно, сын Айтугана Агеева, проживавшего в д. Агеево («Кярга тож»): «той же деревни Кярги за служилым тотарином за Айтуганом Агеевым отца ево поместье...» (см. Беляков А.В. Документы XVI – начала XVII века из темниковской приказной избы // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 8. Казань, 2016. С. 39–48. № 12).

²⁷ Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 224.

²⁸ Отец Османа мурзы Разгилдеева, согласно писцовой книге И. Усова, имел поместье в д. Айкеево: «В той же деревне, Айкеиве, за Разгилдеем мурзою Ураивым,

Имя	Социальная или этническая принадлежность	Место проживания
Кечат Якутин	мордва	д. Урлей, Темниковский уезд
Бегиш Сатеев	мордва	д. Урлей, Темниковский уезд
Мозерка Велмеев	мордва	д. Залесные Мелсяны, Темниковский уезд
Сюнчак Коратаев	сл. татарин	Вероятно, д. Акчеево, Темниковский уезд ²⁹
Нюняк Сюнчаков	сл. татарин	Вероятно, д. Акчеево Темниковский уезд ³⁰
Емонтай Богданов	мордва	д. Рулбка, Темниковский уезд – точное местоположение не определено
Богдан Сатаев	мордва	
Айбулат Кайбулин	сл. татарин	Вероятно, д. Четово, Темниковский уезд ³¹
Копас Налитов	мордва	
Баиш Томогаев (Тагамаев)	сл. татарин	д. Козеево, Нижнеломовский уезд
Мустай мурза Чермонтеев («князь Токшеиков»?)	мурза	Вероятно, д. Акчеево, Темниковский уезд ³²

В заключение мы можем сказать, что в делопроизводстве XVII в. при осуществлении сделок или раздела угодий при смене собственников из разных этносоциальных категорий существовали механизмы конвертации от татарского сайдака к мордовскому платежу (пуд меда) и обратно. Чем бы в ито-

отца иво поместье...» (см. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. С. 120).

²⁹ Сюнчак Коратаев, согласно писцовой книге И. Усова, имел поместья в д. Акчеево: «В той же деревне, в Акчееве, за татаринном, за Сулчаком Коротаевым, отца ево поместье...» (см. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. С. 102).

³⁰ Нюняк Сюнчаков показан в обыскных речах среди жителей д. Акчеево (см. РГА-ДА. Ф. 1167 Оп. 1. Д. 487. Л. 1-1об.).

³¹ Айбулат Кайбулин, согласно писцовой книге И. Усова, имел поместья в д. Четово: «За татаринном, Янбулатом Кайбулиным, а он в службу поспел, в деревне ж в Четове, отца иво поместье...» (см. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. С. 137).

³² Мустай мурза Чурмонтеев показан в обыскных речах среди жителей д. Акчеево (см. РГАДА. Ф. 1167 Оп. 1. Д. 487. Л. 1-1об.).

ге не оказался используемый в грамоте термин «сайдак», с высокой долей уверенности анализ грамоты позволяет утверждать, что **служилые татары и мурзы освобождались от уплаты оброков**, но взамен исполняли обязанности, относящиеся к военной сфере, и для татар имелись особые единицы измерения – «сайдаки». Учитывая, что вотчины – это наиболее старая форма собственности в Мещере, можно предполагать, что **вотчины в таком виде представляли собой старую форму жалованья за службу**, независимо от способов приобретения. Существовала эта форма, видимо, еще до внедрения поместных окладов, возможно, сохранилась как ордынское наследие.

* * *

Публикуемая ниже грамота сохранилась в виде более поздней копии в деле №12, описи №1, фонде №1 Центрального государственного архива Республики Мордовия. Это фонд Саровского мужского монастыря, но в деле №12 представлены два документа по Пурдышевскому монастырю. Дело, состоящее из 4-х листов, учтено в описи под 1644 г. следующим образом: «О землевладении мордвы и Пурдошанского монастыря». Исследуемая копия грамоты занимает л. 1–2. На ней отсутствуют скрепы, перед началом документа сделана приписка «Копия».

На копии присутствуют надписи и пометки, связанные с более поздним архивным хранением дела. На первом листе над текстом темно-синим карандашом надписано: «1644. О землях Пурдошанскаго монастыря». Под этой надписью карандашом же поставлена цифра «71» (незаконченный перевод года написания грамоты в старинном летоисчислении – 7152), на правом поле в верхней части того же начального листа присутствуют еще две нечитаемые пометки тем же карандашом, поверх одной чернилами написано «1644». Наконец, между первой и второй строками текста грамоты прямо под указанием в ней года присутствует еще одна пометка темно-синим карандашом «550», вероятно, связанная с неоконченной попыткой пересчета старинного летоисчисления на современное вычитанием «5508». Нумерация проставлена арабскими цифрами на всех листах и оборотах чернилами.

Время написания копии не ясно. Цифры в ней воспроизведены цифирью. Тем не менее, по оформлению документа на листах с очерченными полями, как и в соседних делах (например, №11, где года в старинном летоисчислении проставлены арабскими цифрами) можно предположить, что копия была подготовлена в XVIII в.

Правила, применяемые при публикации документа следующие. Вышедшие из употребления буквы заменяются буквами современного алфавита. Слова под титлами раскрываются. Выносные буквы над строкой вставляются в строку. Пропущенная гласная после выносной согласной восстанавливается. Мягкий знак сохраняется, а при его отсутствии в изначальном тексте восстанавливается в положении перед гласной и на конце слова, где должно быть смягчение по современным правилам. Твердый знак на конце и в сере-

дине слов и все надстрочные знаки не воспроизводятся. Краткое «и» ставится по современному произношению. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Нумерация листов приведена между наклонными чертами. Разделение текста на абзацы выполнено на основе структуры грамоты.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1644 г. августа 20. – Грамота о разделе вотчины Василия Молчанова из д. Тотушево и других вотчинников.

/л. 1/ Лета 7152-го августа в 20 день, по государеве, цареве и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте ис Приказу Казанскаго дворца за приписью диока Пятова Спиридонова и по наказной памяти воеводы Григорья Ивановича Борнякова, темниковской площадной подьячишка Стенка Аристов да пушкарь Мишка Степанов ездили в Темниковской уезд в вотчину в бортной ухожей Нулуевку.

Для того били челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Темниковскаго уезду Акселскаго стану мордвин деревни Тотушевы Васка Молчанов, а сказал: естъ-де у него, Васки, оброчная вотчина, бортной ухожей на речке на Малой Нулаевке Чермантей помра, и с той-де вотчины платит он, Васка, в государеву казну медвяна оброку, и ясачные, и куничные денги по окладным книгам не против ево мочи; а в тое-де вотчину ходет вотчинники ж темниковския мордва деревни Татушевы Тепкай Налитов з братьею, деревни Урляищу Васка Девеев з братьею, деревни Залесных Мелсян Мязярка Велмеев з братьею, да служилые татарове Байбулат мурза Бачюрин з братьею с Теркулком мурзою Бичюриным, а оброк-де на них не велик, а иные-де ходят без дачи, и вотчиною владеют, и насилство и налогу ему, Васке, чинят великою, а он-де, Васка, с тоя вотчины платя государев медвеной оброк с пуста, в конец погиб и одолжал; чтоб велети по той своей государеве грамоте, собрав тех вотчинников, тое вотчину по даче против оброку меж ими разверстать.

И площадной подьячишка Аристов³³ да пристав Мишка Степанов, не доехав той вотчины и взяв с собою тутошних и сторонних людей в третьи место, сколько человек пригож, а приехав до той их бортной ухожей Чермантей помру, что на речке на Малой Нулуевке, ему, Васке Молчанову, и иных деревень с мордвою с Тепанком³⁴ Налитовым с товарищи с ним, Васкою, в тот бортной ухожей ходить и государев оброк с ним вместе платить, разверстали по жеребьям мордве против /л. 1 об./ против³⁵ государева оброку и по их крепостям и по купчим, а служилым мурзам и татаром, примересь против того ж мордовскаго платежу, сайдак против пуда, на сколько сайдаков довелось, отделили:

– Василью Молчанову по купчей, что купил у Бибулата мурзы Бичюринна старой отцовской коренной жеребей против пуда меду;

³³ В ркп. имя площадного подьячего (Стенька, Степан) пропущено

³⁴ Так в ркп.: копиист объединил предлог «с» и имя «Тепкай», превратив его неосознанно в «Степанка»

³⁵ Так в ркп.: повтор слова

– Тепкаю Налитову по выписи писцов Степана Хрушова с товарищи на оброк на полпуда;

– Василью Молчанову да Шиндяпе Емяшеву з братьею по писцовой же Степана Хрушова выписи на полпуда, Василей платит десять гривенок, а Шендяпа з братьею десять же гривенок по книгам в Темникове;

– Бибаю Актуганову да Козенбаю мурзе Енбулатову старой коренной жеребей на сайдак им обеим, и Казенбай мурза продал свой жеребей темниковским служилым Емякею Антуганову³⁶ да Ногайбеку Богданову, и купчую им дал за рукою Османа мурзы Разгилдеева;

– мордве деревни Урляй Кечату Якутину да Бегишу Сатееву з братьею, надвеной³⁷ оброк на ботман платя по книгам в Темникове;

– деревни Залесных Мелсян мордвину Мозерку³⁸ Велмееву по купчей, что купил у служилаго татарина у Сюнчака Коратаева, да в том же паю служилому татарину Июняку³⁹ Сюнчакову по старине, всем им против пуда жеребей;

– деревни Рулбки⁴⁰ мордвину Емонтаю Богданову по купчей, что купил отец ево, Богдан Сатаев, у служилаго тотарина у Айбулата Кайбулина на ботман в Чюрмантеевском ужоже;

– Копасу Налитову на десять гривенок;

и всем разделено в том Чюрмантеевском ужоже по крепостям же, и по оброку, и по скаске всех вотчинников на старые коренные жеребьи, на сайдаки, на пять жеребьев бес чети против пяти пуд бес чети.

А рубеж тому первому паю Тепкая Налитова з братьею, да Шендяпчи Адеева⁴¹ з братьею, да Василья Молчанова: на речке на Малой Кулуевке⁴² от Мустаева рубежа от речки от вершины Малой Кулуйки⁴³ на дубу грань, а от того дуба по лесу, поперек лесу, на дубу грань, а от того дуба по лесу подле Чермантей помры мснаго⁴⁴ край поля на дубу грань, верхней рубеж с Мустаем мурзою Чюрмантеевым, а нижней рубеж /л. 2/ з Бибаем Антугановым⁴⁵; другому паю рубеж, что досталось з жеребью Бибаю Антуганову⁴⁶ да Козекаю Габулатову⁴⁷ на сайдак обоим: от Болшова Кулуя⁴⁸ под лесом под Чюрмантеем помрою на дубу грань, а

³⁶ Так в ркп.

³⁷ Так в ркп.: правильно «медвяной»

³⁸ Так в ркп.: ранее – Мязьрка

³⁹ Так в ркп.: имеется в виду Нюняк Сюнчаков, сын Сюнчака

⁴⁰ Так в ркп.: название искажено, поселение не удалось идентифицировать

⁴¹ Так в ркп.: вероятно, он же – Шиндяпа (Шендяпа) Емяшев, упомянутый ранее, поскольку речь идет об объединенном мордовском пае на 1 пуд, из которых 10 гривенок – оброк с Шиндяпы (Шендяпы)

⁴² Так в ркп.: речь идет о Малой Нулуйке (Нулуевке), притоке реки Нулуй (Нулуев)

⁴³ Так в ркп.: речь идет о Малой Нулуйке (Нулуевке), притоке реки Нулуй (Нулуев)

⁴⁴ Так в ркп.: вероятно, подразумевалось «леснаго»

⁴⁵ Так в ркп.: имеется в виду Бибай Актуганов

⁴⁶ Так в ркп.: имеется в виду Бибай Актуганов

⁴⁷ Так в ркп.: имеется в виду Казенбай Енбулатов

⁴⁸ Так в ркп.: имеется в виду Нулуй

от того дуба поперек лесу по тесу на выезде к Малой Кулуйке⁴⁹ на березе грань, и по суходолу до речки до Малой Кулуйке⁵⁰ верхней рубеж с Тепкаем Налитовым с товарищи, а нижней рубеж с Васильем Молчановым; третей пай, что достался Василью Молчанову по купчей, что купил у Бибулата мурзы Бачюрина⁵¹: от речки от Малой Кулуйки⁵² вверх по суходолу, на суходоле на сосне грань, а от той сосны по тесу, в лесу в Чюрмантей помре на делном дубу грань, а от того дуба по тесу поперек лесу до вотчинной дорожки, а тою дорожкой до поля левая сторона, а подле поля на виловатом дубу грань, а от того дуба вдоль полянки⁵³ на перевесе⁵⁴ на болшом на делном дубу грань. А на всех гранях третейское Боишева знамя Томогаева⁵⁵ деревни Казеевы.

А от того третьява паю досталось з жеребья два пая вместе, вопче Сюнею Якутину з братьею, Бебишу⁵⁶ Сатееву з братьею, Копасу Назтову⁵⁷ з братьею, Емонтаю Богданову з братьею, всем им вопче на два пуда без чети апричь бору, а бор оставлен на десять гривенок всем вотчинником, которые выше сего имяны писаны, на те ж на пять поев всем вобще. Верхней рубеж тем двум поям – с Васильем Молчановым, а нижней рубеж – с их же Сенеевою с усобною вотчиною.

А на разделе был третей сторонней человек Нижнего города Ломовскаго узду деревни Козеевой тотарин Боиш Тотомаев⁵⁸, а книгу писал Стенка Аристов.

Вотчинники знамена свои⁵⁹:

знамя		Васильева, знамя		Тепкаева,
знамя		Шиндяпина, знамя		Сюнбаева,
знамя	— — 	третейское Баиша Тагамаева ⁶⁰ ,		
знамя		Копасово,		знамя Емонтаева.

Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2. Копия.

⁴⁹ Так в ркп.: имеется в виду Нулуйка

⁵⁰ Так в ркп.: имеется в виду Нулуйка

⁵¹ Так в ркп.: имеется в виду Байбулат Бичюрин

⁵² Так в ркп.: имеется в виду Нулуйка

⁵³ В ркп. копиист, вероятно, сначала написал «полянка», но далее «а» исправил на «и»

⁵⁴ Место в лесу, где вешались перевесы – сети для ловли птиц

⁵⁵ Так в ркп.

⁵⁶ Так в ркп.: ранее – Бегиш

⁵⁷ Так в ркп.: ранее – Налитов

⁵⁸ Так в ркп.

⁵⁹ Так в ркп.: вероятно, пропущено слово «приложили»

⁶⁰ Так в ркп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов мещерских уездов XVI–XVII вв.) // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума, Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань, 2019. С. 56–68.
2. Беляков А.В. Архив Рождества Пречистые Богородицы Пурдышевского монастыря конца XVI – начала XVIII в. // Вестник церковной истории. 2020. № 1-2 (57-58). С. 227–291.
3. Беляков А.В. Документы XVI – начала XVII века из темниковской приказной избы // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 8. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 39–48.
4. Беляков А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 134–149. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1 (дата обращения: 01.02.2021).
5. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. – Казань, 2013. С. 154–210.
6. Смирнов Н.В. Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 296–338. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/2013/08/20/smirnov_01 (дата обращения: 01.02.2021).
7. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 22.
8. Отказные книги Пензенского края: авторский портал Михаила Полубоярова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.suslony.ru/Otkaznye2.htm> (дата обращения: 01.02.2021).
9. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. 220 с.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1167. Оп. 1. Д. 487.
11. РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1216.
12. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6457.
13. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.
14. Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича на царство. М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. 79 с.
15. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.

Сведения об авторах: Акчурин Максум Маратович – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Парадеев Евгений Игоревич – независимый исследователь (Москва, Российская Федерация). E-mail: eparadeev@gmail.com

**“SAYDAK VERSUS PUD”: THE VOTCHINA TERRITORY
AS AN OLDER SALARY FORM FOR SERVICE TATARS IN MESHCHERA**

Maksum M. Akchurin

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

Evgeniy I. Paradeev

*Independent researcher
Moscow, Russian Federation*

The authors analyze information about the *votchina* estates of the Mordovians and Tatars in Meshchera based on an unpublished charter of 1644 on the delimitation of the *votchina* that was jointly owned by Vasily Molchanov and other *votchinniki* of the Temnikovskiy district. The analysis of charter made it possible to identify the features of the accounting of *votchina* estates that were not previously encountered in sources. The use of the *saydak* concept turned out to be remarkable for assessing the size of *votchina* shares among service Murzas and Tatars. *Saydak* was considered the equivalent of an *obrok* for Mordovian owners in the calculations. The charter confirmed that *votchinas* of the service Tatars in Meshchera were simultaneously exempted from paying the *obrok* and assumed the performance of military service. *Saydak* in this case was a special unit of measurement for Tatars. Thus, along with *pomest'ya*, *votchinas* were another (possibly older) form of salary for service. In addition, the charter demonstrates the sequence and mechanism of delimiting those *votchina* possessions that were jointly used by both service Murzas and Tatars, and Mordovians. The amount of *obrok* was considered the main criterion for assessing the size of the *votchina* share among the Mordovians.

Keywords: Temnikovskiy district, Meshchera, Mordovians, service Tatars, Murzas, *votchinas*, *obrok*, *saydak*

About the authors: Maksum M. Akchurin – Cand. Sci. (History), Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Evgeniy I. Paradeev – Independent researcher (Kazan, Russian Federation). E-mail: eparadeev@gmail.com

РОДОСЛОВНЫЕ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР И МУРЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ «АЛТЫ АВЫЛ»

И.Д. Биккинин

*Исследователь-краевед
с. Аксеново, Мордовия, Российская Федерация*

На основе архивных, генеалогических и генетических данных, полученных при исследовании татарских родов Нагаевых и Янборисовых, автор рассматривает процесс основания в конце XVII – начале XVIII веков группы татарских сел «Алты авыл», в частности, села Кикино Каменского района Пензенской области.

Ключевые слова: мурзы; служилые татары; Нагаевы; Янборисовы; Алты авыл; Кикино; Чембарский уезд; Пензенская область

Работа над родословными татарских родов часто позволяет выявить документы, проясняющие историю возникновения конкретных татарских сел. В западной части Пензенской области есть зона компактного проживания татар, где расположены восемь татарских сел, образующих так называемую группу «Алты авыл» (шесть деревень). Сейчас они разделены между тремя районами – Белинским, Каменским, Пачелмским. Название группы «Алты авыл» образовалось не случайно – в XIX веке в Чембарском уезде как раз было шесть татарских сел – Кикино, Кобылкино, Кутеевка, Мочалейка, Телятино, Решетино. Ранее, в XVIII веке, тут были десятки татарских сел – одни исчезли, другие объединились с соседними деревнями, третьи окрестились и обрусели.

Село Кикино Каменского района сейчас наиболее большое по числу жителей село в «Алты авыл» – здесь проживают более 1800 татар. Было проведено генеалогическое исследование двух знатных родов села – Нагаевых и Янборисовых, которое позволило выявить документы по истории Кикино.

Первопоселенцами села Кикино, судя по документам конца XVII – начала XVIII вв., являются мурзы и служилые татары Акжигитовы, Бареевы, Баткаевы, Васильевы, Девликамовы, Канеевы, Кикичевы, Нагаевы, Патеевы, Янборисовы и другие. Впрочем, в первых документах, где описывается село и его жители, например, в списке мужчин 1723 года, нет слова «Кикино». Тогда село называлось иначе – первое известное название села – «Ендовище».

Самые первые три известных документа, в которых речь идет о землях, где расположились «Алты авыл» (татарские села Кикино, Кобылкино, Кутеевка, Мочалейка, Решетино, Телятино), это документы на владение землей. Первый документ – владенная выпись, которую 5 июня 1637 года выдал вое-

вода Кадома, князь Андрей Романович Тюменский, группе служилых татар и мурз из 19 человек. Копия этой выписи хранится в Государственном архиве Пензенской области (ГАПО) в «Деле о доказательстве дворянства Нагаевых из Кикино»¹.

Среди этих 19 татар есть и предки кикинских Девлекамовых и Нагаевых – Досанка Уразлеев сын Делекамов и Бекбулат мурза Дербышев сын Нагаев. Земля, ориентиры которой даны в документе, не входит, собственно, в «Алты авыл», это земли, где сейчас нынешнее село Татарский Шелдаис (Спасский район, Пензенская область) и соседние села. Однако некоторые будущие поселенцы села Кикино, включая Нагаевых, сначала поселились именно здесь.

Второй документ выдан позже. Это выпись 1698 года – «...били челом НАМ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ разных городов мурзы и татары, рейтары и выборнаго полку салдацкого строю сержант Араслан Палкаев сын да рейтарскаго строю Ишмай Битудин сын Акъжигитовы с товарищи...».

Ориентиры земель, указанных в этой выписи, как раз и ограничивают земли, на которых расположены татарские деревни группы «Алты авыл». В этой грамоте даны имена 95 человек. Среди них есть и внуки мурзы Бекбулата Дербышева Нагаева – два брата Нагаевых – мурзы Мимеш и Бактияр Бектемировы дети Нагаевы. В списке есть также предки Янборисовых – Барис Козекаев и его сын Алебьяк Борисов. А также предки других кикинцев – Акжигитовы, Баткаевы, Девликамовы, Тактаровы, Утемишевы и другие.

Копия от уточненной копии этого же документа, выданного уже в 1700 году, хранится в «Деле о доказательстве дворянства Нагаевых из Кикино»². Также в этом деле Нагаевых есть третий документ: копия с владенной выписи верхоломовского воеводы Петра Извольского, от 7 июня 1702 года, из которой узнаем, что землю также выделили сыну Бариса Козекаева, «Бектею Енборисову сыну Козекаеву»³.

Следующие документы, где можно увидеть имена предков Нагаевых и Янборисовых, хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Это ревизия 1723 г.⁴ и ревизия 1745 г.⁵ по селу Кикино.

Первые современные татары на территории «Алты авыл»

Из книги «Весь Пензенский край» (Москва, 2016) краеведа М.С. Полубаярова о татарах, первыми населивших «Алты авыл» в XVII веке – цитата по интернет-версии:

¹ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2061. Л. 12–13.

² ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2061. Л. 8-11об.

³ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2061. Л. 11.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 559.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 564.

«...Первыми поселенцами в новейшее время, наряду с помещиками, стали служилые татары Темниковского уезда (челобитчики – мурзы Ибрагим Еналеев, Кодряк Енгальчев с товарищи, всего 166 человек), предки которых еще в начале 17 в. контролировали каменный брод на реке Атмис, с расходившимися от него путями на Верхний Ломов, Пензу, Тамбов (по Кевде, в устье Малого Чембара, на Идовскую дорогу), на юг по «старой колонинской дороге» – в сторону Хопра, через бывшую д. Колону, село Анучино, далее на Арчаду и Хопер. По показаниям темниковских служилых мурз и татар, записанных в 1709 году (копия 1805 г. хранится в ГАПО, Ф. 33, Оп. 1, Д. 506, лл.554об.–557, в деле отсутствует начало и конец документа), эта земля на Атмисе дана их дедам и отцам еще в 1622–23 гг. как «бортные ухажьи с раменью, с лугами и дубравами, и з дикими полями и рыбными ловлями и со всеми угодыями в Темниковском уезде по реке Атмису и по иным урочищам». Во время отвода земель в 1693 г. эти земли, по их челобитью, им не были отказаны. Однако в 1704 г. татары добились, чтобы эти земли (или часть их) были им отказаны «из порозжих земель и диких поль» в поместье по 50 четей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по 200 копен «с рыбными ловли и со всеми угоды», «по межам и урочищам через Атмис Каменный брод, по обе стороны того Каменного броду и внис Етмиса, а от Етмиса враг на Верстлатку (вероятно, нынешняя Варежка) вверх идучи Верослаткою на липяг Душматка Татарской, что Верхнева Ламова лежит дорога возле Душматки, и по дороге через Верослатки (Варежки?) на Кеевды и от Кеевды по обе стороны Атмиса, с санными покосы и с раменью, и с рыбными ловли, и с озеры, и со всеми угоды на Каменный же брод». На землях этих мурз и татар были основаны Кочалейка, Адикаевка, Старая Есинеевка. Впоследствии, к середине 18 в., они в значительной части обрусели в связи с принятием крещения большинством татар. Не принявшие крещения были вынуждены переселиться...»⁶.

Таким образом, в «Алты авыл» первыми переселились татары из Темниковского уезда, которые издавна вели здесь хозяйственную деятельность, проводя тут много времени по несению сторожевой службы – от набегов ногайцев, кубанских татар, и других кочевников.

Например, деревня Новоселки (по версии М.С. Полубоярова – это ныне деревня Судакаевка Вадинского района, однако в ревизии 1745 г. записано «Деревни Новоселок Кабылкино тож татары», а в ревизии 1723 г. эта деревня называется просто «Новоселки»), откуда Акжигитовы и некоторые другие татары расселились по деревням «Алты авыл», долгое время еще относилась к Темниковскому уезду.

Известно также о существовании купчей 1443 года (есть также подобные купчие 1479, 1485 и 1490 гг., а также раздельная грамота 1569 г.), по которой

⁶ Каменский район [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.suslony.ru/Penzagebiet/kamenka.htm> (дата обращения: 14.12.2020).

одни темниковские татары (братья Касим и Кутур Акбердеевы) продавали, а другие (Хозякулый-тархан Айсагозин сын Кутуев) покупали земли на территории нынешней Пензенской области⁷. Понятно, что на территории нынешней Пензенской области в XV–XVI веках постоянные населенные пункты не могли существовать – не зря эти земли называли Диким полем. Правда, незадолго до этого тут была столичная округа – в 1311–1320 гг. Узбек-хан сделал город Мокши (ныне Наровчат), находящийся всего лишь в 70 километрах к северу от «Алты авыл», столицей улуса Золотой Орды. Улус Мокши процветал – торговля, караванные дороги, скотоводство, сельское хозяйство – для обслуживания столицы делалось все необходимое.

Однако после 1359 г. пошла «Великая замаятия» – чехарда со сменой ханов – за 20 лет сменились 25 ханов. В улусе Мокши в 1361 г. власть захватил князь Тагай, но в 1368 г. улус был подчинен власти беклярибека Мамай. В 1380 г. состоялась Куликовская битва, после которой ханом стал Токтамыш. За это время невзгод часть населения региона Мокши – татары и мокшане – постепенно мигрировали на север, к Темникову, где после 1385 г. обособился правитель Бехан. А также в татарскую зону в районе нынешнего Саранска⁸. Хан Токтамыш вовлек Золотую Орду в войны с Чагатайским улусом, правителем которого был эмир Тимур. Во время второй войны эмира Тимура против Золотой Орды (1395 г.) город Мокши был полностью разрушен.

Те жители округи Мокши, кто не сумел бежать в северные леса, были угнаны в Среднюю Азию. В XV веке здесь уже не осталось постоянных населенных пунктов. Время от времени проходили отряды разных феодалов, включая царевича Мустафу, сына казанского хана Улуг-Мухаммеда. Его отряд был истреблен в Рязанском княжестве зимой 1444 г.

А в XVI–XVII вв. на большей части бывшего улуса Мокши уже хозяйничали ногайцы. В 1521 г. ногайские татары совершили большой набег на Мещеру, при котором город Темников был практически уничтожен. Он был частично восстановлен, однако в 1536 г. был перенесен на правый берег Мокши и выше по течению – чтобы перекрыть брод через Мокшу.

Ногайцы в 1608 г. подошли уже к новому Темникову, не решились штурмовать его, но ограбили и сожгли окрестные села и посады, угнали захваченное население. В течение XVII в. на этот край с набегами приходили множество раз и ногайцы, и крымские, и азовские, и кубанские татары. Темниковские мурзы не оставались в долгу, собирали свои отряды и не только отражали набеги, но и сами нападали на ногайские кочевья. Ногайцы даже

⁷ ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–26.

⁸ Биккинин И.Д. Тюрки на территории нынешней Пензенской области с древних времен и до присоединения к Московскому княжеству // Татарские населенные пункты: история, современность и перспективы развития. Казань, 2020. С. 125–130.

жаловались русским царям, что темниковские мурзы на них нападают, угощают лошадей, уводят пленных⁹.

О селе Кикино

Село Кикино (первое известное название Ендовище) расположено на реке Кевда, в 25 км (напрямую в 17 км) от города Каменки, районного центра. На 01.01.2004 г. – 582 хозяйства, 1805 жителей. Точное время основания села неизвестно.

В первой ревизии Ландратской переписи 1723 года Кикино названо «древни Ендавищ»¹⁰. Указано, что в селе 20 хозяйств и 264 мужчины. Но на самом деле, как показывает подсчет, было 224 мужчины. Во второй переписи 1745 г. село называется «Кикиной Ендавище тож»¹¹. В конце ревизии написано: «В оной деревне Ендовище надлежаще к положению в подушной оклад явилось 301 душа мужского пола».

В ревизской сказке 1763 г.¹² село называется «татарская деревня Кикино Верхнеломовского уезда». Всего 736 жителей – 392 мужчины и 344 женщины. Плюс 11 рекрутов в армии – они не считались как податные души. Из 392 мужчин было 5 мурз и 8 новокрещенов. Из 344 женщин – 6 мурзинок, 7 новокрещенок. Одна женщина – Анна Иванова, 30 лет, грузинская дочь, взята в Москве кикинским новокрещеном Иваном Ивановым, 23 лет. Их сыну Николаю один год.

Откуда произошли эти названия – Ендовище и Кикино? Есть мнение, что название Кикино произошло от фамилии владельцев земель, соседних с Ендовищем, братьев Кикиных (обрусевших татар), получивших земли в 1701 г. Вторая версия – название произошло от фамилии первопоселенцев Кикичевых.

Свое первое название Ендовище село, видимо, получило от переноса названия с прежнего места жительства части первых поселенцев. Ближайшее село с похожим названием – это татарское село Яндовище (по-татарски Яндавишча) Инсарского района Мордовии. Это село находится от Кикино по прямой в 100 км на северо-восток. При этом считается, что это название Яндовище/Ендовище сначала было принесено татарами из Нижегородской губернии – сейчас там существует татарское село Ендовище (по-татарски Яндавишча) Краснооктябрьского района. При строительстве Инсарской засечной черты в первой половине XVII в. сюда перевели довольно много арзамасских служилых татар. Те из них, кто был из Ендовище, основали новое село с тем же названием, в 12 километрах от острога Инсар.

⁹ Еникеев Саид мурза, князь. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999. С. 32.

¹⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 559.

¹¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 564.

¹² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 568. Л. 944–959об.

А в конце XVII – начале XVIII вв. было основано третье татарское село с тем же названием Ендовище. Логично предположить, что название села было перенесено во второй раз теми служилыми татарами, кто переселился сюда из Яндовище, но уже с Инсарско-Саранской засечной черты.

В конце XVIII в. Кикино считается селением Чембарского уезда, стоящим на левом берегу реки Кевды, правом берегу оврага Шебаева и по обе стороны тамбовско-пензенской большой дороги. Имелось 2 мечети. В 1783 г. здесь 181 двор. В середине XIX в. в Кикино уже 4 мечети. В 1896 г. здесь 290 дворов¹³. В 1911 г. село относится к Мочалейской волости Чембарского уезда, одно крестьянское общество, 313 дворов, 5 мечетей, 3 татарских школы, 2 водяные мельницы, синильня, 5 кузниц, 17 лавок. В 1955 г. – центральная усадьба колхоза имени Сталина. В 1980-е – центральная усадьба совхоза «Дружба» (зерновое, свекловичное и мясомолочное направления, выращивание семян сахарной свеклы). Кирпичный завод. Сельский дом культуры, библиотека, средняя школа. Решением Пензенского облисполкома от 17.09.1975 г. в черту села включен поселок Отчаянка (восточная окраина Кикино).

Кикино – родина исламского богослова Мусы Ярулловича Бигеева (25.12.1873 – 29.10.1949), писателя Захира Ярулловича Бигеева (1870–1902), ахуна Пензы и мецената Шарафетдина Хабибулловича Патева (03.09.1838 – 15.01.1915).

Численность населения по годам: в 1723 – 224 мужчины (число женщин неизвестно), 1745 – 301 мужчина (число женщин неизвестно), 1763 – 736, 1782 – 1297, 1864 – 1945, 1877 – 2232, 1896 – 2862, 1897 – 1818, 1911 – 2285, 1926 – 1998, 1930 – 1907, 1939 – около 1568, 1959 – 1742, 1970 – 2568, 1979 – 2401, 1989 – 1968, 1996 – 1936, 2004 – 1805 жителей.

Род Нагаевых до Кикино

Предки кикинских Нагаевых в XVII в. известны. Они перечислены в «Деле о доказательстве дворянства Нагаевых из Кикино», поданного мурзой Мирясом Сеиновым сыном Нагаевым из Кикино¹⁴. В этом деле самым ранним предком Нагаевых указан мурза Бикбулат Дербишев сын Нагаев.

Этот мурза Бикбулат Дербишев Нагаев также упоминается в документе под названием «Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г.», который был изучен и опубликован доктором исторических наук А.В. Беляковым¹⁵.

¹³ ГАПО, Ф. 294, Оп. 1, Д. 6.

¹⁴ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2061.

¹⁵ Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004–2005 / сост. А.О. Никитин, П.А. Трибунский. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 358–380.

В этом «Смотренном списке...» есть самые ранние достоверно известные предки Нагаевых, их фамилия записана как Ногаев – Бекбулат Дербышев сын Ногаев и его отец Дербыш Ногаев. В этом же списке есть еще один Ногаев – Умеркей Ногаев. Также есть человек с именем Ногай Тенебеков.

Неизвестно, является ли Ногай Тенебеков отцом Дербыша Ногаева и дедом Бекбулата. Также неизвестно, является ли Умеркей Ногаев братом Дербыша. Возможно, дальнейший поиск в старинных документах мог бы прояснить это, а также выявить новые поколения предков Нагаевых.

В основном документе начала XVII в., где описаны землевладения темниковских татар – «Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/11 г.»¹⁶ – есть несколько служилых татар и мурз с именем Нагай/Ногай.

Однако Дербыш Нагаев/Ногаев, поскольку его потомки мурзы, значит, и он сам мурза, и его отец Нагай/Ногай тоже мурза. То есть, в документах начала XVII в. нужно искать мурзу по имени Нагай/Ногай, не рассматривая служилых татар.

Таких Нагаев трое – мурза Нагай Кочаев, мурза Нагай Тиняев сын Заимбаков (эта фамилия не сохранилась) и Нагай мурза Утешев (и его братья Еникей, Акман). Утешевы отпадают, так как их гаплогруппа J2b, а у Нагаевых – N1c2. Возможно, дальнейшее изучение документов выявит более древних предков кикинских мурз Нагаевых.

Достоверно известные предки Нагаевых в Кикино – три брата – Мимеш мурза Бектемиров сын Нагаев, Бахтияр мурза Бектемиров сын Нагаев и Кутлеяр мурза Бектемиров сын Нагаев. Это внуки мурзы Бикбулата Дербишева Нагаева.

Однако самое раннее упоминание этих трех братьев Нагаевых (а также Булата, сына Мемяша Нагаева) встречается в списке жителей деревни Шелдаис от 1710 (или 1716) г. Документ не датирован, выписка из него дана в том же «Деле о доказательстве дворянства Нагаевых из Кикино»¹⁷.

Итак, мурза Бикбулат Дербишев сын получает земли на реке Шелдаис в 1637 г. и его семья – сын Бектемир, внуки Мемяш, Бахтияр, Кутлеяр и другие потомки живут в деревне Шелдаис Керенского уезда (ныне Татарский Шелдаис Спасского района Пензенской области), в 80 километрах на северо-запад от Кикино. Вышеуказанными царскими грамотами 1698 и 1700 гг. этим мурзам Нагаевым были выделены новые земли, южнее Шелдаиса, в зоне «Алты авыл». Возможно, они сразу начали строить себе дома в будущем Кикино, однако в 1710–1716 гг. официально они числились еще по Шелдаису. В первых документах по селу Кикино (Ендовище) имя старшего из братьев Нагае-

¹⁶ Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/11 г. / Сост. М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. 220 с.

¹⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2061. Л. 13.

вых – Мимеш – записано как Мемяш, имя Бактияр – как Бахтей, Кутлеяр так и записан как Кутлеяр. Что означают эти имена?

Как показывает словарь татарских имен «Татар исемнәре сүзлеге»¹⁸, имя Мемяш может быть уменьшительной формой от нескольких татарских имен – Мухаммед, Мөэмин (Мемин), Мәмил, Мәмли, Мәмнүн. Имя Бактияр хорошо знакомо многим мусульманским народам и употребляется до сих пор и у татар. Его обычно пишут как Бахтияр или Бахтеяр. Значение – «Счастливым; друг счастью». Имя Кутлеяр у татар сейчас уже не используется. По-татарски это имя пишется как «Котлыяр» и означает «Счастливым друг/товарищ».

Род Янборисовых до Кикино

Исследование документов XVI–XVII вв. по Темниковскому, Алатырскому и другим уездам не привело к однозначному результату – как звали предков Янборисовых до прихода в «Алты авыл», и откуда они пришли. Судя по отчеству Бариса Козекаева, самого раннего достоверного предка Янборисовых, которому, среди других служилых татар и мурз, была выделена земля грамотой Петра Первого от 1 июля 1700 г., можем сказать лишь, что предположительно его отца звали Козекай. Или, что также возможно, Козекаев – это была уже фамилия, и Козекаем звали какого-то более раннего предка.

Из копии с владенной выписи верхоломовского воеводы Петра Извольского, от 7 июня 1702 г., хранящейся в деле о доказательстве дворянства Нагаевых из Кикино¹⁹ узнаем, что землю также выделили сыну Бариса Козекаева, и там написано «Бектею Енборисову сыну Козекаеву»²⁰. Этот Бектей в ревизии 1723 г. значится как Бахтей Барисов, 1653 г.р. В последующих ревизских сказках его потомки идут под фамилией Янборисов.

То есть, можно считать достоверным, что татарское имя Бариса Козекаева было «Енборис/Янборис Козекаев». И считать установленным тот факт, что фамилия Янборисов пошла от имени «Янборис Козекаев».

А была ли более ранняя фамилия данного рода? Козекаев – это фамилия Енбориса или его отчество? В Темниковском, Ельниковском и Краснослободском районах Мордовии, в городе Сарове и в Первомайском районе Нижегородской области есть русские с фамилией Козекаев. Также есть Казекаевы, правда, их меньше. Это потомки крещеных татар Козекаевых.

Козекай – судя по облику, это уменьшительно-ласкательная форма имени Козя (другие написания имени – Хозя и Ходжа). В документах встречаются также варианты Кузекай, Кузякай, Кузяй, Хозяй, Хозя. В документах XVII в. встречаются люди с такими именами и отчествами. Например, темниковский мурза Кузекай мурза Кутуев/Кутуев. Однако у его потомков гаплогруппа L1-

¹⁸ Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлеге. Казан, 1981. 256 бит.

¹⁹ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2061. Л. 10об.–11об.

²⁰ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2061. Л. 11.

M20 (а у Янборисовых – N1c1). Поэтому он отпадает. Есть служилый татарин Аршмалек Козекаев. Однако у его потомков с фамилией Кадиевы, проживающих в селе Белозерье, гаплогруппа J1.

В «Челобитной вдовы мурзы Тляша Кутыевой», хранящейся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия (ЦГАРМ) несколько раз упоминается Кудайбердей Козекаев²¹. Его потомки не прослежены.

Один из кандидатов, Кузай Кадышев, белопашец, служил по городу Темникову, и жил в Большой Шурлейской слободе города Темникова. К 1613 г. он уже умер²². Но генетического исследования по Кадышевым не обнаружено.

По разным основаниям приходится отсеивать и других людей с похожими именами, например, Козая Артуганова, Козая Исеева, Козая Копина, и других. В списке татарских мурз Темниковского и Кадомского уездов за 1684 г.²³ есть Кулбай Кузекаев сын Едигерев и Ишкиня Кузекаев (без фамилии). Однако Янборисовы не мурзы, а служилые татары, поэтому вряд ли Енборис был братом Кулбая и Ишкини Кузекаевых детей Едигеревых.

На сегодня наиболее вероятной представляется следующая версия. Есть несколько документов конца XVII в., описывающих процесс разделения поместий Толубая Ильшева. Например, «Допрос о полюбовном разделе дедовского поместья в деревне Исеєво Кадомского уезда и в деревнях Лаке и Лундане Керенского уезда между Иваном Казекаевым, Герасимом Казекаевым и племянниками их Иваном Яковлевым, Нехорошем Иряшовым и Акмаметом Уразаевым Ильшевыми»²⁴, датированный сентябрем 1690 г.

Из этого документа и еще из трех документов 1691 г., опубликованных в первом томе сборника «Документы и материалы по истории Мордовской АССР»²⁵ ясно, что был некий Толубай Ильшев, имевший поместья в вышеуказанных татарских деревнях. Был у него сын Казекай (Козекай). У Казекай было пять сыновей – Айдыш (по крещении Иван), Герасим, Яков, Иряш, Уразай. Сын Якова – Иван, сын Иряша – Нехорош, сын Уразая Акмамет (в других документах Окмамет).

Мог ли быть шестой сын Казекай Толубаева сына Ильшева – Енборис? Мог. Может ли быть так, что это и есть семья Янборисовых и их древняя фамилия Ильшев? Может. Но точно сказать пока невозможно.

²¹ ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–26.

²² Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/11 г. / Сост. М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. 220 с.

²³ Выпись с отказных книг, данная воеводою Дмитрием Загоскиным темниковским и кадомским мурзам и татарам Кашаеву, Мамину, Тугушеву со товарищи на владение земель и санными покосами, ноябрь 7193 (1684 года) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XLV. Тамбов, 1901. Описи: С. 10–13.

²⁴ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 1161. Л. 3–4.

²⁵ Документы и материалы по истории Мордовской АССР / Т.1, ч.1. Саранск, 1950. 583 с.

Есть два рода Ильшевых. Одни мурзы, другие служилые татары. Конечно, если бы Енборис Козекаев был из мурзинского рода Ильшевых, он и его потомки не стали бы отказываться от титула и от фамилии.

А вот если он был из служилых татар Ильшевых, то появляется мотив для отказа от фамилии Ильшев. Да и от фамилии Козекаев. Дело в том, что большинство этих служилых татар Козекаевых и Ильшевых (да и мурзы Ильшевы тоже) покрестились и обрусели. Один из крещеных Ильшевых – Николай Петрович Ильшев (1842 г.р.) в Краснослободском уезде стал генерал-майором.

В те времена существовала серьезная напряженность в отношениях между крещеными и оставшимися в исламе ветвями многих татарских родов. Особенно после указа Петра Первого от 1713 г., по которому у некрестившихся татарских помещиков (тех, у кого была поместная земля, обычно это мурзы и служилые татары) отнимали и земли, и крепостных. И передавали эти земли окрестившимся родственникам. Иногда эта напряженность развивалась в откровенную вражду. Но иногда крещеные родственники, к которым отошли все поместья и привилегии, старались помогать своей родне, оставшейся в исламе и в бедности. Так поступали, например, князья и мурзы Максутовы.

Таким образом, можно легко понять и самого Енбориса, и его сыновей и внуков – они не хотели иметь общую фамилию со своей крещеной родней – ни Козекаев им не был нужен, ни Ильшев. У них пошла новая фамилия – Янборисов.

Что означает татарское имя Енборис/Янборис? По-татарски это имя звучит как Янбарыс или Янбарс. Состоит из двух татарских компонентов – «Ян» (душа) и «Барыс» (барс). Поскольку нет такого татарского имени как Борис, а есть Барыс (обычно в составных именах – Бей+барыс, Бай+барыс, Кул+барыс, Жан+Барыс=Ян+барыс), то настоящее татарское имя Бориса Козекаева было Янбарыс. Русский писец записал его просто Барисом, видимо, потому, что все звали его Барыс. Но позже по его татарскому имени Янбарыс, хорошо известному в семье, появилась фамилия Янборисов/Янбарисов.

Вторая версия происхождения фамилии кикинских Янборисовых, по существу, совпадает с первой, но с некоторым удревнением – это форма фамилии Енбарсов/ Енбарисов/ Енборисов. Известно, что в составе русского дворянства были князья Енбарсовы татарского происхождения. Однако их род специально не исследован, и пока неизвестно, из какого татарского княжеского рода происходят русские князья Енбарсовы. Впрочем, вероятность того, что это наши Янборисовы, мала, так как вряд ли они стали бы отказываться от княжеского титула. Возможно, со временем будут найдены документы, которые внесут ясность в происхождение кикинских Янборисовых.

Имя Енбарс, как можно видеть по документам конца XVI – начала XVII вв., было довольно популярным у темниковских татар, как у мурзинских и княжеских родов, так и у служилых татар. В книге И.Р. Габдуллина

«От служилых татар к татарскому дворянству»²⁶ даются некоторые сведения, которые могут относиться и к кикинским Янборисовым:

«Енбарисовы (Янбарисовы, Чембарисовы, Чанбарисовы). Во второй половине XVII в. упоминаются Арслан и Ждан Байковы, Сюняк и Асючка Бибаковы, Алей Давыдов, Ураз Мамокаев, Декбай Бебаков дети Енбарисовы. В Атемарской десятне 1679–1680 гг. упоминается Байбулат Енбарисов, служивший более 30 лет рейтарскую службу и оставленный от службы за старостью. Вместо него стал служить его сын Акмай. Их поместья находились в Саранском уезде. Сюняк Енбарисов служил в 1681–1696 гг. рейтарскую службу по Верхнему Ломову. В XIX в. Енбарисовы проживали в д. Верки Темниковского уезда. Кроме того, мишари Чанбарисовы проживали в Чишминском районе Республики Башкортостан».

Следует добавить, что в оригинале Атемарской десятни 1679 г. по Саранскому уезду эти татары указаны не как Енбарисовы, а как Енбарсовы – Байбулат и его сын Акмай, а также Сюняк Енбарсов.

Происхождение Янборисовых и Нагаевых по их ДНК

Древнее происхождение Янборисовых и Нагаевых по мужской линии было прослежено путем ДНК-тестирования двух уроженцев Кикино – одного Янборисова и одного Нагаева. Тест Янборисова на 37 маркеров выявил, что мужчины рода Янборисовых принадлежат к Y-гаплогруппе **N1c1**. Гаплотип **Янборисова** принадлежит к крупному субкладу (подветке) **N1c1-L1025**. Этот субклад называется «балто-литовским», так как он характерен для литовцев, латышей и белорусов, и образовался приблизительно 3 тыс. лет назад в юго-восточной Балтике. В дальнейшем данный субклад **N1c1-L1025** распространялся в Центральной и Восточной Европе. Присутствуют представители **N1c1-L1025** и у татар, чаще у татар-мишарей. Однако у Янборисовых на 37 маркеров вообще нет совпадений из татар. Есть литовцы, поляки и один русский. Только на 25 маркерах есть дальний совпадение из татар – Захит Закиров.

Тест **Нагаева** на 37 маркеров выявил, что мужчины рода Нагаевых принадлежат к Y-гаплогруппе **N1c2**, к ее крупному субкладу (подветке) **N-VL67**. Субклад **N-VL67** встречается у разных народов на Алтае, в Сибири, на Урале, в Поволжье, в Турции, в Азербайджане и др. Из-за ее характерности для турков и азербайджанцев эту подветку называют «огузской».

У Нагаевых есть только один совпадение-татарин на 37 маркеров – Халим Абдуллин, предок которого, Ханзафер Маметев (1723–1810) жил в селе Елгабаш (Азнакаевский район Татарстана). На 25 маркеров есть 8 татар, 1 грек, 1 азербайджанец из Нагорного Карабаха.

То есть, обе мужские линии – и Янборисовых, и Нагаевых, восходят к территории юго-западного Китая, где 37 тысяч лет назад у одного мужчины

²⁶ Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 153.

гаплогруппы К произошла генетическая мутация. Его потомки наследовали эту мутацию и образовали так называемую гаплогруппу N. В свою очередь у мужчин из гаплогруппы N также иногда происходили мутации, которые приводили к образованию новых гаплогрупп, дочерних по отношению к N.

Гаплогруппа **N1c1** выделилась примерно 13 тысяч лет назад. Эти люди, среди которых были и предки Янборисовых, направились в Южную Сибирь, а затем вышли на Урал. Представители этой гаплогруппы вошли в состав многих народов Поволжья, Урала, и других областей северо-востока Европы. У татар доля носителей гаплогруппы N1c1 может достигать 25%.

Гаплогруппа **N1c2** образовалась около 9 тысяч лет назад, предположительно в Южной Сибири. Часть людей этой гаплогруппы, среди которых были и предки Нагаевых, направились в Среднюю Азию, а оттуда расселились как в Закавказье и Анатолию, так и в Поволжье²⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004–2005 / сост. А.О. Никитин, П.А. Трибунский. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 358–380.
2. Биккинин И.Д. Предки татар-мишарей – пришельцы из Центральной Европы» // Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии. Казань, 2020. С. 101–108.
3. Биккинин И.Д. Тюрки на территории нынешней Пензенской области с древних времен и до присоединения к Московскому княжеству // Татарские населенные пункты: история, современность и перспективы развития. Казань, 2020. С. 125–130.
4. Выпись с отказных книг, данная воеводою Дмитрием Загоскиным темниковским и кадомским мурзам и татарам Кашаеву, Мамину, Тугушеву со товарищи на владение землей и санными покосами, ноябрь 7193 (1684 года) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XLV. Тамбов, 1901. Описи: С. 10–13.
5. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2061. Л. 8–11об.
7. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2061. Л. 12–13.
8. ГАПО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 6.
9. Документы и материалы по истории Мордовской АССР / Т.1, ч.1. Саранск, 1950. 583 с.
10. Еникеев Саид мурза, князь. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999. 355 с.
11. Каменский район [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.suslony.ru/Penzagebiet/kamenka.htm> (дата обращения: 14.12.2020).

²⁷ Биккинин И.Д. Предки татар-мишарей – пришельцы из Центральной Европы» // Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии. Казань, 2020. С. 101–108.

12. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/11 г. / Сост. М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. 220 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 559.
14. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 564.
15. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 568.
16. РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 1161.
17. Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлеге. Казан, 1981. 256 бит.
18. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.

Сведения об авторе: Биккинин Ирек Дамирович – исследователь-краевед, юрист, журналист, этнограф (с. Аксеново, Республика Мордовия, Российская Федерация). E-mail: irekdb@mail.ru

FAMILY TREES OF THE SERVICE TATARS AND MURZAS IN THE STUDY OF THE HISTORY OF “ALTY AVYL”

Irek D. Bikkinin

Researcher of local history

Aksenovо village, Republic of Mordovia, Russian Federation

On the basis of archival, genealogical and genetic data obtained in the study of the Tatar clans of the Nagaevs and Yanborisovs, the author examines the process of founding the “Alty avyl” group of Tatar villages in the late 17th and early 18th centuries, in particular, the village of Kikino in the Kamensky district of the Penza region.

Keywords: Murzas, Service Tatars, Nagaevs, Yanborisovs, Alty avyl, Kikino, Chembarsky uyezd, Penza region

About the author: Irek D. Bikkinin – Researcher of local history, lawyer, journalist, ethnographer (Aksenovо village, Republic of Mordovia, Russian Federation). E-mail: irekdb@mail.ru

ПРОПАВШИЕ ГРАМОТЫ ИЛИ ВОТЧИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ XV–XVII ВВ.

П.А. Корчагин

*Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Пермь, Российская Федерация*

Статья посвящена реконструкции поземельных отношений в Прикамье XV–XVII вв. В процессе присоединения Перми к Русскому государству земельные права местного населения фиксировались при помощи жалованных грамот, однако подобные документы по разным причинам не сохранились, а вывод об их существовании делается на основании косвенных исторических источников. Кроме того в статье анализируется реальный статус земельных пожалований Строгановых второй половины XVI в.

Ключевые слова: вотчина, поместье, жалованная грамота, Пермь Великая, гаиняне, князья пермские, Пера богатырь, Строгановы

Историко-политические сюжеты конца первого и начала второго этапа русской колонизации Урала уже достаточно изучены отечественной наукой, но, в то же время, проблема поземельных отношений в Верхнем Прикамье во втор. пол. XV–XVI в. до сих пор оставались практически за пределами интересов исследователей. И прежде всего, это было вызвано мизерным числом источников, большинство из которых к тому же имеют лишь косвенное отношение к интересующей нас проблеме. Но тем любопытнее становится решение этой исторической головоломки, которую на первый взгляд можно разделить на три части.

Вотчины пермских князей

Впервые московские наместники на территориях коми упоминаются в Вычегодско-Вымской летописи под 1451 г.: «прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду верейских (надо *пермских* – П.К.) князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. *А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной*»¹ (курсив здесь и далее мой – П.К.).

¹ Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Вып.4. Сыктывкар, 1958. С. 261.

Дискуссии о происхождении первых пермских наместников, возникшие из-за погрешности в рукописи, завершились признанием того, что Ермолай с сыновьями были представителями вымской племенной верхушки, крещеными летом 1451 г. еп. Питиримом и возведенными в русское княжеское достоинство². Направление наместников из русских было бы слишком явным нарушением политического *status quo*, поэтому Василий Темный предпочел назначил их из лояльной местной коми знати. Таким образом, внешне ничего не менялось, и у Новгорода, который продолжал числить пермские земли за собой, не было оснований для возражений. Впрочем, и ранее ничего не мешало великому князю московскому упоминать о реальной принадлежности Перми в дипломатических документах.

Ещё до крещения Ермолая с сыновьями 31 августа 1449 г. в докончании вел. кн. Василия Васильевича с королем польским и великим князем литовским Казимиром Пермь в объектной части великокняжеского титула фиксируется реальное положение дел: «князь(ь) великий Васи́лей Васи́ль(ь)евич московский, и новгородский, и ростовский, и *пермский*, и иных...»³. Позднее, в послании уже Ивана III к правителю Кафы и Тамани Захариио Скарье (14 марта 1484 г.) читаем: «Божією милостію великій осподарь Русскіе земли великий князь Иванъ Васильевичъ, царь всеа Руси, Володимерьски, и Московски, и Новгородски, и Псковски, и Югорьски, и Вятски, и *Пермьски*, и иных»⁴. И далее Пермь уже не исчезала из царского титула.

Юридическая неопределенность владельческих и территориальных прав с Новгородом Великим не препятствовала вел. кн. Василию Васильевичу снабдить свежее испеченных наместников руководящим документом – наказной уставной грамотой. К сожалению, она не сохранилась, но наличие ее подтверждается более поздними источниками: «Великопермская уставная грамота Чердынцев и Усольцев» требует «первых судов и *грамот князей Пермских* не посуживати»⁵.

Этой грамотой определялся порядок управления территориями по рекам Выми и Вычегде (кн. Ермолай Вымский), а также по Вишере и Колве (кн. Михаил Ермолаевич), но в летописи о документе, фиксировавшем поземельные отношения, по каким-то причинам умалчивается. А то, что пермские наместники были вотчинниками, известно из более поздних документов. Так в

² Корчагин П.А. Очерки ранней истории Перми Великой: князья Пермские и Вымские // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. Вып. 1(15). С. 114–126.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 160.

⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. № 10. С. 41.

⁵ Семенов О.В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 308.

«Жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича жителям Перми Вычегодской на владение реками, озерами и угодиями, которыми владели их деды и отцы» 1485 г. часть их земель упоминаются как вклад на помин души: «Да на Сысоле-ж на Пылде монастырь Николы чудотворца. А угодий к тому монастырю река Сысола против на версту вверх да на версту-ж вниз, да озеро Чматы, да половина озера Пираты, да половина озера Пыляты *княжныны дарение Петра да Федора княжи Василевых детей на поминовение родителя*»⁶.

И были не единственные земли, некогда принадлежавшие вымской ветви пермских князей. «Жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича пермскому епископу Филофею на вымские и вычегодские земли с деревнями, пустошами, озерами и прочими угодиями, с указом вернуть обратно земли, захваченные у государственных крестьян» 1490 г. перечисляла подлежащие возврату княжеские угодья, как отнятые незаконно: «А се озера и реки волостные, что было владыка поимал у волостных людей на Сысоле река Чуя, да половина Юрома озера вверх по Вычегде реке, да три курьи – Орлово да Белоручьи да Травня, что было *ту половину Юрома озера и те три курьи отнял владыка у Петра да Федора у князьих Васильевых детей Вымскова...*»⁷.

Необходимо отметить, что перечень земель в обеих грамотах приводился на основе Гаврилова письма, «что Ивашка Гаврилов писал Пермские земли за волостные люди и за владыку пермскова и за монастыри и за игумены и за попы...». Вел. кн. Иван III «пожаловал есми свои волостные люди пермяки... угодии, которые *были их дедины и отчины* во всем по тому, по письму Гаврилову»⁸. В 1481 г. «писал тое писец луки вычегоцкие, и вымские, и сысоленские, и удоренские, и владыки Филофея *вотчину*, а на Чердыню не писал луки, потому вогульское розорение»⁹.

Источники позволяют сделать однозначный вывод, что земельные пожалования пермских епископов были вотчинами, владения пермских наместников также определялись вотчинным правом, поскольку только наследственные родовые земли внуки князя Ермолая могли послужить вкладом в Николаевский монастырь на помин душ деда и отца. Существуют весомые основания считать вотчинами и земельные угодья рядовых волостных людей, поскольку в источнике они характеризуются как *дедины и отчины*.

В то же время остается неясным вопрос о времени и форме юридического оформления прав собственности пермских землевладельцев. Существовали ли специальные документы, определявшие вотчинный статус земель пермских наместников, епископа и рядовых пермяков? Фиксировали ли они

⁶ Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 246.

⁷ Там же. С. 251.

⁸ Там же. С. 243.

⁹ Там же. С. 263.

сложившуюся до того поземельную ситуацию или были выданы на основании результатов переписи И. Гаврилова?

На вопрос мы склонны дать отрицательный ответ. В 1502 г. «повеле князь великий Иван вымскому Феодору правити на Пустеозере волостью Печорою, а на Выме не быти ему, потому место Вымское не порубежное», а в 1505 г. «князь великий Василей Иванович разгневан бысть и свел с Великие Перми *вотчича* своево князя Матфея и родню и братию ево, а в Перме велел быти наместнику Василью Ондреевичу Ковер»¹⁰. Здесь мы впервые встречаем прямое указание на статус вотчинника применительно к представителю второго поколения великопермской ветви династии коми князей. И этот статус великопермские наместники получили точно не на основании показаний переписных книг, поскольку «присла князь великий Василей Ивашку Боброва с товарищи вычегоцкие луки писати, и писали те писцы луки вычегоцкие, и вымские, и удорские, и сысольские, и владычни вотчины, и на Великие Перми»¹¹ только в 1530 г., когда вымские и великопермские князья уже четверть века как были сведены со своих наместничеств.

«Царская грамота в Пермь Великую, о неприкосновенности угодьев Чердынского Богословского монастыря» от 10 августа 1580 г. фиксирует, очевидно, только часть вотчинных земель князей Великопермских, вложенную в монастырь: «...да за Богословским же монастырем *князь Матвеевских Великопермьского пустых земель*, и лесу, и лугов, в Чердынском уезде, по конец Покчинского поля перелогу пять четвертей да лесу пашенного пять десятин, да на Ляндоре пять четей да лесу большого пашенного три десятины, да за Вотцким погостом па Зяйбе перелогу шесть четен, да на Шаптуре лесу пашенного пять десятин, да в Покчинском в среднем поле лесу пашенного большого двадцать четыре десятины да пашни, шесть четен, да на реке на Вишере луг Данилов, сена на нем ставитца триста копен...»¹².

Упомянутый в источнике Вотцкий погост ещё до 80-х гг. XX в. существовал как дер. Воцково, недалеко от которой было зафиксировано урочище Княжи, и таким образом топонимика подтверждает показания источника, позволяя уточнить размер и место расположения вотчинных владений великопермских наместников. Очевидно, стоит внимательно присмотреться и к сел. Княжпогост на р. Выми в пятидесяти километрах от с. Усть-Вым (Старой Перми), отнюдь не исключено, что оно также первоначально входило в состав вотчины князей Вымских.

¹⁰ Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 264.

¹¹ Там же. С. 265.

¹² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1334–1598. СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. С. 397.

Итак, перед исследователями встает проблема – каким образом и когда были определены поземельные права пермских вотчинников? Определялись ли они какими-либо специальными статьями несохранившейся наказной уставной грамоты 1451 г.? Заметим, это маловероятно, поскольку формуляр подобных документов такого не предусматривал. Или же это было сделано в особой кормленной грамотой, аналогичной тем, что давались позднее другим инородцам на русской службе¹³. Возможно, порядок землевладения пермских князей изначально формально и не определялся, а подразумевалось сохранение в течении какого-то времени традиционных поземельных отношений, сложившихся ещё до присоединения Перми к русскому государству. Но это все равно не снимает вопроса времени и формы узаконение земельных владений в Перми.

Грамота Перы богатыря

Исследования последних лет показали, что территория Коми-Пермяцкого округа на северо-западе современного Пермского края, не входила, как ранее считалось, в состав Перми Великой, простиравшейся всего на сотню километров вдоль нижнего течения рек Вишеры и Колвы, а являла собой особую область. Гаиняне, упоминавшиеся в житии Стефана Пермского, – народ, отличный от пермяков Перми Великой, являющийся непосредственными предками современных коми-пермяков. Такой вывод подтверждается не только существовавшим территориальным размежеванием Перми Великой и Страны гаинян, но и целым рядом других фактов¹⁴.

Т. Карлейль в «Истории Французской революции» приводил, к сожалению, без точных ссылок высказывания двух философов, которые стали афоризмами на все времена: «Перефразировав афоризм Монтескье: “Счастливы народы, чьи летописи производят скучное впечатление”, один философ, любитель парадоксов, сказал так: “Счастливы народы, у которых отсутствуют летописи”»¹⁵. Не вступая в обсуждение степени счастья коми-пермяцкого народа, заметим, что процесс и момент присоединения Страны гаинян к Русскому государству в летописях никак не освещен. За неимением и каких-либо других письменных источников проблемы присоединения и укрепления за

¹³ Антонов А.В. Акты служилых татар 1525–1609 годов // Русский дипломатарий. Вып. 7. М.: Древлехранилище. 2001. С. 219–234.

¹⁴ Корчагин П.А. Пермь Великая и Страна Гаинян: к вопросу коми-пермяцкой идентичности // I Кривощёковские историко-архивные чтения: сборник материалов научной конференции к 165-летию со дня рождения И.Я. Кривощёкова, к 115-летию со дня рождения М.А. Кривощёкова, к 90-летию Коми-Пермяцкого окружного государственного архива, к Году театра в России (28 марта 2019 г., г. Кудымкар, Пермский край). Кудымкар, 2019. С. 214–220.

¹⁵ Карлейль Т. История Французской революции / Пер. с англ. Ю.В. Дубровина и Е.А. Мельниковой (ч. I). М.: Мысль, 1991. С. 25.

местным населением их земель возможно только на основании коми-пермяцких преданий.

Записанная И.И. Лепехиным в 1771 г. легенда о Пере-богатыре гласила: «Между Пермьяками хранилася старинная грамота, жалованная во время царствования Государя Царя Иоанна Васильевича, которая ныне истреблена, по тому что Пермьяки стоя за праотцовския свои дачи и часто ссылался в при-судственных местах на свои древние грамоты, праведным судиям ею пона-сучили. Грамота сия дана была одному из Чюди жившему на Каме верстах в 60 от того места, где ныне стоит село Гойна (ныне с. Гайны – П.К.). Сей Чюденин по их уверениям был отменной силач, которой узнан был по случаю заблудившаго рускаго торгаша, которому он указал дорогу и снабдил всем нужным. Торгаш возвращаясь на Москву многим рассказал об отменной силе Чюденина, и слух дошел до самого Царя. Сказуемая отменная его сила воз-будила любопытство Государево, и он призван был на Москву; где в награ-ждение ему дана была грамота за Государевою рукою на известной земли округ, в котором бы он мог беспрепятственно промышлять. К сему прибав-ляют, что в знак тосударской милости даны ему были и шелковые сети. Сеи батырек назывался Перя...»¹⁶.

Места, описанные в легенде, соответствуют Стране гаинян Епифания Премудрого. Упоминаемая дорога – это отрезок Старой Московской дороги, проходивший от Кая через Юксеево и Косу на Соликамск. Время жизни Перы определяется сер. XVI в., поскольку другие предания о нем прямо говорят о его участии в походе на Казань¹⁷, и известно, что пермские рати были за-действованы в некоторых из них.

И, если доверять фольклору, то присоединение северной части современного Коми-Пермяцкого округа к Русскому государству произошло в сер. 50-х гг. XVI в. Скорее всего, это случилось между 1552 г. и 1558 г., когда юж-ные территории округа по первой жалованной грамоте формально оказались в составе строгановских владений. Поскольку точных границ на местности в ту эпоху провести было невозможно, правительством жаловались территории бассейнов всех правых притоков Камы до устья р. Чусовой «с устьев и до вер-шин». Строгановы за двадцать льготных лет (до 25 марта 1578 г.) не смогли реально освоить все эти земли, тем временем среднее и верхнее течение ука-занных рек заселялось коми-пермяками, поэтому переписью И. Яхонтова 1579 г. оно причислено к Отхожему округу Перми Великой (Гайны, Обва,

¹⁶ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российскаго государства... Ч. 3. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1780. С. 195–196.

¹⁷ Ожегова М.Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971. С. 88–89.

Нижняя Коса)¹⁸. Обращает внимание, что данное административно-территориальное образование имеет особое название – *округ*, но не как остальные – *стан*, то подкрепляет мнение о его особом (позднем) происхождении.

Жалованная грамота Ивана IV вполне могла быть дана гаинянам (коми-утир, будущим коми-пермякам) – Пере и других коми, поскольку известно, что вскоре после падения Казани в процессе вхождения башкирских территорий в состав Русского государства подобные документы о земельном владении на вотчинном праве выдавались массово¹⁹. В шежере Хуббихужи Тюмисева упоминается о получении башкирским родом Гайна жалованных грамот и ранее этого срока, причем, после обращения именно в Чердынь²⁰.

В целом понятна и причина, по которой чиновники чердынских уездных учреждений «истребили» древние документы коми-пермяков. Дело в том, что 28 июля 1700 г. Г.Д. Строганов подал челобитную о том, что «угодья возле рек: Обвы, Иньвы и Косьвы на пустых берегах и островах в угодьях от вотчинного родственников его жилья за лесами в дальних местах поселились от Соли-Камской, Чердыни и Кунгура и из иных разных городов самовольством своим Великого Государя волостных крестьян, и всяких людей многое число и теми родственников многими и всякими угодья завладели и владеют напрасно», и потому он просил повеления: «тем родовым и выслуженным вотчинным землям и угодьям и крестьянам и бобылям, по старинным его крепостям и по писцовым книгам и по отводу и межеванию Козьмы Цезырева, быть за ним, по прежнему»²¹.

1 июля 1700 г. последовал указ «разным бургомистрам об утверждении за Григорием Дмитр[иевичем] Строгановым погостов по Обве, Иньве и Косьве»²², а 22 мая 1702 г. Г.Д. Строганову пожалована грамота: «по рекам по Обве и по Косьве и по Иньве, которые впади в реку в Каму, и по малым речкам, которые реки впади, берега, земли, леса и острова, и озера и всякие угодья от устей и до вершин с поселенными на тех землях погостами Обвинскими, Ин-

¹⁸ Дмитриев А.А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 1: Древности бывшей Перми Великой. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1889. С. 77–78.

¹⁹ См. хотя бы: Азнабаев Б.А. Копия Жалованной грамоты Иоанна Васильевича башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. №3. С. 1034–1036.

²⁰ История башкирских родов. Гайна. Т. 11. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2015. С. 451.

²¹ Волегов Ф.А. Историко-статистические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1850 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г. Пермь, 1888. С. 18.

²² Волегов Ф.А. Хронологический реестр разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых // Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии. Т. 3. Пермь, 1895. С. 167.

венскими и Косьвинским с принадлежавшими деревнями и починками... *в вотчину впредь в вечное и нерушимое владение*»²³.

Кроме того, максимально близко к району, описываемому в предании о Пере, «владенья на речке Лолог в Чердынском уезде, впадающей в реку Косу», которые еще 29 сентября 1693 г.²⁴ были пожалованы все тому же любимцу Петра Великого.

Некогда существовавшие жалованные грамоты на владение коми-пермяками их традиционными угодьями в кон. XVII – нач. XVIII в. были аннулированы в связи с передачей земель в состав строгановских вотчин, но земляки Перы вплоть до кон. XVIII в. «наскучивали» властям просьбами выдачи копий с их жалованных документов. Но их подлинники, скорее всего, были сознательно уничтожены, хотя, не исключено, что они погибли в катастрофическом чердынском пожаре 1792 г.

Строгановские места

Р.Г. Скрынников не признавал устоявшегося взгляда на Строгановых как на изначальных вотчинников: «Вопреки традиционным представлениям, Строгановы не были в XVI в. вотчинными владельцами Пермского края. Царь Иван IV пожаловал им обширные земли на Каме и Чусовой в пользование, а не в вотчину. Властям было удобно то, что богатые солепромышленники взяли на себя все расходы, связанные с хозяйственным освоением мало-заселенных земель, с обороной края. Функции, возложенные на Строгановых, в основном исчерпали себя с присоединением Сибири»²⁵. Увы, Р.Г. Скрынников, имея иную цель исследования, предпочел не развивать анализ земельных отношений промышленников и государства, ограничившись применением не чересчур конкретного термина *пользование*.

А Т.Г. Мезенина определённо считает, что «согласно жалованным грамотам XVI в. владения Строгановых находились на поместном праве» и разъясняет свою точку зрения следующим образом: «Особого внимания в истории землевладения Строгановых заслуживает вопрос о юридическом статусе пожалованных территорий. В грамотах 1558 и 1568 г. земли передавались Якову и Григорию Строгановым во владение на определенных условиях. К этим условиям относились постройка поселений, заселение пожалованных территорий, разработка соляных рассолов и организация обороны от возможных нападений «инородцев». Все эти действия предполагалось осуществить за

²³ Волегов Ф.А. Историко-статистические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1850 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г. Пермь, 1888. С. 18.

²⁴ Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пер. 5. Ч. 1. Пермь: типография Губернской земской управы, 1885. С. 658.

²⁵ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1986. С. 270.

счет средств Строгановых. Таким образом, владельцы уральских земель оказывались на своего рода государственной службе, их основной задачей становилось освоение земель на восточных рубежах государства. При этом закрепившееся за их владениями название «вотчина» имело скорее условный смысл, несмотря на то что Строгановы самостоятельно распоряжались людьми и ресурсами в границах пожалованных территорий. Вотчинным, т.е. безусловно наследуемым владением, земли Строгановых тогда не являлись. Это доказывается тем, что право владения необходимо было подтверждать при востшествии на престол нового государя и при перераспределении собственности внутри рода»²⁶.

Исследователь, хотя в общем-то приравнивала строгановские владения к поместью, но при этом не раз употребила условные грамматические обороты, отказываясь, таким образом, от окончательного решения вопроса об их юридической природе. Действительно, в источниках XVI в. при всей неясности формулировок вотчинный статус строгановских владений однозначно не считается, но тем более интересно установить момент и порядок превращения их условного земельного держания в родовое наследственное землевладение.

В первой «Жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Григорию Строганову о финансовых, судебных и торговых льготах на пустые места по реке Каме»²⁷ от 4 апреля 1558 г. термин вотчина употребляется относительно прикамских земель исключительно как указание на государеву собственность: «Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми Григорья Аникиева сына Строганова, что мне бил челом а сказывал, что де в нашей вотчине ниже Великие Пермь... места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые, а всего деи того пустого места 146 верст»²⁸.

А из конечной фразы документа необходимо следует вывод о весьма условной принадлежности Строгановым территорий по Каме: «А что будет нам Григорей по своей челобитной ложно бил челом, или станет не по сей грамоте ходити или учнет воровати, и ся моя грамота не в грамоту»²⁹. Иван IV жаловал Г.А. Строганову огромные территории, но это не поместье, а места, причем, пустые, которые продолжают оставаться в собственности государства.

Во второй «Жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Якову Строганову о финансовых, судебных и торговых льготах на соленой промысел по реке Чусовой» от 25 марта 1568 г. имущественная ситуация несколько уточняется: «Се аз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал

²⁶ Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Тагил, 2007. С. 30.

²⁷ Названия грамот, понятно, условны, поскольку даны публикатором.

²⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л.: АН СССР. 1937. С. 332.

²⁹ Там же. С. 332, 335.

есми Якова Аникеева сына Строганова, что он нам бил челом а сказывал, что деи они в нашей вотчине в тех же местех, которые места дали есми им на льготу, да и грамоту жаловальную брату ево Григорью дали, от Лысвы речки до Чюсовые реки, по обе стороны Камы реки, места пустые...». Заканчивается текст уже знакомым нам суровым условием: «А что будет нам Яков по своей челобитной ложно бил челом, или станет не по сей грамоте ходити или учнет воровати, и ся моя грамота не в грамоту»³⁰. Получается, что за прошедшие десять лет прикамские земли так и остались собственностью великого князя, не поместьем, но *местами*, которые были даны на льготу.

В «Грамоте Якову и Григорью Строгановыми о посылке ратных людей для приведения в покорность, Черемисы, и других Сибирских инородцев, производящих грабежи по реке Каме» от 6 августа 1573 г. также нет ни слова о вотчинах. Она адресована просто «в Слободку на Каму...»³¹, Иван IV предпочел не уточнять юридическую форму собственности, ограничившись указанием конкретного *места*.

В третьей (нереализованной) «Жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым об освобождении на 20 лет от разных податей и повинностей их земель и людей на Тахчях и на Тоболе» от 30 мая 1574 г. впервые фиксируются термины владения: «Се яз царь и великий князь Иван Васильевич ... пожаловал есми Якова да Григорья Аникиевых детей Строганова: били нам челом, что в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской уkraine, меж Сибири и Нагай, Тахчеи и Тобол река с реками и с озеры, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью... и яз царь и великий Князь Иван Васильевич ... Якова да Григорья Оникиевых детей Строганова, по их челобитью, пожаловал: на Тахчях и на Тоболе реке крепости им поделати, и снаряд вогняной, и пушкарей, и пищальников и сторожей от сибирских и от нагайских людей держати, и около крепостей у железного промысла, и у рыбных ловель и у пашен по обе стороны Тобола реки и по рекам и по озером и до вершин дворы ставити, и лес сечи, и пашня пахати и *угодьи владети...*»³².

В 1585–1591 гг. прикамские владения Строгановых находились в непосредственном управлении царской администрации. Так, в 1588–1589 гг. «на Орел, на Ондреево место Окинфова» был послан выборный дворянин З.И. Безобразов, а «в Чюсовую» прибыли А.М. Минеров (оставался там и в 1589–1590 гг.) и Ф.А. Хлопов. Однако ни их статус, ни отношение с властями Чердыни неясны³³.

³⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л.: АН СССР. 1937. С. 336, 338.

³¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. С. 175.

³² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л.: АН СССР. 1937. С. 340–341.

³³ Семенов О.В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале (Очерки истории Урала, вып. 40). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. С. 69.

До сих пор исследователи не пришли к общему мнению относительно причин временного отстранения Строгановых от управления их прикамским хозяйством. Уяснение этого целью нашего исследования тоже не является, поэтому ограничимся лишь указанием на тот факт, что «опала» Строгановых совпала с воцарением царя Федора Иоанновича, который далеко не сразу подтвердил их права на освоенные ими же земли. Решительное восстановление строгановских прав произошло уже в середине его царствования, а окончательно подтверждено Б.Ф. Годуновым, уже успевшего стать царем, 12 марта 1599 г.

«Жалованная данная, оброчно-несудимая, односрочная и заповедная (от ездовых) грамота ц. Федора Ивановича Максиму Яковлевичу, Андрею и Петру Семеновичам Строгановым на их вотчину городок, остроги, слободку и соляные варницы на рр. Чусовой, Усолке, Сылве и Яйве в Перми, с подтверждением ц. Бориса Федоровича» от 20 апреля 1591 г. оказалась в интересующем нас смысле крайне любопытной: «Се яз, царь и великий князь Феодор Иванович всеа Руси, пожаловали есмь Максима Яковлева сына Строганова да Ондreja да Петра Семеновых детей Строганова. Что они нам били челом, а сказали, что в прошлом в 94-м году взято у них на нас для Сибирские дороги *отцов ихних вотчина* городок и остроги на Чусовой и на Усолке, и на Сылве, и на Яйве...»³⁴.

Признание вотчинного статуса строгановских владений в Прикамье сформулировано в той части документа, где обычно цитируется челобитная, служившая поводом для выдачи грамоты жалованной, после слов: «а сказали, что...». Значит ли это, что Строгановы первыми употребили термин *вотчина* применительно к земельным пожалованиям «ихних отцов». Что это было и чем вызвано? Удавшаяся провокация Строгановых, решивших тихой сапой повысить юридический статус своего дотоле условного земельного держания? Или же согласованная с властями форма узаконения нового положения дел, произведенная явочным порядком?

В любом случае, цель Строгановыми была достигнута. В жалованной грамоте Н.Г. Строганову от 7 апреля 1597 г. их прикамские земли (имеющиеся и жалуемые) квалифицируются как вотчинные: «...великий государь царь и великий князь Федор Иоанович всея Руссии, его ж Никиту, Григорьева сына, Строганова пожаловал, велел ему ниже Перми Великой и *их вотчин*, *дать в вотчину ж*: по Каме реке полтретья ста верст, а от Казани пол осма ста верст, от Ласьвы речки вниз по Каме по правой стороне, до речки до Ашапу...»³⁵.

Итак, строгановские владения в Прикамье стали официально считаться вотчинами в последнем десятилетии XVI в. Однако способ превращения зе-

³⁴ Морозов Б.Н. Жалованная грамота Строгановым 1591 года // Русский дипломатарий, Вып. 6. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 190–195.

³⁵ Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пер. 1. Пермь: Тип. Губ. зем. управы, 1881. С. 120–121.

мель первых трех пожалований в вотчину источником никак не поясняется. Вряд ли существовал особый документ, устанавливавший новый вотчинный статус первых строгановских владений. Учитывая образцовое содержание архива промышленников, он обязательно должен был быть воспроизведен в сводной жалованной грамоты Строгановым 1692 г.³⁶ Не остается ничего иного как констатировать, что вотчинные права Строгановых были признаны властями в явочном порядке с прямой подачи промышленников.

Для уяснения статуса строгановских земельных пожалований XVI в. стоит исходить не только из формулировок источников, но и помнить:

– об уникальности социального статуса, сообщенного Строгановым, единственным обладателям звания «именитых людей», удостоившимся особого упоминания в «Соборном уложении»;

– об уникальности задач, поставленных российскими монархами перед выдающимся семейством, которому предлагалось вводить в хозяйственный оборот огромные практически ненаселенные территории, при этом защищая их от внешних угроз, и при этом участвовать в мероприятиях по расширению границ государства.

Строгановское землевладение не могло быть поместным по нескольким причинам: промышленники не были дворянами; характер их «службы» кардинально отличался от военно-административной деятельности служилых людей; наконец, жалованные им земли представляли собой «места пустые», по понятиям того времени верстанию в поместье непригодные. Строгановым в течение льготных лет приходилось, призывая нетяглое население и распашивая земли, по сути, превращать их в полноценное земельного пожалование, с которого уже можно было бы служить.

Строгановское землевладение в XVI в. не было и вотчинным, поскольку: промышленники не принадлежали к родовой знати; и даже не владели жалованными землями на протяжении жизни нескольких поколений; а, главное, монархи обуславливали пользование прикамскими землями рядом условий, невыполнение которых вело бы к конфискации пожалований у всего рода.

Строгановы в государевой «вотчине ниже Великие Пермь» выполняли важнейшие задачи, свойственные не столько отдельным служилым людям, но шире – самому государству, при этом не подменяя, но укрепляя его, экономически и финансово. В этом смысле повторяющиеся весьма и весьма часто крупные денежные взносы в казну (помимо регулярных налогов) также являлись частью строгановской «службы». Строгановы, в отличие от служилых людей по отчеству не просто принимали участие в государственных мероприятиях, но организовывали и финансировали их.

И, если мы фиксируем беспрецедентность выполняемых Строгановыми задач и их уникальное социальное положение, то не будет выглядеть нело-

³⁶ Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842. С. 29–120.

гичным предложение считать юридический статус их земельных владений уникальным, поскольку эти владения имели черты и поместья, и вотчины, в то же время, ни тем, ни другим не являясь.

Эта уникальность нашла отражение и в текстах жалованных грамот, адресованных Строгановым. Грамоты не были в чистом виде данными (поместными) или вотчинными (в них отсутствуют характерные для подобных документов формулировки), при этом могут расцениваться и как несудимые, и льготные (но не тарханные), и даже как кормленные. Хотя в грамотах не содержатся формулировки, дававшие Строгановым права «судить и ведати» население, но они подразумевались по умолчанию.

Необычность строгановских владений заключалась также в том, что на протяжении XVI–XVII вв. ведались они в не Поместном, а в Посольском приказе³⁷. В течение всего этого периода вотчины Строгановых оставались особым округом с оригинальным административным делением. По переписи Ф. Бельского в 1678 г., она делилась на шесть округов (Орловский, Яйвинский, Нижне-Чусовской, Верхне-Чусовской, Сылвенский, Очёрский) и три вотчины (Слудская, Верхне-Муллинская, Кишертская)³⁸.

Из-за единичности прецедента, не возникло потребности в каком-то особом названии для обозначения весьма специфического экономико-юридического явления, поэтому в грамотах используется юридического смысла не имеющий термин *место, места*.

К 1610 г. Строгановы один за другим получили право именоваться второй формой отчества – «с вичем»³⁹ и это стало символическим и в известной степени юридическим закреплением их прав наследственной собственности на земли, окончательным превращением их владений в вотчину, что было первоначально зафиксировано в грамотах 1591 и 1597 гг.⁴⁰. С одной стороны

³⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 365. Дела о Строгановых. (1557–1719). Оп. 1–2.

³⁸ Волегов Ф.А. Историко-статистические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1850 год // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 год. Пермь, 1888. С. 10–11.

³⁹ Введенский А.А. Торговый дом Строгановых в XVI–XVII веках. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 36, 133; Волегов Ф.А. Хронологический реестр разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых // Пермский край. Т. 3. С. 155–157; Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. Вып. 2: Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). 1918. С. XIII.

⁴⁰ Корчагин П.А. Строгановы. Люди именитые // Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. М.: Программа «Первая публикация». Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В. Потанина», 2017. С. 487.

это было признанием выдающихся заслуг рода перед страной, а с другой необходимостью приведения поземельной ситуации в соответствие с правовой нормой в условиях формирования режима самодержавия и развития приказной бюрократии.

Исторические источники, к сожалению, чаще всего косвенные, свидетельствуют о более раннем возникновении и более широком распространении в Прикамье землевладения на вотчинном праве, нежели считалось ранее. Есть все основания считать, что за населением Перми Вычегодской, Перми Великой в XV в., и предками современных коми-пермяков в Стране гаинян в сер. XVI в. традиционно принадлежавшие им земли закреплялись особыми документами (жалованными, вотчинными грамотами), которые к настоящему времени не сохранились. Кроме того можно говорить о существовании здесь во втор. пол. XVI в. уникальной (исключительно строгановской) формы земельных пожалований – *места*, вызванной к жизни особыми задачами, возложенными правительством на Строгановых в условиях развивающейся колонизации края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнабаев Б.А. Копия Жалованной грамоты Иоанна Васильевича башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 1034–1036.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1334–1598. СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. 551 с.
3. Антонов А.В. Акты служилых татар 1525–1609 годов // Русский дипломатарий. Вып. 7. М.: Древлехранилище. 2001. С. 219–234.
4. Введенский А.А. Торговый дом Строгановых в XVI–XVII веках. М.: Соцэкгиз, 1962. 308 с.
5. Волегов Ф.А. Историко-статистические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1850 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г. Пермь, 1888. С. 5–49.
6. Волегов Ф. А. Хронологический реестр разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых // Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии. Т. 3. Пермь, 1895. С. 149–175.
7. Дмитриев А.А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 1: Древности бывшей Перми Великой. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1889. 198 с.
8. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Вып.4. Сыктывкар, 1958. С. 241–271.
9. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. 446 с.

10. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 585 с.
11. История башкирских родов. Гайна. Т. 11. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2015. 696 с.
12. Карлейль Т. История Французской революции / Пер. с англ. Ю.В. Дубровина и Е.А. Мельниковой (ч. I). М.: Мысль, 1991. 575 с.
13. Корчагин П.А. Очерки ранней истории Перми Великой: князья Пермские и Вымские // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. Вып. 1(15). С. 114–126.
14. Корчагин П.А. Строгановы. Люди именитые // Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. М.: Программа «Первая публикация». Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В. Потанина», 2017. С. 483–491.
15. Корчагин П.А. Пермь Великая и Страна Гаинья: к вопросу коми-пермяцкой идентичности // I Кривощёвские историко-архивные чтения: сборник материалов научной конференции к 165-летию со дня рождения И.Я. Кривощёкова, к 115-летию со дня рождения М.А. Кривощёкова, к 90-летию Коми-Пермяцкого окружного государственного архива, к Году театра в России (28 марта 2019 г., г. Кудымкар, Пермский край). Кудымкар, 2019. С. 214–220.
16. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российскаго государства... Ч. 3. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1780. С. 195–196.
17. Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Тагил, 2007. 203 с.
18. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л.: АН СССР. 1937. 630 с.
19. Морозов Б.Н. Жалованная грамота Строгановым 1591 года // Русский дипломатарий, Вып. 6. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 190–195.
20. Ожегова М.Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971. 130 с.
21. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М.: Тип. Грачева И. В., 1877. 338 с.
22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 365. Дела о Строгановых (1557–1719). Оп. 1–2.
23. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505) / Напечатано под наблюдением Г.Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. 558 с.
24. Семенов О.В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 295–333.
25. Семенов О.В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале (Очерки истории Урала, вып. 40). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 292 с.

26. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 317 с.

27. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. Вып. 2: Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). 1918. 421 с.

28. Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы. СПб.: в типографии Штаба военно-учебных заведений, 1842. 120 с.

29. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пер. 1. Пермь: Тип. Губ. зем. управы, 1881. 238 с.

30. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пер. 5. Ч. 1. Пермь: типография Губернской земской управы, 1885. 680 с.

Сведения об авторе: Корчагин Павел Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН (Пермь, Российская Федерация). E-mail: pakorchagin@gmail.com

MISSING CHARTERS OR THE VOTCHINA LAND OWNERSHIP IN THE UPPER CIS-KAMA REGION IN THE 15TH–17TH CENTURIES

Pavel A. Korchagin

*Perm Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Perm, Russian Federation*

The article is devoted to the reconstruction of land relations in the Kama region of the 15th–17th centuries. In the process of the accession of Perm to the Russian state, the land rights of the local population were recorded with the help of granted charters, but such documents for various reasons have not been preserved, and the conclusion about their existence is made on the basis of indirect historical sources. In addition, the article analyzes the real status of the Stroganov land grants of the second half of sixteenth century.

Keywords: votchina, pomest'ye, granted charter, Great Perm, gainyane, princes of Perm, bogatyr Pera, Stroganov

About the author: Pavel A. Korchagin – Cand. Sci. (History), Department of history, archeology and ethnography, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russian Federation). E-mail: pakorchagin@gmail.com

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ СИБИРСКИХ БУХАРЦЕВ

И.Д. Пузырев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Российская Федерация

Федеральный исследовательский центр

«Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН»

Тюмень, Российская Федерация

Цель: характеристика особенностей землевладения сибирских бухарцев в XVII в. В работе рассматриваются специфика и эволюция статуса землевладения бухарцев в формирующейся империи.

Материалы исследования: исследование базируется на опубликованных и архивных источниках из РГАДА, ГА в г. Тобольске и ГАПК.

Научная новизна: предпринята попытка сопоставить динамику роста и правовое регулирование землевладения бухарцев Тарского и Тобольского уездов. Составлена таблица, отражающая приращение земельных владений рода Кульмаметьевых в XVII веке.

Результаты исследования: сделан вывод о том, что приближенное положение рода Кульмаметьевых к тобольскому воеводе могло обеспечить представителям данного рода значительный прирост земельных владений. Получен результат, показывающий, что земли Кульмаметьевых необходимо рассматривать в контексте служилого землевладения Российского государства. Автор подчеркивает неприменимость к землевладению Кульмаметьевых категории «иноземческих земель», правовое регулирование которых было установлено Соборным Уложением. Случай Кульмаметьевых скорее исключительный в том отношении, что земли людей, которые были «иноземцами» по происхождению (выдаваемого за бухарское) стали частью служилого землевладения, типологически близкого к поместному.

Ключевые слова: Сибирь, бухарцы, сибирские татары, иноземцы, землевладение, Кульмаметьевы

Данная работа посвящена изучению специфики землевладения бухарцев Западной Сибири. «Бухарцами» или «бухаретинами» в различных источниках XVI–XIX вв. довольно расплывчато обозначали особую группу людей – как российских подданных, так и подданных государств Средней Азии, переселившихся или временно прибывавших в Россию.

В исследовательской литературе предпринимались попытки охарактеризовать бухарцев как складывающуюся «этно-сословную группу»¹. Вместе с тем, вопрос о том, можно ли считать бухарцев «этнической группой» остается открытым, поскольку происхождение людей, номинированных таким термином, было различным. Они могли происходить как из «Большой Бухарии», т.е. городов Самарканда, Ташкента и других земледельческих областей южнее Казахской (Киргиз-Кайсацкой) степи, так и из «Малой Бухарии» – района Кашгара (современный Синьцзян-Уйгурский район Китая). Кроме того, в изучаемый период место бухарцев в правовой системе Российского государства не было окончательно определено, поэтому называть их сословием вряд ли возможно. Долгое время основным занятием бухарцев оставалась торговля. Однако уже в XVII веке в Сибири начинается складываться бухарское землевладение.

В рамках данной работы внимание будет сосредоточено на землевладении бухарцев, поселившихся в Тобольском, Тарском и Тюменском уездах Сибири преимущественно XVII – нач. XVIII в., т.е. в период, когда процесс приобретения и закрепления ими земель только начинался.

Источники по землевладению бухарцев

Источники по истории землевладения бухарцев можно обнаружить как в центральных, так и региональных архивах. Значительное количество источников по эту вопросу хранится в Российском государственном архиве древних актов, Государственном архиве в г. Тобольске (фонд «Тобольского наместнического правления»), архиве Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и в Государственном архиве Пермского края (фонд «Пермское наместническое правление») – далее ГАПК. Важный комплекс документов сосредоточен в ГАПК и включает в себя родословную, информацию о земельных владениях, краткие сведения с 1680-х до 1790-х гг. о службах одного из знатных семейств, заявлявшего о своем «бухарском» происхождении – семействе Кульмаметьевых.

Другой комплекс источников о землевладении бухарцев отложился в Российском государственном архиве древних актов: это, прежде всего, материалы Сибирского приказа (Ф. 214) и «Портфели Г.Ф. Миллера (Ф. 199).

Землевладение бухарцев в работах историков

Данная тема уже неоднократно привлекала исследователей. В историографии отмечалось, что в эпоху Московского царства и ранней империи не было единого правового акта о поземельном устройстве. У жителей Сибири существовало большое разнообразие владельческих прав, не имевших точно

¹ Корусенко С.Н. Политика центральных и местных властей по отношению к бухарцам Сибири в середине XVII – начале XIX века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 105.

установленного объема². Впервые к вопросу о приобретении бухарцами земельных наделов обратился Н.Н. Оглоблин, делая обзор документов Сибирского приказа³. Данный историк и архивист выявил Тарскую дозорную книгу 1701 г., посвященную бухарскому землевладению. Позднее этой темой занялся крупный исследователь истории Сибири С.В. Бахрушин, который в своей работе «Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв.» обратил внимание на то, что бухарцы были среди крупных земельных собственников, например, «бухарец Гулечко, мулла Кучеков, один из самых богатых землевладельцев Тюменского уезда»⁴ С.В. Бахрушин выявил и механизмы складывания бухарского землевладения: «Первоначально на землю осаживались те из них, которые не имели своего торгова, поселяясь в деревнях у татар «по доброту и для того, что де угодей нет» <...> Однако уже в 1620-х гг. среди осевших в уездах бухарцев выделяется группа сравнительно состоятельных землевладельцев <...> начавшись со скромных размеров, бухарское землевладение в Сибири быстро расширяется и крепнет. Бухарцы не только цепко держатся за право «припахивать» и «присеивать» на уступленных им татарами клочках земли, но последовательно округляют свои владения «пашенными купленными и закладными и данными землями и покосами». Перепись земель, приобретенных тюменскими бухарцами у русских людей, произведенная в 1699 г., показывает, с каким успехом эти предприимчивые люди забирали в свои руки русские земли в уезде»⁵.

В советский период к теме «вотчинных прав» на угожья, находившихся во владении индигенного населения на материалах Западной Сибири XVII в. обращался В.И. Шунков⁶. Исследователь отмечал, что первых порох русские поселения и пашни в Западной Сибири выступали маленькими островками среди татарских, да и власти старались, насколько это возможно, не конфликтовать с туземцами, не посягать на их владения⁷.

Важные выводы о бухарском землевладении были сделаны Ф.Т. Валеевым, чья кандидатская диссертация (1975) была посвящена бухарцам. Относительно более позднего периода – XIX века – Ф.Т. Валеев пишет о бухарцах как о юридической категории безземельного населения: «Бухарцы

² Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. С. 65.

³ Оглоблин Н.Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М.: Университет. типография, 1895. Ч. 1: Документы воеводского управления. С. 66.

⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. Т. IV. С. 208.

⁵ Там же. С. 211.

⁶ Шунков В.И. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. 1930. № 3–4. С. 186.

⁷ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946. С. 94.

формально не имели того права на наделенные земли, которыми пользовались коренные сибирские татары. Поэтому бухарцы не могли пользоваться казенными землями, отведенными для татарских аулов, если только они с согласия татарского населения не были приписаны к данному аулу». Вряд ли можно согласиться с данным тезисом, поскольку в источниках и XVII века, и более позднего времени фиксируется самостоятельное землевладение бухарцев, что будет показано ниже. Впрочем, возможно данный вывод был сделан историком из-за специфики, использованной им источниковой базы, в которой преобладающее место занимали документы Тобольского уезда.

О бухарском землевладении во второй половине XVII в., писала также Н.Г. Аполлова, однако фрагмент ее фундаментальной монографии «Хозяйственное освоение Прииртышья», где был затронут данный аспект, основан на анализе дозорных книг, в которых на первых листах изложены мотивы прavitельства для их составления, рассмотренные уже в работе Н.Н. Оглоблина⁸.

В современной историографии данной темой активно занимается омская исследовательница С.Н. Корусенко, которая не согласна с тезисом Ф.Т. Валеева о безземельности бухарцев. Историк показала, что в Тарском уезде образовались значительные земельные владения бухарских родов – Ильяминовых, Шиховых, Айтикиных и др., чьи права были подкреплены выписями из дозорных книг начала XVIII столетия. Этот вывод основан на данных Тарской дозорной книги 1701 г., которая позволяет говорить о гораздо большем количестве примеров крупного землевладения бухарцев, а в соединении с родословиями (шежере) это дает основания говорить о существовании наследственного землевладения у ряда бухарских родов⁹.

В одной из последних статей С.Н. Корусенко рассмотрела земельный спор между татарами и бухарцами, с одной стороны, и русскими служилыми людьми – с другой, по поводу Киргапской луки – плодородного луга в изгибе Иртыша, вблизи города Тары. Данная территория на протяжении XVII в. являлась землей, затронутой процессом колонизации со стороны русских переселенцев и именно тогда вокруг русских крепостей возникли поселения и пашни, окружаемые угодьями, изначально принадлежавшими представителям местного тюркского населения. Как подчеркивает С.Н. Корусенко, невзирая на запрет со стороны московских властей покупки и аренды земли у татар для русских служилых, подобные прецеденты случались неоднократно. На основе анализа документа 1690 г. «Список с дела ...» из Сибирского приказа, в котором описывается противостояние, длившееся 14 лет между тарскими служилыми татарами и бухарцами и тарскими служилыми русскими казаками. С.Н. Корусенко выявила способы разрешения конфликтов по пово-

⁸ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1976. С. 102.

⁹ Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Наука, 2011. С. 15.

ду земельных владений между коренными и недавно заселившимися регион жителями, представляя развитие процессов землепользования на территории Тарского Прииртышья в конце XVII в., в период продолжавшегося обустройства русских на сибирских просторах¹⁰.

Немалый вклад в изучение темы был внесен З.А. Тычинских, которая изучила специфику землевладения служилого татарского населения Сибири и вместе с Г.Х. Самигуловым опубликовала выписки из писцовой книги Льва Поскочина Тобольского уезда, освещающие вопрос о земельных владениях бухарцев¹¹.

Таким образом, несмотря на все богатство исследовательской литературы, посвященной землевладению бухарцев в Сибири, по-прежнему не существует обобщающей работы, рассматривающей земельные владения бухарцев во всех уездах Российского государства, где они поселились. Данная работа не претендует на такое обобщение, но является попыткой объединить сведения о землевладении бухарцев в разных уездах западной части Сибири XVII века.

Режимы бухарского землевладения в Сибири

Большинство из дошедших до наших дней источников о землевладении бухарцев находится в комплексе делопроизводственной и актовой документации Московского государства. Уже к первой половине XVII в. в русскоязычных источниках зафиксированы первые случаи регулирования «иноземческого» землевладения воеводами в Сибири¹². В 1645 г. тобольские юртовские бухарцы во главе с Алимом Сулеймановым подали челобитную царю Михаилу Федоровичу, в которой писали: «В прошлых, государь, годех при прежних государех и при твоей великоцарской державе выехали мы, сироты твои, з женишками и з детишками из Бухарские земли на твое царское имя в Сибирь, в Тоболеск, оставя в Бухарской земле род свой и племян»¹³. Далее они сообщали, что они сообщили о том, что воеводы ям «чинят продажи и убытки великие, ***и хлеба нам пахать и про себя не дают и емлют с нас посулы и поноровки они великие.*** А в преж, государь, годех, твои государевы

¹⁰ Корусенко С.Н., Кабакова Н.В. «Страсти по Киргапской луке»: борьба за земельные ресурсы в Тарском Прииртышье в конце XVII века // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2. P. 417–427.

¹¹ Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Формирование земельных владений мурз Кульмаметевых и Сейдяшевых в XVII веке // *Научный диалог*. 2017. № 9. С. 182–201; Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Новые источники по истории мурз Кульмаметевых // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2018. № 1 (40). С. 99–107.

¹² Термином «иноземцы» в русскоязычных источниках именовали лиц неправославного вероисповедания, к которым относились и бухарцы, являвшиеся мусульманами.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ст. 134. Л. 194.

бояре и воеводы того нам, сиротам твоим, не заповедывали и хлеба про себя пахать давали и убытков, и продажи не бывало»¹⁴.

Следовательно, тобольские воеводы уже в XVII в. пытались ограничить рост бухарского землевладения. Бухарцы в своем челобитье также отмечали, что они, «видя притеснения», могут отказаться от своего желания селиться в Сибири. Любопытно, что в дальнейшем это станет лейтмотивом для большинства обращений бухарцев к верховной власти в XVII–XVIII вв. в тех случаях, когда они старались отстоять свои привилегии¹⁵.

В 1645 г. в ответ на челобитье бухарцев царь Михаил Федорович направил грамоту воеводам Тобольска, в которой жалобы бухарцев были признаны обоснованными¹⁶: «И как к вам ся наша грамота придет и вы б тобольских бухарцев Алима Сулеманова с товарищи с тобольскими посадцкими людьми в тягло приписывать и с ними, посадцкими людьми, **тягла тянуть не велели, потому что они – иноземцы и преж сего в тягле не бывали**, в городовые и отъезжие наши всякие службы с тобольскими с посадцкими людьми служили по вся годы в пяди и таможене и те наши всякие пошрины платили, да и с пашен их бухарских, которые пашни пашут на их земле и у татар на татарских займищах выдельного хлеба имать для их иноземства не велели же, чтоб им, бухарцам, в том оскорбленья не было, и на то б смотря иные бухарцы и всякие торговые иноземцы, выезжая из Бухар и из иных земель, в Тобольску жить оставались и наши б сибирские города всякими приезжими торговыми людьми наполнились»¹⁷. Таким образом, в правление первого царя из династии Романовых бухарцы были выключены из государственного тягла.

Дальнейшему укреплению землевладельческих прав бухарцев в Сибири способствовали нормы Соборного Уложения. Так, 16 глава свода законов 1649 г., во-первых, требовала от русских людей не посягать на земли «иноземцев», а, во-вторых, устанавливала решать спор в пользу того, кто первым подаст челобитье. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что воеводские власти в Сибири ссылались на данную норму в споре бухарцев и татар за часть земель, примыкающих к Иртышу в районе Киргапской луки. Как показала С.Н. Корусенко, «список с дела», прилагающийся к Дозорной книге Тарского уезда 1689 г. свидетельствует о том, что тарский письменный голова Федор Кох, разбиравший это дело, вынес вердикт в пользу татар и бухарцев: «Оске с товарищи ... в той земле отказано и с той земли съехать и дворы свесть что та земля татарская»¹⁸.

¹⁴ Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: Фэн, 1983. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 29.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 134. Л. 198–199.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 16.

В годы регентства Софьи Алексеевны льготы, данные бухарцам, были подтверждены. В 1687 г., как указано в Тарской дозорной книге 1701 г., по челобитью бухарцев «те их *прежние жалованные грамоты* поновлены и пожалованы вновь, что на них никаких тягостей и лишних служб в Тобольске и в иных городах впредь служить и выдельного хлеба накладывать не велено. И Великий Государь пожаловал бы их – не велел с них иметь выдельной хлеб, а [с] сенных покосов денежного оброка и с посадскими русскими людьми во всякие тягла приписывать, чтоб им не быть»¹⁹.

Именно вторая половина XVII в. отметилась ростом бухарского землевладения в Сибири. В Тарской дозорной книге 1701 г. указывается, что «как они послышали Великого Государя к себе милость, тогда, покинув в своей земле свои жития, пришли жить в Тобольск, на Тюмень, на Тару многие их народу люди *и купили у русских и бусурманов, у служилых людей, которые пахали за хлебное жалование, и у пашенных крестьян пашенные земли, и сенные покосы, и всякие лучшие угодья* без указа Великого Государя и без грамот и своего челобития многие. А иные, купя, *отдают в наем*, а с тех земель, и сенных покосов и со всяких угодий Великого Государя в казну ничего больше пятидесяти лет не платили»²⁰.

В 1689 г. по Тарскому уезду был произведен специальный осмотр всех земель и угодий, проданных и заложенных служилыми людьми местным бухарцам. Как указывал Н.Н. Оглоблин, в этой связи была составлена дозорная книга, которой предшествует «список с дела» Тарских служилых татар и бухарцов Аллейки Бехметева с товарищи с Тарским же пятидесятником Оською Кузнецовым с товарищи о «спорной земле» в Киргапской луке». Дело состоит из «челобитных» обеих сторон, разных «выписей» и прочих документов²¹. Как отмечает С.Н. Корусенко, данное дело демонстрирует, что конфликты по поводу земельных владений бухарцев и татар могли разворачиваться по-разному. Вариант развития борьбы за земельные ресурсы при которой земля в итоге сохранялась у первоначальных владельцев демонстрируем случай Киргапской луки в Тарском уезде. Здесь основанием подобного развития ситуации явилось российское законодательство – Соборное уложение 1649 г., которое стало базой для принятия окончательного решения о передаче Киргапской луки ее исконным владельцам – татарам и бухарцам²².

¹⁹ Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Наука, 2011. С. 192.

²⁰ Там же. С. 193.

²¹ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1. Документы воеводского управления. М.: Университетская типография, 1895. С. 65.

²² Корусенко С.Н., Кабакова Н.В. «Страсти по Киргапской луке»: борьба за земельные ресурсы в Тарском Прииртышье в конце XVII века // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2. P. 425.

Однако уже XVIII век принес изменения в положении землевладения бухарцев. Особое значение имела перемена общей политики государства по отношению к тягловому населению, связанная с заменой тягла подушным окладом.

28 марта 1698 г. именным указом «О взимании с земель и угодий, принадлежащих бухарцам, таких податей, как и с русских людей, о обложении торговых бухарцев оброком по торгам и промыслам и о записках оброчных денег с в приходные книги, который предписывал тобольскому воеводе князю П.М. Черкасскому уточнить время прибытия бухарцев в Россию, основания, на которых они владели земельными угодьями, и обложить ежегодным оброком в 2–5 рублей и более в год – в зависимости от размеров землевладения, приравнивая к российским земледельцам, а с бухарских торговцев – взимать те же пошлины, что и с русских «посадских людей», «смотря по пожиткам и промыслам». В указе следовало также объяснение, почему бухарцы были обложены податью: *«ибо они многие годы живут во льготе, землями владеют, утеснения и обид в их вере нет, а русские посадские и татары служат в службе, и того нет и в басурманских странах, чтоб пришлому иноземцу жить без всякой дани и землями владеть и торговать свободно, чего и русским природным его великого государя людем такой свободы и легости не бывает»*²³.

Именно начало взимания оброка с 1698 г. вызвало жалобу со стороны тобольских бухарцев, поданную, как видно из царской грамоты тобольским воеводам муллою Максутом Алимовым 16 июля 1701 г. Как видим, Алимовы играли не последнюю роль в тобольской общине бухарцев, повторно отстаивая интересы своей общины. В этой челобитной Петру I бухарцы напоминали о данных им ранее привилегиях: «в прошлых де годах деды и отцы и они, услыша нашу великого государя милость, оставя в своей земле отцов и матерей, и родственников, и жен, и детей, и пожитки, выехали под нашу великого государя самодержавную руку, в Сибирь, в Тобольск... и по нашим де грамотам 153, 157, 177 и 195 года и по 1700 г., для их иноземства и за выезд, выдельного и пятинного хлеба, и пятые и десятые денег и тягла и оброков имать и с посадскими русскими людьми в тягло писать ни какими службами их не велено тяготить, и на купленных, и зданных, и закладных их землях исстари никаких оброков не бывало».

Н.Г. Аполлова также отмечает, что, «купив землю у служилых людей, бухарцы считали, что таким образом они перешли в разряд служилых, которые вправе требовать хлебное жалованье и освобождение от оброка»²⁴.

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 263. Л. 248.; ПСЗРИ. Т. III. СПб., 1830. № 1626. С. 446.

²⁴ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1976. С. 102.

В 1700 г. Петр I издал указ, уточняющий предыдущий: отныне с принадлежащей бухарцам земли предписывалось взимать вместо натурального оброка денежный: с «ржаной» десятины – 6 алтын 4 деньги, с «яровых» – 3 алтына 2 деньги, с сена – по 2 деньги с копны. Н.Н. Оглоблин обратил внимание на интересное обоснование введения оброка – в указе говорилось, что взимаемые с бухарцев (как и с других подданных) оброки идут на жалованье ратным людям, которые-де «и их бусурман от разорения оберегают...»²⁵. Бухарцы же «ничего больши 50 лет не платили» в государеву казну. Указ же 153 [1645] г. объясняется тем, что тогда «в Тобольску бухарцев было немного, а на Таре и на Тюмени никого не было». Теперь же количество бухарцев так увеличилось, что правительство считает необходимым запретить впредь бухарцам покупать земли и угодыя «у русских людей и у служилых и ясашных татар»²⁶. Однако бухарцы проявили настойчивость, неоднократно подавали челобитные, ссылаясь на ранее полученные льготы и иммунитеты, и добились-таки сокращения ставки налога: 20 июня 1701 г. вышеупомянутым воеводам М. и П. Черкасским был направлен новый именной указ, название которого говорит само за себя – «О взимании с земель, заселенных бухарцами, оброку по 5 алтын в год с десятины засеянной ржаным хлебом и по десяти денег с десятины ярового хлеба»²⁷. Анализируя петровские указы о землевладении сибирских бухарцев Р.Ю. Почекаев пришел к выводу, что в предписании сибирским властям растолковать бухарцам, что «даром землями никто не владеет», т.е. в необходимости обоснования отмены их налогового иммунитета следует видеть отличительную черту имперского законодательства в эпоху Петра I и его преемников в соответствующих нормативных актах, где присутствовали своеобразные «обоснования разумности» тех или иных нормативных предписаний, характерных позднее для естественно-правового подхода²⁸.

Вследствие изменений в режиме налогообложения бухарцев в Сибирский приказ был дан указ, предписывающий Ивану Родионовичу Качанову отправиться в Сибирь описать бухарские земли в Тобольском, Тарском и Тюменском уездах. По мнению Н.Г. Аполловой, именно вследствие данной челобитной было создана Тарская дозорная книга 1701 г. Создание этой дозорной книги связано с тем, что бухарцы «хотели вернуться к своему прежнему положению, оформленному указом 1645 г., когда они не платили никаких обро-

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1199. Л. 3 об.

²⁶ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). М., 1895. Т. 4. С. 66.

²⁷ ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830. № 1857. С. 169.

²⁸ Почекаев Р.Ю. Эволюция правового статуса бухарцев в Российском законодательстве XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 1. С. 60.

ков»²⁹. Проведенная перепись показала ряд наличие в Тарском уезде 82 дворов, в которых переписаны 161 бухарец (включая детей и братьев) и 26 дворовых людей из «калмык».

В самом г. Таре приписано 11 дворов. Главы трех дворов земли не имеют и «кормятся работой». У остальных глав семей есть земельные владения, в том числе и значительные, которые расположены не только на левобережье Иртыша (г. Тара – на левобережье), но и на правобережье, на довольно значительном расстоянии от города, вниз и вверх по Иртышу.

С.Н. Корусенко предположила, что для обработки земель и в период сенокосения в ряде мест возникали заимки, часть из них в дальнейшем становилась стационарными поселениями³⁰. В результате описи земель тарских бухарцев в марте 1701 г. за ними было подтверждено право пользоваться сданными, закладными, купленными землями и свободу от несения тягла и служб³¹.

По моим наблюдениям только в конце XVII – начале XVIII века в делопроизводственном языке Московского государства вырабатывается понятие «иноземческие земли», как категория очерчивающая статус земель, принадлежавшим на разных правах индигенному населению Сибири. Так, в указе 1708 г. определялось, что «буде кто владеть иноземческими землями хотя по каким указам и грамотам, или по каким крепостям и данным, и те все земли взять и отдать им иноземцам во владение по-прежнему»³².

Стоит сказать, что в тех случаях, когда бухарцы, осевшие на землю, были включены в общины сибирских татар, они включались в общий передел земли. Так, житель юрт Медянских Тобольского уезда Ашряп Тажбулатов писал, что между всеми категориями (ясачными татарами, бухарцами, казаками и оброчными чувальщиками) в отношении общих переделов земельных угодий никакой разницы не существует и всю вообще землю обществом распределяют по своему усмотрению, т.е. наделяют семейства, у которых не достаёт на новые... души и всякое распределение делается с приговора общества, к которому привлекают всех членов всех категорий³³.

²⁹ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1976. С. 102.

³⁰ Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Наука, 2011. С. 43.

³¹ Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири кон. XVI – нач. XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. С. 207.

³² ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 24. Л. 2.

³³ ГА в г. Тобольске. Ф. 335. Оп. 593. Д. 6. Л. 3. Цит. по: Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар XVII – нач. XX в. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2003. С. 132.

Землевладение Кульмаметьевых

Одним из наиболее крупных родов, заявлявших о своем «бухарском» происхождении в Сибири, были Кульмаметьевы. К истории этого известного рода обращались многие исследователи, и в настоящее время по нему накоплен довольно значительный материал. Вопрос об истоках этого рода к настоящему времени является дискуссионным – среди историков нет единства по поводу того, откуда Кульмаметьевы произошли. В.В. Рабцевич, И.В. Белич, Г.Т. Бакиева подчеркивают, что этот род имеет среднеазиатское происхождение. В то время как С.В. Бахрушин, Д.М. Исхаков, З.А. Тычинских писали о том, что Кульмаметьевы – это потомки сибирско-татарского мурзы Бегиша – сподвижника хана Кучума. Не вдаваясь в аргументацию каждой из сторон в рамках данной работы, примем гипотезу, что Кульмаметьевы – это потомки бухарцев и сошлемся на эту версию, изложенную самими представителями рода.

Земельные угодья Кульмаметьевых находись в Тобольском, Тюменском и Ялуторовском уездах. Рассматривая землевладение «иноземческого» населения Западной Сибири, З.А. Тычинских и Г.Х. Самигуловым было предложено выделить в нем несколько основных аспектов:

- 1) «традиционное» землевладение ясачного и служилого населения;
- 2) земельные «жалованья» служилых татар и бухарцев за службы;
- 3) приобретенные ими земли.

К счастью для исследователей, мы можем изучить землевладение рода Кульмаметьевых на основе сохранившего в составе Ф. 316 ГАПК копии переписной книги Льва Поскочина, сохранившейся в виде выписки в более позднем указе Иоанна и Петра Алексеевичей. Это была та часть переписных книг, где учитывались земельные владения сибирских татар и бухарцев. В последних статьях Г.Х. Самигулова и З.А. Тычинских были частично опубликованы названные выписки из писцовой книги Льва Поскочина³⁴. Вместе с тем, при всем моем уважении к данным исследователям, не может не вызывать удивление их утверждение, что «сами писцовые книги Льва Поскочина до сих пор не обнаружены». В Ф. 214 РГАДА хранятся и уже давно известны исследователям (по крайней мере, со времен Ф.Т. Валеева) переписная книга татарских юрт по Иртышу 1680-х гг.³⁵ и писцовая книга г. Тобольска Льва Поскочина 1683 г.³⁶

³⁴ Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Формирование земельных владений мурз Кульмаметьевых и Сейдяшевых в XVII веке // Научный диалог. 2017 № 9. С. 182–201; Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Новые источники по истории мурз Кульмаметьевых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 99–107.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 254.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261.

В указанной статье З.А. Тычинских удалось выявить основные этапы приобретения земель родом Кульмаматьевых. Исследовательницей было отмечено, что особенно активно приобретались земли Кульмаматьевыми в XVII веке. Также было высказано предположение, что в качестве родового гнезда Кульмаматьевых, видимо, выступала деревня Носовская на р. Иртыше. Именно Носовская составляла первый пласт земель, которыми Авазбакей Кульмаматьев владел вместе «с братом Сейдашем». В выписке из переписных книг Льва Поскочина, приведенной в царском указе от 14 мая 1695 года она описана первой:

«Деревня Носовская на реке Иртыше во дворе служилой татарин Азбакей Кулмаметев... Пашни у него в той деревне паханы в город бе две десятины в поле а в дву потому ж сенных покосов на реке Тулумке на триста копен да поскотинные и лесом порослые земли вообще з братом ево Сейдашем на дватцать на три десятин. А межа той их пашенной и заложной общей земле деревни Носовской вверх по реке Иртышу подле гуменной огород Сейдяшев а поставлен столб а на нем грань а от того столба подле того огород к лесу на столб же а на нем грань... по правую сторону земля от реки Иртыша Азбакеева и Сейдяшева деревни Носовской общая, а по левую сторону заложная земля купленная Азбакеем...»³⁷. В тексте выписки из переписных книг Поскочина относительно деревни Носовской нет никаких указаний на покупку этой деревни/земель. На основании этого факта З.А. Тычинских и Г.Х. Самигулов полагают, что Носовская с относящимися к ней землями была «наследственной вотчиной», доставшейся Авазбакею и Сейдяшу от отца Кульмамета.

Тот же указ 1695 г. закреплял имеющиеся к тому времени земли Кульмаматьевых в их собственности: «а которые выше писанныя их пашенные земли и сенные покосы, и озера, и рыбные ловли и всякие угодыя за ними есть и те земли и сенные покосы и рыбные ловли в писцовых книгах писца Льва Поскочина за ними написаны и нам великим государям пожаловать бы их Азбакея и Сабанака за многую их верную службу и радетельство с детьми их»³⁸.

Второй крупный пласт земельных владений Кульмаматьевых составляли их «жалованья» за службу. Ф.Т. Валеев, опираясь на материалы Ф. 1286 и Ф. 1290 РГИА отметил такой источник земельных поступлений Кульмаматьевых, как царские пожалования³⁹. В 1703 г. по указу Петра I «за долговременную службу» Авазбакею и его сыну Сабанаку Кульмаматьеву были отданы в Тобольском уезде «вверх по рекам Тоболу и Иртышу пашенные земли, сенные покосы, рыбные ловли и прочие угодыя». Причем в указе не было указания прав Кульмаматьевым на душевладение. Тем не менее, в зависимость от

³⁷ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 67.

³⁸ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 67–67 об.

³⁹ Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. С. 58.

Кульмаметьевых попали также живущие на этих землях 238 человек дворовых людей в деревнях Авазбакаевой и Кулюк⁴⁰.

Такое расплывчатое определение дарованных владений в царском указе, без указания границ, позволяло Кульмаметьевым претендовать на обширные земельные владения, а также самовольно захватывать свободные участки и обзаводиться «оброчными», «дворовыми» людьми. Таким способом Авазбакаеем Кульмаметьевым была приобретена земля при юртах Митькинских и Сулеймановских Уватской волости по речкам Агитке, Сорге и Воробье, общей площадью 10984 десятин 1600 саженок.

В материалах, собранных в нач. XX в. чиновником особых поручений при Переселенческом управлении И.А. Андрониковым говорится, что ясачные татары деревень Митькинских и Сулеймановских Уватской волости Тобольского уезда с 1761 по 1811 гг. платили Кульмаметьевым оброк, после чего начали против них земельную тяжбу, которая длилась более 100 лет, но так и не была разрешена⁴¹. Лишь к 1807 г. потомкам этих людей удалось доказать неправомерность их закабаления и, по решению Тобольской палаты гражданского суда их перевели в казенное ведомство, а Сенат утвердил данное решение.

Сведения о том, что у представителей рода Кульмаметьевых были зависимые люди, с которых к тому же не платится подать, беспокоили губернские власти. В составе архива письменных источников Тобольского музея-заповедника сохранилась запись в журнале Тобольского нижнего надворного суда 26 марта 1789 г., где рассматривался рапорт Сабанака Кульмаметьева «о доставшихся ему по наследству разных родов магометан дворовых людях» в деревне Авазбакаевой Тобольского уезда. Из записи следует, что 11 октября 1788 г. Тобольское наместническое правление требовало от главы рода Кульмаметьевых «в них за рукою его родословная с удостоверительными о каждом роде отписками как и отколь они приобретены, и давно ль в деревнях Авазбакаеевых поселены или принесть и почему он их крепкими почитает и какие неправого владельческими доказательствами имеет, а затем и для чего в предписание 1723-го и 1788-го годов ревизии и положением в подушной оклад все те татары не были обложены и каковы об них не подавано и в нынешней ревизии показанным они так и платит ли он за них подушные деньги или зачем не платит»⁴². Дело о неуплате подушных денег затянулось, от Кульмаметьева Тобольскому нижнему земскому суду добиться ничего не удалось, а сам ответчик ходатайствовал в канцелярию Пермского и Тобольского наместника об оставлении ему «дворовых людей» и всех его привилегий, в связи с чем в фонде

⁴⁰ Там же. С. 59.

⁴¹ Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск: Губернская типография, 1911. С. 241–245.

⁴² ТИАМЗ. Архив письменных источников. Ед.хр. 12847 Л. 46.

Пермского наместнического правления и было образовано «дело татарского старшины мурзы Сабана Кулмаметова». Насколько можно судить, дело завершилось сохранением за Кульмаметьевыми их земель.

И, наконец, третий пласт земельных владений Кульмаметьевых образовывали приобретенные (купленные, уступленные им или захваченные) земли. Большой блок информации о землях Авазбакея Кулмаметева содержится в документах, которые были поданы в конце XVIII века в канцелярию генерал-губернатора Пермского и Тобольского Е.П. Кашкина. Данный комплекс источников был сформирован после подачи прошения головы служилых тобольских татар Авазбакея Кулмаметева, просившего о присвоении очередных чинов себе и своим родственникам, которые занимали разные должности в структуре «тобольских служилых татар». Данный комплекс документов был введен в научный оборот Г.Х. Самигуловым и З.А. Тычинских⁴³. Дело включает в себя как оригинальные документы XVIII века, так и копии источников XVII века, в том числе выписку из переписных книг Льва Поскочина⁴⁴.

Наиболее раннее упоминание о приобретении Кульмаметьевыми земель относится к времени правления Михаила Романова. Так, сенные покосы на Саусканской луке Авазбакей Кулмаметьев приобрел в 7152/1644 г., купив их у тобольского сына боярского Ивана Александрова⁴⁵. К моменту писцового описания земель Львом Поскочиним в 1680-е гг. Авазбакей не смог предъявить купчую на этот участок земли, сославшись на то, что «прошлом во 187 году как город горел и в то де время сгорела»⁴⁶. Единственным подтверждающим право владения землей фактором оказывается согласие соседних владельцев – служилых татар: «татаровя сказали в Саусканской де луке Азбакей Кулмаметев у сына боярского у Ивана Александрова во 152 году сенные покосы купил про то де они ведают».

В 1661 г. Авазбакей продолжил расширять свои владения в Тобольском уезде на Левобережье Иртыша, приобретя земли в верховьях р. Медянки: «да у него ж Азбакея купленная земля позади деревни Носовской на речке Медянке в вершинах а купил тое землю в прошлом во [7]169 году у пешего казака Ивашка Григорьева а по письму и мере той [земли] ево Азбакеевы заложной и лесом порослые земли на сто на пятьдесят десятин да сенных покосов подле болот в лугах на триста копен»⁴⁷.

Через 10 лет Авазбакей Кулмаметев приобрел в 1671 г. у тобольского конного казака Василия Тараштина «ввек без выкупу деревню его с пашен-

⁴³ Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Формирование земельных владений мурз Кульмаметевых и Сейдяшевых в XVII веке // Научный диалог. 2017. № 9. С. 182–201.

⁴⁴ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 66 об.–71.

⁴⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 68 об.

⁴⁶ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 68.

⁴⁷ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 68.

ною и поскотиною землею и санными покосы и всякими угоды и дворовым строением и с подворною землею в Тобольском уезде вверх по Иртышу реке в Саусканской луке...»⁴⁸. В дальнейшем, расширение владений в этом месте приведет к крупной земельной тяжбе Кульмаметьевых с татарами из-за Саусканского сенокосного луга⁴⁹.

К приобретенным землям относится также деревня Авазбакеева и угодыя по р. Тоболу ниже устья р. Исети. Как писал в челобитной Авазбакей Кульмаметев, эти земли уступили ему «тюменские служилые и ясашные татароя Шугур Матмасов с товарищи»; упоминается в документе также ясачный татарин Иртычко Чюрин. Как уточняют Г.Х Самигулов и З.А. Тычинских, указанные угодыя были записаны за ним в книгах писца Льва Поскочина, т.е. не позднее начала 1680-х гг.⁵⁰.

Та же писцовая книга Льва Поскочина зафиксировала покупку Кульмаметьевых у служилых татар: «да к той же деревне Носовской земля Азбакея Кулмаметева что купил у яртышаковских у служилых татар у Аиткулка Баймаметева у Сейткулка Ишенева у захребетных у Мамейка Изенгилдеева у Марата Исешева у Ичкинячка Усякова у Таучка Утеева у Чуручейка Килеева с товарищи земли подле деревни Носовской»⁵¹.

В 1689 г. в «уезде Тарханского острога» от ясачных татар Матмасовых юрт Кульмаметьеву поступили угодыя «на Тапе речке от устья и до вершины по обе стороны с берегами»⁵². В 1695 году у бухарца Ачеева Авазбакей Кульмаметев за 8 рублей приобрел «дворовое место» у татарской мечети в г. Тобольске⁵³. Крупные приобретения у Кульмаметьевых были и в Тюменском уезде. Так, в 1698 г. Авазбакеем Кульмаметевым были приобретены земли у тюменских ясачных татар юрт Качурина «пахотные 12 заложной под пашню 165 десятин да лесных и болотных мест десятин на 100 десятин».

Одним из способов расширения владений у Кульмаметьевых было взятие земли под заклад: «с купчею тобольского конного казака Левки Павлова сына Шестакова 188-го года подал список а в списке написано в прошлом в 188 году тобольский казак Левка Шестаков заложа просрочил санные свои покосы служилому татарину Азбакею Кулмаметеву а впредь ему до тех покосов дела нет».

⁴⁸ ГА в г. Тобольске Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 110.

⁴⁹ Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. С. 59.

⁵⁰ Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Новые источники по истории мурз Кульмаметьевых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1. С. 101.

⁵¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 67 об.

⁵² ГА в г. Тобольске Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 111 об. Цит. по: Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Формирование земельных владений мурз Кульмаметьевых и Сейдяшевых в XVII веке // Научный диалог. 2017 № 9. С. 195.

⁵³ ГА в г. Тобольске Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 110.

Проследить дальнейший рост владений Кульмаметьевых можно по составленной ниже таблице.

Таблица 1

**Рост землевладения Кульмаметьевых в Тобольском,
Тюменском и Ялуторовском уездах XVII–XVIII вв.
(сост. по ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109)**

Год приобретения	Участок земли	Прежние владельцы	Документы
1644	Саусканская лука, Тобольский уезд	Микифор Матюшкин (по переписной книге 1621 г.) тобольский сын боярский Иван Александров	Купчая, сгорела в 1679 г.
1661	Позади деревни Носовской на речке Медянке в вершинах, заложной и лесом порослые земли на сто на пятьдесят десятин да сенных покосов подле болот в лугах на триста копен	Тобольский пеший казак Иван Григорьев	–
1667	Вверх по Иртышу реке в Бергельском лугу данных сенных покосов на пять сот копен	Общие татарские сенные покосы	–
1667	Земля от Тарские дороги в левые стороны земель годятся под пашню и сенные покосы на 25 десятин	Татары Супринских юрт	Данная, за приписью тобольского дьяка Ивана Чернеева 1667 г.
1668	Земли Супринских юрт озера Супринское в длину на две версты поперек сажен с триста два	Татары Супринских юрт	Отдано на оброк без перекупки
–	Пашенная и заложная земля и сенные покосы вверх по Иртышу реке у речки Катамгуя а по письму и мере той пашенные земли пять десятин в поле а в дву по тому ж	–	–

Год приобретения	Участок земли	Прежние владельцы	Документы
1671	Земля с верхнего конца речки Саба	Ясачные татары Катымгул Иванеев и Кудай Шугурко	Купчая
1671	Саусканская лука, деревня с пашенною и поскотиною землею и санными покосы и всякими угодья и дворовым строением и с подворною землею	Тобольский конный казак Василий Тараштин	–
–	Земля подле деревни Носовской а межа купленной земле от межи деревни Носовской от граненых столбов вверх по Иртышу реки до земли Яртышацких татар до межевого огорода, а по писму и мере той купленной заложной земли три десятины с полудесятиною	Яртышаковские служилые татары Аиткул Баймаметев, Сейткул Ишенев, захребетные татары Мамей Изенгилдеев, Марат Исешев, Ичкинячка Усяков, Тауч Утеева, Чуручей Килеев	Купчая, сгорела в 1679 г.
–	Земля между деревней Носовской и брата Сейдяша деревней	Тентючка Енибеков	–
–	Паханной земли две десятины в поле а в дву по тому ж да перелогом и лесом поросло шесть десятин в поле а в дву потому ж пашенная и заложная земля по обе стороны речки Плоской и на той речке построена ево Авазбакеева колечатая мельница мелет зимою и летом	Яртышаковские татары Сенгул Яртышаков, Кесенячко Иничев, Куланка Буйдяшев	Купчая
1680	Сенные покосы вверх по Тоболу реке против Суклемского устья на правой стороне под бором четыре ста пятнадцать копен	Тобольский казак Левка Павлов сын Шестаков	Купчая, взятая за просроченный заклад

Год приобретения	Участок земли	Прежние владельцы	Документы
1680	Заимка вверх реки Иртыша на устье Кирбетейки речки под пашню 12 десятин в поле а в дву по тому ж, да лесом порослые и мокрых мест по 20 на 5 десятин в поле да в дву потому ж, да луг сенных покосов на 300 на 50 копен.	Катымгуевских юрт захребетные и ясачные татары Чулучко Чигинеев, Кутучко Тунгушев	Поступная 1680 г.
–	Земля вверх по речке Агитке деревня пашни у паханые 10 десятин в поле и в дву по тому ж да заложные земли под пашню 30 десятин в поле да в дву по тому ж сенных у него покосов в лугах подле речки Агитки на тысячу на пять сот копен	Супринских юрт татары Кузейко Изюгилдеев да Кошучко Мамеделеев	Поступная
до 1681 г.	Деревня на реке Тоболе ниже Ялугоровской слободы тридцать верст, пашни паханые четыре десятины в поле и в дву потому ж, заложные земли под пашню 55 десятин в поле да в дву потому ж, да лесных и болотных мест десятин со сто и больше сенных покосов в лугах по обе стороны Тобола реки на пять тысяч копен	Тюменские ясачные татары Яртайко Чюрин, Бекбулатко Бакшенев, Катыргулко Иванов, Кутучка Танатаров	Закладная
1689	Земля в «уезде Тарханского острога» на Тапе речке от устья и до вершины по обе стороны с берегами	Ясачные татары Матмасовых юрт	Поступная
1695	Пашенная земля у Бурубского озера вверх по Тоболу реке за Тарханским острогом, сенные покосы и озера и рыбные ловли и всякие угодыя подле Бачанки речки на Тоболе реке	Тюменский ясачный татарин Иртычко Чюрин	Поступная

Год приобретения	Участок земли	Прежние владельцы	Документы
1698	Земли пахотные 12 заложной под пашню 165 десятин да лесных и болотных мест десятин на 100 десятин	Тюменские ясачные татары юрт Качурина	–

Таким образом, мы видим, что родовое землевладение Кульмаметьевых складывалось разными способами. В этой связи хотелось бы сделать несколько выводов в связи с начатой на страницах журнала «Золотоордынское обозрение» дискуссии о характере традиционного землевладения сибирских аборигенов⁵⁴. На мой взгляд, случай Кульмаметьевых демонстрирует, что рост землевладения этого «бухарского» рода напрямую связан с их службой Московскому государству и теми выгодами, которые из этой службы проистекали. Если мы посмотрим на динамику роста землевладения Кульмаметьевых до сер. XVII в., то увидим, что оно ограничивалось лишь деревней Носовской и небольшим прилегающим к ней участком. Стремительный рост землевладения Кульмаметьевых начинается в годы правления Алексея Михайловича, когда глава этого рода получает особое расположение воеводской власти и часто отправляется в Москву. Именно этот период у Кульмаметьевых завязываются тесные отношения с могущественным родом Салтыковых, что подтверждает копия письма 1692 г., написанного Федором Салтыковым – сыном С.И. Салтыкова – первого воеводы Тобольска в 1690–1696 гг. Данное письмо было приложено Кульмаметьевыми для подтверждения своего статуса в конце XVIII века: *«Приятелю моему Авазбакею Кулмаметеву Федор Салтыков челом бьет, пожалуй вели, коим писать про свое здоровье как тебя Бог милует. А про меня похочев ведать, и я на Москву при милости великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белая России самодержцев»*⁵⁵. З.А. Тычинских, опираясь на то, что Авазбакей Кульмаметьев привозил в Москву ловчих птиц для Алексея Михайловича и получил для этого специальную царскую грамоту⁵⁶, высказывает предположение, что он мог быть даже знаком лично с

⁵⁴ Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 770. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783

⁵⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109. Л. 66.

⁵⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. 4. С. 315.

царем⁵⁷. Именно приближенное положение к воеводе могло обеспечить Авазбакею Кульмаметьеву значительный прирост земельных владений. Рост числа земель в собственности этого рода продолжается и после 1692 года, когда представитель этого семейства – Авазбакей был назначен на должность головы Тобольских служилых и захребетных татар, в результате чего в его руках оказалась власть на всем служилым, ясачным сибирско-татарским и бухарским населением в Тобольском уезде.

В имеющихся выписках из переписной книги Льва Поскочина и в более поздних документах XVIII в. где описываются владения Кульмаметьевых (в т.ч. в отношении деревни Носовская) ни разу не употреблен термин «вотчина» применительно к их собственности, что позволяет рассматривать их земли лишь в контексте служилого землевладения Российского государства, пусть даже в их собственность и попадали земли, принадлежавшие ранее «ясачным татарам» именовавшиеся «вотчинами». В этой связи, на мой взгляд, вряд ли можно помещать землевладение Кульмаметьевых в категорию «иноземческих земель», правовое регулирование которых было установлено Соборным Уложением. Случай Кульмаметьевых скорее исключительный в том отношении, что земли людей, которые были «иноземцами» по происхождению (выдаваемого за бухарское) стали частью служилого землевладения, типологически близкого к поместному.

Выводы

Подводя общий итог, отметим, что на протяжении XVII – нач. XVIII в. бухарцы получили ряд привилегий в Сибири, главными из которых были освобождение от тягла и право закрепления земель в собственность, утвержденное указом 1645 г. и подкрепленное нормой Соборного Уложения 1649 г. о землях «иноземцев». Ухватившись за данные привилегии, бухарцы пытались отстаивать их перед лицом местной воеводской власти и усилившейся конкуренции за земельные ресурсы с русским переселенческим населением в Сибири. Главной апелляционной инстанцией, подтверждавшей привилегии бухарцев, была царская власть. На протяжении всего XVII в. бухарцы формируются в сибирских и поволжских уездах Московского государства как социальная группа с особым правовым статусом, связанным с правом владения землей, льготной торговлей и освобождением от ряда повинностей. Данную группу, вероятно, правильнее было бы описать как протосословную, но не этно-сословную, т.к. среди выходцев из Средней Азии были представители разных этносов. Становление землевладения бухарцев происходило одновременно с формированием системы как русского, так и татарского служи-

⁵⁷ Тычинских З.А., Муратова С.Р. Состав жителей Татарской слободы Тобольска по «Переписной книге татарских юрт по р. Иртышу» (вторая половина XVII века) // Научный диалог. 2020. № 6. С. 495.

лого землевладения в Сибири. В дальнейшем считаю перспективным возможное сравнение режимов землепользования бухарцев Сибири с Приуральем и Нижнем Поволжьем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. 4.
2. Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск: Губернская типография, 1911. CLXXII с.
3. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М., 1976. 371 с.
4. Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар XVII – нач. XX в. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003.
5. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. 264 с.
6. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927. 198 с.
7. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 208 с.
8. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири кон. XVI – нач. XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.
9. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. 329. Оп. 13. Д. 24.
10. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 316. Оп. 1. Д. 109.
11. Зияев Х.З. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент, 1968. 74 с.
12. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: Фэн, 1983.
13. Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783
14. Корусенко С.Н. Земельные владения бухарцев и татар Тарского Прииртышья в середине XIX в. / Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы Международной научной конференции. Вып. 7. Барнаул, 2008. С. 460–462.
15. Корусенко С.Н. Политика центральных и местных властей по отношению к бухарцам Сибири в середине XVII – начале XIX века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 105–119.
16. Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск, 2011. 248 с.
17. Корусенко С.Н., Кабакова Н.В. «Страсти по Киргапской луке»: борьба за земельные ресурсы в Тарском Прииртышье в конце XVII века // *Vylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2. P. 417–427.
18. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. 630 с.

19. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Часть 1. Документы воеводского управления. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1895. 430 с.

20. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. III. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственного ее императорского величества канцелярии, 1830. № 1626.

21. Почекаев Р.Ю. Эволюция правового статуса бухарцев в Российском законодательстве XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 1. С. 53–70.

22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Ед.хр. 1199.

23. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед.хр. 925.

24. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед.хр. 134.

25. Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Новые источники по истории муруз Кульмаметьевых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 99–107.

26. Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Формирование земельных владений муруз Кульмаметьевых и Сейдяшевых в XVII веке // Научный диалог. 2017. № 9. С. 182–201.

27. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ). Архив письменных источников. Ед.хр. 12847.

28. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1981. 275 с.

29. Тычинских З.А. О формировании земледельческого хозяйства у служилых татар Западной Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 32–40.

30. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956. 432 с.

31. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.-Л., 1946. 228 с.

32. Шунков В.И. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. 1930. № 3–4. С. 184–197.

Сведения об авторе: Пузырев Иван Дмитриевич – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (Тюмень, Российская Федерация). E-mail: ipuzurev@hse.ru

**ON THE HISTORY OF LAND TENURE
BY THE SIBERIAN BUKHARIANS**

Ivan D. Puzyrev

*National Research University “Higher School of Economics”
St. Petersburg, Russian Federation*

*Federal Research Center “Tyumen Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”
Tyumen, Russian Federation*

Research objectives: Characteristics of the land ownership of the Siberian Bukharians in the seventeenth century. The paper examines the specifics and evolution of the status of Bukharians' land ownership in the emerging Russian empire.

Research materials: This paper is based on published and archived sources from the Russian State Archive of Ancient Acts, the State Archive in Tobolsk, and the State Archive of Perm Region.

Novelty of the research: In this paper, an attempt is made to compare the dynamics of growth and the legal regulation of land ownership of Bukharians in the Tara and Tobolsk counties. Also, the study contains a table reflecting the growth of the land holdings of the Kulmametyev family in the seventeenth and early eighteenth centuries.

Research results: Patron-client connections of the Kulmametyev family with Tobolsk voivodes could provide significant increase of land holdings of this family. Kulmametyev lands should be considered in the context of the service land ownership of the Russian state. The author emphasizes the inapplicability of the category of “foreigners' lands” to the land ownership of the Kulmametyevs. The case of the Kulmametyevs is rather exceptional in that the lands of people who were “foreigners” by origin (they were posing themselves as Bukharians) became a part of the service land ownership, typologically close to the estate ownership.

Keywords: Siberia, Bukharians, Siberian Tatars, foreigners, land tenure, Kulmametyevy

About the author: Ivan D. Puzyrev – Graduate Student, National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg, Russian Federation); Federal Research Center “Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ipuzyrev@hse.ru

**ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ
ЯСАЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХАКАССКО МИНУСИНСКОМ
КРАЕ (XVIII–XIX ВВ.): НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ**

В.Н. Асочакова

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Абакан, Хакасия, Российская Федерация*

Целью статьи является анализ земельной политики царского правительства в отношении ясачных людей в процессе включения регионов в состав России. В статье дана характеристика правовых основ землевладения в Сибири в течение XVI–XIX вв., выявлены изменения в результате проведения ясачной реформы 1764 г. и «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Выявлены специфические черты, эволюция ясачного землевладения и землепользования коренного населения Хакасско-Минусинского края. На основе архивных источников охарактеризованы структура и динамика развития землепользования, хозяйственная деятельность автохтонного населения, влияние мигрантов на способы и приемы земледельческой культуры. Показано соотношение формально-юридического содержания политики и ее фактических результатов.

Ключевые слова: Сибирь, ясачные, землевладение, землепользование, хакасы

Поземельные отношения и хозяйственная деятельность нерусских народов Российской империи вызывают большой интерес в современной историографии. В связи с чем возникают вопросы теории, методики и методологии исследований, интерпретации исторических источников, совершенствования понятийного аппарата. Современными историками выявлены факторы формирования, формы, характер, региональные особенности землевладения, соотношение обычного права и законов Российской империи в Поволжье, Приуралье, Сибири¹.

¹ Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае (конец XIX–XX вв.) (историко-этнографическое исследование): автореферат дисс. ... канд. ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 1997; Дороница И.А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России. На примере Ненецкого автономного округа: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2005; Иванов А.Г. Ясачное землевладение марийских крестьян Козьмодемьянского уезда в конце XVI – первой четверти XVIII веков. // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической

Изучение характера землевладения и землепользования у хакасов дополнит общую картину и позволит выявить особенности трансформации социально-этнических процессов в условиях русского освоения Южной Сибири.

Проблемы землевладения ясачных в Хакасско-Минусинском крае привлекали внимание исследователей. Например, Г.И. Спасский считал, что земельные угодья хакасов являются наследственной собственностью родовых стойбищ². Первый губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов писал, что земли и стойбища принадлежат на правах владения тому, кто первый их занял³. Н.А. Костров, служивший минусинским окружным комиссаром, также поддерживал захватный способ землевладения у хакасов⁴. По мнению крупнейшего специалиста по истории Сибири З.Я. Бояршиновой, представления о собственности у коренных народов Сибири до русской колонизации заключались в народном, племенном владении⁵. В.Г. Карцов писал что, во второй четверти XIX в. у хакасов сочетались три формы землепользования: родовой, феодальный, капиталистический⁶. Известный хакасский этнограф В.Я. Бутанаев отмечал, что владельцем земли выступало ведомство в лице родовой верхушки. По обычному праву территория ведомства представляла собой большую земельную общину. Посторонним запрещалось на территории ведомств пасти скот, возводить заимки, пахать землю, рубить дрова, довить рыбу и т.д. За пользование землей или угодьями посторонние должны

конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. 2005. С. 48–53; Суздаков М.А. Эволюция структуры землевладения и земельные отношения в Чувашском крае во второй половине XVI–XVIII вв.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук / Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2006; Леттецкая О.М. Землевладение аборигенов Томской губернии в конце XIX – начале XX в. в условиях сохранения вольно-захватного способа землепользования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 120–122; Смирнов А.С. Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3–1. С. 186–193; Тычинских З.А. Формирование крупного служилого инородческого землевладения Западной Сибири в XVII–XIX вв. // Сибирский сборник. Курганский государственный университет, Филиал ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске, Центр по изучению историко-культурного наследия сибирских татар. Курган, 2015. С. 167–170.

² Спасский Г.И. Народы, кочующие в верховьях реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 61–64.

³ Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997. Ч. 2. С. 84.

⁴ Костров Н.А. Качинские татары. Казань, 1852. 66 с.

⁵ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Серия историческая. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–21.

⁶ Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII – первая четверть XIX вв. Абакан, 1970. С. 120, 158–159.

были платить оброк, который теоретически шел на нужды ведомств⁷. Фактическое владение и распоряжение землей находилось в неразрывной связи с владением скота.

Колонизация Хакасско-Минусинского края шла с трех сторон: Томска, Красноярска, Кузнецка и завершилась к концу второго десятилетия XVIII в. строительством русских острогов. Аборигенное население – хакасы (минусинские, абаканские, ачинские, чулымские татары) переживало сложные этно-социальные и демографические процессы, которые протекали в условиях ранней ассимиляции с русскими. Доля автохтонов в структуре населения уменьшилась с 88,2% – в начале XVIII в. до 36,6% к 1861 г. и 17 % к концу XIX в., территория расселения заметно сократилась⁸.

Интеграция автохтонов Сибири в состав Российской империи имела ряд отличий от аналогичных процессов, протекавших на других территориях. Например, процесс присоединения Казанского ханства в середине XVI в. происходил следующим образом: местное население было включено в московскую социальную структуру, многие получили статус землевладельцев, но в целом заняли не самое высокое место в иерархии. Размеры пашенных владений инородцев были меньше, чем остальных служилых людей Московского государства. Однако были сохранены традиционные структуры: ясак, право наследования, титулы. Инородческое население Казанского уезда было интегрировано в русское общество с сохранением общерусской тенденции наделения служилых людей вотчинами и поместьями⁹.

Специфические формы зависимости, владения и пользования землей были обусловлены системой государственного управления земельными ресурсами в Сибири. На систему поземельных отношений повлияли наличие свободного фонда земель, пестрый состав переселенцев, отсутствие помещичьего землевладения.

⁷ Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан, 1987. С. 62–63.

⁸ ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–32; Д. 63. Л. 266; Д. 189. Л. 373–536; Д. 215. Л. 98; Д. 136. Л. 126–144; Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М., 1833. С. 61; Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его Императорского Величества повелению при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером. Ч. 1. СПб., 1854; Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири: статистико-публицистические этюды. Томск, 1885. С. 39–55; Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края. Новосибирск, 1981; Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. Абакан, 1998. С. 318; Андриянов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 29–32; Список национальностей в 1891–1896 гг. к проведению всеобщей переписи населения // ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 72.

⁹ Смирнов А.С. Указ. соч.

Автохтонное население Хакасско-Минусинского края, независимо от внутренней стратификации, традиционного статуса, богатства и степени знатности, уравнивалось в юридическо-правовом отношении перед законом Российской империи, и было переведено в категорию ясачных. В фискальном отношении они стали внутрисословным разрядом государственных крестьян. Статус стал более престижным с передачей (в 1764 г.) права сбора ясака Кабинету. Формально ясачные оказались особым разрядом дворцовых крестьян. С этого времени родовую знать освободили от уплаты ясака, поручив его собирать, что объективно заложило основы формирования прорусски ориентированного слоя среди ясачных. Башлыками были назначены Борис Тахтобин в Бельтырском роду, Федор Чепчигашев – Ближнекаргинском и Дальнекаргинском; Алексей Чепсараков – Карачерском; Сагалаков – Кызыльском; Качегешев – Кийском, Кивинском, Казановском, Сагайском 1 половины; Алексей Катанов – Сагайском 2 половины¹⁰. Среди башлыков отсутствовала качинская знать, потому, что ее большую часть угнали в Джунгарию, а оставшаяся с точки зрения лояльности новым властям, была менее надежной, помнившей свое недавнее привилегированное положение.

С момента присоединения хакасских земель к России был установлен ясачный режим. Его важнейшим компонентом был вопрос о землеустройстве. С точки зрения феодальной земельной собственности земельные владения коренных народов Сибири относились к фондам царского домена. Из верховного права собственности вытекали права коренного населения проживать на земле, использовать для собственных нужд земли и угодья, распахивать земли в пределах своих кочевий, кочевать в «породных» землях без каких-либо ограничений.

Права народов в отношении землепользования и традиционного образа жизни, регулировались государством особо. Первым нормативным актом стала «Жалованная грамота Великого князя Василия III ненцам, живущим по реке Обь, о принятии их в подданство России» от 2 апреля 1525 г. Этой грамотой Великий князь взял самоедов «под свою руку», а им велел ему «служити и дань давати»¹¹.

Соборным Уложением 1649 г. земли за инородцами закреплялись на праве постоянного пользования. Россия покровительствовала коренному населению, защищала его права на ресурсы, в том числе от пришлого населения. По Соборному уложению русские не имели права покупать, менять, закладывать земли ясачных. Нарушителям предусматривалось «за то от государя быти в опале»¹².

¹⁰ НАРХ. Ф. И.-2. Оп. 1. Д. 752. Л. 15–16.

¹¹ Доронина И.А. Указ. соч. С. 156.

¹² Соборное Уложение 1649 г. Глава XVI. Ст. 43–46 / Сост. М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М., 1961. С. 117–118.

Ущемление права землевладения коренных народов Сибири началось в конце XVII в., когда служилым людям и «инога чина русским людям» стали выделять земли из уплаты «пятинного хлеба», а крестьянам под десятинную пашню. Начавшиеся волнения местного населения заставили правительство в начале XVIII в. земли служилым отводить «из порозжих земель, которая бы была неясачная и не в ясачных землях, и чтобы ясачным иноземцам в том земляном владении никакого утеснения и спору не было»¹³. Юридически эти изменения были оформлены после ясачной реформы 1764 г. В ходе ясачной реформы земельные угодья ясачных были юридически закреплены по административным родам, ведомствам, улусам. Теперь хакасские рода являлись реальными и юридическими собственниками своих угодий и имели право легального распоряжения ими. На протяжении XVII–XIX вв. казна и Кабинет выступали совместным собственником земли в Сибири, последний как совладелец земли, взимал в свою пользу ясак.

Несмотря на то, что российское правительство в фискальных целях придерживалось охранительной политики в отношении ясачных угодий, запрещая их хозяйственное использование русским населением, распространение земледелия и скотоводства заметно деформировало традиционные правила землепользования. Переселенцы зачастую вытесняли коренное население из обжитых мест, нарушая его традиционный образ жизни и хозяйствования. Русские крестьяне заселяли земли, наиболее пригодные для земледелия, – правый берег реки Енисей, правобережье Абакана и восточные районы Енисейско-Чулымской котловины, то есть древние земледельческие районы. Запрет селиться на ясачных землях часто нарушался, а разрешение занимать только «излишние» угодья фактически привели к тому, что русские и хакасы проживали бок о бок. Мигранты из Европейской части России, подселяясь в старожильческие хозяйства Минусинского уезда, осваивая лучшие земли в левобережье Енисея, особенно в Койбальской степи, постепенно оттесняли хакасов вглубь Минусинской котловины все дальше от русла реки. Это приводило к возрастанию плотности расселения, как русского, так и хакасского населения, а также дроблению волостей.

По Уставу об управлении инородцев кочевые инородцы, приравнивались к крестьянам, получали во владение земли, для хозяйственной деятельности¹⁴, на основе своих обычаев решали вопросы владения и распоряжения этими землями. Природными ресурсами для рыболовства, собирательства, охоты и других видов традиционной деятельности автохтоны пользовались безвозмездно и более свободно по сравнению с другими гражданами. Рус-

¹³ Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск, 1991. С. 72–74.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 38. 1822–1823 г., СПб., 1830. Документ № 29126. С. 394–416.

ским не дозволялось самовольно селиться на инородческих землях; юридически они могли только взять у инородцев места в оброчное пользование, причем по согласованию с обществом. Имели место сдача земли в аренду под выпас скота, рыбную ловлю, иногда русским крестьянам для заселения¹⁵.

Существовавшая в таком виде модель поземельных отношений являлась источником многочисленных конфликтов. Совместное землепользование не само по себе порождало нарушения, произвол, а значит, тяжбы и споры, которые приходилось рассматривать окружным и губернским инстанциям, а именно возникшее из практики вольно-захватного способа приобретения прав на землю, когда переделы и поравнения еще не стали насущной потребностью сельских обществ по причине, хотя и относительного, но недостатка угодий. Это с настоятельной необходимостью требовало от государственных органов проведения землеустроительных работ с утверждением «законодательным путем правил о порядке землепользования в сельских обществах», что устранило бы основу поземельных споров¹⁶. Однако правительство не предпринимало попыток четко разграничить свободные земли и ясачные угодья даже тогда, когда при отводе земель первым поселенцам возникало противостояние между русскими и аборигенами.

Совместное землепользование в условиях общинных порядков означало существование сложносоставных общин, в том числе и русско-инородческих. Эта форма землевладения предполагала коллективное владение и пользование угодьями принадлежащего к разным административно-территориальным единицам населения: будь то жители разных русских волостей и селений, инородных управ или русских волостей и инородных управ. Поземельные отношения в этом случае отличались еще большей сложностью и запутанностью¹⁷. Переселенцы очень быстро осваивались, становясь преобладающей группой населения, и изымали инородческие угодья.

Проблема землепользования у хакасов неплохо исследована и представлена в источниках. В.Я. Бутанаев считает, что у хакасов до монгольского нашествия в XIII в. существовало земледелие с оросительными системами, но ко времени вхождения Хакасии в состав России плужное земледелие было забыто¹⁸. Оно находилось в зачаточном состоянии, было примитивного подсечного типа и не играло существенной роли в экономике, развиваясь в основном в подтаежных районах. Например, кызыльцы, по выражению Н.А. Кострова, жили так – «есть хлеб, он ест его, а нет, так пробьется и без

¹⁵ НАРХ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1 Л. 2–6.

¹⁶ Леттецкая О.М. Указ. соч. С. 122.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан, 1987; Карцов В.Г. Указ. соч.

него, питаюсь мясом и рыбой»¹⁹. Всегда хорошими пахарями считались бельтыры, они раньше всех освоили плужное земледелие, сеяли морозостойкие злаковые: ячмень, пшеницу и ярицу. Во времена Г.И. Спасского они засевали по 10–15 десятин земли, в середине XIX в. – 236 десятин озимого и 248 ярового хлеба. Н.А. Костров считал, что на самом деле под пашней было занято намного больше земли, но бельтыры боялись об этом распространяться, опасаясь, что если они «будут заниматься хлебопашеством, то переименуются в крестьяне, и тогда с них будет требоваться рекрутская повинность»²⁰. Качинцы уже в начале XVII в. сеяли ячмень, дикую гречиху, лен²¹. Земледельческие работы начинались в конце апреля – мае и заканчивались в августе, в сентябре хлеб молотили. Из технических культур разводили коноплю (кендырь), из которой изготовляли холст, сети, веревки и т.д. Орудием земледелия служил «абыл» – массивная железная лопата, им обрабатывали земельные участки, расположенные на южных склонах гор и холмов. Боронили землю при помощи куста чернотала, привязанного за постромки к лошади²².

С появлением русских земледелие у хакасов возродилось и вступило в новый этап развития. Изменения связаны, в первую очередь, с использованием новых русских земледельческих орудий труда: соа – «салда», сохирассохи – «азар-салда», имевших два сошника и колеса, деревянной бороны с железными зубьями, косы для уборки овса и ячменя, водяных мельниц для изготовления муки. Во-вторых, со второй четверти XVIII в. увеличились площади посевов. Г.С. Батеньков отмечал, что земледелием на тот момент было занято 31,8% населения, земледелием и скотоводством – 23,4%, а скотоводством и звероловством – 12,1²³.

Более всего земледелие было развито у койбалов. Еще во времена П.С. Палласа они засевали хлеба больше, чем им нужно было, а излишки продавали. В середине XIX в. почти все койбалы имели земледельческие участки и выращивали хлеб для собственного потребления, преимущественно яровой.

В то же время качинцы, занимавшиеся земледелием в сочетании со скотоводством и охотой еще в начале XVII в., под влиянием русского заселения откочевали от Причулымья в южные степи. Они полностью оставили охоту и земледелие и превратились в кочевников-скотоводов, трижды в год: зимой, весной и осенью, совершая перекочевки²⁴. Наличие земледелия у качинцев в середине XIX в. было настолько ничтожно, пишет А.Н. Костров, что «едва

¹⁹ Костров Н.А. Качинские татары...

²⁰ Костров Н.А. Бельтыры // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 48–49. С. 9.

²¹ Костров Н.А. Качинские татары... С 22–23.

²² Бутанаев В.Я. Указ. соч. С. 25–26.

²³ Борисов А.А. Историко-демографические процессы у «кочевых» инородцев Восточной Сибири // Историческая демография. 2013. № 1 (11). С. 30–37.

²⁴ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX вв. Новосибирск, 2005.

стоит упоминания». Несмотря на благоприятные природные условия, не получило особого распространения земледелие у кызыльцев, поскольку места их расселения пересекали горы, в предгорьях рано выпадал снег и долго лежал весной. Они на протяжении всего XVIII–XIX вв. разводили в основном «кирлык» (дикую гречиху), которую «родит не всякая местность», отмечал А.Н. Костров. В XVIII в. она росла близ Томска, в середине XIX в. ее выращивали только в Тесинской и Шушенской волостях Минусинского округа²⁵.

Динамика роста площадей под пашню выглядит следующим образом: в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. в Минусинском округе пашни, включая озимые и яровые, занимали 13 663 десятин, а в Ачинском – 18 605. Доля земли, обрабатываемой хакасским населением, была незначительной, и они в течение века покупали хлеб у русских крестьян. Но и здесь отмечается положительная тенденция: в начале XIX в. некоторые хакасские семьи засевали от 10 до 15 десятин земли²⁶. В 1824 г. кызыльцами было вспахано 68 десятин земли, в 1858 г. абаканскими качинцами было засеяно 105,5 десятин. Всего хакасами в начале 1860-х г. засевалось около 600 десятин земли.

Расширилась зона окультуренных земель за счет распашки еланей и пойменных мест. По-прежнему сохранялись культурно-хозяйственные различия между различными группами формирующегося хакаского этноса. В большей степени распространилось землепашество у бельтыров, сагайцев и кызыльцев. И. Пестов отмечал, что кызыльцы, в «благоприятном дружестве» с русскими, перешли к постоянным жилищам и во многом заимствовали у них «хозяйственные заведения». Они сеют рожь, пшеницу, овес и коноплю, хотя рыбный и охотничий промысел по-прежнему играет главную роль. Кызыльские мужчины ходят в «платье как русские крестьяне».

Нужно отметить, что в целом в Сибири, как и в России, способы возделывания земли оставались архаичными, пашня обрабатывалась двуконной и одноконной сохой, четырехугольной бороной с деревянными или железными зубьями, поэтому распахивалась мелко. Удобрения не применялись, сорная трава препятствовала росту хлеба. Участки использовались по 4–5 лет, затем распахивали новые места или расчищали от леса. Урожайность была невысокая: озимых хлебов – 5 $\frac{3}{4}$ пудов; яровых – 4 $\frac{1}{4}$ и картофеля – 5 $\frac{3}{4}$. На одну душу крестьянского населения приходилось в целом чуть больше 9 пудов злаковых. Хакасское население применяло столь же простые приемы обработки земли, поэтому урожайность была в тех же пределах, что и у русских крестьян, на одного человека приходилась $\frac{1}{4}$ пуда ярового и озимого хлеба²⁷. Как результат – шло постепенное вытеснение ячменя пшеницей, овсом и рожью. В Минусинском округе преобладал смешанный тип полеводства: залежно-паровой,

²⁵ Костров Н.А. Качинские татары. Казань, 1852. С. 9.

²⁶ Патачаков К. М. Культура и быт хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1957. С. 12–13.

²⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 235. Л. 18 об., 163.

двуполье и трехполье, земли не удобрялись, использовался пар. Русские передавали многовековой опыт земледелия, который для хакасского населения являлся относительно прогрессивным. В свою очередь, представители коренных народов делились опытом промысловой деятельности.

Г.С. Батеньков отмечал, что в средней зоне Приенисейского края более 30% ясачного населения было полностью земледельческим или частично сочетало земледелие со скотоводством и звероловством. А в южной зоне почти треть коренного населения жила земледелием, до 60% его было связано с хлебопашеством в большей или меньшей степени. Скотоводство по-прежнему преобладало в хозяйственной деятельности коренного населения²⁸. Под пастбищами в Минусинском округе было занято 390 108 десятин земли. Г.И. Спасский писал, что «качинцы занимают самые привольные и прекраснейшие и места в верховьях Енисея»²⁹, они же владели большей частью скота.

Чисто кочевнические хозяйства составляли около 6%, занимающиеся рыбным и охотничьим промыслом – 20%, а всего хозяйств смешанного типа было 43 %. В 1827 г. по всем хакасским ведомствам насчитывалось 37 806 лошадей. Не меньшее значение в хозяйственной жизни хакасов занимало разведение крупного рогатого скота, в том же году их насчитывалось 40 638 голов³⁰. В первой четверти XIX вв. хакасы, особенно качинцы, снабжали мясом и скотом не только Енисейскую губернию, но часть Иркутской, северные территории которой всегда нуждались в продуктах скотоводства. В 30–40-е гг. скотоводство пришло в упадок, причинами которого стали эпидемии и мор скота от бескормицы.

Факторами формирования землевладения у хакасов, как у алтайцев и бурят, явились земельная политика российского правительства, которая свою очередь была обусловлена ясачным вопросом. Патриархально-феодалные отношения сохранились, но эволюционизировали в сторону государственной формы феодализма, реализуемого через ясак и казенные повинности. Из общинного землепользования выросло богатство родовой знати, это приводило к искусственному сдерживанию социального расслоения, сохранению пережитков общинно-родового землепользования, консервации хозяйственно-бытового уклада. Замедлялся процесс классового разложения, хотя, опираясь на обычное право «первого захвата», о котором, вероятнее всего, и писали современники, родовая верхушка захватывала лучшие земли.

²⁸ Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 г. М., 1833. С. 60–83.

²⁹ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

³⁰ Буганаев В.Я. Указ. соч. С. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. 61 с.
2. Борисов А.А. Историко-демографические процессы у «кочевых» инородцев Восточной Сибири // Историческая демография. 2013. № 1 (11). С. 30–37.
3. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Серия историческая. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–21.
4. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан: Хакас. отд. Краснояр. книж. изд-ва, 1987. 175 с.
5. Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов : материалы к серии «Народы Советского Союза» М.: Наука, 1990. Вып. III. Хакасы. 273 с.
6. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края. Новосибирск: Наука, 1981. 248 с.
7. Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М., 1833. 298 с.
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 235.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 592. Оп. 1. Д. 28; Д. 63; Д. 189; Д. 215; Д. 136.
10. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 85.
11. Доронина И.А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России. На примере Ненецкого автономного округа: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2005. 197 с.
12. Иванов А.Г. Ясачное землевладение марийских крестьян Козьмодемьянского уезда в конце XVI – первой четверти XVIII веков // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Чебоксары, 2005. С. 48–53.
13. Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII – первая четверть XIX вв. Абакан: Хакас. обл. типограф., 1970. 199 с.
14. Костров Н.А. Бельтиры // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 48–49.
15. Костров Н.А. Качинские татары. Казань: Типография губернского правления, 1852. 66 с.
16. Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае (конец XIX–XX вв.) (историко-этнографическое исследование): автореферат дисс. ... канд. ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 1997. 22 с.
17. Леттецкая О.М. Землевладение аборигенов Томской губернии в конце XIX – начале XX в. в условиях сохранения вольно-захватного способы землепользования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 120–122.
18. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. И–2. Оп. 1. Д. 752.
19. НАРХ. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 1.

20. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан: Книжное изд-во, 1957. 104 с.
21. Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М., 1833. 298 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. В XLV т. Т. 38. 1822–1823 г., СПб., 1830. 1354 с.
23. Смирнов А.С. Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3–1. С. 186–193.
24. Соборное Уложение 1649 г. / Сост. М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Издательство Московского университета, 1961. 444 с.
25. Спасский Г.И. Народы, кочующие в верховьях реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 87–111.
26. Список национальностей в 1891–1896 гг. к проведению всеобщей переписи населения. ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 72.
27. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его Императорского Величества повелению при Сибирском комитете действительным статским советником Ю.А. Гагемейстером. В 2 т. СПб., 1854. Ч. 1. 368 с.
28. Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 224 с.
29. Судаков М.А. Эволюция структуры землевладения и земельные отношения в Чувашском крае во второй половине XVI–XVIII вв.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук / Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2006. 28 с.
30. Тычинских З.А. Формирование крупного служилого инородческого землевладения Западной Сибири в XVII–XIX вв. // Сибирский сборник. Курганский государственный университет, Филиал ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске, Центр по изучению историко-культурного наследия сибирских татар. Курган, 2015. С. 167–170.
31. Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 184 с.
32. Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири: статистико-публицистические этюды. Томск, 1885. 196 с.
33. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX вв. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

Сведения об авторе: Асочакова Валентина Нестеровна – доктор исторических наук, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Российская Федерация). E-mail: asocvn@mail.ru

**OWNERSHIP OF LAND AND ITS USE AMONG THE YASAK
POPULATION IN THE KHAKASS-MINUSINSK REGION
(18TH–19TH CENTURIES): SOME ASPECTS**

Valentina N. Asochakova

*Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation*

The aim of the article is to analyze the land policy of the tsarist government in relation to the yasak people during the accession of regions to Russia. The article describes the legal foundations of land ownership in Siberia from the sixteenth to nineteenth centuries. Also, it reveals changes as a result of the yasak reform of 1764 and the *Charter on the Management of Foreigners* of 1822. The author revealed the specific features and evolution of yasak land ownership and land use of the indigenous population in the Khakass-Minusinsk region. Based on archival sources, she characterized the structure and dynamics of land use's development, economic activity of the autochthonous population, and the influence of migrants on the methods and techniques of agricultural culture. The paper shows correlation between the formal and legal content of the policy and its actual results.

Keywords: Siberia, yasak, land ownership, land use, Khakas people

About the author: Valentina N. Asochakova – Dr. Sci. (History), Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: asocvn@mail.ru

**ТЮРКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНТЕКСТЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.***

Л.И. Шерстова

*Томский государственный университет
Томск, Российская Федерация*

Целью проведенного исследования является конкретизация процессов модернизации в Российской империи в XIX – начале XX в. на примере аграрно-административной реформы тюркоязычного населения Томской губернии. Новизна исследования обеспечивается за счет введения в научный оборот архивных материалов из Государственного архива Томской области и благодаря использованию более широких хронологических рамок, позволивших выявить механизмы и факторы модернизации аборигенных социумов Сибири. В статье рассматривается процесс постепенной ликвидации «особых прав» тюркоязычного населения Томской губернии на «земли, ими владеемые» и на собственные органы самоуправления, предоставленные им «Уставом об управлении инородцев» (1822). Констатируется, что первоначально поземельные изменения затрагивали только разряд «оседлых инородцев», что вызвало серьезное сопротивление с их стороны, и как следствие – затянувшуюся аграрную реформу. В условиях незаконченных аграрных преобразований оседлых инородцев уже со второй половины XIX в. ставится вопрос об изменении норм землепользования самой многочисленной категории сибирских аборигенов – «кочевых инородцев». Решение аграрной проблемы в европейской части России было возможно за счет изъятия части земель у аборигенного и старожильского населения Сибири. В конце XIX в. создается законодательная база для проведения аграрной реформы в сибирских губерниях. Не отменяя «Устава об управлении инородцев», под давлением П.А. Столыпина в Томской губернии в начале XX в. была проведена масштабная аграрно-административная реформа, которая сопровождалась насильственным переводом «кочевых инородцев» в разряд «оседлых» и распространением у них земельных норм в 15 десятин земли, а также ликвидацией своих органов самоуправления – инородных управ и припиской их к крестьянским волостям. Результатом этих преобразований стало падение престижа императорской власти среди тюркоязычного населения Томской губернии и создавались условия для политизации аборигенного общества.

Ключевые слова: Томская губерния, тюркоязычные этносы, аграрно-административная реформа

* Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

Основным документом, регулирующим поземельные отношения в Сибири на протяжении всего XIX в., был принятый в 1822 г. «Устав об управлении инородцев». Согласно этому документу аборигенные жители Сибири составляли особое сословие «инородцев», и в зависимости от «уровня благосостояния» были разделены на три разряда – «оседлые инородцы», образ жизни которых был близок русскому крестьянству, «кочевые инородцы» – самая многочисленная категория сибирских аборигенов, к которым относилось большинство тюркоязычных народов Томской губернии, и «бродячие инородцы» – народы тундровой и частично таежной зоны Сибири.

Среди главных «прав инородцев», закрепленных в «Уставе», особо значимо право на земли, «ими владеемые» (§20) или «ими обитаемые» (§28). В §31 «строго запрещается россиянам самовольно селиться на землях, во владение им (кочевым. – *Л.Ш.*) отведенных». Столь же важны §§34 и 85, касающиеся внутреннего самоуправления: инородцы «управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми, из которых составляется их степное управление» и «по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным», т.е. на основе обычного права. К этим положениям примыкает §53, по которому «кочевые инородцы пользуются свободой в вероисповедании и богослужении», ограничивая, таким образом, миссионерскую деятельность и делая принятие христианства делом личным и добровольным.

Следует отметить, что между инородцами и другими сословиями не существовало непреодолимых барьеров: в §13 сказано, что «все вообще оседлые инородцы сравниваются (т.е. уравниваются. – *Л.Ш.*) с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают». В §57 отмечалось, что «позволяется кочующим, если некоторые из них водворяются оседло, по собственной их воле вступать в сословие государственных крестьян, равно в городские жители и записываются в гильдии, без всякого ограничения и стеснения и притом с свободой от рекрутства».

Однако при всей кажущейся определенности статьи, касавшиеся земельных прав аборигенов, оставались довольно запутанными, что было вызвано их нечеткостью, а также неясностью отношений между гражданскими властями Томской губернии и начальством Алтайского горного округа, т.к. проживая на его землях, аборигены находились в ведении губернского правления. Ситуация усугублялась и тем, что, во-первых, межевые работы в Сибири начались только с появлением землемеров в 1782 г.,¹ т.е. очень поздно и осуществлялись очень медленно; во-вторых, сложившейся в течение двух столетий практикой совместного землепользования аборигенов и русских крестьян. Так, в 1834 г. юрты Кайдатские Больше-Каргачинской Инородной управы и деревня Тангулинская Колыонской крестьянской волости совместно владе-

¹ Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ. 1984. С. 181.

ли 4200 десятинами под пашней, 3733 десятинами под лугами и 5982 десятинами под лесом. Юрты Бекшеневых Ячинской 1-й половины волости, юрты Мироновичевых Больше-Байгульской Чулымской остяцкой волости и деревня Жаркова Колыонской крестьянской волости имели в совместном пользовании 166 десятин пашни, 544 десятины луга, 5713 десятин леса. Юрты Тартыновы Больше-Аргунской Инородческой управы и деревня Цыганова Колыонской же волости пользовались общими пашнями в 3280 десятин, лугами – в 7171 десятину, лесами – в 9808 десятин. Юрты Чанжинские Кизильдеевой 2-й половины волости и деревня Красноярская Колыонской крестьянской волости совместно владели 2055 десятинами пашни, 6221 десятиной лугов, 17 962 десятинами леса. Юрты Дидановы и Мантеевы Кизильдеевой 2-й половины волости и село Зырянское Колыонской крестьянской волости совместно пользовались 2529 десятинами пашни, 6494 десятинами лугов, 21 755 десятинами лесов и т.д.²

По мере роста населения – прежде всего, его русской части за счет переселенцев, принимаемых в сельские общества, – автоматически сокращалось землевладение инородцев. Иногда они сами, чтобы уплатить ясак, составляли приемные договоры, как это произошло в 1868 г. в юртах Ургульских Барабинской Инородной управы Каинского округа. Здесь «с общего согласия дозволили крестьянам Каинского округа Усть-Тартасской волости... Едокиму Камину с товарищи заселиться на их участке в количестве 20 семейств». Так возник заселок под названием Забоевка. Через несколько лет переселенцы «без ведома и дозволения инородцев приняли к себе в заселок для совместного жительства столько же душ из разных мест крестьян», со временем стеснив владельцев земли барабинцев: «захватили все удобные пахотные места, вырубил самый годный строевой лес, *по большинству народа* (курсив мой. – Л.Ш.) захватывают самые лучшие места». К 1881 г. в юртах Ургульских проживали 34 р.д., а в деревне Забоевке – 35 р.д. старожилов и 15 р.д. крестьян из ссыльных, т.е. 50 одних лишь мужчин³.

Модель совместного землепользования аборигенов и русских, существовавшая в Сибири с начала XVII в., с увеличением русского населения, трансформировалась в своеобразную систему захвата земель у инородцев.

Некоторые инородческие волости, дабы оставить свои земли в неизменном виде, ссылались на жалованные грамоты, данные им на владение территориями их расселения. Большая часть таких документов под разными предлогами была изъята еще в конце XVIII в., но там, где они сохранялись, процесс изъятия продолжился и в XIX в. «О похищении жалованной грамоты государыни императрицы Екатерины II на земли Чойской Инородной управы Каинского округа Томской губернии» доносил в 1800 г. старшина барабинцев

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 2. Д. 47. Л. 45–46 об.

³ ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 327. Л. 21 об.–23.

Абраимов⁴, В 1887 г. из Теренинской Инородной управы того же округа «уведомляют, что документов на земли, принадлежащие инородцам в делах управы никаких нет, т.к. присланные от 24 апреля 1820 г. два плана из Каинского земского суда на владение землями Теренинской управы были выданы доверенному от инородцев Бакшену Леонтьеву, а в 1858 г. из них первый земским заседателем... был отобран, в чем и была дана им расписка (инородцам), и куда заседатель его представил – неизвестно. Расписка же вместе со вторым планом сгорела в пожаре 1872 г.»⁵.

После изъятия жалованных грамот у аборигенов оставался лишь один способ защиты своих земельных владений – ссылка на «Устав». В конце XIX в. констатировалось, что «земельное устройство всех инородцев негодно и права их на землю определены лишь немногими статьями закона, и притом крайне неясно и неполно; для инородцев Алтайского Горного округа (охватившего весь юг Томской губернии. – *Л.Ш.*) никаких особых постановлений не содержится». Однако, «опираясь на слова закона «владеемые ныне инородцами земли утверждаются за ними» они постоянно приносят жалобы, для разрешения коих (по мнению властей. – *Л.Ш.*) не имеется, однако же, никаких данных»⁶. «Тем не менее, – как отмечал С.П. Швецов, – «Положение от 22 июля 1822 г.» (Устав об управлении инородцев. – *Л.Ш.*) им (алтайским калмыкам. – *Л.Ш.*) известно, и они опираются на него во всех случаях, когда дело касается допущения к водворению в пределах их кочевий или временного пользования их угодьями посторонними, говоря., что без их – инородцев – соглашения такое допущение не должно быть... Подтверждение своих прав владения землей они видят в циркуляре генерал-губернатора Западной Сибири Капцевича от 24 декабря 1823 г., в котором разъясняются сибирским инородцам положения Устава и их права... Копии с циркуляра хранятся инородцами Алтая и они придают им то же значение, как другие инородцы имеющимся у них или бывших ранее на руках копиям с жалованных грамот»⁷.

И если жалованные грамоты или копии с них «исчезали» в органах местной власти, то «Устав» М.М. Сперанского, вошедший в законодательный свод Российской империи, исправно функционировал. К тому же, сфера его применения касалась всех аборигенов Сибири, в отличие от жалованных отдельных этническим группам грамот. «Устав ...» защищал земельные права сибирских аборигенов в условиях усиливавшейся русской крестьянской колонизации. Его действующие статьи инородцы использовали не только для подкрепления конкретных жалоб на «стеснения от крестьян», но и для выдворения самовольных поселенцев со своих территорий через суд.

⁴ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1470. Л. 5 об.

⁵ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1408. Л. 17–17 об.

⁶ Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897). СПб., 1897. С. 109.

⁷ Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 2. Вып. 1. Барнаул, 1900. С. 85.

В конце XIX в. несколько лет проходил судебный процесс по иску инородца Оруски Шабуракова из села Чергинского Бийского округа о выселении с его земли русских крестьян. Процесс Шабураков выиграл, но даже после судебного приговора в его пользу крестьяне отказывались верить, что калмыки пользуются теми же правами на землю, что и они сами. Поэтому ответчики оказали вооруженное сопротивление полицейским, прибывшим в Чергинское для исполнения решения суда⁸.

Губернские власти пытались снять проблему земельных споров между инородцами и крестьянами с помощью местных указов на основе общероссийского законодательства. Так, в 1854 г. Томская Казенная палата издала указ: «Во исполнение Высочайшей воли предписано отделить земли, владеемые инородцами от дач государственных крестьян с наделением по 15 десятин земли на ревизскую душу»⁹. Это постановление должно было, во-первых, положить начало размежеванию земель совместного владения и таким образом положить конец земельным тяжбам между аборигенами и русскими. Во-вторых, стимулировать земельную реформу среди оседлых инородцев, на которых, по правам приравненных к государственным крестьянам, распространялась и общероссийская норма надела. Однако ни первого, ни второго достигнуть не удалось. Одной из причин неудачи явилось то обстоятельство, что в конце XIX в. по всей Сибири продолжала сохраняться и даже культивироваться снизу заимочная форма землепользования с явной тенденцией к землевладению. Только в Горном Алтае по переписи 1897 г. существовало 483 заимочных домохозяйства, в которых обитало 2582 д.о.п.¹⁰

В Южной Сибири заимки традиционно основывались не только на землях, арендованных у Главного управления Алтайского Горного округа, но и на инородческих землях – либо путем их прямого насильственного захвата, либо *через* разрешительные общественные приговоры Инородных управ на устройство в их владениях пасек, на временную пастьбу скота, на пользование сенокосами и т.п. Образование заимок влекло за собой как оттеснение инородцев, так и устройство смешанных поселений. Типичные заимки в Северном Алтае, например, формировались следующим образом. Заимка на р. Тунже возникла в 80-е годы XIX в. и через 10 лет в ней было уже 18–20 дворов инородцев и 10 крестьянских дворов, причем лишь 4 русских семьи жили здесь по приемному общественному приговору, заплатив за землю инородцам 15 рублей, остальные «приселились» позднее и самовольно. И русские, и аборигенные жители заимки совместно пользовались сенокосами и пашнями. Несколько выше по р. Тунже, близ аила того же названия, распола-

⁸ Там же. С. 173.

⁹ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 472. Л. 51.

¹⁰ Юхнев П.М. Горный Алтай и его население. Заимочники Горного Алтая. Барнаул, 1902. Т. 3. Вып. 3. С. 1.

галась чисто русская крестьянская заимка, жители которой пользовались земельными угодьями совместно с обитателями айла¹¹.

Таким образом в XIX в. возникали либо смешанные русско-инородческие небольшие поселки, либо русские выселки на инородческой земле. В обоих случаях угодьями пользовались совместно и хозяева-инородцы, и русские поселенцы (арендаторы). Видно, что в таких обстоятельствах неизбежно протекали взаимоисключающие процессы: власти всеми силами стремились отграничить инородческое землепользование от крестьянского, но продолжала самовоспроизводиться и функционировать система общего землепользования пашнями, покосами, покотинами, уходившая корнями в XVII в. и подкреплённая статьёй 32 «Устава»: «Россияне могут брать у инородцев места в оброчное содержание, но всегда по условиям с обществами»¹².

В этом отношении показательным делом об отделении «инородческих земель юрт Тигильдеевых Еуштинской Инородной управы от крестьянских дач» с наделением еуштинцев 15 десятинами на душу, длившееся с 1854 по 1867 г. и, в конце концов, отложенное «до обмежевания земель всей Никольской (крестьянской. – Л.Ш.) волости»¹³. После первоначального размежевания доверенный от юрт Тигильдеевых Айза Альминтеев заявил, что произведенные нарезки невыгодны, т.к. в них «более вошло лесного пространства, чем лугового, по этой причине инородцы, во изменение проведенных наделов, подали прошение генерал-губернатору Западной Сибири», прося приостановить «ввод во владение землями жителей юрт Тигильдеевых»¹⁴.

В следующем, 1855 году в Томскую Казенную палату пришел проект, утверждённый Главным Управлением Западной Сибири, и на его основании Палата предписала губернскому землемеру командировать специалиста для ввода «сих инородцев» во владение «предназначенными им землями». В ответ на это еуштинцы в 1857 г. вновь заявили, что им выделили «неудобные земли» и они отказываются их принять. Казенная палата признала действия землемера правильными, но рекомендовала недовольным обратиться с прошением о проверке его поведения к генерал-губернатору. На следующий год ситуация повторилась, только тот же доверенный Альминтеев теперь заявил, что, хотя они подали «*нужное*» прошение, но приостановить введение еуштинцев в пользование навязываемыми им землями нужно немедленно. Следующие годы также ничем не завершились. Тигильдеевцы все так же уклонялись от конкретных землемерных работ, изыскивая всевозможные причины, вроде того, что «по даче их по случаю наводнения измерения проводить не-

¹¹ Там же. С. 3–7.

¹² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т. XXXVIII. С. 396.

¹³ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 456. Д. 82.

¹⁴ Там же. Л. 13.

возможно» или в результате «весеннего половодья ежегодно менялись» берега и т.п.¹⁵ Здешние оседлые инородцы, как, впрочем, и многие другие аборигены, очень неплохо использовали свое знание особенностей российской бюрократии и, не переходя в прямое неповиновение властям, сумели сохранить за собой исконные территории, или значительную их часть. Иногда, когда землемер готов был приступить к межеванию, оказывалось вдруг, что у инородцев нет свободных рабочих рук, и дело откладывалось

Члены Кумышской инородной управы Барнаульского округа использовали другой способ защиты своих прав на землю и ее удержания за собой. Они отказались принять отведенные им наделы совсем, заявив, что «исключены из первобытного ясажного состояния и причислены в разряд оседлых инородцев, владеемые ими земли находятся в черте Алтайского Горного ведомства,... а дачи их заселены заводскими крестьянами, поэтому они решили оставить навсегда заселенные ими места и владеемые земли, как непосредственно принадлежащие ведомству заводскому и только временно представленные им во владение, и намерены переселиться в новые удобные места» – это во-первых. Во-вторых, они обратились к губернскому начальству с просьбой вернуть их в разряд кочевых инородцев, на которых, как известно, земельные переустройства в середине XIX в. не распространялись¹⁶. Просьба эта рассматривалась 4 года, оставшись без последствий, как и все прочее.

В то время, когда никак не заканчивалось землеустройство оседлых инородцев, когда в процессе взаимодействия русских с аборигенами постоянно возобновлялась традиция совместного землепользования, Государственный Совет 18 января 1866 г. принял постановление о намерении распространить положения реформы 1861 г. на все население Сибири. Это означало лишение почти всех сибирских аборигенов их «особых прав», прежде всего, права «на земли ими обитаемые», т. к. жестко предусматривалось общее землеустройство, в частности, землеустройство кочующих инородцев. Последних, фактически, уравнивали в положении со всем крестьянским сословием России через все тот же обязательный душевой надел в 15 десятин. По существу, это был сигнал к упразднению «Устава» Сперанского.

К началу XX века администрации всех уровней убедились, что прямое давление на инородцев с целью их землеустройства и включения в систему общекрестьянского волостного управления приводила к совершенно противоположным результатам. Аборигены только усиливали стремление всячески обособиться от окружавшего русского крестьянства, от которого значительная их часть, особенно относящаяся к разряду оседлых, в сущности, почти уже ничем не отличалось в хозяйственно-культурном и даже бытовом плане. Оседлые инородцы, среди которых, как отмечалось, уже с середины 50-х го-

¹⁵ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 456. Л. 22–57.

¹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 90. Л. 28.

дов XIX века шли землеустроительные работы и в начале XX века продолжали традиционное пассивное сопротивление всеми апробированными способами: отказом давать рабочих и подводы для землеустроителей, несогласием с выделенными наделами, нежеланием избирать уполномоченных, сокрытием посемейных списков, бесконечными жалобами на ведущих межевание чиновников и так далее. Вместе с тем, в самом начале XX века с включением в аграрную реформу кочевых инородцев наметились и новые, более жесткие приемы противостояния.

В 1888 г. обострились отношения крестьян деревни Лебедевой Тарминской волости Кузнецкого уезда Томской губернии с инородцами Шуйской и Кумышской Инородных управ, живших в той же деревне. Спор возник из-за того, что при введении поземельного сбора он имел отношение только к крестьянам. Инородцы новой повинности не несли, хотя и использовали те же земли. Русская часть деревни высказала крайнее недовольство и потребовала, чтобы «инородцы, занимая полевые угодья, участвовали с ними, крестьянами, в платежах поземельного сбора»¹⁷.

Подобное же произошло в 1887 г. между крестьянами д. Жарковой Ишимской волости Томского округа и инородцами Ячинской управы, обитавшими там же. Крестьяне просили «обязать инородцев платить арендные деньги за занимаемые ими земли, наравне с крестьянами»¹⁸. В 1889 г. противоречия между сторонами обострились. Дело в том, что еще в 1860–1865 гг. был составлен план земель, на который вынесены были земельные дачи совместно используемых угодий, но поток переселенцев оседал только на крестьянских территориях. В 1888 г. к крестьянам приселились 100 душ, из-за чего «земли у крестьян осталось мало,... столько же, как и у инородцев, но они составляют 1/6 часть населения деревни». Раздраженные крестьяне требовали «удаления от пользования (землей)... инородцев, или выделения им, крестьянам, особого надела»¹⁹.

Весьма показательны в этом смысле Кумышская и Шуйская Инородные управы Томского округа, вообще не имевшие собственной территории. Население Кумышской управы было разбросано по 20 селениям в 3 волостях Томскою и 1 волости Кузнецкого округов. Эти аборигены ни в административном, ни в податном отношении не сливались с русскими²⁰, хотя процессы естественной аккультурации уже стерли культурно-этнографические черты, различавшие их. Выход из этой парадоксальной ситуации мог быть найден в

¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 33. Л. 1.

¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 42. Л. 5.

¹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 92. Л. 1 об.–2.

²⁰ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Барнаул, 1898. Т. 2. Вып. 1. С. 9, 12.

административно-правовом выравнивании крестьян и инородцев, но это предполагало упразднение «Устава».

Такие импульсы исходили и от местных администраций, и от конкретных личностей. Так, в 1873 г. Томское губернское правительство ходатайствовало перед МВД о причислении всех живущих среди крестьян инородцев к русским волостям. При этом ссылались на то, что «хотя инородцы эти, подвергаясь постепенному обрусению и усвоив себе обычаи к язык местных крестьян, не представляют уже, в образе своей жизни, резкого отличия с образом жизни последних, тем не менее особое их управление и неподчинение ведению местных крестьянских учреждений, при совместном жительстве их с крестьянами, является причиною взаимных споров как личных, так и имущественных, а также постоянные споры инородцев с крестьянами по владению землей и послужили основанием для такой просьбы»²¹.

Еще раньше, в начале 1860-х годов, И. Завалишин писал по поводу барабинских татар: при их численности в 2509 р.д. и общей разбросанности от Иртыша до Оби «не следовало бы на такое ничтожное население иметь особые управления, тем более, что они рассеяны между русскими деревнями. Зачем давать деньги им на волостные отделения своего начальства, когда в иной, так называемой, волости не насчитывается теперь и 100 ревизских душ... Это обременительно, особенно для безгласных и беспонятливых инородцев, которых земские чиновники в союзе с волостными писарями систематически обирают»²².

В 50-е годы XIX в. тобольский губернатор В.А. Арцимович считал, что Сибирь является важной частью России, для которой необходимо «усиление политического значения русского населения», и ратовал за коренную реформу управления аборигенами на русификаторских началах²³. С этой целью, в частности, в 1864 г. тобольских татар Эскалбинской управы присоединили к Байкаловской и Корочинской крестьянским волостям Тобольской губернии. По мысли Н.М. Ядринцева, этот опыт «решительно не удался, т.к. татарское население оказалось достаточно фанатичным», чтобы безболезненно слиться с русской общиной, и антагонизм между татарами и русскими только возрос²⁴.

В 1850-е же годы вынашивались планы перевода в русские волости и инородцев Каинского округа Томской губернии. Томская Казенная палата выпустила соответствующий указ. Для проведения его в жизнь туда отправился окружной землемер Дягилев, который должен был собрать сведения

²¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 867. Л. 1.

²² Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1865. Т. 2. С.47.

²³ Дамешек Л.И. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во ИркутГУ, 1986. С.70.

²⁴ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. С. 29.

для составления «карты 7 инородных управ и русских волостей, к коим они причисляются»²⁵. Поводом для этой акции послужило ходатайство Каинского окружного начальства «о присоединении Инородческих управ по разбросанности семей и малочисленности трудонаселения». В результате деятельности Дягилева появилась «Роспись», на основании которой здешние оседлые инородцы распределялись по конкретным волостям. Получалось, что Барабинская Инородная управа общей численностью в 1865 д.о.п. должна была раздробиться по 6 крестьянским волостям. Подчинявшиеся ей инородцы приписывались к Казанской, Верхне-Каинской, Нижне-Каинской, Покровской, Усть-Тартасской, Убинской русским общинам. Любейская управа (250 д.о.п.) расходилась по Усть-Тартасской и Вознесенской, Туражская (153 д.о.п.) – по Вознесенской, Покровской, Усть-Тартасской и т.д.²⁶ Такая политика неизбежно вела к нарушению остатков былого этнического и административного единства барабинских татар и, следовательно, к ослаблению и разрывам внутриэтнических стяжек, к ускорению процессов русификации. И хотя этому плану не суждено было осуществиться, не в последнюю очередь из-за обычной неразворотливости российской бюрократии, идея такого переустройства оставалась в намерениях местной администрации в течение всего последующего периода.

22 декабря 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири принял постановление о причислении губернскими начальствами к русским волостям всех живущих оседло инородцев Томской и Тобольской губерний «с тем, чтобы они выбирали общеизвестные выборные службы с крестьянами тех деревень, куда они причислены. Правление будет избрано на основах волостного крестьянского правления. Причисленные инородцы уравнивались в подати с крестьянами»²⁷. В связи с этим, в 1877 г. рассматривался вопрос о причислении Коптельского и Усть-Коптельского (Топтушинского) улусов Телсутской 2-й половины управы (95 р.д.) к деревне Топтушинской Уксунайской волости Кузнецкого округа²⁸. Причем объем податей с инородцев после перевода не изменялся. Впрочем, само событие так и не состоялось, поскольку массовое переподчинение «всех вообще оседлых инородцев, проживающих среда крестьянских семей к русским волостям» застопорилось в МВД, и на момент решений судьбы указанных телеутских улусов никаких указаний отсюда ни в губернию, ни в уезд не поступило²⁹.

И все же подготовка изменения статуса аборигенов Томской губернии не прекращалась, причем нередко инициатива принадлежала местной власти. Еще

²⁵ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 581. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Л. 3–4.

²⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 86. Л. 25 об.

²⁸ Там же. Л. 1–1 об.

²⁹ Там же. Л. 26.

до постановления генерал-губернатора Томское губернское по крестьянским делам присутствие положительно решило вопрос об инородцах телеутских улусов, а 9 июня 1877 г. то же случилось с Шуйской управой. В 1880 г. были составлены сведения обо всех инородцах, живших в крестьянских волостях Алтайского Горного округа³⁰. В 1891 г. – новое оживление вокруг все той же проблемы – перевода оседлых аборигенов под волостную юрисдикцию. Министерство внутренних дел направило в губернии запрос: сколько оседлых и кочевых инородцев отдельно и по управам проживает в крестьянских селениях, волостях; каковы расстояния между их поселениями и крестьянскими деревнями; каково их мнение относительно возможного причисления к волостям.

Эта работа в Томской губернии была выполнена чиновниками по крестьянским делам и земскими исправниками. Ее результатом стала ведомость, по которой кочующие инородцы Кузнецкого округа Казановой, Мрасско-Елейской, Богораковой, Мрасско-Бежбояковой, Кондомско-Бежбояковой, Кондомско-Барсоятской, Абинской управ приписывались к Кузнецкой крестьянской волости. Тагабская 2-й половины и Ашкиштымская управы – к Уксунайской волости. Оседлые инородцы Телеутской 1-й половины и Тогульской 1-й половины управ стали частью Кузнецкой крестьянской волости. Инородцев Шуйской и Кумышской Инородных управ предполагалось объединить в единую Шуйскую; Ячинскую и Камларскую в одну Ячинскую; Боянские 1-й и 2-й половин – в одну Боянскую крестьянские волости. Аборигены юга Томского округа должны были быть реорганизованы следующим образом: подчиненные Кумышской Инородной управы распределялись между 4 крестьянскими волостями: Тутальской, Кайлинской, Краснощековской и Тарсминской; инородцы Мало-Корюковской между 3 волостями: Ояшинской, Чаусской, Алтайской; аборигены Чатской управы – между 4 волостями: Ояшинской, Спасской, Уртамской, Богородской. Еуштинцы попадали в Нелюбинскую и Николаевскую волости.

Инородные управы Мариинского округа распределялись между Алчедатской (125 р.д.), Почитанской (188 р.д.) и Зырянской (105 р.д.) крестьянскими волостями. По Бийскому округу предполагалось оседлых инородцев Быстринской и Кокшинской управ причислить к Сросткинской волости, туда же включить кочевые Нижне,- и Верхне-Кумандинские управы. Сарасинскую Инородную управу – ввести в Алтайскую крестьянскую волость, а Бухтарминскую и Уймонскую Инородные управы просто переименовать в крестьянские волости. Так же собирались поступить и с Кумышской управой Барнаульского округа³¹.

Объемная и сложная работа, проведенная чиновниками Томской губернии, указывала на серьезность намерений властей. Она не реализовывалась только

³⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 86. Л. 26.

³¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 867. Л. 73–79, 90–100.

из-за нерешительности и проволочек МВД относительно конкретики переподчинения инородцев и их административного переустройства. Задуманная административная реформа выходила за пределы уже сложившейся практики перевода инородцев в крестьянские волости. Во-первых, потому, что касалась не только оседлого, но и кочевого разряда. Во-вторых, она носила бы массовый характер и поэтому должна была бы опираться на общероссийский законодательный акт, так и не выработанный государством, а не на согласительные общественные приговоры инородных управ. Последние служили основанием лишь для переоформления статуса отдельных конкретных семей.

Эта реформа меняла бы этнополитическую ситуацию в Южной Сибири, поскольку открывала широкие возможности для продолжения интенсивной русификации аборигенов, а создание общих, инородческо-крестьянских органов самоуправления означало отказ от собственной социальной и этнополитической ориентации и организации аборигенов, от их «особых прав» на земли, на сохранение самобытного образа жизни и мысли. Но произошло обычное в российских условиях несоответствие практических новаций и их государственно-правовой базы: «Устав об управлении инородцев» никем не отменялся и действовал. Поэтому все нововведения должны были осуществляться в оговоренных им пределах. Одним же из категорических его установлений являлось то, что для изменения правового статуса аборигенов непременно нужно было учесть их мнение, *получить их согласие* на перемены. Когда ответственные за реформу лица всех рангов вспомнили, выяснилось, что инородцы почти единодушно отрицательно относятся к переходу в иное административно-правовое состояние. Разумеется, мотивы такого неприятия в разных случаях были неодинаковы, но общей картины это не меняло. Так, население Богораковой кочевой волости Кузнецкого уезда обратилось за разъяснением к губернатору: «Действительно ли есть распоряжение Кабинета о причислении инородцев к крестьянскому сословию? Можно ли причислить к крестьянскому сословию тех инородцев, которые никогда не занимались пашнею и о ней не имеют понятия, а лишь едва пропитываются со звериного промысла и рыбою,... для нас, хотя с 1878 г., по приказанию исправника платить ясак деньгами, (принято решение), что с 1891 г. будем платить пушниной, так как денежный сбор для ясака обременителен. Большинство из нас не знает русского словопроизношения... и желает жить, как жили их деды и прадеды»³².

Иначе мотивировали свой отказ от записи в крестьяне члены Телеутской инородной управы Томского округа: «...когда живя отдельно (мы) терпели обиды от крестьян, то что же будет, если вместе жить будем... Они на землю нашу будут смотреть как на свою собственность, что приведет к взаимным обидам»³³. Кумышская Инородная управа Барнаульского округа в общественном пригово-

³² ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 867. Л. 322–323.

³³ Там же. Л. 254.

ре отмечала: «...мы причисляться в крестьяне не желаем, так как деда наши были оседлые инородцы и издревле основатели наших селений, в которых населились крестьяне, а потому постановили сей приговор о нежелании причисляться в крестьянское сословие,... просим не стеснять нас причислением, а представить нам право проживать в селениях, основанных нашими предками, принявшими подданство...»³⁴. Намек прозрачен: вернее было бы причислить к управам крестьян, осевших в инородческих поселках, а не наоборот.

«Отказный» общественный приговор барабинских татар Туражской управы Каинского округа получил некоторую конфессиональную окраску: «...если приписать (нас) к русским волостям, то легко могут происходить между нами, магометанами, и христианами общие неудовольствия от того только, что мы два народа, хотя и находимся во взаимном друг с другом уважении, но чужды верою, языком, образом жизни и самим характером, отчего могут происходить распри от непонимания друг друга, кроме того, народ привык подчиняться единоверческому (мусульманскому. – Л.Ш.) старшине», а не христианскому старосте³⁵.

Алтайские же горные калмыки в 1885 г. отправили нескольких своих зайсанов в Санкт-Петербург, чтобы те лично изложили в правительственных кругах мнение народа о проводимой губернскими властями предреформенной подготовительной работе, отнюдь не восторгаясь ею

Инородческие протесты были поддержаны либеральной областнической прессой, а обработанные материалы Всероссийской переписи населения по Горному Алтаю позволили сделать два важных вывода: во-первых, свободных земель в Алтайских горах нет и, во-вторых, 80% кочевников Алтая не созрели для землеустройства, т.е. для перехода в крестьянское сословие. Томское губернское управление (с 1890-х гг.) вынуждено было поддержать такое заключение.

Таким образом, несмотря на попытки власти изменить инородческую политику, отказавшись от «Устава» 1822 г., он, как сказано, все же был повторен как «Положение об управлении инородцев» в 1892 г. Такие разнонаправленные действия властей в инородческом вопросе демонстрировали отсутствие единомыслия в подходе к нему как на местном, так и на центральном уровнях. Можно считать, что в это время инородцам удалось удержать свои социально-экономические права, практически, в неизменном виде – хотя бы в силу российского инертного традиционализма.

Но нельзя при этом забывать, что конец XIX – начало XX вв. для Российской империи ознаменовались усилением модернистских тенденций в ее развитии. Проводить же глубокие экономические, политические, социальные преобразования более успешно можно в культурно гомогенном обществе и

³⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 86. Л. 19 об.

³⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 867. Л. 14.

государстве. Этническое и этнографическое разнообразие империи требовало выработки множества конкретных способов модернизации в каждом регионе, что при громоздкости и неповоротливости российской бюрократической машины, да еще в короткие сроки, было вряд ли возможно. Дальнейшая успешная модернизация России предполагала нивелировку, унификацию ее этнически пестрых регионов, одним из которых являлась Южная Сибирь. Конкретным вариантом этого процесса как раз и мог сделаться перевод *всего* инородческого сословия в крестьянское, с общей унификацией прав и органов управления. К тому же, составной частью общего обновления страны должна была стать глубокая аграрная реформа и решение проблемы избытка сельскохозяйственного населения Европейской России при нехватке там земли. Последнюю также можно было получить в Южной Сибири через отождествление инородческого и крестьянского землепользования и выделение «свободных земель» из инородческих территорий. Все складывалось так, что «Устав» Сперанского в начале XX в. сохранял свою действенность лишь постольку, поскольку до поры не находилось волевой и целеустремленной личности, способной если не отказаться от «Устава», то, по крайней мере, сильно ослабить его законную силу. Таким решительным реформатором оказался П.А. Столыпин, с именем и замыслами которого связана административная реформа 1908–1913 гг. в инородческих районах Сибири. Тогда крестьянский статус, наконец, юридически распространился на сибирских аборигенов, хотя, опять-таки, не до конца, т.к. сохранилось само сословие инородцев.

Следует отметить, что законодательная база для ликвидации «особых прав» аборигенов Сибири была заложена еще в конце XIX в. в связи с появлением двух важнейших законодательных актов: закона от 23 мая 1896 г. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» и «Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Е.И.В.» от 31 мая 1899 г. Появлению этих законодательных актов предшествовала передача сибирских народов в 1880 г. из ведения земских исправников под контроль крестьянских начальников. Первый закон распространялся, фактически, на все аборигенное население Сибири. Под действие второго закона подпадало сельское население юга Томской губернии и Алтайского Горного округа. Оба акта относились к русским крестьянам-старожилам и переселенцам, а также к оседлым и кочевым инородцам.

Для судеб коренных народов Сибири особо важными оказались статьи 1 и 5 «Положения» 1896 г. В первой статье указывалось, что под землеустройство попадают инородцы, не принадлежащие «к числу бродячих», т.е. закон касался, прежде всего, самой многочисленной части аборигенов, составлявшей «кочевой разряд». Статья 5 утверждала за каждой мужской душой надел

«не свыше 15 десятин»³⁶, т.е. земельные наделы государственных крестьян и инородцев уравнивались.

Своеобразным продолжением «Положения» от 23 мая 1896 г. было «Положение» от 31 мая 1899 г., т.к. в нем появилась статья о том, что «получив поземельное устройство (надел в 15 дес. – *Л.Ш.*), кочевые инородцы при выдаче отводных записей (документов на пользование наделами – *Л.Ш.*) перечисляются в оседлые». Таким образом, в ходе землеустроительных работ кочевые инородцы фактически неизбежно меняли свой разряд, несмотря на остававшееся в силе «Положение об инородцах» 1892 г., 26 статья которого утверждала строго добровольный характер смены разрядов сибирскими аборигенами. Перечисление в оседлый разряд автоматически влекло за собой изменение формы управления не только у оседлых инородцев, у которых уже в XIX в. начался процесс ликвидации собственных органов самоуправления и причисления их к крестьянским волостям, в результате чего они попадали под действие имперского законодательства о крестьянах, но и ликвидировалась и форма самоуправления «бродячих» инородцев.

Вот почему земельная реформа для аборигенного населения Сибири изначально нечто большее, чем изменение их прав на землю. Она сливалась с административными преобразованиями и превращалась в аграрно-административную, вследствие проведения которой аборигены утрачивали не только свои земли, но и теряли собственные органы самоуправления, традицию судебных разбирательств на основе обычного права, отличную от крестьянской систему податных выплат и т.д.

Ни в одном из «Положений» не упоминался такой деликатный вопрос, как ликвидация «сословия инородцев». По-прежнему действовал неотмененный «Устав об управлении инородцев» 1822 года, что означало юридическое сохранение этого сословия. Однако все нововведения сибирские народы восприняли именно как упразднение их сословия, т.к. с проведением административно-земельной реформы они, по сути дела, лишались всех своих сословных «особых прав», в правовом отношении сливаясь с крестьянским сословием, чего они категорически не хотели. Таким образом завершалась сословная унификация различных групп податного сельского населения империи, что полностью противоречило «Уставу...», первая часть которого определяла права инородцев.

Наиболее активное сопротивление начавшейся административно-аграрной реформе оказали те сибирские этносы, которым удалось, находясь уже в составе России, достаточно консолидироваться и при этом сохранить основной этнокультурный потенциал, чему способствовала их причисление к разряду кочевых инородцев: буряты, якуты, алтайцы, хакасы и т. д. Там развернулась самая настоящая борьба за сохранение собственных земель. Однако

³⁶ ПСЗ. Собр. 3. Т. 16. 1899. С. 503.

несмотря на мощное сопротивление бурят в 1900–1903 годах у них была проведена земельная реформа, которая сопровождалась ликвидацией инородческого самоуправления – степных дум, и замена его на волостное управление. В ходе реформы части бурятской элиты благодаря встроенности в низовой административный аппарат империи и личным связям с местными властями удалось не только сохранить свои земли, но и скупить наделы у наиболее бедных соплеменников.

В Томской губернии в августе 1900 года произошло «острое столкновение» при землеустроительных работах с населением Мало-Корюковской инородной управы. Дело о сопротивлении инородцев разбиралось в Томском окружном суде, поскольку во время беспорядков подверглась опасности жизнь землемерных чиновников. В связи с этим заведующий землеустройством Алтайского округа возбудил в Томском губернском управлении ходатайства об учреждении особой полицейской стражи для охраны землеустроителей. С 1901 года в Томском уезде решением губернатора была учреждена конная стража, лишь под прикрытием которой удавалось провести необходимые землеустроительные работы.

Но вряд ли дело было благополучно завершено только из-за наличия вооруженной охраны землемеров. Существовали и другие – юридические – к тому основания. По ходатайству доверенного от Мало-Корюковской управы Аникина, поданному томскому губернатору 11 сентября 1904 г., начальник губернии отправил прошение в Кабинет е.и.в. Суть прошения заключалась в том, чтобы, основываясь на ст. 10 Закона от 31 мая 1899 г., разрешить с учетом местных условий сохранение за инородцами земельных излишков «без возложения на общества и селения обязательства относительно присоединения новых членов». Фактически губернатор просил закрепить за мало-корюковцами все земли, которые они до этого имели. В результате жители деревни Красный Яр на Оби под Колыванью, откуда был родом доверенный Аникин, удержали за собою 1920 дес. угодий, т.е. столько же, сколько могли получить при стандартном земельном наделении в 15 дес. на мужскую душу 128 человек. Напомним, что на рубеже XX в. общее число ревизских душ названной деревни не достигало 80 д.м.п.³⁷ Подчеркнем, что удобная для аборигенов статья 10 земельного закона 1899 г. применялась неоднократно во многих местах. Все же чаще, дабы не возбуждать недовольства аборигенов, но и не нарушать основных положений закона, обращались к другой его статье: оставлять излишки на трехлетний срок с условием «доприятия» в сельское общество новых членов. В Кузнецком уезде при землеустройстве Ячинско-Камларской Инородной управы, за нею было сохранено 599,2 дес. излишков с условием доприятия 40 д.м.п. При обмежевании Кумышской Инородной управы Барнаульского уезда в 1910 г. жителям деревни Половинки оставили

³⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 696. Л. 427.

1567,44 дес. «лишней» земли в надежде, что они допримут 104 д.м.п. из переселенцев. Так же решалась проблема излишков в Бийском уезде. В 1911 г. за инородцами Байдаева Аила Кузенской Инородной управы оставили 75 «лишних» десятин в расчете на 5 новопоселенцев, а в селе Кузя Комляжской Инородной управы обитателям удалось сохранить 105 дес. «дополнительных» угодий³⁸. Желательное же «доприятие» новых членов Инородных управ могло растягиваться на годы и часто не реализовалось. В 1903 г. Общее присутствие Томского губернского управления отмечало: «Землеустройство инородцев на казенных землях находится в первоначальной стадии, встречает множество затруднений. Неудовольствие инородцев наделением землей объясняется тем, что они заявляют, что земля их должна быть неприкосновенна со стороны посторонних, а землеустроительной администрации тем более»³⁹.

Чем более решительные шаги делало государство в этом направлении, тем упорнее становилось пассивное сопротивление инородцев, особенно в южных районах Бийского уезда Томской губернии. Они уверенно, умело и, порой, успешно использовали относившуюся к ним законодательную базу Российской империи и ее судебно-бюрократическую машину. Многочисленные обращения с ходатайствами о приостановлении землеустройства, вообще преобразований осуществляли зайсаны Горного Алтая. Их просьбы при этом поддерживались часто не только либеральной областнической прессой, но и томским губернатором Е.Е. Извековым. Общее присутствие Томского губернского управления, заслушав 23 мая 1903 г. доклад неперменного члена А.А. Барока, признало, что «открытие поземельно-устроительных работ у кочевых инородцев Горного Алтая в пределах Бийского уезда является преждевременным». Решение это через Заведующего землеустройством Алтайского округа П.М. Юхнева было доведено до сведения Министра Императорского двора. В ответ он, после согласования с МВД, издал «Правила устройства кочевых инородцев Бийского уезда Томской губернии», обнародованные 12 мая 1904 г.

В результате в Бийском уезде Томской губернии поземельному устройению в 1905–1906 годах подверглись только 3 из 5 инородных управ оседлых инородцев. На остальные 2, а также на 7 кочевых управ Северного Алтая, 7 дючин алтайских горных калмыков (алтай-кижи) и 2 чуйские волости (теленгиты) распространялось действие «Правил устройства кочевых инородцев Бийского уезда Томской губернии», введенных 12 мая 1904 года. Этим актом все землеустроительные работы в алтайских горах откладывались на неопределенный срок.

Этим актом все землеустроительные работы в Алтайских горах откладывались на неопределенный срок. Согласно «Правилам», землеустройство вовсе не проводилось в 1–7 Алтайских дючинах, в 1 и 2 кочующих Чуйских во-

³⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4033. Л. 315, 265 об., 526.

³⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10. Л. 188.

лостях, в Комляжской, Южской, Кергежской, Кузенской волостях – всего в 13 административных единицах⁴⁰.

Таким образом, из кочевых Инородных управ поземельному устройению подверглись в 1905–1906 гг. степные или предгорные Верхне-Кумандинская, Нижне-Кумандинская и Тогульская 2-й половины волости. В результате сокращения инородческого землевладения в предгорных районах и на северо-востоке Бийского уезда возник значительный колонизационный фонд земель. К 1912 г. здесь образовались две чисто переселенческих волости: Сузопская и Озеро-Куреевская.

Далеко не спокойно проходили землеустроительные работы и у оседлых аборигенов Каинского уезда. В октябре 1906 г. старший производитель работ сообщал, что здесь нет еще ни одного инородческого селения, в котором поземельное устройство можно было бы считать законченным в полном объеме. Показатель – ни одному такому селению не только не были выданы отводные записи, но в большинстве из них к работам даже не приступали. «Инородцы отказываются давать рабочих, подводы, не избирают уполномоченных для засвидетельствования межевых знаков, – писал названный чиновник. – Когда закончатся поземельно-устроительные работы по инородческим селениям всего Каинского уезда, сказать невозможно. Они могут затянуться лет на сорок»⁴¹. В 1913 г. Томское губернское управление в Заключении по землеустройству Каинского уезда отметило, что «несмотря на то, что казенные земли (здесь)... представляют собой степи и лесостепи», из-за медлительности чиновников землеустройство «старожилов и инородцев еще не закончено»⁴². И все же одну из главных причин этих проволочек – нежелание аборигенов расставаться со своими землями – старший землемер по Каинскому уезду обозначил совершенно точно. Стоило только начаться межеванию – во всевозможные губернские и центральные учреждения полетели прошения, ходатайства, жалобы: если не отменить, то хотя бы замедлить землеустройство.

В 1907 г. обитатели Калтайских юрт Чатской Инородной управы Томского уезда Томской губернии добились разрешения в их пользу спора между ними и крестьянами села Калтайского Ояшинской волости того же уезда во время межевания. Сенат отменил 18 июня 1907 г. постановление Общего присутствия Томского губернского управления об изъятии «подборного луга» из владений инородцев и передаче его в надел крестьянам.

Доверенные юрт Калтайских Шаяхмет Мустафин и Рамазан Мавлюкиев в прошении в Сенат утверждали, что к крестьянам отошли земли, «которые принадлежат нам и которыми пользовались прадеды и отцы наши с давних времен, которые мы считали своею собственностью, дарованной нам царем

⁴⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4033. Л. 1–1 об.

⁴¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10. Л. 230.

⁴² ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4117. Л. 548.

Алексеем Михайловичем... в собственное вечное и потомственное владение⁴³. В данном случае чаты рассчитывали на уже упоминавшийся Циркуляр Земельного отдела МВД от 26 августа 1906 г., где устанавливалось приостановление землеустройства после предоставления инородцами доказательных обоснований своих земельных прав. Их доверенные указывали, что «дарственная Алексея Михайловича на эти земли есть и хранится в Томской Казенной палате», куда была, якобы, передана Тобольской Казенной палатой в 1796 г. Но официальный запрос по поводу царской дарственной Томская Казенная палата оставила без ответа. Это неудивительно. Достаточно вспомнить, с каким рвением в течение всего XIX в. у инородцев Томской губернии под разными предлогами изымались все документы на земли, полученные их предками в XVII–XVIII вв. За отсутствием подлинного документа или его достоверной копии, оказывались беспочвенными любые ссылки аборигенов на их хранение в органах губернской власти, т.к. последние никак не были заинтересованы в оглашении земельных дарственных. Государственно-политическая тенденция унификации инородческого и крестьянского землепользования предполагала не только изъятие, но и сокрытие, замалчивание таких документов. Но, будучи осведомлены о Циркуляре МВД, калтайские чаты пытались сослаться на само наличие дарственных грамот или царских указов, которых они давно лишились, но о которых еще помнили.

В этой связи важно отметить особое отношение коренного населения Южной Сибири (впрочем, русских тоже) к полученным от государства документам, к «писанному слову с печатью» вообще. Их наделяли полумагической, почти сакральной силой, способной, как мыслилось, оградить людей от всяких нововведений. В 1909 г., например, при переводе кочевых инородцев Кузнецкого уезда в разряд оседлых крестьянских начальник 2-го участка сообщал: «инородцы занялись отыскиванием подлинной грамоты Екатерины II, по которой (по их мнению. – Л.Ш.) им предоставлено право на вечные времена жить по своему обычаю. *Этой грамотой они хотят оградить себя от перевода в разряд оседлых*»⁴⁴ (курсив мой. – Л.Ш.). Евразийское в истоке отношение тюрков Южной Сибири к надписи, писанной бумаге, к документу с царской подписью в особенности, наделяло эти культурные феномены магической мощью, которая, в их представлении, со временем только возрастала. Такое восприятие старинного документа, когда он сам по себе считается всемогущим оберегом, подчеркивает не столько рациональное, сколько эмоциональное отношение к нему, к записанным юридическим и прочим установлениям. Оно диктовалось спецификой ментальных установок и обыкновений, свойственных аборигенам.

⁴³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4117. Л. 139 об.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 990. Л. 84.

Они были убеждены, что стоит лишь найти нужную царскую грамоту или иной подобный документ, как все возвратится в прежнее, разумеется, благодатное, состояние. Присущее традиционному менталитету циклическое восприятие времени и событий мешало инородцам отказаться от привычного образа жизни, порождало внутреннее неприятие любых перемен. Оно не позволяло людям трезво взглянуть на искаженные деградацией, русификацией обычный уклад, распорядок существования, мироощущение, отойти от них и двинуться дальше. Эта кажущаяся частность дает возможность понять ментальное восприятие аборигенами социально-экономических преобразований начала XX в. и объясняет их «немотивированную враждебность» к любым направленным на модернизацию действиям местных, губернских и центральных властей.

Каждая попытка властей предержавших провести те или иные преобразования вызывали в аборигенном обществе панический, мгновенно распространившийся вширь ужас, и никакие доводы администрации не могли его утешить. В качестве наиболее наглядного примера можно привести ситуацию, связанную с административной реформой у кочевых инородцев Бийского и Кузнецкого уездов Томской губернии, ни под каким видом не желавших определяться в оседлый разряд и отказывавшихся от своих земельных владений.

В 1914 г. доверенный от инородцев Любейского аула бывшей Любейской Инородной управы, ставшей Меньшиковской волостью Каинского уезда, Ч. Маликов подал жалобу в Сенат на решение Общего присутствия Томского губернского управления насчет прирезки к наделу русского села Старо-Бородинского «460,18 дес. удобной и 655,55 дес. неудобной земли из наделных земель села (аула. – *Л.Ш.*) Любейского». Проверка показала, что жители аула владеют гораздо большим земельным наделом, чем полагалось по закону от 23 мая 1896 г. Решением от 31 января 1917 г. Сенат постановил оставить жалобу Ч. Маликова «без последствий»⁴⁵. Пример этот избран из множества аналогичных документальных свидетельств из-за сугубой наглядности «волокидного» характера сибирской земельной реформы: землеустройство каинских барабинцев, начавшееся еще в XIX в., по существу так и не закончилось до Февральской революции.

Тем не менее, в целом по Томской губернии землеустройство оседлых инородцев можно считать почти завершенным в 1908 г. Здесь нужно иметь в виду небольшую, но важную деталь. Если даже аборигены оседлого разряда – обрусевшие, очень похожие по образу жизни и органам управления на крестьян – так неодолимо сопротивлялись земельно-административным преобразованиям, то легко представить себе те трудности, с которыми столкнулись крестьянские начальники при реформировании землевладения и землепользования кочевых инородцев. Тем более, что последних при этом необходимо

⁴⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4113. Л. 323 об.

было одновременно переводить в оседлый разряд, как установили законы от 23 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г.

Процесс унификации инородческого управления по аналогии с крестьянским получил дополнительный толчок в связи с интенсификацией проводимых П.А. Столыпиным аграрных преобразований в Европейской России. Напрямую были задеты интересы аборигенов Южной Сибири. П.А. Столыпин, не отменяя «Устава» М.М. Сперанского и зная о незавершенном землеустройстве Сибири, все же, начиная с 1908 г., настаивал «на скорейшем переводе кочевых инородцев в разряд оседлых и реорганизации внутреннего управления и суда у оседлых и оседло живущих кочевых инородцев Томской губернии по типу крестьян».

Все занимавшиеся земледелием или жившие оседло инородцы обязательно перечислялись в оседлый разряд. Заселенные «крестьянами и инородцами аулы, айлы, юрты и селения обращались в сельские крестьянские общества и включались в крестьянские волости. Мелкие улусы, селения, соседственно расположенные и имеющие даже обособленное землепользование, если они были заселены исключительно инородцами, соединялись в одно или несколько сельских обществ и образовывали отдельные инородческие волости». Если же общества оказывались «смешанными или разбросанными на далеком друг от друга расстоянии», то их причисляли к ближайшим крестьянским волостям⁴⁶. При этом губернские власти осознавали, что только постоянным давлением на инородцев они смогут добиться согласия на их приписку к сельским обществам и волостям. В письме томского губернатора Н.Л. Гондатти от 16 января 1910 г. П.А. Столыпину и в сообщении его премника Е.Е. Извекова в Земский отдел от 9 июня 1910 г. указывалось, что «инородцы никогда не дадут своего согласия на причисление к крестьянским обществам», а крестьяне «очень редко пожелают принять инородцев в свою среду»⁴⁷. Прежде всего потому, что действия местной власти в таких ситуациях нарушали краеугольный постулат так и не упраздненного «Устава» 1822 г., прекрасно известный аборигенам: исключительно добровольное перечисление из разряда в разряд. Не менее часто нарушались установления сравнительно недавних законов о землеустройстве в Алтайском округе и 4 Сибирских губерниях: в оседлые переводили даже тех кочевых, у которых землеустройство не закончилось к моменту перечисления, еще не получивших отводных записей.

Наиболее типичным это нарушение оказалось для Кузнецкого уезда, где кочевых обитало достаточно много и жили они компактно. Здесь перевод в оседлый разряд в основном происходил в 1908–1912 гг., выдача же необходимых документов завершилась к началу 1915 г. Стремительная перестройка

⁴⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4113. Л. 198 об.

⁴⁷ Там же. Л. 199 об.

инородческого управления увеличила и поток жалоб. К 1913 г. в Крестьянское отделение Тобольской губернии поступило 31 ходатайство, Томской – 57, Енисейской – 2. Разумеется, это не все вообще жалобы, т.к. многие просто не сохранились⁴⁸. Аборигены очень неплохо улавливали этнополитические последствия административно-земельной реформы: с этнической точки зрения ее основное направление означало ускорение процессов аккультурации и ассимиляции в русской среде, с политической – утрату собственного внутреннего и внешнего устройства, своих прав на землю (этнические территории – тоже), а в недалеком будущем – полное юридическое выравнивание с крестьянским населением. Однако губернские и уездные власти, часто нарушая законы, форсировали аграрные и административные преобразования аборигенного общества.

Так, еще в октябре 1906 года в Каинском уезде Томской губернии не было ни одного инородческого селения, где было бы завершено поземельное устройство. В 1913 году Томское губернское управление по землеустройству Каинского уезда отмечало незаконченность такового как у инородцев, так и у старожилов. Между тем, уже с 1 января 1910 года все 7 инородных управ барабинских татар признавались более не существующими, а их население было распределено по сельским крестьянским обществам и волостям. Землеустройство и перевод кочевых инородцев в разряд оседлых в Кузнецком уезде Томской губернии проходило в 1908 – 1912 годах. Однако выдача необходимых документов завершилась только в 1915 году. Таким образом, проведение административной реформы часто опережало земельную, что прямо нарушало действующее законодательство и являлось отражением того факта, что ликвидация инородческого самоуправления технически была более простым и быстрым мероприятием, чем проведение землеустройства и наделение земель каждой ревизской души. Эти нарушения становились поводом для многочисленных обращений аборигенов как в губернское управление, так и в центральные органы власти, вплоть до Сената.

Принудительный перевод кочевых инородцев в разряд оседлых с введением у них крестьянского волостного управления, тем более до завершения землеустройства и выдачи отводных записей, являлся прямым нарушением закона. Но под давлением МВД и лично П.А. Столыпина крестьянские начальники и губернские правления провели административную реорганизацию кочевых инородцев достаточно быстро, не особенно считаясь ни с их сопротивлением, ни с законодательством.

В итоге было сломлено и сопротивление аборигенов Горного Алтая: 28 января 1911 года общим решением Министров Императорского Двора, Внутренних дел и Главноуправляющего земледелием и землеустройством были упразднены «Правила» от 12 мая 1904 года. В результате стремительно-

⁴⁸ Дамешек Л.М. Указ. соч. С. 26.

го землеустройства, которое часто имело лишь формальный характер, с 1 января 1913 года упразднились 5 управ кочевых инородцев Северного Алтая. В Южном Алтае землеустроительные работы и административные реформы совершились не менее стремительно. Неприкосновенные еще в 1913 году 6 оставшихся дючин и 2 чуйские волости к концу 1914 года были полностью упразднены. Временно сохранявшие свои посты и функции зайсаны и иные должностные лица, часть которых не только сохранила, но и увеличила свои земельные наделы, все чаще привлекались для выполнения поручений, присутствующих волостным и сельским старостам. Аграрно-административная реформа вызвала всеобщую панику, глухое возмущение: алтайцы целыми селениями бежали вглубь гор, многие перешли границу Монголии.

Несмотря на это, к 1915 году кочевые инородцы Томской губернии, кроме Нарымского края, были переведены в разряд оседлых. Всего было ликвидировано 82 инородные управы и землеустроено почти 35 тыс. инородцев. Соответственно, органы самоуправления стали такими же, как у крестьян, так как в результате реформирования образовались смешанные русско-аборигенные административные единицы, и окончательно утверждался территориальный принцип административного устройства сибирских народов. При этом новые административные образования часто меняли прежние названия, из этнической карты Сибири вместе с названиями прежних инородных управ исчезали дорусские этнонимы.

Хотя административно-землеустроительная реформа в Сибири была проведена в короткие сроки, ее последствия сказывались в аборигенном обществе и доставляли немало хлопот властям, вплоть до краха Российской империи. Сибирские народы так и не смирились с потерей основных сословно-инородческих прав, которые позволяли им нейтрализовать внешнее «размывающее» воздействие со стороны русской крестьянской культуры и сохранять свою этническую специфику. Показательно, что официально «Устав об управлении инородцев» М.М. Сперанского так и не отменили. Он продолжал действовать на севере Тобольской губернии (Березовский и Сургутский уезды), Томской (Нарымский край), Енисейской, в Кириновском уезде Иркутской губернии, в Охотском, Анадырском, Гижигинском, Петропавловском уездах Камчатской области, хотя там и велись работы по выделению переселенческих участков. У сибирских народов и после реформирования их самоуправления и аграрной реформы сохранялись определенные законом сословные права, но фактически кроме освобождения от военной службы да сословного наименования, лишено уже своего правового смысла, в социально-экономическом и юридическом положении они мало отличались от крестьян. Но и тут государство предприняло логический шаг по пути полного слияния сельского населения империи: осенью 1916 года, ссылаясь на военное время, правительство распорядилось мобилизовать сибирских инородцев для направления на тыловые работы.

С ростом численности переселенцев и усложнения их этнического состава в сибирском обществе начинается переосмысление термина «инородец». Он получает оценочное толкование уничижительного, пренебрежительного характера, прежде всего, в среде новопоселенцев. Оказавшись в непривычной природно-климатической обстановке, в состоянии психологической неуверенности, испытывая лишения и даже подчас разочарования на новом месте жительства, многие переселенцы не имели опыта широких межэтнических и межконфессиональных контактов либо он был негативным. Поэтому в их сознании заострилось внимание на том, что отличало их от сибирских обывателей, даже от русских старожилов, и конечно, оказавшись по соседству с аборигенами, необычным воспринимался их образ жизни, облик, язык, культура.

Не случайно к 1916 году в крестьянских и, прежде всего, переселенческих волостях образовалась целая сеть отделений Союза Михаила Архангела, что было непривычно для старожильской Сибири и что не могло не тревожить уездные и губернские власти. Тогда-то и произошло окончательное переосмысление слова «инородец»: оно перестало употребляться в сословном значении. Термин сделался синонимом понятия «нерусский», причем не только применительно к сибиркам народам.

В результате проведенной реформы и последовавших за ней событий общероссийского значения изменилось отношение сибирских народов к существующей власти. По-прежнему у них сохранялось стремление возвратить утраченное сословное положение в полном объеме, и соответственно создавалась почва для политизации аборигенного общества. Обида аборигенов на государство усугублялась еще и тем, что они хранили убеждение в обязанности власти всемерно опекать и защищать их. Постепенно в аборигенной среде накапливалось не только раздражение, но и разочарование существующим порядком. Однако государство по-прежнему воспринимало их как верноподданных, не понимая, какие глубинные процессы протекали в аборигенных сибирских социумах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 2. Д. 47, 327.
2. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 456, 472, 581, 1408, 1470.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 90.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 33, 42, 92, 4033, 4113, 4177.
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 867.
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 86.
7. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 696, 990.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10.
9. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Барнаул, 1898. Т. 2. Вып. 1. 138 с.

10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3. Т. 16. 1899.
11. ПСЗ. Т. 38. СПб., 1830.
12. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ. 1984. 223 с.
13. Дамешек Л.И. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во ИркутГУ, 1986. 164 с.
14. Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1865. Т. 2. 277 с.
15. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897). СПб., 1897. 137 с.
16. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 2. Вып. 1. Барнаул, 1900. 360 с.
17. Юхнев П.М. Горный Алтай и его население. Заимочники Горного Алтая. Барнаул, 1902. Т. 3. Вып. 3. 30 с.
18. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

Сведения об авторе: Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Российская Федерация). E-mail: Sherstova58@mail.ru

**TURKISH-SPEAKING POPULATION OF TOMSK PROVINCE
IN THE CONTEXT OF AGRARIAN POLICY OF THE STATE
IN THE 19TH AND BEGINNING OF 20TH CENTURIES***

Lyudmila I. Sherstova
Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

The research aim is to concretize the modernization process in Russian Empire from the nineteenth to beginning of twentieth century. The research uses agricultural and administrative reforms of Turkic speaking people in Tomsk Governorate as an example. The study is novel because it uses Tomsk Region State Archive materials for the first time ever and includes broader period allowing one to reveal mechanisms and factors of indigenous society's modernization in Siberia.

The article presents progressive removal of Turkic peoples' "special rights" for the "lands they do possess" and abolition of self-governing authorities, which were given to them by "Statute of Non-Slavs' governing" (1822). It is claimed, that in the beginning land reform influenced "sedentared non-Slavs" only, which provoked their strict antagonism and thus delayed the land reform.

* The article was prepared within the framework of the state assignment "The Turkic-Mongolian World of the Great Altai: Unity and Diversity in History and Modernity" of the Altai State University (project number – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

In condition of ongoing agricultural reforms of sedentary non-Slavs, the issue of changing norms of land use for the most populous category of Siberian non-Slavs – “nomadic non-Slavs” – rises in the second half of nineteenth century.

Land issue of the European part of Russia could be solved at the cost of the partial land withdrawal from aboriginal peoples and old inhabitants of Siberia. The law basis for the reform in Siberian governorates was created in the end of nineteenth century. In the beginning of twentieth century, the large-scale land and administrative reform was conducted under the pressure of P.A. Stolypin without cancelling the “Statute of Non-Slavs governing”. The reform resulted in forced transition of nomadic non-Slavs into “sedentary non-Slavs” along with imposition of norms of 15 desyatin (approx. 40 acres) of land and abolition of their governing authorities. The non-Slavs were ascribed to the peasant districts. As the result, the Imperial authorities’ prestige declined strongly among Turkic peoples creating the conditions for politization of indigenous society.

Keywords: Tomsk Governorate, Turkic speaking peoples, land and administrative reform

About the author: Lyudmila I. Sherstova – Dr. Sci. (History), Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Sherstova58@mail.ru

К ВОПРОСУ БАШКИРСКОГО ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

И.Г. Гиниятов

*Независимый исследователь
Москва, Российская Федерация*

Целью работы является изучение вопроса о существовании коллективного вотчинного землевладения у башкир. Основой источниковой базы статьи послужили летописи, законодательные акты XVI–XVII веков, родословные (шеджере) и другие источники. В работе анализируется и значительный пласт историографических источников, работы Р.Г. Кузеева, А.И. Акманова, А.З. Асфандиярова, Б.А. Азнабаева и других исследователей. В результате исследования было установлено, что башкирское вотчинное землевладение было зависимо от государственной монопольной собственности, и не являлось исключительной прерогативой этнических башкир, а носило сословный характер и было открыто для представителей других этнических групп региона.

Ключевые слова: башкиры-вотчинники, татары-мишаре, ясные татары, тептяре, землевладение, Приуралье, Башкирия

Многие башкирские исследователи в своих работах утверждают о существовании башкирского вотчинного землевладения. Причём именно башкирского, и на всей территории некоего исторического Башкортостана. О существовании некоей башкирской государственности, вообще, мало что понятно, а вот с тем, что в крае существовало коллективное вотчинное землевладение, причём именно башкирское, мы и будем разбирать в этой нашей работе.

К написанию данной статьи послужило недавнее интервью известного и авторитетного уфимского исследователя М.И. Роднова, в котором он утверждал, что не было никакого коллективного башкирского вотчинного землевладения.

Прежде всего, несколько общих слов о возможном существовании в крае коллективного вотчинного землевладения.

Никоновская летопись отмечала: «А сам государь послал всем улусам черным людям ясачным жалованные грамоты... чтобы шли к государю, не боясь ничего, а **кто лиха чинил** (здесь и далее выделения, подчёркивания текста мои – И.Г.), тем Бог мстил, а их государь пожалует, и они бы ясаки платили, яко же

и прежним казанским царям»¹. А где здесь хоть полслова о башкирах? Выходит, что по взятию Казани царь с этими посланиями своими, с приглашениями приёма под свою длань обратился не собственно к башкирам, а, в общем, к населению края, причём, прежде бывшему под властью Казанского ханства. Говорить о сугубо башкирской стерильности этого края, это всё же более чем нонсенс, как и о том, что по тем временам уже существовали, сугубо консолидированные, сложившиеся этносы, и в частности, или в особенности башкирский. Не вдаваясь в последнее, заметим только, что такой авторитет башкирской исторической науки как Р.Г. Кузеев указывал, что башкиры вплоть даже «до Октябрьской революции не относились к народностям с высоким уровнем консолидации»². Так кто же был изначальным актором этого процесса присоединения народов края к Московии, кроме как не сама она.

Помимо того, что это именно сами башкиры, которые вполне растянуто по времени, шаг за шагом присоединялись отдельными родами, племенами и даже селами, сами явились актором этого вхождения в Московию, и более того пишут, что тем самым именно башкиры совместно с русским народом дали начало Российской империи. Обойдёмся всё же здесь без ссылок на таковые упражнения. Обратимся же и к другому важному документу, т.е. к статье 43 главы XVI Соборного Уложения 1649 г., которую, правда, только выборочно башкирские гуманитарии часто приводят как бы в подтверждение вотчинного права башкир на землю: «А в городах у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у чуваша, и у черемисы, и у вотяков, и у **башкирцев** бояром (наверно, боярам. – сост.), околничим, и думным людям, и стольникам, и стряпчим и дворяном московским и из городов дворяном (дворянам) и детям боярским и всяких чинов русским людям поместным всяких (всяким) земель не покупать и не менять и в заклад, и сдачею и в наем на многие годы не мешать. А будет которые московские и из городов дворяне и дети боярские, и всяких чинов люди угнуть в городах у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясачных людей земли иметь, сдачею или покупать, или в заклад или в наем на многие лета иметь или менять: и у тех всяких чинов людей те татарские поместные и ясачные земли иметь на осударя; да им же за то от Государя быть в опале»³.

И здесь ведь нет обособленности, привилегированности по отношению к землепользованию в крае только башкир, которые в приведенном списке стоят последними. Эта очерёдность оказалось очень удобной, для вырывания из со-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 13: 1-я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. С. 221.

² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. 2-е изд., доп. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, Наука, 2010. 560 с.: ил. С. 98.

³ Законы российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Сборник документов и материалов. / Сост. Гумеров Ф.Х. Уфа: Китап, 1999. С. 11.

держания документа только текста начиная со слов «**у башкирцев**», и к тому же опуская повторное перечисление, в котором собственно башкиры явно вообще не указаны. Вместе с тем, помимо всего прочего, нет в содержании этих документов никаких слов о коллективном вотчинном землевладении.

Чтобы очертить выше сказанное, отметим, что, вообще, нет в природе никаких источников, документов, законов, объявляющих наличие коллективного вотчинного землевладения на всей территории Российской империи, начиная уже со времён Московии. Однако надо и оговориться, что в статистических документах учета населения Российской империи, применительно к низовому населению, и в частности к башкирам, наличествовали и такие определения и слова: «вотчинники, вотчинные земли, имеют собственную землю», но всё это не имело ничего общего с реальным вотчинным землевладением. Надо также отметить про эти документы, что они имели более сословный характер, нежели этнический⁴. И да, а как же ещё надо было называть, определять, отличать от иных насельников края изначально жалованных по присоединению к Московии **на пользование землями**? Т.е., пожалуй, и даже вернее, что такое, всё же было условным, обиходным, нежели реальным по содержанию.

Известный башкирский историк Б.А. Азнабаев утверждает: «**Вотчинное право башкирского населения было главным препятствием на пути широкой крестьянской колонизации Уфимского уезда**. В процессе принятия российского подданства посольства башкир добились земельных прав практически на всю территорию бывшего ногайского наместничества (? – И.Г.). Границы башкирских волостей сомкнулись, не оставив пространства даже для казенных нужд (? – И.Г.). В донесении И.К. Кирилова от 13 января 1735 года в этой связи говорится «вышеписанные башкирцы до российского подданства разделились по родам, что **сначала российского владения была названо волостями**, так же и земли и угодья были между родами разделены... и тако никакой земли и угодий нет кои были бы не разделены, кои бы свободно лежали»⁵. Очень интересное заявление уже в первых словах этой выдержки. Не останавливаясь здесь и сейчас на этом, заметим, что как раз же особенности башкирского землепользования в крае обусловили и большую массовую активность, и особенности крестьянской колонизации края. Вместе с тем, вотчинное право башкир у него уже некая заданность.

⁴ См. например: Навеки с Россией. Сборник документов и материалов: в 2 ч. Ч. 1. Уфа: Китап, 2007. С. 261. Кроме 74 каракалпаков всё население Оренбургской губернии по VIII ревизии 1834 года указаны в сословных категориях. Сомнительно при этом, что 350 438 башкир, плюс 3 555 таковых, приписанных к Уральскому войску, учтены сугубо по этничности.

⁵ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.в.) / Изд-е Башкирского ун-та. Уфа, 2005. 200 с.

В другой своей работе Б.А. Азнабаев отмечает: «башкирские волости могли создаваться российской администрацией в новых территориальных границах для решения конкретных военных, административных или фискальных задач. В подобных ситуациях этническая гомогенность состава новой административной единицы могла учитываться властями только по большому счёту. **В новую волость, которую сами башкиры называли родом, нередко входили представители не только различных родов, но и иных этносов**»⁶. Волость по башкирским понятиям, вроде как род башкирский, а могла состоять не только из различных родов, но даже из представителей иных этносов. Т.е. получается, что собственно, сама волость – это даже более постоянный конструкт, нежели его содержание, а, в общем-то, и трактовки этого как башкирский род.

Чтобы очертить и этот абзац, приведем мнение зарубежного исследователя: «власти поделили мусульманское население на тех, кто поселился на территории Уфимской провинции сразу после взятия Казани, и на позднейших переселенцев. Первые – вотчинники – являлись собственниками здешних земель, платили ясак и стали считаться «башкирами». Вторые (за исключением «служилых татар», поселившихся вокруг русских крепостей) получили наименование «припущенников» и должны были платить вотчинникам натуральный или денежный оброк за аренду земли»⁷.

Вот и зарубежный исследователь пишет о неких вотчинниках – собственниках земель, правда тоже с интересной оговоркой, что эти, в общем-то, никак не определённые им в этническом плане, кроме как в конфессиональном значении, вотчинники, стали считаться «башкирами».

Итак, наличествовало ли в крае коллективное вотчинное землевладение, причём объявляемое непременно башкирским?

Сразу же оговоримся. Не станем разбрасываться здесь по многим публикациям, а попробуем, прежде всего, обратиться с этим вопросом к монографии А.И. Акманова «Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в.»⁸. Уже по названию сего труда, вроде, куда же более. Хотя заметим, это не исключает возможного

⁶ Азнабаев Б.А. Условные черты вотчинного землевладения башкирского населения в XVI – первой трети XVIII вв. // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX вв.: Пороги безопасности. Сб. статей. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2008. С. 142.

⁷ Ле Торривеллек К. Пространство, время и идентичности Башкортостана // Обретая себя: проблемы идентичности тюркского населения Урало-Поволжья на страницах зарубежных исследований / Центр этнологического мониторинга Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; авторизованные пер. с англ. и франц.; сост. к.и.н. И.В. Кучумов; под ред. к.и.н. И.М. Габдрафикова. Казань: Мастер Лайн, 2006. 132 с. С. 17.

⁸ Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа: Китап, 2007. 360 с.

нами некоторого обращения здесь и к иным материалам на эту тему, в коих хотелось бы особо отметить очень интересные работы Д.Б. Рамазановой и У.Х. Рахматуллина, не особо почитаемых башкирскими гуманитариями.

Приведём здесь в дополнение к словам зарубежного автора несколько слов У.Х. Рахматуллина, озвученные Дарией Рамазановой: «Татары, чуваш и мари, населяющие северную и западную часть Уфимского уезда, в XVII веке стали называться башкирами»⁹.

Прежде всего, для того, чтобы «играть на одном поле», и даже на поле А.И. Акманова, надо привести его определения и, в общем, за вотчинное землевладение, и, скажем так, за отличия, особенности башкирского вотчинного землевладения. Он пишет: «Вотчинное право на землю – это право владеть, **пользоваться**, распоряжаться и передавать по наследству земельные владения. Оно закреплялось в виде соответствующих жалованных грамот и указов царского правительства»¹⁰. «Забыл» наверное, всё же наш автор отметить, что в России по самому определению, вотчина была одной из форм феодальной земельной собственности, а не простых земледельцев или сообществ скотоводов, и даже не простых монахов в церковном вотчинном землевладении.

А теперь о трактуемых им особенностях башкирского вотчинного землевладения: «Следует отметить специфику башкирского вотчинного права – отсутствие частной собственности и **господство общинных форм владения и пользования землей**. Юридическим собственником являлись не отдельные лица, а община в виде рода или племени (Так разве, как подсказывает Б.А. Азнабаев со слов И.К. Кирилова, не **волости**? – И.Г.). Каждый член башкирской общины имел равное право на владение землей. Другой особенностью башкирского землевладения было то, что вотчинным правом они пользовались на территории лишь своей общины (рода или племени). Жители последних проживали в пределах родоплеменных угодий (Опять мимо установленного определения такового, как **волости** – И.Г.). Однако при экстремальных ситуациях, возникших в результате военных действий или неблагоприятных природных явлений, жители башкирской общины могли оказаться на сопредельных землях, на территории других общин. Однако на территории чужой общины они уже не имели вотчинного права на землю. На новой территории они могли жить и пользоваться землями лишь по разрешению вотчинников данной общины, становились припущенниками – арендаторами. Заметной особенностью башкирского землевладения являлся формальный характер равенства вотчинников относительно земли. Официально последние имели одинаковые права, фактическое же владение и пользование ими землей общины было неравным. Главы общины (рода или племени) – бии и старосты, отвечавшие за несение общинниками налогов и повинностей в пользу

⁹ Рамазанова Д.Б. Там, где течёт река Ик... // Идель. 1993. № 9–10. С. 67.

¹⁰ Акманов А.И. Указ. соч. С. 82.

Русского государства, фактически распоряжались землей общины. Они распределяли пастбища и другие угодья между общинниками. Тарханы, составляющие значительную часть башкирских феодалов, на основе грамот владели и пользовались землями общины по своему усмотрению. В руках феодалов – биев, старост, тарханов находилось фактически право решения вопроса пользования землями общины чужеродцами, т.е. башкирами из других общин или переселенцами из центральных регионов»¹¹.

Получается, что вся специфика башкирского землевладения заключалась только в праве пользования землей, да, коллективного, и жалуемой на пользование царём, и далее, в общем, царскими властями, и изначально на основе жалованных грамот, но и то, ведь не всем. И надо заметить, это же было только до поры времени. С того утверждаемого эпохального начала присоединения башкирских родов и племён к Московии после взятия ею Казанского ханства, русское государство пребывало в череде премоногих войн, и ей было просто не до башкир, т.е. правильнее до всего края, население которого согласилось принять подданство.

Примечательны к этому последнему, мысли В.Н. Витевского из работы «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.», озвученные уже У.Х. Рахматуллиным, что Башкирия до прибытия сюда Оренбургской экспедиции как бы не являлась еще составной частью Российского государства, а представляла непокорный «дикий» край¹². Зато раздачей жалованных грамот на пользование землей Московия решала, по крайней мере, две важные для себя задачи. Во-первых, тех «кто лиха чинил» ранее, несколько успокоить, осуществить некоторое, что почти по современному, если и не «принуждение к миру», то настоятельное и строгое приглашение к этому. Во-вторых, жалую означенному населению, объявляемому с этих времён практически всех башкирами, на пользование земли, включая и земли ушедших ногайских татар, объявить их некоторыми хозяевами земель края, чтобы иным из южных и восточных соседей неповадно было претендовать на них, и естественно вторгаться. В-третьих, как пишут, эти жалобы на землепользование особо щедро были отпущены башкирским родам и племенам. Поскольку, именно от родов и племен постепенно откликнулись на вхождение в русское государство и потянулись просители на землепользование в этом государстве, и, как выясняется, и у государства самого были свои интересы на это. И надо заметить, что именно это явилось очень важным шагом в консолидации башкирского народа в некое единое целое, и уже даже коллективным актором в противодействии иным кочевникам с Юга и с Востока тоже.

¹¹ Акманов А.И. Указ. соч. С. 82.

¹² Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 4 с.

Итак, у нас два вопроса. Куда девались эти самые жалованные грамоты, такие важные документы? Пишут, что только мизерное число списков их сохранилось. В устные, безписьменные сказания, в шеджере они перекочевали? Если по родословию эти шеджере вполне могут быть информативными источниками, то по землепользованию, это уже никак не может быть источником, чему свидетельство те же многочисленные земельные споры в крае, как между башкирами и припущенниками, так и меж самими башкирами. Ну, и по шеджере тоже вопрос, но уже А.И. Акманову. Если, например по шеджере юрматинцев они выпросили у царя батюшки: «Земли, оставшиеся от бежавших ногайцев, низайше попросив, взяли себе». То наш автор ничтоже сумняше объявляет: «Важным шагом правительства Ивана IV было возвращение башкирам их земель, захваченных ранее ногайцами»¹³. Откуда это у автора, чем навеяно странное это его заявление? Заметим здесь, и то, что этот наш автор, и текст статьи 43 главы XVI Соборного Уложения 1649 г. начинается только со слов «у башкирцев», и тоже опускает повторное перечисление в этом документе, в котором собственно башкиры явно вообще не указаны¹⁴. Однако оставим пёрлы и ловкости этого автора, их и у него, как и у многих башкирских гуманитариев не мало, и всё же обратимся к его доказательствам коллективного башкирского **вотчинного** землевладения.

Доказательства эти он начинает уже в обширнейшем Введении к своему труду¹⁵. И в качестве изначальных доказателей башкирского вотчинного землевладения, он обращается к: «Первый исследователь края П.И. Рычков в работе «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии» дал краткий обзор политической и социально-экономической истории Башкирии в XVI–XVIII вв. Касаясь условий присоединения башкир к Русскому государству, он отмечает, что «...башкирцы... в российское подданство пришли и за то им не токмо те земли, где они прежде подданства своего... жили, а именно за Камою рекою и около Белой Воложки (коя после Белою рекою названа), им, башкирцам, подтверждены, но и сверх того многими местами и разными выгодами пожалованы»¹⁶.

Где здесь про собственно башкирское вотчинное землевладение, именно вотчинное владение? Да, прописано, что прежние земли их жития подтверждены им, башкирам и сверх того многие места им пожалованы, но нисколько не сказано на каких условиях. Кто всё же актер этого? Приведем полнее этот текст из работы Петра Ивановича Рычкова:

«В бытность при Оренбургской экспедиции командиром статского советника Кирилова, один из знатнейших башкирских старшин Алдар (о коем ниже

¹³ Акманов А.И. Указ. соч. С. 81.

¹⁴ Там же. С. 83.

¹⁵ Там же. С. 3–70.

¹⁶ Там же. С. 6–7.

упомянется) объявил, якобы башкирский народ исстари был одним с ногайцами и жил около сибирских границ, где они от сибирских ханов великие разорения претерпевать были принуждены и оттого, наконец, из тех мест, под предводительством одного своего хана именем Тюрея удалились и пришли в рассеяние, так что некоторые за Яик, а другие за Волгу в степи перешед, там жилища свои основали. Нынешние ж башкирцы, еще будучи под именем ногайцев, енноясь от прочих, возымели намерение в прежних своих местах остаться, но за то от своих владельцев совсем были разграблены и разорены, и пропитание свое имели с крайнею нуждою от ловли зверей и рыбы, и тогда якобы от удалившихся от них ногайцев ругательным именем «башкурт», то есть «главный волк», или «вор», именованы. В таком бедном состоянии достались они сперва казанским и сибирским ханам, которые их еще в большее разорение привели и несносными податями обложили (Оговоримся, что нет доказательств, что башкирам очень худо пришлось в Казанском ханстве, а есть прямо противоположные этому свидетельства – И.Г.) Как царь Иван Васильевич в лето 7061 (1553) Казанское царство взял и оным совершенно овладел, то спустя года с три, оные башкирцы, видя с казанскими татарами добропорядочные поступки и не возмогши более терпеть чиненных им от сибирских ханов и от кайсак утеснений, в российское подданство пришли и за то им не токмо те земли, где они прежде подданства своего, будучи еще в малолюдстве и в крайнем убожестве, жили, а именно: за Камою рекою и около Белой Воложки (коя после Белою рекою названа), им, башкирцам, подтверждены, но и сверх того многими местами и разными выгодами пожалованы.

В предупомянутом об Оренбургской комиссии известии, в примечании на 145 параграф, по сказке Ногайской дороги башкирского старшины Кидряся Муллакаева, еще до башкирцев же принадлежащие обстоятельства показаны. И хотя находятся в них несколько побольше изъяснения, однако ж основание их вышеписанному сходственно, то здесь для сокращения оные не внесены. Сие токмо объявляется, что (по сказке его, Кидрясовой) зауральские башкирцы находились под властию сибирского хана; бельскими, то есть по рекам Белой и Ику жившими, владели ханы казанские, а горские принадлежали ногайским ханам. Но наконец один салтан от поколения тутошних старинных ханов, именем Акназар, усилившись, не только всех башкирцев и ногайцев, но и в Великой Татарии разные народы покорил. Усмотря ж их непостоянство и разные от башкирцев бывшие воровства, всячески их изнурял и в бессилие их приводил. Ибо на три двора по одному токмо котлу для варения им пищи допущал и как скот и пожитки, так и детей их, к себе отбирал и землями владеть, тако ж и чрез реку Белую переходить, их не допущал. А кои звероловством промышляли, те за то принуждены были давать ему ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице, от чего наконец пришли они в самое крайнее истощение и убожество.

По принятии башкирцев в подданство российское, обложены они были также ясаком, однако, гораздо меньше и с лучшим учреждением, и то не с каждого человека, но с дворового числа, деньгами, по тогдашней цене означенных вещей, который ясак сперва отвозили они в Казань, куда, за неимением у них довольно числа лошадей, и что проезжих дорог тогда еще не было, ходили они на лыжах, отчего они по тогдашней своей бедности немалую трудность несли. Им же в Казани, в рассуждении убожества их, даваема была из казны соль пермянка (ибо они илецкой соли еще тогда не имели, и ездить по оную на Заяицкую степь опасались и были не в состоянии), но потом сия выдача соли отрешена, чего ради по 1754 год вместо оной зачиталось у них в тот ясак деньгами по некоторому числу.

Такая бедность башкирского народа и бывшие на них от сибирских ханов и киргиз-кайсаков нападения, как выше означено, в скором времени принудили их просить, чтоб для платежа им ясака и для защищения их от неприятельских нападений, внутри жилищ их построен был город; почему и построен город Уфа, и учреждены тут дворяне и служивые люди из переведенцев разных городов; однако ж многие башкирцы и в самое то время, когда город Уфа строился, для опасности от помянутых своих неприятелей, принуждены были при самом том городе, особливо ж зимою, в землянках жить, а в летнее время не далее десяти верст от города кочевать. И когда поселенным тут служивым людям под пашни и всякие угодыя из ближайших к городу земель отвеенно вокруг города на пятнадцать верст, то с того времени хотя и начали они, башкирцы, от города отлучаться, однако, большею частию от городской окружности неподалеку находились; и во время бывших на них неприятельских нападений всегда к городу прибежище свое имели и поселенными тут людьми защищаемы были. Из таких неприятельских на них нападений знатнейший приступ был под оный город сибирских царевичей Аблая и Тевкея, с которыми высланные из Уфы служивые люди за Уфою рекою, от города верстах в пятнадцати, имели жестокий бой, где с обеих сторон многое число побито, а наконец сибирские татары были разбиты; царевичей же атаковали в одном лесу (который доднесь называется Аблаевым), где они десять дней в осаде сидели, а потом взяты в плен и отвезены были в Москву. За оную службу уфимцы жалованы были золотыми деньгами, и что кому дано, в особую книгу записано, которая книга поныне в Уфимской провинциальной канцелярии имеется и называется Золотою. С того времени Уфимский уезд, или паче вся Башкирь, разделена на четыре дороги, именованные по сему: к Сибири лежащая сторона названа Сибирская дорога, к Казани Казанская, к пригороду Осе (кой построен на Каме реке) Осинская, а к степным народам прозвана Ногайскою, которые именованья в рассуждении всей Башкирии и поныне наблюдаются.

Может быть, что по принятии в подданство башкирцев, яко от бес сильного и весьма изнуренного народа, противностей не надеялись, и потому к содержанию их в подданстве более посторонния города Уфы, и определе-

ния тут некоторого числа служилых людей, никаких других учреждений было не учинено, но они, яко от природы непостоянный народ, получа довольство во всем от многих пожалованных им угодий и набрав в сожитие к себе многих беглых иноверцев магометан и идолопоклонников (то есть чуваш, черемис и им подобных), в коротком времени так усилились и в такую вольность пришли, что многие прoderзости чинить отважились, а, наконец, явным уже образом бунтовали, с таким намерением, чтоб им, отрешившись от подданства российского, восстановить особое владение»¹⁷.

Оговоримся, что и здесь так подробно было изложено представленное, непременно с той же целью, чтобы ничего не пропустить. Прежде отметим, что за последнее в этой выдержке написано множество свидетельств российских историков. Пропустим здесь эти свидетельства, но всё же, заметим, что далее, уже сразу же после того присоединения в крае наблюдался бурно нарастающий демографический взрыв этого «бессильного и весьма изнуренного народа». Про «башкирский демографический взрыв», по данным ревизий и переписей, писали многие именитые авторы. Например, А.З. Асфандияров писал: «Несмотря на человеческие жертвы в походах и войнах, в первой половине XIX в. в башкирском обществе наблюдается демографический взрыв»¹⁸. Добавим, что ведь этот демографический взрыв и ранее происходил и далее во второй половине XIX века только нарастал, и, причём ещё даже более значительно.

Возникает резонный вопрос, откуда же такой большой прирост численности башкир, причём так бурно нарастающий? И это ведь у народа, который ко всему прочему, отмеченному Асфандияровым, ещё, и очень тяжело менял свой хозяйственный уклад. Многие современники тех времен отмечали факт полнейшего хозяйственного упадка в жизни башкирского народа, и в особенности к концу XIX века. В то время Глеб Успенский даже писал в своем очерке «От Оренбурга до Уфы»: «Пропадет башкир, пропадет! Беспременно пропадет этот самый башкир!». К слову заметим, что очерки эти были опубликованы в июле-октябре 1889 года, т.е. всего лишь за восемь лет до переписи 1897 года. Переписи, результатами которой до сих пор пытаются объявлять высокую по тем временам численность этнических башкир, и даже применительно к Уфимской губернии.

А.И. Акманов делает многозначительные выводы: «Как видно, П.И. Рычков земельную политику правительства в крае правильно связывает с добровольным присоединением и делает вывод о том, что башкиры являлись вотчинниками, а остальные народы являлись переселенцами, не имели своих зе-

¹⁷ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. С. 51–52.

¹⁸ Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. С. 186.

мель и жили на башкирских землях»¹⁹. Кроме как про переселенцев, что откуда следует в этом изречении совершенно не понятно? Заметим, что и не все переселенцы жили на собственно «башкирских» землях, а иные были даже в том же статусе этих «башкир-вотчинников», причём и по жалованным грамотам царских властей тоже. В общем же, не преминём констатировать, что ни о каком реальном коллективном вотчинном башкирском землевладении П.И. Рычков не писал. Хотя, да, и оговаривался он: «По состоянию башкирского народа, который ни что столь много не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли, и отхожие, то есть лесные угодья, а наипаче пчельные бортевые промыслы.»²⁰. Так какой же народ не уважает и не бережёт земли своего жития и хозяйствования? Рычков добавлял к означенному, что при первом заведении горных заводов, необходимы были великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умеренность с башкирцами, дабы от них, по их дикости и легкомыслию, от новости на землях их таких заводов затруднений не было, и вновь бы беспокойства не отпрыгнуло²¹. И вновь вопрос, но без соответствующего знака, как часто царские власти прибегали к таким умиротворениям башкир. И да, попросим обратить внимание, и тоже записать на ум, что наличие башкирского вотчинного землевладения, здесь А.И. Акмановым, и, в общем, иными тоже, **сугубо увязывается с их добровольным присоединением Иваном IV к Московии**. А так ли всё это, все ли башкиры добровольно присоединялись?

Также отметим про трактуемые условия только при выполнении, которых башкиры якобы согласились на «добровольное» их присоединение к Московии: «Исключительно важным является вопрос об условиях, на которых башкиры вошли в состав России. **Источники** свидетельствуют, что правительство Ивана IV прежде всего гарантировало башкирам нормальную, спокойную жизнь, защиту как от притязаний их бывших властителей, так и вторжений соседних народов. Во-вторых, правительство пошло на серьезную уступку башкирам по земельному вопросу. Оно не только сохранило за ними все занимаемые ими земли, но и **признало за башкирами вотчинное право на землю**. В-третьих, правительство обещало не трогать религию башкир, насильственно не переводить их в другую веру. В-четвертых, правительство обязалось не вмешиваться во внутреннюю жизнь башкирского населения. Власть на местах была оставлена в руках башкирских биев и князей. Итак, Русское государство пошло на существенные уступки башкирам. Они получили широкую автономию»²². Как уже было отмечено выше, ведь и было то это только до поры времени, когда было не до башкир, и, в общем-то, и в це-

¹⁹ Акманов А.И. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Рычков П.И. Указ. соч. С. 279.

²¹ Там же. С. 280.

²² Акманов А.И. Указ. соч. С. 73.

лом к краю, да, и не совсем так. Тем не менее, и именитый юрист Башкортостана З.И. Еникеев, как, бы уточняя и строго по пунктам, про эти условия пишет: «Принятие подданства сопровождалось принятием «условий» вхождения, которые включали в себя обязанности сторон, которым корреспондировали права противоположной стороны. Условия вхождения находили отражение в **царских жалованных грамотах и иных документах**. В целом, следует выделить следующие условия вхождения: 1) автономность башкир; 2) **вотчинное право башкир на землю**; 3) свобода вероисповедания и сохранение обычаев и обрядов; 4) уплата башкирами четко определенного ясака; 5) охрана башкирами восточной границы России и несение ими военной службы» Именно эти условия вхождения являются основным аргументом сторонников концепции добровольного вхождения, поскольку очевидно, что завоеванному народу нет необходимости сохранять перечисленные права. Наличие перечисленных условий позволяет также констатировать договорную основу процесса²³. Так ли всё это было отражено на самом деле во всех тех **источниках, жалованных грамотах и некоторых иных документах** того эпохального процесса, и могли ли ставить условия сами башкиры доподлинно, в общем-то, не очень известно. З.И. Еникеев же ничего на этот счёт не приводит. Вместе с тем, приведённые П.И. Рычковым характеристики состояния башкирского народа, пред тем их присоединением к Московии вызывают категорические сомнения, что они могли ставить какие-либо условия.

Как можно утверждать, что отношения между московским государством и башкирским народом строились на договорных началах, закреплённых в жалованных грамотах, которые не сохранились. Но попробуем отыскать источники А.И. Акманова, по которым он утверждает наличие вотчинного землевладения именно башкир. Но прежде ещё об одном заявлении автора З.И. Еникеева, о расхождении правовых взглядов башкир и русских властей в отношении собственности на землю. Он пишет: «Русское правительство в полном соответствии с правовыми воззрениями восточного государства считало себя верховным собственником всех башкирских земель. Башкиры же никогда не признавали данного права и считали, что единственным собственником является конкретное родоплеменное образование. (Какая родоплеменная конкретика, а почему, не утверждаемая самими же башкирским гуманитариями, волость? – И.Г.). Данное противоречие в правовых взглядах выражалось и в том, что официально русское правительство считало, что оно землю «жалует», а башкиры, со своей стороны, просто подтверждали таким образом

²³ Еникеев З.И. Образование автономной Республики Башкортостан: историко-правовые предпосылки // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.): в 2-х тт. / под ред. проф. А.С. Смыкалина. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. Т. 1. С. 644.

своё право на землю»²⁴. Вот как, оказывается, не только на определённых, и своих условиях башкиры присоединялись в русскому государству, так и далее у них были свои условия бытия, жития в государстве, противоположные правовым воззрениям властей этого государства.

Однако далее. А.И. Акманов продолжает своё доказательство башкирского вотчинного землевладения: «Вслед за П.И. Рычковым многие историки XIX в., в частности, И. Жуковский, И. Дебу, Н. Попов, неизвестный автор под псевдонимом «А. В. Д.» считали, что русское правительство пожаловало башкирам их земли на основе вотчинного права, **хотя четко не выражали своего мнения относительно существования права верховной собственности на землю**»²⁵. В упомянутой нашим автором работе И.В. Жуковского нашлись лишь слова: «1956. Башкирцы, обитавшие по рекам Каме и Ику, добровольно приходят в подданство России, и обложены ясаком», и упоминаются ещё некие вотчины сибирских башкир, кои вроде как не были отмечены в добровольном присоединении к Русскому государству. И всё, и более ничего. На указанной же Акмановым странице №116 работы Нила Попова не нашлось, вообще, ни словечка про башкирское землевладение. Оставим всё же это на поиски иным, включая работы И.Л. Дебу и некоего «А. В. Д.», и обратим внимание на последние строки речения Акманова. Похоже, наш автор в этом просто запутался в своих собственных словах, поскольку далее он пишет: «Большинство исследователей XIX в.п, что верховным собственником всех земель в Русском государстве, в т.ч. земельных владений инородцев, являлся русский царь. Видный историк колонизации Среднего Поволжья и Приуралья Н.А. Фирсов отмечает, что «...государь почитал себя полным собственником земель Казанских, Астраханских, Ногайских, Пермских и всех Сибирских. Это видно из того, что Московская власть давала земли на этом пространстве кому хотела и на условиях, какие признавала нужными, не спрашивая на то согласия прежних обладателей». Поэтому, по его мнению, после присоединения к России прежние владельцы земель сами должны были добиваться «утверждения верховной власти в праве владения землей, которая дотоле была их собственностью». Тем не менее, не без основания он подчеркивает широкие поземельные права башкир в составе Русского государства: «Действительно, ни один из народов Русского государства не был в материальном отношении так обеспечен в Московскую эпоху как башкирцы, которые владели обширным краем, наделенным разнообразными природными дарами; и никто из вечных данников Великих государей не пользовался такими льготами как этот народ...». Итак, Н.А. Фирсов, признавая по существу вотчинное право башкир на землю, не называет их вотчинниками»²⁶. Вновь,

²⁴ Еникеев З.И. Указ. соч. С. 645.

²⁵ Акманов А.И. Указ. соч. С. 7.

²⁶ Там же. С. 8.

вот ведь как. З.И. Еникеев усмотрел, что башкиры считали сами себя полновластными хозяевами земель жалованных русской властью, и Акманов пишет, что Фирсов разными руками озвучивал свои слова. И да попросим заметить, что в последней из приведённых выдержек из работ Н.А. Фирсова, он писал про Московскую эпоху, по временам которой Русскому государству было не до башкир и им жалованных земель, и которая как раз к временам Оренбургской экспедиции начала XVIII и закончилась.

Продолжая далее А.И. Акманов пишет: «Анонимный автор исследования о башкирском землевладении на территории Осинской дороги, краевед Р.Г. Игнатъев, А. Васильчиков, написавший солидную работу о землевладении и земледелии в России, крупнейший историк С.М. Соловьев считали башкир вотчинниками. Первый из них подчеркивал, что это право было закреплено грамотами царя Ивана IV и правительственными указами в последующее время, а второй считал, что Иван Грозный пожаловал грамоту для башкир, где гарантировалась охрана их земельных прав»²⁷. Из упомянутых четырех авторов, первый и второй выясняется, это как раз анонимный автор и краевед Р.Г. Игнатъев. Дабы особо не перегружать здешнюю свою заметку ссылками и выдержками, отметим только, да тот аноним писал: «башкиры вступили добровольно в русское подданство, с условием, что они, по прежнему, должны оставаться полными владельцами земель», и согласимся с тем Акманова, что Игнатъев считал: «Иван Грозный пожаловал грамоту для башкир, где гарантировалась охрана их земельных прав»²⁸. Так ведь всё это и более того было озвучено уже словами Никоновской летописи, приведёнными выше, хотя и без уточнения этого только для башкир.

Остановимся поподробнее на работе А. Васильчикова. Тем более он явно писал о наличии башкир–вотчинников, и их вотчинных землях, и, причём даже уже к концу XIX века. Он констатировал, что к этим временам, эти самые **«вотчинные башкирцы владеют ныне не более 1/3 прежних своих земель»**²⁹. Вместе с тем, часто же пишут, что в башкирах совпали понятия этноса и сословия, и пишут, что в Российской империи не было просто башкира, а был башкир–вотчинник, хозяин, землевладелец. Особо примечательны за это слова А.М. Юлдашбаева: «Они свою принадлежность к башкирам определяли, не исходя из того, какие звуки преобладают в их речи, и даже не кровнородственными отношениями между родами. Их отношения определялись, прежде всего, правом на землю, на среду обитания. И это не частный, а стержневой вопрос тогдашней жизни. И этот вопрос оставался для башкир

²⁷ Акманов А.И. Указ. соч. С. 8.

²⁸ Там же.

²⁹ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. СПб., 1876. С. 971.

стержневым вплоть до Октябрьской революции»³⁰. Что же, к этим временам башкирцы уменьшились в численности на 2/3? По выше отмеченным обстоятельствам жизни башкир и полного упадка их хозяйственной деятельности сиё нам неизвестно, но некая общесписочная их численность, как тоже было отмечено, взрывоподобно возрастала. По переписи 1897 года, общая численность башкир, т.е. население указавшим своим родным языком башкирский составила более 1 300 тыс. человек.

Далее Васильчиков писал о вотчинных башкирцах и об их землях следующее: «Часть земель принадлежит им по древнему праву заимки, и эти земли **называются** вотчинными, а владельцы их вотчинниками»³¹. Разбираться с понятием **заимка** предоставим другим, а здесь обратим внимание, только на слово **называются**. Автор указывал, что и оставшиеся в их пользовании земли были для них избытком, при совершенной неспособности этих кочевых инородцев к земледелию³². И к этому он добавлял: «Испробованы были и меры кротости в род поощрения сельского хозяйства, денежных премий за улучшение культуры, и меры строгости с помощью кантонных начальников из татар, выгонявших своих единоверцев по наряду на полевая работы; но ни гуманность, ни суровость не исправили башкирцев: они всё таки охотнее нанимаются в батраки и поденщики, чем возделывают свои земли, и предпочитают готовые харчи и хозяйское содержание долгосрочному обороту земледелия, требующему затраты денег и труда за целый год вперед до жатвы и молотбы»³³. И ведь А. Васильчиков констатирует плачевное состояние этих вотчинников и полный упадок их хозяйственной жизни. И описывает меры правительства по их охранению: «В новейшее время то же «чувство гуманности» (окавычено мной – И.Г.) внушило новые предположения для охранения башкирской собственности, и в 1868 году последовало положение, по коему определено: а) наделить вотчинников 45 десятинами на душу, а припущенников 15, и б) запретить не только продажу, но и отдачу в кортому всех таких надельных земель»³⁴. Ну здесь, вообще, никаких разговоров за коллективное вотчинное замлевладение не можно говорить. И вотчинники, и уже, только так называемые их припущинники, подушно наделены властями землёй на пользование в их хозяйственной деятельности. Однако есть вопрос почему, при отмеченном, тем же Васильчиковым нерадении башкир вочинников к земледелию, и совершенной неспособности этих кочевых инородцев к земледелию, они были наделены большими долями земли?

³⁰ Юлдашбаев А.М. Кому нужен «татаро-башкирский вопрос?». Уфа: Принт+, 2005. С. 19.

³¹ Васильчиков А. Указ. соч. С. 271.

³² Там же.

³³ Там же. С. 971–972.

³⁴ Там же.

Так ведь последующие слова этого автора являются сугубо прозрачным ответом на это, и как уже отмечали, почему преимущественно именно башкирцам более жаловались на пользование земли края, и почему за ними же старались сохранять, охранять в их пользовании земельную собственность. Вот они эти слова: «Как бы то ни было и какими бы ни придумали охранить Зауралье, настоящими владельцами и хозяевами этого края остаются и останутся не беспечные и тупые башкирцы, не помещики и заводчики, отсутствующие и проживающие вдали, а русские поселяне, и для колонизации великороссийского племени, так называемая Башкирия представляет все требуемые условия³⁵.

А.И. Акманов, хотя и упомянутые им авторы не в ключе его доказательств, демократично допускает другие мнения, пишет противоположное: «Некоторые авторы отрицали существование вотчинного права башкир на землю. В.А. Новиков в работе «Сборник материалов для истории уфимского дворянства» писал, что башкиры добровольно приняли русское подданство, но они не являлись вотчинниками земель. Этот вывод обосновывается им следующим образом: «А вся земля инородцев, вступивших в подданство Московского государства делалась государственной собственностью. Инородцы обращались к государям с челобитными об охранении своих прав на пожалованные им земли и угодья и получали царские грамоты и сберегательные памяти». По мнению известного казанского историка В.Н. Витевского, башкиры добровольно вошли в состав Русского государства, но тем не менее не имели вотчинного права на землю, ибо «...Московское государство не признавало за прежними владельцами инородческих земель права их собственности, а напротив сами инородцы обязывались признать за Государем право владеть и распоряжаться их землями, и в то же время должны были просить у Московских царей, как милости, утверждения за ними права на владение и пользование землею. Поэтому башкиры нередко и обращались к государям с челобитьем об охранении своих земельных прав, и в ограждение получали особые царские грамоты и «сберегательные памяти». Автор обращает внимание на то, что земельные права башкир как собственников были ограниченными: «Сами башкиры лишились права продавать свои земли другим лицам; они могли отдавать их только ...в оброк и то одним башкирцам при том не более как на два года; другим инородцам и русским переселенцам не только покупка, но и аренда башкирских земель были строго воспрещены»». Как видно, В.Н. Витевский считает, что право собственности башкир на землю было весьма условным. Но в конце своего исследования он по существу отказывается от признания права собственности и в этой форме заключает: «О праве собственности башкир на жалуюемую землю не могло быть и речи, так

³⁵ Васильчиков А. Указ. соч. С. 971–972.

как земли всех инородцев, принявших подданство России, считались собственностью Великого Государя»³⁶.

Завершает же он экскурс к мнениям дореволюционных российских историков словами: «Концепции отрицания вотчинного права башкир на землю придерживается также видный исследователь истории землевладения в Уфимской губернии Н.В. Ремезов³⁷, и там же очерчивает всё это своё словами: «Решению земельного вопроса у башкир в результате присоединения к Русскому государству значительное внимание уделено в советской историографии. Как известно, в ней существовало два подхода относительно характера вхождения башкир в состав России: одни исследователи писали о добровольном присоединении, другие – о завоевании башкир. Это уже точно отдельная тема, тем более что сам же наш автор констатирует: «Большинство советских историков придерживалось версии добровольного вхождения башкир в состав Русского государства», со всеми вытекающими с этого последствиями и ответами.

Тем не менее, остановимся на работе одного советского историка, упоминаемого самим же А.И. Акмановым: «Особняком выглядит мнение У.Х. Рахматуллина, который, признавая, что при присоединении башкир Русское государство «...согласилось, чтобы местные скотоводы оставались на занимаемых пастбищах и кочевьях и чтобы впредь они пользовались ими беспрепятственно», тем не менее делает вывод о том, что землевладение башкир было условным, т. е. отрицает их вотчинное право на землю»³⁸. Так ведь, вновь им представлена только практически вырванная из контекста, причём очень кратенькая выдержка. Вместе с тем работа Урала Хамитовича Рахматуллина весьма примечательна, сугубо информативна, и именно в ней содержится ответ, существовало ли коллективное башкирское вотчинное землевладение, т.е. ответ на его отсутствие. А.И. Акманов признает, что эта работа стоит особняком, но, увы, есть от него только то, что есть. Восполним его недоработку.

У.Х. Рахматуллин раздел «Земельные отношения в Башкирии после присоединения ее к Русскому государству» первой главы своей работы начинает с заявления, что наиболее важным результатом этого присоединения Башкирии к Российскому государству явилось то, что «территория края обрела феодального монопольного собственника в лице казны. Без каких-либо указов или грамот признавались недействительными ногайские и башкирские земельные владения в прежней их форме и на прежних основаниях»³⁹.

Далее это автор отмечал: «Будучи монопольным собственником, государство по своему усмотрению наделяло землями своих как привилегированных,

³⁶ Акманов А.И. Указ. соч. С. 9.

³⁷ Там же. С. 10.

³⁸ Там же. С. 12.

³⁹ Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С. 27.

так и феодальнозависимых подданных, расселявшихся по территории Башкирии: башкир, земледельцев небашкирского происхождения, которые постепенно переселились в Башкирию, ясачных крестьян, мелкое служилое население (стрельцы, казаки всех разрядов, солдаты, в том числе и отставные, однодворцы, ландмилиция, некоторые группы служилых татар и мишарей, служилые люди других категорий), а также немногочисленное посадское население и купцов. Кроме того, по мере надобности казна передавала часть своих владений на территории Башкирии дворянам (в том числе жалованной верхушке нерусских народов), дворцу, отдельным монастырям, верхушке духовенства, казачьего, стрелецкого и другого войска»⁴⁰. Данная цитата опровергает мнение о том, что это был регион сугубо башкирского землепользования, и даже их землевладения, где «границы башкирских волостей сомкнулись, не оставив пространства даже для казенных нужд».

Однако прежде перечисления таковых Рахматуллин констатировал: «Население страны, кроме наиболее привилегированных его слоев (бояре, князья, монастыри, дворец), могли пользоваться и владеть государственными землями только на определенных условиях. Казна не только раздавала земли в феодальное держание населению разной сословной принадлежности в соответствии с установленными для каждого из них привилегиями, но и требовала от владельцев предписанной им платы за пользование казенными угодьями и выполнения надлежащих повинностей. Превратившись в подданных царя, башкиры не стали исключением из этого порядка»⁴¹. Тогда где же асабасть, и башкирская исключительность.

Вместе с тем, вслед за А.И. Акмановым он отмечал: «Первыми получили земли во владение коренные жители края. В момент присоединения Башкирии к России государство согласилось, чтобы местные скотоводы оставались на занимаемых пастбищах и кочевьях и чтобы впредь они пользовались ими беспрепятственно. При этом немедленные, следовавшие за актом присоединения правительственные обмеры занимаемой полукочевниками территории, отмежевания владений отдельным племенам-родам и отводы земель башкирам не проводились. На протяжении многих десятилетий местные жители края пользовались и владели земельными угодьями «своих отцов и дедов»* без формальных отводов царского правительства и его учреждений. Обмеры и отмежевания имели место гораздо позже»⁴². А некоторые, как выше отмечалось, обмерили, да так, что не осталось земель даже для казенных нужд.

⁴⁰ Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С. 28.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

* Имеется пояснительная сноска: «Возможно, отсюда берет начало употребляемое в документах XVII–XVIII вв. и литературе обозначение башкирского волостного землевладения еще одним понятием: «вотчинное» – «башкирское вотчинное», «башкирская вотчина». Так или иначе, понятие «башкирская вотчина» не соответ-

По землям, обозначенных А.И. Акмановым **захваченными ранее ногайцами**, У.Х. Рахматуллин писал: «Без специальных отводов сложилось землевладение и тех башкирских племен и родов, которые сменили место жительства во второй половине XVI – начале XVII в. После ухода из пределов Южного Урала ногайских улусов некоторые башкирские племена и роды, такие, как Юрматы, Мин, Табын и другие, переселились на новые территории и заняли бывшие ногайские владения. Теперь это были земли, входившие в состав государственной собственности. Однако о закреплении этих угодий за новыми владельцами правительственные указы не обнаружены. Возможно, переселения башкир были узаконены уфимской воеводской канцелярией. Так или иначе, башкиры, занявшие бывшие ногайские земли, владели пастбищами и другими угодьями наравне с остальными башкирами»⁴³.

Исследователь отмечал: «Вместе с тем за башкирами-вотчинниками закрепились довольно широкие земельные права. Они самостоятельно решали, кому позволить поселиться на волостной земле и вести там хозяйство. Такие же права закреплялись и за теми пришлыми людьми, которые попали в ряды башкир. С другой стороны, правительство не чинило препятствия переселенцам свободно договориться с башкирами-вотчинниками об аренде земли, о поселении и ведении хозяйства в башкирских волостях»⁴⁴. Это было взаимовыгодным, причём не менее выгодным самим этим башкирам. Временами препятствия, конечно, и чинилось, но как это идёт вразрез с выше отмеченным утверждением Б.А. Азнабаева, что «вотчинное право башкирского населения было главным препятствием на пути широкой крестьянской колонизации Уфимского уезда». Вот и Рахматуллин отмечал: «В башкирских волостях заселение и хозяйственное освоение земель могло осуществляться только в форме припуска, т.е. на основе свободного договора переселенца с вотчинниками. Все это стимулировало крестьянскую, заводскую, помещичью и другие виды колонизации территории»⁴⁵.

Хотя ещё много интересного и информативного можно было бы, и надо было бы привести из работы У.Х. Рахматуллина, здесь же осталось необхо-

стует значению той формы феодального землевладения, точнее, формы феодальной монополевой собственности на землю на Руси, которая тоже обозначалась как «вотчинная» и господствовала здесь до образования единого государства и до полной победы помещичьей формы собственности на землю. Вотчинное башкирское землевладение не представляло форму феодальной монополевой собственности на землю, а являлось зависимым от государственной монополевой собственности типом феодального землевладения. Поэтому по отношению к башкирскому землевладению XVII–XVIII вв. не следует употреблять слово «собственность» (см.: Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С. 44).

⁴³ Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С. 28–29.

⁴⁴ Там же. С. 31.

⁴⁵ Там же. С. 45.

димым привести только следующие его слова: «Носивший условный характер отвод башкирам казенных земельных угодий во владение, произведенный от имени собственника, явился одним из поворотных событий в крае»⁴⁶. Добавляя к этому, его же уже озвученные нами слова: «**Такие же права закреплялись и за теми пришлыми людьми, которые попали в ряды башкир**». Непременно добавляя к этому, но уже от себя, что именно эти пришлые люди, и обусловили башкирский демографический взрыв в Российской империи. И закончить бы на этой оптимической ноте, но не получается, поскольку, эти же люди, определили ещё более взрывоподобный характер падения башкирской демографии на рубеже XIX–XX вв., и особенно катастрофично после знаменитого «Декрета о земле», отменившего сословия и сословные привилегии на землю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.) / Изд-е Башкирского ун-та. Уфа, 2005. 200 с.
2. Азнабаев Б.А. Условные черты вотчинного землевладения башкирского населения в XVI – первой трети XVIII вв. // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX вв.: Пороги безопасности. Сб. статей. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2008.
3. Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа: Китап, 2007. 360 с.
4. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
5. Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. СПб., 1876.
6. Еникеев З.И. Образование автономной Республики Башкортостан: историко-правовые предпосылки // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.): в 2-х тт. / под ред. проф. А.С. Смыкалина. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. Т. 1. С. 638–659.
7. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Сборник документов и материалов / Сост. Гумеров Ф.Х. Уфа: Китап, 1999.
8. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. 2-е изд., доп. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, Наука, 2010. 560 с.: ил.
9. Ле Торривеллек К. Пространство, время и идентичности Башкортостана // Обретая себя: проблемы идентичности тюркского населения Урало-Поволжья на страницах зарубежных исследований / Центр этнологического мониторинга Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; авторизованные пер. с англ. и франц.; сост. к.и.н. И.В. Кучумов; под ред. к.и.н. И.М. Габдрафикова. Казань: Мастер Лайн, 2006. 132 с.
10. Навеки с Россией. Сборник документов и материалов: в 2 ч. Ч.1. Уфа: Китап, 2007. 472 с.

⁴⁶ Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С. 32.

11. Полное собрание русских летописей. Т. 13: 1-я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904.
12. Рамазанова Д.Б. Там, где течёт река Ик... // Идель. 1993. № 9–10.
13. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
14. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.: ил.
15. Юлдашбаев А.М. Кому нужен «татаро-башкирский вопрос?». Уфа: Принт+, 2005. 128 с.

Сведения об авторе: Гиниятов Ирек Гаттарович – независимый исследователь (Москва, Российская Федерация). E-mail: irekgin@yandex.ru

TO THE QUESTION OF THE BASHKIR VOTCHINA LAND TENURE

Irek G. Giniyatov

*Independent researcher
Moscow, Russian Federation*

The aim of the work is to study the question of the existence of collective *votchina* land tenure among the Bashkirs. The article is based on an analysis of the chronicles, legislative acts of the sixteenth and seventeenth centuries, genealogies (*shejere*), and other sources. Also, the author analyzed numerous historiographic sources, namely the publications of R.G. Kuzeev, A.I. Akmanov, A.Z. Asfandiyarov, B.A. Aznabaev, and other researchers. It was established as a result of research that the Bashkir *votchina* land tenure depended on state monopoly property, and was not the exclusive prerogative of ethnic Bashkirs. On the contrary, this land tenure was class-based and open to members of other ethnic groups in the region.

Keywords: Bashkir *votchinniki*, Tatars-Mishars, *yasak* Tatars, Teptyars, land tenure, Cis-Ural region, Bashkiria

About the author: Irek G. Giniyatov – Independent researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: irekgin@yandex.ru

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАРИНСКИХ ТАТАР В ВОСТОЧНОЕ ПРЕДКАМЬЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Р.К. Шакиров

*Независимый исследователь
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

М.М. Акчурун

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

В данной статье раскрываются сведения о переселении потомков татарских князей из района Карино (ныне село в Слободском р-не Кировской обл.) в низовья реки Иж (ныне в Агрызском р-не РТ). Приводятся архивные документы, которые показывают, когда и каким образом первые переселенцы получали в собственность земли. Документы также свидетельствуют как на протяжении XVII–XVIII веков менялся статус потомков переселенцев.

Ключевые слова: низовья реки Иж, каринские татары, «башкирцы», вотяки, Казанский уезд, Уфимский уезд, Варзи

На рубеже XVI–XVII веков отдельные семьи каринских князей смогли отыскать и закрепить за собой пустые земли в районе нижнего течения реки Иж. Это послужило толчком к дальнейшему переселению других семей их родственников. Изучение данных областей Восточного Предкамья с одной стороны характеризуется наличием широкого круга актовых и делопроизводственных источников XVII–XVIII веков. Объемными и уникальными оказались дела, связанные с земельными спорами. Сохранились указания даже на документы XVI века. Однако их анализ и интерпретация осложняются спецификой региона. Здесь проходила граница Казанского и Уфимского уездов на стыке Терсинской и Байлярской волостей, соответственно соседние поселения и владения административно ведались в разных уездных администрациях и учитывались по-разному. Местное население в документах относилось к нескольким социальным или этносоциальным группам. Мы встречаем указания на «чувашей», «башкирцев», «вотяков», «каринских татар», ясачных и служилых татар, бобылей и тептярей, мещеряков. При этом далеко не всегда удается понять по каким признакам уездные администрации относили жителей, включая и потомков каринских татар, к тем или иным категориям. Но случай с каринскими татарами, на наш взгляд, является одним из наиболее показательных примеров, поскольку нам известно их происхождение от та-

тарских князей Хлынского уезда Вятской земли. Они изначально проживали в погостах Карино, отсюда и пошло их название «каринские князья», «арские князья» или «каринские татары», изучение которых на сегодняшний день имеет богатую историографическую основу¹.

Чтобы выяснить, на каком основании и в каком статусе они появились в рассматриваемом регионе, детально рассмотрим документы, связанные с самыми первыми переселениями каринских татар и получением ими новых земель.

Грамоты 1598–1600 гг. (д. Варзи?). К сожалению, сами тексты грамот не сохранились, но есть несколько упоминаний, из которых следует, что в 1599/1600 г. каринские татары присмотрели себе земельный участок. Об этом мы узнаем из поданной 15 июня 1600 г. жалобы живущих по соседству в д. Салауш² Байлярской волости Уфимского уезда «ясашных башкирцев» во главе с Тойгильдечком Чермышевым: «во 108 году били челом на Уфе каринские татаровя, хотели де поселиться в их вотчине, а межа де той их вотчине к Каме реке верхняя межа Красный Яр, а нижняя межа гора Лодейки и по Иже реке березовой гривы да Ижу реки сторона коя от Камы реки семи озерок и с лугом по Салагуш речке до устья и до вершины и... чтоб дать на ту землю оберегательную грамоту»³. Отметим, что каринцы подали челобитную именно в Уфу, зная, что эта земля относится к Уфимскому уезду. Неизвестно, чем закончился тот спор, но в 1812 г. потомок одного из рода каринцев Бикей Салихов сообщал: «деревня их Варзя поселение возымело с издавних лет на жалованных по грамоте 7106 (1598. – прим. авторов) июня 8»⁴.

Данные сообщения свидетельствуют, что в период 1598–1600 гг. были предприняты первые попытки обращений к уфимской администрации с целью получения земель с возможностью постройки там дворов для жительства.

Грамота 1613 г. (пустошь в Казанском уезде). Так или иначе, в 1613 году каринские татары поселяются на правобережье Ижа (см. док № 1). Из текста грамоты следует, что представители известных княжеских каринских родов Сарык Хозесеитов, Хозянка Аземметев, Билатачка Дюняшев со своими семьями сначала перебрались с Вятки жить в «чувашские» деревни Зюрейской дороги Казанского уезда – предположительно, в какие-то ясачные татарские деревни соседней Терсинской волости. А 2 февраля 1613 г. они обратились к московскому правительству («всей земли бояром») с просьбой закрепить опустевшие земли и поселиться в пустоши. Правительство пошло на

¹ Д.М. Исхаков посвятил исследованию истории каринских татар монографию и там же подробно описал историографию (см. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань, 2010. С. 7–33).

² Ныне п. Салауш Агрызского р-на РТ.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1324. Д. 1472.

⁴ РГАДА. Ф. 1306. Оп. 2. Д. 1699.

встречу и пожаловало эту пустошь и землю в оброк. Более того им были даны 5-летние льготы, освобождавшие от уплаты оброков, чтобы переселенцы смогли обжиться, поставить новые дворы и расчистить землю под пашню. Обратим внимание на ряд обстоятельств:

– Татарам запрещалось пользоваться бортными ухажеями и другими промысловыми угодьями. Это значит, что пашни располагались по соседству или в периметре чьих-то вотчинных владений. Но пашенные поля там существовали еще до прихода каринцев, но были запустевшими.

– В грамоте упоминаются вотяки, против которых (то есть как у вотяков) нужно будет по истечению льготного периода платить оброки «целые жеребии». Таким образом, статус владения новыми землями был схожим с владениями вотяков.

Грамота 1620 г. (пустошь в Уфимском уезде). После подачи челобитной в 1617 г. и получения грамоты в 1620 г. переселяются их земляки каринские татары Васька и Семка Баженовы, Храмко Алеев (Крымко Алеев?), Шигалейко Тохтамышев, Комайко Уразгилдеев и «вятской же чувашенин» Янгилдейко Тохтамышев (см. док. № 2). Уже по грамоте от имени царя Михаила Романова они также получают пустошь и пустую землю, только льготы даны лишь на 2 года. Эти земли непосредственно примыкают к землям упомянутого выше в грамоте 1613 г. Сарыка Хозясеитова, но в отличие от пустоши Сарыка, данная пустошь числилась не в Казанском, а в Уфимском уезде. И выплаты уже названы не оброком, а государевым бобыльским ясаком. Так же как и в грамоте 1613 г. татарам запрещалось пользоваться бортными ухажеями, бобровыми гонами и рыбными ловлями. Примечательно, что на отводе присутствовал Кузей Кучуков из д. Терси, названный как «тое земли вотчинник» – видимо, являвшийся одним из владельцев бортных ухажеев. Но в этом факте обнаруживается особенность: пустошь и пашни числились в Уфимском уезде, но вотчинником был житель Казанского уезда Кузей Кучуков.

Как выясняется из текста другой грамоты 1635 г. (см. док. 3), еще несколько семей приблизительно в 1620 г. переселились в этот же район. В грамоте 1635 г. жители деревни Уфимского уезда Старой Бекзяновой каринские татары Манашко Уразлин, Ямбулатка Алеев «с товарищи» сообщили: «тому де лет с пятнадцать дана де им пашня по Ижу реке и по Варзе речке с сенными покосами по отводу Константина Голубцова». Причем эти татары из Старой Бекзяновой указали в описании своих земель те же самые межи, что записаны в грамоте 1620 г. для Васьки Баженова с «товарищи». Например, в обоих описаниях дословно повторяется: «от речки Варзи сажень з десять и болши стоит дуб, да вяз из одново корени...» (см. док. 2 и док. 3). Из этого следует, что рядом с пустошью, полученной в 1620 г., соседствовала д. Старое Бекзяново, или пустошь превратилась в д. Старое Бекзяново. С другой стороны, на грамоту 1620 г. впоследствии ссылались жители д. Варзи, поэтому, скорее всего, это были два соседних, но разных селения: пустошь (став-

шая д. Варзи) и д. Старое Бекзяново. Согласно записи в Ландратской книге 1716 г., Старое Бекзяново в начале XVIII века еще существовала как отдельная деревня⁵, но затем, видимо, слилась с Варзи.

Таким образом, обе группы татары, Васька Баженов «с товарищи» и Манашко Уразлин и Ямбулатка Алеев «с товарищи», числившись в Уфимском уезде, были отнесены к категории ясачных бобылей. Хотя почему-то в грамоте 1635 г. к необходимости выплаты ясака указано «государеву службу служить», но эти татары не названы служилыми.

Отметим еще одно любопытное обстоятельство. Васька Баженов (из рода Касимовых⁶) и Храмко (Крымко?) Алеев упоминаются не только в писцовых книгах Каринского стана Хвалынского уезда 1615 г., но и в книгах 1629 г., т.е. уже после переселения.

В писцовых книгах 1615 г. встречаем такие записи:

«В Нижнем же погосте: в **Крымко Алеев**... И всего за ним пашни паханые 12 чети с осминою в поле, а дву по тому же; сена около поль и на отхожих пожнях на реке на Чепце 40 копен; лесу пашенного десятина во всех трех полях; а вытей за Крымском выть...

В Нижнем же погосте: Во дворе князь Бузанак Баженов да брат его **Васька**... И всего за ними Бизюначком да за Васьюкою пашни паханые и с отхожею пашнею средние земли 18 чети и пол-пол-пол-третника в поле, а в дву по тому ж; сена около поль и на отхожих пожнях на реке на Чепце 70 копен; лесу пашенного полторы десятины во всех трех полях; а вытей за Бизюначком и за Васьюкою выть с четью и пол-трети выти...»⁷.

В писцовых книгах 1629 г.:

«В Нижнем же погосте двор тотарина **Крымка Алеева**. Крымка умер... И всего за ним было пашни его жеребья тринадцать четей с четвериком в поле, а в дву по тому ж, сена около поль и на отхожих пожнях на реке на Чепце сорок копен, лесу пашенново полдесятины, а в пусте выть без пол-полчети выти...

В Нижнем же погосте:

Двор пуст Бузуначка Баженова. Двор пуст **Васьки Баженова**... И всего за ними их жеребья пашни паханые средние земли и с отхожею пашнею дватцать три чети бес полуосмины да перелогом семь четвертей в поле, а в дву по тому ж, сена около поль и на отхожих пожнях, и на Чепце реке четыреста дватцать пять копен, а вытей за Буначком да и за Васьюкою в живущем выть и полчети выти, а в пусте полвыти. А владеет теми их жеребья брат их Тренька

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 147. Л. 473об.–475.

⁶ В грамоте 1588 г. упоминается каринский князь Бажен Касимов (см. Исаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань, 2010. С. 155–156.).

⁷ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Луппов. Ижевск, 1958. С. 180–181.

Баженов, а Бузуначко да Ивашко (должно быть «Васька». – прим. авторов) **сошли безвестно во 128** (1624)-м году (должно быть 1619/1620 г. – прим. авторов)»⁸.

Как мы видим, даже в 1629 г. за Васькой Баженовым и Крымкой Алеевым на их родине в Каринском стане имелись дворы и числились пашни и сенные покосы. Хотя указано, что Васька Баженов покинул Карино в 1619/1620 г., что подтверждает его фактическое переселение в Уфимский уезд. При этом надо сказать, что со своих пашен, согласно книг 1615 и 1629 гг., в Карино татары должны были платить оброки: **«а платят каринские князи и тотаровя с своих земель оброку за дань и за пошлины на год 50 рублей»**⁹. Представленные писцовые книги и более ранние документы позволяют сказать, что привычная для других регионов оплата за службу в виде поместных пашенных окладов не была распространена для служилых татар на Вятке. Ведь поместный оклад не предполагал обложение оброком¹⁰. По всей видимости, основными видами пожалований за службу были другие формы (ясаки, денежные жалования¹¹, жалования промысловыми угодьями¹²), хотя изредка поместья в грамотах упоминаются¹³.

Пока сложно судить, что послужило истинными причинами, вынудивших каринских татар к поиску новых мест обитания. Но имеем в виду, что статус владения пашнями и сенными покосами для татар в Карино был оброчным. Фактически таким же он сохранился и после переселения в низовья Ижа – если они там стали вестись в Казанском уезде, то должны были платить «государев оброк», а если в Уфимском уезде, то ясак (бобыльский ясак, государев кунной

⁸ Чураков В.С. Каринский стан Хлыновского уезда: (по книгам письма и меры Афанасия Михайловича Толочаного и подьячего Андрея Иевлева 1629 г.) // Вопросы сохранения нематериального культурного наследия татар Удмуртии: материалы региональной научно-практической конференции 28 ноября 2014 года, Ижевск. Ижевск: Издательство «Монпоражён», 2014. С. 122–124.

⁹ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Луппов. Ижевск, 1958. С. 190.

¹⁰ М.В. Гришкина пришла даже к выводу, что после 1588 г. князья якобы лишились служилого статуса и были переведены в категорию черносошных крестьян. Однако А.Л. Мусихин опроверг это утверждение, приведя в пример другую грамоту 1588 г., в которой сказано о верстании татар денежными окладами (см. Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии: сб. ст. Ижевск, 1988. С. 30; Мусихин А.Л. Грамоты каринским арским князьям XVI в. – источник по истории Вятской земли. С. 95).

¹¹ Мусихин А.Л. Грамоты каринским арским князьям XVI в. – источник по истории Вятской земли. № 5. С. 100–101.

¹² Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Луппов. Ижевск, 1958. № 18. С. 92–93.

¹³ Там же. № 16. С. 90, № 17. С. 91.

ясак). Возможно, это оправдывает отказ переселенцев от своих старых вятских владений, ради получения земель на новых местах, наверняка в чем-то более удобных или комфортных. Можно лишь предположить, что какая-то часть татар перестала верстаться в денежный оклад за службу, а значит лишившись возможности получения дополнительного постоянного дохода, они решились отказаться от старых оброчных владений для поиска новых и равноценных по статусу. Потомки в 1682 г. так объясняли переселение: «в прошлых годах прадеды и деды их служили в Вятцком уезде в князьях, и за службы даны им жалованные грамоты за красною вислою печатью, и служа они померли, а **отцы их остались в малых летех** и оскудали. По той де скудости перешли в Уфинской уезд в тое деревню Варзи, поселились около той деревни, пашни роспахали на диком поле в порозжей земле и сена косили. А написаны они в бобыльской ясак, платят и по се число»¹⁴.

Обжившись в новых местах, татары не теряли связи со своими родственниками в Карино, откуда продолжали прибывать новые жители и расселяться в новых деревнях (Рысево, Салауш, Атабаево, Кичкетан). Теперь выяснив изначальное положение каринских переселенцев, интересно понаблюдать как в дальнейшем менялась их принадлежность к тем или иным категориям.

В 1685 г. каринские татары д. Варзи Юсуп и Уразай Девлетяровы «с товарищи» в ответ на прошение о переходе в служилое сословие получили грамоту: «велено их, Юсупа да Уразая Девлетьяровых, Кадыша Кузесеитова, Ахтабай Зянчюрина, Шигима Хилялова, Кулмаметя Сейтякова, Баймаметя Касимова с братьями и племянники написать на Уфе в **список служилыми татары**, и служить им с той старинной пашенной земли и ясак с них снять и написать на безьясашных бобылей. И они, Юсуп и Кадыш с товарищи, на Уфе в список служилыми татары написаны и к ним, Юсупу с товарищи, и ясашным сборщиком и иным посыльщиком не примишеватца и ясаки и подвод с них не имать и ничем их не убытчить»¹⁵. **Фактически их пашня превратилась в поместный оклад.**

В дальнейшем в 1703 г. какая-то часть из этих татар была переведена в «башкирцы»: «...Уфимского уезда Казанской дороги деревни Варзи служилых татар Юсупа Уразакова с детьми, Курмишка Танатарова с братом Сулейманом, Муксина Манашева от службы для их скудости и безмочества отставить и написать в окладной **тептерский ясак Байлярской волости за башкирцы**»¹⁶. «Тептерский ясак» в Уфимском уезде был меньшим по срав-

¹⁴ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 861. Л. 1–6.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 861. Л. 24.

¹⁶ Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 986. Оп. 1. Д. 489. Л. 11.

нению с другими ясаками, учитывался в особых книгах, как правило, использовался для обозначения оклада вотчинников¹⁷.

На момент составления первой ревизии в 1723 г. в деревне Варзи числилось 27 дворов, служилых татар – 34 чел., ясашных – 53 чел.: «**ясаку бобыльскому платят** в год с одного двора рубль шесть алтын четыре деньги. С одного двора двадцать шесть алтын четыре деньги. Итого с двух дворов два рубля. С тех же дворов платят в год подымных по осьми денег, ямских и полоняночных по десяти денег со двора; итого шесть алтын. Да **тептерского ясаку** платят в год с одного двора двадцать шесть алтын четыре деньги. С семнадцати дворов по тридцати алтын по две деньги с двора; итого шесть рублей двадцать шесть алтын четыре деньги. Всего с осьмнадцати дворов семь рублей двадцать алтын. С тех же дворов платят повсягодно подымных по осьми денег с двора; итого двадцать четыре алтына. И всего оных доходов с тех дворов платят в год десять рублей шестнадцать алтын четыре деньги. А с **семи дворов ясаку** никакого не платят»¹⁸. По всей видимости, не платившие ясак дворы принадлежали тем татарам, которым удалось перейти в служилое сословие.

Вторая ревизия (1747 г.) сохранилась только по служилому сословию, и на тот момент в деревне числилось 10 дворов служилых, 38 лиц мужского пола¹⁹.

По третьей ревизии (1763 г.) сохранился список по ясачным жителям, записанных как «тептери и бобыли»²⁰.

Четвертая ревизия по Байлярской волости не сохранилась.

Пятая ревизия (1795 г.) имеется также только по ясачным жителям, названным как «ясачные тептери»²¹.

Шестая ревизия (1811 г.) сохранилась в полном объеме по всем сословиям²². Помимо тептярей, в деревне также имеются «башкирцы» (четыре двора) и «мещеряки» (четыре двора). Мещеряки – это потомки прописанных по 2 ревизии служилых татар. Башкирцы – это потомки некоторых представителей рода Девлетьяровых приведенной выше грамоты 1703 г.: «Просит Вятской губернии Сарапульского уезда 11-го башкирского кантона команды юртового старшины Ильяса Шарыпова Байлярской волости деревни Варзи поверенный от башкирцов Билял Гумеров сын Девлетьяров на Вятскую меже-

¹⁷ Самигулов Г.Х. Тептяри и тептярский ясак в XVII – начале XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24 (379). История. Вып. 66. С. 25–30.

¹⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3790. Л. 352–353.

¹⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3793. Л. 203–206.

²⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3802. Л. 269–271 об.

²¹ ГАРТ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 3. Л. 133–147.

²² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 176. Оп. 2. Д. 340. Л. 1–5, 98–98 об.

вую контору жалобу, а о чем моя жалоба, тому следуют пункты...»²³. Как видим, еще до первой ревизии перейдя в сословие «башкирцев», они в ревизиях не учитывались, а появляются лишь к 6-й переписи 1811 г., что вообще характерно для многих деревень восточного Предкамья.

Отметим, что кроме обоснованных случаев перехода в другие категории, например, перехода семей служилых татар в «башкирцы» после записи в «тептярский ясак», иногда и простых ясачных каринских татар в делопроизводственных документах Уфимского уезда XVII века могли называть «башкирцами». Так, в середине XVII века в земельном споре жители д. Салауш («башкирцы и ясачные бобыли») называют каринцев Ваську Агеева «с товарищи» как «каринские башкирцы ясачные бобыли»²⁴.

Подводя итоги, отметим, что на рубеже XVI – начала XVII веков каринские татары, обитавшие на Вятке в Карино, столкнулись с определенными обстоятельствами, вынудившими искать новые места проживания. Рискнем предположить, что связано это с тем, что некоторых татар перестали верстать в служилый оклад (по всей видимости денежный). Часть каринских татар двинулась в сторону Камы, к землям возле реки Иж. Они были не единственными переселенцами, например, туда же переселялись удмурты («вотяки»). Коренное население этого района с времен Казанского ханства там составляли ясачные татары Казанского уезда (называемые «чуваши»), татары Уфимского уезда, называемые («башкирцы», «ясачные бобыли»). Переселенцы, обращаясь через уездную администрацию, находили «порозжие пустые места», на которые получали грамоты с необходимостью платежа оброков или бобыльского ясака. Так, каринские татары, оказавшись в Уфимском уезде, стали числиться ясачными бобылями. Иногда удавалось договариваться на использование земель с местными вотчинниками. Тем не менее некоторые потомки каринских татар восстановились в служилом сословии. Но затем в конце XVII века часть из них после записи в «тептярский ясак» оказалась в числе «башкирцев». Приведенные выше факты для каринских татар свидетельствуют о том, что в данном регионе термин «башкирцы» нес определенную смысловую нагрузку, связанную, в первую очередь, с формами владений и налоговых выплат, но не этническую.

²³ РГАДА. Ф. 1306. Оп. 2. Д. 1699. Л. 26–29.

²⁴ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 271. Л. 1–3.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

1613 г. – Ввозная грамота каринским татарам Сарыку Хозесеитову «с товарищи» на пустошь и землю в Казанском уезде по Зюрейской дороге. Копия.

По указу великого Российского Московского государства и всей земли бояр диак Степан Дичков да Григорий Павлович Веревкин дали на ясак вятчанам каринским татарам Сарыку Хозесеитову да Хозянку Аземметеву да Билатачку Дюняшеву пустошь по Зюрейской дороге за Вяткою рекою на Ише речке для того в нынешнем в 7121 году февраля в 12 день били они челом великого Российского Московского государства и всей земли бояром. А сказали, приволоклись де они с Вятки с женами и с детьми и ныне де они кормятся в Казанском уезде по Зюрейской дороге в чувашских деревнях, приискали де они по той же дороге за Вяткою рекою меж дворцовых сел Сарапула и Елабуги пустошь на Иш речке. А межа де той пустоши по Иш речке вверх с устья и до Салауш речки, а от Салауш реки вверх по Арзю речки, а от Арзи реки вверх по Усов речку. А ныне де та пустошь лежит впусте и не владеет ею никто. И что великого Российского Московского государства и всей земли бояря их татар пожаловали Сарычка с товарищи трех человек, велели б тое пустошь дать им на оброк и льготы им велели ж дати докамест они пашню распашут и дворы поставят, а место большое и заросль большая. А они де к себе на тое пустошь учнут призывать товарищей и будет так, как бьют ему Сарычка Хозесеитов с товарищи трем человеком. А та будет пустошь не государева ж дворцовых сел и не поместная и не монастырская, а на ясак не будет отдана никому. И, Сарычку, с товарищи трем человекам на той пустоши жить и дворы ставить и пашню пахать и сена косить, и иными угоды владеть, oprичь бортных и ухожеев и бобровых, и льгота ему дано пять лет ж, а после льготы впервые им государев оброк заплатити против вотяков целые жеребей в 7126 году и вперед им потому ж платить еже год с товарищи ровно.

РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1298. Л. 5–6.

№ 2

1620 г. июля 5 – Ввозная грамота каринским татарам Ваське Баженов «с товарищи» на пустошь и землю в Уфимском уезде. Копия.

Лета 7126-го года октября в 1 день, били челом государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Росии вятския каринские татаровя Васка, да Семка Баженовы, да Хримко Алеев, да Шигалейко Тохтамышев, да Комайко Уразгилдеев, да вяцкой же чувашенин Янгилдейко Тохтамышев, а сказали садятца де оне внове в Уфимском уезде на пустоше на заложной земле за Камою рекою по Ижу речке /л.57 об./ вверх по Ворзе речка пала в Ыж речку, а по нижнею сторону Мушеговка речка пала в Ыз же по между вятсково ж татарина Сарыча и

государь бы царь и великий князь Михайло Феодорович всеа России пожаловал бы ево Васку Баженова с товарищи велел²⁵ тою пустошною землею дозреть и на тою пустошь на закладную землю по дозору дати свою государеву ввозную грамоту и по государеву, цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всеа России указу воевода Гаврило Васильевич Хлопов велел уфинцу сыну боярскому Костентину Голубцову тою землею дозря написати в книги и отвести ему Васке с товарищи. И 126-го году октября в 29 день Костентин Голубцов книги дозору своего за своею рукою и за сторонних людей и за старожилцов руками и за знамены прислал на Уфу. И по государеву, цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всеа России указу, воевода Гаврило Васильевич Хлопов велел дати с тех дозорных книг Васке Баженову с товарищи на тою пустую, на заложную землю ввозную грамоту и по отделу Костентина Голубцова тою им земли дано двенадцать десятин, да им же дано для выпуска пашенные земли восемь десятин, а межа той земле от вяцкаго татарина, от Сарычевы межи и промеж ими от речки Варзи сажень з десять и болши стоит дуб, да вяз из одново корени, а на вязу грань, а с того дуба и вяза прямо на увал на одинаку березу, а с тою березы прямо в дуброву на одинакой дуб, а на нем грань, а с того дуба прямо на одинакой же дуб, а на дубу грань, а с того дуба /л. 58/ прямо на одинакую на кудреватую березу, а на березе грань, а с тою березы прямо раменьем на речку на Мошеговку, а от речки прямо к усаду, а под усадом по речке по Ижу луга, санные покосы, а у отделе были старожил Янсубины деревни башкирцы Янгилдей абыз Зеитов²⁶ с Баиком, да Терси деревни тою земли вотчинник Кузей Кучуков. И буде так как Васка Баженов с товарищи государю, царю и великому князю Михайлу Феодоровичу всеа России били челом, а та будет земля Уфимская лежать в песте, никому не отдана и Васке с товарищи тою землею и санными покосы владети опришно бортовых ухажьев и бобровых гон и рыбных ловель. А льготы Васке с товарищи по государеву указу дано на два года, а после льготных дву годов государев кунной ясак давати на год, по две куницы с человека с человека, а подлинная грамота за печатью воеводы Гаврила Васильевича Хлопова. А в дозоре на межи доезжали сторонние люди старожилцы Казанского уезду Терсинские волости чюваша Исенбахты Исешев, да князь Багишев, крестьянин Уразли Карин, да Пелги деревни отяки Юлтеш Сабанчин, да Кончак Кикчин, да Тулубай Тогаев, да Уфинскаго уезду башкирцы Черемыш Сюндюков, да Яналей Янсубин, да Инка Олкуев, да Нугаш Тулубаев, да Тонай Чотаев.

К сему ввозная грамоты списку Михайло Артемьев печать свою приложил лета 7138-го году, июля в 5 день, на обороте по столпцам подписано тако: /л. 58/ К сей грамоте Михайла Артемьев руку приложил. Того ж обороту на конце значит Исенбахты /знамя/ знамя свое приложил, Уразгилдей знамя /знамя/ свое приложил, Юлтеш знамя /знамя/ свое приложил, Кокчалн знамя /знамя/ свое приложил, Тулубай знамя /знамя/ свое приложил, Черемыш знамя /знамя/ своей прило-

²⁵ В ркп. слова «ево Васку Баженова с товарищи велел» вынесены на левом поле как примечание.

²⁶ Читается как «Зеитом», возможно, «з Еитом».

жил, Яналей знамя /знамя/ свое приложил, Нагаш знамя /знамя/ свое приложил, Такай знамя свое приложил таково /знамя/.

Подлинной ввозные грамоты список принял Оренбургской подгородной Сеитовой Татарской слободы торговой татарин Иркай Ишмурзин, в том и тамгу свою приложил /тамга/ таково.

РГАДА. Ф. 1306. Оп. 2. Д. 1699. Л. 57–58.

№ 3

1635 г. – Указная грамота о размежевании земли в Уфимском уезде между каринскими татарами д. Старой Бекзяновой Манашкой Уразлиным «с товарищи» и вотяками Казанского уезда. Копия.

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всяя Руси указу Иван Григорьевич Желябужской, подьячий Иван Ласткин дали Уфимского уезду каринским ясачным татарам Манашке Уразлину да Ямбулатке Алееву с товарищи выпись с отдельных книг Ивана Головкина. Для того били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всяя Руси, а воеводе Ивану Григорьевичу да подьячему Ивану Ласткину подали челобитную уфимские ясачные бобыли каринские татарове, которые живут на Ижу в Старой Бекзяновой деревне, Манашко Уразлин, Ямбулатка Алеев с товарищи. А в челобитной их написано, тому де лет с пятнадцать дана де им пашня по Ижу реке и по Варзе речке с санными покосами по отводу Константина Голубцова. И ныне де пришли вотяки и вновь воссели в Казанском уезде выше их по Варзе речке и им де чинят насильство и обиды великия и отняли у них во всех трех полях по половине и поклали новые грани в их даточной земле, а у них у вотяков в казанской грамоте написано. Велено взять сторонних людей на отвод и велено им отвести подле их граней, а их межей и граней у них отнимать не велено. А они де вотяки своим произволом у них у каринских татар отняли в даточных лугах пятьсот копен сена кошеного. И ему, Ивану, велено взять с собой сторонних людей, которые были преж сего у них на дозоре и на отводе деревни Янкубины башкирцев Ягильдейка Абызова с товарищи, которые писаны в прежней памяти Михаила Артемьева. И приехав ему Ивану в их каринских татар деревню с теми сторонними людьми отвести им, каринским татарам, по прежней памяти Михаила Артемьева по старым граням пашню и санные покосы. А которые грани они, вотяки, учинили своим произволом, те грани выметати и потесати. И Иван Головкин, приехав в Уфимский уезд на Иж реку, в которую в Бекзяновскую деревню отвел уфимским ясачным бобылям каринским татарам Манашку Уразлину да Ямбулатке Алееву с товарищи пашню и санные покосы по Варзе речке по прежним памятям Михаила Артемьева и по старым граням пашню и санные покосы. А межа той пашне от речки Варзи сажень с десять и больше стоит дуб да вяз из одного корени, на вязу грань, а с того дуба и вяза прямо на отвал на одинокую березу, а с тое березы прямо в дубраву на одинокий дуб, на нем грань новая, а с того дуба прямо же на одинокий дуб, на дубу грань, а с того дуба прямо на одинокую кудреватую

березу, на той березе грань, с той березы прямо на речку Мушиковку, а с той речки прямо к усаду, а под усадом по реке Ижу луга, сенные покосы. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу Манашке Уразлину, Ямбулатке Алееву с товарищи по владельным книгам и по сей выписи и по дозору Ивана Головкина тою пашнею и сенными покосами владеть, государеву службу служить и ясак с тое пашни давати.

РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1298. Л. 8–10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Луппов. Ижевск, 1958. 422 с.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 176. Оп. 2. Д. 340.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 986. Оп. 1. Д. 489; Ф. 1364. Оп. 1. Д. 3.
4. Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии: сб. ст. Ижевск, 1988. С. 20–40.
5. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Фэн, 2010. 224 с.
6. Мусихин А.Л. Грамоты каринским арским князьям XVI в. – источник по истории Вятской земли // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета): сб. материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Киров, 20–21 ноября 2013 г.): в 2-х т. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. Т. 2. С. 92–101.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 147; Оп. 2. Д. 3790, 3793, 3802; Ф. 1173. Оп. 1. Д. 271, 861; Ф. 1306. Оп. 2. Д. 1699; Ф. 1324. Д. 1472.
8. Самигулов Г.Х. Тептяри и тептярский ясак в XVII – начале XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24 (379). История. Вып. 66. С. 25–30.
9. Чураков В.С. Каринский стан Хлыновского уезда: (по книгам письма и меры Афанасия Михайловича Толочаного и подьячего Андрея Иевлева 1629 г.) // Вопросы сохранения нематериального культурного наследия татар Удмуртии: материалы региональной научно-практической конференции 28 ноября 2014 года, Ижевск. Ижевск: Издательство «Монпоражён», 2014. С. 119–143.

Сведения об авторах: Шакиров Руслан Камилевич – независимый исследователь (Казань, Российская Федерация). E-mail: 2595579@mail.ru

Акчурин Максум Маратович – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: bigeevo@yandex.ru

**RESETTLEMENT OF THE KARINO TATARS IN THE CIS-KAMA REGION:
TRANSFORMATION OF SOCIAL STATUS**

*Ruslan K. Shakirov
Independent researcher
Kazan, Russian Federation*

*Maksum M. Akchurin
Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article reveals information about the migration of the descendants of Tatar princes from the Karino district (now a village in the Slobodsky district of the Kirov Region) to the lower reaches of the Izh River (now in the Agryzsky district of the Republic of Tatarstan). There are archival documents that show when and how the first settlers received the land ownership there. The documents also show how the status of the descendants of immigrants changed during the seventeenth and eighteenth centuries.

Keywords: lower reaches of the Izh River, Karino Tatars, Bashkirtsy, Votyaks, Kazan district, Ufa district, Varzi

About the authors: Ruslan K. Shakirov – Independent researcher (Kazan, Russian Federation). E-mail: 2595579@mail.ru

Maksum M. Akchurin – Cand. Sci. (History), Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: bigeevo@yandex.ru

КАСИМОВСКИЕ ТАТАРЫ В ПРИУРАЛЬЕ

М.Г. Ахунов

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

Статья посвящена изучению происхождения татарских вотчин Среднего и Южного Приуралья. Исследование актуально с точки зрения возрастающего интереса населения северо-западных районов современной Башкирии к своим историческим корням, к своему языку, культуре и его роли в формировании всего татарского народа. Работа написана на основе анализа широкого круга источников (актовые документы, материалы этнографических экспедиций, картографические данные, родословные, летописи и предания, данные топонимики и лингвистики) и историографической литературы. В результате исследования делается вывод о том, что основателями Енейской, Киргизской, Уранской, Елдяцкой и ряда других приуральских волостей были касимовские татары, прибывшие сюда в период присоединения этого региона к России и получившие здесь вотчины. Касимовские татары, обосновавшиеся в Касимове вместе с крымским царевичем Джанаем – «Джанай/Еней татарлары» – после переселения в Приуралье основали Енейскую волость. А основателями Уранской волости были касимовские татары из группы потомков большеордынского Уран-Тимура. Схожая ситуация с другими волостями, которые наперекор оказались не связанными с родо-племенными объединениями этнических башкир.

Ключевые слова: Касимовское ханство, служилые (городецкие) касимовские татары, ак татары, сеиты, тарханы, иштяки (истяк-башкирцы), земельные дачи, вотчинное право, вотчинники, касимовский говор, мензелинский говор.

Приуральский регион исторически является одним из самых пестрых в сословном отношении районов расселения татар. Часто, даже небольшое, татарское село представлено несколькими сословиями. Причем в деревнях каждое сословие жило обособленно, образуя свой конец (оч) или сторону (як) или улицу (урам).

Сословия в составе татарского народа возникли по мере вхождения населения татарских ханств в сословную структуру Русского государства. В данном случае мы встречаемся с феноменом трансформации политонима в сословие. Так сразу же после завоевания Казанского ханства казанские татары превратились в ясачных татар. Спустя 170–180 лет ясачные казанские татары, очутившиеся в Приуралье, объединились с бобылями и образовали сословие тептярей¹.

Другое не менее многочисленное сословие составляли татары-мишари. После распада Золотоордынского государства предки татар-мишарей оказа-

¹ Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 83–159.

лись в составе Большой Орды. После поражения от Крыма часть большеордынских татар оказываются в составе Касимовского ханства и Мещеры, а оттуда после присоединения Волго-Уральского региона к России – в Приуралье. С 1795 года служилые мещеряки и татары Уфимского уезда были включены в Мещеряцкое войско².

Вначале сравнительно небольшой группой были представлены касимовские служилые татары, которые аналогичным образом из служилых татар превратились в сословие вотчинников. В дальнейшем потомков касимовских (городецких) татар, получивших вотчинное право на землю, включили в Башкирское войско. Так, с 1795 по 1859 годы касимовские татары-вотчинники находились в составе башкирского сословия³.

Таким образом, за служилыми касимовскими татарами, впоследствии получивших вотчинные земли в Приуралье, кроме названия татар, ак татар, вотчинник, закрепилось еще одно название «жир башкорты». Поэтому некоторые современные башкирские политтехнологи объявили их северо-западными башкирами, ставшими татарами в результате влияния татарской культуры. Правда ли это? Обратимся к их истории.

Эта группа татар пришла на берега Нижней Оки в XV веке вместе с Касимом, сыном золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда. Так в одно и то же время сыновья Улуг-Мухаммеда создали два государства: это Касимовское на Оке и Казанское на Средней Волге.

Касимовское ханство просуществовало с 1445 до 1681 года. Государством правили потомки Улуг-Мухаммеда до смены их родом Уран-Тимура в лице детей Шейх-Аулияра: Джан-Али и Шах-Али. Крымскую династию представляли дети Нур-Даулата: Салтыган и Джанай. После Касима ханом стал его сын – Данияр. Однако Данияр не смог оставить потомков, и в Городке Мещерском (старое название города Касимова) угасла династия Касима.

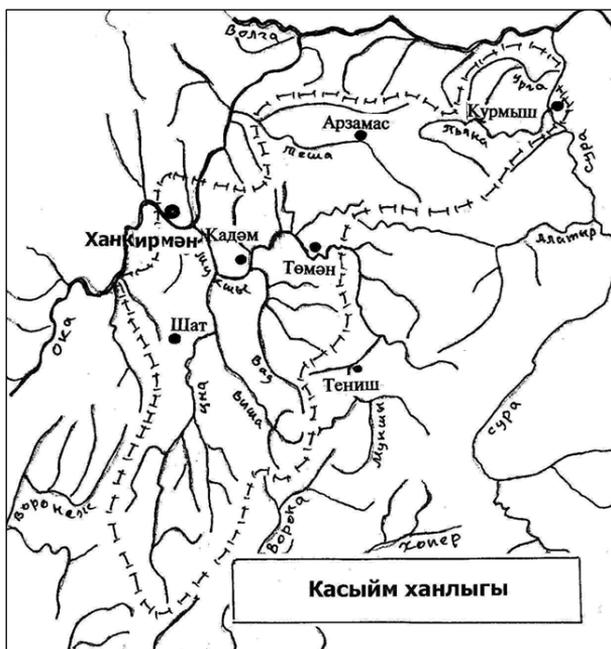
В годы правления Касима и Махмуда Казань и Касимов были едины. Но после кончины Махмуда по вопросу престолонаследия в Казани возник спор между сыновьями Махмуда и Касимом. Дети Махмуда сами хотели унаследовать трон отца, но по закону язу (яса) брат Касим по праву считался наследником казанского престола⁴.

В этот спор вмешались Москва и Крым. Касим, поддерживаемый Московским великим князем, отправился в Казань для установления своей власти. Но татарская знать Казани не приняла хана. Касим ушел ни с чем. Впоследствии Московские князья от имени Касимовского царства постоянно стали вмешиваться в дела Казани, даже после того, как династия Улуг-Мухаммеда уже угасла.

² Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 308–339.

³ Там же. С. 199–202, 245–246, 270–307.

⁴ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 26–28.

Карта 1. Касимовское ханство

Из-за малочисленности населения Касимовское ханство не смогло противостоять давлению Московского государства. Хотя это царство формально продолжало существовать и даже получало выход в виде дани, но оно постепенно стало подвластно Москве. Вопросы смены ханов, составление межгосударственных договоров не совершались без ведома Москвы.

В годы правления Ивана Грозного касимовские татары были уже в полной зависимости от великого князя московского. Поэтому касимовские татары участвовали во всех войнах, которые вела Москва. За службу городецкие татары (так в Москве называли касимовских татар) получали жалованье⁵.

В годы покорения Казанского ханства касимовские татары участвовали в походах Ивана Грозного. Служили в обозе, стояли на переправах через реки Волга, Кама и Вятка⁶.

После взятия Казани городецкие татары были переселены в Свияжский и Казанский уезды. Казанская группа образовала буферную зону вокруг Казани и не подпускала местных повстанцев в их бывшую столицу. Свияжская груп-

⁵ Тартарика. Атлас. Казань-Москва-Санкт-Петербург, 2006. С. 116–117.

⁶ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 35–36.

па была расквартирована в Казанском Приволжье до тех пор, пока их не перевели на Восток⁷.

В Уфимском уезде касимовские татары охраняли границы от сибирских татар и ногайцев. Как подданные Русского государства касимовские татары были защитниками освоенных этим государством новых земель.

Так, в 60-е годы XVI века правительство Ивана Грозного предоставляет земли Верхнего и Среднего Прикамья крупным рудознатцам Строгановым, которые впоследствии превращаются в крупных промышленников. Эти земли до взятия Казани принадлежали иштякам или истяк-башкортам. Русские источники называли их остяками⁸, а болгары, а затем татары в форме – иштяк, уштяк, истяк-башкортами. Территория истяк-башкортвов была болотистой и покрыта лесами. В данном случае слово «башкорт» не имело никакого отношения к современным башкирам и татарам, так как они относились к угорской языковой группе⁹. Так же Ибн Фадлан, венгерский монах-проповедник Юлиан, венецианский посол Плато Карпини и арабские географы упоминают их в форме этнонимов башгивд, башгард, башкарт, паскатир и т.д.

В первые же годы не сложились отношения между Строгановыми и остяками – хозяевами этих земель. Захватывая территории остяков, они стали строить деревни и заселять туда русских крепостных крестьян для дальнейшего освоения территорий. Истяк-башкортвы подняли восстание против Строгановых и Русского правительства, чтобы защитить свои земли. Строгановы наняли против них ушкуйников Русского Севера и волжских казаков¹⁰. Их руками сжигая деревни истяков, которые находились на берегах рек Сылва, Тулва, Буй и Танып вынудили их уйти за Урал, к Сибирскому хану Кучуму. В дальнейшем они совместно с подданными Кучума, сибирскими татарами, стали нападать на имения Строгановых и русские села Казанского уезда.

Чтобы обезопасить Среднее Прикамье, русское правительство направляет туда касимовских татар, которые находились в буферной зоне под Казанью. Так на реке Тулва появляются первые татары. Как рассказывают документы и материалы устного народного творчества, «Иван Грозный предоста-

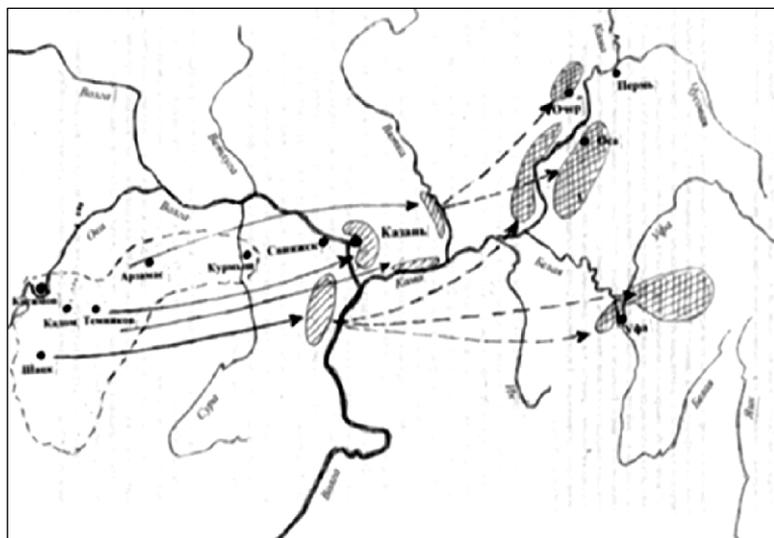
⁷ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 71.

⁸ Осокин И.М. К вопросу о миссионерской деятельности преподобного Трифона. Труды ПУАК, Вып. 7. Пермь, 1904. С. 17–48; Исхаков Д.М. К истории изучения формирования тюркоязычного населения Пермского края // Пермские татары. Казань, 1983. С. 9.

⁹ Дмитриев А.А. Пермская старина. В.2. Пермь, 1890; В. 8. Пермь, 1900; Исхаков Д.М. К истории изучения формирования тюркоязычного населения Пермского края // Пермские татары. Казань, 1983. С. 9.

¹⁰ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. 2. С. 245–246.

вил земли по течению реки Кама на обоих берегах от устья Чусовой и до устья Агидели (Белая)»¹¹.

Карта 2. Переселение касимовских татар на Среднюю Волгу, а затем в Приуралье

Таким образом, первые жители в документах фигурируют как «башкирцы», т.е. живущие на башкирских землях. Татарские источники отмечали, что эти татары находились в «башкортлык» в прямом смысле «быть в башкирах».

Спустя некоторое время в 1635 году в Уфу была отправлена группа служилых татар под руководством Сулеймана Акбулатова в количестве 500 человек. Они были расквартированы в Уфимском уезде (бассейн реки Уфа с притоками Юрюзань, Ай и Сим) для отражения атак в город Уфу со стороны кучумовичей – Аблая и Тевкиля, которые впоследствии были разбиты и пленены под Уфой¹².

Позднее, в конце XVI века, служилым татарам за верную службу были предоставлены земельные дачи в междуречье рек Зай и Уфа на обоих берегах Агидели¹³. Это были земли казанских татар (бобылей – в русских докумен-

¹¹ Пермские татары. Казань, 1983. С. 161–163; Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан, 1987. 179–180 битләр.

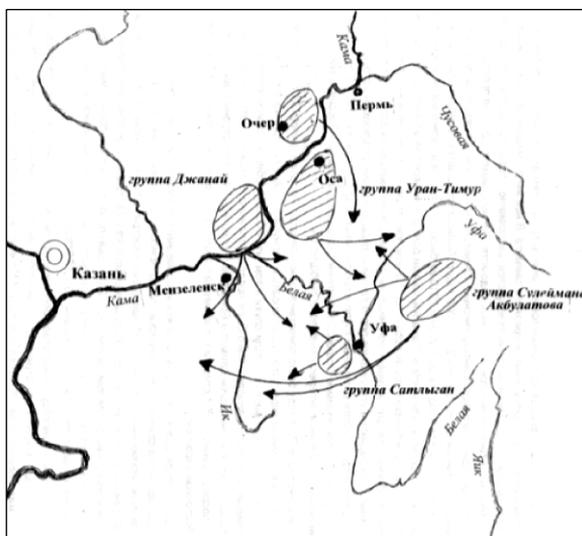
¹² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С.52.

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6453. Л. 566–567.

тах, чирмешләр – в татарском наречии). За это местное татарское население прозвало служилых татар башкортами-вотчинниками¹⁴.

После образования наместничества в Уфе земли вотчинников, находящиеся в Среднем Прикамье, стали называться Осинской дорогой. А земли же, находящиеся в нижнем течении Белой, стали называть Казанской дорогой¹⁵. Позднее Казанская дорога стала расширяться в направлении к городу Уфе. Возможно, в то же время начинается административное деление дорог на волости путем объединения вотчин и дач.

Первые жители Осинской дороги обосновались на реках Тулва и Буй (нынешняя территория юга Пермской области и Янаульского, Татышлинского районов РБ), а жители Казанской дороги – по рекам Иж, Ик, Сюнь, Базы, Чермасан и Кармасан¹⁶ (территория восточных районов Татарстана и западных районов Башкирии).

Карта 3. Схема передвижений касимовских татар после получения земельных дач

В социальном отношении касимовские татары сохранили старое татарское иерархическое деление. Как известно, татарское общество состояло из четырех групп населения: огланы/улары (царевичи) – прямые потомки Чин-

¹⁴ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан, 1987. 168–169, 176–179 битләр.

¹⁵ Усманов А. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949. С. 45.

¹⁶ Акманов И.Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. Уфа, 1981. С. 12.

гизхана; мурзы – татарская знать, потомки детей ханских дочерей (как правило, принцесс выдавали замуж за знатных людей, за царевичей других татарских государств, за детей религиозной и светской знати); третью группу татарского общества составляли сеиты – верховная мусульманская знать татарских государств. В татарских государствах по значимости сеиты занимали вторую позицию после огланов. Четвертую группу в татарском обществе составляли тарханы.

В российских документах упоминается, что касимовские (городецкие) татары в военном отношении были разделены на два полка: «Царский полк» и «Сеитовский полк»¹⁷.

За основу возникновения волостей Осинской дороги было взято старое деление татар на крымских и на большеордынских¹⁸.

Волость, под названием Уран, возникла на территории бассейна реки Буй (на территории нынешних Янаульского, Татышлинского районов и смежной территории Пермской области) за счет выходцев из Большой Орды. Об этом говорят названия рек, волости и названия первых сел. Название волости Уран произошло от имени хана чингизида Уран-Тимура. Главная река волости Буй названа в честь реки, протекающей на старой родине (Иске ил) под названием Буй. Русское название – Буйвала, что протекает в современной ставропольщине. Название другой, более крупной реки, Кума (по-татарски Ком), куда впадает Буйвала, стало названием первых деревень Уранской волости – Кумово и Енейской волости – Комбар¹⁹.

Названия населенных пунктов и названий тюб (части волости) указывают на то, что верховья реки Буй занимали выходцы татар из сеитов, о чем ярко свидетельствует название села Аксаит. Возможно, они были из рода сеитов по большеордынской линии. Часть жителей деревень нынешнего Татышлинского района являются выходцами из городка Очер. Вполне возможно, название этого городка произошло от названия татар (тархан) Северного Причерноморья, где татарское население имело и второе название – эже (акачир- ак+аче+ер)²⁰, а татарское население Северного Кавказа называли мәж (мажар)²¹. Слово Очер или Эче(л)эр произошло от названия татарского населения – эже.

Мы предполагаем, что часть истяков (остяков) позднее вернулась обратно в Среднее Прикамье, о чем красноречиво говорят легенды про «Эйна и Гайна» и эпизоды, связанные с культом солнца и северного оленя²², характерные для фольклора народов севера.

¹⁷ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 92.

¹⁸ Пермские татары. Казань, 1983. С. 10–15, 137–150, 155–163.

¹⁹ Экспедиционные материалы-2005: Янаульский район. Уфа, 2009. С. 173–175.

²⁰ Сказания Приска Панийского. Ученые записки 2 отделения ИАН. Книга 7. Выпуск 1. 1861. С.87; Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С.143.

²¹ Плетнева С. Половцы. М., 1990. С. 22–25.

²² Башкорт халык ижады. Т. 2. Уфа, 1997. 115 бит.

Другую более многочисленную группу составляли вотчинники Казанской дороги. Это были служилые татары Касимовского царевича Джаная (Жәнәй), которые были дислоцированы в междуречье рек Иж (Иш) и Кама, а также в районе городка Очер, где в дальнейшем создадутся волости Казанской дороги²³.

В отличие от служилых татар Осинской дороги, татары Казанской дороги стали заселять земли верх и вдоль по течению реки Белой, о чем говорят одноименные названия первых сел Енейской волости: Аккуз, Касай, Сляк, Утеган, Кадер, Исанбай²⁴ и т.д. Это нынешние села Агрызского района, генеалогическое древо населения которых восходит к касимовским ханам Джаная или Салтыгану. С именами этих ханов или их родственников связаны названия других волостей Казанской дороги.

Название Кыргызской волости было образовано путем слияния слов Кырык и угыз (ак эже). Название волости хотя по звучанию очень близко к названию кыргыз, но кроме созвучности других данных, подтверждающих наличие собственных кыргызов в Приуралье у нас нет.

По преданиям, в возникновении Кыргызской волости первую роль сыграло нынешнее татарское село Старокиргизово Илишевского района²⁵, когда как другое татарское село Польских Киргиз в Дюртюлинском районе стало базой для возникновения Елдяцкой и Канлинской волостей²⁶.

Названия села и волости Кыргыз тесно связаны с названиями реки и деревни Кырыкмас на границе Татарстана и Удмуртии. Название гидронима Кырыкмас образовано от названия татарского клана Кырык, который обитал между Днепром и Азовским морем. Второй слог в слове «Кыргыз» «ыз»(аз) обозначает сразу три объекта. Под названием «аз» подразумевалось название Азовского моря, название реки Днепр (древнее название Днепра – Аз или Эж) и этноним татар Северного Причерноморья²⁷ (эжелэр).

Топонимы реки Кырыкмас и села Кырынды связаны с названием местности, откуда прибыли предки хана Джаная и их тарханы, служившие в его гвардии, и которые прибыли на берега Камы.

Территория Киргизской волости была разделена на три части (тюба)²⁸. Жители Ташлинской тюбы Киргизской волости свое происхождение связывают с местностями Сары су и Байрак. Возможно предки Сюнской тюбы прибыли из Күк Күз, что в переводе обозначает реку Синюха (Күк елга, Күк күзләу). Эти населенные пункты и ныне существуют в Приднепровской возвышенно-

²³ РГАДА. Ф. 1327. Оп. 2.

²⁴ Южноуральский археографический сборник. Выпуск 2. Уфа, 1976. С. 290–291.

²⁵ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 441. Л. 1–2.

²⁶ Там же.

²⁷ Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Казань-Москва, 2006. С. 256–271.

²⁸ Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 294–295.

сти. Судя по названиям деревень Матинской тюбы (Куручево, Курчеево, Катаево и Маты), можно предположить, что они прибыли из района города Керчи с озером Катай и с противоположного берега одноименного пролива, так называемого Маты яр или Яр Маты (в переводе Меотский берег).

Во времена нашествия Аксак Тимура часть территории Иске иля, западнее устья Днепра, оказалась в составе Польши²⁹. С тем и связано название села Польский Киргиз Елдяцкой волости. Татары-тарханы с берегов Акъяр (в переводе Белый берег) перешли в Касимовское царство вместе со своими царевичами. Вот почему в шеджере Китап тархана говорится, что их предки вышли из города Азяк (Очаков)³⁰.

Интересны в этом отношении шеджере населения основателей этих волостей, фрагменты которых опубликовал Р.Г. Кузеев под названием «Башкирские шежере»³¹, хотя их полные версии сохранились только у касимовских татар родов Шакуловы (сеиты), Аталыки (тарханы) и Ширины³². Интересно в этом отношении шеджере Елдяк тархана (Китаповлар шәжәрәсе). В шеджере сохранилась верхняя часть, а нижняя составлена в более позднее время, в конце XIX и в начале XX веков³³.

Шеджере начинается от Илзак бия. На втором колене шеджере стоит имя Акъяр би. На третьем – Алчак би. Имя первого предка олицетворяет название города северочерноморских татар-азеев Азяк (Очаково) и его округу (ил). Имя Акъяр би тоже указывает на географическую местность, где жил их общий предок. Акъяр – так называли берег Черного моря между устьями Днепра и Дуная. Там же стояли средневековые татарские города Аккерман и Акча Керман³⁴ и т.д. На третьем колене шеджере стоит имя общего предка – Алчак би.

Ближайший предок части населения Елдяцкой волости (нынешние Дюртюлинский, Чекмагушевский, Бураевский и Илишевский районы) Атлак би (он же Аталык – воспитатель ханских детей) – историческое лицо Галикей Аталык (предок части населения Заказанья). По материалам Российского государственного архива древних актов, самым древним предком населения Елдяцкой волости являются Китап тархан Баймурзин и его братья, которые получили вотчину в Песке реки Белой в районе города Дюртюли за службу отцов и дедов³⁵.

Имя этого аталыка Галикея упоминается и в шеджере Киргизской волости. Но здесь он представлен в лице Гали би, т.е. Кадыргали би, отца Галикея. Имя Кадыргали бия сохранилось в названии одной из первых деревень Еней-

²⁹ Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. С. 145–146.

³⁰ Елдяк. История Башкирских родов. Уфа, 2015. С. 289.

³¹ Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 60–62.

³² Әхмәтжанов М. Татар шәжәрәләре. Казан, 1995. С. 68–70.

³³ Әхмәтжанов М. Нугай Урдасы. Казан, 2002. Б. 304–308.

³⁴ Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Казань-Москва, 2006. С. 256–271.

³⁵ РГАДА. Ф. 1327. Оп. 2. Л. 1–2.

ской волости – деревни Кадыр (Агрызский район), куда сперва поселились касимовские служилые татары Джаная. Затем вместе с другими они поселились в Киргизской и Елдяцкой волостях³⁶.

Другая ветвь шеджере Атлак бия по линии Бурая уходит корнями к руководителю казанской кавалерии во время взятия Казани 1552 года, князю Епанчи Иргозину³⁷.

Еще одна группа касимовских татар оказалась в составе вотчинников Балыкчинской волости³⁸, которые тоже являются выходцами из города Очакова. Судя по названию рек и сел волости можно сказать, что другая часть жителей прибыла в Касимовское ханство из местечка Сарысу, что на Каше (Приднепровская возвышенность). Возможно, жители Балыкчинской волости (нынешний Аскинский район) и Унларской волости (нынешний Караидельский район) поселились на нынешнем месте обитания, переселившись из района городка Очер и с правого берега Камы. Впоследствии эти две волости касимовских татар положили начало формированию Сибирской дороги.

Если обратиться к записям Гарифуллы Киикова, который считал жителей Ирехтинской волости наряду с населением других татароязычных волостей ак татарами³⁹, можно сделать вывод, что они были потомками эмиров, мурз, сеитов и тарханов, вышедших из Северного Причерноморья.

В Уфимской провинциальной канцелярии предков населения Ирехтинской волости, переселившихся в Осинскую дорогу, записали в тептярское сословие (т.к. в те времена в Осинской дороге не было припущенников). Хотя их предки переселились из деревень Исанбаево, Аккузово, Аксеитово, Кабаново и Юрмиза, что находились в Казанской дороге (нынешние села Актанышевского, Муслимовского и Илишевского районов) и были вотчинниками.

Как известно, эти деревни являются дочерними деревнями для старых сел Исанбаево, Аккозино, Аксеитово, Кабан и Юрми, что находятся в Ижско-Камском междуречье (нынешний Агрызский район РТ, Каракулинский РУ), их основали служилые касимовские татары Джанай-хана в самом конце XVI века.

Сын Гали Чокыри хотел доказать, что он выходец из села Исанбаево (род Исан бия), которые когда-то вышли из деревни Чукурово, что находится в Северном Крыму, в области Зиремзя. Название этой области имеет трехсоставную этимологию: жир+ми+эже (жир – земля; ми – от слово Миотия⁴⁰, так называли Западное Приазовье до присоединения к России и эже-название татар той же области). Схожая этимология и у имени предводителя Майкы

³⁶ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 441, Л. 1–2; РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 614. Л. 1–2.

³⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.-Л., 1936. С. 106.

³⁸ Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 278.

³⁹ Иректы. История башкирских родов. Уфа, 2015. С. 237.

⁴⁰ Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Казань-Москва, 2006. С. 138–173.

бия (ми+ак+би) – знатного бия Западного Приазовья, из «Дефтери Чингизнаме»⁴¹. В свое время его потомки пришли в Касимовское ханство вместе с ханом Улуг-Мухаммедом. Кроме того, на территории Касимовского ханства фиксируются Иректинский и Каршинский беляки, названия которых соответствуют названиям татарских волостей вотчинников Приуралья⁴².

С именем еще одного касимовского царя (хана) связано происхождение Каршинской волости, что на реке Кармасан. Одну из подразделений этой волости составили внуки касимовского хана Салтыгана. По преданиям и по записям жителя Хати́па Ахиярова из д. Тамьян Чекмагушевского района, их предок (по происхождению знатного рода) проживал в устье реки Де́ма под Уфой. Позднее они переселились на реку Кармасан и основали деревню Каршын (нынешнее село Шарипово Кушнаренковского района). В составе Каршинской волости были и другие тюбы тарханов – Кадрай и Карга. Из рода Салтыгана (Сатлыганово тюба)⁴³ вышли все старшины Каршинской волости. Они же были и главными старшинами Казанской дороги.

И, наконец, самая протяженная с севера на юг Иланская волость⁴⁴ (по-татарски Елан) была основана татарскими сеитами. В трех отдаленных друг от друга частях волости известны могилы мусульманских проповедников (аулия кабере) под одним и тем же именем – Илбахты. Это Бикметово Бураевского района, Старопучкаково Чекмагушевского и Тунбарлы Бавлинского районов. Шеджере вотчинников Иланской волости, найденное в Чекмагушевском районе, начинается от мусульманского проповедника Альбахты Илбахтина, который является предком почти всех основателей деревень вотчинников Кыр-Иланской волости. Но, с другой стороны, шеджере древних сеитов Шакуловых, найденное в Бавлинском районе РТ, завершается тем же именем Илбахты. Из этого можно сделать вывод, что шеджере Иланской волости является продолжением шеджере касимовских сеитов Шакуловых, которое начинается от пророка Мухаммеда⁴⁵.

И в завершении необходимо отметить, что земля Дуванейской волости (нынешний Чекмагушевский и Кушнаренковский районы) была разделена на три тюбы. Одна, Азеевская, восходит к сеитам Ахаметьевым, другая, Бакаевская – от сеитов рода Бакай абыз, который тайно ездил в Крым для установления связей восставших ак татар (вотчинников) с Крымским ханством⁴⁶. Третья, Ишеевская тюба, восходит к князю Ишею⁴⁷. Вотчинник Ишей Иш-

⁴¹ Дәфтәре Чыңгыз-намә. Казан, 2000. 19 бит.

⁴² Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 216.

⁴³ Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 298–299.

⁴⁴ Там же. С. 278.

⁴⁵ Әхмәтҗанов М. Нугай Урдасы. Казан, 2002. 219–228 битләр.

⁴⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 254–156.

⁴⁷ Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 299–300.

кильдин, он же Ишей Ямгурчин, который жил в Казанском Приволжье и руководил «князь Ишеевой сотней» служилых татар. Бесспорно, они были служилыми касимовскими татарами.

По преданиям, общий предок Бакаевой тюбы прибыл из местности Кангуш за Волгой. Ныне эта местность находится в Мордовии, а раньше называлась Кангушинская волость и принадлежала к Касимовскому ханству. А жители Азеева тюба этой же волости – выходцы из села Азеево, что в Касимовском районе Рязанской области, как и князя Чанышевы⁴⁸.

По долгой дороге, по которой шли касимовские татары, начиная от Северного Причерноморья до Нижней Оки, а оттуда в Среднее Поволжье и до Приуралья, сохранились характерные топонимы и этнонимы со следующими корнями: «ак», «кар», «кат», «кара», «аз», «эже». Это лишь незначительная часть топонимии, отражающая историю происхождения касимовских татар.

Много гидронимов, связывающих окрестности Касимова с речной системой Приуралья: река Ока (Ука), Мокша (Мукшы), Теща (Таш), Цна (Сән, Өсән, Сынлы, Чәрмәсән, Кармасан), Вад (Базы, Яубазы), Дон (Таны), Буйвола (Буй), Сас (Саз). От названия реки Барда произошли названия села Барда и бардаковских, и бардымских татар.

Значительный пласт топонимов оставили касимовские татары в Среднем Поволжье. Такие названия сел, как Шигали, Дербышка (от хана Дервишали), Кулаево под Казанью и Шырваны, Ишеево, Ахметьево в Предволжье связаны с касимовскими татарами.

В татарской диалектологии язык касимовских татар относится к среднему диалекту татарского языка. Несмотря на то, что он окружен со всех сторон говорами западного (мишарского) диалекта, сохранил основные особенности среднего диалекта. Долгие годы из-за своей отдаленности от основной массы татарского народа и своей малочисленности диалект касимовских татар не подвергался тщательному изучению и сопоставительному анализу с мензелинским говором среднего диалекта. Но несмотря на столетия, которые отделили касимовских татар от своих собратьев-вотчинников Приуралья, у них сохранились главные особенности языка, отличающие их от говоров других татар и объединяющие друг с другом:

– Использование вместо литературного «ый» (бармый, кайтмый) диалектальный «ай» (бармай, кайтмай).

– Есть отличие от литературного татарского языка в использовании дифтонгов – оу-өу – вместо литературного «су» диалектального «соу», аю-айыу, торучы-тороучы.

⁴⁸ Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан, 1987. 192–194 битләр.

– В районах, где эти говоры близко контактируют с мишарскими говорами, дифтонг *өй* монотонизируется⁴⁹.

Подытоживая, можем сказать, что после падения Казани предки вотчинников Приуралья, касимовских татар стали переводить для службы на восток. Сначала в Казань, а затем в Приуралье, где они получали от русского царя вотчинные земли⁵⁰.

Касимовское ханство перестало играть какую либо роль и постепенно превратился в удел для царевичей-марионеток, лояльно настроенных к Москве. Так в XVII веке у власти был представитель Казахского ханства Ураз-Мухаммед, а завершила правление в государстве династия сибирского хана Кучума. Сначала Кучумов внук Альп-Арслан, а затем сын Альп-Арслана Сеид-Бурхан. Завершила царствование его жена Фатима. После ее кончины в 1681 году Касимовское ханство было ликвидировано⁵¹.

С середины XVII века служилые касимовские татары Приуралья, получившие вотчины за службу, стали припускать на свои земли ясачных казанских татар, чтобы облегчить налоговое бремя. По этому поводу этнограф Д. Рамазанова приводит массу примеров из архивных материалов того времени, что в Приуралье проникли казанские татары. Причем в XVIII веке этот процесс носил массовый характер⁵².

В заключение хочется вспомнить слова этнографа Д. Рамазановой о том, что бывшие служилые касимовские татары Приуралья сильно отличаются от остальных татар своим льготным социальным положением вотчинника, а от башкир своим языком и знатным происхождением⁵³. Все это указывает, что Касимовские татары в Русском государстве имели привилегированное положение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акманов И.Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. Уфа, 1981.
2. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. 160 с.
3. Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Мифы. Образы. Казань-Москва, 2006. 480 с.

⁴⁹ Әхәтов Г.Х. Татар диалектологиясе. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1984. 88–92 битләр.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6453. Л. 566–567 за 1679 г.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6445. Л. 588–589 за 1646 г.

⁵¹ Tartarika. Атлас. Казань-Москва-Санкт-Петербург. С. 405.

⁵² Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров Юго-западной Башкирии. Казан. 1984. С. 36–74.

⁵³ Там же. С.82.

4. Башкорт халык ижады. Т. 2. Уфа: Китап, 1997. 440 бит.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о Касимовских царяхи царевичах Ч. 3. СПб., 1866. 502 с.
6. Гришин Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань, 1995. 196 с.
7. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. 360 с.
8. Дмитриев А.А. Пермская старина. В. 2. Пермь, 1890; В. 8. Пермь, 1900.
9. Дәфтәре Чыңгыз-намә. Казан: «Иман» нәшрияты, 2000. 44 бит.
10. Елдяк. История Башкирских родов. Уфа, 2015. 600 с.
11. Исхаков Д.М. Из истории изучения формирования тюркоязычного населения Пермского края // Пермские татары. Казань, 1983. 164 с.
12. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.
13. Иректы. История башкирских родов. Уфа, 2015. 456 с.
14. Кузеев Р.Г. Башкирские шежере / Сост. пер., введ. и комм. Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 190 с.
15. Кыргыз. История башкирских родов. Уфа, 2015. 808 с.
16. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. 2. М.: Просвещение, 1983. 310 с.
17. Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа: БФ АН СССР, 1986. 166 с.
18. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.-Л., 1936.
19. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. 164 с.
20. Осокин И.М. К вопросу о миссионерской деятельности преподобного Трифона // Труды ПУАК. Вып. 7. Пермь, 1904.
21. Плетнева С. Половцы. М.: Наука, 1990. 206 с.
22. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 204 с.
23. Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров Юго-западной Башкирии. Казань, 1984. 192 с.
24. Рычков П.И. «К этнографии башкир» // Этнографическое обозрение. Кн. 10. №1. 1890.
25. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. 310 с.
26. Сказания Приска Панийского. Ученые записи 2 отделения ИАН. Кн. 7. Вып. 1. 1861.
27. Тартарика. Атлас. Казань-Москва-Санкт-Петербург, 2006. 889 с.
28. Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан, 1987. 367 бит.
29. Усманов А. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1949. 136 с.
30. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса 14–16 вв. Казань: Изд. КГУ, 1979. 321 с.
31. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. 308 с.
32. Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и в первой половине XVIII вв. Предисловие к «Материалам по истории Башкирской АССР». Ч. 1. М.-Л., 1936. 380 с.

33. Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1976. 392 с.
34. Әхмәтжанов М. Нугай Урдасы. Казан: Мәгариф, 2002. 344 бит.
35. Әхмәтжанов М. Татар шәжәрәләре. Казан, 1995. 128 бит.
36. Әхәтов Г.Х. Татар диалектологиясе. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1984. 116 бит.
37. Экспедиционные материалы-2005: Янаульский район. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 264 с.
38. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1173. Оп. 1. Д. 441, 614.
39. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6453, 6445.
40. РГАДА. Ф. 1327. Оп. 2.

Сведения об авторе: Ахунов Марат Габделисламович – научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: iyali.anrt@mail.ru

THE KASIMOV TATARS IN THE CIS-URAL REGION

Marat G. Akhunov

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the origin of the Tatar *votchinniki* in the Middle and Southern parts of the Cis-Ural region. The study is relevant from the point of view of the growing interest among residents of northwestern Bashkiria in their historical roots, in their language, culture and its role in the formation of the entire Tatar people.

Keywords: Kasimov Khanate, service (Gorodets) Kasimov Tatars, Ak Tatars, seits, tarqans, Bashkirtsy-Mansi, land grants, votchina law, votchinniki, Kasimov dialect, Menzelin dialect

About the author: Marat G. Akhunov – Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: iyali.anrt@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОТЧИННИКАХ И ПОСЕЛЕНИЯХ ЮРМИНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ВОЛОСТИ

Т.Т. Каримов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В первой части статьи рассматривается малоизвестный документ по Юрминской поземельной волости, вотчинником которой был татарин д. Берсут Зюрейской дороги Казанского уезда. Касяся вымышленного «башкирского рода» «Юрми», автор особо подчеркнул, что названием «Юрминская» обозначалась поземельная волость. Во второй части статьи на конкретных примерах показана ошибочность и тенденциозность сведений башкирских историков.

Ключевые слова: Азнакаевский район, Бакалинский район, Берсут, поземельная волость, Зюрейская дорога, Надыр Уразметев, Тогай Беляков, Юрминка, Юрминская волость

Юрминская поземельная волость располагалась в бассейне р. Ик. Она занимала большое пространство земли по обоим берегам среднего течения данной реки, а известные нам вотчинники данной волости проживали на территории современного Азнакаевского района РТ и Бакалинского района РБ. Часть населения волости в качестве башкир-припущенников зафиксирована на государственной («коронной») земле 13 деревень (ныне Альметьевского и Лениногорского районов РТ) Надыровской волости.

О территории и населении волости документ середины XIX в. сообщает следующее: «В Юрминской волости состоит вотчинников по 8-й ревизии 1093 души, припущенников по 7-й ревиз. крестьян и татар 1482, башкирцов и тептярей 1480 душ. Земли значится удобной и неудобной 143 128 дес. 1491 саж., а с одной удобной 141 293 дес. 1836 саж.»¹.

Опубликованные источники о вотчинниках Юрминской волости ранее содержались в многотомной книге «Материалы по истории Башкирской АССР» (далее – МИБ). Однако наиболее древний источник впервые был опубликован в сборнике документов и материалов «История башкирских родов. Юрми. Том 21» (далее – «Юрми»). Документ дает информацию о ранее неизвестных нам вотчинниках Сартае Диязбаеве и Тогае Белякове, последний заслуживает отдельного рассмотрения.

¹ НА РБ. Ф. И-2. Д. 4762, Л. 46 об.

Прежде чем перейти к анализу сведений документа, необходимо указать, что в книге «Юрми» он помещен под громким заглавием «Челобитная казанского башкира Юрмийской волости Тогай Белякова. 1620 г.» и явным нарушением правил пользования архивным документом. Волость обозначена как «Юрмийская», хотя в самом документе речь идёт о «Юрминской». Также в источнике не пишется о «казанском башкире», эта фраза применима только к комментарию, если говорить о переходе «казанца» в «башкирцы» из-за вотчинного права. А заглавие документа в самой описи фонда написано так: «И при оном свитке в окончания 7134 года память, о отделении вотчины и рыбных ловел и прочих угодей чувашенину Урасайку Тюкунову и Ивашке Мордвину по Белой реке на склейках 20 л.»². Как видим, это объемное «дело» содержит также имена других вотчинников-выходцев из Казанского уезда, поэтому в будущем оно должно стать объектом скрупулёзного изучения.

В документе из книги «Юрми» речь идёт о том, что казанской чувашенин д. Берсют Зюрейской дороги Тогай Беляков имел вотчину в Юрминской волости, доставшуюся ему от предков («от дед и от прадет»). Здесь у него был дом, куда он периодически навещался (на Менеусе на речке [из]бенко и отрашко для вотчинново при[ез]ду»), и вместе с «башкирцами» Юрминской волости платил «кунной ясак» «на Уфу». Так как основным местом его жительства оставалась д. Берсют, платил он ясак и в Казань и там же нёс другие повинности. Эти же повинности на своей вотчине в Юрминской волости для него были обременительными, поэтому обратился к властям с просьбой об освобождении от подводной повинности. Его законная просьба была удовлетворена, о чём свидетельствует указание («память») воеводы Григория Васильевича «старосте» Юрминской волости Сартаю Диязбаеву не доставлять хлопот вотчиннику («подвод давать не велено и людишек его и наемщиков обижать не велел»), потому что «Тогашко казанский чувашенин, дает государев ясак в Казань и на Уфу»³.

Ниже приводим комментарий данного документа в книге «Юрми»: «Не влиял на этническую идентификацию башкир их переход в иные сословия. Мало того, среди башкир была распространена двусословность, переходя, к примеру, в разряд служилых или ясачных татар, служилых мурз и князей, ясачных чувашей, башкиры продолжали оставаться в сословии вотчинников (асаба́). Сохранились уникальные документы, свидетельствующие об этом. В своей челобитной на имя царя «казанский чувашенин» Зюрейской дороги Тогай Беляков в 1620 г. писал «...в Уфинском уезде в Юрминской волости вотчина моя от дедов и прадедов потому, что я, государь, башкирец и с той вот-

² РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 298.

³ История башкирских родов. Юрми. Том 21. Уфа, 2016. С. 233.

чины плачу ясак на Уфе с юрминскими башкирцами». То есть, переселившись по какой-то причине на Зюрейскую дорогу Казанского уезда, Тогай Беляков перешел в разряд чувашей, но при этом оставался этническим башкиром в словословии вотчинников (асаба́)»⁴.

Как видим, авторы явно поспешили обозначить татарина Тогай Белякова «этническим башкиром», тенденциозно интерпретируя место его постоянного проживания (д. Берсют Казанского уезда). Читая данный комментарий, любой непредвзятый человек задался бы вопросом: зачем Тогаю Белякову понадобилось переселяться в Зюрейскую дорогу Казанского уезда. Ведь документ свидетельствует об обратном, сообщая, что в Юрминской волости была его родовая вотчина, доставшаяся ему от отца и деда. Поэтому нет никакой необходимости вести речь о его возможном переходе из «башкирца» «в разряд чувашенина». Ему было удобно жить там, где родился, где испокон веков жили его предки, время от времени выезжая на вотчину в Восточном Закамье. Любое противоречащее логике (иррациональное) суждение, отражающее предвзятость и намеренное извращение фактов, может вызвать всеобщее осмеяние и презрение к авторам «Юрми», но это, похоже, никого не волнует. К сожалению, таких примеров алогичных и необоснованных (тенденциозных) суждений в книге слишком много, поэтому в строго ограниченных рамках статьи нет возможности уделить им полное внимание.

Пользуясь моментом, считаем необходимым дополнительно указать, что вышеупомянутая д. Берсют (ныне село Берсут Мамадышского района РТ) была малой родиной еще одного «башкира-вотчинника» Приуралья. Об этом свидетельствует второй документ того же фонда «Уфимская приказная изба» РГАДА, названный «Оберегальная грамота по челобитью деревни Берсют, казанского чувашенина Максьюта Уракова о нечинении о нечинении в его вотчине его никакого насильства, на склейках, 3 л.»⁵.

Сведения о Тогае Белякове ценны тем, что свидетельствуют о земельных владениях татарина Казанского уезда в здешней местности задолго до первого официального упоминания Юрминской поземельной волости. Казанские и ногайские татары являлись хозяевами Восточного Закамья и Приуралья, а кочевники-«этнические башкиры» на территории современного Башкортостана начали появляться только к XVII в., и то лишь в Южном Приуралье, что общеизвестно из трудов как дореволюционных, так и современных авторов. Как пишет М.И. Ахметзянов, «башкиры не указаны на землях современного Башкортостана и на картах XIV–XVI веков. На этих землях обозначено лишь наличие татарского народа и Ногайской Орды [...] Башкирские (иштяк-

⁴ История башкирских родов. Юрми. Том 21. Уфа, 2016. С. 184.

⁵ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 321.

ские) племена пришли сюда после завоевания татарских государств с Верхней Камы и верховьев Яика вместе с русскими воеводами, как их союзники. Опустевшие земли Ногайской Орды были заняты ими в виде платы за оказанную услугу»⁶.

В этой связи также важен вывод А. Аксанова о том, что «география Казанского ханства простиралась до Уральских гор». Он же отметил, что к моменту завоевания Казанского ханства история татарского улуса (Акидель улус) в Приуралье насчитывала более трехсот лет. «Современники событий, описывая юго-восточные пределы Казанского ханства, не упомянули ни Башкирского улуса, ни башкир»⁷. В одном интервью он же отметил, что миграция башкир на территорию современного Башкортстана произошла после известных событий середины XVI века (падение Казанского ханства, ослабление Ногайской Орды) и опустения части земель в Приуралье, до этого они проживали в районе Великой Перми. Лишь к XVII веку башкиры начинают фиксироваться в Южном Приуралье⁸.

Вернемся к Юрминской волости. Как видно из других архивных источников, река Маняус (Маняусьелга) протекает вблизи дд. Агерзе, Азнакаево и впадает в реку Стярлебаш, где расположена д. Стерлитамак. Именно в ту местность II ревизия (1747 г.) зафиксировала массовый переход ясачных татар Арской и Зюрейской дороги Казанского уезда «по припуску» вотчинников. Есть основание полагать, что именно наследники Тогая Белякова приняли их на жительство на свою родовую вотчину. Тогда возникли деревни, в том числе Тойкино, Балтачево (на местности под названием «Кипчак»), расположенные поблизости от древнего поселения Азнакаево. Возможно, именно Азнакаево (ныне г. Азнакаево РТ) являлась местом, где располагалась усадьба татарина Тогая Белякова.

Авторы книги «Юрми» лишь вскользь отметили ранее известный факт упоминания волости по опубликованному источнику, и то лишь в связи с восстанием 1662–1664 гг. В росписи аманатов (заложников), сидевших в

⁶ Ахметзянов М.И. Ногайская Орда – историческое наследие татарского народа. [Электронный ресурс]. <http://tatarica.narod.ru/history/tarih/nogai.htm> [дата обращения 04.02.2021].

⁷ Аксанов А.В. Восточные улусы Казанского ханства // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань, 2016. С. 229, 231, 235.

⁸ Аксанов А.В. Башкирды, баскарды, баскатиры и Великая Венгрия: историк Анвар Аксанов о происхождении башкир. [Электронный ресурс] <https://sntat.ru/news/science/29-12-2020/bashkir-ty-baskardy-baskatiry-i-velikaya-vengriya-istorik-anvar-aksanov-o-proishozhdenii-bashkir-5796159> [дата обращения 06.02.2021]

Мензелинском остроге, пишут они, названы «Юрминские волости и деревни Крусай Тинбаев, а в ево место быть Юрманче Досаеву или Урасаеву сыну»⁹.

Имя Юрманче Досаева дает основание полагать, что название волости имеет антропонимическое происхождение. Хотя по ряду причин уверенно заявлять, что оно связано с именем именно этого наиболее влиятельного вотчинника, мы не можем, факт существования на территории Юрминской волости человека с именем «Юрманче» не должен был остаться без внимания. В этой связи считаем уместным цитировать А.З. Асфандиярова, который имея в виду деревню Аскинского района РБ, пишет следующее: «Д. Юрмияз при рр. Тую и Урмия сегодня называется Урмияз. По легенде, два черемиса-мусульманина Коби и Юрми на р. Тую оставили свои имена двум башкирским деревням: Кубияз и Юрмияз»¹⁰. Мы полагаем, что названный здесь Юрми (с которым, возможно, связано и название речки «Урмия») диалектальный вариант имени «Юрманче» («Урманче»). Рассматривая происхождение тюркско-татарского имени «Урманай», Г.Ф. Саттаров указал, что диалектальными вариантами этого имени являются «Урмай» и «Ормай». Опираясь на сведения учёного-филолога, считаем также важным указать, что единым объединяющим корнем имен Урманчы и Урманай (кроме них, ещё Урмантай, Урманбай, Урманша, Урманжиһан) является слово «урман» («лес») ¹¹.

Проигнорирование имени влиятельного вотчинника Юрминской волости середины XVII века можно объяснить только тем, что это выгодно башкирским исследователям, пытающимся преподнести название поземельной волости как «башкирская родовая». Ошибочными являются также суждения казанского историка Д.М. Исакова по Юрминской и другим волостям, который предпочел рассуждать о них как о «родо-племенном образовании – «волости»», «родо-племенной «волости»», «башкирской волости» («башкирской» у него без кавычки), говорит «племя (волость) юрми»¹², полностью согласившись с суждениями Р.Г. Кузеева. Не менее сильное удивление вызывает то, что не подтвержденная бесспорными источниками точка зрения Р.Г. Кузеева «о родстве юрмийцев и юрматинцев и проживании их вплоть до конца XIV в. в районе рек Зай и Шешма»¹³ ничуть не вызвала возражения у данного историка. В формировании башкирского сословия татар Восточного

⁹ История башкирских родов. Юрми. Том 21. С. 50.

¹⁰ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 298.

¹¹ Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлеге. Казан, 1981. С. 189.

¹² Исаков Д.М. Татарская нация: история и современное развитие. [Электронный ресурс] https://gorbunovs.ru/wp-content/uploads/2017/01/iskhakov_d_m_red_tatarskaya_natsiya_istoriya_i_sovremennoe_r.pdf [дата обращения 04.02.2021]

¹³ Там же. С. 121.

Закамья Д.М. Исаков вслед за золотоордынским этапом выделил ногайский (далее башкирско-сословный этап)¹⁴, но при этом ни слова не сказал о Казанском ханстве, что также не может не вызвать сильного удивления. Избыточное предпочтение данному фактору по другому поводу не преминули заметить другие исследователи, которые указали, что «Д.М. Исаков склонен видеть в «тарханах» и «башкирцах» выходцев из Ногайской Орды»¹⁵. При изучении этнической истории и сословности ногайский фактор должен рассматриваться в тесной взаимосвязи с казанским.

Вновь вернемся к названию Юрминской волости. Опираясь на вышеупомянутый документ и многочисленные неопубликованные документы фонда «Оренбургский военный губернатор»¹⁶ и опубликованные документы «МИБ»¹⁷, мы восстанавливаем историческую справедливость, и, следуя букве архивного документа, везде пишем «Юрминская». Ни одного документа, где волость называлась бы «Юрмийская», мы не обнаружили.

Возвращаясь к происхождению названия волости, приведем другие малоизвестные факты. В одном документе в связи с земельным спором наряду с д. Балыклы упоминается д. Юрмино Ирехтинской волости¹⁸. На территории Юрминской волости ближе к концу XIX в. была зафиксирована д. Юрминка (в 2010 г. деревня Старокостеевского сельсовета Бакалинского района РБ с 5 чел.). Появление последнего селения на карте Белебеевского уезда Уфимской губернии напрямую связано с хозяйственной деятельностью кандидата прав Казанского университета Владислава Евграфовича Пальчикова, который в 1874 году приобрел под свое имение землю «башкир-вотчинников» Юрминской волости¹⁹. Возможно, Юрминка появилась на месте бывшей одноимённой деревни Юрминской волости, о которой известно по документу 1662–1664 гг. (там вслед за «Юрминские волости» написано «и деревни»). Все эти относящиеся к данной местности факты дополнительно свидетельствуют об топонимическом (антропонимическом) происхождении названия волости. Мифический «род Юрми», а также связанное с ним исковеркивание названия волости, имеют цель башкиризации истории татар Приуралья.

¹⁴ Там же. С. 114.

¹⁵ Ишеев М., Акчурин М. Татарские князья и их княжества в Мещерском крае. Н. Новгород, 2008. С. 9.

¹⁶ НА РБ. Ф. И-2. Оп.1, Д. 4762. Л. 47; Там же. Д. 3995; Там же. Д. 5965. Л. 168; Там же. Л. 6.

¹⁷ МИБ. Т. 5. С. 29.

¹⁸ НА РБ. Ф. И-2. Оп.1, Д. 4762. Л. 67.

¹⁹ Каримов Т.Т. Туган якның аз билгеле почмаклары // Авыл таңнары. 1993. 11 сентябрь.

Таблица 1

Население башкирского сословия Юрминской волости в 1834 г.

№	Деревни	на «собственной» земле		«на праве припущенников»		«на коронной земле»		тюба
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
1.	Урсаево	182	202	–	–	–	–	Казанчиной
2.	Тымытуково	72	91	27	25			Чукарушевой
3.	Агирово	35	45	–	–	–	–	Баиковой
4.	Еланькулево	36	37	–	–	–	–	Баиковой
5.	Сасыкулево	35	53	26	22	–	–	Баиковой
6.	Сарлы	139	149	–	–	–	–	Чукарушевой
7.	Суюндюково	34	39	19	24	–	–	Баиковой
8.	Стерлитамаково	42	46	17	19	–	–	Баиковой
9.	Старая Урманаево	8	8	–	–	–	–	Баиковой
10	Мустафино	59	64	–	–	–	–	Баиковой
11	Наратлы Илга	19	18	–	–	–	–	Баиковой
12	Азмеево	13	10	–	–	–	–	Баиковой
13	Чалпы	43	67	13	10	–	–	–
14	Новое Надырово	–	–	–	–	10	24	–
15	Сулеево	–	–	–	–	19	12	–
16	Новое Каширово	–	–	–	–	321	343	–
17	Альмет Муллино	–	–	–	–	65	58	–
18	Абдрахманово	–	–	–	–	48	46	–
19	Тайсуйганово	–	–	–	–	154	155	–
20	Биш Мунчино	–	–	–	–	38	42	–
21	Кидашево	–	–	–	–	14	14	–
22	Карабашево	–	–	–	–	31	32	–
23	Каратаево	–	–	–	–	11	11	–
24	Шугурово	–	–	–	–	7	5	–

25	Бакир Иштеряково	–	–	–	–	20	17	–
26	Нижнее Шальчили	–	–	–	–	16	20	–
27	Урманаево	183	226	15	19	–	–	–
28	Новое Митреево	16	18	76	76	–	–	–
29	Уразаево	38	42	2	6	–	–	–
30	Туйкино	–	–	9	8	–	–	–
31	Карамалы Илга	109	113	–	–	–	–	–
32	Азнакаево	16	18	–	–	–	–	–
33	Сапеево	15	18	–	–	–	–	–

Источник: НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 431. Л. 105 об.–108; №1–8, 13–33 – Бугульминский, №10–12 – Белебеевский уезд.

Другие факты башкиризации наблюдаются при рассмотрении сведений по деревням. Прежде чем перейти к ним, обратим внимание на данные табл. 1. Какая земля называлась «коронной», в источнике не указывается, но по другим документам известно, что так назывались угодья Надыровской волости. Большинство «башкирцев» (20 деревень) жило на своих землях в качестве вотчинников и припущенников. А «башкирское» население других деревень (всего 13) зафиксировано на территории Надыровской волости, где присущих данному сословию привилегий не имело (что вызвало их неоднократные жалобы в адрес властей). Причём, из числа последних часть (Новое Надырово, Сулеево и другие) основана «небашкирцами». В данной таблице нет д. Асеево, известные по документу 1794 г. вотчинники (Буляк Тагиров и др.)²⁰, которые в начале XIX в. переселились и основали д. Карамалы Илга.

Тут необходимо дать пояснение по д. Стерлитамаково. В документе 1794 г. деревня называется Старое Усманово (вотчинник Муртазай Муртазин)²¹, а 1795 г. – Усманово «Стерли тож» (служилые татары Масыгут Масыютов сын мурза Усеев, дети Рахманкула Сюнчалеева сына мурзы Сюндюкова, Усман Махмутов сын мурза князь Тембяков, Карим Худайбердин сын мурза князь Тембяков и другие, всего 95 душ муж. и 86 – жен. пола)²². Как жители Стерлитамаково зафиксирована другая часть служилых мурз и татар (40 душ муж и 55 – жен. пола; мурзы Тембяковы и другие)²³, там же жили тепляри (72 и 61 соответственно)²⁴. Служилые татары д. Усманово «Стерли

²⁰ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7031. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 5 об.

²² НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 22. Л. 166–175.

²³ Там же. Л. 341–345 об.

²⁴ Там же. Д. 24. Л. 410–415.

тож» Карим Худайбердин сын Тембяков, Усман Махмутов сын Тембяков, Мансур Сулейманов сын Тембяков, Шарып Якупов сын Тембяков и их дети (всего 16 душ муж. и 20 – жен. пола) показаны как «удостоинные в княжеское достоинство по указу казенной палаты 1794 года»²⁵. Сведения о брачных отношениях («выдана в замужество здешней округи в деревню Стерлитамак» или «взята здешней округи из деревни Стерлитамак») свидетельствуют о разделении деревни на части. Только ближе к концу XIX в. поселения на данной территории официально получили обозначения «Верхнее» и «Нижнее» применительно к одному коренному названию (им стало «Стерлитамаково»), кроме них отдельно фиксировалось «Усманово». По статистическим сведениям 1910 г. в д. Нижний Стерлитамак показано население бывших башкирского, тептярского сословий и государственных татар (917 чел.), а в дд. Верхний Стерлитамак (776) и Усманово (1142) – бывших государственных татар с мечетями в каждой (в первой деревне 2)²⁶. Сведения А.З. Асфандиярова по данным деревням содержат много неточностей и ошибок (например, Верхнее Стярле назвал поселением «башкирцев»)²⁷.

Д.М. Исхаков в составе «Юрмийской» волости в пределах Бугульминского уезда отметил дд. Азнакаево, Асеево, Агирово, Еланкулево, Митряево Новое, Сапеево, Сасыкулево (30.12.1967 г. переименована в Буляк. – Т.К.), Сююндюково, Сарлы, Тойкино, Тумутуково, Уразаево (Медведево), Урсаево, Урманево Новое, Чалпы (Наратлы Елга)²⁸, однако пропустил дд. Стерлитамаково и Карамалы Илга (ныне с. Карамалы Азнакаевского района РТ). Пропуск д. Кармалы Илга, видимо, связан с тем, что в 1795 г. этой деревни не было, а данные за 1833 г. автор не использовал. Д. Чалпы почему-то названа «Чалпы (Наратлы Елга)». Не думаем, что д. Наратлы Илга Юрминской волости Белебеевского уезда показана в составе д. Чалпы Бугульминского уезда. Возможно, в состав Чалпы автор включил тептярскую д. Наратлы (Наратлы Елга), располагавшуюся на одной территории с Чалпы («Асаново Заитово тож»), но во всех ревизиях учтенную отдельно. В дополнение к этим сведениям отметим, что в Тойкино (Гуйкино) жили лишь припущенники, небольшая численность «башкирцев» (4 души муж. пола и 2 – жен. пола в 1816 г. в 2 дворах)²⁹ появилась много лет спустя после основания деревни ясачным татаринном сотником Тойка Абдуловым (зафиксирован во II ревизии). Последний скончался там же в 1758 г., оставив наследников (Ягуда (11), Кутчи (10),

²⁵ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 22. Л. 352–353 об.

²⁶ Список населенных мест Самарской губернии [Текст] / сост. в 1910 г. Подковыровым Н.Г. Самара, 1910. С. 124.

²⁷ Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. С. 567–568

²⁸ Исхаков Д.М. Татарская нация: история и современное развитие. [Электронный ресурс] https://gorbunovs.ru/wp-content/uploads/2017/01/iskhakov_d_m_red_tatarskaya_natsiya_istoriya_i_sovremennoe_r.pdf [дата обращения 04.02.2021]

²⁹ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 172. Л. 74 об.–75.

Ермухаммет (8))³⁰ и след в истории ещё одной деревни – Бятки (ныне Туймазинского района РБ).

Возвращаясь к д. Наратлы Илга Белебеевского уезда, отметим, что данная деревня в ревизской сказке 1834 г. зафиксирована «Нарат Илга» и входила в в 1-ю юрту команды юртового старшины Афлетуна Нагайбакова. «Башкирцы» данной деревни (7 дворов) состояли из рода одного человека – Хусаина Аитова (скончался в 1825 г.)³¹.

Таким образом, сведения табл. 1 наиболее полно отражают перечень рассматриваемых в связи с Юрминской волостью деревень. Неполное знание предмета исследования продемонстрировали башкирские авторы, когда в состав волости необоснованно и тенденциозно включили дд. Масыгутово и Кичучатово. В этом отчасти повинен А.З. Асфандияров, ошибочные сведения которого перекочевали в книгу «Юрми». История дд. Масыгутово и Кичучатово подверглась существенному искажению, поэтому имеет смысл подробно остановиться на этом.

Масыгутово авторы ошибочно назвали поселением Юрмийской волости, а её первопоселенцем – мещеряка Масыгута Тятимова. В качестве «доказательства» они привели цитату из документа, которая показывает, что этот мещеряк д. Масыгутово Казанского уезда вместе с черемисским сотником Осинской дороги Мустаем Музиковым «ворует и чинит разорение» местным жителям, поэтому они просили его «выслать, куда указом повелено будет»³². Мы выяснили, что причиной появления этих сведений послужила книга историка А.З.Асфандиярова³³, данные из которой полностью перекочевали в «Юрми» без указания авторства. Более того, по отношению к данному автору поступили непорядочно, в качестве источника указав лишь «МИБ».

С приобретением вотчинного права на землю в Булярской волости, Масыгут Тятимов стал основателем не этой, а другой одноименной д. Масыгутово (ныне Муслюмовского района РТ), о которой А.З. Асфандияров пишет следующее: «О первопоселенце или основателе деревни выявлено немало материалов. «В 1728 г. башкир Булярской волости Умер Тахтаров с тов. обвинял башкир Альмета Аднагулова, Масыгута Тятимова с тов. (одноименовец и однофамилец не из башкир тоже основал другую одноименную деревню) в том, что они «не прямые природные башкирцы, завладевшие их вотчинными и бортными угодья и ныне владеют напрасно, будто те их земли... прямые их природные». Однако решения их проблемы нет в сборнике документов»³⁴.

Тот же источник, который А.З. Асфандияров процитировал лишь частично, далее свидетельствует именно об «решении их проблемы» и коррупции в

³⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3795. Л. 383.

³¹ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 512. Л. 13–19.

³² История башкирских родов. Юрми. Том 21. С. 160–161.

³³ Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. С. 564.

³⁴ Там же. С. 524.

властных структурах. Вот цитата: «Лихачев знатно по всему производил оное дело за подозрением по согласию с ними Алметем и Масыгутом, знатно для бездельной свое[й] корысти и вершили то дело без допросов их безвинно, и дана им, Алметю и Масыгуту, на те их вотчинные земли и бортные угоды владеная выпись»³⁵. Как видим, «природные» небашкирцы Масыгут Тятимов и Альмет Аднагулов, пользуясь покровительством уфимской воеводы Андрея Лихачева получили «владеную выпись» и стали «природными башкирцами» (то есть башкирами-вотчинниками). А.З. Асфандияров сам же приводит документ 1742 г., из которого видно, что Масыгут Тятимов (в источнике «Масыгут Татимов») был одним из старшин Булярской волости и собирал ясак с «башкирцев»³⁶, и пользуясь своим новым статусом бесчинствовал.

Имея «немало материалов» (о чём сам же пишет), А.З. Асфандияров мог бы определить, что речь идёт об одном и том же Масыгуте Тятимове (Татимове). Для этого достаточно было обратить внимание, что данный человек упоминается главным образом только в связи с Булярской волостью, а к Юрминской вообще никакого отношения не имел.

Если вышеназванная ошибка по д. Масыгутово (ныне Азнакаевского района РТ) стало следствием небрежного анализа материалов, то в случае д. Кичучатово (ныне село Альметьевского района РТ) наблюдаем умышленное искажение истории. Авторы пишут: «Кичучат, село на р. Кичуй (правый приток р. Шешма), в 20 км к юго-западу от Альметьевска. Основано башкирами рода Юрми. Как и многие другие села западной части Бугульминского уезда, Кичучат уже в ранний период своей истории стал тептярским селением, а его жители полностью состояли из тептярей-башкир. V ревизия населения (1795 г.) учла в селе 270 жителей; VIII ревизия (1834 г.) – 177 жителей. Ревизия 1816 г. обнаружила в Кичучат такую интересную сословную группу, как «татары, исполняющие почтовую гоньбу», они проживали в трех дворах (11 чел.) «Общий регистр 1856 г.» обнаружил в селе 699 жителей, в том числе 509 тептярей, 190 государственных крестьян. В Кичучат родился известный башкирский ученый, религиозный и общественный деятель Ризаиддин бин Фахреддин. Земским учетом 1901 г. в д. Кичучатово Варваринской волости зафиксировано 305 дворов»³⁷.

Как видим, авторы пишут, что село «основано башкирами рода Юрми», но видят в ней только представителей «небашкирских» сословий. Оказывается, «доказательством» изначальной башкирскости д. Кичучатово стало неоднозначное сведение одного источника. Приведём цитату из книги «Юрми»: «Указанное село упоминается в «Экстракте», составленном в Кабинете министров из доношений Ф.В. Наумова и полковника И.Н. Татищева, рассказывается о нападениях восставших башкир в период восстания 1735–1740 гг.:

³⁵ МИБ. Т 3. Ч. 1. С. 134–135.

³⁶ Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. С. 525.

³⁷ История башкирских родов. Юрми. Том 21. С. 150.

«...Ясашный черемисинин Саит Ахметов: что де деревни их черемисинин Енабай Ишенбаев, Актанай Байдербышев ездили к **башкирцам в деревню Кичучат** (выделено нами. – авт.), и, возвратясь, сказывали, что Акай Кусимов с товарищи с 600 человек приговорили разорять пригород Заинск и уездные села и деревни на низ по Заю реке, и всею деревнею бутинские обыватели положили совет–вместе воевать з башкирцами. И, приехав к ним, башкирцы и татары 20 человек разных деревень сказывали, что разоряли означенные ж деревни: Новокрещенскую Буту, Маврину, село Елань...»³⁸.

Комментарий к документу не дается, поэтому поясним причину появления «башкирцев» в д. Кичучатого. Во-первых, данный документ составлен не в мирное время, а в период «башкирского восстания 1735–1740 гг.», фиксированного именно «башкирским» по вотчинно-территориальному признаку. Непосредственное участие в этих кровавых и жестоких событиях наряду с «башкирцами» приняли многочисленные татары, марийцы и другие нерусские народы. Если рассуждать, что составивший «экстракт» чиновник записал слова местного ясашного черемисина Саита Ахметова о «башкирцах» именно из-за военной обстановки, не позволявшей точно определить сословный состав участников, будем правы лишь частично. Во-вторых, также нельзя исключать, что «башкиры»-повстанцы соседних волостей располагались лагерем в д. Кичучат и именно к ним направился вышеупомянутый черемисин.

Однако вся правда в данной истории заключается в том, что на взгляд того же чиновника и черемисина они являлись башкирами-вотчинниками, то есть истинными хозяевами данной территории под названием Надыровская волость. Не случайно, Надыр Уразметов безуспешно пытался получить документ на вотчинное право. Не имея такого, как старшина осуществлял припуск жителей других деревень на своих условиях. Власти после долгого изучения обстоятельств заселения края отказали в вотчинном праве и постановили, что это «коронная» (то есть государственная) земля, которая к моменту заселения считалась «пустопорозжей» (пустопорожной) и давалась лишь за службу. По истории Надыровской волости в нашем распоряжении имеются выписки из документов разных архивов, в рамках данной статьи ограничимся наиболее злободневной цитатой из объемного документа РГАДА под названием «По указу Правительствующего Сената о землях дачи Мензелинского, Бугурусланского и Бугульминского у. у. Надыровой волости с деревнями. Начато 21 дек. 1850 г.; решено 1 апреля 1861 г.»

«Надырова волость, состоящая ныне по разграничению в Бугульминском и Бугурусланском уездах, таковое наименование себе получила от имени первого заводителя оной татарина Надыра Уразметева, который до 1719 года обыскав пустопорозжую землю с прочими угодьями лежащую между Казанского и Уфимского уездов по рекам Заю, Шешме, Черемшану, Соку и прочим урочищам и поселясь на оной с прочими подобными себе иноверцами, в 1729

³⁸ История башкирских родов. Юрми. Том 21. С. 150–151.

году просил Правительствующий Сенат утвердить ту землю за ним с товарищи [...]. Надыровой волости обыватели на Новой Московской дороге почтовые гоньбы имеют и тем высокому интересу немалой плод приносят, для чего дабы в оныя земли, кто посторонния не мог вступатся дать им владеной указ, но дань ли таковой по делу не видно, что принадлежит до поселившихся в той же Надыровой волости перешедших из разных уездов сходцов, по разным дозволениям и случаям, а затем после того капитаном Ляховым свидетельства до состоявавшегося и нынче описанию под № 180-м и 183-м значится из числа сих ямщицких селений деревни Абдрахманова, Тайсуганова, Карабашева, Кудашева, Верхняя и Нижняя Махтамы по межеванию состоят в Надыровой волости – первая пять – в неразрешенной даче»³⁹.

Как видим, территория волости, куда входила и деревня Кичучатово, заселялась выходцами из «разных уездов», которые к моменту заселения были ясачными татарами, что видно из переписной книги 1747 г.⁴⁰ Поэтому авторы книги «Юрми» лукавят, когда пишут, что «потеряв свои охотничьи, бортные и иные угодья в результате строительства Старой и Новой Закамской линий, а также учреждения Надыровой волости, многие из них не могли выполнять башкирских повинностей перед государством. Это, в свою очередь, вынуждало их (то есть вотчинников поземельных волостей. – Т.К.) переходить в тептярское сословие. Именно по этой причине большое число этнических башкир Юрмийской, Байларской, Булярской и других западных волостей стали тептярями»⁴¹. Они также искажают истину, когда пишут, что «расхищение башкирских земель привело к массовой тептяризацией населения Юрмийской волости. Однако многие юрмийцы, находясь в составе сословия тептярей, сохраняли свою этническую идентичность, что проявилось в появлении в 30–60-х гг. XIX в. таких самоопределений, как «башкир из тептярей» и «новобашкир»»⁴².

В тептярское сословие «перешли» не «башкиры», а вышеупомянутые нами ясачные татары из переписной книги 1747 г. Авторы из-за незнания темы и материалов переписей 1747–1762 гг. Уфимского уезда могут полагать о переходе «башкир» в тептяри (хотя таких фактов попросту нет), но должны были знать, что голословное утверждение о «ставших тептярями» «этнических башкирах» является фальсификацией истории. Комментируя тептярскую тему, считаем нужным указать, что появление термина «башкир из тептярей» и «новобашкир» стало следствием закона «О присоединении тептярей и бобылей к Башкиро-мещерякскому войску» от 22 февраля 1855 года, когда тептярские полки, состоящие из тептярей и бобылей, были включены в кантонную

³⁹ РГАДА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 1. Л. 1005, 1005 об., 1009.

⁴⁰ Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исаков. Казань, 2020. С. 64–66.

⁴¹ История башкирских родов. Юрми. Том 21. С. 185.

⁴² Там же. С. 217.

систему Башкиро-мещерякского войска. Позднее название было изменено на Башкирское войско законом «О именовании впредь Башкиро-мещерякского войска Башкирским войском. 31 октября 1855 года». Нет никаких фактов, что термины «башкир из тептярей» и «новобашкир» появились раньше 1855 года и связать этническую идентичность именно с этими терминами – очередная фальсификация истории. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть метрические книги любого татаро-тептярского поселения (например, д. Кичучатово) до 1855 г., которые подтвердят отсутствие терминов «башкир» «башкир из тептярей» «новобашкир». Когда авторы пишут, что «моноэтнический состав жителей был подтвержден и документом «Общий регистр 1856 г.» или «общий регистр 1856 г.» уточнил этнический и сословный состав жителей»⁴³ – это тоже фальсификация истории, потому что в данном «регистре» речь идёт только о сословиях. Вся эта фальсификация направлена на башкиризацию истории татар и имеет явно провокационный характер. Сведения авторов по населенным пунктам также во многом искажают историю, в рамках опять-таки ограниченной возможности одной статьи невозможно указать на все недостоверные факты.

Как было сказано выше, Надыр Уразметов распоряжался на территории одноименной волости как вотчинник. Появление большой группы «башкирцев»-припущенников в Надыровской волости связано с его именем. В д. Юлтимирово «башкиры» перешли в 1760 г. из д. Алишево при р. Усень (ныне с. Илишево Илишевского района РБ) по допуску татар. В д. Надырово Сугушлы тож «башкиры» переселились в 1778 г. из д. Бакаево Бугурусланского округа. В Шугурово «башкиры» перешли из д. Алешевка Белебеевского уезда «по дозволению Надыра Уразметова». В д. Абдрахманово они перешли из д. Аташ Бирского уезда по допуску старшины Надыра Уразметова, «в котором году не помнят». В Тайсуганово «башкирцы» переселились из д. Альметьево Мензелинского уезда по допуску старшины Надыра Уразметова «с давних лет, а когда точно не помнят и документов на поселение не имеют»⁴⁴. Как видим, попав в среду ясачных татар из разных уездов, «башкирцы» тем не менее сохранили сословность. Это еще раз указывает на то, что сословность всегда сохранялась, а рассуждения «о переходе башкир в тептяри» беспочвенны. Известные по архивным источникам потери «башкирского звания» связаны в основном с переходом в категорию «новокрещеных».

Нужно подчеркнуть, что татарин д. Адаевой Арской дороги Казанского уезда Надыр Уразметов появился здесь неслучайно, в Закамье была вотчина его предков. Поэтому он имел копии прав 7133 [1625], 7155 [1647], 7183 [1675], 7184 [1676], 7194 [1686] и 7200 [1692] г.г. Хотя при земельном споре вотчинники-юрминцы их не признавали, так как «кои никем незасвидетель-

⁴³ История башкирских родов. Юрми. Том 21. С. 155.

⁴⁴ Амирханов Р., Габдуллин И. Надыровская волость. [Электронный ресурс] <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/7>

ствованы, но и показанные в оных речки отстоят от нас большей частью верст за сто и больше»⁴⁵, тем не менее он второй после вышеупомянутого в начале статьи казанского татарина (в источнике «чювашенин») д. Берсют Зюрейской дороги Тога Я Белякова вотчинник Казанского уезда.

Надыр Уразметев не первый знатный татарин на данной территории. Раньше него заселились представители рода темниковских мурз Тембяковых (Тенибековых), которые были упомянуты нами при рассмотрении д. Стерлитамак. Известно, что 7116-го [1607] года сентября 2-го по челобитью мурзы князя Тимбякова, велено владеть ему поместною пашенною землею и санными покосами в Уфимском уезде по Казанской дороге по речкам Стерли и Кучуглы вдоль на 7-м, а поперек на 8-м версты и по прочим урочищам пашни 800 четвертей, санных покосов 8 копень»⁴⁶.

Как и в случае с Тогаем Беляковым, авторы нашли схожую причину появления Надыра Уразметова в Восточном Закамье. Переселение из Казанского уезда на землю своих предков точно так же сочли «доказательством» его «башкирства». По примерам по дд. Масыгутово и Кичучатово мы видели неумение авторов «Юрми» работать с источниками. Не умеют, как положено, работать и с исторической литературой, о чём свидетельствует следующее их рассуждение: «Р. Амирханов и И. Габдуллин, несмотря на спорность выводов о ногайском происхождении башкир Восточного Прикамья, вынуждены признать, что тарханами могли быть только башкиры, следовательно, Надыр Уразметов был башкиром»⁴⁷. А ведь в той статье «Надыровская волость» татарские авторы пишут, что «территория Надыровской волости, как и значительная часть Казанской дороги, была издавна населена тюркскими племенами ногайского происхождения – татарами», при этом ни слова не говорят о происхождении «башкир». Также они пишут, что «служилые татары-тарханы оказались в составе башкирского сословия» и во всем тексте нет даже намека, что «тарханами могли быть только башкиры». Поистине, не иначе как попыткой выдавать черное за белое – это не назовешь.

Среда этнических башкир (Южный Урал) из-за глубоко укоренившихся кочевнических традиций и слабости религиозно-образовательной культуры не располагала условиями для появления выдающихся деятелей, поэтому слишком малое число их начинает появляться лишь ближе к концу XIX века, когда постепенное преобладание земледельческого образа жизни способствовало массовому появлению мектебе (начальных школ) и медресе при мечетях. Вместо того, чтобы признать очевидное и смириться с ничуть не зазорным фактом бытия своего народа, необходимость возвеличивать свою нацию и непомерные амбиции вынуждают башкирских историков и литераторов каждый раз обращать взор в среду татар башкирского, теплярского и других татарских сосло-

⁴⁵ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 150. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Д. 547. Л. 63–68 об.

⁴⁷ История башкирских родов. Юрми. Том 21. С. 69.

вий, где наблюдается целая россыпь таких деятелей. В немалой степени этому способствовали сами же татары, посвятив себя служению этнобашкирской культуре и истории. Порой такое служение откровенно вредит интересам татарского народа, что видим на примере некоторых историков, литераторов и журналистов данного региона как в прошлом, так и настоящем.

Вернемся к книге «Юрми». Свидетельством грубого отрицания исторической реальности и как очередной пример провокационности самой книги является следующая цитата: «Башкиры рода Юрми – Ризаиддин Фахреддинов, Афзал Тагиров и братья Туйкины (Кабир и Фазыл), несмотря на свою тептярскую сословность, в этническом плане осознавали себя именно башкирами. Мало того, к тептярскому сословию относились такие лидеры башкирского национального движения начала XX в., как Ахмед-Заки Валиди, Муллаяна Халиков и др., чья башкирская идентичность не вызывает никаких сомнений»⁴⁸. Раз авторы имеют дар видеть и чувствовать, кто из татар прошлого «осознал себя именно башкиром», численность известных «башкирских» деятелей можно увеличить. Этим, видимо, нужно объяснить появление следующей цитаты: «Среда башкир-юрмийцев выдвинула много выдающихся личностей, сыгравших значительную роль в истории и культуре Башкортостана и всех мусульман внутренней России. Это – суфийский поэт XVII в. Мавля Кулуй, предводитель башкирского восстания 1735–1740 гг. Султан-Мурад Дюскеев, просветитель, богослов и муфтий ОДМС Риза ад-Дин бен Фахр ад-Дин, поэты и просветители Кабир и Фазыл Туйкины, участники башкирского национального движения Абдрахман и Абдулахад Фахреддиновы, председатель БашЦИК Афзал Тагиров»⁴⁹.

Данная фальсификация имеет цель показать деятелей-выходцев из тептяр (в том числе Ризаэтдина Фахретдинова из д. Кичучатово и многих других) этническими башкирами, отвергая всякую сословность и игнорируя архивные источники (например, о переселении предков Ризаэтдина Фахретдинова из Свяжского уезда). Родословную Р. Фахретдинова автор этих строк изучил и опубликовал 26 лет тому назад⁵⁰, поэтому не видит необходимости вновь вернуться к этому вопросу.

Ризаиддин бин Фахреддин, Ризаиддин Фахреддинов и Риза ад-Дин бен Фахр ад-Дин – так в нескольких вариантах написали имя выдающегося сына татарского народа авторы книги «Юрми», проигнорировав общепринятое традиционное написание, зафиксированное в «Башкирской энциклопедии» (там Ризаитдин Фахретдин). В «Татарской энциклопедии» авторы совершенно правильно написали Ризаэтдин Фахретдинов, что более полно сохраняет особенности татарских имен на русском языке. В данной статье автор указал на фальсификацию истории д. Кичучатово и объяснил появление в

⁴⁸ История башкирских родов. Юрми. Том 21. С. 183.

⁴⁹ Там же. С. 217.

⁵⁰ Каримов Т.Т. Р. Фахретдинов шәжәрәсе // Казан утлары. 1994. № 4. Б. 144–145.

метриках населения тептярского сословия после 1855 года нового сословного обозначения «башкир», зафиксированного даже в паспорте Р. Фахретдинова.

Как и предыдущие статьи, эту завершаем следующими словами: «Историческая правда, какой бы она ни была, должна восприниматься так, как на самом деле, отрицать её созданием мифов и псевдобашкир – удел людей, не имеющих ничего общего с подлинной исторической наукой и тем самым наносящих на историю башкирского народа несмыслимую черную кляксу».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Башкирды, баскарды, баскатиры и Великая Венгрия: историк Анвар Аксанов – о происхождении башкир. [Электронный ресурс] <https://sntat.ru/news/science/29-12-2020/bashkir-dy-baskardy-baskatiry-i-velikaya-vengriya-istorik-anvar-aksanov-o-proishozhdenii-bashkir-5796159> (дата обращения 06.02.2021)
2. Аксанов А.В. Восточные улусы Казанского ханства // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 464 с.
3. Амирханов Р., Габдуллин И. Надыровская волость. [Электронный ресурс] <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/7>
4. Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа: Китап, 2009. 600 с.
5. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009.
6. Ахметзянов М.И. Ногайская Орда – историческое наследие татарского народа. [Электронный ресурс] <http://tatarica.narod.ru/history/tarih/nogai.htm> [дата обращения 04.02.2021]
7. История башкирских родов. Юрми. Том 21. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Уфимский полиграфкомбинат, 2016. 716 с.
8. Исхаков Д.М. Татарская нация: история и современное развитие. [Электронный ресурс] https://gorbunovs.ru/wp-content/uploads/2017/01/iskhakov_d_m_red_tatarskaya_natsiya_istoriya_i_sovremennoe_r.pdf (дата обращения 04.02.2021)
9. Ишеев М., Акчурин М. Татарские князья и их княжества в Мещерском крае. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 68 с.
10. Каримов Т.Т. Р. Фахретдинов шәжәрәсе // Казан утлары. 1994. № 4. 144–145 б.
11. Каримов Т.Т. Туган якныц аз билгеле почмаклары // Авыл таңнары. 1993. 11 сентябрь.
12. Материалы по истории Башкирской АССР (далее – МИБ). Т 3. Ч. 1.
13. МИБ. Т. 5.
14. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 150, 547, 3995, 4762, 5965, 7031.
15. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 22, 24, 172, 431, 512.
16. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3795.

17. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 298, 321.
18. РГАДА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 1.
19. Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлеге. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1981.
20. Список населенных мест Самарской губернии / сост. в 1910 г. Подковыровым Н.Г. Изд. неофиц. Самара: Губернская тип., 1910. 425 с.
21. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 192 с.

Сведения об авторе: Каримов Тагир Тимергазимович – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: tkarimov@bk.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE VOTCHINIKI AND SETTLEMENTS IN THE YURMINSKAYA LAND DISTRICT

Tagir T. Karimov

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The first part of the article examines a little-known document on the Yurminskaya land district and its Tatar *votchinnik* from the Zureiskaya *doroga* of the Kazan district. Regarding the fictional Bashkir kin Yurmi, the author emphasized that the name Yurminskaya meant a land district. The second part of the article shows, with specific examples, the fallacy and tendentiousness of the conclusions of Bashkir historians.

Keywords: Aznakaevsky district, Bakalinsky district, Bersut, land district, Zureiskaya, Manyas, Nadyr Urazmetev, Togai Belyakov, Yurminka, Yurminskaya land district

About the author: Tagir T. Karimov – Cand. Sci. (History), Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: tkarimov@bk.ru

К СПЕЦИФИКЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УЕЗДАХ «ИСТОРИЧЕСКОГО БАШКОРТОСТАНА»

И.Г. Гиниятов

*Независимый исследователь
Москва, Российская Федерация*

Целью работы является изучение особенностей земельных отношений в уездах так называемого «исторического Башкортостана». Исследование строится на анализе исторических источников (актовый материал, материалы экспедиций, записки современников и т.д.) и историографической литературы. В работе показывается, что выделение этно-географической области «исторического Башкортостана» не имеет под собой научной основы и лишь является современным идеологическим конструктом. Причем понятие башкирцы на этой территории во многих случаях было обозначением чисто сословной, а не этнической принадлежности местного населения. По материалам исследования видно, что башкирцы так называемого «исторического башкортостана» зачастую даже не являлись собственниками земли, а жили на казенных землях или в положении припущенников.

Ключевые слова: татары, мишаре, тептяри, башкиры, Башкирия, Приуралье, земельные отношения, вотчинники.

Прежде всего, как говорил Лев Николаевич Гумилёв, надо бы определиться с терминами. Часто утверждается, что некая Башкирия до эпохального присоединения к Московии была разделена между тремя, четырьмя государствами, осколками распавшейся Золотой Орды. Вот только непонятно при этом, что же именно было разделено? Сейчас пишут о существовании некоего древнего «Исторического Башкортостана». Однако это все же нынешний новояз, причем, ещё и с объявлением его, сугубо древней историчности. Наиболее же подходящее определение этого: «территориально-административный регион, носящий название Башкирия», как приведено в статье Д.Б. Рамазановой¹. Однако, и это определение всё же уже региона в составе Русского государства, но никак не наследие бытовавшей ранее некой башкирской государственности. И к тому же, это регион никогда ранее в России не имевший такого официального названия, как Башкирия, и претерпевший много процедур территориальной перекройки, и даже разделения. Нас же интересует, прежде всего, только та территория, где, как пишут, существовало коллективное башкирское вотчинное землевладение, и вытекающие с реально существо-

¹ Рамазанова Д.Б. Там, где течёт река Ик... // Идель. 1993. № 9–10. С. 67.

вавших особенностей землепользования процессы формирования этносословных групп, причём особо усугублённые именно на этой территории.

Четко эту территорию сложно очертить, и к тому же, она и изнутри была не очень однородна по наличию означенных групп, и собственно самих башкир. И да, если границы этого ещё как-то можно очертить границами административно-территориальных единиц Российской империи, то внутренняя её структура, в смысле этих самых земельных отношений на фоне, объявляемого наличия башкирской «вотчинности», и реального формирования сословий, так, и, вообще, очень сложна. Продолжая далее, заметим, что наверняка не ошибемся в утверждении, что одними из самых стабильных территориально-административных единиц Российской империи были уезды, установившиеся с начала XVIII века. Вот в этих единицах и очертим интересующую нас территорию.

Вполне подробное поуездное представление означенной Башкирии, причём, как отмечено, существовавшей с конца XVIII до начала XX в., с разделением её на Западную и Восточную, и с отдельным указанием численности башкир, было осуществлено Н.Н. Томашевской (Моисеевой)². При этом ею было отмечено, что не были учтены башкиры Саратовской губернии и Уральской области. Кроме того, Уфимский и Стерлитамакский уезды были ею отнесены частями на означенные западные и восточные части к соответствующим уездам.

Здесь надо отметить про динамику роста численности башкир в этих отдельных областях Башкирии, представленную автором. В Восточной её части рост численности башкир происходил вполне умеренно, линейно. В Западной же части наблюдался просто бурно нарастающий демографический взрыв, очень близко описываемый даже квадратичной функцией времени. Башкиры, только одним естеством, в приросте численности обгоняли, причём даже значительно, всех иных, которые помимо естества прирастали ещё ведь, и за счёт мощнейшей миграции. Это «явление» происходившее в Западной Башкирии, кроме как только таким определением нельзя объяснить, но автор этих слов, вполне подробно исследовал ареал этих процессов, и показал, что чудес не бывает. И отметил, что более всего финиш, конец и даже резкий упадок этого явления определил известный «Декрет о земле» большевиков 1917 года, что наглядно показала последовавшая за этим перепись 1920 года.

Последуем же далее. Воспользовавшись данными Н.Н. Томашевской о уездах, где жили башкиры и данными VIII ревизии 1834 года³, мы составили следующие таблицы (табл. 1, 2, 3).

² Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа, 2002. С. 232.

³ VIII ревизия 1834 года по ведомостям башкирских и мишарских кантонных начальников и земских исправников о численности башкир, мишарей и тептярей по 19 уездам Оренбургской, Пермской, Вятской губерний (см.: Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001. С. 111–377).

Таблица 1

Восточные уезды	баш.	б.-м.	б.-т.	мещ.	м.-т.	тепт.	б.-м.-т.	Всего
Оренбургский	223		1			5		229
Верхнеуральский	201							201
Челябинский	130			22				152
Троицкий	95					5		100
Красноуфимский	25		1		1	22		49
Шадринский	48							48
Екатеринбург-ский	33			1				34
Общее число	755	0	2	23	1	32		813

Таблица 2

Западные уезды	баш.	б.-м.	б.-т.	мещ.	м.-т.	тепт.	б.-м.-т.	Всего
Мензелинский	95		61			81		237
Бугульминский	19		24			53		96
Осинский	33		5			6		44
Елабужский	9		4			24		37
Бугурусланский	5		1			17		23
Бузулукский	16		1			4		21
Сарапульский	5							5
Пермский	2							2
Общее число	184	0	96	0	0	185	0	465

Таблица 3

Центральные уезды	баш.	б.-м.	б.-т.	мещ.	м.-т.	тепт.	б.-м.-т.	Всего
Бирский	138	10	37	66	34	294	20	599
Белебеевский	104	9	73	29	15	99	14	343
Стерлитамак-ский	180	3	13	21	10	46	1	274
Уфимский	94	11	7	38	18	67	12	247
Общее число	516	33	130	154	77	506	47	1463

Общих пояснений ко всем таблицам немного. Сокращения в шапках таблиц означают: баш. – башкирские населенные пункты (н/п), б.-м. – башкирско-мещеряцкие н/п, б.-т. – башкирско-тептярские, мещ. – мещеряцкие, м.-т. – мещеряцко-тептярские, тепт. – тептярские, и б.-м.-т. – это н/п с общим миксом упомянутых групп населения. В последнем столбце представлено общее

число н/п соответствующих уездов, а в последней строке общее число н/п каждой группы в отдельности по всем этим уездам. Перечень уездов в этих таблицах представлен по уменьшению общей численности означенных н/п.

Продолжим наше повествование о содержании первой таблицы. По Златоустовскому уезду, отнесенному Н.Н. Томашевской к восточным, в используемой нами Ведомости по VIII ревизии 1834 года сведений нет. По Верхнеуральскому же уезду есть только отметка: «Всего в уезде 3432 тептярей мужского пола», без указания, без перечисления соответствующих н/п⁴. Вместе с тем, последнее, т.е. отсутствие в уезде тептярских н/п, более чем странно. Уже по V ревизии 1795 года в этом Верхнеуральском уезде наличествовала даже отдельная Тептярская волость с 12 тептярскими н/п, причём без каких либо иных⁵, а по означенной Ведомости они получается, все бесследно потерялись. Здесь и сейчас всё же не станем углубляться в выяснение того, как же такое случилось. Однако всё же озвучим несколько слов. Тептяре этих н/п по сведениям А.З. Асфандиярова были происхождением из ясачных татар, и частично, как например некоторые жители д. Ительбаново, из чуваш, и эти н/п были основаны в 1744–1747 гг.⁶ Важно также подчеркнуть, что тептяре означенных н/п, не были в никакой зависимости от башкир, и владели, или правильнее, пользовались на законных основаниях землями выделенными им властями. К тому же, нельзя не заметить, что в своём повествовании, А.З. Асфандияров большинство этих н/п находил вновь уже по X ревизии 1859 года.

Вместе с тем, по содержанию этой первой таблицы, даже невооруженным глазом видна некая башкирская стерильность, где очень мало населённых пунктов иных «этничностей», и даже со смешанным населением. Выделяются только два уезда: Челябинский и Красноуфимский. Первый из этих уездов, с наличием помимо башкирских только мещеряцких н/п оставим на потом. А здесь и сейчас только пара слов, все эти мещеряцкие н/п этого уезда, тоже практически пребывали в независимости от башкир. По второму же уезду выскажемся немного больше. В этом Красноуфимском уезде был вроде как только один смешанный башкиро-тептярский н/п, с небольшим числом тептярей при значительной численности башкир. Однако, и в некоторых из 22-х н/п означенных только тептярскими, отмечены в явном виде, и башкиры, и черемисы и даже татары, и ещё обозначенные, как казенные татары. В общем же, большая доля этих н/п тептяр из черемисов, есть тептяр-татар, и по некоторым тептярским н/п указано, что в их, число тептярей, входили и башкиры. Отношение же всех этих н/п к земле, к землепользованию, весьма разное. И собственно у башкирских н/п не все однозначно в этом смысле. Чаще по ним обо-

⁴ Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001. С. 227.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 27–29.

значено, что живут на своей земле, но есть даже такие описания, что живут на даче какого-либо казенного завода, причём на проданной ими же земле.

Здесь и далее не будем особо вникать в подробности по каждому н/п, ограничиваясь только некоторыми примерами, и общими характеристиками, а также не будем приводить многочисленные ссылки на используемую нами Ведомость с данными ревизии 1834 года.

В завершение отметим, что в Красноуфимском уезде был очень большой смешанный н/п Ока Большая с 796 мещеряками обоего пола и 104 тептярами мужского пола, причём единственный с наличием мещеряков, но без башкир. Надо заметить, был ещё один мещеряцкий н/п в единственном числе в Екатеринбургском уезде из этих восточных, но не смешанный. Оставим и это на потом, как и подобные, но не «смешанные» мещеряцкие н/п Челябинского уезда.

Следуя далее, обратим внимание на тептярские н/п оставшихся уездов этой первой таблицы. С тептярством по сведениям этой таблицы получается очень, и очень не густо, если даже не сказать иначе. При этом есть и другое. В Оренбургском уезде было 5 тептярских н/п и одно смешанное с башкирами, но все тептяре этих н/п не являлись припущенниками башкир. И по 5 тептярским н/п Троицкого уезда зависимости их жителей от собственно башкир, тоже, как-то не прорисовывается. И к уже сказанному, озвучим осторожно вопрос, почему же так, а где же объявляемое всеохватывающее сугубо башкирское хозяйское вотчинное землевладение?

А теперь уже за собственно башкирские н/п восточных уездов, которые остались пока без внимания. В Оренбургском уезде башкиры отмечены в землепользовании более всего, как «собственниками» своих земель, но есть много и иных характеристик этого, и в частности немало, как в припущенниках. Собственно и сами башкиры охарактеризованы по-разному. Башкиры в этом уезде есть из «Султанских нагайцев казачьего войска, из казачьего регулярного войска, и даже из казанских торговых татар», причём, в общем, не малым числом в 6 637 человек. Если правильно нами приведена арифметика, это чуть более 10% даже от общей численности уезда в 65 930 человек, а к этому есть ещё более тысячи человек тептяр, в коих было только одних мужчин 583 человека. Так же не очень оптимистично, если не сказать более, выглядят в землепользовании башкиры Челябинского уезда. Немало вопросов с этим и по Троицкому уезду, есть такие же вопросы и по Екатеринбургскому уезду. Только по Шадринскому уезду по всем наличествовавшим там 48-ми н/п, причём отмеченных башкирскими, как под копирку прописано, что все их жители «Проживание имеют на собственно (выделено мной – И.Г.) жалованной земле». Отмечая, что эта характеристика, как-то не очень внятно звучит по-русски, заметим, может это объяснит высказывание именитого юриста РБ З.И. Еникеева о расхождении правовых взглядов башкир и русских властей в отношении собственности на землю. Он пишет: «Русское правительст-

во в полном соответствии с правовыми воззрениями восточного государства считало себя верховным собственником всех башкирских земель. Башкиры же никогда не признавали данного права и считали, что единственным собственником является конкретное родоплеменное образование. Данное противоречие в правовых взглядах выражалось и в том, что официально русское правительство считало, что оно землю «жалует», а башкиры, со своей стороны, просто подтверждали таким образом своё право на землю»⁷. Однако не будем гадать, тем более, касательно только 48 башкирских н/п на фоне 755 таковых в обозначенных Восточных уездах.

Перейдём ко второй таблице, однако, прежде несколько слов касательно некоторых уездов первых двух таблиц, в которые, как пишут, даже по Википедиям, вошли окраинные территории «Исторического Башкортостана». Красноуфимский, Шадринской и Екатеринбургской уезды из таковых Пермской губернии были отнесены Н.Н. Томашевской в один кластер Восточных уездов, ставших помимо этих означенных трех с 1865 года, несколько изменёнными территориально уездами новой Оренбургской губернии. В составе этой губернии значились также уже существовавшие к тому времени Троицкий уезд, и вновь учреждённый Орский. По тем же временам была образована также отдельная Уфимская губерния в составе уездов, выделенных нами в центральные, и представленные в третьей таблице, плюс к этому Мензелинский и Златоустовский уезды. Также «окраинные» уезды Пермской губернии Осинский и Пермский нашим автором были отнесены к Западным. Из Вятской: Елабужский и Сарапульский, и уже сугубо справедливо следующие западные уезды: Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский. А вот, тоже очень западный Мензелинский уезд не пишут в окраинные территории «Исторического Башкортостана». Ну, что же, и нам пока на это нечего сказать. Обратим же внимание на остальные Западные уезды, которые, между прочим, все, оказавшиеся «окраинными».

А вот здесь уже всё по-другому. Наблюдается большая смешанность в «этничности» н/п большинства уездов вместе с Мензелинским, причём значительная, хотя несколько более однообразная. Помимо башкирских, наличествуют только тептярские и таковые же смешанные с башкирами н/п. Мещеряцких же, как и в Мензелинском уезде нет, хоть шаром покати. Начнём всё же сугубо башкирских уездов, Пермского и Сарапульского, где не было никаких иных «этнических» групп. А что, действительно же настоящий башкирский монолит в них, причём даже на границах этого «Исторического Башкортостана». В первом из отмеченных уездов, два башкирских н/п, а во втором, ещё более, даже целых пять. И что из них, из этих н/п, получается тоже на лыжи вста-

⁷ Еникеев З.И. Образование автономной Республики Башкортостан: историко-правовые предпосылки // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). Т. 1. Екатеринбург, 2019. С. 645.

вали для получения жалованных грамот на вотчинные владения землёй, и было дано им это право? Если так, то оказывается всё же не всем, из пяти н/п Сарapulьского уезда, башкиры одного из них жили на казенной земле, а другого – являлись припущенниками, хотя не прописано кого, но конечно же башкир, а кого же ещё, как не их хозяев вотчинных земель края.

Последуем далее по списку таблицы снизу вверх. Да, уже Бузулукский уезд вполне башкирский. Однако, если башкиры помимо жития, вроде как, на собственной земле, ещё и в припущенниках в семи своих н/п, т.е. почти в половине, бытуют, то тептяре и в этом уезде вне зависимости от башкир пребывали. Всерьёз же воспринимать, что и 5 башкирских н/п, и один такой смешанный Бугурусланского уезда могли быть хозяевами жизни в этом уезде, просто нонсенс. То же касается и Елабужского уезда, во всяком случае, касательно тептяр, это особенно так. С Осинским уездом уже посложнее, и собственно башкирских н/п в нём был большой процент, и башкиры в них владение землёй имели, как прописано, собственной. Однако с тептярями опять незадача, они, опять в независимости от башкир, хозяев вотчинных земель. В Бугульминском же уезде, полная чехарда, как с землепользованием самих башкир, так и их припущенников из иных. Однако и в этом уезде предполагать, что башкиры были большими хозяевами, как то не получается. К слову сказать, если по Мензелинскому уезду отмечаются большие стенания башкирских гуманитариев об «отатаривании» башкир в Татарстсане, то ведь по приведённым нами уездам Самарской губернии тоже «такое» случилось, а это, уже как-то ими не замечается. Бытовавшая по временам VIII ревизии 1834 года численность башкир в 13 917 человек в этих трёх уездах, по переписи 2010 года, по всей Самарской области составляет всего лишь 7 290. Тогда как, даже не упомянутых в нашем анализе татар, в этой области на сегодня 126 124 человек. Ах да, проклятые же большевики тептяр в татары переписали. По той же VIII ревизии 1834 года тептяр в означенных уездах было только несколько более чем 22 500 человек. «Превратившись» в татар, они значительно приросли в своей численности, а башкиры наоборот, даже уменьшились. Предполагать, что и в Самарской области, действовал татарский административный ресурс, и башкир во множестве «отатарили», или, что деторождаемость у башкир в этой области очень понизилась, неверно. Конечно же, ассимилятивные процессы, естественного характера происходили, но вероятнее всего, что те 13 917 человек башкир уже той далекой ревизии начала XIX века не были этническими башкирами.

И, наконец, об уездах третьей таблицы, которые в 1865 году стали основой, центральным костяком Уфимской губернии, а затем, начиная с 1919 года стали частями перетекать в Башкурдистан, названный ещё и «Малой Башкирией». А уже в 1922 году оставшиеся её части очень «плавно» были присоединены к этой самой «МБ» с образованием из всего этого «ББ», т.е. «Большой Башкирии». Как бы к слову, это было всё же ещё не окончательным ре-

шением, и были ещё вполне продолжительные процедуры большевиков по «кройке и шитью» республики, присоединяли одно, отсоединяли, урезали другое. Но, так или иначе, всё это завершилось советским БАССР, и нынешним Башкортостаном.

Однако вернёмся к нашим уездам, но начнём это с отставленного нами на потом, восточного Челябинского уезда, с его мещеряцких особенностей. Этот уезд «Исторического Башкортостана» самый дальний, восточный, но не из тех окраинных он, и даже сугубо «асабий», башкирский, в котором было 130 башкирских н/п, и это ведь порядка 85, 53%. Ну, почти башкирский монолит, но всё же разбавленный, из наших означенных, и представленных в таблицах «этнических» групп, только мещеряками, и причём ведь вполне существенно. Если по н/п и не очень, то по численности вполне даже, мещеряков в уезде было порядка 35,57% относительно башкир. И по их землепользованию, очень интересно получается, только в трех их н/п жители жили на башкирских землях и платили оброк, а во всех других на казенных землях. Кому платили оброк те мещеряки, вашему покорному слуге пока неизвестно, но таковых было только 14,18% от общего числа мещеряков в 7 968 человек. Т.е., вроде как, получается, что до этого уезда потенциальные припущенники башкир-вотчинников практически не добрались, что даже, и тептяр в нём не оказалось, и мещеряки в целом, не абы как их припущенниками оказались.

А теперь про Мензелинский уезд. С этим уездом тоже странности, мещеряки его, как бы ни замечая, получается, мимо его далее «пробежали», прошли, но вместе с тем, и не «заметили» они восточные уезды, как например самые башкирские Оренбургский и Верхнеуральский уезды. А почему же так? Добавим ещё чуток к этой особенности восточных уездов, мещеряцкой особенностью. Как уже было отмечено, в представленных в первой таблице восточных уездах, кроме как в самом крайнем Северо-Восточном Челябинском уезде, такой особенности практически не было, мещеряки вроде как не «прижились» там. Вполне высокая концентрация мещеряцких и смешанных с ними н/п отмечается в центральных, представленных в третьей таблице уездах, и в Северо-Восточном Челябинском уезде. Отмечалась небольшая численность мещеряков и в предшествующий ему в восточном направлении, Златоустовском уезде. Центральные же уезды: Бирский, Белебеевский, Уфимский и Стерлитамакский уезды, вместе с этими упомянутыми восточными, с мещеряцкой локализацией, как бы разделяют на двое «башкирский» край, на Северо-Западную и Юго-Восточную части. И есть ещё и некоторые приграничные мещеряцкие пункты на Севере, соседствующие с этой мещеряцкой локализацией, это и упомянутый большой мещеряцко-тептярский н/п Ока Большая Красноуфимского уезда, и пока не упомянутый, но, и не смешанный мещеряцкий н/п Мусекаева Екатеринбургского уезда с 76 жителями.

И это, похоже, всё та же некая мещеряцкая разделительная полоса с её ответвлениями. Если н/п Мусекаева, это почти как случайность, то Ока

Большая, это некий форпост означенной полосы. К этому уместно добавить, что российские власти переселяли мещеряков, или иначе служилых татар именно как служилое сословие, с вполне понятными и определёнными целями. С Юга же границы этого «башкирского» края подпирались ведь Оренбургским уездом с преобладающим русским населением, да и не просто русским населением, а ещё и преимущественно русскими казаками, которыми охватывается весь Юго-Восток края включительно до Челябинского уезда. Вопросов много, однако, это всё требует отдельного, внимательного и детального анализа. Углубляться особо здесь и сейчас в это не будем, но, однако приведём всё же, к этому откровения одного российского автора прежних времён: «В новейшее время то же «чувство гуманности» (кавычки мои – И.Г.) внушило новые предположения для охранения башкирской собственности, и в 1868 году последовало положение, по коему определено: а) наделить вотчинников 45 десятинами на душу, а припущенников 15, и б) запретить не только продажу, но и отдачу в кортому всех таких надельных земель»⁸. Он писал: «Как бы то ни было и какими бы ни придумали охранить Зауралье, настоящими владельцами и хозяевами этого края остаются и останутся не беспечные и тупые башкирцы, не помещики и заводчики, отсутствующие и проживающие вдали, а русские поселяне, и для колонизации великороссийского племени, так называемая Башкирия представляет все требуемые условия (выделено мной – И.Г.)»⁹.

Вот ведь оказывается для чего изначально весь край предназначался, и вот почему был изначально запрет переселению в край народов Поволжья и в особенности татар. Но, случилось, всё же, несколько не так как задумывалось. До времён Оренбургской экспедиции начала XVIII века у российских властей, при череде следовавших войн, руки просто элементарно не доходили до каких-либо серьёзных дел в крае, и опять же, власти особо не могли препятствовать бурной колонизации этой центрально-северо-западной части края мигрантами из народов Поволжья. И, со слов упомянутого автора, власти, получается, остановились хотя бы на Зауралье, на восточных уездах, на охране тамошних «башкирских вотчинных» земель, а припущенников там и 15 десятинами земли не надо было обеспечивать, их же там было очень, и очень мало, если даже не сказать иначе, как уже было показано. По переписи 1897 года, в Оренбургской губернии с её восточными уездами именно русских было порядка 70%, а башкир, т.е. населения с родным башкирским языком, только примерно 16%.

Отвлечёмся несколько, и как бы, только к слову, заметим, когда у Заки Валиди не срослось с федерацией, которой он и карту рисовал, карту «Феде-

⁸ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. СПб., 1876. С. 971.

⁹ Там же. С. 972.

рации свободных мусульманских областей Восточной России», т.е., когда его кинули с этим, он стал строить только отдельный Башкурдистан. Причём, как раз, только из этих восточных уездов Оренбургской губернии, и, только частично, с оципыванием некоторых, скажем так, башкирских частей от Уфимской губернии. И, только на авось, уже после того съезда с казаками, он всё же нарисовал и карту «Большой Башкирии», хотя позже вспоминал, что рисовал он её до того съезда. Зачем рисовал, вообще не понятно, поскольку он категорически выступал против присоединения остававшейся части Уфимской губернии. Наверное, только с отчаяния, после провала планов создания мусульманской федерации, и мечтах о своём «белоконьстве» в ней. Уместно напомнить, что большую часть Уфимской губернии с Уфой и Казанской губернией целиком он оставлял и вне этой Федерации, а позднее вне Башкурдистана тоже. Сказать, что из-за большой численности русских на их территориях, всё же нельзя, поскольку к уже отмеченному преобладанию русских в Башкурдистане, он и многочисленных Оренбургских русских казаков видел и даже желал в той Федерации. Не лишне будет добавить, что между тем, в остававшейся территории Уфимской губернии общее тюркское население, именно общее, как раз, было преобладающим большинством.

Автор современного башкирского проекта Муртаза Губайдуллович Рахимов, тоже ведь взывал было по своей отставке, что если не башкира в руководители республики, то «русского, русского нам надо», читай, только не татарина. Получается так, что и у Заки Валиди было подобное желание, как и у Муртазы Губайдулловича, только не татар, только не с татарами строить, обустраивать общетюркское бытие. А то, что в Уфимской губернии татары преобладали в численности по сравнению с башкирами, не говоря уже о Казанской губернии, думается, что Заки Валиди лучшее многих знал. Почему и с чего было у Заки Валиди «неприятие» татар в его планах, и, в общем, у его единомышленников, это сугубо интересно. Однако это уже отдельная тема. Мы же пока запишем это как в арифметике «на ум» и продолжим своё повествование.

И прежде всё же, еще несколько слов по обозначенной локализованной мешеряцкой полосе. С юго-востока границы края были под охраной оренбургских казаков и собственно башкир восточных уездов. Поселение властями мешеряков в приграничном северо-восточном Челябинском уезде, вполне понятно по тем же причинам и целям охраны рубежей края. А для чего царские власти активно заселяли мешеряками, служилыми татарами центральные уезды? Причём ведь это началось, уже скоро после того добровольного присоединения башкир к русскому государству. А.З. Асфандияров писал: «В конце XVI в. русское правительство переселяет часть мишарей в Башкирию. В последующее время они сами направлялись в этот край»¹⁰. Там же, историк подсказывал, что уже по грамоте (7106) 1598 г. мешерякам было велено служить по городу Уфе,

¹⁰ Асфандияров А.З. Указ. соч. С. 360.

и отмечал: «**Затем мишари (мещеряков – И.Г.) с отрядами башкир и русских казаков несли пограничную службу вдоль р. Яик (Урал)** (выделено мной – И.Г.)». В связи с этим, возникает, ещё один вопрос. А почему бы, мещеряков нельзя было, или не надо было селить поближе к месту означенной их службы? Опять же вопрос, почему мещеряки не селились властями, и почему они сами не селились в Западных уездах, это вопрос тоже сугубо интересный, но пока у автора этих строк, ко всему этому нет особых подходов, как более, только тоже записать означенное, чтобы «на ум пошло».

Отметим, что в Бирском уезде было порядка 43% мещеряков относительно численности башкир, в Белебеевском – 35%, в Стерлитамакском 18,68%, а в Уфимском и того больше, т.е. мещеряков было больше башкир даже чуть более чем на 24%. Так может быть, мещеряки, как сословие служилых татар переселялись царскими властями не собственно для охраны юго-восточных границ края, или не только с этими целями, а для исполнения служебных функций именно в этой центральной части, в составе представленных в третьей таблице уездов.

Мы несколько пропустили в своём анализе особенности землепользования в Мензелинском уезде, попробуем это исправить. По башкирам этого уезда по их землепользованию преимущественно прописано, что их хозяйственная деятельность проходит на собственной земле, но в 21 н/п они были на праве припущенников. Тептяре в большинстве н/п прописаны в припущенниках, но вместе с тем и с указанием, что землепользование их с башкирами совместное. По 25 н/п показано, что тептяре заселены на общественных землях, а по 31 – на собственных землях, и даже жалованных. В этих грамотах часто указано «Заселены (исстари) на собственных жалованных им землях ...». Также отметим, что этот Мензелинский уезд был в некотором смысле, особо тептярским. Оговоримся, что разделение н/п на смешанные и не смешанные нами здесь не было проведено, однако это не столь важно.

А теперь уже вернёмся непосредственно к центральным уездам, в которых была ещё большая чехарда по землепользованию и смешанности, как по «этничности» н/п, так и по их землепользованию. Разбираться со всем этим и месяцев упорных работ, трудов не хватит. Однако попробуем, хотя бы по Бирскому уезду немного разобраться. По башкирам в Ведомостях за 1834 год по этому уезду указано, что они практически все живут на собственной земле, или имеют её собственную. Мещеряки же, в 81 из 130 н/п, где они числились, были в припущенниках у башкирцев, и в одном н/п жили по припуску тептярей. Мы не стали тщательно выверять, а глянули пока только бегло, и получается, н/п тех мещеряцких поселенцев, про которых, А.З. Асфандияров писал: «В последующее время они сами направлялись в этот край». В остальных же 48 н/п, мещеряки были в разных отношениях к землепользованию, но во всех в независимости от башкирцев. Жили они и на казенной земле, и на покупной земле у башкирцев, и даже с указанием на вечное владение. По де-

сяти из общего их числа указаны и даты приобретения мещераками земли, это преимущественно XVIII век, время усиления колонизации края царскими властями. Однако, есть в этих 48 н/п, пять особо интересных, основанных мещераками на жалованной царскими властями земле. А.З. Асфандияров же, в общем, отмечает 9 таковых поселений (Байбаково, Субаево, Янагушево, Сибирганово, Кулаево, Берлячево, Улеево, Муллино, Старокувашлино), которые были основаны на землях, жалованных русскими царями¹¹. По нынешнему Бураевскому району, он к н/п Муллино из таковых находит ещё и Шуняково, хотя по Ведомости отмечено, что мещераки этого н/п были в припущенниках у башкирцев. И по обоим этим н/п, он указывает дату их образования по одной и той же жалованной грамоте, 1657 год¹². Как ни странно, у тептяр этого уезда, оказались ещё даже большие вольности в землепользовании, и по более многим н/п в независимости от башкирцев. И по тем н/п, где прописано, что они в допуске у башкирцев, то по многим указано про совместное с ними владение землёй.

Приведены в Ведомости и другие владетельные характеристики, и в частности на казенные земли, на которых было немало основано тептярами н/п. Премного тептярских н/п было основано по грамотам властей, причём и с указанием, что это не просто уездные или губернские, а жалованные грамоты. Датированы многие грамоты преимущественно XVII веком, а есть даже, и конца XVI. А ведь это свидетельствует о том, что помимо крестьянской колонизации края, царские власти целенаправленно активизировали эти процессы. Как бы в заключение, надо отметить по этому Бирском уезду следующее, что при всей своей высокой смешанности, этот уезд тоже был заселен большим числом тептяр, и даже большим чем Мензелинский. Тептяр в этом уезде было намного больше, чем башкир, и даже больше, чем вместе взятых башкир и мещераков. Соотношения были следующие: башкиры – 42 859 человек, мещераки – 18 433, и тептяри – порядка 65 тысяч человек, или даже чуть больше.

Остановимся немного на Белебеевском уезде, но несколько в ином плане, по означенному выше «явлению» происходившему в Западной Башкирии, по отмеченным «чудесам» башкирской демографии. По VIII ревизии 1834 года в этом уезде было 36 577 башкир, 12 817 мещераков, и около 41 тысячи тептяр. Уезд тоже вполне был тептярским, и тептяре тоже превышали численность башкир, а вместе с мещераками тем более. По Подворной переписи 1912–1913 гг. соотношения стали следующими: тептяр стало 85 162 человека, мещераков – 19 597, и даже объявились «пропавшие» по ревизии 1834 года татары числом 38 232 человека. В общем численность этих категорий населения стала равна 142 991 человек. Заметим, что численность этих категорий населения помимо естества возрастала, ведь ещё и за счёт их большой миграции

¹¹ Асфандияров А.З. Указ. соч. С. 361.

¹² Там же. С. 353–354.

в край, и в частности в этом Белебеевском уезде тоже. Тем не менее, «чудесным» образом численность башкир в этом уезде возросла до 202 550 человек. Но чудес же не бывает, и по переписи 1920 года в этом Белебеевском уезде Уфимской губернии чудесные соотношения сменились уже на более реальные: башкир стало 87 704, тептяре оставались ещё в численности 48 514 человек, а мещеряки – в 5 947, а татар стало 207 311 человек. И во всём этом конечно же, не было никаких чудес, а только подтверждение знаменитого закона сохранения. Согласно которому, по изменившимся социальным условиям татары пребывавшие ранее в сословных категориях оказались в своем родном этносе, вернулись в свою реальную этничность.

По оставшимся центральным Стерлитамакскому и Уфимскому уездам приведем лишь подробнее соотношения наших категорий населения бытовавших по VIII ревизии 1834 года. В Стерлитамакском уезде башкир было 43 839 человек, мещеряков – 8 187, и тептяр порядка 11 500 человек. В Уфимском же уезде башкир было 20 102 человек, мещеряков – 24 946, и тептяр порядка 17 550 человек. Однако нет, всё же добавим ещё как бы Стерлитамакскому уезду. В нём, как было отмечено по Оренбургскому уезду, тоже наличествовали башкиры не из бакшир. Приведем подробнее таковые сведения по обоим уездам. В Оренбургском уезде в 4 н/п наличествовали 2 413 башкир из «Султанских нагайцев казачьего войска», в Зяк Ишметева – 347 «башкирцев из казанских торговых татар», а в 3 н/п числилось 4 870 человек, поступивших в башкиры «из казачьего иррегулярного войска»¹³. Кто такие последние не указывается, но все перечисленные общим числом в 7 630 человек причислены же к башкирам. В Стерлитамакском уезде в 5 н/п отмечаются 920 жителей с указанием, что они «перешли в сии деревни к заселению из башкирцев Сеитовского посада, имеют происхождение из казанских торговых. Живут на купленной земле у башкирцев XII кантона Кулиле-Минской волости в 1751 г.»¹⁴. И между прочим, эти н/п обоих уездов не смешанные. В Стерлитамакском уезде наряду с таким н/п Стерлибашево, отмечаются ещё два н/п с таким же названием, одно собственно башкирское, другое мещеряцкое, но они все три показаны отдельными. Если так было в более башкирских уездах, Оренбургском и Стерлитамакском, что же со всем этим творилось по иным очень смешанным н/п северо-запада края и в целом по этому этнически смешанному региону?

Продолжая далее, попробуем вернуться к вопросу, для чего царские власти активно заселяли служилым военным сословием, мещеряками, служилыми татарами центральные уезды? Надо отметить, что эти уезды исторически особо отличались сложным этническим, социальным и сословным составом, уже с начала присоединения края к русскому государству. Самые большие

¹³ Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001. С. 263–284.

¹⁴ Там же. С. 284–310.

сложности изначально же внесла мощная крестьянская колонизация края, то ограничиваемая, то активизируемая, как выше было отмечено царскими властями. Институт сословности в Российской империи имеет сложную и богатую историю. Наш регион, не исключение, если не по истории, то по сложности. Отметим к этому, что помимо особенностей землевладения, или вернее землепользования в крае, на всё это наложились ещё и особенности, связанные с образованием в 1798 году Башкиро-мещеряцкого войска, затем преобразованного с включением в него с 1855 года тептяр, в Башкирское войско. Так ведь и ликвидации этого войска в 1865 году, снимая одни особенности, сложности, добавляла иные усложнения, причём тоже не малые. Думается, что не откроем истину, заявляя, что это сложный регион для управления. Вот, в общем-то, и первый, практически очевидный ответ, почему царские власти переселяли в этот регион проверенное служилое сословие, мещеряков, служилых татар. И статус этих переселяемых, именно переселяемых, служилых татар был выше, чем крестьянских колонистов и аборигенов. Наверняка, именно они отыскивали, по возникающим требованиям властей, беглецов с того же Поволжья и занимались их выдворением из края. Да мало ли еще, какие они выполняли поручения властей, и, возможно, выезжали вместе с местными башкирцами и на охрану юго-восточных границ края к тамошним башкирам и оренбургским казакам. А может они осуществляли ещё, и охрану Зауралья, как отмечалось А.И. Васильчиковым, для объявляемых им настоящих владельцев и хозяев этого края, русских поселян, и для колонизации великороссийского племени. Охраняли, т.е. сдерживали по требованиям, распоряжениям российских властей, распространение нерусской колонизации края. И остается сугубо важный вопрос о статусе башкир, как в обозначенных уездах, так и в целом в крае, были ли они реальными хозяевами края по отношению к пришлым низовым, простым колонистам. И было ли, причём не только у них реальное коллективное вотчинное землевладение?

Однако надо бы ответить на вопрос, а где же по этой VIII ревизии 1834 года татары, чуваша, фино-угорские народы в крае. А они действительно «пропали» по этой ревизии, а вместе с тем они были, например, по V ревизии 1795 года, причём татары в Белебеевском и Мензелинском уездах даже превышали численность бакшир¹⁵. Приведём иную, табличную Ведомость VIII ревизии 1834 года¹⁶.

¹⁵ Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа, 2005. С. 15–16.

¹⁶ Навски с Россией. Сборник документов и материалов: в 2 ч. Ч.1. Уфа, 2007. С. 261.

Таблица 4

**Ведомость о численности населения Оренбургской губернии,
по данным 8-й ревизии (1834 г.)**

	Муж.	Жен.	Всего
Купцов 1 [-й] гильдии	4	6	10
2 [-й] гильдии	27	33	60
3 [-й] гильдии	3 212	3 404	6 616
Мещан	8 677	9 325	18 002
Сво[бодных] хлебо[пашцев]	690	712	1 402
Помещ[ичьих] кр[естьян]	83 016	85 021	168 037
Одnodворцев	71 851	73 029	144 880
Госуд[арственных] кр[естьян]	234 508	236 874	471 382
Отст[авных] солд[ат]	12 362	12 402	24 764
Тепт[ярей] и боб[ылей]	93 464	96 029	189 493
Завод[ских крестьян]	42 521	42 940	85 461
Удельн[ых] кр[естьян]	29 406	29 005	58 411
Свяш[енно-] и церк[овных] служ[ителей]	3 029	3 129	6 158
Отст[авных]солд[ат]	4 479	4 515	8 994
Казачков	32 369	33 183	65 552
Башкир	173 735	176 703	450 438
Мещер[яков]	36 784	37 118	73 902
Карак[алпаков]	31	43	74
Служ. при Арх[имадр.] до[ме] и мон[астырях]	75	61	136
Лашман	1 625	1 598	3 223
Казачков Ур[альского] войска	22 593	23 624	46 217
Башкир припис[анных] к сему войску	1 636	1719	3 355
Всего	856 094	870 473	1 726 567

ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 145. Л. 70 об.–71. Подлинник. Рукопись.

Хотя и подписано, что это подлинник, но, во всяком случае, одна ошибка в этой копии есть. Наверное, вручную «копировали» этот документ в означенной книге, и потому ошиблись. А может к этому, что-то и Фрейдовское сказало, не предполагать же, что авторы книги не освоили в школе арифметическую операцию сложения. В строке «Башкир» общая численность указа-

на на сто тысяч человек неверной, т.е. большей, а, в самом деле, эта численность равна 350 438. Эта нами выверено по другим источникам, да и простой арифметикой выясняется из цифр самой этой Ведомости.

А ведь действительно «пропали» некоторые категории населения, как то татары, и иные тоже. И в общем даже русские, уже вполне даже многочисленны в губернии, тоже явно не фигурируют в представленном документе. Вместе с тем, и ничего нет странного в этом, все учтены, и, причём учтены, вполне скрупулёзно в сословиях, и в других подобных категориях, кроме как, может быть, только вполне этнических 74 каракалпак ещё не попавших ни в какую в сословную категорию. А как же 350 438 башкир и ещё 3 355 таковых, приписанных к Уральскому войску? А почему, если практически всё иное население губернии по этой ревизии обозначены, в общем-то, не в этнических категориях, то эти «башкиры» обязательно и непременно этнические башкиры?

В этой таблице, как, впрочем, и в предыдущих есть ответ и на вопрос, почему закавычивалось «этническое» определение применительно к означенным категориям населения. Тептяре однозначно были сословием, состоящим из различных этнических групп. С мещеряками в этом плане тоже есть вопросы, да, и с башкирами, башкирцами, в общем-то, тоже. Однако не будем углубляться здесь в особенности документов учёта населения в Российской империи.

Продолжая далее, отметим всё же сложившуюся в России картину учета не русского, и в частности тюркского населения. Оно стало учитываться преимущественно в трех категориях: тептяре с бобылями, мещеряки и башкиры. В общем-то, две первые категории, имеют свою, отдельную историю возникновения и бытования, а башкиры и вообще трактуются, как самые аборигенные аборигены края, и даже, как древнейшая историческая данность. Например, автор Радик Вахитов, на основании эпоса «Урал-батыр», дописался даже до утверждения, что башкиры существовали уже с каменного века.

Думается, что всё же начало учёта нерусского населения совокупно в указанных категориях, было положено со времён Оренбургской экспедиции, и даже подготовки к ней. Приведем начальную и очень важную часть одного документа тех времён: *«1735 г. декабря 16. – Рассуждение, представленное И.К. Кириловым и А.И. Румянцевым в Кабинет, об управлении населением Уфимского уезда после окончания башкирского восстания // л. 469 // Покорнейшее рассуждение к рассмотрению. О приведении башкирцев в прямое подданство (здесь и далее выделения, подчеркивания текста наши – И.Г.).*

*О состоянии и разделении сего народа, **который прежде был под именем одних башкирцев**, хотя о том довольно описано в доношении, посланном в Кабинет ея императорского величества генваря 14 дня, однако ж кратко доношу:*

1) Между настоящими башкирцы старинныя тарханы никакого ясаку не плачивали и не платят, но должны служить службы, однако служат они

своему воровству, а не по указом, и затем сей их чин впредь весьма не надобен. А протчия башкирцы ясаинья плотят ясак по волостям самой малой по исчислению – инья лисиц, инья куниц (в прежния годы еще при владении нагайских, потом казанских и сибирских ханов брали с наличных с лука по лисице или пол кунице, а в первое владение российское таким же образом окладывали, но лет за 80 уронено и возобновлять нужды нет, имеючи инья способы, да за бобровыя гоны бобры, за бортные ухажье мед, однако ж не натурою, но все деньгами установичными ценами по старому обыкновению, да и то не свое, но собирая с тептерей и бобылей, кои ниже упомянуты.

2) Меццераки, служилыя татары по указом из других городов с начала Уфы и после накликаны и определены служить по Уфе. Знатно тогда намерение было мешать посторонних с башкирцами, однако ж не офундованы собственными землями, но принуждены на башкирских жить и давать им подать, и потому вошли было во крестьянство, а по последней мере в послушание башкирцом. Но с приезде Кирилова и Тевкелева предостережено и всякими мерами оныя меццераки от башкирского послушания отвращены, и в нынешнем их башкирском воровстве, несмотря что многия их жилища разорили, точию служили верно. А всех их по переписи первого старшины Муслюма Кудайбердина, коего называют полковником меццерацким, во шти сотнях с 5000 служащих, а старых и малых с 20000.

3) Тептери и бобыли – все лет за 50, а наипаче новых лет за 20, из разных уездов беглыя, и непрестанно вновь прибывают – татары, чуваша, черемиса, вотяки, коих башкирцы поселили и селят на своих землях, отдавая им в наем, и так ими владеют, как крестьянами, и в нынешнем бунте многих неволею с собою на воровство брали, в подмогу деньгами и хлебом собирали, а непослушных разоряли. И с тех же тептерей и бобылей поупущением уфинских управителей под башкирское имя вошли и называют природными башкирцами, а других припущенниками, кои за башкирцев ясак оплачивают, а в казну с себя ничего не дают. А которыя и прямыя называютца тептери и бобыли, те дают с ясаку по сороку копеек, подымных по 5-ти, да ямских по 4 копейки. Всего их по новому исчислению с 12000 ясаков мужеска полу например с шездесят тысяч душ, а с них оного ясаку с небольшим 4000 рублей.

4) Новокрещенныя ясаинья, и число их малое, дворов с 300, равного состояния с тептерями и бобылями, и хотя презираемы в наставлении истинного благочестия, однако ж весьма в службе верны, и за то их ныне всех во-
рзы разарили»¹⁷.

Более никакого другого не русского населения, во всяком случае, никакого иного тюркского населения, кроме как перечисленных категорий, в этом документе не наличествует. Четвертая категория новокрещенных, числом

¹⁷ Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа, 2002. С. 96.

была очень малым, чтобы представлять в дальнейшем некоторую значимую единицу для учета населения, а три первые получается, вполне закрепились.

Складывание такого положения строго выверено и констатируется в работе Б.Э. Нольде: «Долгое время юридический статус тептярей и бобылей, а также мещеряков оставался неясным. Большинство их считались в Башкирии «беглыми». Отклонив 18 марта 1731 г. прошение башкир об их изгнании, Сенат своим указом от 31 мая 1734 г. (ПСЗРИ (1). Т. 8. № 5719; Т. 9.) окончательно определил социальное положение этих категорий населения:

...бьют челом окладные тептяри и бобыли, чтобы... и детей их и братьев переписать, и для той переписи послать кого надлежит и по переписке жить им по-прежнему в Уфимском уезде (?! – И.Г.) на башкирских землях так, как жили деды и отцы их: чего ради из Уфимской воеводской канцелярии публиковать же, чтоб такие тептяри и бобыли сами явились в Уфимской канцелярии и объявили о себе, о детях, братьях и родственниках своих, кто с ними вместе или порознь живут и какой они веры и давно ль кто откуда в башкирцы пришли и у кого у башкирцов в вотчинных землях поселились из найму или без найму, по записям или без записей и какой кто тептярской или бобыльской оклад платят или не платят, и кои не платят, тех обложить вновь и записывать всех их в особая тептярскую и бобыльскую книги порознь по дорогам, кои учинить для сего вновь, дабы они, тептяри и бобыли, были все в те книги записаны и положить той записке срок с объявленья о том указа в шесть месяцев; а кто, презрев ея императорского величества милость, в те книги сами не запишутся, а после объявятся, такие почтены будут с беглыми, а сколько таких тептярей и бобылей записано и с них платежа в казну будет, о том обстоятельны ведомости и табель прислать в камер-коллегию, а из той коллегии в Сенат, а нарочных переписчиков в уезд не посылать.

В указе от 31 мая 1734 г. было вынесено решение и по мещерякам: *Такожде в Уфимском уезде обретаются служилые татары, называемые мещеряки, которых таким же образом, как и тарханов, учиня для них особую книгу, всех записать, чтоб и об них было известно, сколько их службе быть может, и прислать в Сенат по тому же краткую ведомость и при том показать, какую они ныне по городу Уфе службу служат и поочередно ль или сколько когда наряжено бывает.*

Таким образом, легитимизировано было фактическое, а не юридическое положение вещей»¹⁸.

О башкирах же автор писал: «Что касается башкирского населения, то оно состояло из многочисленных и разрозненных кочующих племен, или порусски – «волостей» (общин), а те в свою очередь подразделялись на тюбы. Лишь в 1734–1735 гг. по инициативе одного из самых выдающихся намест-

¹⁸ Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 325–326.

ников Башкирии И.К. Кирилова русская администрация составила их полный перечень. Согласно И.К. Кирилову, край делился на четыре – «дороги» (вероятно, это были чисто географические образования). Каждая – «дорога» состояла из племен («Волостей»), – «Волость» – из множества тюбов или аймаков»¹⁹. И добавлял: «...целая племенная группа под предводительством своих вождей переходила с места на место, сохраняя при этом свое единство»²⁰. Ну, племенная группа, конечно же, и наверняка сохраняла своё единство. А как было, в общем, с этими группами, с их совместной башкирской общностью? Однако оставим этот вопрос для решения, изложения, рассказов башкирским гуманитариям.

Собственно в происхождение званий, названий тептяре и мешчеряки мы здесь не будем вдаваться, но напишем о несколько ином. А.З. Асфандияров, как и другие гуманитарии писал, что тептяре всегда фиксировались только вместе с башкирами: *«тептярей знала только башкирская вотчинная земля»*²¹. Это, в общем-то, так и есть. Однако если глянуть на итоги переписи 1897 года отдельно по губерниям, то выясняется, что и мешчеряки, как и тептяри, практически тоже наличествовали только там, где жили башкиры. Согласно этой переписи, ни в Пензенских краях, ни на Нижегородчине, ни в нынешней Ульяновской области, где в настоящее время наиболее компактно проживают татары-мишары, по той переписи мешчеряки, или вернее, население с родным мешчерякским языком практически не фиксировались. В Симбирской губернии только были отмечены 5 человек. Не было таковых и в Казанской губернии. А вот в Уфимской губернии их наличествовало 20 957 на 899 910 человек с башкирским родным языком, в Оренбургской 4 898 на 254 561, в Пермской 21 163 на 85 395, в Самарской 6 580 на 57 242. В Саратовской же губернии на 1 262 человек с башкирским родным языком было таких всего 7 человек, а в Вятской на 13 909 человек первые вторые вообще не наличествовали. В иных губерниях, как говорится, хоть шаром покати, один, два человека, но, не дотягивая даже до десятка, а чаще всего полный нуль. Есть только одно исключение, в приграничной Гродненской губернии отмечены 149 человек с мешчерякским родным языком и 511 с башкирским. Ну, это явно просто переселенные властями по службе люди.

К слову, надо заметить, что ведь и И.Г. Георги (1729–1802 г.) тоже локализовал мешчеряков только регионом обитания башкир: «Мешчеряки составляют особое татарское колено, которое ныне заключает в себе около двух тысяч семей, из коих четыреста пятьдесят шесть в Исетской провинции между башкирцами, а прочие в Уфской провинции, отчасти между уфскими татарами, а отчасти и между башкирцами, живут, следовательно, все в Башкирии, и потому в

¹⁹ Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 316.

²⁰ Там же. С. 317.

²¹ Асфандияров А.З. Указ. соч. С. 65.

Уфимском, а частью в Пермском наместничествах. В четвертомнадесят [четырнадцатом] столетии, да может быть еще и ближе к нашим временам, жили они на Нижней Оке между мордвой, или муронами, и черемисами»²².

Так что же мещеряки уже со времен написания Георги его книги не жили в других регионах, кроме как в местах обитания башкир? Нет, они, нынешние татары-мишаре, конечно же, жили, как в указанных Георги краях, включая и прежнюю указанную им область, и до сих пор живут повсеместно. Действительно, эта этнографическая группа татарского народа, причем достаточно значительная по численности, имеет широкий ареал расселения.

А давайте по данным той же переписи 1897 года посмотрим, какой же язык указывали родным представители тюркского населения тех губерний, которые соответствуют нынешнему наиболее компактному проживанию татар-мишар. В Пензенской губернии родным языком татарский указали 58 530 человек, 23 – башкирский, 8 – чувашский, и даже один человек – тептярский, мещеряцкий же никто не указал. В Нижегородской губернии 41 339 человек указали родным татарский язык, 234 – чувашский, и всё. В Симбирской губернии на 133 977 человек с татарским родным языком, оказалось 159 766 с чувашским, 20 с башкирским, 5 с мещерякским, и 4 с тептярским. Ну, нельзя не вспомнить и Рязанскую губернию, с Городцом Мещерским, нынешним городом Касимов, откуда есть и пошло звание мещеряк. В этой губернии наличествовало 5 033 человек с родным татарским языком, 18 с чувашским, и только один с башкирским языком, и всё, и более ничего. В общей же сложности, в 27 губерниях, в городах Москва, Санкт-Петербург и области Донского войска, т.е. в более чем в половине субъектов Российской империи, более тысячи человек в каждом указали родным языком татарский.

И ведь получается так, что мещеряки практически по всей империи, за исключением нескольких губерний, где жили и башкиры, считали свой родной язык татарским. А почему иначе в этих губерниях, и почему в них наличествовали, в общем-то, не существующий тептярский и отдельный от татарского, мещеряцкий языки? Да, исключительно из-за сословного учёта населения, особо усугублённого в этих губерниях, где по той же VIII ревизии 1834 года всё не русское население было расписано как по сословиям, так и по кантонам, как башкиры и мещеряки, или по командам, как тептяре с бобылями. В опросном листе переписи 1897 года шестым пунктом стоял вопрос о сословной принадлежности, а двенадцатым, т.е. последующим, был вопрос о родном языке респондента. После того как человек указывал о своём сословии тептяр он или мещеряк уже с испугу пред царским переписчиком укажешь «соответствующий» язык. А если серьёзное, то были и другие причины

²² Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. С. 219.

для выбора сословия, и в частности, или в особенности башкирского, и как бы подтверждения этого указанием соответствующего родного языка.

Таким образом, осуществленный анализ позволяет заключить, что выделение этно-географической области «исторического Башкортостана» не имеет под собой научной основы и лишь является современным идеологическим конструктом. Причем понятие башкирцы на этой территории во многих случаях является обозначением чисто сословной, а не этнической принадлежности местного населения. По результатам исследования видно, что башкирцы так называемого «исторического Башкортостана» зачастую даже не являлись собственниками земли, а жили на казенных землях или в положении припущенников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
2. Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. СПб., 1876.
3. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И.-Г. Георги; предисл. и прим. В.А. Дмитриева. Перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.; изд. 2-е. СПб.: Русская симфония, 2007. 808 с.
4. Еникеев З.И. Образование автономной Республики Башкортостан: историко-правовые предпосылки // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.): в 2-х тт. Т. 1 / под ред. проф. А.С. Смыкалина. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 638–659.
5. Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. / Асфандияров А.З., Абсалямов Ю.М., Роднов М.И. Уфа: Китап, 2001. 712 с.
6. Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа: Китап, 2005. 272 с.
7. Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 768 с.
8. Навеки с Россией. Сборник документов и материалов: в 2 ч. Ч.1. Уфа: Китап, 2007. 472 с.
9. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / Б.Э. Нольде; пер. с фр. канд. филол. наук Л.Ф. Сахибгареевой; под ред. канд. ист. наук И.В. Кучумова; отв. ред. акад. РАН В.А. Тишков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
10. Рамазанова Д.Б. Там, где течёт река Ик... // Идель. 1993. № 9–10.
11. Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа: Китап, 2002. 240 с.

Сведения об авторе: Гиниятов Ирек Гаттарович – независимый исследователь (Москва, Российская Федерация). E-mail: irekgin@yandex.ru

**TO THE SPECIFICS OF LAND RELATIONS IN COUNTIES
OF THE “HISTORICAL BASHKORTOSTAN”**

Irek G. Giniyatov

*Independent researcher
Moscow, Russian Federation*

The purpose of the work is to study the peculiarities of land relations in the counties of the so-called “historical Bashkortostan”. The research is based on the analysis of historical sources (act materials, materials of expeditions, notes of contemporaries, etc.) and historiographical literature. The paper shows that the allocation of the ethno-geographical area of the “historical Bashkortostan” has no scientific basis and is only a modern ideological construct. Moreover, the concept of Bashkirs in this territory in many cases was a designation of a purely class, and not the ethnicity of the local population. According to the materials of the study, it can be seen that the Bashkirs of the so-called “historical Bashkortostan” often did not even possess land, but lived on the state-owned land or as freedmen.

Keywords: Tatars, Mishars, Teptyars, Bashkirs, Bashkiria, Cis-Ural region, land relations, votchinniki

About the author: Irek G. Giniyatov – Independent researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: irekgin@yandex.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА Д. СТЕРЛИБАШЕВО В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Р.Р. Аминов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

Статья посвящена исследованию демографической составляющей татарской деревни Стерлибашево, основанной на рубеже XVII–XVIII вв. и входящей в настоящее время в Стерлибашевский район Республики Башкортостан. До сегодняшнего дня изучение сословной структуры и численности д. Стерлибашево не являлась предметом отдельного исследования. История деревни имела неоднородный сословный состав, что представляет в свою очередь огромный научный интерес к выбранной тематике. К сожалению, несохранность данных по X ревизии (1858 г.) не позволяет расширить хронологические рамки исследования и получить более полную демографическую картину. Кроме того, не дошедшие в полной мере до нас материалы IV (1782 г.) и V ревизий (1795 г.) оставляют важный период развития деревни Стерлибашево за семью печатями. Целью настоящей статьи является показать основные особенности демографического развития д. Стерлибашево в исследуемый период. Для реализации поставленной цели автором использованы материалы VII (1816 г.), VIII (1834 г.) и IX (1850 г.) ревизий, что позволило максимально решить поставленные задачи и прийти к интересным выводам. Так, был проанализирован половозрастной состав населения сословных групп, что позволило спрогнозировать дальнейшее демографическое развитие в поселении, подсчитан средний состав семьи, выявлены максимальные по численности семьи, определены соотношения: полов по сословиям, родившихся и умерших, а также установлен предельный зафиксированный возраст жителей, прослежена динамика численности населения, а также миграционные процессы, происходившие в данном населенном пункте. В поселенческой структуре исследуемой татарской общины задавала тон сословная группа «башкирцев», представители которой преобладали по численности и являлись привилегированным слоем.

Ключевые слова: Стерлибашево, ясачные татары, «башкирцы», мешеряки, Тукаевы, сословные группы

Принято считать, что история деревни Стерлибашево берет свое начало с конца XVII – начала XVIII вв.¹, но какие-либо сведения о численности данного населенного пункта в этот хронологический период отсутствуют.

¹ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. С. 134.

Казанский исследователь Венер Усманов в своей работе приводит данные о первом мулле в д. Стерлибашево еще до 1720 г. – некий Мунасып мulla, которого в 1720 г. сменил Хусаин Габдрахманов². Следовательно, деревня Стерлибашево действительно была основана в конце XVII – начале XVIII вв.

Уфимский историк А.З. Асфандияров утверждает, что деревню Стерлибашево основали вотчинники и безземельные «башкиры» Ильсектимеровой тюбы Тельтим-Юрматынской волости. А.З. Асфандияров подытоживает, что припуск «башкирами» ясачных татар в начале XVIII в. привел к тому, что Стерлибашево стало многонациональным поселением³. Мы не согласны с данным мнением и считаем, что этнические башкиры никакого отношения к данному поселению не имеют, речь может идти только о татарах башкирско-го, ясачного и мещеряцкого сословий.

Формирование «башкирцев»⁴ д. Стерлибашево связано прежде всего с земельными правоотношениями. В середине XVIII в. (1751 г.) татары Сеитова посада расширяли свой земельный фонд путем покупки наделов на территории Белебеевского и Стерлитамакского уездов – в их числе оказалась и местность будущей д. Стерлибашево.

Первые данные о численности д. Стерлибашево мы находим в материалах IV ревизии (1782 г.). В это время тут зафиксировано 3 души м. п. ясачных татар. К сожалению, следует констатировать, что материалы ни IV (1782 г.), ни V (1795 г.) ревизий не позволяют узнать имена сельчан, так как результаты IV ревизии по д. Стерлибашево сохранились в виде окладных книг, т. е. лишь с указанием числа населения. Что касается V ревизии, то ее документы («сказки») до наших дней не дошли. Известно лишь, что в это время в д. Стерлибашево проживало 52 души об. пола ясачных татар (23 души м. п. и 29 душ ж. п.)⁵.

Наиболее полные сведения о численности населения д. Стерлибашево мы находим в материалах VII ревизии (1816 г.), где можно увидеть, что исследуемый населенный пункт в сословном отношении делился на две группы:

1. Ясачные татары.
2. «Башкирцы»⁶.

² Усманов В.М. Тарихи ядкэрлэр. Уфа, 2005. С. 20.

³ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. С. 134.

⁴ В материалах VII (1816 г.), VIII (1834 г.) и IX (1850 г.) ревизий д. Стерлибашево, население, состоящее в составе Башкиро-Мещеряцкого войска, было записано как «башкирцы».

⁵ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 56. Л. 52 об.–53; Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 123.

⁶ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 161. Л. 275 об.–277; Д. 308. Л. 85–89; Д. 309. Л. 397–404.

Приписка в башкирское сословие осуществлялась двумя путями: первый – приобретение вотчинных прав на земли путем ее покупки, второй – причисление в состав Башкирских кантонов Башкиро-Мещерякского войска, образовавшихся в 1798 г. Население на территории этого войска состояло сугубо из числа мусульман. В материалах VI – X ревизий (1811–1858 гг.) все были записаны либо «башкирцами», либо мещеряками, по аналогии с населением, проживавшим на территории Оренбургского казачьего войска, которое учтено в ревизских сказках как казаки⁷. «Башкирское» население д. Стерлибашево в административном отношении в материалах VIII и IX ревизий состояло в 7 башкирском кантоне.

Примечателен в этом отношении род Тукаевых, берущий свое начало от Тукая Курманаева (происходил из жителей д. Салауши (совр. Балтасинский район РТ), а в 1744–1745 г. перешедший на жительство в Сеитов посад (Татарская Каргала). Приобретя «башкирские» земли, представители династии Тукаевых переселились на жительство в д. Стерлибашево. По материалам III ревизии (1762 г.) семья Тукаевых учтена в Сеитовом посаде⁸, а с VII ревизии (1816 г.) фиксируется в списке «башкирцев» д. Стерлибашево. Поэтому уместно предположить, что Тукаевы подселились сюда приблизительно в 1763 – 1780-е годы, в материалах V ревизии (1795 г.) Сеитова посада они отсутствуют⁹.

Интересно, что представители династии Тукаевых являлись одновременно не только духовной элитой татарской общины д. Стерлибашево, но и поселковой знатью из числа чиновников, приписанных в башкирское сословие. В частности, по данным VIII ревизии (1834 г.)¹⁰ Серазетдин Тукаев (1801 г.р.) числился зауряд-хорунжим, его старший брат Нигметулла Тукаев (1772–1844)¹¹, являвшийся одним из основоположников знаменитого Стерлибашевского медресе был муллой, его перу принадлежит рукопись по сравнительной грамматике арабских и тюркских языков, написанная в 1794 г. О высоком авторитете представителей рода Тукаевых, говорит тот факт, что без их личной печати и согласия не подлежало финансированию ни одно мектебе и

⁷ ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 25. Л. 2 –714; Д. 57. Л. 1–6066 об.; Д. 58. Л. 1–669; Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 11–13.

⁸ Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С.13.

⁹ ГАОО. Ф.98. Оп. 2. Д. 4. Л. 221–443.

¹⁰ По данным VII ревизии род Тукаевых насчитывал 30 чел. (13 душ м. п. и 17 душ ж. п.) или 10,5% от численности лиц, состоящих в башкирском сословии (НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 309. Л. 397 об.–398, 402 об.–403).

¹¹ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 527. Л. 538 об.

медресе в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии (с 1865 г. Уфимской губернии – Р.А.)¹².

В общей сложности в 1834 г. в д. Стерлибашево проживало 33 души об. пола рода Тукаевых (17 душ м. п. и 16 душ ж. п. (или 7,7% от численности «башкирцев» по материалам VIII ревизии)), к IX ревизии династию Тукаевых представляли уже 53 души об. пола (27 душ м. п. и 26 душ ж. п.), что составляло 12,8% от башкирской общины стерлибашевцев¹³.

В начале XIX в. в д. Стерлибашево появляются представители третьего сословия – мещеряцкого, они обосновались тут на правах припущенников по договору 1809 г. и числились тогда во 2-м мещеряцком кантоне в Стерлитамакском уезде¹⁴. Однако первые точные сведения о численности мещеряков датированы 1834 г., известно, что в д. Стерлибашево они переселились в 1832 г. из 5-го мещеряцкого кантона д. Тюркеево (совр. Благоварский район РБ). По материалам VIII ревизии данные мещеряки д. Стерлибашево относились к 5-й юрте 2-го мещеряцкого кантона, по IX ревизии в связи с административными реформами стерлибашевские мещеряки оказались в составе 5-й юрты 1-го мещеряцкого кантона¹⁵.

В таблице 1 нами приведены данные по численности населения сословных групп д. Стерлибашево по материалам VII – IX ревизий.

Таблица 1

Динамика численности населения сословных групп д. Стерлибашево по материалам VII – IX ревизий¹⁶

Показатель	душ м. п. / % от общ. числа душ м. п. в поселении	душ ж. п. / % от общ. числа душ ж. п. в поселении	душ об. пола / % от общ. числа душ об. пола в поселении	прирост (+) / убыль (–) об. пола / % прироста населения по отношению к предыдущей ревизии
годы	ясачные татары			
1816	28 / 20,7	27 / 17,8	55 / 19,2	

¹² Басырова Г.Г. Возникновение и развитие Стерлибашевского медресе // Казанский педагогический журнал. 2015. №2. С. 145–146.

¹³ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 527. Л. 538 об.–540, 547 об.–548; Д. 560. Л. 538 об.–541, 558–559.

¹⁴ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. С. 134.

¹⁵ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 541. Л. 51.

¹⁶ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 161. Л. 275 об.–277; Д. 308. Л. 85–89; Д. 309. Л. 397–404; Д. 430. Л. 368–373; Д. 527. Л. 537–550; Д. 528. Л. 419–421; Д. 532. Л. 145–149, 157–160; Д. 654. Л. 1–12; Д. 660. Л. 538–565; Д. 661. Л. 575–579.

Показатель	душ м. п. / % от общ. числа душ м. п. в поселении	душ ж. п. / % от общ. числа душ ж. п. в поселе- нии	душ об. пола / % от общ. числа душ об. пола. в поселении	прирост (+) убыль (–) об. пола / % прирос- та населения по отношению к предыдущей ревизии
1834 ¹⁷	66 / 22,5	59 / 20,6	125 / 21,6	+70 / 127,3
1850	70 / 22,0	62 / 23,6	132 / 22,7	+7 / 5,6
годы	«башкирцы»			
1816	107 / 79,3	125 / 82,2	232 / 80,8	
1834	215 / 73,4	215 / 74,9	430 / 74,1	+198 / 85,3
1850	226 / 71,1	187 / 71,1	413 / 71,1	– 17 / 4
годы	мещеряки			
1834	12 / 4,1	13 / 4,5	25 / 4,3	
1850	22 / 6,9	14 / 5,3	36 / 6,2	+11 / 44

Как видно из таблицы 1, по данным VII ревизии (1816 г.) 80,8% населения д. Стерлибашево состояло в башкирском сословии. С течением времени данное соотношение уменьшалось, если к VIII ревизии (1834 г.) оно составляло 74,1%, то к IX (1850 г.) ревизии доля лиц башкирского сословия в селе равнялась 71,1%. В этой связи, следует отметить, что соотношение сословий менялось прежде всего из-за миграционных процессов, имевших место в исследуемый период. В частности, 16 «башкирцев» были выключены в 1812 г. в Оренбургский казачий полк. Кроме того, в 1834 г. из 7-го башкирского кантона было переведено 93 души татар об. пола (48 душ м. п. и 45 душ ж. п.), проживавших в 11 семьях. Данный факт отразился на значительном приросте лиц башкирского сословия в сравнении с ясачной группой населения, в которой также усматривалось пополнение населения со стороны, а именно 38 душ м. п. и 33 души ж. п. (или 71 душа об. пола) были переведены в 1823 г. из Каргалинской станицы¹⁸, в 1833 г. община ясачных татар д. Стерлибашево не

¹⁷ А.З. Асфандияров приводит неточные данные о численности населения д. Стерлибашево по данным VIII ревизии. В частности, он пишет о том, что в 1834 г. в исследуемом населенном пункте жили 92 безземельных «башкира» 9-го башкирского кантона, находившегося на территории Оренбургского уезда, 409 татар и 24 мишаря, что не соответствует действительности (Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. С. 134).

¹⁸ Часть населения д. Стерлибашево входила в состав Каргалинской станицы, образованной в 1798 г. Материалы VII ревизии позволили нам определить три семьи стерлибашевцев из Каргалинской станицы: Низамутдина Салимова (1785 г.р.), Исхака Мухаметкулова (1776), Абдулатифа Давлеткильдина (1791). Семьи двух последних, по материалам VIII ревизии, наряду с еще девятью семьями значатся сре-

досчиталась семьи Динмухамета Алмухаметева (1778 г.р.) с сыновьями Амиром (1803) и Назиром (1813), причисленных к д. Куганакбашево (совр. Стерлибашевский район РБ)¹⁹. В то же время снижение доли «башкирцев» вызвано тем, что в IX ревизии, переведенные из 7-го кантона в 1834 г. судя по всему в д. Стерлибашево уже не проживали. Кроме того, вышеупомянутое подселение татар, состоящих в мещерякском сословии, также, на наш взгляд, явилось одним из факторов уменьшения соотношения «башкирцев».

Если «башкирцы» были освобождены от рекрутской повинности, то ясачные татары продолжали нести эту тяжелую повинность, при проведении ревизий, рекруты не учитывались. Таким образом, доля ясачных татар от общей численности населения в д. Стерлибашево в исследуемый период незначительна, но должна быть несколько выше. В 1811 г. в рекруты были отданы Ильяс Мурсалимов (1797 г.р.) и его ровесник Мухаметшариф Ишимьяров, по материалам IX ревизии в рекрутах находились (с 1836 г.) также двое мужчин – это Зейнулла Мазганов (1806 г.р.) и Мифтахутдин Нигматуллин (1817). 8 апреля 1850 г. в общину ясачных татар был принят отставной солдат Шагимрат Рахметуллин (1775 г.р.), не исключено, что Рахметуллин был связан кровнородственными узами со стерлибашевцами²⁰.

Позднее мы рассмотрим соотношение родившихся и умерших, что позволит обозначить чистый прирост и убыль населения.

Нами зафиксирован и внутрисословный переход из одного сословия в другое. Речь идет о Шагиахмете Туйгунове (Тайгунове), который в материалах VII ревизии (1816 г.) записан в башкирское сословие, а уже в VIII ревизии (1834 г.) он был учтен в ревизской сказке ясачных татар д. Стерлибашево, большая часть рода Туйгуновых (Тайгуновых) состояла в башкирском сословии (звании и роду – Р.А.) – (Туйгун (Тайгун) Загиров (1762 г.р.) с сыновьями Афлятуном (1816), Фазлиахметом (1826), отдельным двором прописан старший сын – Мухаметхасан Туйгунов (Тайгунов) (1792)). Примечательно, что Шагиахмет Туйгунов (Тайгунов) в 1833 г. просил о возвращении его в башкирское звание, но в его просьбе ему было отказано²¹.

Судя по всему, кроме населения, отмеченного в материалах ревизий, в д. Стерлибашево в период между VIII (1834 г.) и IX (1850 г.) ревизиями проживали ряд и других лиц. К примеру, есть сведения, что в 1849 г. семья Губайдуллы Салимьянова (д. Стерлибашево) переселилась в станицу Имантавскую

ди переведенных в 1834 г. из 7-го башкирского кантона в д. Стерлибашево, их сословное состояние осталось неизменным, они продолжали оставаться «башкирцами» (Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург: Типография О. Яковлева, 1907. Вып. 7. С. 441–446; НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 161. Л. 275 об.–277; Д. 430. Л. 368–373).

¹⁹ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 532. Л. 148 об.

²⁰ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 308. Л. 87 об.–88; Д. 654. Л. 8 об., 10 об., 11 об.

²¹ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3348. Л. 1–3.

Сибирского казачьего войска, в исследуемых нами статистических материалах д. Стерлибашево данный татарин не усматривается²².

Научный интерес представляет и соотношение полигамных браков в среде стерлибашевцев. К примеру, по данным VII ревизии в общине ясачных татар усматривалось два случая полигамии (Валит Ишимов, 49 лет и Нигметулла Баширов, 31 год), в общине «башкирцев» таких зафиксировано больше – шесть, прежде всего из-за их численного преобладания над группой ясачных татар. Здесь необходимо упомянуть Ахмера Ягоферова (1749 г.р.), у которого усматриваются три жены²³. В последующей VIII ревизии наблюдается резкий рост числа полигамных браков до 14-ти в среде приписанных в «башкирцы», что касается ясачных татар, то их соотношение осталось неизменным – 2 случая. Наиболее весомая разница в возрасте между супругами (+52 года) отмечена в одном из браков 70-летнего «башкирца» Мухаметрахима Махмутова с его третьей женой – 18-летней Сагидой. Любопытно, что к 1850 г. количество полигамных браков значительно снизилось до 6 случаев у «башкир», в IX ревизии ясачных татар нами отмечено два брака, т. е. в период с 1816 по 1850 г. число полигамных случаев осталось на той же отметке – 2²⁴. Снижение полигамных браков к 1850 г. мы связываем с преклонным возрастом жен, многие из которых скончались между 1834 и 1850 гг. и постепенным обеднением населения, связанное с ростом налоговых платежей и других обязательств.

Что касается выбора невест в среде стерлибашевцев, то пребывание в разных сословных группах не являлось преградой для регистрации брачных союзов, поскольку по самосознанию, языку, культуре и быту они не отличались. Рассмотрим этот вопрос более подробно. Для начала проанализируем браки «башкирцев» с дочерьми ясачных татар. Так, дочь ясачного татарина Галиакбера Курбангалиева – Зюгра (1819/1820 г.р.) являлась женой «башкирца» – Гайсы Фаткуллина (1824). Кроме того, необходимо упомянуть и брак дочерей Шахмурата Рахметуллина (из ясачных татар): Бадриязмал Шахмуратовой (1817 г.р.) с «башкирцем» Давлетшой Альмухаметевым (1825 г.р.) и Хусниязмал Шахмуратовой (1826/1830 г.р.), которую выбрал в жены «башкирец» Афлятун Туйгунов (Тайгунов) (1816 г.р.). В этот ряд нужно включить и брак Гафии Гизетуллиной (1825/1831 г.р.) (отец которой, Гизетулла Хай-

²² Махмутов З.А. История татар Кокшетау и Акмолинской области (XIX – начало XXI в.). Казань, 2019. С. 25.

²³ Семья Ахмера Ягоферова была переведена в 1833 г. в 9 башкирский кантон. (НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 527. Л. 541 об.–542).

²⁴ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 161. Л. 275 об.–277; Д. 308. Л. 85–89; Д. 309. Л. 397–404; Д. 430. Л. 368–373; Д. 527. Л. 537–550; Д. 528. Л. 419–421; Д. 532. Л. 145–149, 157–160; Д. 654. Л. 1–12; Д. 660. Л. 538–565; Д. 661. Л. 575–579.

буллин, состоял в общине ясачных татар) с «башкирцем» Валишой Динмухамедовым (1815)²⁵.

Если говорить о выдаче замуж дочерей «башкирцев» за ясачных татар, то нами обнаружено два брака: союз ясачного татарина Хайруллы Хайбуллина (1827 г.р.) с «башкирской» дочерью Фейзуллы Сулейманова – Хусниямал (1830), а второй случай зафиксирован между ясачным татаринцом Абдуллой Абдулгазизовым и дочерью «башкирца» Динмухамеда Махмудова – Минсылу (1825)²⁶.

Исследуя демографическое развитие д. Стерлибашево нельзя обойти стороной и половозрастную структуру населения исследуемого поселения.

Таблица 2

Половозрастная структура населения д. Стерлибашево по материалам VII – IX ревизий²⁷

Возраст	1816 г.			1834 г.			1850 г.		
	м. п.	ж. п.	об. пола ²⁸ %	м. п.	ж. п.	об. пола %	м. п.	ж. п.	об. пола %
ясачные татары									
От 0 до 18 лет	14	15	29 / 52,8	36	30	66 / 52,8	31	29	60 / 45,5
От 19 до 30 лет	4	4	8 / 14,5	7	9	16 / 12,8	21	14	35 / 26,5
От 31 до 50 лет	5	7	12 / 21,8	16	14	30 / 24	10	10	20 / 15,1
От 51 года и выше	5	1	6 / 10,9	7	6	13 / 10,4	8	9	17 / 12,9
Итого	28	27	55	66	59	125	70	62	132

²⁵ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 532. Л. 145 об.–146, 157 об.–159; Д. 660. Л. 553 об.–554, 555 об.–557.

²⁶ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 527. Л. 544 об.–545, 546 об.–547; Д. 654. Л. 7 об.–9.

²⁷ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 161. Л. 275 об.–277; Д. 308. Л. 85–89; Д. 309. Л. 397–404; Д. 430. Л. 368–373; Д. 527. Л. 537–550; Д. 528. Л. 419–421; Д. 532. Л. 145–149, 157–160; Д. 654. Л. 1–12; Д. 660. Л. 538–565; Д. 661. Л. 575–579.

²⁸ От общей численности сословной группы за год.

Возраст	1816 г.			1834 г.			1850 г.		
	м. п.	ж. п.	об. пола ²⁸ %	м. п.	ж. п.	об. пола %	м. п.	ж. п.	об. пола %
«башкирцы»									
От 0 до 18 лет	53	70	123 / 53	123	111	234 / 54,4	114	84	198 / 48
От 19 до 30 лет	22	21	43 / 18,5	34	52	86 / 20	52	48	100 / 24,2
От 31 до 50 лет	18	23	41 / 17,7	38	29	67 / 15,6	39	35	74 / 17,9
От 51 года и выше	14	11	25 / 10,8	20	23	43 / 10	21	20	41 / 9,9
Итого	107	125	232	215	215	430	226	187	413
мещеряки									
От 0 до 18 лет	–	–	–	5	7	12 / 48	13	6	19 / 52,8
От 19 до 30 лет	–	–	–	4	4	8 / 32	4	3	7 / 19,4
От 31 до 50 лет	–	–	–	2	–	2 / 8	5	5	10 / 27,8
От 51 года и выше	–	–	–	1	2	3 / 12	–	–	–
Итого	–	–	–	12	13	25	22	14	36

Данные таблицы 2 преподносят интересные результаты. В частности, если в соотношении полов в среде ясачных татар отчетливо видно превалирование мужской части населения над женской, то в общине «башкирцев» не все однозначно: в 1816 г. 46,1% мужчин против 53,9% женщин, к 1834 г. в д. Стерлибашево проживало абсолютно равное количество мужчин (215 чел.) и женщин (215 чел.), к 1850 г. число мужчин значительно преобладало 226 чел. (54,7%) против 187 чел. женщин (45,3%). В мещерякской среде соотношения

полов определялись в большей степени равными показателями. Что касается распределения возрастных категорий внутри каждой из сословных групп, то они идентичны: наиболее широко представленной возрастной категорией является группа от 0 до 18 лет. Максимальные значения самой молодой подгруппы отмечены на примере «башкирцев» в 1834 г. (54,4%). Интересное наблюдение зафиксировано нами в динамике самой малочисленной возрастной категории лиц от 51 и старше. Так, если в общине «башкирцев» усматривается снижение их доли от 10,8% (1816 г.) до 9,9% (1850 г.), то в среде ясачных татар, напротив, отмечен рост с 10,9% в 1816 г. до 12,9% в 1850 г.

Говоря о самых возрастных жителях за все рассматриваемые нами годы, то тут среди мужчин следует отметить 88-летнего «башкирца» Туйгуна (Тайгуна) Загирова (1762 г.р.), среди женщин – 74-летнюю Габдулвалию Назирову также из общины «башкирцев». Очень редко кто из стерлибашевцев достигал 70-летнего рубежа, случай с Туйгуном (Тайгуном) Загировым стоит своего рода особняком²⁹. Что касается общины мещеряков, то тут надо сказать, что к IX ревизии (1850 г.) среди них отсутствовали лица, возраст которых превышал 50-летний рубеж, что говорит о демографическом потенциале данной сословной группы и прогнозируемом росте ее населения в будущем.

В таблице 3 нами приведены сведения о родившихся и умерших душах мужской части населения д. Стерлибашево по сословным группам без учета прибывшего в межревизский период населения.

Таблица 3

**Динамика родившихся и умерших м.п. в д. Стерлибашево
с 1811 по 1850 гг. по сословным группам³⁰**

Годы	родилось			умерло			+ / -			Итого
	ясачные татары	«башкирцы»	мещеряки	ясачные татары	«башкирцы»	мещеряки	ясачные татары	«башкирцы»	мещеряки	
1811 – 1816	5	15	–	4	5	–	+1	+10	–	+11
1816 – 1834	13	93	–	9	26	–	+4	+67	–	+71
1834 – 1850	27	103	13	23	44	3	+4	+59	+10	+73

²⁹ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 660. Л. 557 об., 563.

³⁰ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 161. Л. 275 об.–277; Д. 308. Л. 85–89; Д. 309. Л. 397–404; Д. 430. Л. 368–373; Д. 527. Л. 537–550; Д. 528. Л. 419–421; Д. 532. Л. 145–149, 157–160; Д. 654. Л. 1–12; Д. 660. Л. 538–565; Д. 661. Л. 575–579.

Как следует из таблицы 3, естественный прирост в д. Стерлибашево превалировал над естественной убылью, максимальных значений он достиг в IX ревизии (+73). Следует добавить, что несмотря на положительную динамику роста численности населения, разница между родившимися и умершими с 1816 по 1850-е годы осталась практически неизменной: если между периодом 1816–1834 гг. она составляла +71, то к 1834–1850 гг. возросла лишь на два человека – +73.

В таблице 4 сосредоточены сведения о составе семьи д. Стерлибашево по сословным группам.

Таблица 4

Средний состав семьи в д. Стерлибашево по материалам VII – IX ревизий³¹

годы	Ср. кол-во членов семьи м. п.			Ср. кол-во членов семьи ж. п.			Ср. кол-во членов семьи об. пола		
	Ясачные татары	«башкирцы»	мещеряки	Ясачные татары	«башкирцы»	мещеряки	Ясачные татары	«башкирцы»	мещеряки
1816	2,8	2,81	–	2,7	3,29	–	5,5	6,1	–
1834	2,87	3,41	3	2,56	3,41	3,25	5,43	6,82	6,25
1850	2,8	4,43	3,1	2,48	3,66	2	5,28	8,09	5,1

Из данных таблицы 4 следует, что в составе семьи ясачных татар преобладало мужское население, а вот в среде «башкирцев» не все так однозначно. К примеру, если в 1816 г. приходится констатировать о превалировании женщин (3,29 чел. против 2,81 у мужчин), то к 1834 г. это соотношение было абсолютно равным (3,41 у мужчин и 3,41 у женщин). Материалы IX ревизии показывают, что в среднем составе семьи сословной группы «башкирцев» мужчин в среднем уже было больше, чем женщин (4,43 против 3,66 соответственно). Самой крупной семьей д. Стерлибашево в исследуемый период являлась трехпоколенная семья 73-летнего «башкирца» Гибетуллы Сулейманова (1777 г.р.), учтенная в IX ревизии – 28 душ об. пола (17 душ м. п. и 11 душ ж. п.), для сравнения в общине ясачных татар, как наиболее крупная семья

³¹ На РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 161. Л. 275 об.–277; Д. 308. Л. 85–89; Д. 309. Л. 397–404; Д. 430. Л. 368–373; Д. 527. Л. 537–550; Д. 528. Л. 419–421; Д. 532. Л. 145–149, 157–160; Д. 654. Л. 1–12; Д. 660. Л. 538–565; Д. 661. Л. 575–579.

выделяется трехпоколенная семья 65-летнего Нигаметуллы Баширова – 16 душ об. пола (9 душ м. п. и 7 душ ж. п.)³².

Подытоживая, надо отметить, что с установлением кантонной системы управления в 1798 г. число лиц, состоящих в башкирском сословии в д. Стерлибашево, резко возросло, именно представители данной сословной группы преобладали в исследуемом поселении на протяжении изучаемого периода. По данным VII ревизии (1816 г.), доля «башкирцев» определялась 80,8%, с течением времени их соотношение только падало: 74,1% в 1834 г. и 71,1% в 1850 г. За период с 1816 по 1850 гг. население д. Стерлибашево увеличилось на 294 чел. (102,4%).

Несмотря на положительную динамику численности населения, в д. Стерлибашево в первой половине XIX в. рост числа полигамных браков значительно снизился с 16 случаев в 1834 г. до 8 случаев в 1850 г., мы считаем, что подростое поколение стерлибашевцев к 1850 г. еще не успело обозначить свою полигамность, и с высокой долей вероятностью можем утверждать, что к последней трети XIX в. число полигамных браков возросло и определялось как минимум значениями VIII ревизии (1834 г.). Несмотря на то, что жители д. Стерлибашево состояли в различных сословных категориях, это не мешало заключать им браки между собой. Таким образом, сформированные на протяжении веков особенности культуры, быта, языка и самосознания стерлибашевцев, способствовало их сближению со своими сородичами в семейно-брачных отношениях, вне зависимости от социального статуса и положения. Всевозможные миграционные процессы, а также неоднородные данные по рождаемости предопределили различия в соотношении полов в первой половине XIX в. Так, если в 1816 г. женская часть населения преобладала над мужской частью (53% против 47%), к 1834 г. усматривается небольшое, но уже преобладание мужчин над женщинами (50,5% против 49,5%), предельных значений эта разница приобрела в 1850 г., когда она определялась следующими показателями: 54,7% против 45,3%. В половозрастной структуре населения наиболее весомую долю за все время и во всех сословных группах занимала категория от 0 до 18 лет, наименее значимой являлась группа в возрасте от 51 года и выше, в общине мещеряков по данным IX ревизии (1850 г.) лица данного возраста и вовсе отсутствуют. Отличается между собой и средний состав семьи сословных групп д. Стерлибашево. В частности, семьи ясачных татар, как правило, были наиболее малочисленны, что касается крупных семей, то к 1850 г. самые крупные в среднем по численности семьи усматриваются в общине «башкирцев» – 8,09 чел. об. пола.

В целом, приведенный пример демографического развития д. Стерлибашево в исследуемый период можно характеризовать как модельный для татарских поселений Республики Башкортостан, для которого была характерна

³² НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 654. Л. 10 об.–12; Д. 660. Л. 552 об.–554.

многосословность, наличие активных миграционных потоков, являвшихся основным фактором изменения демографической картины в первой половине XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
2. Басырова Г.Г. Возникновение и развитие Стерлибашевского медресе // Казанский педагогический журнал. 2015. №2. С. 144–150.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 98. Оп. 2. Д. 4.
4. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 25.
5. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 57.
6. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 58.
7. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург: Типография О. Яковлева, 1907. Вып. 7. 472 с.
8. Махмутов З.А. История татар Кокшетау и Акмолинской области (XIX–начало XXI в.). Казань, 2019. 360 с.
9. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-2. Оп. 1. Д. 3348.
10. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 56.
11. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 161.
12. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 308.
13. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 309.
14. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 430.
15. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 527.
16. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 528.
17. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 532.
18. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 541.
19. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 654.
20. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 660.
21. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 661.
22. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 192 с.
23. Усманов В.М. Тарихи ядкэрлэр. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2005. 168 б.

Сведения об авторе: Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: rustem_270988@mail.ru

**DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT AND ESTATE STRUCTURE
OF STERLIBASHEVO VILLAGE IN THE LATE EIGHTEENTH
AND FIRST HALF OF NINETEENTH CENTURIES**

Rustem R. Aminov

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the demographic component in the Tatar village of Sterlibashevo, founded at the turn of the seventeenth and eighteenth centuries and located in the present in the Sterlibashevsky district of the Republic of Bashkortostan. Until today, the class structure and the number of inhabitants of the village of Sterlibashevo have not been the subject of a separate study. The estate composition of the local population was not homogeneous and therefore it is a particularly interesting object of research. Unfortunately, the data of the tenth revision (1858) are poorly preserved and they do not allow to expand the chronological scope of the study and get a more complete demographic picture. Also, the materials of the fourth and fifth revisions (1782 and 1795) have not been preserved in full and therefore contain insufficient information about an important period in the development of the village of Sterlibashevo. The purpose of this article is to show the main features of the demographic development of the Sterlibashevo village in the period under study. The author used the materials of the seventh, eighth, and ninth revisions (1816, 1834, and 1850), which made it possible to solve the assigned tasks to the maximum extent and come to interesting conclusions. The author analyzed the age and sex composition of the population in different class groups, which made it possible to predict the further demographic development in the settlement; calculated the average composition of the family; and identified the largest families in terms of size. In addition, he determined the sex ratio for different classes and the ratio of births and deaths. Also, he determined the maximum fixed age of residents and traced the dynamics of the population and migration processes that took place in this settlement. The class group *Bashkirtsy* numerically prevailed in this Tatar community and was a privileged stratum of the population.

Keywords: Sterlibashevo village, yasak Tatars, Bashkirs, Meshcheryaks, Tukaevs, ethno-class groups

About the author: Rustem R. Aminov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Center for the Study of History and Culture of the Tatars-Kryashens and Nagaybaks, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: rustem_270988@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОСЛОВИИ «ИНОРОДЦЕВ» В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Е.В. Самрина

*Хакасский научно-исследовательский институт,
языка, литературы и истории
Абакан, Хакасия, Российская Федерация*

В современном обществе термин «инородец» практически забыт, считается архаичной терминологией. По мнению исследователя С.А. Степанова выражения «инородцы» и «туземцы» режут слух, хотя в XIX в. «не имели обидного оттенка». Данные термины широко использовались в повседневной жизни, в политическом, экономическом и этническом аспектах. Почему же возникла негативная коннотация термина и почему даже сегодня слово «инородец» вызывает противоречивые чувства?

Ключевые слова: инородцы, Российская империя, сословие, разряды, гражданские права, политические права, привилегии

«Инородцы» в качестве официального термина для обозначения подавляющего большинства народов, не «природных» российских подданных и как правовое определение новой социальной категории впервые вводится в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. География распространения «инородцев» в Российской империи была очень широкой. В конце XIX в. список народов, официально признанных инородцами, включал тринадцать различных категорий населения от сибирских инородцев до российских евреев¹.

Российские евреи в инородцы были причислены в 1835 г., хотя евреи были оседлым народом и населяли европейскую, а не азиатскую территорию. Джон У. Слокум считает, «что классификация евреев как инородцев указывает на фундаментальную двусмысленность во внутренней логике этой категории: была ли она показателем предполагаемого уровня цивилизованности данного народа или юридическим знаком расовых различий»?²

Исследователи отмечают, что понятие «инородцы» было взято М.М. Сперанским и Г.С. Батеньковым из единичных указов петровского и екатеринин-

¹ Ядринцев Н.М., Якоби А.М. Инородцы // Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. С. 224.

² Джон У. Слокум. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи. С. 504.

ского времени³. Случаи использования термина «инородцы» имеются в заголовках отдельных законодательных и распорядительных актов конца XVII–XVIII вв. в составе Полного собрания законов Российской империи⁴.

По мнению А.Ю. Конева, к концу XVIII столетия в русском языке формируются дискурсивные практики, способствующие новому осмыслению этноязыкового и конфессионального разнообразия империи, конструированию образа ее подданных⁵.

Первые попытки придать юридический статус термину «инородцы» встречаются в проекте закона «Проект устава о сибирских инородцах», составленном в 1798 г. Это был первый проект, который предусматривал необходимость введения единой юридической категории взамен существующего многообразия юридической терминологии – «иноземцы», «иноверцы», «ясачные люди»⁶.

Как считает Л.И. Шерстова, такие обозначения сибирских народов как «ясачные, иноземцы, иноверцы» «отражали либо податной статус, либо неправославное вероисповедание, либо место обитания за пределами Европейской России»⁷. Термин «инородец», по ее мнению, «обозначил внимание законодателя к национальной – не русской, к инородной – принадлежности человека, и знаменовал собою внесение этнического разделения в юридическую практику. В данном случае сословная принадлежность стала подменять собой этническую»⁸.

В 1833 г. в «Своде законов о состоянии людей в государстве» были выделены три группы населения России: природные обыватели (городское и сельское население), инородцы (оседлые и неоседлые) и иностранцы. Как считает А.Ю. Конев, «народы Российской империи были разделены на «природных», связанных с господствующим славянским ядром исконной Руси-России, и «неприродных» – ставших частью российского социума в результате присоединения земель, не являвшихся ее исторической территорией. Исключив инородцев из этого числа, подданные империи разделились, на две большие части по признаку «природности»⁹. Таким образом, инородцы определялись этнической оппозицией к остальному населению Российской импе-

³ Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи). С. 265.

⁴ ПСЗ-1. Т. III. № 1526; Т. IV. № 1800; Т. XVI. № 12041.

⁵ Конев А.Ю. Инородцы Российской империи: к истории возникновения. С. 119.

⁶ Федоров М.М. Правовое положение народов восточной Сибири (XVII – начало XIX века). С. 181–182.

⁷ Шерстова Л.И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX вв.

⁸ Там же.

⁹ Конев А.Ю. Инородцы Российской империи: к истории возникновения понятия. С. 119.; Конев А.Ю. «Инородцы» – сословный проект империи: сибирская версия.

рии. Показательным в этом плане является перевод на английский язык слова «иностранцы» как «aliens» – чужие¹⁰.

«Устав об управлении иностранцев» 1822 г. разделил иностранцев на три разряда: иностранцы оседлые, иностранцы кочевые и бродячие иностранцы. Каналы межсословной интеграции – в том числе горизонтальной – возможность перехода в другие сословные группы оставались открытыми. Устав позиционировал существование сословного лифта, т.е. возможность перехода из одного сословия в другое, в данном случае из иностранцев в сословие государственного крестьянства, мещанства, купечества, казачества.

Но в правовом смысле иностранцем можно было только родиться, нельзя было им стать. Даже принятие иностранцами христианства не влекло за собой выхода из этого состояния, т.е. крестившегося представителя аборигенного населения продолжали называть иностранцами. Хотя в практике XVII и XVIII вв. если иноверец обращался в православие, то переставал быть иноверцем. В данном случае «иностранец» в значении «иной», «другой» является труднее устранимым, чем религиозная идентичность. Примечательно, что и в случае перехода в другое сословие и в пределах нового сословного состояния они не вливались в состав социальной группы, а создавали внутри этой группы иностранческие субсословия.

Предпосылками к вступлению в сословие сельских и городских обывателей должно было служить изменение образа жизни (переход на оседлость). Занятие земледелием способствовало переходу в крестьянство, т.е. обретению иного правового статуса с правами и обязанностями присущими этому сословию.

В Уставе указывалось, что оседлые иностранцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях. При этом кочевым иностранцам в определенной степени государство гарантировало, что они не будут обращены против их воли в звание крестьян и вообще без их собственного желания не будут включены в другое сословие.

Многочисленной частью иностранческого сословия России стали коренные народы Сибири, которые согласно Уставу зачислялись в новое податное сословие, чей образ жизни базировался на скотоводстве, земледелии, охоте и рыболовстве. В «Своде законов Российской империи» было дано определение этому понятию: «Под именем иностранных разумеются все племена нероссийского происхождения, в Сибири обитающие»¹¹. «Устав об управлении иностранцев» определил их положение как особого российского податного сословия, со специфическим образом жизни, особым характером налогообло-

¹⁰ Джон У. Слокум. Кто и когда были «иностранцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи. С. 502.

¹¹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. С. 358.

жения и освобождением от рекрутской повинности, т.е. самостоятельное сословие с особыми правами и обязанностями.

Все иностранцы делились на оседлых, кочевых и бродячих. К последней причислили охотничьи народы Северной Сибири. Большая часть сибирских народов (буряты, якуты, хакасы, эвенки и др.) были отнесены ко второй кочевой категории. Им выделялись земли не во владение, а в пользование. Кочевые иностранцы, впрочем, как и все категории сибирских иностранцев не имели права собственности на исконные свои земли, в том числе и на земельные наделы. Но их земли законодательно защищались от посторонних посягательств. Иностранцы были обязаны выплачивать государственные повинности за аренду кабинетских земель, собственниками которой выступали российская казна и Кабинет¹².

Они отличались особым типом управления, судебной системой, финансовыми преференциями сравнительно с другими подданными России. Но по правовому статусу кочевые иностранцы стояли на предпоследней ступени в царской России (на последней – бродячие иностранцы), а это означало, что объем их гражданских, политических прав как подданных государства был весьма ограниченным.

Они могли избирать и быть избранными только в пределах своих административных ведомств в т.ч. Степных дум, иностранных управ. Но доступ на государственную гражданскую службу в местные земства (уездные и губернские) был полностью закрыт наравне с другими податными сословиями (мещанства и крестьянства) и сословными группами (купцы, личные почетные граждане и их дети, за некоторым исключением). Также доступ был закрыт на военную службу.

Ограничение в личных правах. Им запрещалось самовольно покидать территории обитания, переходить из одной волости в другую. Некоторые исследователи, (например, А.Ю. Конев) объясняли такие ограничения невозможностью иным образом обозначить условные границы окладных объединений. А обширные межевые работы были дорогостоящим предприятием¹³.

Кроме того существовали ограничения в сделках гражданско-правового характера, например особые правила о денежных займах и об отдаче разных промыслов в оброчное содержание¹⁴. Иностранцы также не имели права наниматься на работу. «Наем сибирских иностранцев на частную работу производится с ведома родового начальства, на основании особых правил»¹⁵.

¹² «Высочайше Утверждённый Устав об управлении иностранцев».

¹³ Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.). С. 96–97.

¹⁴ Ядринцев Н.М., Якоби А.М. Иностранцы. С. 224–225.

¹⁵ Там же.

Сословные привилегии. Одним из основных сословных привилегий инородцев принято считать освобождение от воинской повинности. Эти специфические сословные особенности были закреплены в законе также после сибирских реформ первой четверти XIX в. Но так называемые сословные привилегии были связаны не заботой об инородцах, а прежде всего, с культурным, хозяйственным отличием последних от русского населения империи, их политической благонадежностью и чувствами принадлежности к общей родине.

В определенных военных и государственных кругах освобождение сибирских инородцев от воинской повинности подвергалось резкой критике. Привилегии инородцев, которыми они пользуются, равно, как и присутствие восточных инородцев в составе империи, профессор права, публицист и один из образованных людей своего времени Александр Градовский, считал пережитком истории российской имперской экспансии. По его мнению, их сохраняющиеся привилегии фактически свидетельствовали о прежней слабости Российского государства, были «воспоминанием о том времени, когда Московское государство было еще слишком слабо, чтобы окончательно ассимилировать эти племена в этнографическом и политическом отношении»¹⁶.

Чиновники считали, что при таком положении русский человек, отбывающий воинскую повинность, никакого расового преимущества перед аборигенами не ощущает. В результате у инородцев якобы утрачивается представление о мощи великой России¹⁷.

Тем не менее, кочевые инородцы официально освобождались от отбывания рекрутской повинности, а после военной реформы 1874 г. – от службы в армии по призыву вплоть до Первой мировой войны. Но оседлые инородцы после введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. больше не освобождались от военной службы. А с конца 1880-х годов российские законы начали понемногу урезать данную официальную привилегию отдельных народов из числа инородцев. Например, инородческое население Астраханской, Тобольской и Томской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской обл. и всех губерний и областей Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств, стали привлекать к отбыванию всеобщей воинской повинности на основании особых положений¹⁸.

Царское правительство при обсуждении мероприятий по призыву инородцев проявляло сдержанность, необходимость привлечения тех или иных народов к воинской повинности принималось в зависимости от политической благонадежности, пригодности к военной службе, чувства принадлежности к общей родине.

¹⁶ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. С. 394.

¹⁷ Дамешек Л.М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой. С. 83.

¹⁸ Ядринцев Н.М., Якоби А.М. Инородцы. С. 224–225.

Но подавляющее большинство инородцев, в том числе и сибирские, не призывались на военную службу. Вопрос о распространении на сибирских инородцев воинской повинности рассматривался в связи с введением устава о воинской повинности 1 января 1874 г., провозгласившего защиту престола и Отечества священной обязанностью каждого русского подданного. Однако реализация этого положения была отложена отчасти по причине непоследовательного курса государственной политики по русификации коренного населения, отчасти по причине нахождения страны в режиме военного положения (русско-японская война и последовавшая за ней революция 1905–1907 гг.).

Решения принимались осторожно, и как следует из доклада военного министра В.А. Сухомлинова в секретных записках Главному штабу в 1915 г. «попытки формировать на окраинах туземные части приводят к одному и тому же результату: эти части приходится расформировывать, как только на данной окраине обостряется национальный вопрос»¹⁹.

Правящие круги считали, что введение воинской повинности приведет к росту этнического самосознания, что в свою очередь могло стать причиной усиления национальных движений и, в конечном итоге, могло угрожать безопасности и территориальной целостности государства²⁰.

Александр Градовский, профессор права и публицист в последней четверти XIX в. писал, что «вообще инородцы принимали деятельное участие во всех смутах, подымавшихся против Русского государства. Известно деятельное их участие в бунте Стеньки Разина. Известны многочисленные инородческие бунты в царствование Анны Ивановны. Известно также, что Пугачевщина приняла обширные размеры, между прочим, благодаря участию в ней инородцев»²¹. Поэтому он считает «правительство должно было исподволь воспитать его в гражданственности и налагать на него государственные тягости с величайшею постепенностью»²².

Накануне Первой мировой войны в военных и государственных кругах активно обсуждается вопрос о возможности привлечения нерусских народов России к несению воинской повинности. Основным признаком призыва на военную службу была культурная, хозяйственная близость инородцев с русскими. В частности, военный министр В.А. Сухомлинов в секретных записках Главному штабу докладывал, что «инородцы Ачинского, Минусинского и Канского уездов хотя и именуются кочевыми, но по своему образу жизни настолько приблизились к оседлым, что резкое различие между теми и другими

¹⁹ О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения освобожденного от нее до настоящего. С. 5.

²⁰ Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти. С. 263.

²¹ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. С. 394.

²² Там же.

провести затруднительно. Они наравне с крестьянами несут все повинности, кроме воинской. Ясак у них заменен оброчной податью, взимаемую сообразно с количеством находящейся в их пользовании земли и другими видами их хозяйственного достатка. Совершенно на тех же основаниях инородцы уплачивают наравне с русскими крестьянами и земские сборы»²³.

Таким образом, военный министр считал «привлечение к воинской повинностиуже вполне назрело, а потому необходимо теперь же привлечь этих инородцев к воинской повинности на общих основаниях». По его мнению, «к введению воинской повинности названные инородцы отнесутся спокойно»²⁴.

25 июня 1916 г. был опубликован указ, по которому «инородческое» мужское население Российской империи призывалось на работы по созданию оборонительных сооружений в районе действующей армии и на тыловые работы. Мобилизация на тыловые работы началась летом 1916 г.²⁵

Таким образом, в действующую армию они не мобилизовались и участия в боевых действиях не принимали. Согласно положению Комитета министров о реквизиции сибирские народы подлежали мобилизации только на тыловые работы. На тыловые работы призывали молодежь, в первую очередь лиц с 19 лет до 31 года. Всего с июля 1916 по январь 1917 г. на тыловые работы было мобилизовано около 21 тыс. коренных жителей Сибири²⁶. Они выполняли самую тяжелую работу. Их отправляли на угольные шахты, военные заводы, рудники, железную дорогу. Плохие условия труда и быта, непривычно тяжелый труд приводили к высокому травматизму, увечьям и хроническим заболеваниям. Начались бегство и саботаж²⁷.

Освобождение от рекрутской, затем и воинской повинности несет в себе двоякий и противоречивый смысл. С одной стороны, забота государства в виде политики патернализма, с другой акцентирование на сословных различиях природных подданных империи и инородцев. Подчеркивание культурной, гражданской неполноценности последних. Политическая благонадежность и отсутствие чувства принадлежности к общей родине не позволяли их призывать на военную службу. В данном случае говорить о привилегиях в смысле преимущества перед другими сословиями не совсем правильно. Освобождение от воинской повинности, скорее специфические сословные особенности.

«Инородец» обозначавший сословную принадлежность нерусского человека, в обществе использовался не только для обозначения статуса сибирских

²³ О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения освобожденного от нее до настоящего времени. С. 17.

²⁴ Там же.

²⁵ ПСЗ. Т. 49. № 52983.

²⁶ Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти. С. 83.

²⁷ История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. С. 481–482.

народов, но и получил оценочное толкование. Со второй половины XIX в. термин претерпел дальнейшее размывание первоначального значения и стал затрагивать такие аспекты как гражданская, юридическая, этническая неполноправность этой группы населения.

Вопрос о гражданском и политическом равноправии инородцев остро стоял в начале XX столетия, в ходе выборов в I Государственную Думу. 6 августа 1905 г. Николай II подписал Манифест о созыве Государственной Думы. Выборы были не прямые и должны были проходить по куриальной системе, которая устанавливала квоты на выборщиков по куриям. Например, согласно квоте тридцать три тысячи ачинских и минусинских инородцев Хакасско-Минусинского края на выборы в Государственную Думу в Минусинск могли отправить только двух выборщиков. Директор Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова, один из лидеров «Союза сибирских инородцев» А.А. Ярилов считал, что ограничение по квотам в данном случае свидетельствует о сословном политическом неравноправии инородцев. «...каждая волость, даже численностью 2–3 тысячи имеют право послать тоже двух выборщиков. Тогда как численность инородцев позволяла им отправить 8 выборщиков, вместо двух. Тогда они имели бы возможность послать хоть одного выборщика из своей среды в Красноярск; теперь же об их нуждах не узнает не только Государственная дума, а даже своя губерния»²⁸. В среде минусинских и ачинских инородцев ограничения в правах при выборах в Государственную Думу стали одним из болезненных вопросов. Последовавшие революционные события 1905–1906 гг. и участие инородческого населения в этих волнениях свидетельствовало об общем росте политического и гражданского недовольства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 259–291.
2. «Высочайше Утверждённый Устав об управлении инородцев», 1822 // ПСЗ-1, т. XXXVIII, №29126. С. 394–416.
3. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. I. Санкт-Петербург, типография М. Стасюлевича, 1875. С. 436.
4. Дамешек Л.М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 7. Серия «История». С. 79–87.

²⁸ Телеграф и почта. 1906. 27 апреля 1906 г.

5. Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: сб. ст. / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 262–270.

6. Джон У. Слокум. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет; антология сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер М.: Новое изд-во, 2005. 696 с.

7. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993. 523 с.

8. Конев А.Ю. Инородцы Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. №13. С. 117–120.

9. Конев А.Ю. «Инородцы» – сословный проект империи: сибирская версия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibistorik.ru/project/conf2014/018.html>. (дата обращения 01.02.2021)

10. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII– начало XX в.). М.: Координац. метод. центр прикладной этнографии ИЭИА, 1995. 217 с.

11. О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения освобожденного от нее до настоящего времени / Военный министр по Главному штабу. Отдел пенсионный и по службе нижних чинов. Отделение 12. СПб., 1915. 39 с.

12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание 2-е. Т. 49. № 52983.

13. ПСЗ-I. Т. III. № 1526.

14. ПСЗ-I. Т. IV. № 1800; Т. XVI. № 12041

15. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб. 1833. Ч. IV-V.

16. Степанов А.С. Предисловие // Сорошевский В.Л. Якуты. М.: Росспэн, 1993. 713 с.

17. Телеграф и почта. 1906. 27 апреля 1906 г.

18. Федоров М.М. Правовое положение народов восточной Сибири (XVII – начало XIX века). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.

19. Шерстова Л.И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX вв. Учебное пособие. Томск: изд-во Томского университета, 2014. 191с.

20. Ядринцев Н.М., Якоби А.М. Инородцы // Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. СПб., 1894. Т. 26. С. 224–225.

Сведения об авторе: Самрина Елена Васильевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Абакан, Российская Федерация). E-mail: esamrina@mail.ru

**TO THE QUESTION ABOUT THE CONDITION OF “FOREIGNERS”
IN THE SOCIAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE**

Elena V. Samrina

*Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russian Federation*

The term *foreigner* is practically forgotten and is considered archaic in modern society. According to the researcher S.A. Stepanov, the expressions *foreigners* and *tuzemtsy* are ear-throating, although they “did not have an offensive connotation” in the nineteenth century. These terms were widely used in everyday life, in political, economic, and ethnic aspects. Why did the negative connotation of the term arise and why even today the word *foreigner* evokes conflicting feelings?

Keywords: foreigners, Russian empire, social structure, civil rights, political rights, privileges

About the author: Elena V. Samrina – Cand. Sci. (Geography), Senior Research Fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: esamrina@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РИЗАЭТДИНА ФАХРЕТДИНОВА

Л.Ф. Байбулатова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

Цель исследования заключается в изучении вопроса землевладения семьи Ризаэтдина Фахретдинова, с которым тесно связан вопрос его этнической принадлежности. Для достижения поставленной цели были использованы данные родословной Р.Фахретдинова, данные ревизии 1762, 1795 гг., материалы подворной переписи 1900–1901 гг., документы о восстановлении в сельской общине, а также исследования историков по данной тематике. Исследование показало, что предки Р.Фахретдинова обосновались в деревне Кичучатово в середине XVIII в., прибыв сюда из деревни Ширдан Свияжского уезда, таким образом они не являются исконными жителями. Тем не менее, они смогли прижиться в этой деревне и завоевать авторитет среди населения. Официальные сведения о земельных наделах появляются в подворной переписи 1900–1901 гг., в и заявлениях Ризы Фахретдинова о восстановлении его с сыновьями в сельском обществе для выделения им земельного надела.

Ключевые слова: Ризаэтдин Фахретдин, Бугульминский уезд, Кичучатово, земельный надел, перепись

Официальные данные о земельной собственности Ризаэтдина Фахретдинова¹ и других членов его семьи известны благодаря подворной переписи крестьянских хозяйств, которая проводилась в 1900–1901 гг. в Самарской губернии. К ней мы вернемся позже, сначала нужно выяснить историю появления предков Р.Фахретдинова в Бугульминском уезде, поскольку наряду с земельной собственностью, это в некоторой степени раскрывает и его этническую принадлежность.

Согласно источникам Ризаэтдин Фахретдин родился в селе Кичучатово Бугульминского уезда Самарской губернии². Тем не менее его предки ведут свою родословную из деревни Ширдан Свияжского уезда³. Это становится известно, в первую очередь, из родословной, которая была впервые опубликована в 1901 г. во второй части свода «Асар» в биографии прадеда Субхан-

¹ Ризаэтдин Фахретдин (1859–1936) – религиозный деятель (имам, кадий ОмДС, муфтий ЦДУМ), историк, писатель, редактор журнала «Шура».

² Сейчас – Альметьевский район РТ

³ Сейчас – Зеленодольский район РТ.

кула, в дальнейшем она появляется также в его собственной биографии, написанной в 1905 г. для Мухаммедфатиха Карими. В «Асар» написано следующее: «Субханкул бине Бикмухаммед бине Юлдаш бине Ишкай бине Тумкай бине Янгилде бине Кайбула бине Курмаш. [...] Юлдаш бине Ишкай из деревни Ширдан Свяжского уезда Казанской губернии, прибыл к истоку реки Кичу, и основанную им деревню называли по его имени Юлдаш или относительно реки Кичучат»⁴. Из шеджере видно, что предки Фахретдинова не являлись коренными жителями деревни Кичучатово, а прибыли на эти земли по одним данным в середине XVI в. (1556–1557 гг.), по другим данным – в середине XVIII в. (1747 г.). Первым поселенцем был дед Субханкула – Юлдаш, который был вынужден покинуть свою родную деревню из-за насильственного крещения жителей. Кичучатово стало последним местом остановки Юлдаша, до этого после побега из Ширдана они с другими сельчанами проживали некоторое время в деревнях Федотовка и Каркали Бугульминского уезда.

По народным преданиям именно Юлдаш и его попутчики стали основателями этой деревни. Данные о проживающих в ней начали фиксироваться во второй (1743–1747) ревизии. Судя по выписке из «Книги переписной государственных крестьян (татар) Новомосковской дороги Надыровой волости Оренбургского уезда 1747 год ...» в деревне Кичучат, что на речке Кичуе проживало 3 души мужского пола «безясных татар»⁵. К 1762 г. переписчики регистрируют 18 душ мужского пола «ясашных татар»⁶. Согласно ревизии 1762 г., к этому году Юлдаш проживал с семьей в Кичучатово, состоял в сословии тептяр, был достаточно зажиточным, поскольку имел водяную мельницу. В этой же ревизии записан и его внук Субханкул, прадед Ризы Фахретдинова, которому на момент переписи исполнилось 17 лет. По данным четвертой ревизии в Кичучате фиксируется 5 душ мужского пола ясашных татар⁷ и 76 тептярей и бобылей⁸. В ревизских сказках 1795 года Субханкул записан как старшина 4-й команды тептярей. До получения звания старшины Субханкул был имамом деревни Нижние Чершилы, где также занимался преподаванием⁹. После назначения старшиной он возвращается в Кичучатово. Здесь же жили и служили имамами дед Ризаэтдина – Сайфетдин и отец Фахретдин.

⁴ Фәхредин Ризаэддин. Асар. 1 том. Казан: Рухият, 2006. Б.62.

⁵ Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р.Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2020. С.52.

⁶ Там же. С.80.

⁷ Там же. С.140.

⁸ Там же. С.177.

⁹ Әхмәтжанов М.И. Ризаэддин бине Фәхрединнең нәсел шәжәрәсе һәм нәселә хакында // Ризаэддин Фәхредин: мирасы һәм хәзерге заман. Казан, 2003. Б.96.

Духовная должность не отменяла занятия сельским хозяйством, поскольку звание имама не приносило доходов. По воспоминаниям Ризы Фахретдинова его отец для содержания семьи сам занимался земельными работами, пахал землю, сеял и убирал урожай. Наемных работников у них не было, поэтому и мать Ризы Фахретдинова помогала при сенокосе.

Таким образом, можно говорить о том, что предки Р.Фахретдинова состояли в сельском обществе и владели земельными наделами, как постоянно проживающие в данном селе и ведущие сельское хозяйство.

Переходя к личности Ризы Фахретдинова, то он продолжает семейную традицию религиозного образования, по окончании которого он назначается имамом деревни Ильбяково Бугульминского уезда, а в 1891 году переезжает в Уфу для работы в ОМДС на должности кадия. Несмотря на отъезд Ризаэтдин Фахретдин вместе со своей семьей оставался членом сельского общества Кичучатово, его даже заочно выбрали и утвердили имам-хатыбом местной соборной мечети, несмотря на то, что он там не прослужил и дня¹⁰.

Как отмечалось выше, данные о земельном наделе Р.Фахретдинова становятся известны из подворной переписи крестьянских хозяйств, проведенной в 1900–1901 гг.

В деревне Кичучатово перепись была проведена в 1901 г., в переписные карточки записывались данные не только о проживающих на данный момент, но и об отсутствующих, к числу которых относился и Ризаэтдин Фахретдин с семьей, покинувший родную деревню еще в 1891 г. По мнению историка М.И. Роднова, эта перепись выполнена на очень высоком уровне, т.к. переписчики долго разговаривали с крестьянами и тщательно записывали их слова, в том числе и не относящиеся к необходимым данным такие вещи, как жалобы, шутки и другие истории сельчан¹¹. Однако часть исследователей считает, что сведения, приведенные в переписи данные, в частности, отражающие этническую идентичность, далеко неадекватны, поскольку зачастую записывались со слов других жителей из-за отсутствия самого домохозяина¹². Однако при этом они не высказывают сомнения в других данных.

В карточке под номером 299 даны сведения о Р.Фахретдинове, записанные со слов его односельчан. Судя по полноте информации, Риза Фахретдин поддерживал отношения с сельчанами и со своим родным братом Зиатдином. В карточке перечислено следующее: народность – тептяр, возраст – 42, гра-

¹⁰ Загидуллин И.К. Уфимский курултай 1905 года. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. С. 81.

¹¹ Роднов М.И. Семья Р.Фахретдинова по материалам земской переписи 1900–1901 гг. // Проблемы башкирской, татарской культуры и наследие Ризы Фахретдинова. Материалы Межрегионального симпозиума (Уфа, 13 мая 2005 г.). Уфа, 2006. С. 15–16.

¹² История башкирских родов. Юрми. Т. 21. Сборник документов и материалов. Уфа, 2016. С. 288.

мотен по-русски и по-татарски, окончил медресе, дома отсутствует, домохозяйин. Указан также состав семьи, даже те дети, которые родились после отъезда из деревни. Кроме дома показан в наличии и один земельный надел, который был отдан Зиатдину в аренду с условием оплаты всех повинностей¹³. Зиатдин постоянно проживал в Кичучатово и кроме надела Ризаэтдина, имел также два надела, один из которых отдавал в аренду за уплату повинностей и дополнительно арендовал три пахотных участка. Также из рода Фахретдиновых один земельный надел принадлежал старшему брату Кашафетдину, несмотря на то, что с 1878 г. он проживал в соседней деревне Маметьево. Тем не менее он засеивал свой надел, приглашая на помощь односельчан, и поэтому считался постоянно проживающим в Кичучатово¹⁴.

Однако, в официальной биографии, составленной ОМДС в 1903 г., написано, что в Кичучатово у него есть деревянный дом, другой собственности ни у него, ни у его жены нет¹⁵. Видимо, сведения о земельной собственности не были включены по причине ее сдачи в аренду.

Дальнейшие события показывают, что Риза Фахретдин стремился сохранить свой надел и статус члена сельского общества, несмотря на проживание вне Кичучатово. Так, в 1909 г., при том, что он уже с 1906 г. проживал на постоянной основе в Оренбурге, пишет прошение начальнику 7-го участка Бугульминского уезда, из которого выясняется, что он с сыновьями был исключен из списка лиц жителей деревни, кто может получить землю по новому переделу. На его прошение последовало постановление от 3 января 1910 г., которым Ризе Фахретдинову было отказано в восстановлении в списке, т.к. он уже 25 лет не проживает в родной деревне и не ведет самостоятельного хозяйства, поэтому общество крестьян правомерно не включило его. Однако после разъяснений Ризы Фахретдинова в том, что отсутствовал он в деревне не 25 лет, а 20, и не вел самостоятельного хозяйства по причине командировки его в Уфу в Духовное собрание, тем не менее он оплачивал все налоги и до сих пор владеет в равной доли с братом домом, оставшимся после смерти отца, решением Бугульминского уездного съезда от 23 марта 1910 г. он с сыновьями был включен в список лиц, получающих землю¹⁶.

С земельной собственностью в деревне Кичучатово тесно связан и вопрос этнической принадлежности Р. Фахретдинова и его предков. Вопрос об этнической принадлежности ученого сохраняет свою актуальность на протяжении нескольких десятилетий. Башкирские ученые, считая его башкиром,

¹³ История башкирских родов. Юрми. Т. 21. Сборник документов и материалов. Уфа, 2016. С. 17.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ризаэтдин Фәхретдин. Фәнни-биографик жыентык. Казан: Рухият, 1999. Б. 30.

¹⁶ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 3, 4, 8.

основывают свои выводы на следующих документах: метрическая запись о рождении Р.Фахретдинова, где его отец Фахретдин указан как башкир (башкорт), данные паспортной книжки Ризы Фахретдинова, выданной в 1912 году, где в строке звание записано – башкир д.Кичучатовой, его официальная биография, составленная в 1903 г. в ОМДС, и другие анкетные данные¹⁷.

Помимо сведений из официальных источников, башкирские ученые руководствуются и тем фактом, что деревня Кичучат, в которой родился Риза Фахретдин, была основана башкирами из рода Юрми, но уже в свой ранний период стала тептярским селением, в котором проживали только тептяре-башкиры¹⁸. Действительно, в отмеченных выше ревизских сказках фигурируют тептяри, но при этом также безыашные и ясашные татары. Также не стоит забывать и тот немаловажный факт, что предки Р.Фахретдинова, не были коренными жителями, а прибыли из Свияжского уезда. И то, что они фигурировали в ревизии как тептяри, не является аргументированным доказательством их башкирской идентичности, поскольку не являлись башкирами-вотчинниками, по каким-либо причинам потерявшим землю.

Таким образом, выявленные материалы позволяют констатировать, что Ризаэтдин Фахретдинов и его предки, переселившиеся на земли у истока реки Кичу, обладали земельными наделами, но поскольку были переселенцами, нет оснований считать их потомками якобы рода Юрми, которым приписывают основание деревни Кичучатово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 3, 4, 8.
2. Загидуллин И.К. Уфимский курултай 1905 года. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 328 с.
3. История башкирских родов. Юрми. Т. 21. Сборник документов и материалов. Уфа, 2016. 716 с.
4. Роднов М.И. Семья Р.Фахретдинова по материалам земской переписи 1900–1901 гг. // Проблемы башкирской, татарской культуры и наследие Ризы Фахретдинова. Материалы Межрегионального симпозиума (Уфа, 13 мая 2005 г.). Уфа, 2006. С.15–20.
5. Салихов А.Г. К вопросу об этнической принадлежности Ризаитдина Фахретдинова // История башкирских родов. Юрми. Т. 21. Сборник документов и материалов. Уфа, 2016. С. 187–199.

¹⁷ Салихов А.Г. К вопросу об этнической принадлежности Ризаитдина Фахретдинова // История башкирских родов. Юрми. Т. 21. Сборник документов и материалов. Уфа, 2016. С. 189.

¹⁸ История башкирских родов. Юрми. Т. 21. Сборник документов и материалов. Уфа, 2016. С. 150.

6. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р.Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2020. 192 с.

7. Әхмәтжанов М.И. Ризаэддин бине Фәхрәддиннең нәсел шәжәрәсе һәм нәсел хакында // Ризаэддин Фәхрәддин: мирасы һәм хәзерге заман. Казан, 2003. Б.94–105.

8. Ризаэтдин Фәхрәддин. Фәнни-биографик җыентык. Казан: Рухият, 1999. 224 б.

9. Фәхрәддин Ризаэддин. Асар. 1 том. Казан: Рухият, 2006. 360 б.

Сведения об авторе: Байбулатова Лилия Фаритовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: bayli77@mail.ru

TO THE PROBLEM OF LAND PROPERTY OF RIZAETDIN FAKHRETDINOV

Liliya F. Baybulatova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The purpose of the paper is to study the issues both of land tenure of Rizaetdin Fakhretdinov's family and his ethnicity. The author used the data of Rizaetdin Fakhretdinov's genealogy and revisions of 1762 and 1795, materials from the house-to-house census of 1900–1901, documents on restoration in the rural community, as well as research by historians on this topic. The study showed that Rizaetdin Fakhretdinov's ancestors arrived in the village of Kichuchatovo from the village of Shirdan, Sviyazhsky district, in the eighteenth century and therefore they were not native inhabitants. Nevertheless, they were able to settle down in this village and gain prestige among the population. Official information about land allotments appears in the house-to-house census of 1900–1901, and in the statements of Riza Fakhretdinov about his restoration with his sons in a rural society for the allocation of a land allotment to them.

Keywords: Rizaetdin Fakhretdin, Bugulma district, Kichuchatovo, land allotment, census

About the author: Liliya F. Baybulatova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: bayli77@mail.ru

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г. И ВОПРОСЫ МОБИЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО СООБЩЕСТВА ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

И.К. Загидуллин

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Татарстан, Российская Федерация*

В статье освещаются процессы мобилизации в среде джадидов и традиционалистов в ходе подготовки и проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Если модернисты воспринимали перепись как сбор статистической информации о народонаселении, то сельскими мусульманами ее цель интерпретировалась по-разному, среди которых наиболее радикальными были следующие тезисы: 1) перепись является продолжением или новым этапом школьной политики по аккультурации и русификации подрастающего поколения; 2) перепись – это мера для сбора сведений о мусульманах для ближайших русификаторских намерений; 3) во время переписи, воспользовавшись, тем, что многие татары не знают русского языка, их могут записать христианами.

Констатируется, что различное понимание конечной цели переписи привело к разнонаправленной мобилизации мусульман. Татарское традиционное религиозное общество «закрылось». А знающая русский язык и открытая к преобразованиям часть татар оказывала содействие властям, проводила разъяснительную работу среди единомышленников и выступила переводчиками и переписчиками.

В статье определяется степень значимости для мусульман Волго-Уральского региона вопросов переписи о вероисповедании и родном языке.

Отмечается, что после массового бойкота переписи 1897 г. модернизация мусульманского сообщества приобрела новое смысловое содержание, которое перекликалось, с одной стороны, с вопросом лояльности традиционных сообществ к новшествам и реформам власти, с другой – со слабостью влияния духовенства на население в периоды социальных напряжений. Необходимость обновления общественной жизни и изменение социального поведения членов мусульманских общин стали восприниматься как социокультурные и общественно-политические задачи. Новый взгляд способствовал активизации просветительской деятельности председателя религиозного управления и модернистов на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Первая всеобщая перепись населения 1897 г., мусульманское сообщество Волго-Уральского региона, оренбургский муфтий М. Султанов, модернизация ислама, крестьянские волнения

Первая всеобщая перепись 1897 г., поставившая своей целью сбор по европейской методике разнообразной информации о российских подданных, потребовала колоссального напряжения сил всех структур власти, крестьян-

ских и городских органов самоуправления. Благодаря взаимодействию ученых-статистиков, администрации и общественности переписная операция прошла успешно.

Новая правительственная инициатива первоначально вызвала настороженность среди различных сословных, профессиональных и этноконфессиональных сообществ, однако стараниями местных властей многие неясности удалось разъяснить, а большинство сельского населения страны – успокоить путем увещеваний.

Специалисты подсчитали до 5–8 вариантов слухов, циркулировавших в обществе накануне переписи. Несмотря на различность предположений, их объединяет оценка статистической операции как продолжение каких-то правительственных мероприятий социального характера, которые имели отношение к определенным слоям или группам жителей страны. В целом эти предположения являлись небеспочвенными по нескольким причинам. 1) Учет населения организовывала и проводила администрация, которая претворяла в жизнь все реформы в стране. Вся собранная информация поступала в распоряжение правительства, которое могло использовать ее в самых разных целях. Официально было известно только об одной из них – для учета исполнения воинской повинности. 2) Впервые государство врывалось с переписным листом в семью каждого российского подданного – в область, которую официально курировали религиозные институты, и просило ответа на большой перечень вопросов, намереваясь собрать сведения, которыми не владели ни церковнослужитель, ни регистратор актов гражданского состояния прихожан, ни волостное правление, где хранились постоянно обновлявшиеся посемейные списки. Иначе говоря, письменный сбор скрытой от чужих глаз информации семейного характера (о составе семьи, поле, возрасте, занятиях, уровне образования каждого члена семьи) воспринимался респондентами как установление контроля над первичной ячейкой общества.

Современники обратили внимание, что респонденты давали правдивые ответы, когда рядом со счетчиком находился представитель власти. В переписных листах имелось несколько вопросов, правдивые ответы на которые могли скомпрометировать респондентов. Скажем, вопрос о вероисповедании был неудобен атеистам, раскольникам, староверам, униатам и неопитам, отпавшим от православия. Вопросы об основном и побочном источниках доходов также смущали респондентов вследствие опасения использования этих сведений фискальными органами.

Среди мусульман Волго-Уральского региона выделялось несколько групп, которые имели неодинаковое мнение о цели предстоящей переписной кампании.

Первая, малочисленная, группа – это выпускники русских учебных заведений, чиновники, отслужившие в российской армии запасные чины и лица, которые знали русскую грамоту благодаря проживанию в русской среде или

своей профессиональной деятельности, и были в курсе происходивших в стране событий, в том числе предстоящей переписи.

Однако в силу того, что правила комплектования уездных переписных комиссий и переписных участков предполагали включение в их состав, главным образом, местных чиновников, эти личности отсутствовали в органах проведения переписи и не смогли должным образом принять участие в разъяснительной работе среди единоверцев.

Среди знающих русскую грамоту татар имелась группа, не исключавшая возможность использования правительством статистических сведений о мусульманах для реализации политики аккультурации и русификации. Как свидетельствуют источники, в Казанской губернии представители этой группы в связи с предстоящей переписью пытались довести до правительственных кругов свои опасения по поводу реализуемой этноконфессиональной политики имперской власти в отношении татар.

Еще одну группу представляли духовные лица. Среди них можно условно выделить три большие подгруппы с различными чертами социального поведения.

1) Группа запасных чинов, которые за период исполнения воинской повинности освоили русский язык и грамоту, имели общее представление о российском обществе и предстоящем статистическом мероприятии.

2) Группа духовенства, освоившая различными путями русский язык и грамоту. Среди них выделялись молодые муллы, назначенные на духовные должности после 1891 г. по итогам успешной сдачи экзамена по умению читать и писать по-русски.

3) Группа духовных лиц в сельской местности, которая не знала русскую грамоту, однако понимала русский язык и получала социально значимую информацию из уст местного начальства. Последняя из них была наиболее сильно подвержена влиянию слухов, однако, имея постоянные контакты с местной администрацией, обладала навыками взаимодействия с властями. Эта группа, с 1870-х гг. осуществлявшая скрытое противодействие учреждению русско-татарских школ и русских классов при медресе, смягчила свое негативное отношение к распространению русского образования после введения в 1891 г. русского образовательного ценза для кандидатов в муллы. Среди них также имелись лица, предполагавшие, что статистические материалы будут использованы не во благо единоверцев. В целом, в большинстве своем мусульманское приходское духовенство поддержало перепись или из личных побуждений, или по указанию властей, боясь попасть в немилость и потерять духовную должность, и проводило разъяснительную работу по цели переписи в среде единоверцев и нередко выступало в качестве переводчика между русским переписчиком и респондентом-мусульманином. Не послед-

ную роль в этом сыграли циркуляры оренбургского муфтия М. Султанова об оказании содействия статистической кампании¹.

Основная масса татарского крестьянского населения, в силу языкового барьера, слабой социальной коммуникации православно-русской и мусульманско-татарской культурных общностей, низкого правового статуса и изолированности от внешнего мира, относилась с определенным недоверием к новшествам правительства и восприняла известие о предстоящем учете населения с настороженностью. Татарские крестьяне, будучи членами традиционного общества, идеологическим стержнем которого являлась религия, очень болезненно воспринимали и чутко реагировали на различные слухи о предстоящем крещении, на факты полицейского давления при открытии русско-татарских школ в пореформенный период, которые, как правило, воспринимались как попытки власти изменить конфессиональную идентичность местных жителей.

Цель предстоящей переписи была воспринята татарскими сельскими сообществами в нескольких вариантах, самыми радикальными среди которых были следующие предположения.

1) Перепись является продолжением или новым этапом школьной политики по аккультурации и русификации подрастающего поколения.

Первый случай рассмотрим на примере отчета председателя Мензелинской уездной переписной комиссии М.М. Останкова, который, прибыв в дер. Амиеево Уфимской губернии 3 января 1897 г. по поручению губернатора, увещевал местных жителей и доказывал нелепость слухов о крещении. Собравшиеся заявили, что «собственно говоря и не думают, что их будут крестить, но убеждены, что последствием переписи будет уменьшение их прав и без того уже во многом ограниченных, что всем объяснениям должностных лиц они не доверяют, так как думают, что ни их муфтий, ни должностные лица целей переписи не знают». Из услышанного М.М. Останков сделал вывод о том, что «беспорядки эти не есть следствие недоразумений или боязни населения, что их будут крестить, а плод агитации извне; принимая же во внимание, что в настоящее время в Мензелинске проходит ярмарка, на которую съезжаются магометане со всех концов России, следует предположить, что агитация поддерживается лицами, приехавшими на ярмарку»².

Мы полагаем, что на Мензелинской ярмарке был оглашен текст прокламации, прочитанной в начале января 1897 г. на сельском сходе в дер. Большие Нырты Мамадышского уезда Казанской губернии, созванном по поводу статистической операции. Местному мулле Хайрулле Абдулгалееву, пришедшему агитировать за перепись, пришлось под давлением народа прочитывать вслух прокламацию, содержание которой он немедленно сообщил вла-

¹ Загидуллин И.К. Татары Казанской губернии и перепись 1897 года. Казань, 2000. С. 32.

² РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 245. Л. 411–411 об.

стям. В бумаге было написано примерно следующее: «Крестьяне магометанского вероисповедания, вас принуждают к всеобщей переписи, в которую хотят вписать ваших детей и обозначить сколько им лет; это для того, что их будут насильно от вас брать и учить русской грамоте, а после этого начнут крестить; но вы стойте за свою веру, не соглашайтесь на перепись; знайте, что вы теперь остались одни потому, что муллы еще в 1870 году за деньги подписались и перешли в русскую веру и если вы какими-то мерами освободитесь от переписи, то она более не повторится; тогда будете жить опять по старому; а если остаться не записанными в переписные листы будет никак нельзя, то когда придут к вам счетчики и станут вас и семейства ваши записывать, то им отвечайте: детей русской грамоте учить не желаете, чтобы ваши муллы, а также ахуны, муллы в духовном совете (Оренбургском магометанском духовном собрании. – *И.З.*) и сам муфтий знали бы русскую грамоту. Если счетчик скажет, что он этого писать не будет, то требуйте, чтобы он составил протокол и передал его начальству, чтобы было известно Государю Императору; мы Ему подавали два прошения, но их задерживали на почте; об этой переписи Государю ничего не известно, потому что его подписи на бумагах нигде нет». Согласно словам муллы, кроме того, в бумаге было написано много разных «глупостей», которые он не запомнил. В конце прокламации значились фамилии казанских купцов: Юнусова (имя не упомянуто), Измаила Бурнаева и Ахмета Хусаинова. После прочтения прокламации мулла объявил о своем намерении взять этот лист домой, «поскольку он недостаточно освоил ее содержание». Сельский сход в категорической форме потребовал возврата бумаги³.

Татарская буржуазия Казани решила использовать волнения крестьян для воздействия на российскую власть посредством организации кампании подачи прошений с напоминанием главных требований мусульман. Перепись была ею представлена как логическое продолжение правительственных мер по ассимиляции татар. Проводилась определенная организационная работа, распространялись прокламации с призывом бойкотировать перепись во имя защиты ислама, организовать петиционную кампанию, «не слушаться» духовных лиц, подавать прошения в иностранные представительства в России с целью обратить внимание европейского международного сообщества и Османского государства на ущемление прав мусульман.

Движение по подаче прошений в Казанской губернии, если исходить из даты их составления, охватил период с 30 декабря 1896 г. по 17 января 1897 г. В начале января по селениям разъезжали специально посланные из Казани ходоки-курьеры, которые призывали прислать уполномоченных к 7 января для подачи прошения. К этому числу было составлено лишь несколько про-

³ Загидуллин И.К. Татары Казанской губернии и перепись 1897 года. Казань, 2000. С. 146–147.

шений. В подаче петиций приняли участие три городские махалли (2 – из Казани и 1 – из Тетюш) и 218 сельских обществ. Всего было подано 121 прошение. Петиционная кампания охватила 9 из 10 уездов, в которых проживали татары. В Тетюшском (75) и Лаишевском уездах (30) в кампании участвовало около половины, в Спасском уезде (18) – более 1/3 мусульманских обществ. В Царевококшайском уезде 17 сельских обществ оформили свои просьбы в четырех прошениях. Из Казанского уезда в адрес председателя Губернской переписной комиссии поступило одно прошение от жителей сразу пяти волостей, что свидетельствовало об определенном уровне организации мероприятия.

Прошение крестьян дер. Большой Айбаш Студёно-Ключищенской волости Казанского уезда было составлено после завершения учета населения. Основываясь на 2-м пункте брошюры «Первая всеобщая перепись населения Российской империи» о том, что учет населения проводится с целью устройства в селениях пунктов для врачебного персонала и для устройства сельских школ, доверенные просили:

- оставить в прежнем положении их медресе;
- не строить учебных заведений с преподаванием русской грамоты для мусульманского населения;
- не обучать татарских детей русской грамоте «подневольно» и не отдавать в русские школы;
- изъять мектебе и медресе из ведомства Министерства народного просвещения;
- освободить кандидатов в муллы от обязательного знания русской грамоты⁴.

Все эти требования, по сути, сводились к реанимации социокультурной ситуации в мусульманском сообществе до введения «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. Иначе говоря, в них отчётливо выражено стремление к отмене новшеств по претворению в жизнь положений вышеуказанных «Правил»⁵.

2) Перепись – эта мера для использования правительством собранных сведений о мусульманах в ближайших русификаторских намерениях.

Перевод розданной мусульманским обществам брошюры о переписи, где разъяснялись ее цель, задачи и порядок проведения, оказался неудачным – он не учитывал менталитет сельского населения. В частности, много разночтений вызвало предложение «Точно так же и при устройстве школ Правительству необходимо знать, сколько в каждой волости и большом селении детей школьного возраста». Как известно, практически во всех татарских селениях действовали мектебе, открытие новых начальных учебных заведений было

⁴ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10495. Л. 32–32 об.

⁵ ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 815. Л. 64–64 об.

актуально для русских селений. Под «школой» татары традиционно понимали русские начальные или русско-татарские училища. Получалось так: если в каждом татарском селении есть мектебе, то подсчет детей школьного возраста необходим для открытия русской «школы». В частности, в прошении татар дер. Сухие Курманы Спасского уезда Казанской губернии, адресованном министру внутренних дел, эти моменты были изложены следующим образом: «...в этих школах будут преподавать исключительно русский язык ... обязательно заставят детей наших изучать только его ... что может привести к тому, что они не будут знать родного языка, и в силу этого должны будут отпасть от веры своих отцов, что для всякого нежелательно. Как сказано в тех же брошюрах, детей будут брать с 7-летнего возраста, но по Шариату нашего Алкорана дети мусульман обязаны исполнять религию с 15-летнего возраста, и если допустить с 7-летнего возраста к русской грамоте, то они не будут знать своей родной религии. Другие говорят, что будут приглашать в школы этих членов миссионерского общества, а это уже совсем должно привести к только что изложенному опасению...»⁶.

3) *Во время переписи, воспользовавшись тем, что многие татары не знают русского языка, их могут записать христианами.*

В Уфимской губернии волнение среди мусульман, представителей упрздненного Башкирского войска (башкир, мещеряков и тептяр), приписанных в 1865 г. к сельскому податному населению, вызвала графа переписного листа о сословной принадлежности. Дело в том, что мусульмане отождествляли слово «крестьянин» с термином «христианин». В «исключительных случаях для успокоения умов местного населения и для обеспечения беспрепятственного производства переписи» циркулярным предписанием за № 769 от 28 декабря за 1896 г. губернатор Н. Богданович разрешил записывать в 4-й графе переписного листа представителей бывшего башкирского сословия (башкир, мещеряков и тептяр) «башкирами» вместо «крестьян»⁷.

С момента появления в конце декабря 1896 г. переписчиков в населенных пунктах события развивались по двум сценариям. В тех сельских обществах, где счетчиками были мусульмане, перепись начиналась спокойно. Однако до завершения статистического учета под воздействием различных слухов жители начали требовали прекратить работу или просили счетчика не сдавать администрации заполненные переписные листы до завершения переписи в соседних селениях. В некоторых случаях, благодаря воздействию авторитетных односельчан, перепись удавалось довести до конца.

⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 181. Л. 106 об.

⁷ Загидуллин И.К. Особенности проведения в Уфимской губернии Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. Т. 10. № 2. С. 133.

В местностях, где наблюдались волнения, наиболее типичным был другой сценарий, зафиксированный в делопроизводственной документации властей: «Татарское население ... сильно волнуется и заявляет, что счетчиков для производства переписи оно не допустит и никаким разъяснениям и объявлениям начальства не верит. Независимо от сего предупреждение дает через сельских старост и мулл, чтобы никто из административных лиц и счетчиков в деревни лучше не являлись, под опасением со стороны населения какого-либо насилия. Сельским старостам и муллам татары приказывают не брать от начальства каких-либо бумаг, грозя им возмездием за принятие таковых».

По неполным данным, выступления татарского населения происходили в 85 волостях Казанской губернии и охватили 422 селения. В Спасском и Свияжском уездах в бойкоте участвовали практически все сельские общества. Сплочённостью и массовостью отличались действия татарских крестьян Казанского уезда (около 80% селений). Когда общественная ситуация в ряде местностей вышла из-под контроля, для подавления самоуправства сельских обществ были сформированы три карательных отряда. Первый (батальон солдат) под руководством вице-губернатора с 10 января прошёл по селениям Мамадышского, Лаишевского, Спасского и Тетюшского уездов, производя наказание участников розгами и аресты активистов сопротивления, публично демонстрируя «безусловную необходимость подчиниться царской воле». Второй карательный отряд (3 роты солдат) под руководством губернатора П.А. Полторацкого с 19 по 30 января производил аресты и экзекуции в селениях Казанского, Царевкокшайского и Цивильского уездов. Третья команда (160 штыков и 7 офицеров), прибыв 14 января в Чистополь, обеспечила проведение переписи среди татар уездного города. С 19 по 30 января при содействии этого вооружённого формирования в Чистопольском уезде местные власти арестовали 254 крестьянина, на которых впоследствии были заведены уголовные дела, большинство из них было наказано. Экзекуция не проводилась.

Жестокие экзекуции и подавление сопротивления сельских обществ с использованием военных отрядов в 8 из 10 уездов, где проживало татарское население, сыграли решающее значение в проведении переписи в срок в Казанской губернии⁸.

Не допустил проведения предварительной переписи в декабре 1896 г. ряд татарских сельских обществ Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губернии. Чтобы запугать татарское население, елабужский уездный исправник без суда и следствия арестовал 11 января 70 крестьян окрестных дере-

⁸ Загидуллин И. К. Перепись 1897 г. и татары Казанской губернии. Казань, 2000. С. 166–213.

вень, прибывших на базар в уездный город, что позволило завершить перепись в уезде к 17 января⁹.

В Уфимской губернии мусульманское население Мензелинского, ряда селений Уфимского, Златоустовского, Бирского и большей части деревень Белебеевского уездов отказывалось давать сведения, не допускало переписчиков «к пробному заполнению переписных листов». Только благодаря активной разъяснительной работе администрации и духовенства удалось избежать открытых столкновений. В Куручевской волости Белебеевского уезда несколько сотен человек совершили нападение на земского начальника, которого спасло от истязания местное духовенство. В дер. Ахметьево Мензелинского уезда был избит земский начальник, в дер. Меля-Тамак – становой пристав. С прибытием войсковых частей волнения в западных волостях Белебеевского уезда прекратились, и перепись была продолжена. Две роты солдат были переброшены в Мензелинский уезд, здесь они находились с 9 по 18 января: первая под руководством вице-губернатора прошла по всем протестующим населенным пунктам северо-восточных и северных волостей, вторая под руководством уездного исправника действовала в западных и южных волостях. В одном из татарских селений вице-губернатор приказал провести публичное телесное наказание 15 упорствующих крестьян. В других селениях экзекуция не проводилась. Вместе с отрядами разъезжали прокурор Уфимского окружного суда и группа судей, которые проводили следственные мероприятия и арестовали около 100 человек.

Для устрашения трех десятков татарских сельских обществ (около 45 тыс. чел.) Бугульминского уезда самарский губернатор прибыл с военным отрядом (4 роты), солдаты были посланы также для усмирения неповинующихся властям жителей дер. Боровка Ставропольского уезда губернии.

Использование военных формирований, публичные жестокие экзекуции в ряде уездов сыграли решающее значение в проведении переписи в установленные сроки¹⁰.

Итак, главной угрозой в переписи 1897 г. татары видели не языковой, а религиозный фактор. Под влиянием слухов о предстоящем крещении мусульман наблюдалась новая волна религиозно-общинной консолидации, характеризовавшейся проведением организационных мероприятий, мобилизацией на бойкот всех членов общины, включая сельских старост и сотских, а также нередко и приходского духовенства. В критический момент для общины муллы, боясь расправы или потери места службы, не желая быть обвиненными в предательстве общественных и религиозных интересов прихода,

⁹ Мәрданов Р. 1897 елгы халык исәбен алу һәм Алабуга өязе мөселман татарлары // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2007. № 1. Б. 51–53.

¹⁰ Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань, 2014. С. 344–359.

подчинялись мнению большинства. Однако перед местной администрацией они оправдывались, сообщая о поступивших от прихожан угрозах и/или фамилии активистов бойкота правительственному мероприятию.

Таким образом, религиозная мобилизация произошла вследствие восприятия татарским сообществом всеобщей переписи 1897 г. как угрозы для конфессиональной идентичности. Такое однобокое представление о переписи сложилось под влиянием, по крайней мере, трех факторов.

1. Прежде всего, предвзятое отношение к тотальному статистическому учету населения явилось следствием русификаторской политики правительства прежних десятилетий. Правительственные мероприятия первой половины 1890-х гг., заключавшиеся во введении: с 1891 г. в округе Оренбургского магометанского духового собрания (ОМДС) русского образовательного ценза для кандидатов на должности мулл и членов Духовного собрания; предписания учебного ведомства от 30 июня 1891 г. о передаче управления школами в распоряжение дирекций народных училищ, что привело к увеличению контактов чиновников с мугаллимами и мударрисами (посещение школ и запросы статистических сведений о численности и составе учащихся и преподавателей и т.д.); циркуляра Министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г. об изъятии из мектебов и медресе рукописных учебных пособий и печатных религиозных книг, не прошедших русскую цензуру, и о запрете обучавшимся в заграничных исламских образовательных центрах российским подданным преподавать в местных религиозных школах способствовали формированию общественного мнения об антиисламской деятельности имперских структур и ущемлении своих религиозных прав. В этой связи также большой резонанс вызвала деятельность цензора Смирнова по вычеркиванию из религиозных книг цитат из Корана под предлогом «нелояльности» их содержания православной державе. Также следует особо отметить приказ атамана Оренбургского казачьего войска от 9 сентября 1892 г. о закрытии всех мектебе – под предлогом того, что они мешают мусульманам-казачатам осваивать русскую грамоту, и запрете мальчикам их посещения. Вместо этого им разрешалось обучаться основам ислама в станичных и поселковых русских школах три раза в неделю, в особо назначенные дни¹¹.

Ответной защитной реакцией мусульман явилась массовая петиционная кампания 1892–1894 гг. с просьбами об отмене циркуляра учебного ведомства от 10 июля 1892 г., прекращении практики исправления цензором текстов священного Корана, а также развернувшееся движение мухаджиров в Османское государство, жестко пресеченное правительственными структурами в 1894 г. по указанию императора Александра III.

¹¹ Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань, 2014. С. 256–276.

Вторым важнейшим фактором явилось проживание основной массы татар и башкир в аграрном регионе по нормам традиционного общества, замкнутость национального крестьянства, незнание большинством мусульман-хлебопашцев русского языка и грамоты, отсутствие периодических изданий на родном языке, которые, в конечном счете, способствовали формированию информационного вакуума, который заполнялся различными слухами.

Третий фактор – это издержки работы властных структур по организации и проведению переписной кампании, вызванные ее новизной, тотальным характером и короткими сроками проведения, с одной стороны, и языковым барьером и неумелыми действиями местных чиновников, с другой.

Наложение друг на друга вышеназванных трех факторов выразилось в нежелании части сельских жителей услышать администрацию и воспринять ее аргументы об истинной цели статистического мероприятия, что трансформировалось в отказ подчиниться власти под предлогом защиты ислама и своей конфессиональной идентичности.

Таким образом, различное понимание конечной цели переписи привело к разнонаправленной мобилизации мусульман в период подготовки и проведения статистической операции. Татарское традиционное религиозное общество «закрылось». А знающая русский язык и открытая к преобразованиям часть татар оказывала содействие властям, проводила разъяснительную работу среди единоверцев и выступила переводчиками и переписчиками.

Перепись 1897 г. впервые поставила перед мусульманами вопрос о родном языке, предложив свой перечень тюркских языков, означавший, что другие варианты ответов будут проигнорированы. В «Алфавитном списке народов, обитающих в Российской империи» (1895 г.), созданном в преддверии всеобщей переписи в качестве справочника для ее организации и проведения, татарам для обозначения родного языка, через который предполагалось определять национальность и этническое самосознание мусульман Волго-Уральского региона, были предложены три языка: «мещерякский», который был диалектом татарского языка; не существовавший в действительности «тептярский» язык и, наконец, татарский язык¹². Таким образом, государство не только взяло курс на формирование этнической идентичности своих подданных, но и навязало выбирать себе идентичность в рамках предложенных вариантов «родного языка».

Высказанные в 1897 г. разные варианты именования татарами родного языка не выступали разъединяющим фактором этноконфессионального сообщества, потому что самоидентификация проходила, главным образом, по религиозному принципу. В конце XIX в. в татаро-мусульманском сообществе

¹² Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 148.

язык – по сравнению с религией – считался второстепенным элементом этноконфессионального сообщества¹³. Это – во-первых. Во-вторых, вследствие отсутствия национальной периодической печати в Волго-Уральском регионе вопрос о наименовании языка для национальной интеллигенции не имел принципиального значения. В-третьих, переписные листы составлялись в домах/квартирах респондентов: ответ на вопрос о родном языке был личным делом каждого опрашиваемого. Ситуация изменилась после издания обобщенных данных переписи 1897 г. по губерниям, когда стали рассуждать о численности татар, мещеряков и тептяр.

Наиболее рельефно разнонаправленность мобилизации отдельных групп проявилась после завершения переписи. Уже накануне или в дни проведения учета населения уполномоченные татарских обществ выехали в Османское государство со списками единоверцев, желающих покинуть историческую родину. В 1897 г., согласно сведениям исправника Бугульминского уезда, к отъезду готовились 272 чел. Всего по Самарской и Уфимской губерниям планировали эмигрировать в Турцию 395 семей. Первую группу переселенцев из Самарской и Уфимской губерний в количестве 448 чел. в 1898 г. власти не выпустили из империи и вернули обратно в свои селения. А второй группе в количестве 373 чел., получивших паспорта, дали возможность уехать в Самсун¹⁴.

Больше всего бонусов от переписи получили джадидисты. Их мнение о том, что статистическое мероприятие не принесет вреда мусульманам и исламу, полностью подтвердилось. В этом смысле перепись населения 1897 г. можно признать важной моральной победой джадидистов над традиционалистами.

Массовое сопротивление тотальному учету населения произвело на председателя ОМДС огромное впечатление. Стало очевидным, что антиправительственное социальное поведение единоверцев создавало почву для обвинения их в фанатизме, что было бы равнозначно публичному заявлению о политической нелояльности конфессиональной группы российских подданных правящему режиму, чреватого усилением недоверия к мусульманскому сообществу в целом и затруднением полнокровного функционирования исламских институтов – в частности.

¹³ Давлетшин К.Д. Нации и ислам (Критика философско-теологических концепций о единстве наций и ислама). Казань, 1986. С. 54.

¹⁴ Гусева Ю.Н. Миграция средневожских мусульман на рубеже XIX – начале XX вв.: причины, обстоятельства, последствия (из истории общин Самарской и Нижегородской губерний) // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.) / Сост. и отв. ред. Стефан А. Дюдуаньон, Ксавье Ле Торривеллек, Ольга Н. Сенюткина. Нижний Новгород, 2012. С. 242.

Этот тезис отчетливо присутствует в письме муфтия М. Султанова от 4 января 1897 г., адресованном ахуну Бугульминского уезда Самарской губернии Гильману Каримову: «В тех краях среди народа, оказывается, имеются некоторые сомнения о переписи. Их постарайтесь каким-то образом прекратить. Иначе настанет конец света. Независимо от сопротивления ряда деревень проведение переписи не перенесут. Это правительство знает и не будет спрашивать, как их утихомирить. За один час завершит (подчинение). Однако нам ислам очень дорог и ценен. Поэтому стараемся, чтобы не упала слеза ни из одного глаза. Для того, чтобы спасти мусульман от катастрофы, мы должны стараться. Поэтому и вы, сосредоточив внимание, постарайтесь не допустить бунт (фетна), постоянно увещивайте. Если один не осознает, то другой поймет. В конце концов, перед Аллахом не останемся должниками, т.е. чтобы была надежда сказать: мы говорили, а нас не послушались»¹⁵.

Массовое неповиновение мусульман также свидетельствовало о чрезвычайной слабости влияния оренбургского муфтия, Духовного собрания и приходских духовных лиц на сельское население в периоды социальных обострений. Для исправления возникшей неблагоприятной ситуации требовались новые подходы и механизмы.

Таким образом, после массового бойкота переписи 1897 г. модернизация мусульманского сообщества приобрела новое смысловое содержание, которое перекликалось, с одной стороны, с вопросом лояльности традиционных обществ к новшествам и реформам власти, с другой – со слабостью влияния духовенства на местных жителей в периоды. Необходимость обновления общественной жизни и изменение социального поведения членов мусульманских общин стали восприниматься как социокультурные и общественно-политические задачи. Новый взгляд способствовал активизации просветительской деятельности председателя религиозного управления и модернистов на рубеже XIX–XX вв.

Важно отметить, что до 1897 г. оренбургский муфтий воздерживался от встреч с приходскими духовными лицами для обсуждения вопроса о необходимости распространения новометодного образования¹⁶. Лишь в своих частных письмах отдельным «надежным» мусульманам он высказывался за обновление в сфере школьного образования. По этому поводу сторонник джадидистов купец Гани Хусаинов сообщал в феврале 1898 г., что муфтий и за-

¹⁵ Фатых Карими. Фэнни-биографик жыентык / төз. авторлар Раиф Мәрданов, Рамил Миннуллин, Сөләйман Рәхимов. Казан: «Рухият», 2000. Б. 31.

¹⁶ Ибраһим Г. Бөгрәделек көндәлеге / кереш сүз, факсимиле һәм гарәп транскрипциясе Ә. Бостанов, татарчага тәржемәсе Д. Гыйльметдинов. Казан, 2013. Б. 137.

седатели ОМДС боятся составить постановление о введении новометодного образования в мусульманских начальных школах¹⁷.

После завершения Первой всеобщей переписи населения социальное поведение муфтия и казыев изменилось в лучшую сторону, что выразилось, прежде всего, в фетве М. Султанова от 6 сентября 1897 г. с призывом перестать быть равнодушными и, независимо от того, кем является мусульманин – муллою или простым крестьянином, принимать более активное участие в общественно значимой деятельности. Имамы обязаны были наставлять прихожан на их родном языке, не используя арабские и персидские слова.

М. Султанов призывал обращать серьёзное внимание на содержание мечетей. Большой социальной проблемой он также обозначил постоянную заботу о могилах родных и близких и самих кладбищах.

Важнейшей задачей муфтий определил обязанность каждого родителя и опекуна заботиться о получении детьми школьного образования и об их нравственном воспитании, о чём имамы должны были вести беседы с прихожанами – ответственными за создание надлежащих условий в местном учебном заведении. Иначе говоря, посредством тесного сотрудничества духовенства и прихожан муфтий обязывал строить учебные здания, соответствующие современным требованиям образовательной деятельности, осуществить тотальный охват мальчиков начальным образованием. Согласно фетве, преподавательская деятельность отныне становилась обязанностью муллы. Новым словом также следует признать и призыв М. Султанова к мугаллимам обучать в мектебе и медресе лишь нужным для жизни знаниям, обращать особое внимание на грамотное и каллиграфическое письмо.

6 января 1898 г. в Уфе с согласия муфтия и по инициативе заседателей религиозного управления Хасангаты Габаши и Ризаэддина Фахретдина была учреждена неофициальная организация «Ислах лисан төрки, ислах мәктәп һәм нәшир мәгариф эл-мөслимин» («Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновленных учебно-методических пособий») – первая общественная организация, вызвавшаяся решать насущные общенациональные проблемы, а именно: реализацию реформы в области совершенствования тюрко-татарского языка, учебно-методическое обеспечение джадидистской четырехлетней начальной школы, издание научно-популярных книг-наставлений на доступном для простого народа языке о новых профессиях.

15–17 июня того же года в Уфе состоялось неофициальное совещание, созванное данным обществом. Р. Фахретдин впоследствии писал, что в Уфе собрались интеллигенты, получившие образование в русских учебных заве-

¹⁷ Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / Төз. М.Ф. Рахимкулова. Оренбург, 1998. Б. 36.

дениях, шакирды, обучавшиеся в Стамбуле, имамы, мударрисы, выпускники медресе Средней Азии, учителя русско-мусульманских школ, студенты высших учебных заведений, купцы, которые впервые совместно обсуждали общенациональные проблемы. География участников съезда была обширной: представители сильных татарских городских общин Казани, Уфы, Оренбурга, Троицка, Орска, Петропавловска, Семипалатинска, Саратова, Бузулука, Сеитова Посада, мударрисы известных медресе д. Иж-Бобья Вятской губернии, «Мухаммадия», «Хусаиния» и др.

Одним из основополагающих документов, принятых под воздействием данного совещания, следует признать наставление М. Султанова «О приложении старания к прогрессированию мусульман» от 25 августа 1898 г. за № 5253, адресованное городским имамам.

Муфтий впервые заявил, что имамы призваны распространять среди населения передовые идеи, они, по сути, продолжатели дела пророка Мухаммада и его сподвижников в современном мусульманском сообществе и что результаты их стараний нужно определять по тому, как изменяются в лучшую сторону нравственность и духовность народа. Призыв прихожан к следованию по праведному пути является прямой обязанностью имамов, заявил муфтий, поэтому если не каждую пятницу, то хотя бы 2 раза в месяц следует произносить соответствующие современной эпохе проповеди, приводя цитаты из Корана и Сунны, на максимально понятном для каждого языке. В заключение М. Султанов выразил надежду, что приходские имамы приложат усердие к выполнению его «желаний прогресса»¹⁸.

Итак, статистическое мероприятие 1897 г. послужило своеобразным тестом на определение степени восприятия крестьянами новшеств правительства, продемонстрировало их закрытость к социальному взаимодействию с властями и общественными силами, подтолкнуло членов ОМДС и разрозненные силы, которые доселе группировались вокруг газеты «Тарджеман», создать свой общественный координационный центр в Уфе по реализации мероприятий модернизации мусульманского сообщества. Хотя после первого съезда этой организации (июнь 1898 г.) больше собраний не проводилось, тем не менее были определены приоритетные направления и началась планомерная работа по просвещению народа и по обеспечению учебно-методического сопровождения начальной джадидской школы.

Таким образом, общественные события конца 1896 – начала 1897 гг., связанные с проведением Первой всеобщей переписи населения, способствовали мобилизации различных групп мусульман и, по сути, подготовили по-

¹⁸ Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань, 2014. С. 362–370.

следующее пробуждение нации в период Первой русской революции 1905–1907 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давлетшин К.Д. Нации и ислам (Критика философско-теологических концепций о единстве наций и ислама). Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 199 с.
2. Г. Ибраһим. Бөгрәделек көндәлеге / кереш сүз, факсимиле һәм гарәп транскрипциясе Ә. Бостанов, татарчага тәржемәсе Д. Гыйльметдинов. Казан, 2013. 137 б.
3. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10495.
4. ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 815.
5. Гусева Ю. Н. Миграция средневожских мусульман на рубеже XIX – начале XX вв.: причины, обстоятельства, последствия (из истории общин Самарской и Нижегородской губерний) // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.) / Сост. и отв. ред. Стефан А. Дюдуаньон, Ксавье Ле Торривеллек, Ольга Н. Сениюткина. Нижний Новгород: изд-во НГЛУ, 2012. С. 239–250.
6. Загидуллин И.К. Татары Казанской губернии и перепись 1897 года. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 223 с.
7. Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.
8. Загидуллин И.К. Особенности проведения в Уфимской губернии Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. Т. 10. № 2. С. 123–133.
9. Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: «Иман», 1997. 80 с.
10. Мәрданов Р. 1897 елгы халык исәбен алу һәм Алабуга өязе мөселман татарлары // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2007. № 1. С. 47–58.
11. Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 147–158.
12. РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 181.
13. РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 245.
14. Фатыйх Кәрим. Фәнни-биографик жьентык / Төз. авторлар Раиф Мәрданов, Рамил Миңнуллин, Сөләйман Рәхимов. Казан: «Рухият», 2000. 320 б.
15. Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / Төз. М.Ф. Рахимкулова. Оренбург, 1998. 259 с.

Сведения об авторе: Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: zagik63@mail.ru

**FIRST UNIVERSAL POPULATION CENSUS IN 1897
AND ISSUES OF MOBILIZATION OF THE MUSLIM
COMMUNITY IN THE VOLGA-URAL REGION**

Il'dus K. Zagidullin

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article highlights the processes of mobilization among the jadids and traditionalists during the preparation and conduct of the First general population census of 1897. If modernists perceived the census as a collection of statistical information on population, then rural Muslims interpreted its purpose in different ways, among which the most radical were the following: 1) the census was a continuation or a new stage of school policy on acculturation and Russification of the younger generation; 2) the census was a measure for the government to use the collected information about Muslims in the next Russification intentions; 3) during the census, taking advantage of Tatars' illiteracy in Russian, they could write down them as Christians.

The author states that different understanding of the ultimate goal of the census led to a multidirectional mobilization of Muslims. The Tatar traditional religious society "closed". And the part of Tatars, who knew the Russian language and were open to transformations, assisted the authorities, carried out explanatory work among fellow believers, and acted as translators and scribes.

The article determines the degree of importance for Muslims of the Volga-Ural region of questions about religion and native language.

It is noted that after the mass boycott of the 1897 census, the modernization of the Muslim community acquired a new semantic content, which echoed, on the one hand, with the issue of loyalty of traditional societies to innovation and government reforms, and on the other hand, with the weakness of the clergy's influence on local residents during periods of extreme. The need to renew public life and change the social behavior of members of Muslim communities began to be perceived as a socio-cultural and socio-political task. The view contributed to the activation of the educational activities of the chairman of the religious administration and modernists at the turn of the nineteenth and twentieth centuries.

Keywords: first general population census of 1897, Muslim community of the Volga-Ural region, Orenburg mufti M. Sultanov, modernization of Islam, peasant unrest

About the author: Il'dus K. Zagidullin – Dr. Sci. (History), Head of the Department of New History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: zagik63@mail.ru

РЕШЕНИЕ
КРУГЛОГО СТОЛА
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП
НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII–XIX ВВ.»

По итогам конференции и специализированного научного круглого стола в связи с выявленной методологической и концептуальной неразработанностью темы принято решение о создании совместными усилиями, с привлечением дополнительных специалистов, научно-исследовательского проекта. Для его реализации сформировать проектную группу.

Целью научно-исследовательского проекта является планомерное и комплексное изучение вопросов, связанных с формированием и генезисом социальной структуры полиэтнического населения Волго-Уралья и Сибири в XVI – начале XX вв., а также анализ роли традиций и правовых норм «домосковского» периода в развитии социальных институтов в этой историко-культурной области.

В целях реализации проекта планируется осуществить подготовку и издание отдельного коллективного научного труда (в нескольких томах), посвященного широкому спектру источниковедческих и историографических вопросов по истории сословий, социальной стратификации, а также анализ и презентацию отдельных исторических документов. Предварительным названием проекта принята следующая формулировка: «Социальные категории населения Волго-Уралья и Сибири в XVI – начале XX вв.: формирование и развитие».

Решением вышеобозначенного научного собрания общим координатором по сбору пожеланий и предложений по вопросам формирования, общей структуре, форме и объему планируемой работы, руководителем проекта назначен *Радик Равильевич Ишakov* (доктор исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, e-mail: ishakovist@gmail.com)

THE DECISION
OF THE ROUND TABLE HELD WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE ALL-RUSSIAN RESEARCH CONFERENCE
“FORMATION AND DEVELOPMENT OF ETHNO-SOCIAL GROUPS AMONG
THE PEOPLES OF THE VOLGA-URAL REGION AND WESTERN SIBERIA
FROM THE SEVENTEENTH TO THE NINETEENTH CENTURY”

The decision to create (by joint efforts and with the involvement of additional specialists) a research project was made following the results of the conference and a specialized round table and in connection with the realization that this topic remains undeveloped from a methodological and conceptual point of view.

The aim of the research project is a systematic and comprehensive study of issues related to the formation and genesis of the social structure of the multiethnic population in the Volga-Ural region and Siberia from the sixteenth to the beginning of twentieth century, as well as an analysis of the role of traditions and legal norms in the development of social institutions in this historical and cultural area during the “pre-Muscovite” period.

The preparation and publication of a separate collective work (in several volumes) is planned to be carried out in order to implement the project. This publication will be devoted to a wide range of source study and historiographic issues related to the history of estates and social stratification. Also, the analysis and presentation of individual historical documents will be carried out within the framework of the project. The following wording was adopted as the preliminary title of the project: “Social Categories of the Population in the Volga-Ural Region and Siberia from the sixteenth to the beginning of twentieth century: Formation and Development”.

By its decision, the aforementioned academic meeting appointed *Radik Ravilievich Iskhakov* (Dr. Sci. (History), Head of the Center for the Study of History and Culture of the Tatars-Kryashens and Nagaybaks, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, e-mail: ishakovist@gmail.com) as both a general coordinator for collecting wishes and proposals on issues of formation, general structure, form, and volume of the planned work, as well as the project manager.

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания. Любое
использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

**СИСТЕМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ
НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
XVI–XIX вв.**

Выпуск 1

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина*

Подписано в печать 22.09.2021 г. Формат 70×100¹/₁₆

Усл. печ. л. 28,0 Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
пгт. Северный, ул. Березовая, 1/12
Тел./факс: (4722) 300-720, <https://konstanta-print.ru>

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:

<http://татаровед.рф/departments/6>

<http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/>

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств

Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

<http://татаровед.рф/departments/6>